

Министерство образования Республики Беларусь
Белорусский государственный университет
Юридический факультет

Молодежная юридическая наука Alma Mater – 2022

Материалы международной научной конференции студентов,
магистрантов и аспирантов
Минск, 10–11 ноября 2022 г.

Минск
2023

Решение о депонировании вынес:
Совет юридического факультета
Протокол № 8 от 22 мая 2023 г.

Редакционная коллегия:

- А. В. Шидловский (отв. ред.), кандидат юридических наук, доцент;
Н. А. Антанович, доктор юридических наук, профессор;
Г. А. Василевич, доктор юридических наук, профессор;
Л. Л. Голубева, кандидат юридических наук, доцент;
С. А. Калинин, кандидат юридических наук, доцент;
Т. М. Киселёва, кандидат юридических наук, доцент;
Л. А. Краснобаева, кандидат юридических наук, доцент;
Т. И. Макарова, доктор юридических наук, профессор;
М. В. Мещанова, доктор юридических наук, доцент;
Т. В. Наумович, старший преподаватель;
О. Н. Романова, кандидат юридических наук, доцент;
А. Л. Савенок, доктор юридических наук, профессор; В. В. Саскевич,
кандидат юридических наук, доцент; Е. А. Свадковская, кандидат
юридических наук, доцент;
М. Г. Тумелевич, старший преподаватель.

Рецензенты:

Щербик Д. В., кандидат юридических наук, доцент, председатель Совета по
НИРС юридического факультета БГУ, доцент кафедры теории и истории
государства и права юридического факультета БГУ;

Ладутько В. К., кандидат юридических наук, доцент, начальник центра
системного анализа Белорусского государственного экономического
университета.

Молодежная юридическая наука Alma Mater – 2022 : материалы
междунар. науч. конференции студентов, магистрантов и аспирантов, Минск,
10–11 ноября 2022 г. / БГУ, Юридический фак. ; [редкол.: А. В. Шидловский
(отв. ред.) и др.]. – Минск : БГУ, 2023. – 663 с.

В сборнике помещены тезисы докладов и сообщений студентов,
магистрантов и аспирантов юридического факультета БГУ и других высших
учебных заведений Республики Беларусь и зарубежных стран,
представленные на международной научной конференции «Молодежная
юридическая наука Alma Mater – 2022».

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Сухопаров В. П.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВСЕБЕЛОРУССКОГО НАРОДНОГО СОБРАНИЯ

*Сухопаров Виктор Павлович, аспирант 3 г. обуч. юридического факультета
Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
SukhparauVP@bsu.by*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Шаршун В. А.

С внесением в Конституцию Республики Беларусь изменений и дополнений по результатам республиканского референдума 2022 г. Основной Закон белорусского государства был дополнен, в частности, новой главой, посвященной Всебелорусскому народному собранию (далее – ВНС). Согласно ст. 89¹ Конституции ВНС является высшим представительным органом народовластия Республики Беларусь.

Делегаты ВНС формируют его состав: в силу занятия ими определенных должностей, их назначения, избрания, в том числе в другие государственные органы (к примеру, избираемые народным голосованием депутаты Палаты представителей, назначаемые на должность (должности) Премьер-министр, судьи судов общей юрисдикции); в силу их избрания в качестве делегатов в состав ВНС (это касается делегатов ВНС – представителей местных Советов депутатов от каждой области, а также делегатов ВНС от гражданского общества – избираемых представителей субъектов гражданского общества, участвующих в выборах делегатов ВНС). Указанные особенности формирования состава ВНС объективно влекут за собой необходимость регулирования данных вопросов системой нормативных правовых актов Республики Беларусь, включающей Основной Закон, Избирательный кодекс, а также законы, которые, полагаем, будут приняты по вопросам организации и деятельности ВНС и субъектов гражданского общества. Данный факт учитывается в проекте Закона Республики Беларусь «О Всебелорусском народном собрании» (далее – законопроект «О ВНС»); текст законопроекта представлен на интернет-ресурсе Правового форума Беларуси: https://forumpravo.by/upload/pdf/proekt_zakona_sozdanie_VNS_21102022.pdf).

Согласно ст. 9 законопроекта «О ВНС» делегатами ВНС от местных Советов депутатов являются представители местных Советов депутатов от каждой области, избираемые областными Советами депутатов из числа депутатов местных Советов областного, базового и первичного территориальных уровней, а также депутаты Минского городского Совета депутатов. Следовательно, от областей Республики Беларусь в ВНС будут избираться депутаты местных Советов различных территориальных уровней. Данный подход представляется прогрессивным, поскольку содействует представительству (от области) всех территориальных уровней системы местного самоуправления в ВНС. Наряду с этим наблюдается и ряд проблем

в законопроектном регулировании вопросов формирования состава ВНС делегатами – представителями местных Советов депутатов.

Согласно предлагаемой новой редакции ст. 96² Избирательного кодекса Республики Беларусь (в соответствии с проектом Закона «Об изменении Избирательного кодекса Республики Беларусь», далее – законопроект об изменении Избирательного кодекса, текст законопроекта представлен на интернет-ресурсе [Правового форума Беларуси: https://forumpravo.by/upload/pdf/proekt_zakona_izmen_izbir_kodeksa_21102022.pdf](https://forumpravo.by/upload/pdf/proekt_zakona_izmen_izbir_kodeksa_21102022.pdf)) порядок выдвижения и избрания делегатов ВНС от местных Советов депутатов определяется регламентами местных Советов депутатов с учетом требований законодательства. Однако территориальный уровень местных Советов депутатов, регламентами которых регулируется выдвижение и избрание делегатов не уточняется. С одной стороны, поскольку избирают делегатов от местных Советов депутатов от областей Республики Беларусь областные Советы депутатов, логически следует, что порядок выдвижения и избрания делегатов ВНС от местных Советов депутатов будет регулироваться соответствующими регламентами областных Советов. В то же время в предлагаемой новой редакции ст. 96⁴ Избирательного кодекса Республики Беларусь (согласно законопроекту об изменении Избирательного кодекса) право выдвижения кандидатов в делегаты ВНС принадлежит президиумам местных Советов областного, базового и первичного территориальных уровней. Исходя из этого, логично следует возможность регулирования вопросов выдвижения кандидатов в делегаты регламентами местных Советов депутатов всех территориальных уровней, а не только областного. Дискуссию вызывает также вопрос проведения повторных выборов делегата ВНС от местных Советов депутатов в случае признания Центральной комиссией выборов недействительными, поскольку предлагаемая новая редакция ст. 96⁶ Избирательного кодекса Республики Беларусь (по законопроекту об изменении Избирательного кодекса) предусматривает, что повторные выборы делегата ВНС проводятся от местного Совета депутатов того же уровня в порядке, установленном регламентами местных Советов. Приведенные положения, на наш взгляд, влекут некоторую сложность в вопросе правовой регламентации порядка выдвижения и избрания делегатов от местных Советов депутатов от областей Республики Беларусь. При этом регламенты нижестоящих Советов депутатов, регулирующие рассматриваемые вопросы, могут «блокироваться» регламентами, иными решениями областных Советов депутатов по правилам более высокой юридической силы нормативного правового акта вышестоящего нормотворческого органа (п. 9 ст. 23 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-3 «О нормативных правовых актах», далее – Закон о НПА), а также согласно принципу обеспечения законности (п. 3 ст. 59 Закона Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 108-3 «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь»). Полагаем, в Избирательном кодексе Республики Беларусь следует более четко уточнить виды источников правового регулирования выдвижения и

избрания делегатов от местных Советов депутатов на соответствующих территориальных уровнях системы местного самоуправления.

Особого внимания в рамках анализа деятельности ВНС заслуживает принятие им решений для реализации возложенных на него конституционных функций. Законопроект «О ВНС» (ст. 28) совершенно точно классифицирует решения данного органа, принимаемые в пределах его компетенции, на решения нормативного характера и иные решения. Это связано с тем, что в своей деятельности ВНС уполномочен осуществлять полномочия как нормотворческого, так и управленческого (исполнительного) характера и иного правоприменительного характера. Данный факт определяет особое место ВНС в системе государственной власти и указывает на его отличия от законодательной, исполнительной и судебной ветвей.

На сегодняшний день Закон Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» еще пока не претерпел изменений в отношении определения юридической силы решений ВНС, носящих нормативный характер. Полагаем, что вопрос юридической силы таких решений должен быть решен в пользу их приоритета перед законами в силу провозглашения ВНС высшим представительным органом народовластия на конституционном уровне.

Таким образом, необходимость системного правового регулирования вопросов формирования и деятельности ВНС очевидна и представляется актуальным направлением для изучения, совершенствования действующих и принятия в Республике Беларусь новых нормативных правовых актов. На конституционном уровне и в разработанных законопроектах о ВНС, об изменении Избирательного кодекса созданы предпосылки для представительства в ВНС делегатов местных Советов депутатов от областей со всех территориальных уровней системы местного самоуправления, что представляется весьма перспективным. ВНС занимает особое место в системе государственной власти, что подтверждается как его составом, так и полномочиями, которые выражаются в решениях ВНС, носящих нормативный, управленческий и иной правоприменительный характер. В силу нормативности ряда решений ВНС последующие изменения Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» представляются важными.

Станкевіч В. С.

САСЛОЎЕ ШЛЯХТЫ І РАСІЙСКАЕ ДВАРАНСТВА: ПАРАЎНАЛЬНЫ АСПЕКТ

Станкевіч Валерыя Сяргеёўна, студэнтка 3 курса Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, г. Мінск, Беларусь, lerika2003267@gmail.com

Навуковы кіраўнік: д-р юрыд. навук, прафесар Доўнар Т. І.

Вялікае Княства Літоўскае (далей – ВКЛ) і Расійская імперыя з’яўляліся тыповымі феадальнымі дзяржавамі. У гэтых дзяржавах у феадальны перыяд грамадства падзялялася на класы і саслоўі. Пануючым і прывіляваным

саслоўем у ВКЛ з'яўлялася шляхта, а ў Расійскай імперыі – дваранства. Фарміраванне саслоўя шляхты адбывалася ў ВКЛ на працягу некалькіх стагоддзяў. Правое афармленне пачалося з выдання граматы вялікага князя Ягайлы 1387 г., якая надзяляла правамі і ільготамі тых, хто прыме каталіцкую веру. Далейшае правое замацаванне правоў феадалаў можна прасачыць у нарматыўных актах XV ст., аднак канчаткова правы статус шляхты быў зацверджаны Статутамі 1529, 1566 і 1588 гг.

Пачатак афармлення правога статусу дваранства быў пакладзены пад час праўлення Івана IV Грознага. У той час прадстаўнікі феадалаў выконвалі ролю падтрымкі манарха і ў яго руках з'яўляліся эфектыўным сродкам для дасягнення пэўных мэт. Паступова іх правое становішча замацоўвалася ў актах XVI–XVII ст., перш за ўсё ва Улажэнні аб службе 1566 г., затым у Саборным Улажэнні 1649 г. і інш. Канчаткова правы статус дваранства быў аформлены ў XVIII ст. у перыяд праўлення Пятра I.

Ужо ў пачатку XVIII ст. у Расійскай імперыі ўтварылася цэлая катэгорыя ваенна-служылых людзей, сярод якіх вылучаліся прадстаўнікі баярства (арыстакратыя) і дваранства (служылыя людзі). Паміж гэтымі дзвюма катэгорыямі не існавала істотных адрозненняў, а адзінства іх забяспечвалася тым, што яны на перыяд службы атрымлівалі зямлю. Пад час праўлення Пятра I служба стала рэгулярнай, а дараванне – узнагародай за яе. Паступова, маёнткі, перастаўшы быць заробкамі, перайшлі ў валоданне іх уладальнікаў. Юрыдычнае замацаванне правоў дваранства было аформлена пятроўскім 1714 г. «Указом о единонаследии», які аб'яднаў дзве катэгорыі феадальнай уласнасці на зямлю (баярскую і дваранскую) у адну. Згодна з Табелем аб рангах 1722 г. усё дваранства атрымала пераважнае права на дзяржаўную службу. Гэта абгрунтоўвалася тым, што дваранства з'яўлялася апорай самаўладдзя, а паколькі чыноўніцкі заробак быў невысокі, то служба з'яўлялася ганаровым абавязкам двараніна.

Колькасць правоў і прывілеяў шляхты і расійскага дваранства адрознівалася паміж сабой. Згодна з прывілеямі XIV–XVI ст., Статутамі ВКЛ, а таксама Генрыхавымі артыкуламі, Пакта канвента і інш., шляхта ўдзельнічала ў палітычным жыцці ВКЛ, прымала ўдзел у працы вальных соймаў, соймаў, выбірала манарха, мела свае ўласныя суды, незалежны ад адміністрацыі, і сама абірала кандыдатаў на пасады шляхецкіх судоў, валодала правам вета і мела права на адкрыты пратэст супраць караля (рокаш). Шляхта з'яўлялася своеасаблівым палітычным народам, які вызначаў далейшыя накірунак знешняй і ўнутранай палітыкі дзяржавы і аказваў уплыў на рашэнні, якія прымаліся каралём.

Правы, якіх дамагалася расійскае дваранства на працягу XVIII ст., былі замацаваны ў Даравальнай грамаце 1785 г. Адпаведна ёй дваранства надзялялася правам манапольнага валодання прыгонным насельніцтвам, вызвалялася ад асабістых падаткаў, рэкруцкай павіннасці, цялесных пакаранняў, атрымала права скардзіцца непасрэдна да ўраду і інш. Пры гэтым дваранства ў Расійскай імперыі моцна залежала ад ўлады манарха, таму што расійская дзяржава першапачаткова складалася як самаўладная манархія.

Абагульняючы можна зрабіць выснову, што паміж шляхтай ВКЛ і расійскім дваранствам прысутнічалі як агульныя рысы, так і было шмат адрозненняў. Шляхта і дваранства былі тыповымі прывілеяванымі саслоўямі ў феадальных дзяржавах. Аднак, як адзначаюць многія даследчыкі, шляхта ў ВКЛ складала 10–12 % ад агульнай колькасці насельніцтва, у расійскай жа дзяржаве колькасць дваран не перавышала 1–4 %. У саслоўе шляхты трапіла, акрамя феадалаў, значная колькасць ваеннаслужылых сялян у сувязі з працэсам акаталічвання насельніцтва (заахвочваннем іх у каталіцкую рэлігію) і іншымі прычынамі. Пры гэтым шляхта мела больш правоў і прывілеяў, якія былі замацаваны ўжо ў Статутах XVI ст., у адрозненне ад дваранства Расійскай імперыі, прававы статус якога быў канчаткова аформлены толькі ў XVIII ст. Шляхта ВКЛ, карыстаючыся сваімі правамі, значна больш актыўна ўдзельнічала ў палітычным жыцці дзяржавы (прымала ўдзел у вальных соймах, сойміках, засядала ў радзе і інш.).

Надольская А. И.

ФОРМА ЭЛЕКТРОННЫХ СДЕЛОК КАК УСЛОВИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Надольская Анастасия Игоревна, Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь, a_nadolskaya99@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Свадковская Е. А.

Совершение сделки в надлежащей форме – необходимое условие ее действительности. Согласно п. 1 ст. 159 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) сделки совершаются устно или в письменной форме.

Основным признаком устной формы сделки выступает непосредственное восприятие участниками правоотношений друг друга. Письменная форма сделки характеризуется закреплением на материальном носителе воли субъектов, что позволяет обеспечить доказательства действительности направленности их намерений.

Для соблюдения письменной формы сделки ГК устанавливает следующие основные требования: 1) наличие текстового документа, включая документ в электронном виде (в том числе электронный документ), который выражает содержание сделки; 2) подписание такого документа: а) лицами, которые совершают сделку, б) должным образом уполномоченными ими лицами; 3) подписание такого документа должно быть осуществлено: а) собственноручно; б) с использованием средств связи и иных технических средств, компьютерных программ, информационных сетей или информационных систем при условии, что такой способ подписания: позволяет достоверно установить, что соответствующий документ подписан лицом или лицами, совершающими сделку, либо должным образом уполномоченными ими лицами, а также не противоречит законодательству и соглашению сторон (ч. 1 п. 1 ст. 161 ГК).

Из вышесказанного следует, что в контексте электронного оборота законодательством устанавливается возможность совершения сделки в

письменной форме лишь путем составления текстового документа в электронном виде (в том числе электронного документа), должным образом подписанного лицом или лицами, совершающими сделку, либо должным образом уполномоченными ими лицами.

Одновременно с этим возникает вопрос относительно того, к какой форме следует относить электронные сделки, которые совершаются, в частности, посредством такого распространенного в настоящее время способа, как обмен текстовыми сообщениями с использованием мессенджеров, социальных сетей или электронной почты, с помощью которых стороны обмениваются информацией, составляющей содержание сделки, а также согласуют существенные условия заключаемого договора.

Исходя из приведенных ранее доводов, следует, что форма данной сделки не может быть квалифицирована как устная (в силу опосредованного характера восприятия сторонами друг друга, а также выражения информации, составляющей содержание сделки, на материальном носителе, что не свойственно для совершения сделки в устной форме). Одновременно с этим данная сделка также не соответствует требованиям письменной формы сделки (в связи с отсутствием текстового документа, подписанного сторонами, совершающими сделку).

В законодательстве Российской Федерации данный пробел отсутствует, в силу приравнивания к письменной форме совершение лицом сделки: 1) с помощью электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки; 2) с использованием любого способа, позволяющего достоверно определить лицо, выразившее волю (ч. 2 п. 1 ст. 160 ГК РФ).

Соответственно, можно заметить, что российское гражданское законодательство, в отличие от белорусского, при совершении электронных сделок не требует обязательного наличия документа – достаточно возможности воспроизведения на материальном носителе содержания сделки (это могут быть, например, скриншоты переписок в мессенджерах), а также использования любого способа, который позволит достоверно определить лицо, выразившее волю (речь идет не только о подписи, но и об иных средствах идентификации).

Таким образом, принимая во внимание: а) особенности сложившегося делового оборота, которые зачастую предполагают необходимость возникновения договорных отношений путем обмена текстовыми сообщениями с использованием мессенджеров, социальных сетей, электронной почты; б) последствия действующей правовой регламентации письменной формы сделки, которые в том числе проявляются в ограниченном характере возможностей субъектов Республики Беларусь вступать в договорные отношения при использовании современных средств коммуникаций; в) допустимость расширительного толкования понятия «письменной формы сделки», возможность использования кроме подписи иных способов, которые позволяют определить лицо, выразившее волю на заключение договора; г) положения российского законодательства, следует

обоснованный вывод о необходимости совершенствования белорусского законодательства в части правовой регламентации письменной формы сделки посредством закрепления нормы, позволяющей приравнять к письменной форме совершение лицом сделки: 1) с помощью электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки; 2) с использованием любого способа, позволяющего достоверно определить лицо, выразившее волю.

Аверина Е. А.

**ФУНКЦИИ И ФОРМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРА
ПО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫМ ЗАКОНАМ РЕСПУБЛИКИ
БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

*Аверина Екатерина Алексеевна, магистрант Марийского государственного университета, г. Йошкар-Ола, Республика Марий Эл, Россия,
katya.averina.2000@mail.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Яковлева С. А.

Изучение норм УПК Республики Беларусь и УПК Российской Федерации позволяет выявить следующие функции прокурора в досудебном уголовном процессе: уголовное преследование и прокурорский надзор. По УПК Беларуси полномочия прокурора по проверке сообщения о преступлении, возбуждению уголовного дела, собиранию, проверке и оценке доказательств, расследованию уголовного дела определяют формы его уголовно-процессуальной деятельности, характеризующие функцию прокурора по осуществлению расследования преступления. К тому же белорусский законодатель нормой ч. 4 ст. 34 УПК Беларуси наделил прокурора полномочиями следователя, что не свойственно деятельности прокурора по российскому уголовно-процессуальному закону.

Полномочия прокурора в России по расследованию преступления существенно ограничены с 01.07.2002 г., также сокращения прав прокурора произошли с 05.09.2007 г. Ограничение процессуальных полномочий прокурора не помешало законодателю возложить согласно ст. 86, 87 и 88 УПК РФ на прокурора права собирать, проверять и оценивать доказательства в досудебном уголовном процессе.

Однако прокурору не разрешено формировать доказательства по преступлению путем производства следственных и иных процессуальных действий. Возникает вопрос: какие процессуальные средства доказывания вправе применить прокурор? Казалось бы, ответ на поставленный вопрос содержится в ч. 1 ст. 22 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации», позволяющей прокурору получать с граждан и должностных лиц объяснения. Однако отсутствие в УПК РФ указания приобщать к материалам проверки такие объяснения не позволяет в дальнейшем их использовать.

Для своевременного установления лиц, причастных к совершению преступления, обнаружения предметов, документов, орудий преступления

требуется создание институциональной системы уголовно-процессуального регулирования движения материалов проверки из органов предварительного расследования прокурору в случае вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, а также из прокуратуры в органы расследования, если прокурор отменит указанный акт и направит материал на дополнительную проверку.

Российским законодателем процессуальный срок и механизм направления материала проверки в случае отказа в возбуждении уголовного дела не определен. В итоге, на практике можно наблюдать неблагоприятную картину, когда следователем вынесено 04.09.2022 г. повторное постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, несмотря на отмену прокурором первого постановления об отказе в возбуждении уголовного дела и направления материала для решения вопроса о его возбуждении. Материал проверки по квартирной краже с указанным постановлением поступил в прокуратуру лишь 11.10.2022 г.

Согласно ч. 2.1 ст. 178 УПК Беларуси материал проверки с постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела направляется прокурору в течение месяца с момента вынесения решения. Представляется, что такой срок является чрезмерно длительным для такого простого действия, как доставление (перемещение) материала проверки. Целесообразно предусмотреть уголовно-процессуальными законами двух стран срок 3 суток для направления органами расследования материала в прокуратуру, исчисляемых с момента вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, и 3 суток для направления прокурором в органы расследования материала проверки, исчисляемых со дня отмены прокурором названного процессуального документа.

Особого внимания заслуживает определение момента появления уголовно-процессуальных полномочий прокурора для реализации его деятельности по расследованию преступления. Думается, что такой элемент уголовно-процессуального отношения, объектом которого является преступление, возникает с момента принятия прокурором к своему производству сообщения о преступлении либо материала проверки в случае отмены им постановления об отказе в возбуждении уголовного дела.

Закрепление в УПК Беларуси разнообразных форм участия прокурора в расследовании преступления создает позитивные условия для незамедлительного выявления следов преступного деяния и установления его верной квалификации, полного и всестороннего исследования всех обстоятельств преступного происшествия. Думается, что расширение полномочий прокурора по УПК РФ, закрепление в УПК Республики Беларусь и УПК Российской Федерации уголовно-процессуальной функции – расследования преступления, субъектом которой может быть по мотивированному постановлению прокурор как представитель власти, обеспечивающий реализацию принципа законности, позволит сформировать условия для качественного расследования преступления.

Ласкин Г. К.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРЕЮДИЦИЯ И УГОЛОВНЫЙ ПРОСТУПОК: ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ

*Ласкин Глеб Константинович, Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь, Минск, Беларусь, laskin.gleb18052002@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук Реутская Е. А.

Общественная опасность является ключевым признаком любого преступления. Из этого следует, что и преступления с административной преюдицией должны содержать в себе признак общественной опасности. В соответствии со ст. 32 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) в определенных случаях уголовная ответственность за преступление, не представляющее большой общественной опасности, наступает, если деяние совершено в течение года после наложения административного взыскания за такое же нарушение. Но, как известно, административные правонарушения содержат в себе признак общественной вредности, а не общественной опасности. При определении административного правонарушения в ч. 1 ст. 2.1 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) отсутствует указание на общественную опасность. Как справедливо указал В. В. Марчук, причина отсутствия в КоАП общественной опасности в определении правонарушения имеет место ввиду того, что ученые не определились, что характерно для административного правонарушения – общественная опасность или вредность.

На наш взгляд, признак повторности не делает административное правонарушение общественно опасным. Так, при совершении одного административного правонарушения наступает ответственность, предусмотренная Кодексом об административных правонарушениях Республики Беларусь, и деяние признается общественно вредным, в то время как совершение двух одинаковых правонарушений в течение года влечет уже уголовную ответственность, предусмотренную УК, а деяние признается общественно опасным. Полагаем, что даже двукратное нарушение норм административного законодательства не способно придать деяниям виновного общественную опасность. Например, Н. Ф. Кузнецова отмечала, что различие «между преступлениями и проступками не количественное, а качественное. Поэтому количество проступков неспособно перерасти в качество преступления (“сто кошек не могут образовать одного тигра”)), иначе основанием преступления становится не общественно опасное деяние, а отдельные характеристики личности виновного и, как следствие, лицо привлекается к уголовной ответственности не за общественную опасность совершенного преступления, а за общественную опасность своей личности, что не согласуется с общепринятыми основаниями привлечения к уголовной ответственности.

Некоторые ученые считают, что составы с административной преюдицией следует относить к малозначительным деяниям, поскольку

данные правонарушения являются малозначительными по степени и характеру общественной опасности. Однако, по нашему мнению, эта позиция представляется недостаточно обоснованной, так как малозначительное деяние по своей сути не способно причинить существенный вред объекту уголовно-правовой охраны и это осознает виновный, в то время как при совершении преступлений с административной преюдицией лицо осознает, что повторно нарушает нормативный запрет, что неизбежно повлечет уголовную ответственность. Также критерии малозначительного деяния являются оценочными и достаточно расплывчатыми, что не позволит суду в полной мере использовать институт малозначительности.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что между преступлениями и административными правонарушениями имеется существенное различие, которое заключается в наличии общественной опасности или общественной вредности. Наличие признака повторности административного правонарушения не делает его общественно опасным, а значит, такое деяние не может быть отнесено к преступлениям. Следовательно, возникает проблема определения места административной преюдиции в уголовном праве.

Решить обозначенную проблему можно путем введения в уголовное законодательство Республики Беларусь понятия «уголовный проступок» и закрепления данного понятия в качестве отдельной самостоятельной категории преступления в ст. 12 УК. Под «уголовным проступком» следует понимать самостоятельный вид преступного деяния, совершенный как умышленно, так и по неосторожности, как в форме «действия», так и в форме «бездействия» и способный оказать вредоносное воздействие на общественные отношения. Критерием для выделения в классификации преступлений «уголовного проступка» должна являться «тяжесть совершенного деяния». Указанные изменения в ст. 12 УК позволят исключить институт административной преюдиции путем переноса составов с административной преюдицией в «уголовный проступок» как самостоятельную категорию преступления.

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПРАВА

Агафонов А. С. ПРАВО И ЦИФРА

*Агафонов Андрей Сергеевич, студент Института прокуратуры Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева,
г. Екатеринбург, Россия, aga.fonov@inbox.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, ст. преподаватель Домченко А. С.

В современной действительности активно набирает обороты тематика, посвященная развитию технологий искусственного интеллекта, киберпространства, информационно-телекоммуникационной сети Интернет и информационной сферы в целом. Важно отметить, что сегодня неопределенность, связанная с вызовами праву в рамках развития цифровых технологий, выступает в качестве предмета сложной научной дискуссии. К сожалению, приходится констатировать, что если право не справится с вызовами, которые таит в себе «цифра», то для юридической науки и для самого права это будет чрезвычайной катастрофой. Интерес вызывает то, что праву никогда ранее не противостояло что-то подобное. Право не сталкивалось с похожими феноменами, что само по себе говорит об аномальности происходящего.

Исходя из этого, важно осознавать, что сегодня происходит с правовым регулированием «цифры» в Российской Федерации, поскольку соответствующий феномен выступает в роли основания возникновения сложнейших юридических задач, которые ранее не имели места в правовой парадигме. Еще 120 лет назад великий ученый Никола Тесла предупредил общество о том, что человечество ждет «трансформация», связанная с «цифрой». Так, он выдвигал идею, что «в скором времени появятся устройства похожие на часы, с помощью которых можно будет общаться, передавать любое изображение, рисунок или текст из одного места в другое без проводов». Современная действительность располагает ситуацией, при которой человечество встало на ступень совершенно неизвестного.

В результате вышеперечисленных фактов, право сегодня выступает в роли заложника процесса, который выражен в развитии цифровой сферы в целом. В общественных отношениях уже стали возникать споры в рамках «цифры». Анализируя виртуальные миры, можно уверенно констатировать, что в них имеет место большое число пользователей и средств. К примеру, подтверждение этому можно найти в деятельности игровых разработчиков, которые олицетворяют генезис виртуальных миров и, соответственно, обладают массивом цифровых ресурсов.

К сожалению, наблюдается смена парадигмы общения между людьми. Человек платит за «цифру» огромное количество часов времени пока находится в данных виртуальных мирах. Индивид сам и добровольно отказывается существовать в реальном мире. Современность такова, что

люди выбирают не общение в обычной жизни, а мессенджеры, предпочитают не зайти к кому-нибудь в гости, а позвонить по видеосвязи. В этом и заключаются перемены в общении людей между собой. Возникает вероятность, при которой будет иметь место ситуация, когда общение в его материальной природе уйдет на задний план, что само по себе констатирует смену парадигмы человеческого общения. Полагаю верным отметить, что результатом соответствующего погружения индивидов в виртуальные миры будет генезис большого количества правовых проблем. Само по себе право почти не входит вместе с человеком в виртуальную среду и даже не осознает, что в ней уже существует огромное количество общественных отношений. В современной действительности мы вынуждены констатировать, что имеет место ситуация, при которой происходит то, что с правом ранее не происходило. В то же время важно осознавать, что в нынешних реалиях уже возникла потребность в «трансформации» права. Так, проанализировав общую теорию права, положения юридической доктрины, а также законодательство Российской Федерации, можно уверенно констатировать отставание права от потребностей общества в условиях цифрового развития. При этом такое отставание со временем приобретает все больший разрыв.

Необходимо обеспечить правовую действительность Российской Федерации нормативным фундаментом, который не только каким-либо образом будет опосредовать общественные отношения в «цифре», но и даст толчок для развития юридической мысли в этой сфере.

Бернацкая Е. А.

ПРИНЦИП СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В НОРМОТВОРЧЕСТВЕ

Бернацкая Елена Александровна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, bernilena2002@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Калинин С. А.

Стабильность и качество законодательства безусловно можно отнести к важнейшим факторам обеспечения жизнедеятельности населения, функционирования экономики, основой поэтапного развития государства, повышения благосостояния его граждан.

В юридической литературе уделялось и уделяется много внимания разбору разного рода проблем, связанных с нормотворчеством. В достаточной мере подлежат исследованию вопросы организационно-правовых форм подготовки и издания нормативных правовых актов, формирования государственной воли и т. д. И в то же время степень разработанности принципов нормотворчества недостаточна.

Разумеется, категория «принцип» освещается в немалом количестве научных трудов как в общетеоретическом аспекте, так и в рамках непосредственно отраслей права. Мы же уделим внимание принципу социальной справедливости.

Принцип защиты прав, свобод и законных интересов граждан, юридических лиц, интересов общества и государства, социальной

справедливости закреплен в ч. 5 ст. 6 Закона Республики Беларусь от 17.07.2018 № 130-З «О нормативных правовых актах».

Однако же обратим внимание на понятие социальной справедливости. Так, например, в ч. 3 ст. 4.1 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях говорится, что административная ответственность призвана способствовать восстановлению социальной справедливости; в ч. 3 ст. 44 Уголовного кодекса Республики Беларусь – уголовная ответственность призвана способствовать восстановлению социальной справедливости; в абз. 5 ч. 1 ст. 6 Закона Республики Беларусь от 14.06.2003 № 204-З «О государственной службе в Республике Беларусь» – государственная служба основывается на принципах гуманизма и социальной справедливости и т. д. Но ни в одном из перечисленных или других правовых актов Республики Беларусь не дается определение понятия «социальная справедливость».

Вообще справедливость представляет собой одну из базовых категорий, имеющих определяющее значение для жизни всего цивилизованного общества и для каждого человека в отдельности.

Нормотворчество же, в свою очередь, играет первостепенную роль в формировании справедливого права. Это объясняется тем, что во время нормотворчества нравственная категория справедливости находит свое юридическое закрепление и наделяется свойством нормативности.

Социальная справедливость является проявлением одной из сторон принципа законности и представляет собой равную и реальную меру воздаяния за равные по социальной значимости деяния субъектов. Помимо прочего, социальная справедливость определяет пределы действия других принципов и выступает арбитром в ходе решения правовых споров.

Предложим следующее определение «социальной справедливости», которое рекомендуется закрепить в Законе «О нормативных правовых актах»: направление нормотворческой деятельности, призванное обеспечить защиту личности, ее прав, свобод и законных интересов, интересов юридических лиц, общества и государства путем предоставления гарантий права на труд, охрану здоровья, получение образования, государственную поддержку семей с детьми и других нуждающихся в помощи и т. д.

Особое внимание социальной справедливости уделяется и на международном уровне. Например, для ООН стремление к социальной справедливости для всех лежит в самом центре их масштабной миссии по поощрению развития и уважения человеческого достоинства. В 2008 г. Международной организацией труда была принята Декларация о социальной справедливости в целях справедливой глобализации, которая является как раз таки одним из примеров, подтверждающих приверженность ООН обеспечению социальной справедливости. В данной Декларации основной акцент ставится на гарантии достижения справедливых результатов для всех через обеспечение занятости, социальной защиты, социального диалога и основополагающих принципов и прав на рабочем месте.

Важность принципа социальной справедливости подтверждается и тем, что каждый год 20 февраля празднуется Всемирный день социальной справедливости.

Таким образом, значение социальной справедливости в обществе всегда возрастает с развитием прогресса во всех его сферах, т. е. в настоящее время роль социальной справедливости в отношениях между государством и личностью становится все значимее.

Бодров К. А.
НОРМЫ ПРАВА И ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА

Бодров Кирилл Андреевич, студент 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, kirillbodrov123@mail.ru

Научный руководитель: старший преподаватель Иванова Т. В.

Деятельность Конституционного Суда Республики Беларусь в области конституционного контроля имеет существенное значение. Неотъемлемой составляющей решений Конституционного Суда являются правовые позиции, которые некоторые авторы ошибочно отождествляют с нормами права. В законодательстве Республики Беларусь есть указания на правовые позиции Конституционного Суда как самостоятельное правовое явление (ст. 77, 162 Закона Республики Беларусь «О конституционном судопроизводстве», п. 1 и подп. 2.1 Послания Конституционного Суда Республики Беларуси «О состоянии конституционной законности в Республики Беларусь» в 2022 г.). В юридической доктрине выделяют несколько подходов к определению данного феномена.

Первый (узкий, логико-юридический) подход рассматривает правовые позиции как систему аргументации, совокупность правовых аргументов, логических посылок и частных выводов, образующих умозаключение, которые являются достаточным логико-правовым обоснованием итогового вывода Конституционного Суда, содержащегося в резолютивной (постановляющей) части решения. При данном подходе за основу берется технико-юридический или процессуальный аспект проблемы, а функция правовой позиции ограничивается обеспечением логической связи, семантической обусловленности структурных элементов решения органа конституционного контроля.

Второй (широкий, материально-правовой) подход основывается на постулировании общего и обязательного характера правовых позиций; содержательно они рассматриваются в качестве правовых принципов, пригодных для разрешения группы сходных юридических коллизий, нормативно-доктринальных начал решений, нормативно-интерпретационных установлений. В основу этого подхода положен регулятивный аспект, при котором акцент делается на функциях правовой позиции в механизме правового регулирования. В данном случае учитываются качественные

характеристики, т. е. материальное содержание рассматриваемого нами феномена – правовой позиции.

Профессор Г. А. Василевич подчеркивает существенное влияние правовых позиций Конституционного Суда Республики Беларусь на нормотворчество и юридическую практику, так как субъекты нормотворчества используют их для совершенствования законодательства, т. е. внесения изменений и дополнений в законодательство. Председатель Конституционного Суда П. П. Миклашевич указывает на то, что многие предложения Конституционного Суда, содержащиеся в правовых позициях, были учтены законодателем. Например, в решении от 5 июня 2014 г. № Р-925/2014 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь “О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам направления граждан в лечебно-трудовые профилактории и об условиях нахождения в них”» указывалось, что норма проверяемого Закона, предусматривающая возмещение ущерба (компенсирование вреда) путем совершения исполнительной надписи, не в полной мере учитывает ранее выраженную Конституционным Судом правовую позицию. Согласно данной позиции для установления обязанности осужденного возместить ущерб (компенсировать вред), причиненный исправительному учреждению своими противоправными действиями, необходимо доказывание в том числе наличия вреда и его размера, противоправности действий осужденного, причинной связи между такими действиями и наступившим вредом, что возможно только в результате судебного разрешения спора по иску. Правовая позиция Конституционного Суда была учтена в Законе Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. «О внесении изменений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам деятельности внутренних войск Министерства внутренних дел Республики Беларусь», в соответствии с которым из Закона Республики Беларусь «О порядке и условиях направления граждан в лечебно-трудовые профилактории и условиях нахождения в них» исключено положение о возмещении ущерба (компенсировании вреда), причиненного лечебно-трудовому профилакторию, путем совершения исполнительной надписи.

Таким образом, правовые позиции представляют собой результат выявления конституционно-правового смысла нормы права (закона), который может применяться для упреждения коллизий при последующем правоприменении, обеспечения единообразной правоприменительной практики, устранения пробелов в правовом регулировании. По своей сути правовые позиции Конституционного Суда являются интерпретационными (толковательными) правовыми положениями и могут содержать развернутые дефиниции правовых категорий и явлений, но при этом не являются нормами права. В решениях, содержащих правовые позиции, Конституционный Суд путем выявления конституционно-правового смысла норм права способствует выработке правовых механизмов развития и защиты конституционных ценностей, ориентирует законодателя и правоприменителей на соблюдение Конституции.

Борисовец М. Д.
ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ПОЛОЖЕНИЯ
ВО ФРАНЦИИ В XIX В.

Борисовец Михаил Дмитриевич, студент 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, mishabor@outlook.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Щербик Д. В.

Франция в XIX в. переживала один из самых сложных этапов своего существования. Многочисленные военные конфликты, смена власти, приход Наполеона и его реформ. Все это существенно повлияло на общественный строй и правовую систему Франции.

Во Франции институт чрезвычайного положения сформировался в виде «осадного положения».

После поражения Франции в Наполеоновских войнах и отречения императора от престола король Людовик XVIII обнародовал конституцию – королевскую Хартию, устанавливавшую в стране конституционную монархию. Статья 14 королевской Хартии провозглашала власть монарха во имя безопасности государства. В так называемом Дополнительном акте, который являлся дополнением в королевскую Хартию, впервые был использован термин «осадное положение», который по своему смысловому содержанию соответствует современному термину «чрезвычайное положение». После этих событий институт осадного положения во Франции закрепился в законодательстве и применялся несколько раз на практике. В соответствии со ст. 66 Дополнительного акта к Конституции Французской Империи от 22 апреля 1815 г.: «Ни одно место, ни часть территории не могут быть объявлены в осадном положении, за исключением случаев вторжения иностранных сил или гражданских беспорядков. В первом случае декларация оформляется актом правительства. Во втором случае это можно сделать только по закону. Однако, если возникнет такой случай, но палаты парламента не собраны, акт правительства, объявляющий осадное положение, должен быть преобразован в законопроект в течение первых пятнадцати дней после собрания».

В основном осадное положение применялось для стабилизации ситуации в определенном регионе во время военных действий, а также во время политической угрозы национальной безопасности. Согласно Конституции 1852 г. (ст. 12), осадное положение должно быть ограничено пространством: оно не предназначено для применения ко всей территории, а только к «одному или нескольким департаментам».

Самым известным случаем введения осадного положения во Франции в XIX в. является Февральская революция 1848 г. Во время Второй республики после июньских дней в Париже было объявлено осадное положение. Вследствие тяжелого положения сформированное тогда временное правительство приняло решение передать все полномочия министру вооруженных сил и, как следствие, наделить военную власть всевозможными

полномочиями. Год спустя, в 1849 г., ситуация стабилизировалась, Национальное собрание Франции решило закрепить осадное положение законом от 9 августа 1849 г. Этот закон устанавливал, что осадное положение может быть объявлено парламентом в случае неминуемой угрозы для внешней или внутренней безопасности страны. Он определял основные принципы осадного положения: замена гражданских судов на военные, отмена определенных гражданских прав, таких как свобода собраний, прессы и право на хранение оружия. Закон об осадном положении от 9 августа 1849 г. разрешает в некоторых случаях вводить осадное положение также военным комендантам в местах военных действий.

Таким образом, осадное положение во Франции устанавливалось законом – актом парламента. Позднее закон об осадном положении был закреплен Конституцией Франции.

В соответствии со ст. 12 Конституции Франции 1852 г. «Президент Республики имеет право объявить осадное положение в одном или нескольких департаментах, при согласовании такого решения в Сенате. Последствия осадного положения регулируются законом».

Формирование института чрезвычайного положения во Франции в XIX в. обусловлено угрозами национальной безопасности в ходе восстаний и необходимостью конституционного закрепления решительных мер для стабилизации ситуации. Становление института чрезвычайного положения во Франции в XIX в. сформировало определенные принципы введения чрезвычайного положения. Во-первых, принцип законодательного закрепления института чрезвычайного положения в статьях конституции. Во-вторых, принцип введения чрезвычайного положения в локальном порядке, на определенных территориях. Был решен также вопрос о полномочиях органов государственного управления по введению чрезвычайного положения. И наконец, сформировались основные принципы ограничения прав граждан в ситуации чрезвычайного положения.

Веремьев Н. П.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ

*Веремьев Никита Петрович, курсант 2 курса Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь,
veremevnikita2003@gmail.com*

Научный руководитель: канд. ист. наук, доцент Семенова С. А.

В настоящее время одной из наиболее актуальных проблем теории права и юридической психологии является отношение индивидов, социальных групп и общества в целом к сложившейся и действующей системе права. В связи с этим ведется всестороннее изучение данной проблемы.

Правосознание одна из тех категорий общей теории права, которая до сих пор не имеет общепринятого и универсального определения. В разные периоды времени термин «правосознание» трактовался по-разному. Однако,

сравнив взгляды правоведов на проблему дефиниции правового сознания и выявив ряд общих положений, можно сформулировать наиболее общее и универсальное определение данного термина.

На наш взгляд, наиболее полное определение правосознания дает Н. А. Горбатов, определяя правосознание как «одну из форм общественного сознания, представляющую собой систему правовых взглядов, теорий, идей, представлений, убеждений, оценок, настроений, чувств, в которых выражается отношение индивидов, социальных групп, всего общества к существующему и желаемому праву, к правовым явлениям, к поведению людей в сфере права». В своей дефиниции, признаваемой большинством белорусских правоведов, он отразил структуру правосознания и то, как взаимодействуют его отдельные элементы.

С развитием современных человеческих ценностей и мироустройства некоторые устоявшиеся термины, преломившись через призму принципов современного общества, таких как современная концепция прав человека и теория правового государства, обретают некий новый смысл. Так, в понимании В. И. Бегина правовое сознание – это «система взглядов, представлений, оценочных суждений и переживаний по поводу существующего и должного порядка общественных отношений, основанных на установленных и охраняемых государством правах и обязанностях личности, а также осознание своей ответственности за состояние этого порядка».

В своей монографии «Правосознание учащейся молодёжи» Е. М. Ефременко, проанализировав некоторые понятия и разобрав правосознание на составные элементы, определяет правосознание как «социокультурно обусловленную форму активного психического отражения личностью, социальной группой, обществом в целом правовой жизни общества в её эволюции, определяющую рациональное, эмоциональное и мотивационно-деятельное отношение субъектов к правовым явлениям».

Во всех вышеизложенных определениях можно выделить некоторые схожие аспекты.

Во-первых, носителем правосознания являются отдельные люди, социальные группы и общество в целом. Правосознание индивида трактуется как отражение элементов правовой системы в психике человека. В свою же очередь групповое правовое сознание складывается в отдельных социальных группах и обуславливается наличием в каждой такой группе особой субкультуры и особого материального и социального положения, которые влияют на отражение правовой действительности у ее членов. Общественное правосознание – это в первую очередь правовое сознание всего общества в рамках одного государства, которое выражается в отражении, анализе и реакции всего общества на действующую систему права и механизм его реализации.

Во-вторых, правоведы сходятся в том, что правосознание является отражением элементов правовой системы или правовой жизни общества, в частности, правовых взглядов, теорий, идей, убеждений, оценочных

суждений, настроений, чувств, переживаний по поводу существующего и должного порядка общественных отношений у носителей правосознания.

По нашему мнению, весьма важную новеллу в формулировку термина правосознания внес В. И. Бегинин с оглядкой на принципы построения современного общества и человеческих ценностей. По мнению ученого, важную роль играет не только отношение индивида к реальным и желаемым правовым явлениям и к праву в целом, но и осознание своей ответственности за нынешнее состояние правовой действительности.

Таким образом, обобщив вышесказанное, можно определить правосознание как психическое отражение элементов правовой системы у носителей правосознания существующей и желаемой правовой системы, а также осознание своей ответственности за состояние сложившейся правовой действительности.

Анализ мнений разных ученых показал, что каждый из них трактует термин по-своему, внося или исключая отдельные элементы, сохраняя при этом основополагающие идеи. На протяжении всей истории подходы к определению правосознания менялись, добавлялись и исключались отдельные положения. В итоге пришли к определенной трактовке, в которой обязательен ряд положений, и не исключено, что через несколько десятков лет в определение правосознания добавятся очередные фундаментальные идеи.

Вертинский А. С.

СОВРЕМЕННОЕ ПРАВОПОНИМАНИЕ В США

*Вертинский Артём Сергеевич, учащийся 2 курса Юридического колледжа
Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
art-vertinskii@yandex.ru*

Научный руководитель: преподаватель Судниченко Д. С.

Проблема правопонимания актуальна в настоящий момент, поскольку в условиях глобализации существует необходимость взаимодействия с юристами, которые обладают различным мировоззрением, пониманием права, и важно добиться взаимопонимания при общении с ними. Результатом правопонимания является определение права.

Для того чтобы вывести определение права, рассмотрим типологию американской правовой системы, а также выявим основные взгляды ученых данной страны на сущность права.

Согласно классификации компаративиста Р. Давида право в США относится к системе общего права. Ученый проводит анализ социологии права, источников права, структуры права страны, на основании которых она будет относиться к той или иной правовой системе.

Е. А. Петрова конкретизирует выводы Р. Давида, проводя классификацию на двух уровнях: «макроуровне» и «микроуровне». На «макроуровне» американская правовая система относится к семье общего права, а на «микроуровне» она сходна с континентальной правовой семьей.

В историческом процессе отличия рассматриваемой правовой системы от английского права наметились уже к моменту формирования колониальной системы. Американское право на этапе своего формирования испытывало влияние идей философов эпохи Просвещения, что в дальнейшем определило его интегративный характер. Так в правовой системе присутствуют технико-юридические элементы, присущие романо-германской правовой семье.

К доминирующим правовым школам США можно отнести естественно-правовую, позитивистскую и социологическую школы.

Большое влияние на становление американского права оказала классическая и современная естественно-правовая теория. В 1791 г. вступили в силу 10 поправок к Конституции, закреплявших за гражданами естественные права и обеспечивавших их защиту.

В настоящее время исследователями данного направления обосновывается неразрывная связь морали и права и определяющее влияние первого на второе.

Данный подход идет вразрез с позитивизмом, который видит право как объективный продукт разумной деятельности, стоящий выше морали. Иными словами, индивид обязан выполнять нормы права, даже если они противоречат его собственным убеждениям, при условии, что наличие данной нормы продиктовано объективными началами и выгодно для самого индивида. Идеи правового позитивизма нашли отражение в американской системе в виде систематизации законодательства и усилившейся роли статутов.

Взаимовлияние школ друг на друга привело к тому, что концепции обеих переняли друг у друга ряд идей.

Социологическая школа права в отличие от рассмотренных двух других направлений отвергает идею о наличии универсального принципа, по которому формируется право. Вместо этого оно отражает интересы и потребности общества в данный конкретный момент. Идеи социологической юриспруденции также нашли свое отражение в американском праве в виде системы прецедентного права и наличия у Верховного суда права толкования Конституции.

Очевидно, что существуют и иные правовые направления, однако многие из них являются производными трех рассмотренных концепций.

Подводя итог всему вышеизложенному можно прийти к выводу, что в Соединенных Штатах под правом понимается ведущий динамичный социальный регулятор, отражающий и учитывающий запросы и интересы как общества, так и личности, формируемый в результате взаимодействия формально определенных норм, отражающих принципы правопорядка, и судебных актов, этот правопорядок устанавливающих. Право как ведущий регулятор, определяет все общественные отношения им затрагиваемые. Этот социальный регулятор изменчив, так как стремится удовлетворить интересы общества и человека, которые по своей природе динамичны. Право обретает

четкую определенную форму в процессе толкования закона судом. Суд обеспечивает мобильность права.

В полученном определении акцент сделан на элементах, присущих преимущественно социологической юриспруденции (однако в него также были включены естественно-правовые и позитивистские элементы). Упор на данное направление сделан по причине того, что оно вбирает и гармонично вписывает в свою систему составляющие других правовых концепций, однако приведение «чисто социологического» определения права, по нашему мнению, явилось бы недостаточным для отражения современного американского правопонимания.

Гончарова С. В.
ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА

*Гончарова Софья Владимировна, студент 2 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
sofochka.goncharova1197@gmail.com*

Научный руководитель: старший преподаватель Фиронов А. Н.

Тема правовой культуры остается актуальной на сегодняшний день, являясь неотъемлемым элементом гармоничного развития общества, формирования правовых ценностей и фундаментом для развития правового государства и проведения эффективной государственной политики.

Определений культуры существует множество, что обуславливает сложность изучения такого явления, как правовая культура. Это подкрепляется и тем, что в юридической литературе не сложилось единого понятия правовой культуры. При этом в юриспруденции можно выделить два основных варианта понимания правовой культуры. С одной стороны, правовая культура – совокупность всех правовых явлений, т. е. она включает в себя законодательство, юридические учреждения, деятельность государственных органов, правовое поведение граждан в обществе, правовое сознание. Но с другой стороны, правовая культура рассматривается как определенный уровень развития индивидуального, группового или общественного правосознания. Именно такое понимание данного явления является наиболее распространенным.

Правовая культура – это прежде всего знание и понимание права, уважительное отношение к нормам права и их соблюдение. Несомненно, правовая культура должна включать в себя и эффективную работу государственно-правовых институтов. Правовая культура есть явление, отражающее правовое состояние общества в целом. Это феномен, который неразрывно связан с развитием самого общества и формированием в нем упорядоченных общественных отношений.

Различные авторы по-разному определяют структуру правовой культуры. Например, В. П. Сальников считает, что элементами правовой культуры являются субъективное и объективное право, правосознание,

правовые отношения, законность и правопорядок, правомерная деятельность субъектов. А. Ф. Никитин выделяет такую структуру правовой культуры: идейно-политические и нравственные взгляды и убеждения, правовые знания, отношение к праву, поведение и деятельность в правовых ситуациях. Анализируя подходы к определению структуры правовой культуры, можно найти как общие элементы, так и различные. Постараемся выделить иные структурные элементы правовой культуры.

Первый и основной элемент структуры правовой культуры – право. Правовая культура базируется на праве и не может функционировать без него.

Следующий элемент, который мы выделяем, это правосознание. Правовая культура является средой формирования, развития и практической реализации правосознания.

Важным структурным элементом является правовое воспитание – процесс формирования системы знаний, убеждений и мотивов правомерного поведения посредством пропаганды, просвещения и обучения. Из определения «правовое воспитание» вытекает такой структурный элемент правовой культуры, как правомерное поведение. При этом данное поведение должно быть социально-активным, представляя собой наиболее высокий уровень правомерного поведения, проявляющийся в общественно полезной, одобряемой государством и обществом деятельности в правовой сфере. Примером такого поведения личности может быть участие в референдуме, в выборах, активность в деятельности добровольных формирований.

Уважительное отношение к праву – также один из элементов правовой культуры. Право выступает как регулятор наиболее важных общественных отношений, который вырабатывает общеобязательные для исполнения нормы. Важно, чтобы право обладало авторитетом в обществе и поддерживалось обществом. Но стоит добавить, что право должно соответствовать принятым в обществе социальным ценностям, тогда будет эффективнее правовое регулирование, что важно для высокого уровня правовой культуры.

Уровень правотворческой деятельности и состояние законодательства также играют важную роль. Все это выражается в совершенстве содержания и формы нормативных правовых актов, в их качестве, продуманности, согласованности, культуре юридических текстов, т. е. в юридической технике их подготовки, принятия и опубликования, решения процедурных законодательных вопросов.

Чтобы лучше понять то или иное правовое явление, требуется изучить его функциональную нагрузку, а именно то, как оно воздействует на жизнь общества и государства в целом.

Функции правовой культуры – это направления ее воздействия. Основные из них: праворегулятивная, ценностно-нормативная, познавательно-преобразовательная, коммуникативная, отражательная, правовой социализации, прогностическая и интегративная.

Праворегулятивная функция выражается в том, что правовая культура «подчиняет поведение и деятельность субъектов права как правовым нормам, так и правовым ценностям, идеалам».

Ценностно-нормативная функция формируется в типичных, устоявшихся ценностях, предпочтениях, которые отображаются в сознании, установках, мотивах и поступках людей.

Познавательную-преобразовательную функцию связывают с теоретической и организаторской деятельностью по формированию правового государства и гражданского общества.

Коммуникативная функция реализуется через общение и взаимодействие граждан в правовой сфере в рамках порядка, уважения, ответственности, способствует взаимопониманию, миру и согласию.

Через функцию правовой социализации правовая культура оказывает влияние на формирование у личности правовых качеств, уважения к праву, обеспечивает правовое воспитание и обучение.

Сущность отражательной функции состоит в том, что правовая культура отражает существующую правовую реальность в обществе.

Прогностическая функция предполагает анализ тенденций развития правовой системы, определение адекватных средств для достижения правовых культурных целей, нахождение новых ценностей, качеств и свойств, присущих правовой материи.

Одной из наиболее важных функций является интегративная, цель которой – объединение народов, социальных групп и государства.

Анализируя данные функции можно сделать вывод, что правовая культура действительно играет важную роль, поскольку ее высокий уровень способствует формированию правовой личности и правового государства, а также обеспечивает эффективность функционирования правовой системы государства в целом. При этом государство должно быть заинтересовано в поддержании высокого уровня ее развития. Конечно же, не стоит делать каждого гражданина юристом, но преодолеть юридическую безграмотность и обеспечить соблюдение правовых норм – это важные условия развития правовой культуры, которая может позитивно воздействовать на прогрессивное развитие нашего общества и государства.

Гумерова А. А.

К ВОПРОСУ О ПРИЗНАКАХ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

*Гумерова Аделина Айратовна, студентка 2 курса Казанского филиала
Российского государственного университета правосудия, г. Казань,
Республика Татарстан, Россия, gumerov19751@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук Гурьянова В. В.

Актуальность темы обусловлена теоретической и практической значимостью вопросов, связанных с проблемами развития правового государства в России. Это относится как к пониманию права и государства в целом, так и их роли в развитии гражданского общества, а также к проблемам построения правового государства. Верховенство права реально достижимо только тогда, когда государственная власть обеспечивает эффективную реализацию права.

В настоящее время верховенство закона и права – это не только гуманистический принцип, одна из важнейших универсальных ценностей, призванная утверждать справедливость и равноправие, но и эффективный практический институт обеспечения, защиты прав и свобод личности, чести и достоинства человека.

Государство и право – это категории, которые не могут существовать независимо друг от друга. В этой взаимосвязи бессмысленно спорить о том, что появилось первым или что выше. Нет государства без права, но и право без государства – это набор социальных норм, не имеющих юридических последствий.

С юридической точки зрения право – это система правил поведения, установленных государством и обеспеченных его юридической силой, направленных на регулирование общественных отношений. Такие правила являются общеобязательными, формально определенными и гарантированными государством.

Правовое государство – это государство, в котором соблюдаются права проживающих в нем людей, наций и народов. Такое государство, осуществляя верховенство, всеобщность, целостность и исключительность власти, гарантирует всем гражданам свободу естественных отношений, основанных на принципах справедливости.

Признаки правового государства отражают основные его черты, которые обязательно должны в нем присутствовать.

Существует четыре основные характеристики правового государства:

1) разделение властей. Этот признак означает, что три ветви власти в государстве (законодательная, исполнительная и судебная) являются независимыми и в своей деятельности должны подчиняться только закону;

2) верховенство закона, под которым понимается, что и государство, и человек должны прежде всего подчиняться закону в своих действиях, т. е. никто не имеет права нарушать закон;

3) строгое соблюдение прав и свобод человека. Данная черта означает прежде всего, что Конституция гарантирует осуществление прав и свобод человека;

4) социальная и правовая защита личности. Государство в лице уполномоченных органов обязано защищать своих граждан.

Таким образом, правовое государство – это всеобъемлющая политическая организация общества, основанная на верховенстве закона. Главенство права подразумевает не только господство закона как вида правового акта по отношению к иным правовым актам, но и соблюдение широкого спектра прав и свобод, закрепленных действующими законами. В правовом государстве ущемление прав гражданина абсолютно недопустимо. Его права должны безусловно защищаться государством. Стоит также отметить, что в современных условиях вопрос правового равенства в различных сферах жизни становится фундаментальным. Его решение подразумевает создание государством определенных гарантий обеспечения равенства. Важнейшей задачей государства можно считать развитие законодательства и правовой системы.

Дрозд М. А.
ПРОБЛЕМАТИКА РЕАЛИЗАЦИИ СОМАТИЧЕСКИХ ПРАВ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Дрозд Мария Андреевна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, mashkadrozhd@gmail.com

Научный руководитель: старший преподаватель Фиронов А. Н.

Проблематика соматической дееспособности несовершеннолетних лиц напрямую связана с моральными, ценностными, социальными и психико-физическими вопросами. Поскольку соматические права являются одними из самых «молодых» видов прав, мы обязаны рассмотреть аспект дееспособности лиц в отношении самых главных человеческих благ – здоровья, жизни и тела.

Актуальность данного вопроса возросла после объявления бельгийской федеральной комиссией по контролю и оценке эвтаназии сообщения о том, что с 2016 по 2017 г. было проведено три эвтаназии несовершеннолетним. Согласно докладу комиссии за отчетные два года эвтаназию провели 17-летнему, 11-летнему и 9-летнему пациентам, чьи заболевания находились в терминальной стадии и их нельзя было облегчить медикаментозно. Люк Проот (член комиссии по вопросу эвтаназии) заверил, что решение комиссии было принято в установленном порядке во всех трех случаях. Он также уточнил, что комиссия увидела моральные и физические страдания, ошеломительные настолько, что, по их мнению, данное решение было правильно. Представить такую ситуацию в Республике Беларусь невозможно из-за особенностей законодательства и правовой культуры населения, однако это не значит, что необходимость формирования возраста соматической дееспособности отсутствует.

Из теории права нам известно, что дееспособность – это способность распоряжаться своими правами и нести обязанности, которая предполагает осознанность действий субъекта. Таким образом, в практике укоренилось понятие, что до достижения полной дееспособности лицо ограничено в распоряжении собственными правами во всех сферах. Однако, такая практика должна быть характерна для прав, в которых можно четко и объективно оценить грань «добра» и «зла» и в нужный момент уберечь несовершеннолетнего лицо от действий, способных навредить ему. Соматические права прежде всего отличаются от иных видов прав тем, что они являются естественными, неотъемлемыми и исходят из самоощущения, понимания лицом его внутреннего состояния, потребностей и чувств, которые он переживает внутри себя. Речь идет о распоряжении телом, органами, психическим состоянием, которые невозможно полно и объективно оценить со стороны.

По общему правилу дееспособность физических лиц в Республике Беларусь наступает с 18 лет, т. е. с возраста совершеннолетия. Такие правила распространяются на большинство соматических прав, однако речь идет

больше об употреблении аналогии закона, нежели чем о конкретно поименованном возрасте по отношению к распоряжению своим телом.

В Республике Беларусь данный пробел в законодательстве приводит к нарушению базовых принципов соматических прав. Например, в законодательстве нашего государства отсутствует четкий механизм, регламентирующий процедуру нанесения татуировок. Специалист, производящий такую процедуру, не знает, как ему поступить в ситуации, когда к нему обращается несовершеннолетний и попросту отказывает клиенту, ссылаясь на положения Гражданского кодекса Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. (далее – ГК), а именно на то, что для оказания подобного рода услуг необходимо согласие родителей. Однако, законодательство не указывает на то, каким образом толковать ГК в данном случае, ведь в то же время можно считать, что нанесение татуировки – мелкая бытовая сделка, которая не требует согласия родителей.

В целях превенции будущих нарушений прав и свобод личности необходимо более глубоко и детально проработать вопрос соматической дееспособности несовершеннолетних на законодательном уровне, четко определить перечень таких прав и свобод, реализация которых возможна в любом возрасте. Для полного и всеобъемлющего преодоления указанного пробела, считаем возможным точечное рассмотрение соматических прав под призмой изменений, происходящих как в нашем обществе, так и во всем мире с использованием правовых, медицинских, социальных и психологических методов исследования общества.

Захилько Е. С.

СПОСОБЫ ПОВЫШЕНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ

Захилько Екатерина Сергеевна, студентка 1 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, Zahkat04@gmail.com

Научный руководитель: старший преподаватель Фиронов А. Н.

С точки зрения С. Г. Дробязко, правовая культура – система воспроизводства правовых ценностей, выражающаяся в реальном правовом сознании, истинном восприятии и развитии правовых принципов и основанных на них правовых актов, которые принимаются и применяются в соответствии с устоями правовой законности и правового порядка. В связи с тем, что правовая культура – это многоаспектный феномен, который сложился в результате соединения культуры и права, его изучение и прикладная разработка должны опираться в равной степени на правовую и социально-культурную составляющую. Это предопределяет ход наших дальнейших рассуждений.

Для выработки надлежащего механизма повышения правовой культуры необходимо понимать причины (детерминанты) ее низкого уровня. *Именно воздействие на причины, а не на поверхностные проявления* низкой правовой культуры (правонарушения и преступления) должно быть основой политики

государства по повышению правовой культуры среди молодежи. В противном случае мы не искореняем проблему, а лишь маскируем ее.

Во-первых, молодежь имеет психологические особенности, в том числе при взаимодействии с правом. Молодежи характерны крайности по отношению к праву. Например, в психологии молодого человека может проявляться одновременно правовой *нигилизм* и правовой *идеализм*. Правовой *нигилизм* связан с отрицанием права, как элемента успешного регулирования взаимоотношений в социуме, отрицание законов, и он в целом характерен молодым людям. Правовой *идеализм* несет противоположное отношение человека к праву, возвышенное. Однако, идеализм может быть нарушен в результате несправедливости законодательства и правоприменения. Это сразу отталкивает молодого человека от права. Обе крайности могут приводить к девиациям и *правонарушениям*. Эти и другие психологические особенности следует учитывать и корректировать.

Во-вторых, молодежь – часть общества, подверженная повышенной внушаемости и влиянию социальной среды. Например, по результатам проведенного профессором Н. А. Барановским социологического исследования (опрошены более 700 экспертов) выявлено, что первостепенными причинами, влияющими на генезис и детерминацию девиаций несовершеннолетних, являются: а) семейное воспитание, ситуация в семье; б) окружение подростка вне дома; в) особенности поведения и образа жизни; г) распространенность пьянства и наркомании в социуме в целом; д) публичная безнаказанность правонарушителей; е) информация из СМИ, кино- и видеопродукции и т. д.

В-третьих, причиной низкой правовой культуры является несовершенство правовой политики и законодательства в области распространения ценности права среди молодежи. Правовыми причинами можно назвать и коллизии в праве, сложность восприятия нормативных правовых актов, внутренние представления молодого человека о юридической науке как о сложном, непостижимом знании и т. п.

Считаем, что в Беларуси необходимо принять комплексную программу по повышению правовой культуры среди молодежи. Эта программа должна учитывать рассмотренные ранее психологические, социальные и политико-правовые причины низкой правовой культуры среди молодежи. В рамках данной программы предлагаем:

- внедрить в социально-психологическую работу с молодежью (через школьных психологов и т. д.) меры по нивелированию правового нигилизма и правового идеализма на базовом уровне, психологической помощи лицам, подвергшимся несправедливому отношению при применении права;
- разработать комплекс мер по формированию реалистического (а не идеалистического) восприятия права молодежью, а именно – доступно объяснить молодым людям, как они могут и должны использовать права в быту и для защиты своих интересов;
- реализовать механизмы обеспечения молодежи удаленной юридической помощи (онлайн, помощи по телефону), обеспечить

распространение информации (рекламы) о возможности такой помощи на товарах, предметах частого пользования, в интернете и по телевидению;

- внедрить в школьные учебные программы материал, связанный с доступным донесением до молодежи текстов (правовых позиций, высказываний, удачных решений и т. д.) выдающихся юристов и адвокатов (М. Т. Цицерон, Г. Гроций, А. Ф. Кони, В. Спасович и т. д.), знаменитых дел;

- предусмотреть систему специальных мер по формированию надлежащего социально-культурного окружения молодежи (включая блокировку подозрительных интернет-ресурсов, которые оказывают деструктивное воздействие на молодых людей, а также закрепление обязанностей родителей в области правового воспитания, пропаганду ценности права и правовых способов решения конфликтов и т. д.);

- осуществить специальное повышение квалификации лиц, способствующих развитию и формированию правовой культуры (учителей, психологов и т. д.), направленное на обучение таких лиц методам и способам повышения правовой культуры молодежи;

- предусмотреть больше конкретных механизмов вовлечения молодых людей в работу органов власти, политических партий, законодательных органов (как в качестве активных граждан, так и наблюдателей), реализовать на системной и программной основе встречи представителей молодежи (всех слоев) с представителями законодательной, исполнительной властей; участие в онлайн-трансляциях мероприятий государственных органов, предоставление молодежи возможности участвовать в обсуждении решений и нормативных правовых актов органов власти и т. д.

Таким образом, деятельность по повышению правовой культуры молодежи должна носить комплексный и системный характер и требует дальнейшего и глубокого изучения.

Койфман М. А.

ЭВОЛЮЦИЯ ОТРАСЛЕЙ ПРАВА В ГОСУДАРСТВАХ РЕЛИГИОЗНОЙ ПРАВОВОЙ СЕМЬИ (НА ПРИМЕРЕ ЭВОЛЮЦИИ ОТРАСЛИ УГОЛОВНОГО ПРАВА В ИЗРАИЛЕ, ИРАНЕ И ВАТИКАНЕ)

Койфман Михаил Александрович, студент 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, 6200602@gmail.com

Научный руководитель: старший преподаватель Иванова Т. В.

Религиозная правовая семья объединяет правовые системы государств, в которых одной из доминирующих форм права являются религиозные нормы. Для более объективного и разностороннего анализа были рассмотрены правовые системы нескольких государств религиозной правовой семьи: Израиль, Ватикан и Иран.

Предметом исследования выступает эволюция отрасли уголовного права в указанных правовых системах, так как система преступлений и наказаний, влияние религиозных норм на их содержание представляют особый интерес

для изучения и воздействуют на формирование правовых систем религиозной правовой семьи.

Развитие уголовного права в Израиле носит наиболее противоречивый характер, так как на протяжении истории территория Израиля входила попеременно в составе Вавилона, Римской, Османской империй, Великобритании, а современная история государства началась лишь в 1948 г. Это сказалось на характере форм (источников) уголовного права, отсутствии систематизации уголовного законодательства под влиянием британского права. Основная форма уголовного права Израиля – Закон об уголовном праве Израиля 1977 г. Закон имеет три основные части: Вступительная часть (устанавливается специфика действия данного Закона во времени, пространстве и по кругу лиц), Общая часть (понятие преступления, соучастие, обстоятельства, исключющие уголовную ответственность), Преступления (описание составов преступлений и вопросы уголовного процесса). Преступление определяется через понятие состава преступления: деяние, содержащее состав преступления, или его часть. В качестве форм вины указываются преступный замысел (ст. 20 Закона об уголовном праве Израиля 1977 г.) и небрежность (ст. 21). Закреплена классификация преступлений по степени тяжести: тяжкое, средней тяжести, проступок (ст. 24). Система наказаний предельно проста: штраф (ст. 21) и тюремное заключение (пожизненное или срочное) (ст. 22). Исправительные работы понимаются как привлечение к труду при тюремном заключении. Закрепляется институт соучастия (ст. 29). Закон разделяет соучастников на три вида: исполнители, подстрекатели, пособники. Есть место и институту рецидива. Что касается презумпции невиновности, то этот институт функционирует в стране, однако есть категория дел, в которых обвиняемый должен сам доказать свою невиновность (например, когда есть подозрения о преступном приобретении имущества).

Уголовное право Ирана представляет не меньший интерес, так как огромную роль в его формировании играют религиозные нормы (Коран, Сунна и иджма). Уголовный кодекс Исламской Республики Иран (далее – УК Ирана) вступил в силу в 1991 г. и состоит из пяти книг, включающих в себя 729 статей. Следует отметить нехарактерное для европейских уголовных законов строение УК Ирана. В качестве основного структурного элемента предусмотрена Книга: первая содержит общие положения, а вот следующие четыре книги сформированы не исходя из объекта преступного посягательства, а в зависимости от общепризнанных в мусульманском праве категорий преступлений. В УК Ирана предусмотрены следующие виды наказаний: хаад (нормированное наказание) – вид, размер и порядок исполнения наказания определяется в соответствии с положениями Корана или Сунны пророка (ст. 13); кисас – наказание, эквивалентное преступлению («ответное наказание»); вира – денежное наказание, назначаемое судьей («кровавые деньги»); тазир – наказание, назначаемое судьей. В УК Ирана также закреплены презумпция невиновности (ст. 120) и институт соучастия (ст. 43), но с некоторым уклоном в сторону религии.

Особенность уголовного права Ватикана заключается в том, что, несмотря на наличие Кодекса канонического права, нормы уголовного права устанавливаются законодателями Италии, также из-за своего небольшого размера на географической карте в Ватикане нет тюрем, поэтому осужденные отбывают наказания в тюрьмах Италии. Однако Папа Римский может вносить некоторые изменения в законодательство: в частности, Папа обновил систему наказаний в соответствии с требованиями времени, для обеспечения соблюдения прав осужденного. Первая статья папского документа предусматривает досрочное освобождение от уголовной ответственности, т. е. сокращение срока на 45–120 дней за каждый год уже приведенного в исполнение наказания.

Таким образом, эволюция отрасли уголовного права в государствах религиозной правовой семьи на протяжении истории происходила под влиянием права государств семьи общего права, романо-германской правовой семьи, под мощным воздействием религии на содержание составов преступлений, системы наказаний, включением религиозных норм в уголовное законодательство, слабой систематизацией уголовного законодательства, наличием нетипичных для романо-германского права институтов.

Кухарчик А. А.

ОСОБЕННОСТИ АНГЛОСАКСОНСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

*Кухарчик Анна Андреевна, студентка 1 курса Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь,
Kuharcikanna795@gmail.com*

Научный руководитель: маг. юрид. наук Волков В. А.

В теории права выделяют романо-германскую, англосаксонскую, мусульманскую и социалистическую правовые системы, или как их еще называют – семьи. Что касается социалистической правовой системы, то будем исходить из того, что она является разновидностью романо-германской правовой семьи.

Правовую систему определяют как совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих юридических средств регулирующих общественные отношения и выражающих качественное состояние правовой организации того или иного общества. Все национальные правовые системы группируются по ряду признаков (общих и специальных). Критериями их классификации выступают: структура права, особенности теории и практики в определении источников права, юридическая техника и т. д.

Формирование англосаксонской системы права началось в XI в. в Англии и впоследствии она распространялась на колонии и доминионы, закрепившись в США, Канаде, Ирландии, Австралии, Новой Зеландии, а также 36 других государствах, которые являются членами Содружества (объединения Великобритании и ее бывших колоний).

В настоящее время в англосаксонском праве существует два типа норм: законодательные и прецедентные. Законодательные представляют собой (как и в романо-германской правовой системе) правила поведения общего характера, а прецедентные – определенную часть судебного решения по конкретному делу.

В ходе эволюции английское право обрело тройную структуру: общее право, право справедливости (дополняющее и корректирующее эту основную часть права) и статутное право, т. е. писаное право, сформированное в результате деятельности парламента.

Норма общего права менее абстрактна, чем норма права романо-германской семьи и направлена на то, чтобы разрешить конкретную проблему, а не сформулировать общее правило поведения на будущее. Нормы, касающиеся отправления правосудия, судебного процесса, доказательств и даже исполнения судебных решений, в глазах юристов этих стран имеют не меньшее значение, чем нормы, относящиеся к материальному праву.

Право справедливости постепенно претерпело существенные изменения. Оно стало реализовываться на основе ранее рассмотренных дел и тоже превратилось в право прецедентное. Таким образом, структура английского права стала двойственной. В свою очередь это привело к созданию двух параллельных судебных систем, дублирующих функции друг друга, что сделало судопроизводство более громоздким. Переломным моментом в истории стала стандартизация судебной системы в 1873–1875 гг., в результате которой различие между судами общего права и судами справедливости было ликвидировано. Все английские суды получили право применять и нормы общего права, и нормы права справедливости, в отличие от прежде существовавшего положения, при котором надо было обращаться в суд общего права и в канцлерский суд, чтобы получить решение по общему праву на основании норм права справедливости.

Другим источником англосаксонского права являются статуты (законы, принимаемые высшими законодательными органами). Взаимосвязь между статутным и прецедентным правом уникальна. С одной стороны, статут имеет право отменять действующие прецеденты, а с другой – он реализуется в прецедентах. На удивление, статут не считается действующим, пока не воплотится в прецедентах, т. е. пока на его основе не будут приняты судебные решения, имеющие прецедентное значение.

В равных условиях со статутами (законами) в странах с англосаксонской правовой системой являются акты так называемого делегированного законодательства органов исполнительной власти (президента, правительства, министров) и нормативные правовые акты местных органов государственной власти. Нормы права в этих актах носят, как правило, детальный, ситуативный характер и так же формулируются в виде прецедентов.

На основании изложенного, можно прийти к выводу, что англосаксонская правовая система имеет ряд особенностей: исключительное построение системы, т. е. она имеет структуру, которая складывалась на

протяжении многих веков; специальную правовую терминологию; наличие отличных от остальных правовых институтов.

Все вместе взятые особенности англосаксонской правовой системы в конечном итоге содействовали формированию особой правовой культуры общества, обусловленной менталитетом населения.

Лукашеня Е. А.

ГЕОКУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ГОСУДАРСТВА В КОНЦЕПЦИИ МИР-СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА

Лукашеня Екатерина Алексеевна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, katrinadderly@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Калинин С. А.

В концепции мир-системного анализа государство рассматривается как один из пяти институтов капиталистической мир-экономики, существование которого определяется его отношениями с другими государствами и чей суверенитет ранжируется от полного до нулевого. Капиталистическая мир-система является трехуровневой (ядро–полупериферия–периферия), где производственные процессы обладают разной степенью эффективности и существует определенный порядок распределения прибавочной стоимости. Поскольку производственные процессы базируются и юридически, и физически в определенных государствах, можно говорить о том, что трехзвенная система в некотором смысле имеет и геополитическое преломление.

Государства капиталистической мир-экономики существуют исключительно в рамках межгосударственной системы, и, по словам Иммануила Валлерстайна, «их относительная сила заключается даже не в том, насколько эффективно они могут применять свою власть внутри страны, а насколько гордо смогут они держать голову в окружении конкурентов по миросистеме». Несмотря на то что официальная международная доктрина провозглашает принцип суверенного равенства государств, практически сильные ядра оказывают давление на слабые государства полупериферии и периферии, обеспечивая этим такую базовую характеристику мир-системы, как неэквивалентный обмен и внеэкономическую эксплуатацию.

Культурным основанием мир-системы, или культурным способом организации мирового пространства и обеспечения легитимности сформированного в интересах ядра глобального порядка является либеральная геокультура. Под геокультурой понимается средство идеологической стабилизации, включающее «комплекс базовых ценностей и парадигмальных мыслительных приемов, характерных для этой мир-системы».

Идеологическую базу, лежавшую в основе развития капиталистической мир-экономики в период с 1789 г. составлял либерализм. Великая Французская революция, положившая начало распространению либерализма

как содержания геокультуры, привнесла два существенно важных изменения в «политический менталитет»: нормальность, естественность политических изменений и суверенитет народа. Иные идеологические течения – консерватизм и социализм, порожденные наряду с либерализмом, базировались на этих же предпосылках.

Изначально политическая идеология, либерализм, восторжествовав над консерватизмом и социализмом, превратился со временем в политическую стратегию, работавшую на укрепление государственных структур стран ядра. Преломляясь через политико-правовое измерение, либеральная геокультура определила два основных вопроса, решаемых на уровне государства: права человека и права народов.

Провозглашая универсальность прав человека и равенство граждан перед законом, фактически либерализм разрешает вопрос: «Кто имеет право на права человека?» кардинально противоположным образом. Прежде всего, суверенитет принадлежит народу – «группе более широкой, чем «знать», но более узкой, чем «все», или даже чем «все, проживающие в географических границах данного суверенного государства». Это – граждане государства, претендующего в современной мир-системе на «исключительную юрисдикцию над всеми лицами, обитающими на его территории». Соответственно, в ином положении оказываются иностранцы или лица без гражданства. Однако и среди граждан пользоваться полнотой прав человека могут не все: ограниченными оказываются целые группы классов, представляющих опасность для капиталистического типа производства.

Следовательно, политический проект либерализма для стран ядра состоит «в том, чтобы приручить опасные классы, предложив всеобщее избирательное право, политику благосостояния и национальное самосознание». Незначительность этих социальных уступок очевидна при внимании к двум факторам: «во-первых, на общий уровень жизни в странах сердцевины благотворно влияет перевод прибавочного продукта из периферийных зон, а во-вторых, локальный национализм каждого из этих государств дополняется коллективным национализмом «цивилизованных» наций по отношению к «варварам».

Исходя из положения о принадлежности прав человека «цивилизованным» нациям, становится очевидным, что права народа принадлежат лишь немногим конкретным народам стран ядра.

В таком контексте либеральная геокультура, провозглашаемая в качестве геокультуры развития или модернизации, является не чем более, кроме как исторической формой культурного давления государств ядра на государства полупериферии и периферии с целью легитимации существующего миропорядка, выстроенного на неэквивалентном обмене, поляризации между разными уровнями экономических зон и внеэкономической эксплуатации, и осуществляемой путем использования государствами ядра «либеральных идей в качестве инструмента «управляемого хаоса» по отношению к любой незападной государственности в целях закрепления своего доминирующего положения».

Орловский Р. В.

ЭЛЕКТРОННАЯ ПЕТИЦИЯ КАК ЭТАП НОРМОТВОРЧЕСКОГО ПРОЦЕССА: ОПЫТ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Орловский Руслан Витальевич, студент 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, rus.orel2406@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Щербик Д. В.

Сегодня не только в нашей стране, но и во всем мире остро стоит вопрос правовой инициативы граждан. Уже сейчас гражданское общество готово к участию и обсуждению тех или иных нормативных правовых актов для определения дальнейшей стратегии развития страны, формирования правовой политики, поэтому голос каждого человека и гражданина должен быть услышан государством. Сегодня петиции, размещенные в социальных сетях, выражают мнение большей части активного населения. Необходимо правовое совершенствование данного вопроса, поскольку такой способ общения с властью носит крайне неустойчивый характер.

Нечто похожее на современные петиции уже существовало в императорском Китае, где с III в. до н. э. было принято подавать письменные прошения непосредственно императору. Тогда метод был действительно действенным, поскольку существовали случаи, когда по жалобам с мест снимали высоких чиновников.

В качестве примера можно также привести петицию под названием Великая хартия вольностей, повлиявшую на ход европейской истории. Петиция была принята королем Иоанном Безземельным 15 июня 1215 г. В ней содержались гарантии основных привилегий и свобод, на которых базируется фундамент государственной системы Британии. Великая хартия вольностей значительно повлияла не только на ход европейской истории, но и всей мировой истории.

Сегодня большей известностью пользуются петиции, которые были распространены в Великобритании в XVIII–XIX вв. В то время было принято подавать петиции в палату общин Парламента. Многие петиции способствовали существенным изменениям в системе управления. Можно даже отметить, что в 1836–1848 гг. в Великобритании появилось движение чартистов, названное так в честь поданной в 1839 г. петиции (charter) парламенту, требованием которой было ввести в стране всеобщее, прямое, тайное и равное избирательное право.

Достоин упоминания и то, что петициям отведена целая статья Устава Организации Объединенных Наций, принятого в 1945 г. В ст. 87 Устава определены полномочия Генеральной Ассамблеи и находящегося под ее руководством Совета по Опеке: «Принимать петиции и рассматривать их, консультируясь с управляющей властью».

Сегодня зарубежные государства все чаще прибегают к институтам электронной демократии. В Великобритании, например, используют сайт «HM Government epetitions». С помощью этого сайта граждане могли

размещать онлайн-голосование, инициативы, которые, в случае поддержки в течение года более 100 000 гражданами, рассматриваются палатой общин. По данным официального источника, из 24 695 зарегистрированных петиций 353 петиции получили ответ от Правительства, 45 прошли обсуждение в палате общин. Аналогичный сайт есть и в Соединенных Штатах Америки, где существует интернет-портал «We are People», на котором предлагаются для всеобщего обсуждения инициативы в течение одного месяца.

Наиболее привлекательным представляется опыт Германии именно по причине реализации идеи при непосредственном участии органа законодательной власти. В 2005 г. на сайте бундестага появился специальный раздел для размещения общественных петиций. Результатом работы в истекший период стало возрастающее число общественных инициатив, выносимых на рассмотрение высшего представительного органа. Так, в 2011 г. число инициатив составило более 15000. Процедура размещения и обсуждения инициативы начинается с формирования петиционной комиссии при бундестаге, дающей разрешение на размещение инициативы на сайте. При поддержке 50000 голосов инициатива рассматривается вновь петиционной комиссией при непосредственном участии инициаторов, прежде чем поддержанная петиция получит свое дальнейшее движение.

Следует также отметить, что в отдельных странах смысл и целевая направленность понятий «петиция» и «обращение» не совпадают. В Германии право на петицию отнесено к основным правам. В силу этого его носителем может быть каждый, т. е. не только граждане Германии, но и иностранцы, апатриды, а равно германские юридические лица, объединения лиц частного права. Во Франции же петицию-жалобу вправе подать любой индивид, но право на обращение с какими-либо позитивными предложениями предоставляется только гражданам. Иными словами, петиция может выступать в качестве обращения в защиту собственных интересов и как некой формой законодательной инициативы.

Петиция неразрывно связана с правовой инициативой. Человеческое общество устроено таким образом, что при возникновении потребностей разного характера все помыслы и устремления направлены на восполнение возникшего запроса. Так и появилась петиция, являющаяся следствием неслышенности граждан или общественных объединений, атрофированной формой правовой инициативы. Сегодня возможности сети Интернет позволили современному поколению открыть для себя электронные петиции, что существенно расширяет круг лиц, участвующих в правовой политике государства.

Пархамович В. А.

ЭКОЛОГО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Пархамович Варвара Андреевна, студентка 2 курса Гомельского государственного университета им. Франциска Скорины, г. Гомель, Беларусь, varya.parkhamovich@bk.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Брилёва В. А.

Одним из наиболее действенных способов обеспечения рационального использования природных ресурсов и охраны окружающей природной среды является юридическая ответственность, которая имеет место в случаях нарушения норм экологического законодательства. С целью эффективности средств реализации нормативно-правовых предписаний необходимо существование ответственности за правонарушения, относящиеся к экологическим. При рассмотрении юридической ответственности как института следует выделить, что по отношению к области взаимодействия человека с природой данный институт получил в настоящее время широкое распространение и продолжает динамично развиваться. В науке о праве ученые, как правило, выделяют всего четыре традиционных вида юридической ответственности. К ним относятся гражданская, уголовная, административная и дисциплинарная. Но после того, как экологическое право начало выделяться учеными-правоведами как самостоятельная отрасль права, зародился еще один вид ответственности за правонарушения, связанные с экологией – «эколого-правовая» ответственность.

Выделение эколого-правовой ответственности в качестве самостоятельного вида юридической ответственности вызывает противоречия между учеными. Например, В. В. Петров рассматривал эколого-правовую ответственность в качестве неблагоприятных последствий, которые предусмотрены правом и которые возникают в случаях несоблюдения требования правовых норм, связанных с охраной окружающей среды. Однако такой взгляд на данный вид ответственности вызвал ряд критики со стороны таких ученых, как Ю. С. Шемшученко, Б. Г. Розовский, Е. И. Ефимов, В. Л. Мунтян и С. А. Боголюбов. По мнению указанных ученых, такой вид юридической ответственности относителен и не является самостоятельным, поскольку выражается в совокупности иных, основополагающих, видов ответственности, широко используемых в природоохранительной сфере. С. А. Боголюбов утверждает, что в связи с тем, что экологическое право обладает собственными предметом, методом, институтами, категориями, субинститутами, подотраслями, образующими систему, на данный момент нет надобности в создании неестественных условий, а также доводов для выделения эколого-правовой ответственности как самостоятельного вида юридической ответственности. Полностью противоположного мнения придерживается ученый В. Н. Яковлев. По его мнению, эколого-правовая ответственность существует как самостоятельный вид юридической ответственности.

По мнению М. М. Бринчука, эколого-правовая юридическая ответственность выражается в качестве отношений, возникающих между лицом, совершившим экологическое правонарушение/преступление и государством в лице органов, которые уполномочены его представлять. М. М. Бринчук выделяет эколого-правовую ответственность как отдельный, самостоятельный вид юридической ответственности. А. П. Анисимов, А. Е. Черноморец и А. Я. Рыженков обозначают тот факт, что продолжительное время эколого-правовая ответственность вызывала споры, и вопрос о ее существовании как самостоятельного вида юридической ответственности был открыт. Ученые, которые придерживаются мнения о том, что такая ответственность является обособленным, самостоятельным видом, объясняют это тем, что такие санкции, как лишение определенной лицензии на право природопользования, прекращение/ограничение деятельности физических лиц, а также юридических, реализующих ее с нарушением природоохранного законодательства и др., выступают в качестве самостоятельной формы природоохранительной ответственности.

Наиболее важной отличительной чертой, которая позволяет говорить о том, что эколого-правовая ответственность является самостоятельным видом юридической ответственности, является особый порядок реализации такой санкции, как ограничение/прекращение права специального природопользования. Такой порядок значительно отличается от порядка применения мер в уголовном процессе или же в административном процессе.

Представляется, что эколого-правовая ответственность имеет все основания, чтобы получить статус самостоятельного вида юридической ответственности. Такими основаниями выступают признаки, характерные для юридической ответственности, например, наступление неблагоприятных последствий для субъекта, совершившего правонарушение в экологической области; установление/наложение ответственности государственным представителем; факт осознанного, целенаправленного противоправного правонарушения, а также осуждение за данное правонарушение со стороны государства, существование таких правонарушений, которые выступают основанием для привлечения правонарушителя к ответственности. Такая ответственность наступает исключительно за правонарушения в области экологического права.

Романчук Д. Е.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Романчук Дарина Евгеньевна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, darrrrrrrrrr03@gmail.com

Научный руководитель: старший преподаватель Иванова Т. В.

В современных условиях одним из важнейших факторов, оказывающих существенное воздействие на право как на регулятор общественных отношений, выступает цифровизация. Новые цифровые технологии

порождают новые общественные отношения. Как следствие, возникает необходимость в трансформации правовых регуляторов, их приспособлении к возрастающему темпу жизни, к решению стоящих перед обществом и государством задач.

В судебной правоприменительной деятельности влияние цифровизации выражается как в преимущественном использовании при анализе обстоятельств дела и непосредственном его рассмотрении цифровых источников информации и механизмов (в том числе электронных доказательств и онлайн заседаний), так и во все более широком применении электронных способов подачи исковых заявлений и организации иного информационного дистанционного взаимодействия с заявителем, а при необходимости – с иными органами и организациями. Отрицательное влияние цифрового процесса правосудия – отсутствие должной индивидуализации при рассмотрении дела, которое может привести к принятию хотя формально и законного, но с нравственной точки зрения несправедливого решения. Однако, возможности цифровизации (электронный документооборот, извещение участников процесса, содержание судебных постановлений, принятых по итогам рассмотрения спора) позволяют разгрузить суды от рутинной работы и детально рассматривать дела.

Цифровой нормативный правовой акт – новая, существующая в электронном виде, форма правового акта – представляется гибким инструментом регулирования общественных отношений. Его модель должна быть основана на эффективном сочетании общеобязательных правил поведения с возможностью настройки под конкретный случай и конкретных субъектов. Гибкий и адаптивный характер цифрового закона предполагает необходимость создания столь же гибких механизмов и средств правоприменения. Варианты возникновения подобных механизмов в настоящее время возможны на базе такой новой технологии, как блокчейн. Будучи системой распределенных данных, достоверность которых гарантирована самой структурой, блокчейн дает возможность заключения смарт-контрактов. Первые шаги, сделанные в этом направлении участниками общественных отношений, показывают хорошие перспективы смарт-контрактов в плане возможности занять важное место в системе применения права, прежде всего в сфере экономики.

Важной задачей является обеспечение надлежащей защиты информации, которая циркулирует в государственно-правовом пространстве. Зоны риска: неправомерное использование персональных данных субъектов правоотношений; несанкционированные «утечки» информации, доступ к которой законодательно ограничен; риск утраты накопленной в электронной форме информации, что может привести к нежизнеспособности всей системы госуправления; риск ошибочного срабатывания применяемых схем, алгоритмов и образцов (может привести к нарушению прав, свобод и законных интересов участников правоотношений).

При своем несомненном положительном значении для правоприменения и для правовой системы в целом (повышение комфорта выполнения

процессов поиска, анализа и структурирования информации, оформления необходимых документов), цифровизация имеет и негативный потенциал (риск упрощенного и «бездушного» подхода к разрешению жизненных ситуаций, который может привести к недостаточному учету важных обстоятельств при рассмотрении конкретного случая и принятию в конечном итоге несправедливого решения).

Практические рекомендации по дальнейшему совершенствованию цифровой правоприменительной деятельности: внедрение систем самопроверки и внешней проверки принимаемых правоприменительных решений на предмет соответствия их принципам обоснованности, справедливости, законности, целесообразности и необходимой степени индивидуализации; постоянное информирование граждан и бизнеса о возможностях и порядке использования цифровых механизмов во взаимодействии с органами власти; принятие мер по обеспечению сохранности (по возможности дублирования) содержащейся в официальных базах данных информации; своевременное инициирование внесения необходимых изменений в законодательство.

Таким образом, современные технологии существенно преобразуют действительность, создают новую реальность. В этой реальности и право приобретает цифровые формы. «Цифровое правоприменение» впоследствии станет обыденным явлением и если не полностью, то в значительной части заменит собой аналоговое «бумажное» правоприменение.

Семашко Е. А.

СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ КАК ОСОБЫЙ ИСТОЧНИК КАНОНИЧЕСКОГО ПРАВА

*Семашко Елизавета Андреевна, студентка 2 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
liza.semashko.05@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Лагун Д. А.

Священное Писание является главным формальным источником познания Божественного права. В христианстве Священное Писание – Библию – составляют книги Ветхого и Нового Завета, которые, как учит Церковь, написаны по вдохновению Божию, и именуются каноническими.

В христианской Церкви значимость книг Ветхого и Нового Завета не одинакова. Иисус Христос говорит о Ветхом Завете следующее: «Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков; не нарушить пришел Я, но исполнить» (Мф. 5, 17). Апостол Павел характеризует ветхозаветный закон как «детоводитель ко Христу» (Гал. 3, 24), «закон, имея тень будущих благ, а не самый образ вещей» (Евр. 10, 1).

Выдающийся христианский философ блаженный Аврелий Августин указывает на взаимосвязь Ветхого и Нового Завета: «Новый Завет скрывается в Ветхом, Ветхий открывается в Новом».

Протоиерей Владислав (Цыпин) справедливо указывает на то, что в Ветхом Завете правовые предписания, касающиеся не только храма и богослужения, но и общественной жизни народа, семейных и имущественных отношений, занимают исключительно важное место. Они по полноте и обстоятельности, по подробному регламентированию всевозможных казусов носят характер юридических кодексов.

Однако с пришествием в мир Иисуса Христа значительная часть ветхозаветных предписаний стала для христиан не актуальной, но обязательную силу сохранило Десятословие Моисея (Исход, 20, 2–17) как нравственное учение Ветхого Завета. Позволим себе сравнить Десятословие Моисея с конституцией государства: оно является системообразующим сводом правил, который, с одной стороны, составляет базис для остальных источников, с другой – является источником норм прямого действия для членов Церкви. Кроме этого, отдельные ветхозаветные правовые нормы (наличие показаний двух или трех свидетелей для установления истины в суде, запрет заключать кровосмесительные браки, запрет налагать двойное наказание за одно преступление) положены в основу сформулированных позднее канонов.

В Новом Завете определены основные положения об устройстве Церкви, служении Апостолов, о церковных Таинствах, о церковном суде, об отношении к государственной власти, о браке. Особое место среди книг Нового Завета занимает Евангелие от Апостолов Матфея, Марка, Луки, Иоанна.

В Евангелии много внимания уделяется вопросам служения Апостолов, отношений между ними: «Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся» (Иоан. 20, 23). Иисус Христос, посылая учеников «на жатву Свою», позволил им получать содержание от пасомых: В доме же том оставайтесь, ешьте и пейте, что у них есть: ибо трудящийся достоин награды за труды свои» (Лк. 10, 7).

Так было установлено Таинство крещения: «Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына, и Святого Духа» (Мф. 28, 19); Таинство Евхаристии: «И, взяв хлеб и благодарив, преломил и подал им, говоря: сие есть Тело Мое» (Лк. 22, 19); Таинство покаяния: Господом дана Апостолам и в лице их священству власть разрешать грехи: «что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе» (Мф. 18, 18).

Особенно важно для юридической науки правило отношения к государственной власти: «отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мф. 22, 21); а также учение о браке: «посему оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одной плотью, так что они уже не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает. <...> кто разведется с женою своею не за прелюбодеяние и женится на другой, тот прелюбодействует; и женившийся на разведенной прелюбодействует (Мф. 19, 5–6, 9).

Евангельские заповеди находят свое продолжение в Посланиях Святых Апостолов, поэтому закономерно, что Деяния и Послания Святых Апостолов – составные части Нового Завета.

Таким образом, в Новом Завете Священного Писания сформулированы заповеди Христовы, составляющие фундамент учения и жизни Церкви: определены основные положения об устройстве Церкви, служении Апостолов, о церковных Таинствах, о церковном суде, об отношении к государственной власти, о браке. Десятословие Моисея также сохранило для христиан обязательную силу. Отдельные ветхозаветные правовые нормы положены в основу сформулированных позднее канонов.

Сидоренко К. С.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ БЕЛАРУСИ И РОССИИ ПРОТИВ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМ ПРЕСТУПНОСТИ В РАМКАХ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА

*Сидоренко Кирилл Сергеевич, курсант 2 курса Академии Министерства
внутренних дел Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь,
kirillsidorenko427@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук Григорьев А. В.

Распад Советского Союза и переход от старых к новым западным тенденциям законодательной, политической и экономической систем породили ряд негативных событий на постсоветском пространстве в 1990-е гг. Экономические и другие кризисы в странах бывшего Союза, рост смертности в мирное время, резкое понижение рождаемости, невыплаты заработной платы, социальных пособий, обесценивание сбережений граждан и т. п. существенно повлияли на уровень преступности.

С декабря 1991 г. после распада Советского Союза и образования Содружества Независимых Государств между Республикой Беларусь и Российской Федерацией шел процесс наращивания двусторонних связей. Были подписаны договоры, укрепляющие отношения в политической, экономической, социальной и других сферах. Впоследствии, в декабре 1999 г., был подписан договор о создании Союзного государства Беларуси и России, вступивший в силу в январе 2000 г.

Обеспечение безопасности и борьба с различными формами проявления преступности является важнейшей приоритетной целью сотрудничества в рамках Союзного государства, для достижения которой постановлением Совета Министров Союзного государства от 30 декабря 2002 г. была принята программа «Борьба с преступностью на территории государств – участников Союзного государства на период 2003–2005 гг.». Задачи программы заключались в осуществлении профилактических мероприятий и мероприятий, направленных на борьбу с различными проявлениями преступности, противодействие проявлению различных форм организованной преступности в пределах Союзного государства, а также в

развитии тесных связей и объединении совместных усилий правоохранительных органов Беларуси и России в борьбе с транснациональными преступными сообществами.

Активное взаимодействие между органами внутренних дел России и Беларуси ведется с 1997 г. на основе соглашения о сотрудничестве между министерствами внутренних дел союзных государств. Для этих целей была создана Объединенная коллегия министерств внутренних дел Беларуси и России (в настоящее время Объединенная коллегия министерств внутренних дел Союзного государства). Не только соглашение закрепляет правовую основу деятельности Объединенной коллегии. Главенствующую роль в регулировании отношений имеет Положение об Объединенной коллегии министерств внутренних дел Союзного государства, а также регламент объединенной коллегии и состав объединенной коллегии. Заседание коллегии союзного государства происходят 1 раз в год поочередно на территории одного из государств, либо вне очереди по предложению одной из сторон. Каждое заседание объединенной коллегии заканчивается вынесением мотивированного решения.

Эффективное взаимодействие по борьбе с преступностью стало важным и ключевым этапом взаимодействия органов внутренних дел Беларуси и России по защите населения стран-участниц. Большой опыт совместной работы на всех уровнях – от подразделений центральных аппаратов до районных отделов был накоплен за время взаимодействия органов внутренних дел Беларуси и России. Накопленный опыт во взаимодействии сотрудников органов внутренних дел стран – участниц Союзного государства позволяет эффективно бороться с различными формами преступности внутри государства. На заседаниях Объединенной коллегии министерств внутренних дел Союзного государства проводится не только подписание союзных программ по борьбе с преступностью, административными правонарушениями, но и обмен накопленным опытом, обсуждение планов проведения совместных учений и операций, и т. д.

Синькевич Н. А.

СИСТЕМА НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

*Синькевич Николай Александрович, курсант 2 курса факультета
криминальной милиции Академии Министерства внутренних дел Республики
Беларусь, г. Минск, Беларусь, skylermolodoy@mail.ru*

Научный руководитель: преподаватель Дубрава Н. М.

Увеличение числа нормативных правовых актов в Республике Беларусь, а также их видовое многообразие неизбежно ведет к возрастанию актуальности вопроса о правильном определении их системы и месте конкретных нормативных правовых актов в этой системе. С практической точки зрения вопрос о системе нормативных правовых актов является

актуальным ввиду того, что на ней строится как правотворческая, так и правоприменительная деятельность.

Прямой нормы-дефиниции, определяющей понятие «система нормативных правовых актов» в действующем законодательстве нет. Несмотря на это, перечень и иерархию нормативных правовых актов, в совокупности своей составляющих систему, можно определить путем анализа Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция) и принятого на ее основе Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» (далее – Закон).

Так, ст. 3 Закона предлагает к использованию термин «законодательство», под которым понимается «система нормативных правовых актов, характеризующаяся их внутренней согласованностью, иерархией и обеспечивающая правовое регулирование общественных отношений». Согласно этой же статье законодательство составляют следующие нормативные правовые акты: Конституция Республики Беларусь; решения, принятые республиканским референдумом; законы Республики Беларусь; декреты, указы Президента Республики Беларусь; постановления Совета Министров Республики Беларусь; постановления Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь; постановления Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь; нормативные правовые акты Верховного Суда Республики Беларусь, Генеральной прокуратуры, нормотворческих органов, подчиненных (подотчетных) Президенту Республики Беларусь; нормативные правовые акты министерств, иных республиканских органов государственного управления; решения, принятые местным референдумом, решения местных Советов депутатов, исполнительных и распорядительных органов; нормативные правовые акты иных нормотворческих органов (должностных лиц); технические нормативные правовые акты.

Характеристика каждого вида нормативного правового акта, а также их юридическая сила достаточно подробно изложена в главе 2 Закона. В настоящий момент вышеуказанные положения Закона должны будут претерпеть ряд изменений и дополнений в связи с состоявшимся 27 февраля 2022 г. Республиканским референдумом. Так, итогом Республиканского референдума стало изменение и дополнение положений Конституции, в том числе в части вопроса, касающегося системы нормативных правовых актов. Во-первых, была изменена ст. 85 Конституции, согласно которой в настоящее время «Президент на основе и в соответствии с Конституцией издает указы и распоряжения, имеющие обязательную силу на всей территории Республики Беларусь. Указы и распоряжения Президента не должны противоречить законам», т. е. из системы нормативных правовых актов необходимо исключить декреты Президента, имеющие в отдельных случаях силу закона. Во-вторых, Конституция была дополнена главой 3-1 «Всебелорусское народное собрание». Согласно ст. 89-5 Конституции, «Всебелорусское народное собрание для реализации возложенных на него конституционных функций принимает решения. Решения Всебелорусского

народного собрания являются обязательными для исполнения и могут отменять правовые акты, иные решения государственных органов и должностных лиц, противоречащие интересам национальной безопасности, за исключением актов судебных органов». Иными словами, система нормативных правовых актов должна будет дополнена новым видом правового акта, природа и юридическая сила которого в настоящий момент не определена.

Вышеизложенное очередной раз подтверждает актуальность вопроса о системе нормативных правовых актов Республики Беларусь, а также указывает законодателю первоочередную задачу в нормотворческой деятельности. Первый шаг уже сделан – на общественное обсуждение вынесен проект Закона Республики Беларусь «О Всебелорусском народном собрании».

Спиридонова В. С.

ИНСТИТУТ КОНСТИТУЦИОННОЙ ЖАЛОБЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Спиридонова Валерия Сергеевна, студентка 2 курса Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины, г. Гомель, Беларусь, leraspiridonova@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Брилёва В. А.

Права человека являются важнейшим и необходимым элементом для существования и развития общества в условиях правового демократического государства. Определить, какое государство является демократическим, позволяет именно гарантированность, а следовательно, и защита этих прав. В ст. 3 Конституции Республики Беларусь четко сказано: «Единственным источником государственной власти и носителем суверенитета в Республике Беларусь является народ». Власть народа первична и неотчуждаема и осуществляется народом путем свободного волеизъявления через выборы, референдумы, иные формы непосредственной демократии в порядке, установленном Конституцией Республики Беларусь, через органы государственной власти и органы местного самоуправления.

Немаловажную роль в системе судебной защиты прав и свобод человека и гражданина играет Конституционный Суд Республики Беларусь. А одним из наиболее эффективных способов конституционной защиты прав и свобод граждан является закрепление всеобъемлющего института конституционной жалобы, который дает возможность гражданам напрямую обратиться в орган конституционного контроля при нарушении их конституционных прав и свобод законами, иными нормативными правовыми актами, примененными при рассмотрении конкретного дела. Так, В. А. Кряжков утверждает: «Наличие института конституционной жалобы как одного из важнейших средств защиты прав и свобод человека во многом определяют смысл

существования Конституционного Суда, и, наоборот, его отсутствие заметно обесценивало бы конституционное правосудие».

27 февраля 2022 г. состоялся республиканский референдум по вопросу внесения изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь. Так, дополнения были внесены в гл. 6 «Суд» разд. 5 Конституции Республики Беларусь. Положением ст. 116¹ Конституции у граждан появилось право непосредственного обращения с жалобой при нарушении их конституционных прав и свобод с целью проверки конституционности законов, примененных в конкретном деле, если были использованы все иные средства судебной защиты.

Конституционный Суд отмечает, что появившееся право граждан на индивидуальную конституционную жалобу стало еще одной важнейшей правовой гарантией обеспечения правового статуса личности, способствовало повышению уровня защищенности конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Можно сказать, что право граждан на конституционную жалобу представляет собой некий ориентир для государства, которое, в свою очередь, обязано содействовать формированию гражданского общества, заботиться о человеке и его безопасности. Таким образом, конституционную жалобу можно смело рассматривать не только как гарантию прав человека, но и как институт непосредственной демократии. Данный институт играет немалую роль в сфере защиты прав человека и укрепления верховенства права и законности в государстве.

В более широком смысле конституционная жалоба является фактором развития человека как субъекта права, ведь это дает ему ощущение принадлежности к процессу нормативного закрепления своего правового статуса.

Введение в Республике Беларусь института конституционной жалобы повлечет за собой установление в законодательстве о конституционном судопроизводстве требований, которые должны будут учитываться при рассмотрении и составлении конституционной жалобы (сроки подачи в Конституционный Суд Республики Беларусь; основания для прекращения их рассмотрения и т. д.).

Анализ опыта функционирования института конституционной жалобы в таких странах, как Германия, Австрия, Латвия, Польша, Россия и другие позволяет сделать вывод о том, что введение такого института в конституционное законодательство Республики Беларусь, а также наличие необходимости дальнейшего укрепления демократии и развития правового государства подтверждают его важность и актуальность.

Фатхутдинова Э. Ф.

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА

*Фатхутдинова Элина Фаридовна, студентка 2 курса Казанского филиала
Российского государственного университета правосудия, г. Казань,
Республика Татарстан, Россия, fatkhutdinova77@bk.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Гурьянова В. В.

Актуальность исследования роли и значения экологической функции государства обусловлена тем, что на сегодняшний день, в период экономических реформ и высокого индустриального роста, произошло резкое падение качества окружающей природной среды, что обязало большое количество стран, в том числе Российскую Федерацию, задуматься о вопросах экологии и важности их немедленного решения. В связи с этим увеличивается значение экологической функции государства, реализация которой позволит создать благоприятную среду для существования человека.

Необходимость в экологической функции государства вызвана последствиями для человека научно-технической революции, которая, создавая огромные блага для людей, в свою очередь, вызывает разного рода неблагоприятные последствия в экологических системах; ведет к загрязнению почв, воздуха и водных источников, радиоактивному загрязнению, загрязнению атмосферы, создает угрозу растительному и животному миру, здоровью и жизни человека. В этой ситуации проблема охраны окружающей среды вышла на передний план. По мнению Н. Д. Вершило, экологическая функция должна быть не только одной из важнейших функций, но и основополагающей, так как она призвана обеспечивать влияние на другие функции государства и в конечном счете сохранить окружающую природную среду для настоящих и будущих поколений (<https://wiselawyer.ru/poleznoe/6047-ehkologicheskaya-funkciya-rossijskogo-gosudarstva-kontekste-ustojchivogo-razvitiya>).

Содержание экологической функции составляет важный элемент – охрана и защита экологических прав. Под экологическими правами граждан известный российский ученый М. М. Бринчук понимает «признанные и закрепленные в законодательстве права индивида, обеспечивающие удовлетворение разнообразных потребностей человека при взаимодействии с природой»¹. К этим правам можно отнести: право на достойную окружающую среду; право на достоверную информацию о состоянии окружающей среды; право на охрану здоровья от негативного воздействия. А. Ф. Черданцев считает, что «на первом месте в содержании экологической функции является регулирование и координация деятельности природопользователей и переработчиков природных ресурсов для того, чтобы сохранить природную среду».

¹ Цит. по: Экологическое право : учеб. пособие / С. А. Балашенко [и др.]; под ред. Т. И. Макаровой, В. Е. Лизгаро. Минск : БГУ, 2008.

Экологическая функция государства осуществляется в разных видах. Под видами принято считать методы или способы ее реализации. Исполняя экологическую функцию, государство пользуется правовыми и организационными методами. Правовые виды реализации экологической функции российского государства исполняются прежде всего в рамках специализированных ветвей власти – законодательной, исполнительной и судебной. К организационным методам реализации экологической функции государства относится принятие экономических мер, проведение экологической экспертизы, экологической сертификации, мониторинга, экологического контроля и др. Выполнение государством экологической функции представляет собой контролирование соответствующих общественных отношений. Значительная часть общественных отношений относительно природы управляется правом окружающей среды или же экологическим правом.

Целью государственной политики в сфере экологического развития является сохранение благоприятной окружающей среды, биологической разнообразности и природных ресурсов для удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений.

Таким образом, экологическая функция государства представляет собой такой тип его деятельности, который связан с охраной окружающей природной среды, рациональным использованием природных ресурсов, обеспечением экологической безопасности, охраной и защитой экологических прав граждан. Построение обоснованных экономических отношений между природопользователями, государством и обществом по использованию и охране объектов окружающей среды – одно из приоритетных направлений экологической функции государства на сегодняшний день. Участниками реализации экологической функции являются специальные уполномоченные органы и должностные лица.

Федоренко В. В.

КОДИФИКАЦИЯ КАК ВАРИАНТ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ТЕХНИЧЕСКИХ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

*Федоренко Виктория Валерьевна, студентка 2 курса Гомельского
государственного университета имени Франциска Скорины, г. Гомель,
Беларусь, fedorenko.viktoria07@mail.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Брилёва В. А.

Технические нормативные правовые акты (далее – ТНПА) регулируют стремительно развивающиеся технические общественные отношения. Под последними понимаются общественные отношения по поводу планирования и прогнозирования техники и технологий; документирования для их разработки и эксплуатации; разработки; использования; утилизации старой техники; ответственности за причиненный ущерб природе, что обеспечивает охрану окружающей среды, а также отношения в сфере безопасности, жизни

и здоровья человека. Ю. А. Тихомиров утверждает, что техническое регулирование, которое опосредовано правом, следует признать «специальной разновидностью правового регулирования, а технико-юридические нормы – одним из источников права»¹. Н. В. Сильченко подчеркивал: «Привлекательным выглядит вариант систематизации технических документов, в основание которого могут быть положены хорошо зарекомендовавшие себя для целей систематизации нормативных правовых актов отраслевая структура права и законодательства и созданный на их основе единый правовой классификатор»². Г. И. Шатков находил лучшим вариантом систематизации технических норм официальные издания сборников по различным отраслям народного хозяйства³.

Очевидно, что кодификация – это лучший способ систематизации, поскольку имеет своей целью очистить законодательство от скопления обособленных актов и устаревших норм посредством интеграции их по смыслу в единый согласованный комплекс. Она направлена на переоценку действующих норм, устранение имеющихся противоречий, предполагает устойчивость и стабильность норм, а также длительность их действия. Кодификация подходит для систематизации ТНПА, но следует учитывать специфику данного вида актов. Возникают сложности в систематизации ТНПА, связанные непосредственно с тем, что технические отношения не стоят на месте, техника и технология развиваются в той или иной отрасли. Вопреки вышперечисленному, кодификация может исправить это.

Известно, что все ТНПА исходят из нормативных правовых актов, защищаются ими путем установления ответственности за их нарушение и несоблюдение, но при этом их содержание не нормативно. Как правильно подмечал Н. В. Сильченко, необходимо, чтобы функции кодифицированного акта для каждой подгруппы ТНПА были возложены на законодательный акт⁴. В итоге мы получим сводный кодифицированный акт, в котором будут закреплены основные принципы, цели, задачи и, что самое главное, нормы будут разбиты на подгруппы в зависимости от тех отношений, которые скорее регулируется определенным законодательным актом. Например, образовательный стандарт, требования по оформлению научных работ и авторефератов подвязаны под Кодекс Республики Беларусь «Об образовании» от 13 января 2011 г. № 243-З, т. е. являются его продолжением, носящим технический характер. Благодаря предложенному способу содержание сможет изменяться субъектами технического регулирования в

¹ Тихомиров Ю. А. Правовое регулирование: теория и практика. М. : Формула права, 2008. С. 298.

² Сильченко Н. В. Проблемы систематизации технических правовых актов, гармонизации технического регулирования общественных отношений и обеспечения инновационного пути развития общества // Россия: тенденции и перспективы развития. 2022. № 17-1. С. 716.

³ Шатков Г. И. О соотношении технических и правовых норм // Вестник Ленинградского университета. 1961. № 17. С. 140–143.

⁴ Сильченко Н. В. Система и систематизация технических нормативных правовых актов // Право. бу. 2020. № 4 (66). С. 17–22.

зависимости от развития техники и технологии. Таким образом, будет обеспечена и прочность, и подвижность правового регулирования технических отношений.

В литературе выделяется наднациональное техническое регулирование, имеющее особое значение для стран, входящих в ЕАЭС, и представляющее собой установление единых требований для субъектов по поводу качества и безопасности товаров и услуг. Речь идет о технических регламентах ЕАЭС, которые тоже могут подлежать кодификации с целью устранения возникающих противоречий.

В заключение можно выделить причины, по которым кодификация является уместным вариантом систематизации ТНПА: 1) регулирование широкой сферы общественных отношений, каковыми являются технические; 2) создание единого акта, содержание которого будет составлять четкую, согласованную систему технических предписаний; 3) простота пользования, т. е. сфера технических отношений будет регулироваться не обособленными актами законодательства, а одним.

Хамитова А. И.

ГОСУДАРСТВО: СУЩНОСТЬ И ПРИЗНАКИ

*Хамитова Альбина Ильдаровна, студентка 2 курса Казанского филиала
Российского государственного университета правосудия, г. Казань,
Республика Татарстан, Россия, Khamitova.albina2018@yandex.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук Гурьянова В. В.

Сущность государства и государственности всегда интересовала ученых из различных областей науки. При этом толкование сущности государства и его признаков по-разному определялись в разные исторические эпохи. В этом контексте необходимо выявить эти особенности и рассмотреть государство с точки зрения современной действительности.

Эта тема находилась в центре научных интересов представителей различных областей знаний. Прежде всего большое влияние на понимание сущности государства оказали такие великие мыслители древности, как Сократ, Платон, Аристотель, Цицерон. Н. Макиавелли внес значительный вклад в понимание сущности государства. Среди современных исследователей можно выделить С. С. Алексеева, Л. С. Явича, Ю. А. Тихомирова, М. А. Исаева, Г. В. Атаманчука, В. В. Субочева и др.

Несмотря на высокий уровень освещенности темы, огромные различия в понимании государства как политико-правового явления обусловили непрекращающийся интерес к ней.

Даже существующие подходы к пониманию государства и определению его признаков не статичны, они меняются, появляются новые взгляды и мнения ученых. В ходе исследования нами сформирован собственный взгляд на эту проблему. Так, сущность государства обозначается посредством определения его содержания, назначения и функционирования.

Государство – это форма организации общества, возникающая в результате достижения определенного уровня его развития, характеризующаяся наличием следующих признаков:

- 1) территориальная организация населения и осуществление публичной власти в территориальных пределах;
- 2) публичная (государственная) власть;
- 3) государственный суверенитет;
- 4) неразрывная связь государства и права;
- 5) всеобъемлющий общеобязательный характер актов государства;
- 6) государственная казна;
- 7) наличие государственных символов;
- 8) обеспечение реализации общесоциальных и узкогрупповых интересов.

В заключение отметим, что вопрос о сущности государства возник много веков назад, но и сейчас он является одним из самых обсуждаемых. Существует множество определений этого термина. Общий термин «государство» появился в XVI в. Введен в научный оборот Н. Макиавелли.

Государство – основной институт политической системы общества, защищающий его экономическую и социальную структуру. Государству принадлежит монополия на осуществление внутренней и внешней политики от имени всего общества, исключительное право издавать обязательные для всего населения законы и постановления, право взимать налоги и сборы.

В действительности государство всегда находится на определенной степени общественного развития. Оно отличается от тех состояний, которые находятся на более ранних или поздних стадиях развития.

Червяк А. О.

ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ И ЮРИДИЧЕСКИЙ ИДЕАЛИЗМ КАК ДЕВАЛЬВАЦИЯ ПРАВА И ЗАКОННОСТИ

Червяк Алина Олеговна, студентка 1 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Лагун Д. А.

Каждый слышал фразу «незнание не освобождает от ответственности». В правовой сфере «незнание» является актуальной проблемой, из-за которой совершается множество правонарушений. Зачастую это связано с низким уровнем правовой культуры в государстве.

В представленной работе будут исследованы такие актуальные аспекты правосознания, как правовой нигилизм и идеализм.

Правовой нигилизм – это форма правосознания и социального поведения, которая характеризуется отрицательным (скептическим) отношением к закону и ценностям права.

Следует различать источники и причины правового нигилизма, хотя непреодолимой пропасти между ними нет. Источники, как правило, носят

более глубинный, постоянный и трудноустраняемый характер (например, низкий уровень культуры и правосознания населения, социальные условия, бедность, нищета, преступность и другие факторы). Причины же более скоротечны, разнообразны, они могут появляться и исчезать или устраняться. Источники – питательная среда для появления причин. При этом определенные обстоятельства могут одновременно выступать и как источник, и как причина, и как форма выражения правового нигилизма. К примеру, та же преступность. Всякие градации здесь условны, неабсолютны.

Вследствие правового нигилизма растет преступность и иные правонарушения, могут возникнуть так называемые «войны законов», происходят нарушения прав человека, рушатся общественные устои о всеобщности и обязательности исполнения правовых норм.

Наряду с правовым нигилизмом существует и другая крайняя оценка роли права в обществе. Она выражается в чрезмерной идеализации права и вере во всемогущество его институтов при решении социальных проблем и называется правовым идеализмом. Юридический идеализм распространяется в обществе и формируется под рядом внешних (правовые, политические, социально-экономические и культурные) и внутренних (психологические) факторов.

Люди, придерживающиеся идеализированной точки зрения на право, полагают, что достаточно принять закон по тому или иному вопросу и все проблемы, связанные с ним, будут решены. Однако на самом деле право самостоятельно не решает и не может решить практические проблемы, поскольку оно является лишь совокупностью правил. Проблема будет решена только в том случае, если люди будут строить свое поведение и действия в соответствии с данными правилами, а не думать, что им все можно, и закон все решит.

Реализация такого подхода на практике приводит к чрезмерному увеличению нормативно-правовых средств, принятию актов, которые не вызывались общественными потребностями. В результате такие акты теряют свое значение, оставляя у адресатов лишь неприятный осадок, который потом перетекает в недоверие. В конечном счете юридический идеализм может привести к правовому нигилизму, стимулируя его распространение в обществе.

Таким образом, правовой нигилизм и идеализм тесно связаны друг с другом. Последствием обоих явлений будет обесценивание и упадок правовых механизмов, а значит, и авторитета самого государства.

На данный момент наблюдается рост данных состояний, в чем и проявляется актуальность проблемы. А это, в свою очередь, обуславливает необходимость разработки методов устранения этих явлений. К таким методам можно отнести совершенствование системы правового воспитания как на уровне школы, так и высших учебных учреждений.

Черняк А. Д.
СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ РИСКОВ И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ
В ПРАВЕ

*Черняк Анастасия Дмитриевна, студентка 4 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
nastasy.tcher1003@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Вершок И. Л.

Феномены неопределенности и риска являются предметом не только гуманитарных, но и естественных наук. Наличие правовой неопределенности связано с влиянием рисков на легитимность правовой системы общества. Уяснение сущности правовой неопределенности и рисков в праве, их связи и взаимодействия позволят расширить границы правопонимания, подробнее изучить их роль в правовом регулировании.

Категории «определенность» и «неопределенность» имеют философский контекст, однако содержание этих понятий, характер их диалектического взаимодействия служат методологической основой для изучения феномена неопределенности в праве. В юридической доктрине понятие неопределенности в праве связано с рисками в праве. Вся система социальной регуляции стремится к достижению определенности во всех сферах человеческой деятельности. Так, право может выступать инструментом устранения неопределенности, при этом само по себе является во многом продуктом неопределенности и рисков. Согласно учению Э. Леви, право основывается на объективных социальных установках всего общества. Позитивное право разрабатывается на основе верований и убеждений общества, выстраивающихся на основе практического опыта. Нормы права возникают из потребности в устранении конкретного антиобщественного поведения, на основе судебной практики и оценивать их справедливость и необходимость можно лишь обращаясь к самой практике.

Право, являясь продуктом неопределенности и рисков, порождает их же. Сущность неопределенности права состоит в невозможности урегулировать все стороны общественных отношений, а риски, возникающие из сознательного поведения лиц, заинтересованных в положительном результате, но не имеющих возможности этот результат предугадать, естественным образом возникают из неопределенности.

Риск ситуативен. Важная составляющая ситуации риска – неопределенность. Находясь в состоянии неопределенности, субъекту права необходимо принять решение, не имея достаточных юридических оснований. В. В. Мамчун, описывая особенности связи неопределенности и рисков в праве, выделяет когнитивную и онтологическую стороны неопределенности. Онтологическая (внешняя) неопределенность возникает вне зависимости от личности субъекта в объективной правовой реальности и связана с изменчивостью общественных процессов, их непредсказуемостью. Когнитивная (внутренняя) неопределенность возникает из особенностей

восприятия права личностью, ее правосознания. Когнитивная неопределенность возникает из онтологической. Одновременное существование и внутренней, и внешней сторон неопределенности позволяет разграничивать понятия рисков в праве.

Риск иногда определяют в качестве вида деятельности в условиях неопределенности, которая осуществляется субъектом для выбора наиболее приемлемого варианта развития событий. Но тогда риск становится вполне определенным, и назвать подобную дефиницию совершенной нельзя. Неопределенность в праве в отличие от правового риска не позволяет описать возможные варианты развития событий, результаты правовых решений, поскольку вероятностные результаты предугадать невозможно. Риск же предполагает относительную определенность вариативности результатов и выступает в качестве альтернативы тому результату, который считается приоритетным. Сущность риска – это определенность. Так, риски становятся результатом связи понятий определенности и неопределенности в праве.

Риск описывают также как признак правовой неопределенности. Действительно, неопределенность в праве связана с таким состоянием правового регулирования, для которого характерно наличие коллизий и иных дефектов права, порождающих осуществление шагов, связанных с рисками. Встречаются и утверждения, согласно которым в состав юридических рисков включают риски экономические, репутационные, что не представляется обоснованным. Риски разного рода могут возникать из правовой неопределенности, но это не включает их в понятие юридических рисков (конституционно-правовых, эколого-правовых и др.).

Наиболее обоснованной видится теория о том, что возникновение рисков возможно в ситуации неопределенности, но и риски могут породить неопределенность. Сущность неопределенности права состоит в невозможности урегулировать отдельные стороны общественных отношений, а риски как продукт права, возникающий из сознательного поведения лиц, заинтересованных в положительном результате, но не имеющих возможности этот результат предугадать, естественным образом возникают из неопределенности. При этом риски в значительной степени характеризуются определенностью, поскольку субъекту заранее известны, пусть и не в полной мере, варианты разрешения ситуации. Важно разграничивать понятия рисков в праве и рисков в отдельных отраслях, регулируемых правом.

Шушлакова Е. А.

**ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ В БЮДЖЕТНОМ ПРОЦЕССЕ
КАК ОРИЕНТИР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ МЕСТНОГО
САМОУПРАВЛЕНИЯ: ОПЫТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Шушлакова Елизавета Александровна, студентка 2 курса юридического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, elizaveta.shushlakova00@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Щербик Д. В.

Во всем мире растет общественная востребованность открытости и прозрачности национальных бюджетных систем. Суть концепции открытого бюджета состоит в том, что государственные, негосударственные и/или частные структуры как совместными усилиями, так и по отдельности формируют доступную для понимания граждан информацию о бюджетной системе страны, что, в свою очередь, предполагает появление обратных связей.

«Бюджет для граждан» – проект, который коллективно реализуется Министерством финансов Российской Федерации и Открытым правительством и направлен на ознакомление граждан с приоритетными направлениями бюджетной политики, параметрами бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, планируемыми и достигнутыми результатами использования бюджетных средств.

Основная цель реализации данного проекта заключается в публикации основных положений бюджета в формате, доступном для граждан, что способствует повышению бюджетной и финансовой грамотности населения. Финансовая грамотность, в свою очередь, закладывает основы бюджетной культуры и создает стереотипы эффективного финансового поведения граждан, что в будущем обеспечит эффективное участие граждан в процессе принятия решения по поводу распределения публичных финансов.

К основным принципам обеспечения открытости бюджетных данных относятся: предварительное санкционирование; доступность для общественности; своевременность и регулярность; полнота (целостность); конкретность; качество; цели и средства; ориентирование на текущий уровень знаний о бюджете и вопросах, связанных с ним.

Таким образом, обобщая вышеизложенную информацию, необходимо отметить следующие важные моменты. «Бюджет для граждан» составляется на основе проекта (закона) о бюджете, а также отчета о его исполнении, но при этом представляет собой самостоятельный и самодостаточный документ. Создатели «Бюджета для граждан» должны ориентироваться на потребителей информации, которые могут быть представлены людьми с совершенно различными уровнями знаний о бюджете и бюджетном процессе. Также следует отметить, что «Бюджет для граждан» должен постоянно обновляться в части качества и количества представляемых

данных, поскольку это непосредственно влияет на степень восприятия гражданами бюджетной информации.

По причине того, что данный проект – новшество в современной бюджетной практике Российской Федерации, он имеет некоторые недостатки и ряд до конца непроработанных пунктов. Так, анализ проблем по данному направлению позволил выделить следующее:

- недостаточная степень заинтересованности граждан участвовать в процессе формирования бюджета;
- невысокий уровень популярности и востребованности раскрытой информации;
- отсутствие законодательного закрепления норм, регламентирующих формы и механизмы участия граждан в бюджетном процессе;
- отсутствие единой методологии проведения опросов общественного мнения;
- недостаток опыта ведения форумов для обсуждения бюджетных вопросов и учета их результатов в рамках бюджетного процесса;
- легитимность использования социальных сетей для распространения и обсуждения бюджетных данных;
- технические трудности, связанные с обновлением бюджетных данных и консолидацией информации из нескольких источников.

В современных экономических и политических условиях взаимодействие власти и общества особенно актуально. Однако эксперты отмечают недостаток инициативных и просвещенных граждан. Очевидно, что активность населения во многом зависит от уровня его информированности. Прежде всего необходимо должным образом обеспечить открытость и доступность для граждан информации о местных бюджетах, задействовав при этом различные способы и каналы распространения и популяризации Бюджетов для граждан. При этом важно, чтобы представление Гражданских бюджетов носило своевременный и регулярный характер.

ГІСТОРЫЯ ДЗЯРЖАВЫ І ПРАВА БЕЛАРУСІ

Клімовіч П. А.

НЕКАТОРЫЯ ПЫТАННІ КРЫМІНАЛЬНАГА ПРАВА БЕЛАРУСІ Ў ПЕРЫЯД ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА

Клімовіч Паліна Алегаяўна, студэнтка 2 курса Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, г. Мінск, Беларусь, klimovicpolina@gmail.com

Навуковы кіраўнік: канд. юрыд. навук, дацэнт Голубева Л. Л.

Асноўнай крыніцай крымінальнага права ў Беларусі ў старажытнасці было старажытнае звычайнае права. Першымі пісанымі законамі, у якіх былі змешчаны нормы звычайнага крымінальнага права былі міжнародныя дагаворы, абласныя і агульназемскія граматы (прывілеі), а таксама Судзебнік Казіміра 1468 г. У перыяд панавання звычайнага права і на першапачатковай стадыі пісанага права не існавала адзінага паняцця злачынства, таму што каралася не толькі парушэнне закона, а часцей за ўсё каралася прычыненне ўрону. Злачынствы супраць здароў'я, асабістай недатыкальнасці, маёмасці канкрэтных асоб называліся гвалтам, крыўдай, зладзействам, шкодай (у прывілеі Казіміра 1447 г. злачынства называлася праступкай, у Судзебніку Казіміра 1447 г. – выступ з права).

У феадальным крымінальным праве ў якасці суб'екта магла прыцягвацца як асобная асоба, вінаватая ў здзяйсненні злачынства, так і групы асоб, якія адказвалі за чужую віну. Калектыўная адказнасць групы асоб была выгадным сродкам прымусу да пакорлівасці феадальна-залежных людзей, усталявання сярод іх кругавой адказнасці, давала магчымасць заставіць увесь калектыў сачыць за падтрыманнем парадку, выгоднага для ўсіх федалаў, а таксама весці пошук злачынцы або несці за яго адказнасць. Аднак, у заканадаўстве рабілася спроба абмежаваць адказнасць за чужую віну, абвясчаўся прынцып персанальнай адказнасці толькі асобы, якая здзейсніла злачынства. Аб гэтым гаварылася ў прывілеі Казіміра 1447 г. У арт. 7 разд. 1 Статута 1529 г. агаворка аб дапушчэнні адказнасці без віны за дзяржаўныя злачынствы была выключана. На практыцы абмежаванне адказнасці за чужую віну ў адносінах да простых людзей, асабліва феадальна-залежных, не прымянялася.

Суб'ектам злачынства прызнаваўся толькі чалавек. За шкоду, прычыненую жывёлай, нёс адказнасць яе гаспадар. Асобы псіхічна хворыя («шалёныя») не падлягалі крымінальнаму пакаранню, але павінны былі сядзець пад замком. Вызваліся ад адказнасці асобы, не дасягнуўшыя пэўнага ўзросту. Па Судзебніку Казіміра 1468 г. нельга было перадаваць пацярпеламу дзяцей ва ўзросце да 7 гадоў (арт. 1). У гэтым артыкуле ўпершыню ў заканадаўстве была зроблена спроба абмежавання адказнасці непаўналетніх дзяцей. Паводле Статута 1566 г. адказнасць наступала пасля 14 гадоў, а згодна Статуту 1588 г. – пасля 16 гадоў.

Паводле Статута 1588 г. праводзілася размежаванне паміж умыснай і неасцярожнай віной. Прычым праяўленая неасцярожнасць у шэрагу выпадкаў не выклікала крымінальнага пакарання, а толькі ўзнікаў абавязак выплаціць сям'і забітага штраф (галоўшчыну).

Статут 1588 г. прадугледжваў асобныя выпадкі, калі за неасцярожнае забойства ўстанаўлівалася толькі маёмасная адказнасць: неасцярожнае забойства на паляванні; калі пры будаўніцтве дома рамеснік неасцярожна ўпусціў камень, цагліну або што-небудзь іншае на другога чалавека; калі з тапарышча сарваўся тапор і забіў стаячага паблізу чалавека; калі зрэзанае дрэва падала на чалавека; калі пры стральбе з лука або ружжа ў цэль, страла або куля, адхіліўшыся ў бок, трапіла ў чалавека.

Пытанне аб пакаранні асоб, вінаватых у забойстве шляхціца або простага чалавека вырашалася па-рознаму, у залежнасці ад класавай і саслоўнай прыналежнасці як пацярпелага, так і злачынцы. Прагрэсіўнай з'явай у XVI ст. было ўстанаўленне крымінальнай адказнасці шляхціца за забойства простага чалавека, аднак устанавіць віну шляхціца ў такіх злачынствах было практычна немагчыма. Таму і самі злачынцы заставаліся безпакаранымі. Гэта норма сведчыць аб прагрэсе ў развіцці крымінальнага права Беларусі XVI ст. у параўнанні з крымінальным правам многіх еўрапейскіх краін.

Для правільнага вызначэння формы віны суд абавязаны быў устанавіць сувязь паміж дзеяннем вінаватай асобы і наступіўшымі вынікамі. Чалавек лічыўся вінаватым у забойстве, калі пацярпелы памёр ад ран праз непрацяглы час. Але калі пацярпелы на працягу 24 дзён хадзіў у госці, а затым памёр ад тых жа ран, то падсудны лічыўся вінаватым толькі ў прычынненні ран, але не ў забойстве. Статут 1566 г. упершыню зрабіў спробу сфармуляваць прэзумпцыю невінаватасці. Аднак гэта правіла па Статуту 1566 г. не распаўсюджвалася на простых людзей. Статут 1588 г. утрымліваў спецыяльную агаворку аб тым, што гэта правіла адносіцца і да простых людзей.

У феадальным праве выкарыстоўвалася некалькі тэрмінаў для абазначэння пакаранняў, у якіх і адлюстроўваліся віды пакаранняў. Найбольш блізкімі да сучаснага паняцця былі кара і казнь. Імі і абазначаліся ўсе віды пакарання. Тэрмінам «віна» абазначалася ў асноўным турэмнае зняволенне і маёмаснае пакаранне, а тэрмінам «пакута» – цялесныя і ганебныя пакаранні. У дзяржаўных судах выкарыстоўваліся наступныя віды пакарання: маёмасныя спагнанні, канфіскацыі і штрафы, цялесныя пакаранні, смяротнае пакаранне і некаторыя іншыя.

Такім чынам, крымінальнае права перыяду ВКЛ было развітым, добра распрацаваным і прагрэсіўным.

Корабава Г. А.

**ПРАЦЭСУАЛЬНАЕ СТАНОВІШЧА ГРАМАДСКІХ АБВІНАВАЎЦАЎ
І АБАРОНЦАЎ У КРЫМІНАЛЬНЫМ ПРАЦЭСЕ БССР (1957–1990 гг.)**

*Корабава Ганна Аляксандраўна, магістрантка Беларускага дзяржаўнага
ўніверсітэта, г. Мінск, Беларусь, sorobova.anuta@gmail.com*

Навуковы кіраўнік: канд. юрыд. навук, дацэнт Голубева Л. Л.

Савецкая дзяржаўная ідэалогія пасля смерці І. В. Сталіна ў 1953 г. і знікнення культу яго асобы нанова звярнулася да дэмакратычных прынцыпаў будаўніцтва сацыялістычнага грамадства, выпрацаваных У. І. Леніным. З гэтай прычыны ў 1958 г. ідэя ўдзелу грамадскасці ў крымінальным працэсе набыла важнае значэнне.

Палітыка дэмакратызацыі крымінальнага судаводства была адлюстравана ў арт. 15 Закона СССР «Аб зацвярджэнні Асноў заканадаўства аб судаводстве Саюза ССР, саюзных і аўтаномных рэспублік» ад 25 снежня 1958 г. Згодна з ім прадстаўнікі грамадскіх арганізацый маглі здзяйсняць грамадскае абвінавачванне і грамадскую абарону ў судзе. Артыкулам 41 Закона СССР «Аб зацвярджэнні Асноў крымінальнага судаводства Саюза ССР, саюзных і аўтаномных рэспублік» ад 25 снежня 1958 г. было вызначана, што ў судаводстве па крымінальных справах дапускаліся да ўдзелу прадстаўнікі грамадскіх арганізацый і калектываў працоўных, якія па пастанове суда маглі быць дапушчаны да ўдзелу ў судовым разглядзе крымінальных спраў у якасці грамадскіх абвінаваўцаў і грамадскіх абаронцаў. Такім чынам, у крымінальным працэсе Саюза ССР, саюзных і аўтаномных рэспублік з'явіліся новыя ўдзельнікі крымінальнага працэсу – грамадскі абвінаваўца і грамадскі абаронца. Іх працэсуальнае становішча ў крымінальным працэсе Беларускай ССР вызначалася Крымінальным працэсуальным кодэксам БССР 1960 г. (далей – КПК 1960 г.).

Статус самастойнага ўдзельніка крымінальнага працэсу прадстаўнік грамадскасці набываў толькі паводле спецыяльнай судовай пастановы або вызначэння ў распарадчым пасяджэнні суда. Згодна з арт. 249 КПК 1960 г. грамадскі абвінаваўца і грамадскі абаронца мелі права прымаць удзел у даследаванні доказаў, заяўляць хадайніцтвы і адводы перад судом, удзельнічаць у судовых спрэчках.

Паводле арт. 250 КПК 1960 г. няўка грамадскага абвінаваўцы ці грамадскага абаронцы ў судовае пасяджэнне не цягнула абавязковага адкладання разгляду справы, але пра гэта патрэбна было апавясціць адпаведную грамадскую арганізацыю. Новаўступіўшым у справу грамадскаму абвінаваўцу, грамадскаму абаронцу павінен быў быць дадзены час для падрыхтоўкі да судовага разбору, роўна як і новаўступіўшым у справу пракурору і абаронцу, што падкрэслівала значнасць удзелу грамадскага абвінаваўцы і абаронцы ў судовым разборы і іх працэсуальную роўнасць з пракурорам і абаронцам.

Варта адзначыць, што арт. 273 КПК 1960 г. не прадугледжваў магчымасці заявіць адвод грамадскаму абвінаваўцу, што адрознівала яго ад пракурора.

Згодна з арт. 280 КПК 1960 г., прапановы грамадскага абвінаваўцы і грамадскага абаронцы ўлічваліся пры ўстанаўленні парадку даследавання доказаў.

Паводле арт. 297 КПК 1960 г. грамадскі абвінаваўца і грамадскі абаронца мелі магчымасць заявіць хадайніцтвы аб дапаўненні судовага следства пасля даследавання ўсіх прадстаўленых доказаў.

На падставе арт. 249 і 298 КПК 1960 г. грамадскі абвінаваўца і грамадскі абаронца прымалі ўдзел у судовых спрэчках, дзе выступалі з прамовай. Варта звярнуць увагу, што палажэнні арт. 249 КПК 1960 г. акрэслівалі кола пытанняў, якія маглі закрануць грамадскі абвінаваўца і грамадскі абаронца ў сваёй прамове.

У арт. 315 КПК 1960 г. прадугледжвалася, што суд пры складанні ўводнай часткі прысуду быў павінен адзначыць у якасці ўдзельнікаў грамадскага абвінаваўцу і грамадскага абаронцу, што яшчэ раз падкрэслівала наяўнасць самастойнага працэсуальнага становішча грамадскага абвінаваўцы і грамадскага абаронцы.

Як удзельнікі крымінальнага працэсу, грамадскія абвінаваўцы і грамадскія абаронцы прымалі ўдзел у разглядзе спраў у судзе першай інстанцыі, і толькі на гэтым этапе маглі карыстацца роўнымі з іншымі ўдзельнікамі правамі. Але яны не мелі права абскардзіць прысуд у выпадку нязгоды з ім.

Такім чынам, грамадскі абвінаваўца і грамадскі абаронца з'яўляліся самастойнымі ўдзельнікамі крымінальнага працэсу, якія выконвалі крымінальна-працэсуальныя функцыі абвінавачвання і абароны ад імя грамадскасці. Для іх належнага здзяйснення крымінальна-працэсуальнае заканадаўства надзяляла грамадскага абвінаваўцу і грамадскага абаронцу даволі шырокім колам правамоцтваў. Але ўдзел грамадскага абвінаваўцы і грамадскага абаронцы ў крымінальным працэсе абмяжоўваўся толькі разглядам крымінальных спраў у судзе першай інстанцыі.

Кузурава Д. Д.

ПРАВАВЫ СТАТУС ЖАНЧЫНЫ Ў СТАТУТАХ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА

Кузурава Дар'я Дзмітрыеўна, студэнтка 2 курса Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, г. Мінск, Беларусь, law.kuzuroba@bsu.by

Навуковы кіраўнік: канд. юрыд. навук, дацэнт Голубева Л. Л.

У Вялікім Княстве Літоўскім (далей – ВКЛ) жанчынам надавалася вялізарная свабода: яны мелі права на маёмасць і спадчыну, на абарону ад гвалту. Першыя кадыфікаваныя прававыя акты, Статуты, з'яўляліся падмуркам для рэалізацыі жанчынай сваіх правоў.

Згодна з артыкуламі Статутаў ВКЛ жанчына-шляхцічка знаходзілася пад апекай усё жыццё (арт. 8 раздз. V Статута 1529). Асноўнымі абавязкамі апекуна былі прадстаўленне і абарона інтарэсаў жанчыны, а таксама распараджэнне яе маёмасцю. Аднак судовыя пазовы, акты запісаў маёмасці, тэстаменты і г. д. паказваюць, што дэ-юрэ бяспраўныя жанчыны самастойна вырашалі свае праблемы. З набыццём рэальных грамадзянскіх правоў і свабод звязвалі наступленне паўналецця. Так, тэрмін паўналецця па Статуту 1529 г. для дзяўчын быў вызначаны – 15 гадоў (арт. 18 раздз. I), па Статуту 1566 г. – таксама 15 гадоў (арт. 32 раздз. III), па Статуту 1588 г. – 13 гадоў (арт. 1 раздз. VI).

Асаблівая ўвага надавалася інстытуту спадчыннага права, у прыватнасці вена, якое бярэ свой пачатак яшчэ з прывілея Ягайлы 1387 г. і знаходзіць свой працяг ў Статуце ВКЛ 1529 г. Вена ўяўляла сабой матэрыяльнае забеспячэнне жонкі, якое павінен быў выплаціць муж ў пакрыццё занесенага жонкай пасага. Бацька, які выдаваў дачку замуж, не толькі павінен быў забяспечыць яе пасагам, але і патрабаваў ад зяця перш «вено оправити». У Статуце 1529 г. гаварылася: «А естли бы хто дочку выдал замуж, а вена ей не оправивши, тогда тая девка не маеть венца мети» (арт. 8 раздз. IV).

Маёнтак па матчынай лініі дзяліўся пароўну паміж усімі дзецьмі, а маёнтак па бацькоўскай лініі размяркоўвалася толькі паміж сынамі, дачкам ад бацькі даставаўся толькі пасаг (арт. 12 раздз. IV Статута 1529). Пасаг складаў чвэрць ад усёй маёмасці і выплочваўся ўсім дачкам ў сям'і незалежна ад іх колькасці (арт. 7 раздз. IV Статута 1529), таму нельга сцвярджаць пра абмежаванне права жанчыны на атрыманне спадчыны.

Статуты 1566 і 1588 гг. дублявалі палажэнні папярэдняга Статута і дэталізавалі спадчынныя адносіны. Варта таксама адзначыць, што раздзел III Статута 1566 г., які тычыўся спадчынных адносін, атрымаў назву «О вольностях шляхецких и о размноженью Великого князства Литовского», што азначала яго нераспаўсюджванне на жанчын простага становішча.

Немалаважным з'яўляецца пытанне аб становішчы жанчыны-ўдавы, так як яе прававы статус лічыўся лепшым, чым прававы статус замужняй жанчыны альбо незамужняй дзяўчыны. Бяздзетная ўдава без вена атрымлівала частку маёнтка мужа, але не больш за трэцюю частку, у пажыццёвае валоданне (арт. 2 раздз. IV Статута 1529), астатнія дзве часткі пераходзілі да бліжніх мужа, а ў выпадку смерці – уся маёмасць (арт. 5 раздз. IV Статута 1529). Калі ўдава мела вена, то яна мела права толькі «на вене осести» (арт. 1, 2 раздз. IV Статута 1529). Але ў далейшым правы ўдавы абмяжоўваліся.

Раней вялікія князі ВКЛ актыўна ладзілі шлюбы сваіх падданных, спалучаючы іх па сваім меркаванні, аднак ужо Статут 1529 г. устанаўліваў: удоў і дзяўчын не выдаваць замуж супраць іх волі (арт. 18 раздз. IV Статута 1529). У Статутах 1566 і 1588 гг. дадзенае становішча распаўсюдзілася і на асоб «всякого иного стану».

Аднак дзяўчына не магла выйсці замуж без згоды на тое бацькоў або апекуноў, інакш яна губляла спадчынныя маёнткі і правы на атрыманне

пасага. Пачынаючы са Статута 1566 г., аналагічныя наступствы вынікалі і ў тым выпадку, калі шляхцянка выходзіла замуж за чалавека «простага стану» (арт. 11 раздз. V Статута 1566, арт. 12 раздз. V Статута 1588). Неабходна адзначыць, што незаконнасць такога шлюбу не прызнавалася.

У Статутах ВКЛ таксама прасочваецца асаблівая тэндэнцыя аховы жанчын крымінальна-прававымі нормаў. Статут ВКЛ 1588 г. усталёўвае шэраг спецыяльных саставаў злачынстваў з адказнасцю ад двайной галаўшчыны да смяротнага пакарання: забойства жонкі (арт. 6 раздз. XI Статута 1588), забойства маці ці дачкі (арт. 7 раздз. XI Статута 1588), забойства сястры з мэтай захопу яе пасага (арт. 8 раздз. XI Статута 1588), прымусовы шлюб жанчыны (арт. 13 раздз. XI Статут 1588) і г. д.

Такім чынам, вялікая колькасць спецыяльных нормаў грамадзянскай і крымінальнай галін права у Статутах ВКЛ сведчыла аб тым, што жанчынам надавалася нават больш увагі, чым мужчынам. У жанчын не было палітычных правоў, але аб'ём іх прававога статусу праз гэта не памяншаўся. Яны выступалі асобным суб'ектам права – гэта бачна і ў ужыванні ў Статутах ВКЛ слоў накшталт «шляхцянка», «сялянка», «удава», і ў надаванні ім неахопнага пераліку правоў і свабод, аховы з боку дзяржавы.

Малиновский А. А.

ВЛИЯНИЕ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО НА ФОРМИРОВАНИЕ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКОЙ РАДЫ

Малиновский Андрей Александрович, студент 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, atakhochow@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Голубева Л. Л.

Рада Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ) в XV–XVI вв. являлась высшим государственным органом в государстве.

Название «Рада» этот высший государственный орган получил в 1445 г. в период регентства над Казимиром Ягеллончиком, во время которого рада ВКЛ сильно укрепила свои позиции на внутривосточной арене.

В XIII–XIV вв. и в начале XV в. рада ВКЛ называлась консультативным советом при великом князе ВКЛ. Самый первый консультативный совет возник еще при правлении Миндовга (1235–1263) и назывался королевским советом. Изначально состав и компетенция совета не регламентировались. Консультативный совет созывался, как правило, по усмотрению великого князя ВКЛ. Чаще всего в его состав входили родственники монарха, подвластные ему князья и наместники. В XIII в. совет выполнял роль вспомогательного органа. Но в дальнейшем его роль в решении государственных вопросов возросла. Уже в конце XIV в. начал формироваться постоянный состав консультативного совета. В 1387 г. в состав консультативного совета вошли католические епископы, а в 1413 г. постоянный состав совета пополнился представителями Виленского и

Трокайского воеводств, что произошло в связи с изданием Городельского привилея 1413 г.

Менялась и компетенция консультативного совета. В конце XIV в. консультативному совету стало делегироваться великим князем ВКЛ все больше полномочий в сфере решения административных вопросов и судопроизводства. Данный процесс был напрямую связан с заключением персональных уний между ВКЛ и Польшей. Дело в том, что союзный монарх большую часть времени проживал в Польше и в большей степени занимался внутренней политикой Польши, нежели внутренней политикой ВКЛ.

Изменению компетенции консультативного совета способствовала и сложная внутривнутриполитическая обстановка в ВКЛ, благодаря которой рада стала выполнять функции великого князя после его смерти и имела верховную власть в ВКЛ до назначения нового великого князя, а также организовывала его назначение. Такое положение дел заставляло претендентов на престол великого князя обещать идти на уступки совету и расширять его полномочия для того, чтобы заручиться его поддержкой и быть избранным на престол великого князя ВКЛ. Полномочия консультативного совета, который стал с 1445 г. называться радой ВКЛ, были значительно расширены (общеземские привилеи 1447, 1492 и 1506 гг.).

Особенно сильно повлияло на компетенцию рады ВКЛ издание общеземского привилея Александра 1492 г. Согласно привилею Александра 1492 г. великий князь не имел права отменять или изменять законы, постановления и судебные решения, принятые совместно с радой. В случае, если при обсуждении в раде постановлений паны радные не соглашались с мнением великого князя, он был обязан выполнять то, что ему посоветуют паны радные.

Таким образом, во многом именно благодаря особенностям внутренней политики и законодательной деятельности ВКЛ довольно рано сформировался такой высший государственный орган, обладающий широкими полномочиями, как рада ВКЛ.

Наважэн К. Д.

ВІДЫ ПАКАРАННЯЎ ПА ЗАКАНАДАЎСТВУ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА

Наважэн Крысціна Дзмітрыеўна, студэнтка 2 курса Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, г. Мінск, Беларусь, law.novozhen@bsu.by

Навуковы кіраўнік: канд. юрыд. навук, дацэнт Голубева Л. Л.

У перыяд Вялікага Княства Літоўскага (далей – ВКЛ) не існавала адзінага паняцця пакарання. Прафесар Т. І. Доўнар справядліва адзначыла, што першапачатковым момантам у гісторыі пакарання была помста – асабістая расправа пакрыўджанага з крыўдзіцелем. Потым, калі гэту помсту стала кантраляваць грамадства, устанавіўся пэўны парадак і формы яе прымянення. Пазней жа сама дзяржава ўзяла на сябе абавязак караць

злачынцу. Паступова каральная дзейнасць пранікалася мэтай грамадскай карысці і інтарэсам пацярпелага.

У XVI ст. пануючымі мэтамі пакарання з'яўляліся мэты публічнай адплаты і застрашвання, з аднаго боку, і мэты прыватнага задавальнення і адплаты – з другога. У статутных нормах большае развіццё атрымлівалі застрашваючыя і публічна-крымінальныя пакаранні.

У судах таго перыяду выдзяляліся агульныя і галоўныя, а таксама дапаўняльныя віды пакаранняў.

У якасці агульных і галоўных прымяняліся наступныя віды пакаранняў: публічна-крымінальныя, штраф, помста.

Публічна-крымінальныя пакаранні падзяляліся на дзве групы: асабістыя і маёмасныя. Да асабістых пакаранняў адносілі смяротную кару, цялесныя пакаранні, пазбаўленне волі, пазбаўленне гонару і правоў. Да маёмасных – агульная і спецыяльная канфіскацыя, адабранне маёнткаў.

Аналізуючы нормы статутаў ВКЛ 1529, 1566, 1588 гг. (далей – статуты ВКЛ), асабліва Статута 1588 г., трэба адзначыць, што больш за ўсё ў іх гаворыцца пра маёмасныя пакаранні. Яны мелі розную форму: ад матэрыяльнай адказнасці за беспадстаўную скаргу да поўнай канфіскацыі маёмасці. Так, напрыклад, за ўцёкі з поля бою ўцякач траціў маёнтак і гонар.

Штраф таксама лічыўся маёмасным відам пакарання. Ён выражаўся ў пэўнай суме грошай і ў канкрэтным памеры ў адносінах да нанесеных злачынствам страт, якія спаганяліся на карысць пацярпелага, яго родзічаў і нават ў прыбытак дзяржаве ці адміністрацыі. Артыкул 10 раздзела X Статута 1588 г. у адрозненні ад Статута 1529 г. вызначаў пэўную суму грошай за прычыненую шкоду.

Галоўшчына (галаўшчызна) – штраф за галаву забітага чалавека, які спаганяўся з вінаватага на карысць сваякоў забітага. Яна была асноўным відам пакарання, аднак часам выступала ў якасці дапаўняльнага. Памер галоўшчыны вызначалі ўсе тры статуты ВКЛ, але ў арт. 27 раздзела XI Статута 1588 г. была ўпершыню дадзена дакладная прававая рэгламентацыя падстаў для яе спагнання. Другая ж частка гэтага ж артыкула прысвечана выплаце штрафу за калецтва.

На нашу думку самым страшным пакараннем была смяротная кара. У тыя часы яна прадугледжвалася за здзяйсненне многіх катэгорый злачынстваў: за дзяржаўныя злачынствы і злачынствы супраць парадку кіравання, за злачынствы супраць правасуддзя, жыцця, здароўя і гонару людзей, за воінскія і маёмасныя злачынствы, а таксама за злачынствы супраць рэлігіі і царквы. Некаторыя злачынствы супраць царквы і рэлігіі падлягалі царкоўнай юрысдыкцыі.

Смяротная кара падзялялася на простую і кваліфікаваную. Простае смяротнае карай лічылася павешанне. Пакаранне павінен быў выконваць сам злачынца ў прысутнасці суддзяў. У статутах ВКЛ прадугледжвалася не толькі павешанне, але і адсячэнне галавы або расстрэл для ваеннаслужачых. Кваліфікаванае пакаранне смерцю (чацвертаванне, спальванне на агні, пасаджэнне на кол) уводзілася ў арт. 9 раздзела XI Статута 1588 г.

Да простых людзей прымяняліся цялесныя пакаранні. У той час яшчэ існавала прыгоннае права, таму феадал меў правы чыніць суд над залежнымі сялянамі і прызначаць ім пакаранні, часцей за ўсё цялесныя.

У адрозненні ад простых людзей у шляхты былі і свае віды пакаранняў. Толькі шляхта магла пазбавіцца гонару, бо лічылася, што ў іншых яго няма. Пазбаўленне гонару азначала страту шляхецтва і ўсяго шляхецкага маёнтка. Пазбаўляліся гонару шляхцічы, якія ўцяклі з поля бою, выгнаннікі (вываланцы), злачынцы, якія былі асуджаны да пакарання смерцю, але потым памілаваны.

Да ліку дапаўняльных відаў пакарання, на думку навукоўцаў, належалі: выгнанне, пазбаўленне спадчынных правоў і пакаянне. Акрамя таго, у асобныя дзве групы можна вынесці замяняючыя пакаранні, якія прымяняліся ў якасці замены іншых відаў пакаранняў («вываланьне», выдача ў кабалу, выдача ў вечную няволю), а таксама выключныя пакаранні (пазбаўленне пасады).

На жаль, нягледзячы на вялікую варыятыўнасць пакаранняў, статуты ВКЛ ахоплівалі не ўсе яго віды.

Сідарэнка В. В.

ПРАВОВОЕ СТАНОВИЩА ЖАНЧЫН У СТАРАЖЫТНАРУСКАЙ ДЗЯРЖАВЕ Ў ІХ–ХІ стст.

*Сідарэнка Вікторыя Вітальеўна, студэнтка 2 курса Беларускага
дзяржаўнага эканамічнага ўніверсітэта, г. Мінск, Беларусь,
sidorenkonika03@gmail.com*

Навуковы кіраўнік: канд. гіст. навук, дацэнт Ляніцэвіч В. М.

На пачатку фарміравання дзяржаўнасці ва ўсходніх славян на першае месца быў пастаўлены сацыяльна-прававы стан мужчыны як главы сям'і і як кіраўніка дзяржавы. Полацкая зямля, патрыманыя дзяржава, мела патрыярхальнае грамадства, у якім дзездольнасць жанчын ў значнай меры была абмежаванай.

На прававое становішча жанчын на Русі ў ІХ–ХІ стст. паўплывалі тры асноўныя новыя фактары: фарміраванне і развіццё дзяржаўнасці, зараджэнне і ўмацаванне феадальных адносін і распаўсюджванне хрысціянства.

Рэлігія ў перыяд сярэднявечча пакінула значны адбітак шляхам укаранення рэлігійных крыніц. Хрысціянства выразна паставіла жанчын на другое месца ў адносінах да мужчын, але царква асабліва паважліва ставілася да жанчын-маці і асуджала праявы гвалту ў адносінах да жанчын як у сям'і, так і за яе межамі.

Старажытнарускае права ў адносінах да жанчын рэгулявала галоўным чынам прыватнаправавую сферу. Першае згадванне аб паўнамоцтвах жанчын на валоданне пэўнай маёмасцю змяшчае адзін з найбольш ранніх юрыдычных помнікаў – дагавор 911 г. Алега з Візантыяй, у якім было зацверджана права жанчыны захаваць за сабой частку агульнай з мужам

маёмасці, нават у выпадку, калі муж здзейсніў забойства і паўстаў перад законам. Увогуле, праваздольнасць старажытнарускіх жанчын была значнай у параўнанні з іх заходнееўрапейскімі сучасніцамі, але яна не магла канкурыраваць з праваздольнасцю мужчын. У Старажытнарускі перыяд (IX–XI стст.) жанчына валодала правам на пасаг, спадчыну і некаторую іншую маёмасць. Адзіным выключэннем абмежавання ў праве распараджэння сваёй маёмасцю з’яўляўся арт. 7 Рускай Праўды, паводле якога жонка і дзеці чалавека, які здзейсніў забойства без прычыны, падваргаліся разам са злачынцам пакаранню ў выглядзе выгнання і канфіскацыі маёмасці.

Права жанчыны на выбар мужа было нікчэмна. Гэты працэс знаходзіўся цалкам пад кантролем сям’і, у першую чаргу – бацькі. Да прыняцця хрысціянства існаваў абрад выкрадання – «умычка», які выключаў права дзяўчыны на выбар жаніха. Пасля прыняцця хрысціянства ў 988 г. шлюб паміж маладымі таксама мог быць заключаны толькі са згоды бацькоў.

Пасаг службы асновай асобнай маёмасці жонкі. З яго з’яўленнем пачалося юрыдычнае вызначэнне становішча дачкі ці сястры ў сям’і, яе прававога стаўлення да сямейнай маёмасці. Па Рускай Праўдзе, сястра пры братах не з’яўлялася спадчынніцай, пры гэтым браты павінны былі задаволіць яе лёс, аддаўшы замуж, з пасільным пасагам. Пры адсутнасці братоў дачка – паўнапраўная спадчынніца бацькоўскай маёмасці ў земляробчай сям’і. У адпаведнасці з арт. 93, муж мог пакінуць спадчыну жонцы, і яна з’яўлялася спадарыняй гэтай маёмасці, але не астатняй часткі спадчыны. У выпадку смерці мужа жанчына станавілася паўнапраўным апекуном дзяцей і распараджалася маёмасцю, а па дасягненні дзецьмі паўналецця маці магла заставацца ў доме, нават супраць волі дзяцей (арт. 102). Але калі маці паўторна выходзіла замуж, то дзеці і частка іх спадчыны перадаваліся блізкаму сваяку (арт. 99).

Працэсуальнае права X–XI стст. не абмяжоўвала жанчын, аднак з практыкі вынікала, што жанчыны ў ролі сведкаў і тым болей суддзяў выступалі вельмі рэдка. За жанчыну, калі яна выступала як аб’ект злачыннай дзеі, старажытнаруускае заканадаўства не прадугледжвала іншага пакарання, зыходзячы з палавой прыкметы, – за забітага рамесніка ці рамесніцу выплачвалася 12 грыўняў (арт. 12 Рускай Праўды). Пры гэтым, з улікам сацыяльнага становішча, пры забойстве жонкі вінаватага судзілі па той жа працэдуры, што і за забойства мужа, з выплатай 20 грыўняў пры даказанні віны, але калі жанчына была смердам, выплата грошай не прадугледжвалася (арт. 88).

Неабходна адзначыць, што фармальна жанчыны мелі менш правоў, чым на самой справе. Абстаноўка ўнутры патрыярхальнай сям’і і грамадства ў цэлым прыводзіла да таго, што жанчына адмаўлялася выкарыстоўваць свае правы ў поўным аб’ёме.

Такім чынам:

1) на правое становішча жанчын на Русі ў IX–XI стст. паўплывала фарміраванне і развіццё дзяржаўнасці, зараджэнне і ўмацаванне феадальных адносін, распаўсюджванне хрысціянства;

2) асноўнымі правамі жанчын у старажытнарускі перыяд выступалі асабістыя і маёмасныя правы;

3) прававое становішча жанчын у сям’і галоўным чынам рэгулявалася нормаў кананічнага права, а таксама прававым звычаем;

4) адсутнасць магчымасці ў поўнай меры распараджацца правам было прадыктавана традыцыйнай формай грамадства, а таксама патрыярхальным унутрысямейным укладам.

Тоскина М. В.

**ДЕКЛАРАЦИЯ О СУВЕРЕНИТЕТЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И
ДЕКЛАРАЦИЯ О СУВЕРЕНИТЕТЕ РСФСР: СХОДСТВА, РАЗЛИЧИЯ,
ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ**

*Тоскина Маргарита Викторовна, студентка 1 курса Северо-Западного института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Вологда, Россия,
Malefisentadegrats@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук Баскова А. В.

В 1990-е гг. все республики, входившие в состав СССР, приняли специальные правовые акты о суверенитете – декларации. Декларации о суверенитете каждая союзная республика принимала индивидуально, поэтому и содержание, и оформление, и процесс принятия каждой декларации о суверенитете представляется уникальным. Целью настоящего историко-правового исследования стало сравнение деклараций о суверенитете двух старейших союзных республик (входивших в состав СССР с момента его образования) – Российской Советской Федеративной Социалистической Республики и Белорусской Советской Социалистической Республики.

Обе декларации были приняты в 1990 г: Декларация РСФСР была принята Первым Съездом народных депутатов РСФСР 12 июня 1990 г., а Декларация БССР принята на полтора месяца позже – Верховным Советом Республики Беларусь 27 июля 1990 г.

Обе декларации имеют внутреннюю упорядоченную структуру. Декларация РСФСР включает в себя преамбулу и 15 разделов (не обозначены как статьи). Некоторые разделы также разделены на подпункты, например, в пятом разделе их пять, в десятом выделяется один. Декларация БССР также имеет преамбулу и 12 разделов, которые называются статьями.

Преамбулы сравниваемых деклараций частично различаются. Преамбула российской декларации содержит «торжественное» провозглашение государственного суверенитета на всей территории РСФСР. Согласно преамбуле «провозглашение» – выражает волю народов СССР, вызвано «осознанием» депутатами Первого Съезда народных депутатов РСФСР «исторической ответственности за судьбу России» и свидетельствует об «уважении к суверенным правам всех народов, входящих в СССР».

В преамбуле белорусской декларации также содержится торжественное провозглашение государственного суверенитета (Республики Беларусь), основываясь на «воле всего народа», на «осознании ответственности за судьбу белорусской нации» и «свидетельствуя уважение к суверенным правам всех народов СССР». В то же время преамбула белорусской декларации содержит более широкие формулировки. Например, «уважение не только к суверенным правам всех народов СССР», но и «к суверенным правам всех народов мира», не только «осознавая ответственность за судьбу нации», но и «подтверждая уважение достоинства и прав людей всех национальностей, проживающих в Республике Беларусь». Важным дополнением в преамбуле Декларации о суверенитете Республики Беларусь является формулировка о статусе Беларуси как полноправного и независимого члена мирового сообщества и ссылка на Всеобщую декларацию прав человека и другие общепризнанные международно-правовые акты.

Сравнение основных частей декларации позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, в обеих декларациях есть схожие положения. Это положения о носителе и источнике суверенитета, коим является народ соответствующей республики, о высшей цели, во имя которой утверждается суверенитет – свободное развитие, достойная жизнь каждого человека, о верховенстве республиканских конституций и республиканских законов над союзной конституцией и союзными законами, про принятие нового документа о Союзе, о предоставлении гражданства и др.

Во-вторых, есть ряд пунктов, которые сформулированы в обеих декларациях, но сформулированы по-разному. Например, пункт про территорию республики. В п. 8 Декларации РСФСР указано, что «территория РСФСР не может быть изменена без волеизъявления народа, выраженного путем референдума», а в ст. 6 Декларации БССР закреплено, что «все вопросы о границах решаются только на основе взаимного согласия между Республикой Беларусь и смежными суверенными государствами путем заключения соответствующих договоров, которые подлежат ратификации Верховным Советом Республики Беларусь».

В-третьих, в каждой декларации есть разделы, которые не затрагиваются в тексте другой декларации. Например, в Декларации о суверенитете БССР есть статьи о прокуратуре, об экологии, о Чернобыле, о культурном и духовном развитии, о вооруженных силах республики, о желании стать «безъядерным государством» и др.

Таким образом, сравнительный анализ двух деклараций позволяет заключить, что обе декларации о суверенитете содержали важные положения о закреплении государственного суверенитета в соответствующей республике, ряд схожих положений, касающихся провозглашения суверенитета. В то же время Декларация о независимости Республики Беларусь охватывает больше сфер жизни, чем Декларация о независимости РСФСР, и дает уточнения по большему количеству вопросов.

Хиль А. Э.

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ АДВОКАТОВ В СТАТУТАХ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

*Хиль Александра Эдуардовна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
hill29102001@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Орловская Е. И

В историко-правовой науке принято считать, что зарождение адвокатуры, как правозащитного института, началось в античные времена с судебного представительства. Оно появилось для оказания помощи лицам, которые по различным причинам (преклонный возраст, болезнь, малолетство и т. п.) не могли самостоятельно вести свои дела в суде, участвовать в судебном процессе.

Адвокатура в Беларуси впервые получила свое законодательное закрепление в статутах Великого княжества Литовского (ВКЛ).

В связи с введением в правовой оборот Статута 1529 г. мы видим начало процесса формализации правовых отношений. Благодаря этому появляется множество вопросов, связанных с применением закона на практике, в частности вопрос о защите прав и законных интересов лиц.

Так, Статут 1529 г. содержал в себе лишь одну статью, посвященную деятельности адвоката, где закреплялось, что иностранцы не имели права быть адвокатами (прокураторами), поскольку к такому роду деятельности допускались лишь уроженцы и жители ВКЛ, имеющие недвижимое имущество на территории ВКЛ.

Данная статья никоим образом не описывала порядок назначения адвоката, требования, предъявляемые к желающим получить данную должность, и не раскрывала всю суть прав и обязанностей, но формальное упоминание о данном институте дало толчок для дальнейшего развития.

В Статуте 1566 г. уже частично были сформулированы и закреплены основы адвокатской этики, а именно:

- устанавливалась уголовная ответственность за нарушение адвокатом своих обязанностей (за нанесение шкody подзащитному);
- предусматривалась обязанность суда назначить адвоката тому, кто в нем нуждался (ст. 33).

Порядок и особенности назначения на должность адвоката были впервые урегулированы только в последнем Статуте 1588 г. Правовая сущность нормы была очень схожа с нормами современного белорусского законодательства об адвокатуре.

Прокуратором мог быть честный землевладелец, кроме лиц, которые занимали должности судей, подсудков, писарей и духовных деятелей (ст. 58).

Статьи 59, 60 61 устанавливают срок службы прокуратора, запрет осуществления противоправных действий и наказания за них.

Мы видим, что порядок осуществления служебных полномочий всеми судебными должностными лицами был подробно урегулирован, не исключением были и прокураторы (профессиональные адвокаты). Они не имели права назначать вместо себя человека, который бы мог выполнять их полномочия в суде. Их присутствие при рассмотрении дела было обязательным: «Устанавливаем, что когда бы который адвокат, взявшись кому дело его говорить и вести, а выведав у него то дело и листы его осмотрев, предал его в том стороне противной или к той стороне противной перешел и в ее интересе напротив того, кому прежде обещал и подрядился дело вести, тогда такой не должен быть допущен говорить в суде...» (ст. 59).

При отказе от принесения присяги прокуратор «наказывался горлом». При причинении заинтересованной стороне материального ущерба, прокуратор должен был материально компенсировать причиненный ущерб и лишался права заниматься профессиональной деятельностью на 4 недели.

Прокуратор должен был осуществлять свою деятельность в соответствии с неписанным кодексом чести адвоката. При нарушении его положений адвокат-шляхтич терял свой титул, а не шляхтич – жизнь. После этого потерпевшая сторона могла начать защищать себя самостоятельно или найти другого прокуратора (ст. 35).

При неожиданной болезни прокуратора, он не нес никакой ответственности за отсутствие, однако после истечения трех судебных сроков он вынужден был представить письменные объяснения своего отсутствия. После выздоровления от болезни, они должны были оповестить об этом высшие органы государственного управления.

Прокуратор подвергался смертной казни в случае измены своему клиенту и предоставления материалов дела противоположной стороне (ст. 36).

Как и в наше время, юридически прокуратор был лишь защитником интересов потерпевшего или обвиняемого, представителем чужих интересов, поэтому он не мог выступать самостоятельно в суде в отсутствие заинтересованной стороны (ст. 37). Исключением была невозможность одной из сторон явиться на судебное заседание.

Таким образом, институт адвокатуры в Беларуси имеет очень давнее происхождение. Его развитие стало характерной чертой становления всей нынешней судебной системы, несмотря на все недостатки, например, низкий уровень образования и моральных устоев, адвокатура стала толчком проникновения прогрессивных тенденций в сферу судопроизводства. Благодаря адвокатуре мы получили принцип состязательности судебного процесса, формальное закрепление принципа справедливости. Наделяя население правом на защиту своих прав и законных интересов, законодатель обеспечил рост правоосведомленности и правовой грамотности.

Бурчиц Ю. А.

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИДЕОЛОГИИ АРАБСКОЙ ВЕСНЫ

*Бурчиц Юлия Александровна, студентка 3 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
yulana.banana@yandex.ru*

Научный руководитель: старший преподаватель Бичун В. М.

Начиная с середины XX в. на карте мира появились новые самостоятельные государства – бывшие колонии европейских стран (Тунисская Республика, Королевство Марокко и т. д.). С этого начался новый этап в развитии Арабского мира.

С течением времени в данных странах, несмотря на относительно стабильное развитие самих государств, уровень жизни населения оставался стабильно низким. В конечном счете это закономерно привело к недовольству населения, которое породило Арабскую весну.

Арабская весна – ряд антиправительственных протестов, митингов и вооруженных мятежей, которые прошли в большинстве стран Арабского мира начиная с 2011 г.

Большинство авторов сходятся во мнении, что основными причинами Арабской весны стали мировой экономический кризис, психологическое состояние общества и иностранное влияние.

Первая причина. Безработица – серьезная проблема многих стран данного региона. Государство дает гражданам право получать высшее образование, но количество вакансий сильно ограничено. Это приводит к тому, что значительное количество дипломированных специалистов либо устраивается на низкооплачиваемые работы, либо вообще остается безработным.

Вторая причина. С началом XXI в. идея «суннитского единства» уже не так сильно распространена в арабском обществе. Новое поколение обладает уже большим объемом информации: у них есть телевидение, радио, интернет. Представители нового поколения чувствуют себя гражданами, а не подданными. Их уже не устраивает идея «отца нации», который за них думает и ими руководит. Они готовы и хотят брать ответственность за дальнейшее развитие своей страны на себя.

Третья причина. Чтобы оценить масштабы иностранного влияния в странах Арабского мира, следует обратиться к идее «демократизации» и «реконструкции». Впервые план «реконструкции» был сформулирован еще Президентом Дж. Бушем 6 ноября 2003 г. в Национальном фонде демократии. В соответствии с этим планом, оккупация Ирака должна стать лишь первым этапом длительной борьбы США за победу демократии на Ближнем Востоке.

Непосредственно во время протестов методами осуществления требований народа были уличные, в основном ненасильственные или затем частично насильственные, но не вооруженные действия. Протестующие хотели смены власти, законодательных изменений, увеличения свобод, решения вопроса безработицы и, в целом, улучшения качества жизни.

Несмотря на общие идеи, Арабская весна проходила неодинаково в разных странах. Рассмотреть ее ход и итоги можно на примере двух стран – Тунис и Марокко.

В Тунисской Республике протесты начались в январе 2011 г. и были достаточно агрессивные – население категорично требовало смены власти. В итоге действующий на тот момент президент Бен Али подал в отставку и бежал в Саудовскую Аравию. При этом необходимо отметить, что перед отставкой он успел распустить Правительство, на свой пост назначить спикера Парламента и ввести в стране военное положение, которое было отменено только в марте 2014 г. Затем на протяжении 3-х лет в стране шла разработка новой Конституции, которая была принята только 26 ноября 2014 г. С ее принятием начался новый этап развития страны, поскольку она значительно увеличила права и свободы граждан, а также внесла существенные изменения в положение органов власти.

В Королевстве Марокко ситуация была чуть менее напряженной. Протесты были не такими продолжительными и агрессивными. Население требовало лишь немного улучшить их положение, а действующая власть в лице монарха их устраивала. В результате 29 июля 2011 г. была также принята новая Конституция. Она, как и Конституция Туниса, внесла ряд изменений в положение населения. Однако главное осталось неизменным – практически вся власть в стране осталась у монарха.

Подводя итог, необходимо отметить, что Арабская весна – действительно значимый этап в развитии стран Арабского мира. И, несмотря на то, что в ряде стран это не повлекло за собой значительных изменений и улучшений, данные события стали отправной точкой в развитии данного региона. И, возможно, в будущем благодаря этим событиям страны Арабского мира смогут прийти к установлению реальной демократии.

Денисенко Н. В.

К ПРОБЛЕМЕ БРАЧНОГО ВОЗРАСТА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Денисенко Надежда Вячеславовна, аспирант 1-го года обучения Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины, г. Гомель, Беларусь, nadyusha.denisenko2016@tut.by

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Грахоцкий А.П.

В законодательстве Российской империи устанавливался ряд условий, при наличии которых брак признавался недействительным. Одним из таких препятствий являлось недостижение определенного возраста. Так, в п. 5

ст. 37 «Свода законов гражданских» было указано, что законными и действительными не признаются браки лиц, «не достигших возраста, Церковью определенного для вступления в брак, или же имеющих от роду более восьмидесяти лет...».

В Российской империи существовало два варианта определения возраста вступления в брак: церковное и гражданское совершеннолетие. Так, по Эклоге Льва Исаврянина возраст вступления в брак составлял 15 лет для мужчин и 13 лет для женщин. В Прохироне Василия Македонянина возраст устанавливался в 14 и 12 лет соответственно. Эти источники вошли в Кормчую Книгу – сборник светских и церковных законов. В 1774 г. Святейший Синод определил возраст для вступления в брак в 15 лет для мужчин и 13 лет для женщин, т. е. Синод установил возраст в соответствии с положениями Эклоги.

19 июля 1830 г. был издан именной указ императора Николая I, которым запрещалось венчать лиц, не достигших 18 и 16 лет соответственно (возраст гражданского брачного совершеннолетия). При этом епархиальный архиерей мог разрешить вступление в брачный союз за полгода до достижения указанного в законе возраста.

Итак, по православным церковным правилам брачный возраст для мужчин составлял 15 лет, для женщин – 13 лет. В соответствии со ст. 218 Устава духовных консисторий в случае вступления в брак до достижения возраста церковного брачного совершеннолетия жених и невеста «разлучались от сожителства». При наступлении возраста гражданского брачного совершеннолетия было возможно продолжение супружеской жизни. В таком случае брак подтверждался в церкви «по чиноположению». При заключении брака лицами, не достигшими возраста брачного совершеннолетия, дело о признании брака недействительным мог инициировать только тот супруг, который вступил в брак, не достигнув церковного совершеннолетия. Иск допускался до времени достижения гражданского брачного совершеннолетия и только в случае, если жена не была беременна.

Таким образом, недостижение возраста церковного совершеннолетия влекло за собой признание брака недействительным. В случае, если лица, вступавшие в брачный союз, не достигали возраста гражданского брачного совершеннолетия, брак не признавался недействительным, однако священник, совершивший такой брак, подвергался дисциплинарной ответственности, установленной в ст. 188 Устава Духовных консисторий. Кроме того, за вступление в брак ранее или позднее возраста, определенного «церковными или государственными» законами, предусматривалась уголовная ответственность по ст. 1563 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. Такой ответственности подвергались лица, вступившие в брак, а также родители, опекуны и старшие родственники, давшие согласие на брачный союз или заведомо побудившие к нему. Указанные лица подлежали наказанию в виде тюремного заключения на срок от 2 до 4 месяцев или ареста на срок от 3 недель до 3 месяцев.

В законодательстве Российской империи был установлен не только нижний, но и верхний возрастной предел вступления в брак: лицам, достигшим 80 лет, вступление в брачный союз запрещалось. Так, в 1744 г. был издан Указ по частному случаю: 82-летний статский действительный советник Григорий Ергольский вступил в брак с Прасковьей Десятовой. В указе было отмечено, что Десятова склонила Ергольского к браку «не для сожития и презрения его, но, видя его в крайней старости, желая конца его и получить имение». По церковным правилам максимальный брачный возраст составлял 60 лет. Данная норма была закреплена в 24-м правиле Василия Великого, которое называло «нечистотою» брак 60-летней вдовы. По этой причине на брак лица, достигшего 60 лет, требовалось разрешение архиерея.

Таким образом, возраст вступления в брак устанавливался в Российской империи как церковными (15 лет для мужчин и 13 лет для женщин), так и светскими нормами права (18 и 16 лет соответственно). При этом решающим являлся возраст церковного брачного совершеннолетия: только брак лиц, не достигших этого возраста, признавался недействительным и они «разлучались от сожительства». В свою очередь, брак, заключенный лицами, не достигшими гражданского брачного совершеннолетия, сохранял силу. В Российской империи был установлен также верхний возрастной предел вступления в брак – 80 лет. При этом по церковным правилам максимально возможный возраст супружества составлял 60 лет, в связи с чем на вступление в брачный союз лиц, достигших указанного возраста, требовалось разрешение архиерея. Законодательством предусматривалась уголовная ответственность за вступление в брак ранее или позднее установленного возраста.

Долматова В. И.

ИСТОЧНИКИ ПРАВА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

*Долматова Виктория Игоревна, студентка 2 курса Казанского филиала
Российского государственного университета правосудия, г. Казань,
Республика Татарстан, Россия, vikaberry05@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук Гурьянова В. В.

Основные источники права Золотой Орды были заложены еще в период Монгольской империи. Главным источником права для Монгольской империи, в том числе для Золотой Орды, являлась «Великая Яса», возникновению в письменном виде которой поспособствовал Чингисхан. В буквальном смысле, Яса переводится как «свод законов», принятый в результате систематизации права Монгольской империи. Принято считать, что она была принята на курултае в 1206 г. в качестве письменных наставлений сыновьям Чингисхана. Яса насчитывала тридцать три фрагмента и тринадцать изречений правителя. Другие источники не могли входить в конфронтацию с ясами. В первую очередь яса включала правовые предписания об организации монгольских военных и нормы уголовного права. Она была утверждена в период назначения Темучина на роль великого

правителя, т. е. хана Монголии. Но с течением времени в нее вносились изменения и дополнения.

Другим не менее значимым источником в золотоордынский период являлись принятые ханами ярлыки. Так называли документы, которые издавали от лица правящего. Ярлыки характеризовались следующими свойствами: имели специфическую форму написания, сопровождалась печатью алого цвета – родовым фамильным знаком, который имел отношение к лицам, находящимся по статусу ниже, чем издавший ярлык. Словесные и рукописные приказы, а также положения ханов распространялись на подданных феодальных слоев общества. Они представляли собой главные указы, требующие немедленного и беспрекословного исполнения. Этот источник права использовался в работе золотоордынской публичной власти.

Однако не все ярлыки были источниками права, которыми пользовались при принятии решений в области правосудия. К примеру, ярлыки-послания, которые несли не юридический, а дипломатический характер, не распространялись на ханов и нижестоящий сословный строй. Не считались источниками права такая категория ярлыков, как духовные и договорные грамоты, которые обычно выдавались дипломатам и частным лицам.

Помимо ярлыков, принятых ханом Золотой Орды, действовали указы правителей разных государств. Приведу в пример процитированные старейшиной Рашид ад-Дином «фирманы» главы государства Хулагуидов Газан-хана «Об устранении мошенничества и неосновательных исков» и «Об исках тридцатилетней давности». Они дошли и до наших дней, но только с переводами на латинском и итальянском языках.

Нужно уточнить, что эти источники отличались, а их различия состояли в том, что Ясы считалась главным законом, который действовал постоянно и последующие вожди не имели права их изменять, в то время как ярлык имел действие исключительно во время правления хана, который его принимал, следующий правитель, восходивший на престол, мог его либо одобрить, либо отменить. Сходством вышеперечисленных источников права являлось то, что с их помощью осуществлялось правосудие, а их действие распространялось не только на население, но и на самого правителя. Князья руководствовались и собственными взглядами на ту или иную ситуацию, которую сопоставляли с обстановкой в сфере политики и мнением хана.

Стоит отметить, что основными источниками, в которых излагается достоверная информация о делах самого Чингисхана, принято считать монгольские литературно-исторические летописи, из которых самый значимый литературный памятник – «Сокровенное сказание монголов». Работа является началом исследовательских произведений о правителе и его эре, сотворенных за последние 700 с лишним лет. Шариат – важнейший правовой источник, был создан после принятия монголами такой веры, как ислам. По этому источнику квалифицировались религиозные преступления.

Таким образом, источники права Золотой Орды являлись письменными, зафиксированными документами, обеспеченными властью. Они

представляли собой правовые предписания ханов Золотой Орды, которые распространялись на соответствующую территорию. Основным источником на тот период служила Великая Яса, которой не должны были противоречить ярлыки и указы, являющиеся тоже источниками права. Стоит отметить, что Золотая Орда не ограничивалась данными предписаниями, имелось множество указов и документов как в устной, так и в письменной форме, которые укрепляли правовые отношения и на территории, и за ее пределами.

Зинченко М. И.

ВЛИЯНИЕ КОНФУЦИАНСТВА И ЛЕГИЗМА НА ПРАВО ДРЕВНЕГО КИТАЯ

*Зинченко Маргарита Игоревна, студентка 2 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
caelestemargarita@gmail.com*

Научный руководитель: старший преподаватель Иванова Т. В.

Принципы романо-германского права составляют основу современного законодательства Китая и вместе с древними правовыми традициями образуют его правовую систему. На протяжении веков в правовой культуре Китая нормы морали преобладали над правовыми нормами при регулировании жизни общества. Такое отношение к праву объяснялось влиянием учения Конфуция – основы идеологии Китая вплоть до революции 1911 г., а также легизма. Этико-религиозные установления конфуцианства и политико-правовые идеи легизма были двумя противоборствующими сторонами, которые пытались изничтожить друг друга, но в итоге дали основу современной правовой системе Китая.

Идеи Конфуция можно смело назвать гуманистическими. Лозунг конфуцианства «Воспитание и убеждение, а не власть и принуждение» показывал основное направление этого учения. Народом должен управлять справедливый и мудрый человек, кем не движут эгоизм, жестокость и жажда контроля. Конфуций считал, что если наказания за правонарушения будут слишком жестокие, то люди потеряют стыд и будут всеми силами противостоять закону, а не следовать ему. Если же акцент будет поставлен не на жестокость наказания, но на стыд, самосознание человека, то он охотнее будет следовать закону и не нарушать порядок. С приходом конфуцианства, правовая система древнего Китая из обычной трансформировалась в традиционную. Теперь споры решались не в судебном порядке, а прибегая к гуманности, традициям, ритуалам – в устном порядке без привлечения третьей стороны. Писаное право утратило свое повсеместное влияние. В китайском праве отсутствовали личные права человека. Упор ставился на жертвование своими интересами ради мирного урегулирования конфликта. Разрешением юридических конфликтов занимались не профессиональные юристы, а администраторы, сдавшие литературный экзамен, но абсолютно не сведущие в юриспруденции. Они руководствовались нормами морали и религии, а в

сложных ситуациях обращались к высшим чиновникам, знающим право. Те, в свою очередь, обращались к императору, поскольку он наделен божественным всезнанием. Конфуций критиковал такую систему и настаивал на том, что правитель должен быть избран не по крови, а по уму. Впоследствии в обществе сформировалось устойчивое непринятие права строгого и абстрактного, в юридических рамках. Право должно быть гуманным и справедливым, гибким и стоять рядом с человеком, а не над ним.

Другим правовым учением в древнем Китае был легизм (фа-цзя). Центральным понятием легизма является закон – фа, который считается самым правильным способом управления обществом (основатель – Шан Ян). Эта философия была полной противоположностью конфуцианства, придерживаясь идеи верховенства закона, а не народа. Программа реформ, разработанная Шан Яном, была сформулирована в его «Книге правителя области Шан» и направлена на укрепление централизованной власти. Часть реформ была направлена против простого народа (запрещение переселения, увеличение налогов, обязательная постоянная воинская служба, система доносов). А другие, напротив, ограничивали власть чиновников (регламентация их деятельности, ужесточение наказаний). По мнению видного теоретика легизма Хань Фэй цзы, написавшего трактат «Ханьфэй-цзы», «там, где действует закон, умный просто не сможет его обойти; храбрый не смеет ему противиться; наказания за проступки не минуют и сановников, награды за добрые дела не обходят и простолюдинов». Благодаря легизму было введено единое законодательство. В условиях раздробленности, бедности и постоянных набегов разбойников, легизм был необходим как чрезвычайная, но временная мера. С приходом к власти легистов воюющие народы были объединены, и Китай был силен, способен к удерживанию и защите своих территорий. Но наказания легистов были не в меру жестоки. За все правонарушения было введена единая санкция – казнь. По этой причине население сильно уменьшилось, армия ослабла и народ взбунтовался, скинув легистов и возведя на престол последователей даосизма.

С течением времени идеи конфуцианства и легизма объединились, образовав смешанную правовую систему. Жесткие моральные нормы ортодоксального конфуцианства задавали стереотип поведения, а право с помощью санкций запрещало от него уклоняться. Нормы конфуцианской морали («ли») должны были поддерживаться силой закона «фа»; то, что наказуемо по «фа», не может быть позволено по «ли»; дозволенное по «ли» не может быть наказано по «фа». Как итог, конфуцианские принципы и идеи приобрели обязательность, а санкции легистов были сохранены, хотя в суде больше руководствовались конфуцианской гуманностью и справедливостью. Отличительной чертой обоих учений было равенство людей, вне зависимости их положения.

Иовенко Е. А.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО «НОВОГО КУРСА» ФР. РУЗВЕЛЬТА

Иовенко Ева Александровна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, law.iovenko@bsu.by

Научный руководитель: старший преподаватель Бичун В. М.

«Новый курс» – экономическая, социальная программа администрации президента США Фр. Рузвельта в период с 1933 по 1939 г., которая предприняла действия по устранению последствий Великой депрессии, а также по осуществлению реформ в сфере промышленности, сельского хозяйства, финансов, трудовых отношений. «Новый курс» включал в себя ряд программ, которые были направлены на обеспечение экономической помощи безработным, регулирование частной промышленности, расширение сферы деятельности американского федерального правительства, что коренным образом изменило политическую культуру США.

«Новый курс» можно разделить на несколько условных этапов.

Первый «Новый курс» (1933–1934). Во время инаугурации Рузвельта в 1933 г. страна переживала экономический кризис. Объем промышленного производства значительно сократился, а безработица достигла 25 %. Большая часть законодательной базы «Нового курса» была принята Конгрессом в течение первых трех месяцев – «Ста дней» – президентства Рузвельта. Были приняты законодательные акты, направленные на решение «банковской паники», безработицы и слабых промышленных показателей. Наиболее важными законами стали:

Закон о регулировании сельского хозяйства, который повысил цены на сельскохозяйственную продукцию, предложив фермерам государственные компенсации и премии за сокращение производства;

Закон о восстановлении промышленности, который был направлен на повышение прибыли предприятий и заработной платы работников путем установления отраслевых кодексов, устанавливающих цены и заработную плату, а также гарантирующих работникам право объединяться в профсоюзы.

Была проведена проверка кредитоспособности банков, после чего Министерство финансов подтвердило разрешение деятельности главным образом крупных банков, что привело к притоку в них вкладов. Затем был принят Закон 1933 г. о страховании вкладов, гарантировавший частным лицам, что деньги, которые они внесли в банк, будут возвращены им федеральным правительством в случае, если их банк обанкротится. К началу 1934 г. около 80 % всех банков США застраховали свои депозиты. Вслед за этим был издан приказ президента об установлении полного контроля за золотом, находившимся в обращении. Экспорт золота был запрещен. Вся золотая валюта граждан, превышающая 100 долларов США, подлежала обязательной сдаче резервным банкам, входящим в Федеральную Резервную систему.

Второй этап «Нового курса» был сосредоточен на усилении защиты работников и создании долгосрочной финансовой безопасности для американцев. Наиболее значимые законодательные акты:

Закон, утвердивший создание Управления промышленно-строительными работами общественного назначения, которое задействовало миллионы американцев в проектах общественных работ, от строительства дорог до написания пьес;

Закон о социальном обеспечении, который обязывал работников и работодателей вносить взносы в целевой фонд социального обеспечения. Этот фонд, в свою очередь, производил ежемесячные выплаты пенсионерам старше 65 лет, а также лицам с длительной нетрудоспособностью;

Закон о справедливых трудовых стандартах, который предписывал 40-часовую рабочую неделю, установил почасовую минимальную заработную плату и ограничил детский труд.

Можно сделать вывод, что «Новый курс» представлял собой комплекс мер и законов, принятых при президенте Рузвельте, которые резко повысили роль федерального правительства в экономике в ответ на Великую депрессию, а также заложили основу для сегодняшней современной системы социального обеспечения.

Коваль А. В.

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ НА ПУТИ К ПАРЛАМЕНТАРИЗМУ

Коваль Александр Владимирович, студент 1 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, starve2016@yandex.ru

Научный руководитель: канд. ист. наук, доцент Сергеевкова В. В.

Период после Первой российской революции (1905–1907 гг.) в научной литературе считается началом формирования парламентаризма. Можно с уверенностью утверждать, что именно революционные события подтолкнули громоздкий аппарат неограниченного самодержавия с большими полномочиями и возможностями, с присущим ему увесистым аппаратом принуждения к предоставлению народам России демократических прав и свобод. Это был первый и уникальный контакт между государственной властью и народом. И одним из требований революции было предоставление права участия гражданам в управлении собственным государством. В итоге это привело к созданию Государственной думы, которая дала толчок к становлению такого нового явления в истории Российского государства, как парламентаризм. Однако перед этой самой Государственной думой необходимо было пройти этап собственного формирования, который по своему был уникален и проходил в условиях революционных событий.

Первоначально предполагалось создать Государственную думу только с законосовещательными правами, что нашло свое отражение в манифесте «Об учреждении Государственной думы» и в положениях «Учреждение Государственной думы» и «О выборах в Государственную думу» от 6 августа 1905 г. Эти материалы законодательного характера в основном были подготовлены министром внутренних дел А. Г. Булыгиным. Эти документы вызвали большое недовольство в обществе. В итоге выборы в так называемую Булыгинскую думу не состоялись.

Под влиянием развития революционных событий 17 октября 1905 г. появился известный манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», разработанный С. Ю. Витте по поручению Николая II. Данный документ предоставлял населению империи «гражданские свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов». Этот манифест фактически заявлял о создании Государственной думы с законодательными полномочиями: «Установить, как незыблемое право, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы».

Вслед за этим 20 февраля 1906 г. был утвержден целый пакет законодательных документов: манифест «Об изменении Учреждения Государственного совета и о пересмотре Учреждения Государственной думы», указ «О переустройстве Учреждения Государственного совета» и др. Можно утверждать, что это были самые серьезные после Великих реформ 1860–1870-х гг. преобразования в государственном устройстве Российской империи. Открывалась возможность для формирования парламентаризма и перехода империи на рельсы ограниченной монархии. Общество теперь могло надеяться на справедливое отношение в правовой сфере со стороны государства, при этом принимать непосредственное участие в государственном управлении. Хотя эти все-таки весьма запоздалые действия и дарованные основы впоследствии претерпели не одно изменение и вмешательство государственного аппарата.

В утвержденных законодательных актах были определены состав и устройство Думы, порядок выборов в нее. Состав Думы формировался на основе сложной системы выборов, которая включала цензы разных типов, запрещала участие в выборах лицам женского пола, лицам моложе двадцати пяти лет, обучающимся учебных заведений, воинским чинов армии и флота, состоящих на действительной службе, иностранным подданным, а также лицам, подвергшимся суду. Не принимали участия в выборах также губернаторы и вице-губернаторы, градоначальники и их помощники и лица, занимающие полицейские должности. Председатель играл главенствующую роль в функционировании Думы: обеспечивал основной контроль и работу, открывал и закрывал заседания, объявлял перерывы и мог отстранить участника собрания от участия. Государственная дума стала нижней палатой парламента, а Государственный совет – высшей.

Первая Государственная дума просуществовала 72 дня, с 27 апреля по 9 июля 1906 г., после чего была распущена императором Николаем II. Однако Государственная дума первого созыва была уникальным для своего времени опытом участия народонаселения в государственном управлении. Это было начало ранее неизвестного в российском обществе парламентаризма.

Кулешова А. А.
ДЕКЛАРАЦИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ США 1776 г.
И ЕЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Кулешова Анастасия Андреевна, студентка 2 курса юридического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, law.kuleshovAA@bsu.by

Научный руководитель: старший преподаватель Бичун В. М.

По итогам семилетней войны казна Англии была опустошена, в результате чего британское правительство было вынуждено обложить налогами американские колонии, такими как налог на сахар, налог на ввозимые товары. После нескольких лет протестов в 1775 г. началась война с Британией, с явным перевесом на стороне Великобритании. После ряда успешных выступлений со стороны Британии стало очевидно, что войну не выиграть без помощи союзников, поэтому конгрессмены пришли к выводу, что необходимо порвать дипломатические отношения с Англией и сформировать свое собственное правительство.

Как отмечал Уинстон Черчилль в своем четырехтомнике «История англоязычных народов»: «Американские колонии спокойно и уверенно росли последние сто пятьдесят лет. Всю первую половину XVII в. англичане переселялись на американский континент. С юридической точки зрения колонии, в которых они оседали, являлись территориями, заселенными на основе королевской хартии, но вмешательство в их дела было небольшим, и очень скоро они научились самоуправлению».

Осенью 1775 г. началось заседание Континентального конгресса, требовавшего отмены всех ограничений, действовавших в колониях. 7 июня 1776 г. конгрессу была представлена резолюция Ричарда Генри Ли, принятая 2 июля и провозгласившая 13 колоний в Америке свободными и независимыми от Великобритании. В ходе военных действий между колонистами и английскими войсками 4 июля 1776 г. конгресс провозгласил Декларацию независимости США, написанную Томасом Джефферсоном, в которой впервые в истории употребляется название Соединенные Штаты Америки.

По сути, Декларация являлась документом, объединяющим колонии для совместной борьбы против английской короны, вследствие чего конфликт перерос в стадию войны за независимость США. В тексте Декларации можно выделить 3 основные части. Первая часть гласит, что все люди по своему происхождению равны и обладают равными правами на жизнь, на свободу, на достижение счастья. Вторая часть содержит перечень злоупотреблений английской короны по отношению к колониям. Третья часть объявляет о разрыве политической связи между колониями и метрополией, каждая колония признается самостоятельным независимым государством. Декларация провозглашает свободу наций на самоопределение, а также объявляет борьбу против деспотизма не только правом, но и священной обязанностью народа.

Декларация признает Георга III, короля Англии, тираном и направляет всю свою словесную мощь против конкретной личности, но, со слов Авраама Линкольна Декларация стала «не оправданием революции, а моральным стандартом, по которому можно судить о повседневной политике и действиях нации».

Декларация легитимизировала статус колоний, после чего Франция и ряд других государств признали США в качестве суверенного государства и война против Великобритании в других странах стала рассматриваться как борьба за освобождение от иностранного гнета, а не как колониальный бунт. После принятия декларации Франция оказала всестороннюю поддержку американцам в этой войне. Однако юридически США получили статус независимого государства лишь после подписания в Версале Парижского мирного договора в 1783 г.

Можно сделать вывод, что Декларация независимости представляла собой оформление идей буржуазной демократии, революционной для того времени, бросившей вызов старой монархической системе и предложившей на ее смену власть народа со свободными выборами, равными правами и правом на суверенитет. В свою очередь, войну за независимость можно рассматривать как войну реакции и прогресса, в которой победил прогресс.

Яковлев К. С.

«ФОРМУЛА РАДБРУХА» КАК КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОСНОВА НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА

Яковлев Кирилл Семенович, студент 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, stortosigizmund@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Орловская Е. И.

Нюрнбергский процесс имел колоссальное историко-правовое значение: он стал первым судебным процессом в истории международных отношений, на котором агрессия была признана международным преступлением. Он продемонстрировал желание послевоенных государств и народов сотрудничать в своей борьбе с фашизмом и всеми видами международной агрессии для укрепления безопасности и мира. Тем не менее, несмотря такую высокую значимость процесса, наша юридическая наука редко упоминает профессора Густава Радбруха и его идеи, которые стали концептуальной основой для процесса.

Густав Радбрух был немецким юристом и политиком, а также министром юстиции времен ранней Веймарской республики и деканом юридического факультета Гейдельбергского университета до его увольнения по политическим причинам в 1933 г.

Авторству правоведа предписывают множество идей, но самой значимой среди всех называют его концепцию «несправедливого права», также известную под названием «формула Радбруха». Сущность «формулы» сводилась к тому, что тот закон, который очевидно несправедлив и

противоречит естественному праву, исполняться не должен. Справедливость в понимании ученого и исходя из его работы «Пять минут философии права», заключается в том, «чтобы судить без оглядки на авторитет и ко всем подходить с одинаковой меркой». А очевидным противоречием справедливости правовед признавал случай полного непризнания законодателем равенства при создании норм.

Радбрух предлагал довольно уникальный подход к применению принципа обратной силы закона, конкретнее, к его составляющей о том, что за деяние, которое на момент совершения не было преступным по национальным или международным законам, наказание к лицу применено быть не может. Правовед предлагал ограничивать этот принцип тогда, когда позитивный закон содержательно противоречит принципу справедливости и естественным правам человека.

Эти положения «формулы» были практически неизменно закреплены в Уставе Международного военного трибунала (далее – МВТ) для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси. В частности, интерес представляет ст. 6 Устава, которая закрепляла, что преступления против мира, военные преступления и преступления против человечества, совершены они в соответствии с внутренним правом страны или нет, – наказуемы, а также ст. 7 и 8, которые исключали ненаказуемость за исполнение приказа или распоряжения правительства и за нахождение в статусе главы государства или иного высшего должностного лица. Таким образом, Устав, закрепив преступность деяний, упразднил использование принципа *nulla poena sine lege* (нет наказания без закона), который бы потребовал судить нацистов по их законам, и установил свою же ретроактивность, т. е. действие на совершенные до его принятия деяния.

Применение «формулы» в почти нетронутым виде позволило свести все позиции защиты до близких демагогии постулатов. Проанализировав речи докторов права Г. Яррайса, А. Зейделя, адвоката Р. Гесса, и О. Штамера, адвоката Г. Геринга, а также других адвокатов и юристов, выступавших от имени защиты, возможно сказать, что позиция защиты на процессе сводилась к таким постулатам, как: война – форма человеческого бытия, а потому в контексте униженной Версальем Германии была допустима; к постулату обязательности применения принципа обратной силы закона в ее «дотрибуналовском» толковании; к постулату политизированности процесса и навязывания германскому народу и государству образа жизни и норм народов и государств-победителей; и к постулату перекладывания ответственности на других, политически вышестоящих лиц (позиция защиты обвиняемых Редера, Кейтеля и др.). Все положения этих постулатов не рассматривались судом как оправдывающие.

В соответствии со ст. 19 Устава МВТ трибунал допускал использование любых доказательств, которые посчитал бы имеющими достаточную доказательную силу. Отметить следует и ст. 21, которая установила, что трибунал не будет обязан рассматривать общеизвестные факты, а также документы по преступлениям, предоставленные официальными властями

государств. Эта радикальная мера была принята потому, что дополнительное доказывание уже собранных государствами свидетельств, показаний пострадавших, результатов эксгумаций и иных бы заняла дополнительные годы разбирательств, не говоря о том, что вся позиция защиты уже активно только и занималась тем, что посредством демагогии пыталась запутать трибунал как со стороны вышеупомянутых адвокатов, так и со стороны обвиняемых.

Подводя итог, отметим, что применение положений «формулы» в отношении обвиненных на Нюрнбергском процессе лиц встречало критику со стороны множества юристов-современников. Однако представляется, что их применение было единственным адекватным ответом на совершенные деяния и поэтому было логически и юридически обоснованно. Подход к юридической ответственности, разработанный в «формуле», на данный момент является наиболее универсальным из всех существующих и используется до сих пор.

Абушкевич П. А.

ПРАВО НА ЖИЗНЬ: РЕАЛИЗАЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Абушкевич Полина Андреевна, студентка 1 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, abushkev.pa@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Кондратович Н. М.

Право на жизнь – неотъемлемое право каждого человека, охраняемое законом. Его содержание заключается в том, что никто не может быть лишен жизни.

Право на жизнь является самым важным правом из всех, ведь без него невозможно существование остальных прав. Это своего рода основа, на которую уже помещаются другие права. Но одно дело говорить про права, и совсем другое их реализовывать. Никто не может быть лишен жизни, но тем не менее такое происходит. И, конечно же, за это предусмотрена ответственность.

Государством уделяется особое внимание профилактике пьянства и алкоголизма, так как все убийства и большая часть умышленных причинений тяжких телесных повреждений совершаются либо непосредственно в ходе совместного распития спиртного, либо лицами, находящимися в состоянии алкогольного опьянения. По этой причине существует такая деятельность, как правовое просвещение граждан – формирование и повышение уровня правового сознания и правовой культуры граждан, осуществляемые субъектами профилактики правонарушений в пределах своей компетенции.

Правовое просвещение граждан осуществляется путем: проведения конференций, круглых столов, семинаров, лекций и выступлений по вопросам профилактики правонарушений; размещения в общественных местах, зданиях (помещениях) организаций, государственных средствах массовой информации, в том числе распространяемых с использованием глобальной компьютерной сети Интернет, на официальных сайтах субъектов профилактики правонарушений, информации о формировании правопослушного поведения, здорового образа жизни, навыков по обеспечению личной и имущественной безопасности граждан.

Кроме правового просвещения граждан существуют и другие виды деятельности по профилактике правонарушений, например, официальное предупреждение и профилактический учет.

Официальное предупреждение выносится гражданину, привлеченному повторно в течение года к административной ответственности за правонарушение, совершенное в состоянии алкогольного опьянения, в состоянии, вызванном потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ.

Профилактический учет осуществляется в отношении гражданина: привлеченного к административной ответственности за правонарушение, совершенное в состоянии алкогольного опьянения, в состоянии, вызванном потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ, в течение года после объявления ему официального предупреждения за правонарушение, совершенное в состоянии алкогольного опьянения.

Но принимаемые государственными органами меры по профилактике преступных посягательств на жизнь и здоровье граждан не достигнут желаемого эффекта, если сами граждане не будут максимально ответственно относиться к соблюдению закона.

По официальным данным, опубликованным Генеральной прокуратурой Республики Беларусь, количество убийств в Республике сокращается. Число зарегистрированных преступлений в Беларуси за год снизилось на 8 %. Количество убийств сократилось на 4,8 %, умышленных причинений тяжких телесных повреждений – на 4,9 %

Проблема смертной казни в Республике Беларусь в последние десятилетия стала предметом большого количества дискуссий.

Республика Беларусь остается единственной страной на европейском пространстве, в которой еще не отменена смертная казнь. И пусть объем применения исключительной меры наказания максимально ограничен (в основном назначается за убийства при отягчающих обстоятельствах), однако смертная казнь все же применяется.

Смертная казнь не применяется к лицам, совершившим преступление в возрасте до 18 лет, к женщинам, а также к мужчинам, достигшим к моменту постановления приговора шестидесяти пяти лет. Согласно уголовно-исполнительному законодательству обнаружение психического заболевания у осужденного приостанавливает исполнение приговора и ставит вопрос о назначении осужденному принудительного лечения.

Согласно белорусскому законодательству каждый осужденный к смертной казни имеет право не только обжаловать вынесенный приговор, но и обратиться к Президенту Республики Беларусь с просьбой о помиловании. Комиссия по вопросам помилования при Президенте Республики Беларусь в целях максимального исключения судебной ошибки рассматривает каждый случай индивидуально и углубленно даже без наличия ходатайства осужденного к смертной казни о помиловании.

В дополнение к сказанному можно добавить, что вопрос смертной казни выносился на республиканский референдум в ноябре 1996 г.а, периодически в Республике Беларусь проводятся международные семинары, конференции по аналогичному вопросу, с помощью средств массовой информации ведется наблюдение за общественным мнением.

На наш взгляд, в настоящее время человечество не пришло к единому мнению по поводу правильности принятия решения о внесении в законодательство какого-либо из государств такого вида уголовного наказания, как смертная казнь.

Алещенко М. А.

ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ОТЧУЖДЕНИЯ ИМУЩЕСТВА ПО МОТИВАМ ОБЩЕСТВЕННОЙ НЕОБХОДИМОСТИ

*Алещенко Мария Андреевна, студентка 2 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
maryaalescanka@gmail.com*

Научный руководитель: д-р юрид. наук, профессор Василевич Г. А.

На современном этапе право собственности по своей юридической природе часто относится к категории абсолютных прав человека. В Конституции Республики Беларусь закреплено, что государство гарантирует каждому право собственности, а неприкосновенность собственности охраняется законом. Эти положения находят свое отражение и в иных законодательных актах. В частности, на принципе неприкосновенности собственности основывается гражданское законодательство Республики Беларусь. Важно понимать, что в современной доктрине принцип неприкосновенности собственности означает не абсолютное господство лица над вещью, а разумное сочетание интересов конкретного собственника и всего общества в целом. От надлежащего исполнения принципа неприкосновенности собственности зависит благосостояние всего общества и государства. При вмешательстве государства в частные интересы права собственника должны быть защищены. Именно поэтому крайне важно определение оснований и пределов принудительного отчуждения имущества.

Основания принудительного отчуждения имущества закреплены в ч. 5 ст. 44 Конституции Республики Беларусь. Из содержания статьи следует, что существует всего два основания принудительного отчуждения имущества: 1) общественная необходимость; 2) судебное постановление.

Основания для вынесения судебного постановления о принудительном отчуждении имущества достаточно подробно регламентированы в актах белорусского законодательства, что нельзя сказать о содержании понятия «общественная необходимость». Толковый словарь С. И. Ожегова определяет, что под общественной необходимостью следует понимать принадлежащую обществу, не частную, коллективную надобность, потребность, то, без чего нельзя обойтись. Понятие «общественная необходимость» встречается и в иных законодательных актах помимо Конституции. К примеру, в ГК Республики Беларусь, Законе Республики Беларусь «Об инвестициях», содержание общественной необходимости также тесно связано с Кодексом Республики Беларусь о земле (далее – КоЗ).

В юридической литературе существует множество подходов к понятию «общественная необходимость». Мы можем дифференцировать их на две большие подгруппы: одни исходят из того, что с юридической точки зрения только практика может наполнить это положение конкретным содержанием (К. И. Скловский, Е. Б. Шмакова и др.); другие пытаются дать исчерпывающее определение данному понятию (А. В. Каравай, В. К. Сидорчук и др.). А. В. Каравай пришел к выводу, что к условиям, охватываемым понятием

«общественная необходимость», принято относить защиту национальной территории, государственную безопасность, обеспечение здоровья населения, потребность предоставления помощи в случае стихийных и других бедствий. На наш взгляд, данное определение не будет исчерпывающим. Общественная необходимость принудительного изъятия имущества может быть вызвана не только различного рода катаклизмами. К примеру, ст. 240 ГК Республики Беларусь устанавливает, что отчуждение недвижимого имущества может быть произведено в связи с изъятием земельного участка, на котором оно находится. Одним из оснований такого изъятия являются государственные нужды. Кроме того, из содержания ч. 2 п. 1 данной статьи следует один из важнейших признаков общественной необходимости – отсутствие иных возможностей для удовлетворения публичных нужд. Однако в новой редакции ГК, принятой Палатой представителей Национального собрания Республики Беларусь в первом чтении, эта часть исключена. Представляется, что такая редакция ст. 240 будет нарушать принцип неприкосновенности собственности и, как следствие, противоречить Конституции.

Таким образом, дать исчерпывающее определение «общественной необходимости» крайне сложно, но следует конкретизировать данное понятие. Осуществить это можно с помощью определения содержания «общественной необходимости». Под общественной необходимостью для принудительного отчуждения имущества следует понимать:

1) государственные нужды (ст. 1 КоЗ: потребности, связанные с обеспечением национальной безопасности, охраны окружающей среды и историко-культурного наследия, размещения и обслуживания объектов инфраструктуры, разработки месторождений полезных ископаемых, реализации международных договоров, государственной схемы комплексной территориальной организации, а также с размещением объектов недвижимого имущества);

2) интересы национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц (ст. 23 Конституции);

3) потребность предоставления помощи в случае стихийных бедствий, аварий, эпидемий, эпизоотий и при иных обстоятельствах, носящих чрезвычайный характер.

Баженова К. А.

ДИСКУССИОННЫЕ АСПЕКТЫ ПОНЯТИЯ «ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ» В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Баженова Ксения Андреевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, ks.bazhenova02@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Киселёва Т. М.

Персональные данные – это достаточно молодое понятие, которое пришло в законодательство Республики Беларусь 15 ноября 2021 г. в связи с принятием Закона Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите

персональных данных» (далее – Закон «О защите персональных данных»). В Законе «О защите персональных данных» понятие «персональные данные» трактуется весьма широко, благодаря чему возникает ряд вопросов относительно его содержания.

Национальный центр защиты персональных данных Республики Беларусь в 2022 г. дал разъяснения относительно причастности к понятию «персональных данных» личного номера мобильного телефона и VIN-номера транспортного средства как относящихся к понятию «персональные данные», так как при наличии сведений о них возможно не только идентифицировать лицо, но и оказать негативное влияние на жизнь человека, в связи с чем такие данные нуждаются в правовой защите.

Однако опыт зарубежных стран в сфере определения понятия «персональные данные» значительно опережает национальное законодательство. В комментарии к Постановлению Европейского союза 2016/679 «Общий регламент защиты персональных данных» (далее – GDPR) под редакцией Е. Себякиной и С. Воронкевича к понятию персональных данных относятся также сведения, относящиеся не только к субъекту персональных данных, но и вещам, которыми данное лицо обладает. Например, это может быть номер компьютера, фитнес-трекер и сведения о животных. Состояние здоровья, кличка, порода, чип домашнего животного позволяют идентифицировать хозяина. Серийный номер, цена, модель, степень износа индивидуализируют вещь, которой владеет субъект персональных данных, что позволяет выделить определенного человека из массы. В GDPR принято разделять информацию, относящуюся к субъекту персональных данных, на три категории: по содержанию, цели и результату. В качестве примера информации по содержанию, позволяющей идентифицировать человека, выделяют личные страницы в социальных сетях и мессенджерах, результаты промежуточного контроля знаний в школах или университетах, тесты на определение коэффициента интеллекта (IQ). В качестве информации, относящейся к «персональным данным» и разграничиваемой по цели, выделяют историю браузера компьютера, который находится на рабочем месте сотрудника компании. Данная информация может идентифицировать лицо, а также выделить цель, с которой хранится или обрабатывается такого рода информация: к примеру, для мониторинга эффективности работы коллектива. В качестве информации, относящейся к категории «по результату», принято рассматривать сведения, которые могут повлиять на мнение, вырабатываемое окружающими о человеке. К такому типу относят сведения о судимостях по насильственным статьям родственников субъекта персональных данных.

На наш взгляд, законодательство Республики Беларусь также нуждается в расширительном толковании понятия «персональные данные». В частности, требуется определить, будет ли информация о вещах, находящихся во владении лица, или информация о судимостях родственников, являться сведениями, относящимися к персональным данным. Благодаря такому разъяснению в дальнейшем необходимо будет

выработать способы защиты такого рода информации и обеспечить реальную всестороннюю защиту персональных данных в Республике Беларусь.

Таким образом, на наш взгляд, понятие «персональные данные» нуждается в разъяснении относимости отдельных сведений, связанных с личностью, таких как информация о вещах и их состоянии, информация о результатах тестов в учебных заведениях, информация, которая относится к родственникам субъекта персональных данных и которая может влиять на общественное мнение о данном носителе персональных данных.

Бельченко Е. А.
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРАВИТЕЛЬСТВА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ, РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Бельченко Елизавета Андреевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, belchenko2002@list.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Кондратович Н. М.

Правительство является центральным органом исполнительной власти любой страны и занимает, как правило, доминирующее положение. Актуальность данной работы обусловлена теоретической и практической значимостью вопросов, связанных с деятельностью правительств различных стран, а также необходимостью выявления преимуществ и недостатков в организации исполнительной власти зарубежных стран.

В первую очередь следует обратить внимание на то, что законодательство Республики Беларусь и Российской Федерации, закрепляющее конституционно-правовой статус правительства данных стран, состоит из Конституции и отдельных нормативных правовых актов, регулирующих деятельность Правительства. Во Франции же, помимо Конституции, отсутствует специальный закон, регулирующий деятельность Правительства.

Правительство Республики Беларусь и Российской Федерации имеет достаточно схожий состав: в Беларуси – Премьер-министр, его заместители и министры; в России – Председатель Правительства, его заместители и федеральные министры. В свою очередь, Конституция Французской Республики состав Правительства не определяет.

Компетенция Правительства Республики Беларусь и Российской Федерации содержит в себе идентичные положения. Помимо общих полномочий, закрепленных в Конституциях, Правительство также осуществляет регулирование различных сфер общественной деятельности (экономическая, финансовая, здравоохранение, обеспечение законности и правопорядка). Конституция Французской Республики содержит в себе краткие положения о полномочиях Правительства. В нее включены определение и проведение политики Нации, а также распоряжение администрацией и вооруженными силами. Отсюда следует, что данная

формулировка весьма многогранна и позволяет Правительству широкий круг полномочий.

Основания прекращения полномочий Правительства Республики Беларусь и Российской Федерации являются идентичными. Существует две формы прекращения полномочий Правительства: сложение полномочий перед вновь избранным Президентом и отставка.

Правительство Франции предусматривает лишь один способ прекращения полномочий: выражение Национальным собранием резолюции порицания Правительству, т. е. предложение палаты Парламента Правительству уйти в отставку.

Стоит отметить, что особенностью Правительства Французской Республики является его существование в двух формах: Совет Министров и Кабинет Министров. Совет Министров заседает под председательством Президента и разрешает наиболее важные вопросы государственной жизни, в частности вопросы делегированного законодательства. Данные акты принимаются в форме ордонансов и подписываются Президентом. В случае прямого делегирования полномочий заседание может именоваться Кабинетом Министров, когда на нем председательствует Премьер-министр. В таком случае основополагающие правительственные документы приниматься не могут, а лишь обсуждаются.

Также следует обратить внимание, если Правительство и Президент Французской Республики относятся к одной политической партии, то сохраняется бифекальная исполнительная власть, когда политику Правительства определяет Президент, при относительно слабой фигуре Премьер-министра. Если же Правительство и Президент Франции являются сторонниками различных политических партий, то Президент не может существенно влиять на политику Правительства, и главной политической фигурой становится Премьер-министр.

Таким образом, рассмотрев ключевые аспекты деятельности Правительства трех исследуемых стран, можно сделать вывод, что Правительство Республики Беларусь и Российской Федерации имеют значительные сходства. Это объясняется тем, что Беларусь и Россия с подписанием 8 декабря 1999 г. Договора о создании Союзного государства являются партнерами по созданию единого экономического пространства и ведут единую политическую, экономическую, военную, юридическую, гуманитарную, рыночную политику.

Правительство Французской Республики существенно отличается от Правительств Республики Беларусь и Российской Федерации. Это объясняется тем, что между странами Западной и Восточной Европы имеется заметная разница с точки зрения экономики, политики и религии. Кроме того, рассматриваемые страны различны по форме правления: Республика Беларусь и Российская Федерация – президентские республики, в то время как Французская Республика является республикой смешанного типа, что также является причиной большого количества различий в конституционно-правовом статусе правительств рассматриваемых стран.

Василевская Е. В.
ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ
БЕЛАРУСЬ

Василевская Елизавета Витальевна, учащаяся 2 курса Юридического колледжа Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, vasilevskaa.elisaveta@gmail.com

Научный руководитель: преподаватель Балищевич-Рында Л. Н.

Функции конституции определяют основные направления влияния конституции на общественные отношения, ее роль в экономической, политической, правовой, идеологической жизни общества.

Ряд ученых-конституционалистов не выделяют воспитательную функцию как самостоятельную, некоторые рассматривают ее как часть идеологической функции. На наш взгляд, идеологическая и воспитательная функции имеют значимые отличия и их следует разграничивать.

Идеологическая функция Основного Закона выражается во влиянии на формирование взглядов и представлений о развитии государства и общества. В ч.1 ст.4 действующей Конституции Республики Беларусь в 2022 г. впервые появилось упоминание единой государственной идеологии, что является основой для ее формирования и развития, а в дальнейшем и для формирования определенных убеждений у граждан. Воспитательная функция конституции помогает эти убеждения принять, закрепить в сознании человека, сформировать правомерное поведение, активную жизненную позицию, самостоятельность в принятии адекватных юридических решений, осознать свою роль в обществе.

Воспитательная функция конституции заключается в воздействии на волю и сознание людей для обеспечения правопонимания, привития необходимых установок и ценностных ориентаций на правомерное поведение, воспитания у граждан чувства уважения к закону, повышения авторитета права, а также в пропаганде идей, закрепленных в Основном Законе. Она направлена также на правовое просвещение населения.

Воспитательная функция конституции реализуется путем закрепления в ее статьях норм, которые позволяют сформировать в правосознании граждан необходимые взгляды и отношения на различные аспекты развития личности, общества, государства. Конституция Республики Беларусь в первую очередь воспитывает уважение к Основному Закону, к государству и праву, к основам морали, правовой и духовной культуре, понимание необходимости соотносить свои действия с установленными государством вариантами поведения в обществе, влияет на формирование правопонимания и законопослушания, устанавливает социальные ценности. Положения преамбулы о фундаменте Конституции и целях ее принятия, основные конституционные принципы, закрепленные в разделе I «Основы конституционного строя» (принцип суверенитета, гуманизма, демократизма, разделения властей, верховенства права и др.), гарантирование основных

прав и свобод человека и гражданина и установление конституционных обязанностей (раздел II «Личность. Общество. Государство»), в том числе обязанность родителей готовить детей к общественно полезному труду, прививать культуру и уважение к законам, историческим и национальным традициям Беларуси (ч. 3 ст. 32), а также закрепленная социальная ответственность граждан (ч. 3 ст. 21) являются основой воспитательной функции белорусской Конституции. Конституция Республики Беларусь проникнута духом патриотизма, этой цели служат и новые конституционные нормы о «сохранении исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны» (ч. 2 ст. 15).

Особый порядок принятия Конституции Республики Беларусь, широкое общественное обсуждение поправок к ней, придание высшей юридической силы Конституции изначально формируют у человека уважение к Основному Закону, праву в целом, системе высших органов власти, которые учреждаются Конституцией. В последнем случае этот процесс двухсторонний: действующие органы власти, должностные лица своей деятельностью и репутацией также влияют на степень уважения к Конституции со стороны граждан.

Нами был проведен опрос среди 54 человек с целью узнать их отношение к воспитательной функции Конституции Республики Беларусь. Результаты показали, что 33 человека (61,11 %) признают и высоко оценивают воспитательную функцию белорусской Конституции, 5 человек (9,26 %) сказали, что воспитательную функцию Конституции не признают, 16 человек (29,63 %) затруднились ответить на этот вопрос.

Полагаем, чтобы Конституция в полной мере выполняла воспитательную функцию, она должна быть реальной, содержательной, основные нормы должны быть понятны обычному человеку. Обязательным условием также является популяризация знаний о Конституции и самой Конституции среди населения страны с использованием различных средств и каналов: СМИ, учебных заведений всех уровней, правовых просветительских сайтов, общественных и профсоюзных организаций, проведения открытых тематических мероприятий, форумов и т. д. При этом важно, на наш взгляд, не установление жестких императивов по изучению норм Конституции, а именно мягкое конституционно-правовое просвещение.

Высоцкая А. П.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ В ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Высоцкая Анна Павловна, студентка 4 курса Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) Донского государственного технического университета (ДГТУ), г. Шахты, Россия, demidenko733@bk.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Кириленко В. С.

В настоящее время юридическая отрасль начала активно применять цифровые технологии. С более широким использованием искусственного интеллекта (ИИ) и внедрением большей онлайн-доступности через

клиентские порталы юридические фирмы не только стали более эффективными, но и смогли сосредоточиться на текущих и меняющихся потребностях клиентов. Некоторые юристы начали работать удаленно из дома, в связи с этим усиленная конфиденциальность онлайн-функций способна безопасно передавать информацию своей фирме, защищая конфиденциальные данные от внешних угроз.

По данным ассоциации адвокатов, ожидается, что в ближайшем будущем гораздо больше адвокатов будут работать удаленно. Успешная адаптация пространства применима как для работы из дома на полный, так и неполный рабочий день, а с использованием онлайн-технологий, таких как услуги видеоконференции, юристы могут легко оставаться на связи с коллегами, клиентами. Однако, такая работа на дому требует решения проблемы обеспечения безопасности, связанной с доступом и обменом конфиденциальными материалами в Интернете.

Трата большего количества времени на удаленную работу вынудила все больше юридических фирм внедрять современные технологии работы в цифровом пространстве для привлечения клиентов. Юристы, которые уже внедрили технологии и улучшили работу в цифровом пространстве, смогли быстрее общаться с клиентами во время пандемии. Благодаря внедрению технологических инноваций подход к клиентам отвечает меняющимся требованиям, включающим в себя: оперативность; качество; большой выбор услуг; систематичность; эффективность и многое другое.

В любом секторе одним из основных преимуществ использования искусственного интеллекта является повышение эффективности, и поскольку он включает в себя так много рутинных и трудоемких задач, юридическая отрасль получает огромную выгоду от растущего использования ИИ. Основные юридические функции, такие как составление основных контрактов, проведение длительных исследований и сбор соответствующих документов в ходе судебного разбирательства, могут быть выполнены программным обеспечением ИИ.

В то время как некоторые юристы неохотно включают использование ИИ из-за того, что это потенциально сокращает их оплачиваемые часы, недавнее исследование Оксфордского университета показало, что ИИ улучшает работу юридических фирм, не вмешиваясь в традиционную юридическую практику и не устраняя необходимость в профессиональных юристах.

Практика показывает, что на данный момент на государственном уровне точно развиваются инновационные проекты, позволяющие автоматизировать некоторую рутинную юридическую работу. Цифровизация документов упрощает работу по принятию управленческих решений нормотворческого характера. Это на примере государственных проектов продемонстрировал заместитель Министра экономического развития Российской Федерации Алексей Херсонцев.

Еще одно важное практическое применение – цифровизация делопроизводства с помощью разработки информационной системы «Административное производство» на базе Типового облачного решения по

автоматизации контрольной (надзорной) деятельности (ТОР КНД). Это представляет собой полный перевод производства по делам об административной деятельности в цифру, как объяснил А. Херсонцев.

По словам замминистра, на 2022–2023 гг. запланировано внедрение контроля нормативной обеспеченности реализуемых мероприятий, в том числе в условиях внешнего воздействия, создание системы мониторинга, ускорение разработки актов, а также использование отечественного ПО в системе госуправления¹.

Необходимо отметить, что приняв цифровизацию, юридическая отрасль стала менее бюрократической и более эффективной. Использование ИИ сводит к минимуму драгоценное время, затрачиваемое на трудоемкие задачи, в то время как решение проблем безопасности позволяет юристам работать удаленно через онлайн-порталы и быть легко доступными, чтобы сосредоточиться на растущих потребностях своих клиентов.

Гордеюк П. М.

ТЕОРИЯ УНИТАРНОЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В США: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Гордеюк Павел Михайлович, студент 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, pavelgatts@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Масловская Т. С.

Как известно, одними из важнейших элементов государственной системы, основанной на демократических принципах, являются система сдержек и противовесов и верховенство права. При тщательном соблюдении законов, закрепляющих данные принципы, дефолт политической системы такой страны видится невозможным. Но давайте рассмотрим ситуацию, когда главный закон государства содержит весьма гибкие нормы, определяющие иерархию властных структур и главных должностных лиц в системе.

Речь идет о Конституции США, ст. 2 которой гласит: «Исполнительная власть предоставляется Президенту Соединенных Штатов Америки». Данная норма породила доктрину «унитарной исполнительной теории», согласно которой Президент США обладает полномочиями контролировать всю федеральную исполнительную власть в стране. Такой подход, фактически, означает, что ни законодательная, ни судебная ветви власти не имеют правовых инструментов влиять или сдерживать Президента в его решениях по отношению к исполнительной власти.

Одни из первых истоков данной теории находят свое отражение на Филадельфийском съезде в 1787 г. и подразумевают, что должность Президента должен занимать один человек, как это было предложено в Плане Вирджинии. Альтернативой было иметь нескольких руководителей

¹ *Сазонова Маргарита. Право в цифрах: какие разработки есть уже сейчас? [Электронный ресурс] // Цифровизация права. URL: <https://www.garant.ru/article/1554367/> (дата обращения: 19.01.2023).*

или исполнительный совет, как предлагалось в плане Нью-Джерси. Со временем отношения Президента с исполнительной властью в конституционно-правовом поле не раз трактовались как в поправках к Конституции, федералистах, так и в судебных решениях.

Одним из первых, фактически прямых упоминаний данной теории стало Дело «Моррисона против Олсена», предтечью которого стало появление должности независимого адвоката (практически прокурора), подотчетного только Конгрессу США. Этот кейс поставил вопрос о появлении новой «четвертой ветви власти», что представляло опасность для всей исполнительной ветви.

Однако суд постановил, что новый институт не нарушает принцип разделения властей, поскольку тот не увеличивает полномочия одной ветви власти за счет другой. Но знаковым явлением в становлении унитарной исполнительной теории стало пояснение суда, что Президент является должностным лицом исполнительной власти и не находится под контролем ни Конгресса США, ни судов. Более того, верховный судья Антонин Скалия в своем мнении заявил, что ст. II Конституции должна наделять Президента «не некоторыми атрибутами исполнительной власти, а всей ее полнотой».

Если суть доктрины понятна, то выяснить нужно то, каким образом она влияет на политическое устройство США. Чтобы тщательнее разобраться в поставленном вопросе, необходимо выделить сильные и слабые стороны рассматриваемой теории.

Еще в 1788 г. в Федералисте № 51 отец-основатель Джеймс Мэдисон писал, что неделимость исполнительной власти позволит ей противостоять любым посягательствам законодательной власти для сохранения принципа разделения властей. Можно уверенно говорить, что такое преимущество сохраняется и по сей день. В случае абсолютного перевеса голосов на очередной электоральной кампании в законодательные органы одной из партий использование унитарной исполнительной теории поможет распространить независимость Президента от Конгресса на всю исполнительную ветвь. Данный инструмент может быть полезен в качестве страховки от узурпации власти политической партией и крушения системы сдержек и противовесов.

Помимо этого, на протяжении всей истории главы государств были вынуждены использовать всю полноту власти для устранения угроз национальной безопасности. Практически единоличное принятие политических решений общим центром имеет значительные преимущества перед длительным процессом апробации решений законодательными органами. Но у данной теории есть и слабые стороны. Если обратиться к практике, то при президентстве Джорджа Буша Мл. унитарная исполнительная теория как раз нарушила баланс ветвей власти. Итогом применения этой правовой доктрины стали неконтролируемые судебные преследования для борьбы с терроризмом, военное вторжение США в Ирак в 2003 г., использование усовершенствованных методов допроса в таких

местах, как Гуантанамо и Абу-Грейб, и массовое наблюдение за гражданами как своей страны, так и зарубежья.

Подводя итоги, необходимо понимать, что использование унитарной исполнительной теории является не более чем экстренной мерой для принятия решений во время кризиса власти. Но направлен этот инструмент должен быть только в целях ее стабилизации. В противном случае решения законодательной и судебной властей могут стать не более чем рекомендательными при неподконтрольности исполнительной ветви. Видится возможным повторный анализ ст. II Конституции США для принятия соответствующей поправки в целях ограничения применения подобной доктрины.

Грузнова М. И.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ЗДОРОВЬЮ В РЕЗУЛЬТАТЕ МЕДИЦИНСКОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА, В СООТВЕТСТВИИ С ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Грузнова Мария Ивановна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, Maria_gruznova@mail.ru

Научный руководитель: д-р юрид. наук, профессор Василевич Г. А.

В закрепленном в ст. 45 Конституции Республики Беларусь праве на охрану здоровья отсутствуют нормы, нацеленные на непосредственное обеспечение возмещения вреда, причиненного в результате медицинского вмешательства, а также механизм ответственности за нарушение данного права, что является пробелом в действующем законодательстве.

Актуальной проблемой законодательства является определение понятия «вред здоровью» ввиду его неоднозначности, поскольку медицинское вмешательство само по себе несет угрозу причинения вреда при осуществлении медицинских манипуляций, а также ввиду осложнения уже имевшегося заболевания в результате ненадлежащей или несвоевременно оказанной медицинской помощи. В вопросах о наличии вреда, его размере, а также о его последствиях для здоровья ведущую роль играет полученное в установленном порядке экспертное медицинское заключение. По этой причине существует необходимость внедрения мониторинга судебно-медицинских экспертиз неблагоприятных исходов медицинской помощи для дальнейшей их профилактики и уменьшения количества пострадавших от медицинской помощи, оказанной ненадлежащим образом, или от несвоевременного медицинского вмешательства. При рассмотрении данного понятия также следует обратить внимание на несомненную специфику его субъектно-объектного состава.

Во-первых, субъектами возникающего общественного отношения выступают пациент (заказчик) и медицинская организация. Во-вторых, объектом правонарушения являются важнейшие нематериальные блага,

принадлежащие пациенту от рождения – его жизнь и здоровье, при этом под объектом также могут выступать имущественные права пациента, выражающиеся в несении им материальных затрат для устранения последствий обострившегося заболевания, исправления допущенных дефектов в лечении и т. п.). В-третьих, специфика вреда, причиненного жизни (здоровью) пациента заключается в предположении, что любое медицинское вмешательство в организм человека может носить вредоносный характер. В-четвертых, как правило, вред жизни (здоровью) пациента причиняется внешне правомерными действиями медицинских работников.

Так, на основе анализа указанных аспектов хочу отметить, что отсутствие аутентичного толкования термина «вред здоровью» и его специфический субъектно-объектный состав создает не только теоретические проблемы медико-юридического характера, но и порождает существенные трудности в правоприменительной практике.

Что касается вопроса о дефиниции понятия медицинского вмешательства, в ст. 1 Закона Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. «О здравоохранении» под данным понятием понимается любое воздействие и (или) иная манипуляция, выполняемая медицинским работником при оказании медицинской помощи. Однако, на наш взгляд, данная формулировка не раскрывает понятие медицинского вмешательства в его целостности и в своей формулировке оно должно содержать следующие аспекты: выраженное согласие на проведение процедур и осведомленность пациента о их последствиях, указание возможных методов, видов и способов осуществления медицинского вмешательства, условия ответственности сторон в результате вреда, причиненного в процессе и по окончании медицинского вмешательства.

Предлагаю следующую дефиницию данного понятия: «Медицинское вмешательство – это любое воздействие и (или) иная манипуляция, выполняемая медицинским работником при оказании медицинской помощи, осуществляемая лишь после получения добровольного письменного согласия пациента, осведомленного о цели и характере вмешательства, а также о его последствиях и рисках, допускаемая лишь в том случае, когда она не может причинить ущерб здоровью пациента, а при установлении такой возможности допускаемая как исключение в условиях острой необходимости, когда возможный вред от применения методов диагностики, профилактики или лечения меньше того, который предполагается в случае отказа от вмешательства, при условии, что устранить опасность для здоровья пациента иными методами не представляется возможным, а при причинении неправомерного вреда в результате вмешательства, предполагающая ответственность врача, установленную в соответствии с нормами действующего законодательства».

Относительно вопроса обеспечения возмещения вреда здоровью, причиненного в результате медицинского вмешательства, следует понимать, что речь идет о двух аспектах, а именно о возмещении материального вреда и

возмещении морального вреда, право на которые закреплено в ст. 60 Конституции Республики Беларусь.

Нормы, косвенно предусматривающие возмещение морального вреда в результате медицинского вмешательства закреплены в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 сентября 2000 г. № 7 «О практике применения судами законодательства, регулирующего компенсацию морального вреда» в рамках категории о защите прав потребителя, в нашем случае, медицинских услуг.

В заключение, подводя итоги своего исследования, основанного на анализе конституционных норм и нормативных правовых актов Республики Беларусь, в рамках правового регулирования сферы обеспечения и реализации права на возмещение вреда в результате медицинского вмешательства, наряду с уже сказанным хочу отметить следующее.

Существенными пробелами белорусского законодательства являются: отсутствие четкого правового механизма обеспечения ответственности за нарушение права на возмещения вреда, причиненного здоровью, в результате медицинского вмешательства; отсутствие легального определения понятия «вред здоровью», а также его субъектно-объектного состава, что, в свою очередь, порождает существенные проблемы медико-юридического характера в правоприменительной практике. Нераскрытым на законодательном уровне также является вопрос об установлении пределов размера возмещения вреда, причиненного в результате медицинского вмешательства, а также условий, при которых он может быть возмещен, что порождает существенные проблемы судебной практики.

Таким образом, ввиду недостаточного нормативно-правового регулирования данных проблем, считаю необходимым внести более расширенные дополнения, раскрывающие тему возмещения вреда в результате медицинского вмешательства в действующее законодательство Республики Беларусь.

Джалилов К. Ш.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВЫБОРОВ ПРЕЗИДЕНТА В УЗБЕКИСТАНЕ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

*Джалилов Камронбек Шухрат угли, студент 2 курса Марийского
государственного университета, г. Йошкар-Ола, Россия,
katadjalilov0707@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Мокосеева М. А

Выборы президента – это избрание главы государства, гаранта Основного Закона государства, прав и свобод человека и гражданина, один из важнейших актов политической жизни страны, который отличается повышенной активностью избирателей и соответственно более низким процентом абсентеизма. В республиках президентского типа глава государства избирается путем всеобщих выборов всем избирательным

корпусом страны. Эти выборы имеют ряд сходных черт с парламентскими выборами. В обоих случаях действует одно и то же активное избирательное право и, следовательно, один и тот же избирательный корпус, особенно если президентские и парламентские выборы близки по времени. Во многом сходны и правила проведения избирательных кампаний, процедуры подсчета голосов и т. п. Хотя кандидатуры выдвигаются, как правило, партиями и движениями, выборы всегда носят персонифицированный характер.

В Конституции Узбекистана также упомянуты такие функции Президента, как обеспечение согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти (ст. 89).

В Конституции Российской Федерации говорится только о том, что Президент является главой государства (ч. 1 ст. 80).

На пост Президента Республики Узбекистан может быть избран гражданин Республики Узбекистан не моложе тридцати лет, свободно владеющий государственным языком, постоянно проживающий на территории Республики не менее 10 лет непосредственно перед выборами (ст. 90 Конституции).

В Российской Федерации на пост Президента может быть избран гражданин Российской Федерации не моложе тридцати пяти лет, постоянно проживающий в Российской Федерации не менее 25 лет.

Таким образом, возрастная категория в Российской Федерации на 5 лет выше, чем в Республике Узбекистан, а срок проживания – на 15. В Республике Узбекистан является обязательным условием является свободное владение государственным языком, а в Российской Федерации этот критерий не упомянут.

Президент Республики Узбекистан избирается гражданами Республики Узбекистан на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании сроком на пять лет (ст. 90 Конституции).

Президент Российской Федерации избирается сроком на шесть лет гражданами Российской Федерации на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании (ч. 1 ст. 81 Конституции).

Таким образом, согласно Конституции Российской Федерации и Конституции Республики Узбекистан разница в сроке на посту Президента составляет один год.

В соответствии с ч. 3 ст. 81 Конституции Российской Федерации и ст. 90 Конституции Республики Узбекистан одно и то же лицо не может быть президентом более двух сроков подряд.

Таким образом, выборы непосредственно отражают политическую систему и со своей стороны влияют на нее, позволяя гражданам уяснить подлинный смысл программ кандидатов, борющихся за власть. Через выборы и только через них выявляется воля большинства народа, на основе которой может быть создана демократическая власть.

Дубровская Р. В.

АДВОКАТ В КОНСТИТУЦИОННОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

*Дубровская Руслана Владимировна, студентка 1 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
ruslana2005.com@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Сеницына А. М.

Ввиду прошедшего 27 февраля 2022 г. референдума и внесенных изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь (далее – Конституция) возникает необходимость приведения действующего законодательства в соответствие с текстом Основного Закона. Так, в связи с изменением ст. 116 Конституции и дополнения ее ст. 116¹ был подготовлен проект Закона Республики Беларусь «Об изменении законов по вопросам конституционного судопроизводства». В проекте Закона в новой редакции предложен Закон Республики Беларусь от 8 января 2014 г. № 124-З «О конституционном судопроизводстве» (далее – Закон «О конституционном судопроизводстве»). Интерес представляют предлагаемые изменения и дополнения ст. 17 Закона «О конституционном судопроизводстве», в частности п. 5, устанавливающий круг лиц, которые могут выступать в качестве представителя гражданина в Конституционном Суде Республики Беларусь (далее – Конституционный Суд). Так, представителем стороны – гражданина в Конституционном Суде могут выступать адвокаты, законные представители (родители, усыновители (удочерители), опекуны или попечители). Из этого следует, что адвокат будет оказывать клиентам новый вид юридической помощи, а именно представительство их интересов в Конституционном Суде.

В ст. 26 Закона Республики Беларусь от 30 декабря 2011 г. № 334-З «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь» (далее – Закон «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь») в действующей редакции использованы общие формулировки «представляют интересы в судах, в том числе на стадии исполнения судебных постановлений, а также в государственных органах, иных организациях, в том числе их органах управления, и перед физическими лицами», «составляют заявления, жалобы и другие документы правового характера» и «оказывают иные виды юридической помощи», которые не учитывают специфику конституционного судопроизводства.

В связи с этим считаем целесообразным уточнить перечень оказываемых адвокатами видов юридической помощи, а именно дополнить ст. 26 Закона «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь» абзацами следующего содержания:

«участвуют в конституционном судопроизводстве в качестве представителя заявителя по делам, по которым стороной является гражданин; составляют от лица граждан жалобы в Конституционный Суд о нарушении их конституционных прав и свобод и обращения о проверке конституционности законов, примененных в конкретном деле;»

Полагаем, ввиду особой значимости не только для граждан, но и для всего государства вопросов, рассматриваемых в Конституционном Суде, есть необходимость сделать доступной оказание юридической помощи адвокатов для всех граждан, обращающихся в Конституционный Суд.

Согласно п. 1 ст. 97 Закона «О конституционном судопроизводстве», предложенному в новой редакции, гражданину, обратившемуся в Конституционный Суд с конституционной жалобой, в случае, если Конституционный Суд вынес решение о несоответствии закона или его отдельных положений Конституции, в порядке и размере, установленных Советом Министров, возмещаются понесенные им расходы, связанные с рассмотрением дела и явкой в Конституционный Суд (по уплате государственной пошлины, проезду, проживанию, оплате услуг представителей, почтовые расходы). Вместе с тем полагаем целесообразным обеспечить доступность юридической помощи, оказываемой адвокатами, уже на стадии обращения с конституционной жалобой в Конституционный Суд, поскольку гражданин обращается в Конституционный Суд с жалобой, согласно ст. 116¹ Конституции, «если исчерпаны все другие средства судебной защиты», а значит, до момента обращения граждане проходят не одну судебную инстанцию, что влечет за собой немалые финансовые затраты. По этой причине, на наш взгляд, следует вместо возмещения расходов на представителя, обеспечить оказание юридической помощи на безвозмездной основе. Во избежание злоупотребления данным видом юридической помощи, в случае признания закона конституционным, предусмотреть взыскание с граждан расходов на услуги представителей.

Таким образом, представление адвокатами граждан в Конституционном Суде поможет обеспечить доступ граждан к конституционному правосудию, позволит им содействовать совершенствованию действующего законодательства, реализовывать и защищать свои конституционные права и свободы. Однако законодательство о конституционном судопроизводстве и адвокатской деятельности требует дальнейшего совершенствования.

Дятко М. Д.

БИОМЕТРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Дятко Мария Дмитриевна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, datkomasa@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Шаршун В. А.

В Республике Беларусь проделана значительная работа по реализации современной информационно-коммуникационной инфраструктуры, обеспечению высокого уровня ее доступности и предоставлению на ее основе качественных услуг в электронной форме.

Изучение биометрических документов и биометрических персональных данных является весьма актуальной темой, поскольку в условиях интенсивно углубляющихся интеграционных процессов в сочетании с развитием современных информационных технологий происходит и рост числа

преступлений, связанных с подделкой документов. Обеспечение защиты документов, включая биометрические паспорта, а также персональные данные, является эффективным методом контроля и пресечения нелегальной миграции и предотвращения подделки документов.

Биометрические документы вводятся в целях повышения качества жизни граждан, развития экономической, социально-политической сфер жизни общества, совершенствования системы государственного управления, обеспечения безопасности. С 1 сентября 2021 г. в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 16 марта 2021 г. № 107 в стране ввели в действие биометрические документы, удостоверяющие личность (и биометрические документы для выезда из Республики Беларусь и (или) въезда в Республику Беларусь, содержащие биометрические и иные персональные данные владельца документа).

В Законе Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных» под биометрическими персональными данными понимается информация, характеризующая физиологические и биологические особенности человека, которая используется для его уникальной идентификации (отпечатки пальцев рук, ладоней, радужная оболочка глаза, характеристики лица и его изображение и другое).

Основными биометрическими документами являются биометрический паспорт и идентификационная карта.

Биометрический паспорт гражданина Республики Беларусь (далее – биометрический паспорт) – документ, подтверждающий гражданство и удостоверяющий личность владельца в целях выезда из Республики Беларусь и въезда в Республику Беларусь, а также пребывания и проживания за ее пределами. Биометрический паспорт отличается от обычного тем, что в него встроена специальная (интегральная) микросхема (электронный чип), содержащая электронное средство биометрической идентификации с персональными данными владельца биометрического документа в соответствии с требованиями международной организации по гражданской авиации (ИКАО). Помимо персональных данных владельца, в микросхеме содержатся его биометрические данные, такие как цифровой фотопортрет и отпечатки пальцев, используемые для идентификации владельца этого документа.

Идентификационная карта (ID-карта) представляет собой пластиковую смарт-карту, которая содержит биометрические (цифровой фотопортрет и отпечатки пальцев) и другие персональные данные ее владельца, а также иную информацию в текстовом, машиночитаемом и электронном виде.

Кроме того, в идентификационную карту заложено программное обеспечение, позволяющее вырабатывать электронную цифровую подпись.

Следует отметить, что в перспективе с помощью ID-карты можно будет оплачивать услуги или налоги, она станет ключом-доступом – с ее помощью можно будет воспользоваться различными электронными административными услугами. На сегодняшний день благодаря ID-карте гражданин сможет реализовать электронную цифровую подпись, а также получать достаточно

большое количество электронных услуг, не выходя из дома, путем контакта с различными информационными ресурсами, которые обеспечивает Национальный центр электронных услуг.

Внедрение биометрических документов на территории нашей страны происходит постепенно. На данный момент, по статистическим данным МВД, за год, прошедший со дня начала выдачи биометрических документов, более 1,5 % населения Республики Беларусь (более 155 тыс. человек) получило биометрические документы, удостоверяющие личность.

По нашему мнению, актуальной проблемой является то, как будут защищаться персональные данные, включенные в биометрические документы, поскольку биометрические данные не являются обычными персональными данными. Они являются результатом особой технической обработки физических, физиологических или поведенческих характеристик людей и позволяют автоматически идентифицировать граждан.

Таким образом, введение биометрических документов на территории Республики Беларусь в перспективе значительно упростит отдельные процедуры, связанные с подтверждением личности, выездом за границу, получением различных документов и др. Благодаря особому геополитическому статусу и активному развитию информационных и коммуникационных технологий Беларусь располагает максимально возможными предпосылками для дальнейшего развития биометрических технологий. Однако проблема защиты биометрических документов остается актуальной. В законодательство Республики Беларусь можно внести такие изменения, как принятие оператором при обработке биометрических персональных данных соответствующих мер по обеспечению их защиты от каких-либо неправомерных действий иных лиц, а также обработка биометрических данных субъекта только при наличии его соответствующего письменного согласия.

Целесообразным видится также специальное регулирование и выделение в законодательстве биометрической информации в отдельную категорию персональных данных в силу того, что биометрические документы являются наиболее уязвимыми, а в перспективе – присоединение Республики Беларусь к Конвенции Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (ETS № 108) 1981 г.

Ероховец Д. Е.

ОСОБЕННОСТИ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ФРАНЦИИ

*Ероховец Дмитрий Евгеньевич, студент 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
dinmтаerohovec@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук Касияненко Н. В.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что в 2022 г. во Франции проводились выборы Президента, а также выборы в Национальное собрание.

В связи с этим интересно рассмотреть особенности избирательных систем при выборах Президента Франции и в Парламент республики.

В зарубежной литературе выделяют три основных типа избирательных систем: мажоритарная, пропорциональная и производная от них – смешанная.

На выборах Президента Франции применяется мажоритарная система абсолютного большинства, при которой побеждает тот кандидат, который набрал более половины голосов избирателей, т. е. 50 % + 1 голос.

Так, при избрании Президента в 2022 г. участвовало 12 кандидатов, однако значительных результатов достигли только 3 из них: Эмманюэль Макрон – около 28 % голосов; Марин Ле Пен – около 23 %; Жан-Люк Меланшон – около 22 %. Согласно ст. 7 Конституции Франции, поскольку никто из кандидатов не набрал более 50 % голосов избирателей, то проводится второй тур голосования. Во втором туре принимали участие 2 кандидата – Эмманюэль Макрон и Марин Ле Пен. Победителем стал Эмманюэль Макрон, набрав более 58 % от всех голосов избирателей.

К достоинствам мажоритарной системы абсолютного большинства можно отнести то, что данная система позволяет легко подсчитать результаты голосования, она проста для понимания избирателей. Также можно говорить о том, что «в первом туре избиратель голосует сердцем, во втором же туре – головой».

Говоря о недостатках такой системы, можно отметить, что при отстранении от участия в последующих турах некоторых кандидатов, искажается реальная картина результатов. Так, во втором туре выборов Президента многие избиратели отдали голоса за кандидатов, за которых они изначально не собирались голосовать. Эмманюэль Макрон во втором туре выборов получил на 9 миллионов голосов больше, чем в первом туре, а за Марин Ле Пен во втором туре отдали голоса на 5 миллионов избирателей больше, чем в первом.

При выборах в Национальное собрание Франции используется мажоритарная система относительного большинства.

На выборах в 2022 г. были избраны 577 депутатов. За места в Парламенте боролись 4 основных блока: «Вместе», «Новый народный экологический и социальный союз», «Союз правых и центра», а также «Национальное объединение».

В первом туре выборов победила коалиция «Вместе», получив 25,8 % голосов избирателей. На втором месте расположился «Новый народный экологический и социальный союз» с результатом в 25,7 %. На третьем и четвертом местах оказались «Национальное объединение» и «Союз правых и центра», получив 18,7 % и 11,3 % соответственно.

Во втором туре голоса распределились следующим образом: «Вместе» – 38,6 %; «Новый народный экологический социальный союз» – 31,6 %; «Национальное объединение» – 17,3 %; «Союз правых и центра» – 7,3 %.

К недостаткам такой системы можно отнести то, что она не является справедливой, так как победитель обладает лишь 39 % голосов, а остальные имеют 61 % в совокупности.

Можно также выделить и следующие достоинства: простота такой системы позволяет облегчить работу избирательным комиссиям при подсчете голосов; шанс выиграть независимым кандидатам возрастает.

По сравнению с выборами Президента и депутатов, выборы в Сенат являются непрямыми, косвенными, т. е. сенаторы избираются не напрямую гражданами, а через избранных представителей. Согласно ст. 24 Конституции Франции число членов Сената не может превышать 348 сенаторов. Срок полномочий членов Сената составляет шесть лет, однако каждые три года состав обновляется наполовину.

В избирательном кодексе Франции установлено, что в департаментах, где избираются 2 сенатора или меньше, выборы проходят по мажоритарной системе. В департаментах, где избираются три и более сенаторов – по пропорциональной системе.

Таким образом, мы рассмотрели особенности избирательной системы Франции на примерах выборов в Парламент и выборов Президента; изучили достоинства и недостатки избирательных систем, применяемых во Франции.

Збицкий А. Ю.

ФОРМИРОВАНИЕ СУДЕЙСКОГО КОРПУСА КАК ГАРАНТИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ

Збицкий Алексей Юрьевич, студент 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, zbitskiy2020@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Кондратович Н. М.

Принятие изменений и дополнений Конституции Республики Беларусь на референдуме 27 февраля 2022 г. существенно повлияло на систему органов государственной власти. Был изменен порядок назначения судей Верховного Суда и Конституционного Суда Республики Беларусь. Рассмотрим возможность дальнейшего совершенствования судебной власти на основе подходов, успешно реализованных в зарубежных странах.

В доктрине отмечается, что одним из принципов организации судебной системы является принцип независимости судей и подчинения их только закону. Профессор М. Ф. Чудаков отмечает, что подлинно независимый и справедливый суд должен защищать не только членов сообщества от посягательств преступных людей, но и человека от возможных злоупотреблений со стороны государственных органов.

Согласно п. 10 ст. 84 Конституции Республики Беларусь Президент Республики Беларусь назначает судей судов общей юрисдикции и освобождает их от должности по основаниям, предусмотренным законом. В предыдущей редакции Конституции было предусмотрено наличие у главы государства полномочий с согласия Совета Республики назначать на должность судей Верховного Суда и единолично назначать шесть судей Конституционного Суда. Кроме того, он назначал на должность председателей данных судов. После внесения изменений в Основной Закон данные полномочия были переданы Всебелорусскому народному собранию.

Судьи судов общей юрисдикции по-прежнему назначаются единолично Президентом Республики Беларусь. Схожий подход реализован в Российской Федерации, Азербайджанской Республике и др. При таком порядке формирования судейского корпуса судьи наделяются полномочиями непосредственно избранным главой государства, однако возникает вопрос их действительной независимости от указанного органа.

В ряде зарубежных стран реализован подход, при котором судьи назначаются главой государства не единолично, а с участием других уполномоченных органов. Так, Президент США назначает на должности и по совету и с согласия Сената вводит в должности судей Верховного суда; в Польше судьи назначаются Президентом Республики по предложению Всеполюского Судебного Совета на неопределенное время; председатели и судьи местных и других судов в Казахстане назначаются на должности Президентом Республики по рекомендации Высшего Судебного Совета и др. В указанных примерах мы видим более четкую реализацию механизма сдержек и противовесов, так как отсутствует возможность одной ветви власти полностью участвовать в формировании другой.

Кроме того, существует подход, при котором органы государственной власти в целом не участвуют в формировании судейского корпуса либо их участие минимально: состав Высшего совета магистратуры Франции, полномочный в отношении судей, вносит предложения по назначению судей Кассационного суда, по назначениям первых председателей апелляционных судов и председателей судов большой инстанции. Остальные судьи назначаются на основании его положительного заключения; в Высшем совете магистратуры Италии согласно закону о судостроительстве рассматриваются зачисление на службу в магистратуру, назначение и перемещение магистратов, их повышение по службе, дисциплинарные меры, касающиеся магистратов и др.

А. А. Мишин отмечал, что расширение полномочий и усиление фактической роли Высших советов судебной власти (магистратуры) является свидетельством значения самостоятельности и независимости судебной власти как важного компонента правовой государственности.

Исходя из вышесказанного, необходимо рассмотреть вопрос повышения значимости органов судейского сообщества, которые определены в ст. 127 Кодекса Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей. Согласно Кодексу задачами данных органов являются, в частности, содействие реализации гарантий независимости и неприкосновенности судей, а также совершенствование судебной системы и судопроизводства (ст. 128). Для их осуществления следовало бы наделить Республиканский совет судей правом рассматривать вопросы назначения судей, что обеспечило бы реализацию правовых основ организации и деятельности судебной власти.

Существует несколько подходов к определению порядка назначения судей. Анализ зарубежного опыта показывает, что в наиболее экономически развитых государствах формирование судебной власти не является компетенцией какого-то конкретного органа власти: либо необходимо

согласование кандидатов на должность судьи между несколькими органами, либо вопросы назначения отведены исключительно к компетенции органов судейского самоуправления. Второй подход представляется более оптимальным, позволяющим реализовать основные принципы, на которых строится судебная система любого государства: независимость и беспристрастность судей при отправлении правосудия.

Ковальская В. Д.

ОРГАНЫ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

*Ковальская Вероника Дмитриевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
kovalskayadveronika@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Масловская Т. С.

Систему органов прокуратуры Российской Федерации (далее – РФ) составляют: Генеральная прокуратура, прокуратуры субъектов РФ, приравненные к ним специализированные прокуратуры, и относящиеся к первичному уровню прокуратуры районов и городов, а также приравненные к ним специализированные прокуратуры, научные и образовательные организации, редакции печатных изданий, являющиеся юридическими лицами.

Система органов прокуратуры Республики Беларусь строится подобным образом, однако имеет все же несколько отличий. Основное исходит из отличия двух государств по форме государственного устройства, поэтому в системе органов прокуратуры Республики Беларусь отсутствует такое звено, как прокуратуры субъектов федерации. Следующее отличие состоит в составе специализированных прокуратур. С 2014 г. в Республике Беларусь действуют только специализированные транспортные прокуратуры, приравненные к районным. В РФ действуют такие специализированные прокуратуры, как: военные, транспортные, природоохранные, по надзору за исполнением законов на особо режимных объектах, по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях.

Принципы деятельности прокуратуры РФ являются важнейшими исходными положениями, соблюдение которых позволяет прокуратуре успешно выполнять стоящие перед ней задачи. Принцип независимости предполагает наличие собственной компетенции органов прокуратуры, в осуществление которой недопустимо вмешательство иных государственных органов. Принцип гласности предполагает действия прокурора, осуществляемые гласно и открыто, но только в той мере, в которой это не будет противоречить законодательству. Принцип законности означает, что органы прокуратуры осуществляют свои функции в строгом соответствии с действующим законодательством. Принцип единства и централизации предполагает, что все органы прокуратуры составляют единую систему на основе подчинения нижестоящих прокуроров вышестоящим и Генеральному

прокурору. Прокуратура Республики Беларусь основывает свою деятельность на подобных принципах и началах.

В Конституции Российской Федерации есть нормы, специально посвященные регулированию конституционно-правового статуса прокуратуры: ст. 129. Отметим, что сравнительно недавно она претерпела некоторые изменения. Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ была переименована глава 7 Конституции РФ, где находится анализируемая статья, что связано именно со статусом прокуратуры. В частности, если ранее глава называлась «Судебная власть» и это было основой для разногласия в интерпретации места прокуратуры, то теперь в названии данной главы справедливо указано на прокуратуру. Некоторые авторы видят прокуратуру как одну из трех ветвей власти. Отдельные ученые весьма справедливо указывают на прокуратуру как на государственный институт с особым конституционно-правовым статусом. Встречаются обоснования отнесения прокуратуры к «четвертому» самостоятельному виду государственной власти. В данном вопросе конституционного закрепления статуса прокуратуры можно обратиться к опыту Республики Беларусь. В Основном Законе государства данному органу посвящена отдельная глава под номером семь. Анализируя данные положения, можно сделать вывод, что отделение в Конституции прокуратуры от трех основных ветвей власти может в какой-то мере решить вопрос ее статуса. Полагаю, что Конституция государства не должна четко относить прокуратуру к судебной ветви власти.

Так, 2020 г. все же были внесены изменения в российский Основной Закон, касающиеся конституционно-правового статуса прокуратуры. Они состоят в возврате в ст. 129 указания на такой принцип организации и деятельности прокуратуры, как единство и централизация. Поддерживая эту инициативу, полагаю, что данную норму в предлагаемом варианте можно усовершенствовать и предусмотреть здесь независимость прокуратуры как одно из основополагающих начал деятельности прокурорской системы. Подобная норма содержится в Конституции Республики Беларусь, а именно в ст. 127, и закрепляет независимость Генерального прокурора и нижестоящих прокуроров в осуществлении своих полномочий. Считаю, что принцип независимости органов прокуратуры является одним из основополагающих, и его закрепление на конституционном уровне стало бы основой для дальнейшего более точного определения статуса прокуратуры.

Исходя из вышеизложенного, можно говорить о том, что конституционно-правовой статус органов прокуратуры Российской Федерации и Республики Беларусь регулируется сходными положениями, что обусловлено схожими условиями развития. Тем не менее имеются существенные отличия, основу которых составляет различные направления развития данных органов, избранные государствами в силу приобретения независимости в конце XX в.

Козлова Д. О.
НЕКОТОРЫЕ СПОСОБЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ
ПРОБЕЛОВ КОНСТИТУЦИОННЫМ СУДОМ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

Козлова Дарья Олеговна, студентка 2 курса Марийского государственного университета, г. Йошкар-Ола, Россия, darkolesina@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Мокосеева М. А.

Законодательные пробелы в основном обнаруживаются в ходе правоприменительной деятельности. Физические и юридические лица в ходе применения норм права сталкиваются с отсутствием нормы законодательства в каких-либо конкретных ситуациях, разрешение которых является невозможным при помощи действующих правовых норм.

Отечественная правовая действительность не предусматривает возможности обращения в Конституционный Суд РФ при наличии законодательного пробела. Выявление пробелов Конституционным Судом РФ имеет место только в случае рассмотрения, например, дела о соответствии Конституции РФ или дела, в котором имеет место жалоба на нарушение конституционных прав и свобод граждан. И только при обнаружении в конкретном деле пробела в законодательном акте за Конституционным Судом РФ закреплена обязанность по устранению такого недостатка.

Преодоление законодательной пробельности возможно посредством следующих способов.

Во-первых, одним из таких способов является прямое применение конституционных норм, т. е. при отсутствии законодательной регламентации каких-либо правоотношений Конституционный Суд РФ указывает на необходимость непосредственного применения Конституции.

Во-вторых, это установление правового регулирования до принятия нормативного акта законодателем. Данный способ является неким нормотворчеством, обусловленным наличием необходимости защиты конституционных прав человека и гражданина и их реализации.

В-третьих, это использование приемов аналогии, т. е. решение конкретного юридического дела на основании правовой нормы, которая рассчитана не на данный, а на похожий случай. Указанный способ предопределен необходимостью восполнения пробелов в правовой регламентации каких-либо отношений. Кроме этого, имеет место и обусловленность принципом самостоятельности судебной власти, квинтэссенция которого заключается в одном из возможных проявлений судебных полномочий дискреционного характера, без которого осуществление правосудия представляется невозможным ввиду того, что отсутствие возможности применения правовых норм по аналогии в случае законодательно нерегламентированных отношений предопределило бы

отсутствие возможности защиты гражданских прав и, соответственно, ограничение конституционных.

В-четвертых, это способ установления истинной конституционно-правовой квинтэссенции нормы, которая обуславливает возможность Конституционного Суда РФ воздержаться от установления присутствия законодательного пробела, кроме того, позволяет восполнить его посредством толкования правовых положений исходя из их конституционно-правового смысла.

В качестве еще одного такого средства можно рассмотреть способ прямого применения международно-правовых актов в случаях, когда во внутринациональных актах не воспроизводятся действующие нормы или не содержатся корреспондирующие с ними новые предписания по отношению к тем предписаниям, которые закреплены в международно-правовых актах.

Таким образом, отсутствие закрепления законодателем за Конституционным Судом РФ полномочия по проверке конституционности ввиду наличия законодательного пробела обуславливает отсутствие единой позиции при оценивании содержащих предписания по устранению законодательных пробелов решений.

Кокушкин И. Д.

УКРЕПЛЕНИЕ ФЕДЕРАЛИЗМА В ЭПОХУ COVID-19

Кокушкин Игорь Дмитриевич, студент 2 курса Марийского государственного университета, г. Йошкар-Ола, Россия, igor.kokushkin@yadnex.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Мокосеева М. А

Начало пандемии коронавируса стало сложным испытанием как для мирового сообщества, так и для России. Появление новой болезни существенно повлияло как на экономические, так и на политические процессы, борьба с данным вирусом развернулась не только в медицинской сфере, но и в правовой. Четкость, быстрое реагирование и слаженность работы государственных органов стали важной необходимостью, ведь от этого зависело сохранение жизни миллионов людей и именно в это непростое время мы можем заметить укрепление федерализма в Российской Федерации.

Важным документом, который отображает усиление федерализма в эпоху COVID-19, является Указ Президента Российской Федерации от 2.04.2020 № 239. Особенно интересен п. 2, в котором высшие должностные лица субъектов Российской Федерации были наделены особыми полномочиями для ведения борьбы с распространением новой коронавирусной инфекции. Так, главы и губернаторы субъектов, взаимодействуя с остальными органами власти, могли оперативно решать задачи с ведением ограничительных мер и действий в рамках возглавляемого субъекта.

На протяжении 2020–2021 гг. региональные власти, то вводили различные ограничительные мероприятия (дистанционное обучение для

образовательных учреждений, закрытие торгово-развлекательных центров, отмена массовых мероприятий и т. д.), то ослабляли их, что сдерживало распространения инфекции, а в случае стабилизации ситуации и послаблении ограничений положительно влияло на восстановление экономических связей, процессов, поскольку это было важно для предпринимателей, понесших огромные убытки.

Делегировав данные полномочия, федеральный центр смог не только решить проблему оперативности действий для борьбы с COVID-19 и сохранения жизни людей, но и укрепить федерализм. Это позволило не тратить силы и средства только на координацию действий в регионах для защиты здоровья населения, ведь с этим более эффективно могли справиться и региональные власти.

Таким образом, можно сказать, что с помощью такого решения властей, мы можем наблюдать децентрализацию некоторых полномочий, которая идет на благо как людей, так и государства, ведь чем меньше цепочка принятия решений, тем меньше приходится ждать того или иного ответа на различные ситуации, возникающие в жизни общества и государства, что, несомненно, идет на пользу укреплению принципа федерализма.

Комарова М. Е.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ЭМБРИОНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Комарова Мария Евгеньевна, студентка 2 курса Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия, kommarie@mail.ru

Научный руководитель: д-р юрид. наук, профессор Нарутто С. В.

В Российской Федерации конституционно-правовой статус эмбриона действующим законодательством не определен, и согласно ст. 17 Конституции РФ основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому *от рождения*. Иными словами, при живорождении – моменте отделения плода от организма матери посредством родов – младенец оказывается под защитой государства и обладает рядом прав, в число которых входит право на жизнь, закрепленное в ст. 20 Конституции.

Наряду с этим следует отметить, что современная медицина предусматривает возможность выращивания эмбриона в лабораторных условиях. Фактически плод рождается искусственно, вне материнского организма, но при этом обладает всеми признаками жизнеспособности. Тем не менее он признается биоматериалом, а не человеком, отчего не наделяется никакими правами и не рассматривается как субъект права. Такой эмбрион создается «*in vitro*» в рамках вспомогательной репродуктивной технологии экстракорпорального оплодотворения и затем трансплантируется в организм матери для вынашивания. Важно то, что если у эмбриона, культивированного в пробирке, будет выявлено генетическое или хромосомное заболевание,

например, синдром Патау или синдром Дауна, то его непременно утилизируют. В этом и кроется особенность метода «in vitro»: на этапе выращивания создается несколько эмбрионов, для вынашивания из них отбирается наиболее способный к дальнейшему развитию, а эмбрионы с ошибками в геноме уничтожаются в условиях лаборатории сразу же.

В то же время в приказе Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 3 декабря 2007 г. № 736 (в ред. от 27 декабря 2011 г.) «Об утверждении перечня медицинских показаний для искусственного прерывания беременности» ни синдром Патау, ни синдром Дауна не закреплены. Это значит, что утробный плод с такими генетическими патологиями не подлежит уничтожению с точки зрения медицины, а может быть абортирован лишь по личной инициативе матери. Здесь, исходя из вышеуказанных фактов, возникают противоречия и неясность в правовом статусе эмбриона. Искусственно выращенные эмбрионы с выявленными патологиями умерщвляются без согласия родителя. На законодательном уровне России это не закреплено, но широко применяется на практике частными медицинскими центрами. Вместе с тем эмбрион с синдромом Дауна, развивающийся в утробе матери, не подлежит обязательному уничтожению. Мать сама решает его судьбу и вправе родить ребенка с такой хромосомной патологией, так как синдром не является смертельным заболеванием. В ст. 2 Федерального закона от 20 мая 2002 г. № 54 (в ред. от 29 марта 2010 г.) «О временном запрете на клонирование человека» закреплено, что эмбрион человека – зародыш человека на стадии развития до восьми недель. И в случае искусственного рождения, и при живорождении, эмбрион обладает одинаковыми физиологическими характеристиками, исходя из определения, утвержденного законом, и способен к жизни. Однако разные условия рождения способствуют тому, что эмбрион из пробирки рассматривается как объект права, а плод, зародившийся в организме матери как субъект. Таким образом, конституционное право на жизнь культивированного в лаборатории эмбриона нарушается, что также подтверждает неопределенность статуса эмбриона в России.

С нравственной точки зрения, эмбрион в любом случае живой организм, независимо от условий зарождения и генетических характеристик. Полагаю, что умерщвление культивированного эмбриона с хромосомными аномалиями обусловлено дороговизной процедуры искусственной репродукции человека, цель которой – гарантия достижения рождения исключительно здорового ребенка. Тем не менее, на наш взгляд, какая-либо генетическая патология – это не повод для утилизации эмбриона, рожденного лабораторным путем, и задача будущей матери родить и воспитать его, так как существует немало примеров младенцев, появившихся на свет с синдромом Дауна, которые выросли и ведут полноценный образ жизни, несмотря на лишнюю хромосому.

Таким образом, из-за несовершенства действующего законодательства эмбрионы не обладают единым и равным конституционно-правовым статусом. Эмбрионам, рожденным лабораторным путем, не всегда

гарантируется право на жизнь, поскольку они расцениваются как биологический материал, а не как живые организмы. Представляется необходимым внести изменения в законодательство, разработав нормы, которые восполнят существующие правовые пробелы, установят статус эмбриона и закрепят закрытый перечень условий по его утилизации.

Коротченя А. П.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕКЛАМЫ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

*Коротченя Анна Павловна, студентка 3 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
ann2002korotchenya@mail.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Чешко В. Ю.

Значимость правового регулирования рекламы в социальных сетях в Республике Беларусь, как и во всем мире, возрастает с каждым днем в связи с быстрым развитием социальных сетей и становлением их одним из самых значимых средств коммуникации между людьми. Как следствие, посредством социальных сетей происходит и распространение рекламы о различных товарах, мероприятиях, результатах интеллектуальной деятельности, работе или услугах, конкурсах, лотереях и т. д.

Законодательство Республики Беларусь, регулирующее рекламу в целом, включает в себя Закон Республики Беларусь от 10 мая 2007 г. № 225-З «О рекламе», постановление Совета Министров Республики Беларусь от 7 июля 2021 г. № 395 «О мерах по реализации Закона Республики Беларусь “Об изменении законов по вопросам рекламы”», Указ Президента Республики Беларусь от 31 марта 2022 г. № 131 «О развитии средств массовой информации» (далее – Указ), ст. 13.9 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 91-3 (далее – КоАП), приказ оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь от 27 сентября 2022 г. № 140 «Об использовании Национальным центром защиты персональных данных средств от приносящей доходы деятельности и из иных источников, не запрещенных законодательством». Однако рекламе в социальных сетях в законодательстве Республики Беларусь уделено крайне мало внимания. Регулирование рекламы в социальных сетях происходит по общим нормам о рекламе в глобальной компьютерной сети Интернет (далее – Интернет), а так как социальные сети развиваются с каждым днем, и реклама в социальных сетях – это совершенно новое течение в рекламе со своими особенностями, по моему мнению, данную сферу необходимо также детально регулировать.

Главной особенностью рекламы в социальных сетях является то, что ее крайне сложно, а иногда и вовсе невозможно отличить от обычного совета или рекомендации какого-либо продукта, например, от популярного блогера или известной личности. Эта особенность вытекает из того, что социальные

сети – это изначально способ коммуникации между людьми. Именно поэтому реклама в социальных сетях – это не просто обезличенный рекламный макет в Интернете, это развернутый отзыв того же блогера от своего личного имени или от лица бизнес-аккаунта о продукте с указанием всех его достоинств. В связи с этим возникает вопрос: что делать в случаях, если продукт не соответствует тому, что было озвучено или написано в рекламном посте в социальных сетях?

Помимо этого, с принятием Указа законодателю Республики Беларусь необходимо четко разграничивать, где есть проплаченная реклама, а где она отсутствует, чтобы определить, нужно ли платить в каждом конкретном случае сбор за размещение (распространение) рекламы.

Отличным вариантом регулирования рекламы в социальных сетях и решением проблем, возникающих при размещении рекламы в социальных сетях, является пометка о рекламе. Это могут быть хештеги или иная пометка в описании или прямо на фото, картинке или видео.

Среди стран, которые на законодательном уровне требуют маркировать рекламу, – США, Китай, Канада, Южная Корея, Турция, Индия, ОАЭ, а также почти все члены ЕС. Чаще всего для коммерческих публикаций блогеров обязуют использовать такие хештеги, как #sponsored, #advertisement, #ad, #paid, #[brand] ambassador, либо указывать сотрудничество в тексте: «при материальной поддержке...», «оплачено...», «этот продукт мне предоставил...» и т. д.

Нарушение закона, содержащего требования к рекламе в социальных сетях, регулируется в разных странах по-разному. Например, в Соединенных Штатах Америки санкции в большинстве случаев применяются именно к брендам или крупным рекламным агентствам, а не непосредственно к блогерам. В Германии более жесткий контроль данной сферы: там Instagram относят к категории СМИ и подписчиков рассматривают как потребителей, поэтому при отсутствии рекламных пометок власти фиксируют нарушение закона о борьбе с недобросовестной конкуренцией и штрафуют блогера на 200 евро. Если дело доходит до суда, блогер также оплачивает и все издержки.

Более того, с 1 сентября 2022 г. в Российской Федерации вступили в силу изменения в Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» в целях обеспечения ее прослеживаемости. Вся таргетированная, контекстная и медийная реклама в интернете теперь должна иметь соответствующую пометку.

Таким образом, проблемы правового регулирования рекламы в социальных сетях действительно есть и после принятия Указа они актуальны как никогда. Именно поэтому я считаю необходимым предпринимать определенные меры для их решения. Например, так же, как и в странах, перечисленных ранее, закрепить на законодательном уровне обязанность помечать рекламу, а также внести изменения в КоАП, добавив к ст. 13.9 дополнения, регулирующие наличие определенной пометки о рекламе.

Лабоцкая А. А.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Лабоцкая Анна Александровна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, labotskaya.anna@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Масловская Т. С.

Согласно положению, закрепленному в ч. 3 ст. 13 Конституции Республики Беларусь, государство регулирует деятельность лиц в экономической сфере, очерчивая при этом рамки дозволенного для граждан. Вместе с тем мы видим помощь со стороны власти и детерминанты осуществления экономической деятельности в рамках закона. К сожалению, о стимулировании в сфере экономики никакой речи не идет, а ведь мотивирование экономического сектора – первооснова развития инноваций.

В законодательстве прослеживается упор на активное развитие инновационной сферы, при этом в тексте Конституции (ст. 107) содержится положение о том, что Правительство Республики Беларусь обеспечивает проведение государственной политики в области инноваций, а ч. 4 ст. 51 гласит: «Государство содействует развитию культуры, научных и технических исследований, внедрению инноваций на благо общих интересов». Так, мы видим положение правового обеспечения проведения единой государственной политики в области инноваций. Помимо того, Указом Президента Республики Беларусь утверждена Государственная программа инновационного развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы. Государство на высшем правовом уровне закрепило положения о регулировании данной деятельности, а также берет курс на совершенствование инновационной сферы. Тем не менее для достижения наилучших результатов стоит разобраться с методом, которым наиболее эффективно будет регулироваться инновационное развитие страны и который можно будет закрепить на конституционном уровне.

Наиболее подходящим вариантом видится введение такого инструмента, как иннобарометр. Иннобарометр, или барометр инноваций – это первая в мире официальная статистика инноваций в государственном секторе, которая предоставляет новаторам систематические знания о том, что «на самом деле выполняют» другие новаторы. Данные собираются с помощью опросника для всех видов рабочих мест в государственном секторе, опрашивается аудитория по вопросам организационной структуры, качества условий труда и других факторов, влияющих на развитие в сфере инноваций.

Преимущества данного инструмента заключаются в том, что он может:

- 1) способствовать стимулированию потенциала работников, их трудовых качеств и эффективности деятельности за счет инноваций;
- 2) предоставить директивным органам прочную базу знаний для развития государственного сектора;
- 3) выступать в качестве учебного пособия в образовательных учреждениях для подготовки руководителей в государственном секторе.

Барометр – это общественное благо, которое приносит пользу работникам инновационной сферы; дает представление о различиях между государственным и частным секторами, помогая новаторам в обоих секторах больше учиться друг у друга.

На данный момент между странами, которые используют иннобарометр, разрабатывается «Копенгагенское руководство» о том, как и почему страна может извлечь выгоду из измерения инноваций в государственном секторе. В руководстве содержится набор инструкций, призванных помочь выполнить конкретную задачу с помощью иннобарометра надлежащим образом. Так, для развития инновационного сектора необходимо следовать нескольким правилам:

- описать действия, необходимые для выполнения задачи;
- объяснить, как работает продукт и его приложения;
- описать, как продукт может быть использован не по назначению;
- предупредить пользователей о возможных неполадках;
- поощрять пользователей действовать безопасным и надлежащим образом;
- соответствовать информационным стандартам и требованиям.

Опираясь на вышеизложенные правила, государство сможет не только найти проблемы в сфере развития инноваций, но и искоренить их. Впоследствии страны будут иметь здоровую конкуренцию между собой в борьбе за ключевые позиции в экономической сфере на международном уровне. Так, мы видим постепенную работу государственного сектора над развитием инновационной деятельности в Республике Беларусь, основополагающим фактором чего стало закрепление на конституционном уровне правовых основ, регламентирующих инновационную деятельность. Тем не менее для качественной модернизации инновационного сектора наиболее доступным и действенным способом представляется внедрение в инновационную сферу иннобарометра. Это обусловлено возможностью эффективного и достаточно быстрого развития инноваций, поскольку данная деятельность в условиях экономической глобализации имеет курс на многие годы вперед.

Ломоносова А. П.

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ И ПОВЕДЕНЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР Ч. 1 СТ. 4 КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

*Ломоносова Анастасия Павловна, студентка 1 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
lomonosovanasta2@gmail.com*

Научный руководитель: старший преподаватель Артемьев С. Ю.

После конституционной реформы и модернизации конституционного текста на основании Решения республиканского референдума 27 февраля 2022 г. ч. 1 ст. 4 Конституции Республики Беларусь была изложена в новой

редакции: «Демократия в Республике Беларусь осуществляется на основе идеологии белорусского государства, а также многообразии политических институтов и мнений». Важное изменение коснулось диспозиции конституционной нормы в данной статье, выполняющей основную нагрузку в регулирующем воздействии на систему конституционного строя Беларуси. Словесно-логическое дополнение объективно выражается в дополнительном обстоятельстве, указывающем на то, что демократия в Республике Беларусь осуществляется на основе идеологии белорусского государства.

Учитывая, что анализируемая норма, изложенная в новой редакции, с точки зрения системы конституционно-правовой отрасли Республики Беларусь относится к базовому конституционно-правовому институту «Основы конституционного строя», а сама отрасль в системе права Беларуси занимает ведущее место, и рассматривая также специфику отношений, опосредованных ею, представляется возможным предположить, что последствия принятия новой редакции ч. 1 ст. 4 Конституции окажут весомое влияние на осуществление юридической, политической и идеологической функции Конституции. Норма в ч. 1 ст. 4 Конституции Республики Беларусь представляет собой норму-принцип, которая обладает значительным целеполагающим потенциалом и гарантирует на уровне Основного Закона вектор развития демократии нашего государства на современном этапе. Данная норма по-новому юридически определяет баланс следующих ценностей белорусского общества: белорусская государственность, идеология, политический плюрализм как необходимых условий существования демократии в государстве и обществе.

Важность идеологии для государственного строительства традиционно находит понимание у государственных деятелей и ведущих юристов. Так, А. Г. Лукашенко, высказываясь о значении идеологии в жизнедеятельности общества, сравнил идеологию государства с иммунной системой живого организма: «Когда разрушается идеология общества, гибель государства становится делом времени». В этом утверждении можно установить определенную тождественность с позицией В. О. Лучина, который, говоря о конституционных нормах как о части права, сравнил их с мерой функционирования живого социального организма.

Идеология белорусского государства неразрывно связана с национальной идеологией. В некотором смысле ее можно рассматривать в качестве посредника между настоящим и прошлым белорусской нации и будущим Беларуси, благосостоянием государства и воплощением в жизнь благополучия граждан. В. А. Мельник в своей работе «Основы идеологии белорусского государства» утверждает, что в данное время термин «идеология» служит для обозначения формы группового мышления, а также результатов такого мышления. Таким образом, представляется обоснованным понимать словосочетание «белорусская идеология» как систематизированную совокупность идей, ценностей, целей и представлений, положенных белорусским народом в основу организации и деятельности своего общества и государства.

Нормативность положения о том, что «демократия осуществляется на основе идеологии белорусского государства», в первую очередь проявляется не только в гарантировании демократии в белорусском государстве, но и в реализации данной нормы, ее эффективности, что дополнительно выступает в качестве гарантии содержательного понимания конституционного строя.

При анализе нормативного и поведенческого потенциала нормы в ч. 1 ст. 4 Конституции следует учитывать и системные изменения, которые произошли с иными конституционными нормами сравнимой степени важности, а также совокупность предпосылок произошедшей реформы в целях реализации благосостояния граждан Беларуси, создания условий для свободного развития личности и ее интересов, построения сильного и процветающего государства и сохранения фундаментальных ценностей всего белорусского государства.

Мельникова В. А.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

*Мельникова Варвара Андреевна, учащаяся 3 курса Юридического колледжа
Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
melnickova.varwara@yandex.by*

Научный руководитель: преподаватель Балицевич-Рында Л. Н.

Изменения и дополнения в Конституцию Республики Беларусь, принятые по результатам республиканского референдума 27 февраля 2022 г., значительным образом преобразовали конституционно-правовое поле Республики Беларусь. Одним из нововведений стало понятие «социальная ответственность», закрепленное в ч. 3 ст. 21 Конституции, согласно которой «каждый должен проявлять социальную ответственность, вносить посильный вклад в развитие общества и государства». На сегодняшний день законодательство не содержит легального определения этого понятия, что создает проблему в толковании внесенных в Конституцию изменений.

Термин «социальная ответственность» в мировой практике рассматривается в двух аспектах: как «индивидуальная социальная ответственность» и «корпоративная социальная ответственность».

С принятием Республикой Беларусь Глобального договора ООН в 2007 г. концепция корпоративной социальной ответственности получила развитие в национальной практике. Ее внедряют в практику преимущественно организации частной формы собственности. Американский ученый А. Б. Кэрролл в 1979 г. предложил модель корпоративной социальной ответственности, представив ее в виде пирамиды, элементами которой являются экономическая, правовая, этическая и экологическая ответственность, а также филантропическая деятельность.

Между тем принципы индивидуальной социальной ответственности все еще не получили своего официального закрепления, оставаясь предметом научных исследований.

В социологических работах М. Вебера, А. Смита, Ф. Берли, К. О. Апеля определен приоритет не частных интересов, но интересов всего общества как ядро социальной ответственности. В основе этой концепции лежит идея о том, что противоречие между частным интересом (выгода, прибыль) и интересами общества (стабильность, успешное развитие для большинства) должно разрешаться в пользу общества как той системы, частью которой является сам индивид.

Анализ ряда мнений представителей научного сообщества и государственной власти позволил нам выделить несколько аспектов конституционно-правового содержания социальной ответственности:

1. Социальная ответственность как форма предупреждения социального иждивенчества в условиях социального государства. По мнению генерального секретаря Белорусского Общества Красного Креста Дмитрия Шевцова, «человек сам должен стремиться сохранить здоровье и получить знания и навыки». Депутат Людмила Нижевич, комментируя проект изменений и дополнений, вносимых в Конституцию, подчеркнула, что «мы в ответе за то, каким будет город, в котором мы живем, насколько сильным экономически и политически будет наше государство».

2. Социальная ответственность как «забота человека о других людях». Такая концепция изложена в работах М. Хайдеггера, который считал, что эта забота позволяет увидеть подлинный смысл жизни человека. Дмитрий Шевцов в развитие этой идеи, отметил, что «если ты работаешь и зарабатываешь и можешь помочь другому, то нужно это делать».

3. Социальная ответственность как необходимый элемент правового государства и гражданского общества. Так, Е. Н. Мануйлов считает, что «социальная ответственность личности в правовом государстве составляет универсальную, всеобщую форму связи и взаимозависимости личности и общества, возникает со становлением гражданского общества и является необходимым условием его существования». Е. А. Фролова отмечает, что «гражданское общество выполняет функции социализации индивида и институционализации его социальной ответственности, предотвращая злоупотребления монопольной властью отдельными субъектами».

Таким образом, основываясь на содержании международных актов по вопросу корпоративной социальной ответственности, опыте ее реализации в Республике Беларусь, а также положениях научной доктрины и комментариях относительно толкования индивидуальной социальной ответственности, можно определить содержание социальной ответственности в смысле ч. 3 ст. 21 Конституции как заботу человека о других людях, являющуюся необходимым элементом гражданского общества, социального и правового государства. По аналогии с корпоративной социальной ответственностью можно выделить такие ее элементы, как экономическая, правовая, этическая и экологическая ответственность, а также филантропическая деятельность.

Олесько С. С.

**НАПРАВЛЕНИЕ ГРАЖДАН В ЛЕЧЕБНО-ТРУДОВОЙ
ПРОФИЛАКТОРИЙ НА ПУТИ РЕАЛИЗАЦИИ
КОНСТИТУЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ: ЭФФЕКТИВНАЯ
ПРОФИЛАКТИКА ИЛИ НЕКОНСТИТУЦИОННАЯ ПРАКТИКА?**

Олесько Сергей Сергеевич, аспирант 3 года обучения юридического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, помощник прокурора Россонского района Витебской области юрист 2 класса, г. п. Россоны, Беларусь, daruta05@live.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Шавцова А. В.

По общему правилу, любая профилактическая работа строится по принципу «предупрежден – значит вооружен». Но иногда для достижения должного профилактического воздействия не обойтись без применения мер принудительного характера. Применение таких мер – пограничная ситуация между эффективностью профилактики и конституционностью возлагаемых правоограничений в целях ее достижения. По этой причине поступаться правомерностью в целях эффективности профилактики недопустимо.

Средства принудительной профилактики активно применяются и в Республике Беларусь. Одним из наиболее действенных среди них считается направление граждан в лечебно-трудовой профилакторий (далее – ЛТП) в целях их принудительной изоляции и медико-социальной реадaptации с обязательным привлечением к труду. Гражданские дела данной категории обладают административным характером вследствие применения к лицу, направленному в ЛТП, правоограничительных мер, которые существенным образом ограничивают реализацию прав и свобод человека, провозглашаемых высшими конституционными ценностями, включая и право на труд. Однако обозначим позицию относительно конституционности Закона Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 104-З «О порядке и условиях направления граждан в лечебно-трудовые профилактории и условиях нахождения в них» в части обязательного привлечения граждан к труду. Данные положения явно коллизировали с ч. 4 ст. 41 Конституции (до поправок на республиканском референдуме 27 февраля 2022 г.), согласно которой принудительный труд запрещается, кроме как по приговору суда.

Дело в том, что рассматриваемое положение называло конкретный правоприменительный судебный акт – приговор, на основании которого допускалось привлечение граждан к принудительному труду и могло быть ограничено их конституционное право на труд. Между тем суды выносили постановление в виде решения. Думается, что указание в конституционном тексте конкретного правоприменительного акта говорило о повышенной значимости и охране права на труд как конституционной ценности.

Сегодня ч. 4 ст. 41 Основного Закона в указанной части изложена в расширенном варианте: принудительный труд запрещается, кроме как на основании судебного постановления. Таким образом была решена проблема с

неконституционностью. Видится, что корректированием рассмотренной формулировки государство фактически признало это, однако для граждан, направленных в ЛТП, юридических последствий это не повлекло. Но дело не только в этом.

Контроль за конституционностью нормативных актов осуществляет Конституционный Суд, а поэтому нормативные положения, признанные им противоречащими Конституции, не имеют юридической силы и утрачивают ее в установленном порядке. Роль и значение конституционного правосудия иллюстрирует признание факта неконституционности, что презюмирует аннулирование правовых норм и отношений, возникших на их основании, которые препятствовали реализации конституционных ценностей.

В 2009 г. Законом «О порядке и условиях направления граждан в лечебно-трудовые профилактории и условиях нахождения в них» пройден обязательный предварительный судебный конституционный контроль. Но ни его положения об обязательном привлечении граждан к труду, ни в дальнейшем аналогичные положения законов, которыми в него внесены соответствующие коррективы, не были признаны неконституционными, в том числе на протяжении последующих 12 лет действия. По результатам проверки Закона Конституционный Суд указал, что положения в названной части соответствуют ст. 23 Конституции, определяющей основания ограничения прав и свобод личности. Но Суд не учел запрет на принудительный труд и не дал оценки Закону в этой части (в решении об этом ничего не сказано).

Представляется, что все решения судов, которые вынесены вопреки конституционному запрету, должно считать неконституционными в связи с ненадлежащей формой правоприменительного акта.

Вопрос же о проверке конституционности положений рассматриваемого Закона общими судами даже не ставился, несмотря на обширную практику его применения. Покажем на цифрах. Так, в 2020 г. рассмотрено 4838 дел о помещении граждан в ЛТП, из которых по 4494 – требование удовлетворено. С 2021 г. в статистику по данным делам также включаются дела о продлении и сокращении срока нахождения в ЛТП. В 2021 г. рассмотрено 7322 таких дела, по которым вынесено 6925 решений удовлетворительного характера. И справедливо заключение, что только за два года судами вынесено 11 419 неконституционных решений. Вопиюще, но факт.

Проблема обусловлена доступной эффективностью принудительных мер, применяемых в ЛТП, в целях профилактики правонарушений. Однако цель не всегда оправдывает средства, по этой причине ограничивать реализацию конституционных ценностей неконституционным путем недопустимо.

Орлова А. А.

ОПЫТ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Орлова Анастасия Александровна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, Law.orlovaAA@bsu.by

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Бакун А. С.

Основы правового обеспечения информационной безопасности Российской Федерации в современном понимании начинают формироваться с принятия в 1993 г. Конституции Российской Федерации. В настоящее время правовая основа построения и обеспечения информационной безопасности государства состоит из федеральных законов, подзаконных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, законов и подзаконных правовых актов субъектов Российской Федерации, а также различных поправок к законам. Конституция Российской Федерации закрепляет основополагающие нормы в сфере правового обеспечения информационной безопасности и определяет дальнейшее развитие законодательства данной сферы. К вышеуказанным нормам относятся: во-первых, общие нормы Конституции (нормы, определяющие правовой статус субъектов общественных отношений, принципы построения и регулирования общественных отношений, правовой статус государственных органов и др.), во-вторых, специальные нормы Конституции (право каждого субъекта свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (п. 4 ст. 29); право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений и запрет на безосновательное ограничение данного права (п. 2 ст. 23); запрет сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица без его согласия (п. 1 ст. 24) и некоторые иные нормы).

Конституционные нормы, регулирующие общественные отношения в информационной сфере, легли в основу главных стратегических документов в области обеспечения информационной безопасности – Стратегии национальной безопасности и Доктрины информационной безопасности – чьи положения в дальнейшем стали детализироваться в федеральных законах («Об информации, информационных технологиях и о защите информации», «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» и др.), которые и образуют ядро правового обеспечения информационной безопасности. Вместе с этим в ядро правового обеспечения входят указы президента и постановления правительства, которые дополняют положения федеральных законов и гармонизируют правовую систему обеспечения информационной безопасности. Далее в соответствии с данными положениями разрабатываются различные локальные правовые акты и служебные инструкции в разных сферах деятельности, издаются приказы в различных органах власти, которые определяют порядок совершения конкретных практических действий по обеспечению безопасности в информационной сфере.

Однако при построении национальной правовой системы обеспечения информационной безопасности государства Российская Федерация, подписав Окинавскую хартию глобального информационного общества, активно участвует в процессе его формирования и защиты в рамках международных процессов, начало которым положила Всемирная встреча на высшем уровне по вопросам информационного общества в декабре 2003 г. в Женеве и в ноябре 2005 г. в Тунисе. На современном этапе особое внимание стоит уделить обсуждению Президентом Российской Федерации В. В. Путиным с постоянными членами Совета безопасности на оперативном совещании 24 сентября 2021 г. вопросов безопасности Союзного государства России и Беларуси, в том числе и в информационной сфере, после которого 13 апреля 2022 г. в Минске состоялось обсуждение делегациями российской и белорусской стороны проекта Концепции информационной безопасности Союзного государства, что свидетельствует о приоритете направления белорусско-российского сотрудничества в области обеспечения международной информационной безопасности на сегодняшний день.

Ценным опытом в области правового обеспечения информационной безопасности обладает Российская Федерация, в которой за тридцать лет существования независимого государства была построена прочная централизованная правовая система в сфере информационной безопасности с четырехзвенной структурой: нормы Конституции Российской Федерации легли в основу главных доктринальных документов (Стратегии национальной безопасности и Доктрины информационной безопасности), чьи положения детализируются в принятых федеральных законах, а также в указах президента и постановлениях правительства, на основе которых разрабатываются различные локальные правовые акты и служебные инструкции в разных сферах деятельности, определяющие порядок совершения конкретных практических действий по обеспечению безопасности в информационной сфере. Однако особый интерес для Республики Беларусь представляет не только заимствование опыта Российской Федерации в построении централизованной национальной системы правового обеспечения информационной безопасности, но и приоритет направления белорусско-российского сотрудничества в области обеспечения наднациональной информационной безопасности государств.

Петрова Л. И.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В СФЕРЕ ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ И ЛЕЧЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ КОДИФИКАЦИИ

Петрова Людмила Ивановна, студентка 1 курса магистратуры юридического факультета Белорусского государственного университета, luy20699487@yandex.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Киселёва Т. М.

Гражданам Республики Беларусь гарантируется право на охрану здоровья, включая бесплатную медицинскую помощь. Условия доступности

медицинского обслуживания для всех граждан занимают особое место в системе конституционных прав и свобод личности, так как это обеспечивает достойную жизнь каждого члена общества.

Развитие общественных отношений приводит к изменению содержания права на охрану здоровья и медицинскую помощь, появляются новые формы использования данного права, а также новые вызовы его реализации. Все это является основой для разработки законодательных актов.

В целом нормативно-правовая база здравоохранения Республики Беларусь включает в себя нормативные правовые акты различного вида. Это законы, указы Президента, постановления Совета Министров, постановления и приказы Минздрава, постановления и приказы других ведомств, которые в свою очередь включают в себя приложения, инструкции и т. д.

Наиболее полно в настоящее время права и обязанности пациентов изложены в основном нормативном правовом акте – Законе Республики Беларусь от 18.07.1993 г. № 2435-ХІІ «О здравоохранении», а также распределены в трудовом, гражданском, семейном, административном и иных отраслях права Республики Беларусь. Права и гарантии существуют и закреплены в законодательстве страны, но реализация данных прав на практике в полном объеме не происходит ввиду отсутствия единого механизма их реализации. Кроме Закона Республики Беларусь «О здравоохранении» следует выделить следующие законы Республики Беларусь, регламентирующие основные направления профессиональной деятельности в сфере здравоохранения: Закон от 07.01.2012 г. № 340-З «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»; Закон от 07.01.2012 г. № 349-З «О психиатрической помощи»; Закон от 14.06.2007 г. № 239-З «О государственных социальных льготах, правах и гарантиях для отдельных категорий граждан»; Закон от 04.03.1997 г. № 28-З «О трансплантации органов и тканей человека» и др.

В связи с развитием информационно-коммуникационных технологий в сфере здравоохранения оказание населению услуг стало более доступным и эффективным благодаря внедрению электронного здравоохранения, для развития которого необходимо было принять еще ряд важных документов, определяющих основные направления: Концепцию развития электронного здравоохранения Республики Беларусь на период до 2022 года, утвержденную Приказом Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 20.03.2018 г. № 244 «Об утверждении концепции развития электронного здравоохранения Республики Беларусь» и «Положение о порядке функционирования и использования централизованной информационной системы здравоохранения», утвержденное постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 13 мая 2021 г. № 267.

Анализ юридической и специальной литературы позволил сделать заключение, что в целом в республике создана правовая основа для реализации конституционного права граждан на охрану здоровья и получение медицинской помощи, но существует необходимость детализации правовой регламентации медицинской деятельности в едином нормативном правовом

акте. Для этого необходимо систематизировать законодательство в сфере охраны здоровья граждан и медицинской помощи и принять Кодекс о здравоохранении, имеющий четкую структуру. Принятие кодифицированного акта не только обеспечит единообразный подход к регулированию отношений в сфере здравоохранения, но и позволит пациентам получать полную информацию относительно их правового статуса.

Формируя современную систему законодательства, создавая новые правовые акты о медицинской помощи, необходимо руководствоваться новыми научными достижениями, в том числе и юридическими. С современной научной точки зрения вполне очевидно, что мало просто закрепить в законе, пусть это даже будет Конституция, право граждан на охрану здоровья. Значительно более важным является создание системы правовых гарантий обеспечения этого права, государственно-правового механизма его реализации.

Плисова К. А.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ В ОБЛАСТИ ИНФОРМАЦИОННЫХ И ЦИФРОВЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

*Плисова Ксения Алексеевна, студентка 1 курса Витебского
государственного университета имени П. М. Машерова, г. Витебск, Беларусь,
plisovakseniya10b@gmail.com*

Научный руководитель: старший преподаватель Сафонова Т. В.

В современном мире развитие информационных и цифровых инфраструктур является одним из важнейших приоритетов большинства стран, в том числе и Республики Беларусь. Информационные права и свободы человека и гражданина закреплены в Конституции Республики Беларусь и отдельных нормативных правовых актах. Так, ст. 28 Конституции гарантирует каждому право на защиту от незаконного вмешательства в его личную жизнь, в том числе от посягательств на тайну его корреспонденции, телефонных и иных сообщений, на его честь и достоинство; ст. 33 – свободу мнений, убеждений и свободное выражение; ст. 34 – право на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации о деятельности государственных органов, о политической, экономической, культурной и международной жизни, состоянии окружающей среды.

Исследователи называют информационными и иные права, закрепленные Конституцией Республики Беларусь: право не давать показания и объяснения против самого себя, членов своей семьи, близких родственников (ст. 27); право на исповедование любой религии или неисповедование никакой; право на выражение и распространение убеждений, связанных с отношением к религии (ст. 31); право на личные и коллективные обращения в государственные органы (ст. 40); право на доступ к ценностям отечественной и мировой культуры, находящимся в

государственных и общественных фондах; свобода художественного, научного, технического творчества и преподавания (ст. 51).

Одним из основных направлений современного развития Республики Беларусь в области цифровой трансформации, закрепленном в Указе Президента Республики Беларусь от 29.07.2021 № 292 «Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы», а также в постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 02.02.2021 № 66 «Об утверждении Государственной программы “Цифровое развитие Беларуси” на 2021–2025 годы», является обеспечение внедрения информационно-коммуникационных и передовых производственных технологий в отрасли национальной экономики и сферы жизнедеятельности общества. В рамках реализации данных мероприятий уже в течение последних двух лет был принят ряд законов, которые можно определить как связанные с цифровыми правами и свободами граждан Республики Беларусь, иными словами – правами, осуществляемыми в цифровой среде. Так, ст. 28 Конституции Республики Беларусь дополнена нормой о защите персональных данных и безопасности личности и общества при их использовании. Кроме того, наряду с действующим Законом Республики Беларусь от 10.10.2008 № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации», принят Закон Республики Беларусь от 07.05.2021 № 99-З «О защите персональных данных», регулирующий отношения, связанные с защитой персональных данных при их обработке, осуществляемой с использованием средств автоматизации и без использования средств автоматизации, если при этом обеспечиваются поиск персональных данных и (или) доступ к ним по определенным критериям (картотеки, списки, базы данных, журналы и др.).

Другой же разновидностью персональных данных являются биометрические персональные данные – информация, характеризующая физиологические и биологические особенности человека, используемая для его уникальной идентификации (отпечатки пальцев рук, ладоней, радужная оболочка глаза, характеристики лица и его изображение и др.). В целях совершенствования порядка документирования населения, а также осуществления должного биометрического контроля, Указом Президента Республики Беларусь от 16.03.2021 № 107 «О биометрических документах» были введены в действие биометрические документы, являющиеся не только способом удостоверения личности гражданина, но и инструментом получения различного рода электронных услуг без необходимости личного посещения государственных структур и других учреждений.

Очевидно, что мы можем говорить о новом цифровом праве – праве на защиту персональных данных.

Исследователь в области юридических наук Т. В. Сафонова выделяет и иные цифровые права: право на электронную цифровую подпись, право на создание и использование информационных технологий, информационных систем и информационных сетей, право на доступ к государственным электронным услугам, право на доступ к сети Интернет и др.

Таким образом, Республика Беларусь предпринимает ряд активных, необходимых мер по обеспечению должных условий для развития информационного и цифрового пространства, а также проводит действенную политику, направленную на реализацию эффективной системы защиты информационных и цифровых прав и законных интересов граждан в информационной и цифровой сферах.

Пыжик В. И.

**ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО СОБРАНИЯ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ПОСЛЕ 15 МАРТА 2022 г.**

*Пыжик Владислав Игоревич, студент 4 курса Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой, г. Новополоцк, Беларусь,
19pr2.pyzhik.v@pdu.by*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Шахновская И. В.

Национальное собрание Республики Беларусь занимает ключевое место в системе органов государственной власти в Республике Беларусь. В 2022 г., а именно 27 февраля, прошел республиканский референдум, итогом которого стало в том числе изменение конституционных полномочий Парламента. Отметим, что данные изменения коснулись состава Парламента, срока его полномочий и непосредственно самих полномочий Парламента. Полномочия Палаты представителей закреплены в ст. 97 Конституции Республики Беларусь, которая также подверглась изменениям и дополнениям.

Изменения в первую очередь связаны с перераспределением полномочий между органами государственной власти в Республике Беларусь. Полномочие Палаты представителей, связанное с рассмотрением проектов законов о толковании Конституции Республики Беларусь было исключено в связи с тем, что полномочия по толкованию Конституции перешли к Конституционному Суду Республики Беларусь. Исключены полномочия Парламента по рассмотрению проектов законов об утверждении основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь; военной доктрины. Полномочие решать вопрос о смещении с должности Президента было исключено и передано Всебелорусскому народному собранию согласно п. 7 ст. 89³ Конституции 2022 г.

Полномочия «верхней» палаты, а именно полномочия Совета Республики, которая является палатой территориального представительства, установлены ст. 98 Конституции, также подвергнувшейся изменениям и дополнениям. Изменения затронули пункты 1, 2 и 5, были исключены пункты 3, 4 и 7, был добавлен п. 2¹ ч. 1 ст. 98 Конституции. Из п. 1 ч. 1 ст. 98 Конституции было исключено полномочие Совета Республики по одобрению или отклонению принятых Палатой представителей проектов законов о толковании Конституции в связи с тем, что полномочия по толкованию Конституции перешли к Конституционному Суду Республики Беларусь согласно ст. 116¹ Конституции 2022 г. Полномочие по согласованию назначения на должность Председателя и судей Высшего Хозяйственного Суда, которое раньше

предусматривалось п. 2 ч. 1 ст. 98 Конституции 2021 г. исключено в связи с объединением Высшего Хозяйственного Суда с Верховным Судом в Верховный Суд в соответствии с п. 1 Декрета Президента Республики Беларусь от 29 ноября 2013 г. № 6 «О совершенствовании судебной системы Республики Беларусь». Полномочия по согласованию назначения Председателя Конституционного Суда, Председателя и судей Верховного Суда, Председателя Центральной комиссии по выборам и проведению республиканских референдумов (Центральной избирательной комиссии – согласно Конституции 2022 г.), которые раньше предусматривались п. 2 ч. 1 ст. 98 Конституции 2021 г., также исключены, поскольку данные полномочия в соответствии со ст. 89³ перешли Всебелорусскому народному собранию. Пункт 5 ч. 1 ст. 98 Конституции был дополнен новым полномочием Совета Республики, согласно которому Совет Республики анализирует деятельность местных Советов депутатов, принимает меры по развитию местного самоуправления. Пункты 3, 4 и 7 ч. 1 ст. 98 Конституции были исключены, так как данные полномочия перешли Всебелорусскому народному собранию согласно ст. 89³ Конституции 2022 г.

Делая вывод, хочется отметить, что изменения, внесенные в Конституцию Республики Беларусь по результатам республиканского референдума от 27 февраля 2022 г. сыграли важную роль в определении правового статуса Парламента Республики Беларусь, так как существенно изменили полномочия Национального собрания Республики Беларусь, потому что некоторые существенные полномочия Парламента были переданы иным органам государственной власти, тем самым была ограничена власть Парламента. Однако в результате данных изменений также были добавлены новые полномочия, получили закрепление на уровне Конституции иные полномочия, которые ранее предусматривались лишь законами, а также были откорректированы некоторые формулировки. Также в результате изменений был изменен срок полномочий и состав Парламента.

Солонинко П. П.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

*Солонинко Полина Петровна, учащаяся 2 курса Юридического колледжа
Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
polinasamkevic@gmail.com*

Научный руководитель: преподаватель Балицевич-Рында Л. Н.

Недавно прошедшая конституционная реформа в Республике Беларусь коснулась не только системы высших государственных органов, но и определила новые конституционные ценности нашего государства.

Ценность – это важность, значимость, полезность чего-либо. Можно говорить о ценностях конкретного человека, общества, государства. К универсальным, общечеловеческим ценностям относят жизнь, здоровье, свободу, равенство, гуманизм и счастье.

Т. С. Масловская определяет конституционные ценности как фундаментальные, обобщенные, стратегические приоритеты (цели, принципы) развития общества и государства. Мы также считаем, что закрепленные в Конституции ценности – это не только отражение существующих традиций, интересов, тенденций, общих принципов и целей, но и попытка обозначить или изменить направление развития общества и государства.

Ценности, закрепленные в конституции, универсальны, они отражают интересы каждого члена общества и поэтому так фундаментальны.

Необходимо отметить, что ценности, отражаемые в международных документах и конституциях государств, обуславливаются универсальными общечеловеческими, культурными и национальными ценностями, историей конкретной страны, политическими событиями и общественными настроениями. Можно выделить ценности, сформированные естественным путем в течение длительного времени, и ценности-ориентиры как программные цели государства.

В последнее время в научных работах российских и белорусских правоведов часто встречаются критические мнения о «навязывании западных ценностей», «продуктов западной культуры» и как противодействие этому предлагается формирование и закрепление на правовом и идеологическом уровне национальных ценностей. А ведь еще совсем недавно такие «западные ценности», как приверженность свободе, признание высшей ценностью прав и свобод человека, принцип разделения властей и демократии, космополитические ценности и идеалы признавались многими странами как универсальные ценности.

Еще в первой редакции Конституции Беларуси 1994 г. в преамбуле была провозглашена приверженность общечеловеческим ценностям, закреплены такие важные ценности, как человек, его права, свободы и гарантии их реализации (ст. 2), суверенитет белорусского народа (ст. 1, 3), принцип разделения властей (ст. 6), принцип нейтралитета (ч. 2 ст. 18).

В ходе конституционной реформы 2022 г. в Республике Беларусь произошли некоторые серьезные, на наш взгляд, изменения конституционных ценностей. В преамбуле в качестве новой конституционной ценности белорусского народа закреплено сохранение национальной самобытности и суверенитета, подчеркивается опора на духовные и культурные традиции.

Позицию нейтралитета Беларуси сменили нормы об исключении военной агрессии со своей территории в отношении других государств (ч. 2 ст. 18 Конституции) и о возможности направления граждан за пределы Республики Беларусь для участия в обеспечении коллективной безопасности и деятельности по поддержанию международного мира (п. 10 ст. 89³ Конституции).

Особое внимание в Конституции теперь уделяется патриотизму, сохранению исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы ВОВ (ч. 2 ст. 15 Конституции). На фоне растущего числа стран, признающих однополые браки, Конституция Беларуси акцентирует ценность традиционной семьи как брака мужчины и

женщины (ст. 32 Конституции). На наш взгляд, введение социальной ответственности граждан и закрепление государственной идеологии на конституционном уровне меняет вектор развития социального государства: не только государство все должно человеку, но и человек как член общества обязан не быть равнодушным к другим людям, обществу в целом.

Православная вера, христианские ценности, церковь – про это много говорится на государственном уровне, в том числе Главой государства. И хотя в Конституции Республики Беларусь нет прямых упоминаний православных ценностей, они тоже фактически выполняют роль конституционных ценностей в нашей стране.

Ценности государства, полагаем, должны отражать общечеловеческие, исторически сложившиеся на данной территории общественные ценности, в ряде случаев и национальные, основанные на обычаях, традициях, потребностях и самобытности народа.

Тормозова В. А.

ПРАВО НА УЧАСТИЕ В ГОЛОСОВАНИИ КАК ВИД ЦИФРОВЫХ ПРАВ В СТРАНАХ БРИКС НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Тормозова Валерия Александровна, студентка 2 курса юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия, tormozovavaleria@yandex.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Курилюк Ю. Е.

В современной юридической научной среде понятие цифровых прав имеет множество интерпретаций и не содержит четкого предмета регулирования, в связи с чем многие ученые-правоведы по-разному объясняют содержание исследуемой нами отрасли права и рассматривают множество направлений данного правового явления. Согласно с мнением М. А. Рожковой, утверждающей, что существует необходимость выделения цифрового права как комплексной отрасли законодательства, объединяющей в себе нормы различных отраслей права (информационного, гражданского и др.) и связанной с внедрением и использованием цифровых технологий (включая и Интернет). отметим, что среди всех базовых документов, определяющих направления цифрового развития стран – участниц БРИКС¹, ни в одном не заложены основы для определения электронного голосования. Соглашаемся с мнением В. А. Овчинникова и Я. В. Антонова, что электронное голосование следует рассматривать в совокупности с его материальным и формальным аспектами, т. е. как процесс принятия значимых политических решений и закрепления позиции избирателей с помощью инновационных технологий. Таким образом, электронное голосование – это способ закрепления волеизъявления избирателей в процессе проведения голосования с использованием технических и электронных средств.

¹ БРИКС – союз пяти государств: Бразилии, России, Индии, КНР, ЮАР.

В Бразилии электронная система голосования была введена в 1996 г. Эксперты, анализирувавшие бразильскую систему проведения выборов, подтверждают ее эффективность и демократичность, так как машины для голосования имеют надежные меры безопасности. Тем не менее бразильскими исследователями установлено, что инвестирование в развитие электронного голосования сопровождается количеством бюджетных средств, значительно превышающим сумму вложений в общественно-значимые направления. Справедливость электронного голосования и его защищенность от мошенничества также стоит под вопросом.

Электронное голосование в России имеет множество преимуществ: оно способствует снижению уровня абсентеизма за счет более удобного и прозрачного процесса голосования, используется технология блокчейн, обеспечивающая высокую степень защиты. Однако есть и несовершенства: отсутствуют многоаспектное правовое регулирование электронного голосования и соответствующая нормативно-правовая база; происходят ситуации, связанные со взломом баз данных по электронному голосованию.

Основными причинами введения в 1999 г. электронного голосования в Индии с применением системы DRE являются: большая часть неграмотного населения, для которых голосование с использованием бумажных бюллетеней не представляется возможным; фальсификация выборов, особенно в первые годы после обретения Индией независимости; большое количество недействительных голосов, выражавших протесты избирателей.

Электронное голосование в КНР имеет множество положительных сторон: итоги голосования подводятся практически мгновенно; гарантируется анонимность и безопасность; голосование может проводиться с разными целями, начиная от голосования во время партийных съездов и заканчивая сбором мнений владельцев недвижимости; во время голосования есть возможность использовать «умный планшет», который обеспечивает скорость, безопасность и анонимность проведения голосования.

В Южноафриканской республике в настоящее время нет опыта проведения электронного голосования.

Таким образом, мы можем предложить следующие стандарты для использования электронного голосования в странах БРИКС:

1) использование блокчейн-технологий и искусственного интеллекта в процессе проведения голосования для обеспечения наибольшей прозрачности и гарантии права на тайное голосование;

2) создание и внедрение программ по повышению цифровой грамотности населения;

3) установление стандарта компетенций для специалистов в сфере цифровых технологий с целью повышения их квалификации;

4) корректировка нормативно-правовой базы с учетом специфики проведения электронного голосования;

5) обязательное обращение к мнениям граждан при создании принципов и условий проведения электронного голосования (с помощью анкетирования, опросов и пр.).

В заключение отметим, что электронное голосование является эффективным способом выражения гражданской позиции только в том случае, если это подлинно соответствует принципам демократизма и обеспечивает безопасность, надежность и анонимность, отвечает интересам населения и создает условия для развития государства.

Трепачко Ю. В.

НАЦИОНАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СВЕТЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Трепачко Юлия Владимировна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск. Беларусь, trepachko.2004@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Сеницына А. М.

Вступившие в силу 15 марта 2022 г. изменения и дополнения в Конституцию Республики Беларусь (далее – Конституция) в связи с референдумом, состоявшимся 27 февраля 2022 г, затронули основные институты государственной власти. Данные обстоятельства обуславливают необходимость рассмотрения правового статуса Национального собрания Республики Беларусь в свете конституционных новелл.

В первую очередь необходимо отметить повышение роли Совета Республики, об этом свидетельствуют положения ст. 88¹ Конституции, согласно которым в случае вакансии должности Президента или невозможности исполнения им своих обязанностей по основаниям, предусмотренным Конституцией, его полномочия до принесения Присяги вновь избранным Президентом переходят не к Премьер-министру, а к Председателю Совета Республики.

Несмотря на то, что палаты Парламента утратили ряд полномочий, у них появились дополнительные контрольные функции, в частности палаты уполномочены ежегодно заслушивать информацию Генерального прокурора, Председателя Комитета государственного контроля и Председателя Правления Национального банка о результатах их деятельности. Очевидно, что наиболее целесообразно будет проводить заслушивание информации о результатах их деятельности в форме совместных заседаний палат Парламента, однако в развитие данных конституционных положений процессуальный порядок следует закрепить в регламентах палат. Такой порядок повлечет дополнения в ст. 73 Регламента Палаты представителей и в ст. 120 Регламента Совета Республики. Полагаем, что с учетом полученной на заседаниях информации будут разрабатываться планы подготовки законов, направленные на защиту прав и законных интересов граждан и организаций, а также общественных и государственных интересов и устранение проблем, на которые было обращено внимание в ходе данных совместных заседаний.

Необходимо также отметить, что согласно ст. 98 Конституции Совет Республики анализирует деятельность местных Советов депутатов,

принимает меры по развитию местного самоуправления. Учитывая, что Конституционный Суд Республики Беларусь утратил возможность принимать решения о наличии фактов систематического или грубого нарушения местным Советом депутатов требований законодательства, предполагаем, что в рамках анализа деятельности местных Советов депутатов Совет Республики сможет выявлять такие факты.

По результатам референдума конституционный статус получил еще один представительный орган – Всебелорусское народное собрание (далее – ВНС), более того, часть полномочий палат Парламента передана последнему, что обуславливает необходимость поиска оптимальной модели взаимодействия Национального собрания и ВНС.

Согласно конституционным нормам, а также ст. 6 вынесенного на общественное обсуждение проекта Закона «О Всебелорусском народном собрании» делегатами ВНС от законодательной власти являются депутаты Палаты представителей и члены Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь. На наш взгляд, это очень важно и правильно, что парламентарии будут членами ВНС, так как Национальное собрание также представляет интересы народа. Следовательно, законодательная власть в лице депутатов Палаты представителей и членов Совета Республики сможет влиять на решения ВНС.

Однако в настоящее время предстоит решить вопрос о том, каким образом в Парламенте будут избираться делегаты в ВНС? Вероятно, соответствующие нормы будут зафиксированы в Законе о ВНС. По нашему мнению, делегатов ВНС от Национального собрания должны избирать сами депутаты, в связи с чем в Законе «О Национальном собрании Республики Беларусь» и регламентах палат Парламента следует закрепить нормы представительства и процедуру избрания.

По предварительным данным, озвученным председателем Постоянной комиссии Палаты представителей по законодательству С. А. Любецкой, при формировании ВНС одну часть будут составлять делегаты по должности: действующий Президент и Президент, прекративший исполнение своих полномочий, представители законодательной власти, исполнительной власти, судебной власти (всего 440 делегатов). Полагаем, с учетом численного состава палат Парламента делегатами ВНС должны стать все представители палат Парламента, а если не все, то не менее 80 депутатов Палаты представителей и не менее 40 членов Совета Республики.

Если мы все же предполагаем избрание части парламентариев, то относительно способов избрания возможны следующие варианты: тайное или публичное голосование.

Во-первых, тайное голосование. Такое голосование проводится с помощью бюллетеней и урн. Данный способ можно применить и для избрания делегатов.

Во-вторых, внутри палат может быть проведено и публичное голосование. Полагаем, что *публичное голосование* – наиболее подходящий способ, который подтвердит *единогласие внутри палат*.

Таким образом, проанализировав конституционные изменения законодательной власти в лице Национального собрания Республики Беларусь, можем говорить о том, что хотя компетенция палат Парламента значительно сократилась, вместе с тем у обеих палат появились новые, не менее важные полномочия, что непременно станет отличным путем для совершенствования всей системы законодательства. Кроме того, тот факт, что депутаты Палаты представителей и члены Совета Республики будут делегатами ВНС – шаг вперед для построения еще более сильного демократического государства.

Хоменко Д. Э.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ АБОРТОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РЕСПУБЛИКЕ ПЕРУ

*Хоменко Дарья Эдвардовна, студентка 3 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
daryaakhomenko@yandex.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Сеницына А. М.

Аборт – это прекращение беременности искусственным путем в установленном законодательством порядке, осуществляющееся в специальных учреждениях, получивших разрешение на осуществление такой деятельности.

Право на осуществление аборта урегулировано ст. 27 Закона Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-ХІІ «О здравоохранении».

В соответствии со ст. 32 Конституции Республики Беларусь материнство, отцовство и детство находятся под защитой государства, а упомянутый Закон гарантирует право на защиту материнства, предоставляя женщине право самостоятельно решать вопрос о материнстве.

В Республике Беларусь в соответствии со ст. 27 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении» выделяют три группы оснований для прерывания беременности:

1) по желанию женщины без обоснования причин, когда проведение аборта разрешено на сроке до 12 недель беременности и согласия женщины;

2) при наличии медицинских показаний, перечень которых является открытым и устанавливается Министерством здравоохранения, и согласия женщины, независимо от срока беременности в государственных организациях здравоохранения.

3) при наличии желания и согласия женщины и социальных показаний, которые устанавливаются Советом Министров Республики Беларусь при сроке не более 22 недель в государственных организациях здравоохранения.

Стоит отметить, что постановление Совета Министров Республики Беларусь от 5 июля 2002 г. № 902 «Об утверждении перечня социальных показаний для искусственного прерывания беременности» содержало 10 критериев, которые могли стать основанием для производства аборта, однако данное постановление утратило силу, и сегодня действует постановление Совета Министров Республики Беларусь от 23 октября 2008 г.

№ 1580, которое выделяет лишь два социальных показателя: наличие решения суда о лишении родительских прав; беременность, наступившая в результате изнасилования. Сокращение списка социальных показаний может быть связано с тем, что аборт производится на довольно поздних сроках, что влечет угрозу для здоровья женщины, а также часто сопровождается значительными осложнениями.

Уголовная ответственность в соответствии со ст. 156 Уголовного кодекса Республики Беларусь предусмотрена за незаконное производство аборта как лицами, имеющими высшее образование по профилю образования «Здравоохранение», так и не имеющими такого образования.

Вопросы производства аборта в Республике Перу решаются в соответствии с Постановлением Министерства здравоохранения Республики Перу № 486-2014 «Национальное техническое руководство по стандартизации процедуры ухода за беременной женщиной при добровольном прерывании беременности по терапевтическим показаниям на сроке до 22 недель с информированного согласия в соответствии с положениями ст. 19 Уголовного кодекса Республики Перу». Согласно ст. 119 Уголовного кодекса «аборт, произведенный врачом с согласия беременной женщины или ее законного представителя, если таковой имеется, не подлежит наказанию, если является единственным средством спасти жизнь беременной или предотвратить серьезное или необратимое ухудшение ее здоровья». Женщина должна быть надлежащим образом проинформирована о возможных последствиях, а также дать свое добровольное информированное согласие на проведение данной процедуры в форме, установленной законодательством. Часть 2 ст. 6.1 вышеназванного Постановления содержит перечень терапевтических показаний, когда может производиться искусственное прерывание беременности. Согласно п. 11 ч. 2 ст. 6.1 Постановления перечень медицинских показаний является открытым.

В иных случаях производство аборта запрещено и влечет за собой уголовную ответственность в соответствии с Уголовным кодексом Республики Перу (например, самостоятельный аборт (ст. 114); аборт без согласия (ст. 116); преднамеренный аборт (ст. 118)).

В Республике Перу имело место дело, касающееся нарушения государством права на легальный аборт по медицинским показаниям. В 2005 г. Комитет ООН по правам человека вынес решение в пользу 17-летней девушки, которая была вынуждена выносить беременность с нарушением развития плода, несовместимым с жизнью, установив, что отказ в доступе к легальным абортам нарушает права человека – женщин. Дело «K.L. vs Peru» было возбуждено Центром по репродуктивным правам в партнерстве с Латиноамериканским и Карибским комитетом по защите прав женщин (CLADEM) и Консультационным центром по защите прав женщин (DEMUS).

Это дело стало первым случаем, когда международный орган по правам человека привлек правительство к ответственности за неспособность обеспечить доступ к услугам по легальному прерыванию беременности.

Исходя из анализа норм об искусственном прерывании беременности в Республике Беларусь и Республике Перу, следует отметить: производство аборта без обоснования причин, по медицинским показаниям или при наличии социальных критериев, как это установлено в Республике Беларусь, способствует снижению смертности женщин вследствие производства подпольных абортов, так как аборт в государственных медицинских учреждениях обеспечивает безопасность проведения данной процедуры. Отсутствие уголовной ответственности за аборт в Республике Беларусь гарантирует право женщин на свободное, самостоятельное распоряжение своим телом, право на здоровье, репродуктивные права, а также право на самостоятельное решение вопросов материнства.

Что касается Республики Перу, то здесь стоит говорить о том, что государству необходимо пересмотреть и усовершенствовать законодательство в сфере репродуктивных прав, например, декриминализовать некоторые преступления, предусмотренные статьями Уголовного кодекса, касающиеся абортов, а также рассмотреть вариант производства абортов не только по терапевтическим показаниям, но и по социальным критериям (например, при лишении родительских прав, в случаях изнасилования).

Шимчук Ю. В.

СУДЕБНАЯ ОШИБКА КАК ОСНОВНОЙ АРГУМЕНТ ЗА ОТМЕНУ СМЕРТНОЙ КАЗНИ

Шимчук Юлия Васильевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, yshimchuk@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Кондратович Н. М.

Дискуссии о смертной казни ведутся во всем мире, особенно в тех странах, где она отменена или практически не применяется. Такое вполне объяснимо, поскольку это одна из наиболее острых моральных проблем.

Смертная казнь как мера наказания, свойственная историко-правовому развитию всех государств, всегда вызывала немалый интерес у представителей власти, ученых и общества в целом.

В действительности, смертная казнь – это приговор, который не может быть изменен после его исполнения. Судья, вынесший его, несет ответственность не только за объективное и полное вынесение приговора, но также за его последствие в случае признания его ошибочным.

Поскольку вопрос применения смертной казни или ее отмены является дискуссионным, многие ученые, политики, а также общественные деятели высказывают разные аргументы:

- за отмену смертной казни (возможность судебной ошибки; отсутствие борьбы с причиной; противоречие международным нормам и т. д.);
- против отмены смертной казни (защита общества; сдерживающее воздействие; экономическая невыгодность пожизненного заключения).

В данной работе будет рассмотрен аргумент, который выступает в поддержку отмены смертной казни: возможность судебной ошибки при вынесении смертельного приговора.

Судебная ошибка – это заблуждение, отсутствие достоверных данных, неправильное соотношение действий лица с правовыми нормами. Возможность судебных ошибок – один из самых убеждающих аргументов в отмену смертной казни. Исходя из неотвратимости последствий, судебная ошибка должны быть сведена к минимуму, а в идеале – отсутствовать в целом. На практике известно немало случаев, когда оправдывают преступника или осуждают абсолютно невинного человека. Некоторые из преступников провели в тюрьме по несколько десятилетий, некоторых – признали невинными посмертно. Также нельзя исключать тот факт, что часть казней привели в исполнение без должных доказательств вины.

Отметим, что судебная ошибка является результатом неправильной деятельности суда в связи с неверным восприятием, анализом и воспроизведением норм закона, отступлением от принципов правосудия, чрезмерной дифференциации судебной системы и законодательства. Однако несмотря на возможную ошибку трактовки законодательства, нельзя отменять человеческий фактор, который является неотъемлемой частью правоприменительной системы в целом.

Конституционный Суд Республики Беларусь указывает на то, что невозможно полностью исключить ошибки при решении вопроса о применении смертной казни в случае признания лица виновным в совершении преступления. Отметим, что в истории Беларуси, в частности на территории БССР, такие примеры были.

Одним из государств, в котором ошибочное решение судов о назначении наказания в виде смертной казни всегда актуально для обсуждения, является США. Средства массовой информации часто публикуют мнения по этому поводу судей, адвокатов, высокопоставленных чиновников, общественных активистов, пострадавших и осужденных. Причем даже лица, являющиеся сторонниками смертной казни, признают необходимость пересмотра условий назначения данной меры наказания, чтобы решения принимались справедливо и гуманно, насколько это возможно.

Некоторых может удивить фраза «справедливо и гуманно» в отношении смертной казни, однако следует учитывать, что деяния, совершенные лицом, которое приговорено к смертной казни, сами по себе негуманны, опасны и жестоки. Следовательно, если не применять смертную казнь, то на негуманный преступный акт будет отвечать наказание, которое ему не соответствует, и это является несправедливым.

Таким образом, один из главных аргументов в пользу отмены смертной казни – судебная ошибка. Данный вопрос волнует не только законодателей, а также общественных деятелей, политиков и общество в целом. Дискуссии ведутся на протяжении многих лет и в некоторых странах это является серьезной причиной для исключения смертной казни из списка наказания. На практике судебная ошибка имеется не только при назначении смертной

казни, а также и ином виде наказания, однако проблема судебной ошибки при назначении смертной казни в том, что ее уже не исправить. Во избежание судебных ошибок судам необходимо тщательно, более детально рассматривать доказательства совершенного преступления, а также на протяжении длительного времени и с учетом всех обстоятельств совершенного деяния, чтобы не допустить наказания лица, невиновного в совершении преступления.

Штрапов Д. А.

ВЫСШИЙ СУДЕБНЫЙ СОВЕТ КАК ГАРАНТ НЕЗАВИСИМОСТИ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ

Штрапов Данила Александрович, студент 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, danila.shtrapov@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Масловская Т. С.

«О государстве лучше всего судить по тому, как в нем судят» – эти слова польского писателя прошлого столетия Станислава Ежи Леца не теряют актуальности и в наши дни. Действительно, если государство обеспечивает осуществление справедливого правосудия, это можно считать первой предпосылкой к установлению правопорядка. В обратном же случае, когда судебная власть подчинена иным ветвям власти или другим внешним факторам, государство нельзя признать ни правовым, ни демократическим.

Первое прилагательное, ассоциирующееся с судом – независимый. Именно независимость является главным свойством суда, без которого невозможно говорить о справедливом правосудии. Как указывает в одном из своих заключений Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека, независимость предполагает, что судебная система и отдельные судьи должны иметь возможность выполнять свои профессиональные обязанности, не подвергаясь влиянию или опасаясь произвольных дисциплинарных расследований и (или) санкций со стороны исполнительной или законодательной власти, либо других внешних субъектов.

Важность обеспечения независимости суда обуславливает повышенное внимание данной теме со стороны государства, международных организаций и научных исследователей. Помимо конституционно-правовых (неприкосновенность, несменяемость и т. п.) и социальных (достойный уровень заработной платы, отпуска), можно также выделить организационно-правовые гарантии независимости судей, к которым относится разрешение вопросов назначения судей, продвижения их по службе, дисциплинарной ответственности, освобождения от должности и др.

В зарубежной практике существует несколько подходов к решению перечисленных вопросов. Одной из популярных мер является создание специализированного органа, отвечающего за обеспечение независимости судебного корпуса. В разных странах он называется по-разному – Высший Судебный совет, Высший совет магистратуры, но функции у всех схожи.

Так, Всеполюский судебный совет рассматривает кандидатуры на судебские должности и представляет их Президенту Республики, рассматривает вопросы судебной этики, высказывается о проектах нормативных правовых актов, касающихся судов, дает рекомендации по программам стажировки, экзаменов для кандидатов на судебские должности. В компетенцию Высшего судебного совета Болгарии входят полномочия назначать, повышать, понижать, перемещать и освобождать от должности судей, прокуроров и следователей, предлагать Президенту Республики кандидатуры на должности некоторых высших должностных лиц. Высший совет магистратуры Французской Республики участвует в назначении судей, рассматривает дела об их дисциплинарных проступках. Нередко на указанные органы возлагается функция разработки отдельного бюджета для судебной власти, что повышает финансовую независимость судебных органов.

Стоит отметить, что не во всех зарубежных государствах существует институт судебного совета. Например, в Германии судьи федеральных судов назначаются на свои должности Президентом, чему предшествует решение соответствующего министерства. В США функции отбора кандидатов в судьи осуществляются Министерством юстиции. Китайская модель правосудия также предусматривает, что управление судебной системой осуществляется Министерством юстиции.

В Республике Беларусь также нет единого органа, который бы ведал назначением (освобождением от должности) судей, их аттестацией и дисциплинарной ответственностью. Законодательством перечисленные функции распределены между Президентом Республики Беларусь, Председателем Верховного Суда Республики Беларусь и квалификационными коллегиями судей – Высшей квалификационной коллегией судей Верховного Суда Республики Беларусь и квалификационными коллегиями судей областных (Минского городского) судов и экономических судов областей (города Минска). Думается, что рассмотрение возможности унификации указанных функций в одном органе власти является вполне допустимым, тем более что это подтверждается мнениями авторитетных белорусских ученых. Так, профессор В. Н. Бибило считает, что функции привлечения судей к дисциплинарной ответственности можно изъять у квалификационных коллегий и передать, например, единой Дисциплинарной коллегии при Республиканском совете судей.

Таким образом, независимость суда – его главное свойство и основополагающий принцип, на котором должно базироваться все построение судебной системы развитого правового государства. Подходы к обеспечению независимости судебного корпуса в зарубежной практике различны, но одной из популярнейших моделей является создание специализированного органа – судебного совета, отвечающего за назначение судей, их продвижение по службе и увольнение, аттестацию и привлечение к ответственности. Белорусским правоведам стоит присмотреться к этой системе, выделить ее позитивные и негативные черты с целью дальнейшего совершенствования отечественной системы правосудия.

Юневич В. С.
ВСЕБЕЛОРУССКОЕ НАРОДНОЕ СОБРАНИЕ
И ПРИНЦИП РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ

*Юневич Варвара Сергеевна, учащаяся 2 курса Юридического колледжа
Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
junevich21@gmail.com*

Научный руководитель: преподаватель Балищевич-Рында Л. Н.

В результате конституционной реформы 2022 г. в Беларуси был учрежден новый государственный орган власти – Всебелорусское народное собрание (ВНС). Это уникальный специфический орган, прямых аналогов которому нет в других политических системах. Важно отметить, что до 27 февраля 2022 г. ВНС собиралось как всенародный форум раз в 5 лет по инициативе Президента Республики Беларусь для обсуждения проектов, идей, положений, касающихся основных направлений развития внутренней политики государства. Согласно ст. 89¹ Конституции Республики Беларусь Всебелорусское народное собрание является высшим представительным органом народовластия Республики Беларусь, который должен определять стратегические направления развития общества и государства, обеспечивать незыблемость конституционного строя, преемственность поколений и гражданское согласие.

В настоящее время законопроект о ВНС вынесен на общественное обсуждение. Анализ комментариев на Правовом форуме Беларуси показывает, что основным вопросом, который волнует граждан, является определение места ВНС в системе существующих органов власти, созданных на основе принципа разделения властей и, по мнению многих, эффективно функционирующих без нового государственного органа.

Принцип разделения властей предполагает рассредоточение государственной власти между ее ветвями, наличие системы сдержек и противовесов, с помощью которых каждая ветвь власти может ограничивать другие. В то же время существует взаимодействие властей, единство государственного механизма. Данный принцип по-прежнему закреплён в ст. 6 Конституции Республики Беларусь, несмотря на то, что новый государственный орган в чистом виде нельзя отнести ни к одной из ветвей власти.

Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко ранее заявил, что ВНС должно стать опорой и для народа, и для власти. Говоря о месте ВНС и принципе разделения властей, Глава государства отметил, что Всебелорусское народное собрание не будет пересекать какие-то полномочия Президента, парламента, судебной власти, мешать им работать, а должно заниматься своими вопросами – теми, которые не будут входить в компетенцию других органов власти, «оно наверху, как народное вече...».

Политолог А. Беляев говорит, что ВНС – это паритетное представительство разных ветвей власти. По мнению председателя

Белорусского профсоюза работников здравоохранения В. Шило, ВНС призвано обеспечить баланс между всеми ветвями власти. Депутат Палаты представителей И. Хлобукин считает, что новый представительный орган усилит представительские функции местных советов и позволит парламенту сильнее и предметнее сосредоточиться на законотворческой деятельности, усилит законодательную вертикаль.

Проанализировав полномочия ВНС, закрепленные в ст. 89³ Конституции Республики Беларусь и главе 3 законопроекта «О Всебелорусском народном собрании», можно сделать следующие выводы:

- в сфере законодательной ветви власти у ВНС есть полномочия утверждения основных направлений развития внутренней и внешней политики государства, право законодательной инициативы;

- в сфере исполнительной ветви власти ВНС осуществляет заслушивание предложений высших должностных лиц (Президента Республики Беларусь, Премьер-министра Республики Беларусь), касающихся направлений развития социально-экономического развития Республики Беларусь, принятие по предложению Президента решений о возможности направления военнослужащих за пределы Республики Беларусь для участия в обеспечении коллективной безопасности и др.;

- в сфере судебной ветви власти ВНС назначает на должность Председателя и судей Конституционного Суда Республики Беларусь, вправе рассматривать вопрос о легитимности выборов.

Таким образом, у ВНС, помимо своей исключительной компетенции, есть различные рычаги влияния на все ветви власти, сдерживания их, т. е. посредством нового органа во многом будет осуществляться система сдержек и противовесов органов законодательной, исполнительной и судебной власти, а также отчасти в отношении Президента. Можно предположить, что в системе высших органов власти, основанной на принципе разделения властей, Всебелорусское народное собрание занимает особое место: оно является весомым дополнением в структуре органов власти и управления. ВНС призвано укрепить единый государственный механизм управления. Предполагается, что ВНС должно стать олицетворением взаимодействия всех ветвей власти и показать эффективность их совместной деятельности в процессе согласования решений по вопросам, касающимся дальнейшего развития Республики Беларусь.

ПРАВО ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Вавило К. В.

ПРАВО ЧЕЛОВЕКА НА ЗДОРОВЬЕ: ОСОБЕННОСТИ СОДЕРЖАНИЯ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

*Вавило Карина Владимировна, студентка 2 курса Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой,
г. Новополоцк, Беларусь, vavilokarina@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Шахновская И. В.

Право человека на здоровье и его реализация является основой для осуществления других его прав. Впервые право на здоровье было закреплено во Всеобщей декларации прав человека в 1948 г. Пункт 1 ст. 25 Всеобщей декларации прав человека устанавливает: «Каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи...».

Более обширное толкование этого права содержит ч.1 ст.12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.: «Участвующие в настоящем Пакте государства признают право каждого человека на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья». Пакт содержит фундаментальные положения о защите права на здоровье в соответствии с международными правовыми стандартами и предполагает осуществление этого права в государствах, ратифицировавших его.

Конституция Республики Беларусь и другие нормативные правовые акты не содержат явного определения термина «право на здоровье», поэтому обоснованно подходить к этому термину в широком смысле, ссылаясь на международное законодательство.

В литературе, посвященной правам человека и законам о здоровье, чаще всего используются три выражения: «право на здоровье», «право на уход за здоровьем» и «право на охрану здоровья».

К примеру, Роскэм Эббинг считал, что термин «право на уход за здоровьем» является более реалистичным: «Было бы более реалистичным сформулировать это право как право на уход за здоровьем. <...> В отличие от права на здоровье, право на уход за здоровьем может быть справедливо востребовано человеком, так как существует законная обязанность государства оказывать ему медицинскую помощь».

Отметим, что право на здоровье относится к категории личных прав, данных человеку от рождения, однако обеспечением этого здоровья занимаются различные структуры общества, созданные человеком для охраны его здоровья.

А вот к термину «право на охрану здоровья» ученые подходят с точки зрения системного метода, который способствует более полному и

взаимосвязанному изучению. В частности, учеными отмечается, что данное право содержит в себе следующие компоненты: право на благоприятные условия жизнедеятельности, оказывающие непосредственное влияние на состояние здоровья человека, право на качественную медицинскую помощь в необходимом объеме, установленном программой государственных гарантий. Следует отметить, что в конституционном праве еще давно было определено закрепление права на охрану здоровья. Так, в Основном законе Веймарской Республики от 11 августа 1919 г. в ст. 161 регламентируется институт страхования как средство охраны здоровья.

Право на охрану здоровья относится к категории прав второго поколения. Его обеспечение – это обязанность со стороны государства. Охрана здоровья обеспечивается государством вне зависимости от пола, этнического происхождения, возраста, социального положения, политических убеждений, отношения к конфессиям и др.

Конституцией Республики Беларусь определено, что «гражданам Республики Беларусь гарантируется право на охрану здоровья, включая бесплатное лечение за счет государственных средств в порядке, установленном законом. Граждане заботятся о сохранении собственного здоровья» (ч. 1 ст. 45).

При толковании данной нормы напрашивается умозаключение, что граждане не только имеют право на охрану здоровья, но и самостоятельно его осуществляют, заботясь о собственном состоянии организма, при этом частично снимается ответственность со стороны государства. Каждый гражданин Республики Беларусь обязан беспокоиться о сохранении своего здоровья. Считаем, что принятие таковой части нормы обусловлено тяжелой эпидемиологической обстановкой в Республике Беларусь на 2022 год – коронавирусом тяжелого острого респираторного синдрома-2 (SARS-CoV-2).

В Законе Республики Беларусь «О здравоохранении» определено, что здоровье – состояние полного физического, духовного и социального благополучия человека, а не только отсутствие заболеваний.

Помимо этого, закрепляются принципы правового регулирования в области здравоохранения, заключающегося в проведении государственной политики в этой области, устанавливаются правомочия как граждан Республики Беларусь, так и иностранных граждан и лиц без гражданства, определение организации и видов медицинской помощи, формы и условия оказания медицинской помощи.

Таким образом, право на здоровье регламентировано на уровне международных правовых актов. В то же время национальное белорусское законодательство содержит положения об охране здоровья и создании условий для его реализации со стороны государства. При этом право на здоровье относится к категории личных прав человека, а право на охрану здоровья – уже ко второму поколению прав и свобод.

Гончар Н. А.
ЭВТАНАЗИЯ ДЕТЕЙ: ЗА И ПРОТИВ

Гончар Наталья Анатольевна, студентка 1 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, goncar2005@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Киселёва Т. М.

Термин эвтаназия (от греч. εὖ – хорошо и θάνατος – смерть) означает процедуру прекращения жизни человека с помощью введения в организм определенного препарата. Она применяется в отношении лиц в случае, когда лечение становится бесполезным (неизлечимая болезнь) и (или) когда человек испытывает сильные физические и моральные страдания.

Легализация эвтаназии вызывает большое число споров в современном мире. Это связано с тем, что само определение эвтаназии нарушает моральные и религиозные устои. С точки зрения общественной морали эвтаназия посягает на самое высшее благо, что есть у человека, – это его жизнь, поэтому никто не вправе ей распоряжаться, решая кому можно умереть, а кому нельзя. Что касается религии, то все они в той или иной форме запрещают самовольное прекращение своего существования. Их основная мысль заключается в том, что жизнь – это дар Бога, и только он вправе отнять ее.

На данный момент эвтаназия разрешена в Бельгии, Люксембурге, Нидерландах, Канаде, Колумбии, Испании, Новой Зеландии и в нескольких штатах Австралии. Во всех этих странах закреплено применение эвтаназии по отношению к совершеннолетним, но только в двух из них – Нидерландах и Бельгии – возможна эвтаназия детей. В 2005 г. Нидерланды разрешили применение эвтаназии для младенцев с неизлечимой болезнью, а также детей старше 12 лет. На данный момент в Нидерландах рассматривается возможность введения эвтаназии в отношении детей в возрасте от 1 года до 12 лет. В 2014 г. Бельгия внесла коррективы в свой Закон об эвтаназии 2002 г., которые распространили права на эвтаназию на несовершеннолетних, при этом минимальный возраст пациентов не ограничивается.

Сам вопрос о разрешении детской эвтаназии в отношении несовершеннолетних вызывает еще больше критики и обсуждений по сравнению с эвтаназией в отношении взрослых. Многие считают ее недопустимой по ряду причин, которые во многом совпадают с теми, что приводятся в качестве аргументов против взрослой эвтаназии. В основном они основаны на том, что дети не всегда могут осознанно принимать решения и судить, что для них лучше. Также в качестве аргумента приводят весомость самого права по сравнению с другими правами несовершеннолетних: им запрещено голосовать, они ограничены в ряде прав, но, судя по закону, уже могут принять такое важное и осознанное решение, как смерть или продолжение жизни, которое является затруднительным для большинства взрослых. Следующая причина неразрывно связана с

психологией ребенка и в большей степени касается его родных. С их стороны может оказываться давление на несовершеннолетних, вынуждая их принять решение об эвтаназии с целью улучшения своих финансовых и эмоциональных потребностей, а больной, желая уменьшить родительское волнение или удовлетворить их ожидания, согласиться. Если решение об эвтаназии будут принимать родители, то могут возникать сомнения в учете интересов ребенка, особенно если он в силу возраста не может охарактеризовать свое состояние, определить уровень страданий и т. д.

Таким образом, можно сделать вывод о значении как взрослой эвтаназии, так и детской в целом. Она противоречит общественным и религиозным устоям, складывающимся на протяжении столетий, но с другой стороны, является актом гуманизма, облегчающего страдания больного и его родственников, поэтому ответить, когда наступит момент полного согласия в этом вопросе невозможно. Остается только уважать мнение друг друга.

Демко П. А.

ЗАБОТА О СОХРАНЕНИИ СОБСТВЕННОГО ЗДОРОВЬЯ КАК КОНСТИТУЦИОННАЯ ОБЯЗАННОСТЬ

*Демко Полина Александровна, учащаяся 2 курса Юридического колледжа
Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
polina.demko06@gmail.com*

Научный руководитель: преподаватель Балицевич-Рында Л. Н.

Внесение изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь 27 февраля 2022 г. повлекло за собой множество перемен в жизни общества и государства. Некоторые из них касаются конституционно-правового статуса личности. Особенно актуальной и в то же время не совсем привычной для Беларуси нам представляется норма, закрепленная в ч. 1 ст. 45 Конституции Республики Беларусь: «Граждане заботятся о сохранении собственного здоровья». До включения этой нормы в Конституцию Республики Беларусь вопросам здоровья человека была посвящена ст. 45, которая гарантировала право граждан на охрану здоровья непосредственно силами государства. В ст. 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. также указываются только меры, принимаемые государством для полного осуществления права на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья человека.

Правовое определение понятия здоровье дано в ст. 1 Закона Республики Беларусь № 2435-ХІІ «О здравоохранении», согласно которому «здоровье – состояние полного физического, духовного и социального благополучия человека, а не только отсутствие заболеваний». Соответственно, само определение понятия «здоровье» указывает на непосредственное участие человека в сохранении или приобретении собственного здоровья.

Полагаем, основными предпосылками возникновения необходимости закрепить в Конституции обязанность граждан заботиться о сохранении собственного здоровья стало ухудшение эпидемиологической ситуации в

стране и, как следствие, затруднения в сохранении общественного здоровья без участия каждого отдельного гражданина в охране собственного здоровья, беспечное отношение многих людей к возможным угрозам и их негативным последствиям для своего здоровья, слабое стремление многих граждан сохранить собственное здоровье, получить знания и навыки о профилактике болезней, недостаточный уровень ответственности у некоторых членов общества за сохранение здоровья, наличие заболеваний, причиной распространения которых является поведение самого человека и главное – слабое проявление взаимной социальной ответственности граждан в отношениях с обществом и государством.

Следует отметить, что обязанность человека (в данном случае пациента) заботиться о сохранении собственного здоровья уже была закреплена в актах законодательства Республики Беларусь, в частности в ст. 42 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении», однако статус конституционной данная норма обрела только в 2022 г. На наш взгляд, формулировка ч. 1 ст. 45 Конституции «граждане заботятся о сохранении собственного здоровья» позволяет расценивать ее как новую конституционную обязанность граждан Республики Беларусь. При этом в законодательстве Республики Беларусь пока не предусматривается ответственность граждан за невыполнение данной обязанности.

Заместитель главы Администрации Президента Республики Беларусь, профессор О. И. Чуприс внесла определенную ясность в понимание новой конституционной нормы, объяснив, что она смягчена лишь для предупреждения ответственности граждан в случае нарушения нормы. Однако многие представители органов государственной власти в своих выступлениях придерживаются позиции о принадлежности данной нормы к обязывающим нормам.

Главный врач Столинской центральной районной больницы В. Мойсюк в интервью корреспонденту БЕЛТА отметил, что обязанность заботиться о сохранении собственного здоровья подразумевает ответственность за состояние своего здоровья и окружающих людей¹. А обязанность заботиться о сохранении здоровья окружающих закреплена в актах законодательства Республики Беларусь, например, в гл. 19 Уголовного кодекса Республики Беларусь.

Несмотря на то, что конституционная норма, касающаяся обязанности граждан заботиться о сохранении собственного здоровья очень современна и актуальна, содержание данной конституционной обязанности и механизм ее реализации пока остается неясным и вызывает много вопросов как у граждан, так и у медицинских работников. Представляется целесообразным разработку и принятие отдельного закона в развитие данной конституционной нормы, а также совершенствование законодательства в области обеспечения государством социальной поддержки граждан.

¹ Виктор Мойсюк: обязанность заботиться о своем здоровье подразумевает ответственное отношение и к другим людям [Электронный ресурс]. URL : <https://polese.by/novosti/raznoe/viktor-mojsjuk-objazannost-zabotitsja-o-svoem-zdorove-podrazumevaet-otvetstvennoe-otnoshenie-i-k-drugim-ljudjam/> (дата обращения: 11.04.2023).

Зубель Д. Ю.
ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ
В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19 В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ
И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Зубель Диана Юрьевна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, dianka.zubel@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Сеницына А. М.

Право на образование является одним из основополагающих социально-культурных прав человека, которое закреплено как в ряде фундаментальных международных правовых актов (Всеобщая декларация прав человека; Пакт об экономических, социальных и культурных правах; Конвенция о правах ребенка и т. д.), так и в конституциях государств, в том числе в ст. 49 Конституции Республики Беларусь. Тем не менее к середине апреля 2020 г. 94 % учащихся, т. е. 1,58 млрд детей и молодых людей (от дошкольников до студентов высших учебных заведений), в 200 странах мира были вынуждены прекратить обучение в попытке замедлить распространение коронавируса. Несмотря на распространение коронавируса, школы в некоторых странах вновь открылись для очного обучения или открылись для некоторых учащихся, в других школах в это время обучение в большей или меньшей степени осуществлялось онлайн или иным образом дистанционно. Страны оказались не готовы к переходу на цифровое дистанционное обучение, использовавшееся для обеспечения непрерывности образования в подавляющем большинстве стран, и столкнулись с большими трудностями.

Например, 43 % всех учащихся не имеют домашнего интернета. В Португалии у почти 20 % школьников не оказалось дома компьютеров и выхода в сеть. Почтальоны приносили детям распечатанные задания и передавали учителям выполненные уроки. В Великобритании родители обращались в суды с массовыми жалобами на правительство, не обеспечившее детей планшетами и компьютерами для обучения, а в Нидерландах компьютерами и интернетом обеспечивали всех детей, которые в этом нуждались. Кроме того, оказалось, что далеко не все учителя умеют работать в удаленном режиме. В Европе 16 % учителей отмечают высокую потребность в профессиональном развитии по использованию информационных технологий в дистанционном обучении. Но следует отметить, что, несмотря на трудности, дистанционная форма обучения – наилучший выход в ситуации пандемии, и страны, которые смогли оперативно обеспечить переход на данную форму обучения, понесли наименьшие потери. Так, в большинстве стран СНГ, Индии и ряде других стран школы вовсе закрывались на досрочные продолжительные каникулы, фактически лишая учащихся их права на образование.

С такими проблемами столкнулась и Республика Беларусь. В отношении школ и университетов Министерство образования применяло разные подходы: если для школ те или иные меры вводились централизованными постановлениями и решениями, то для университетов таковые отсутствовали.

Основным централизованным документом в отношении сектора образования стали изданные Министерством здравоохранения методические рекомендации по организации образовательного процесса в учреждениях образования, позволявшие руководству учреждения образования с учетом его типа, имеющихся условий и особенностей режима разрабатывать и утверждать план противоэпидемических мероприятий.

Весной университеты осуществляли переход на дистанционное обучение согласно своим внутренним документам. Одним из первых в онлайн перешел Белорусский государственный университет. Некоторые учебные заведения комбинировали занятия онлайн и офлайн.

В школах применялись следующие меры: два раза продлевались каникулы; школьники, находящиеся на самоизоляции, были освобождены от выпускных экзаменов, прямой запрет на дистанционные занятия в средней школе, а также аттестацию с помощью дистанционных методов во всех учебных заведениях. Таким образом в апреле–мае 2022 г. 70 % родителей отметили, что их ребенок перестал ходить в школу, при том что 2/3 родителей уверены, что при необходимости их дети легко перешли бы на дистанционное обучение.

Переход на дистанционное обучение не носил всеобщего характера: часть учеников и студентов продолжали посещать занятия, подвергая риску заражения педагогов и контактирующих с ними людей, а контрольные мероприятия (зачеты, экзамены, защиты курсовых и т. д.) в вузах проходили и проходят в текущем учебном году только в очном формате.

Тем не менее важно отметить, что пандемия оказала некоторое положительное воздействие на нормативное регулирование данной сферы. Так 1 сентября 2022 г. в силу вступила новая редакция Кодекса Республики Беларусь «Об образовании», которая закрепила дистанционную форму получения образования наряду с иными формами. Было уточнено определение дистанционной формы образования, дистанционных образовательных технологий (далее – ДОТ). Закреплена и возможность использования ДОТ при реализации образовательных программ в любой форме получения образования. Несмотря на вышеперечисленные изменения, правовая регламентация дистанционной формы получения образования должна получить дальнейшее развитие в других законодательных актах: должно быть утверждено положение о дистанционной форме получения образования, должен быть регламентирован порядок и условия использования ДОТ, а также перечень специальностей, по которым не допускается получение образования в дистанционной форме.

Таким образом, системы образования по всему миру оказались не готовы к адаптации и быстрым гибким решениям, гарантирующим реализацию права на образование. Актуализировались проблемы неравенства возможностей при получении образования, низкого уровня цифровизации, пробелов в законодательстве в области регулирования вопроса дистанционного обучения. На данный момент в мире остро стоит проблема ликвидации образовательного разрыва, поэтому необходимо развивать системы, гарантирующие реализацию права на образование в чрезвычайных ситуациях, а также нормативное регулирование данных систем.

Кадыш О. С.

ПРАВО НА ИНФОРМАЦИЮ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ЭВОЛЮЦИЯ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

*Кадыш Ольга Сергеевна, студентка 2 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь, 0810oli.in@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Масловская Т. С.

Право на информацию является одним из важнейших конституционных прав в условиях современного демократического информационного общества. В Республике Беларусь оно закреплено в ст. 34 Конституции: «Гражданам Республики Беларусь гарантируется право на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации о деятельности государственных органов, о политической, экономической, культурной и международной жизни, состоянии окружающей среды».

Таким образом, «право на информацию» трактуется как право каждого свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Однако границы реализации таких терминов, как «свобода слова» и «право на информацию» были не всегда одинаковыми.

Одним из самых ярких примеров развития в данном вопросе является советский период.

В Конституциях СССР регулирование свободы слова, печати, право на информацию развивалось со временем. Например, Конституция СССР 1924 г. не содержала положений о свободе слова, печати, права на распространение и хранение информации. Однако уже в 1936 г. в ст. 125 новой Конституции была включена соответствующая норма:

«В соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя гражданам СССР гарантируется законом:

- а) свобода слова;
- б) свобода печати...»

Указанное положение упоминается и в Конституции СССР 1977 г. Так, согласно ст. 50 Конституции: «В соответствии с интересами народа и в целях укрепления и развития социалистического строя гражданам СССР гарантируются свободы: слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций».

Этот период часто и справедливо подвергался критике. Причиной было то, что данные положения не реализовывались на практике. Цензура контролировала все каналы распространения информации.

Функции контроля были возложены на специальные государственные учреждения. Были подконтрольны все внутренние официальные источники распространения информации, а также информация, поступающая извне: радио, телевидение, книги, периодические издания, кино, театр и др.

В период, примерно, с 1917 и до 1953 г. о соблюдении прав человека и думать не приходится: высылки, расстрел и иные санкции против деятелей искусства, науки, литературы, медицины и многих других.

После 1953 г. ситуация немного улучшилась, но наблюдались отклонения конституционного текста от практики. В советский период под запретом были многие художественные, музыкальные и научные произведения.

Право искать, получать и распространять информацию было крайне ограничено. Советская власть продолжала контролировать все информационные потоки в государстве. Гражданам выдавалась дозированная, чаще даже ложная информация о социально-политических событиях в стране и за рубежом.

Очень широко были распространены различного рода фальсификации.

В библиотеках Советского Союза существовали специальные отделы – «спецхран». Полное название звучало, как отдел специального хранения. Ввиду создания таких отделов выходит «Положение о спецхране в библиотеке». В отделах находились издания, ознакомление с которыми большого количества людей считалось нежелательным по идеологическим соображениям. Многие из этих источников относились к категории «Для служебного пользования» или «Секретно». Для просмотра книги из спецхрана требовалось специальное разрешение соответствующих органов.

Любая иностранная литература делилась на две категории: для общего пользования, к открытому распространению в магазины, библиотеки и т. д., и к закрытому для общего пользования. При этом закрытая категория подразделялась еще на четыре по уровню доступа.

Практически все архивы в СССР были закрыты.

Только в 1990 г. был принят «Закон о печати и других средствах массовой информации», согласно которому цензурование массовой информации не допускается.

Де-юре граждане обладали широким спектром прав, в частности Конституция СССР 1936 г. и Конституция СССР 1977 г. всем гражданам предоставляли равные права, а также содержали нормы, упомянутые ранее.

Де-факто многие из этих положений не соблюдались. Цензура в советский период носила тотальный и идеологический характер, а переписка подвергалась массовой перлюстрации. Сложилось тоталитарное государство. Основные права и интересы граждан провозглашались лишь формально. По некоторым мнениям и оценкам, действие законов было фактически сведено на нет.

Коротцова А. С.

РЕЛИГИОЗНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ СВОБОДЫ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ

Коротцова Ангелина Сергеевна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, angatogilev17@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Киселёва Т. М.

Постижение истин веры, изучение догм, приобщение к духу Церкви – то, что приходит на ум при упоминании такого образования, как религиозное. Это действительно так. Однако это лишь часть данной

деятельности, поскольку, несмотря на принцип светскости образования, в настоящее время явно существует потребность в наличии религиозного, что является мотивом для его динамики и полного функционирования.

Систему духовного образования составляют: духовные семинарии, духовные академии, аспирантуры и докторантуры, а также осуществляющие пастырскую подготовку подразделения в составе православных университетов или действующие при них. По данным Официального портала Белорусской православной церкви (РПЦ), в Беларуси действует 7 духовных учебных заведений: три училища, две семинарии, академия и институт теологии. Примечательно, что академия, семинарии и институт теологии являются высшими духовными учебными заведениями, тогда как духовные училища – средними. В отношении православных университетов установлено «регулярное участие студентов и преподавателей в богослужении и таинствах Церкви». По данным за 2012 г., при Белорусском Экзархате функционировали 654 воскресных религиозных школы, а за 2017 г. – 824.

Уровни религиозного образования следующие:

1. Высшее. Его связывают с «развитием богословия (теологии) и связанных с ним специализаций смежных наук». При определяющем участии Церкви разрабатываются образовательные программы: 1) программы высшего теологического образования на уровнях бакалавриата, магистратуры и аспирантуры; 2) программы высшего образования по истории, философии, филологии, искусствоведению, педагогике, архитектуре, иконописи, церковной музыке и прочим направлениям для уровней специалитета, бакалавриата, магистратуры и аспирантуры, включающие богословский компонент; 3) отдельные богословские дисциплины в составе программ высшего образования любой специальности и любого уровня. Их реализация происходит в образовательных организациях церковного подчинения (духовных академиях и семинариях, православных университетах и институтах, организациях дополнительного профессионального образования); государственных и негосударственных вузах, образовательных организациях дополнительного и среднего профессионального образования и иных, не находящихся в церковном подчинении.

2. Среднее профессиональное образование. Осуществляется подготовка регентов, иконописцев и других церковных специалистов. Деятельностью Церкви является «обеспечение возможности православного мировоззренческого выбора и духовно-нравственного воспитания». Реализация данной деятельности возможна посредством преподавания богословских дисциплин, православных воспитательных программ.

3. Общее образование. Именно этому уровню религиозного образования уделяется особое внимание со стороны Церкви. В пределах образовательных программ четырех уровней общего образования (дошкольного, начального, основного, среднего, дополнительного общего образования) в церковных, государственных, муниципальных и частных образовательных организациях по выбору законных представителей ребенка может быть включен православный компонент, содержащий мировоззренческую, воспитательную

и предметную составляющие, который может быть интегрирован в некоторые направления общего образования, такие как естественнонаучное, общегуманитарное, военнопатриотическое, этнокультурное.

Внимания заслуживает вопрос требований к абитуриентам духовных учебных заведений. Образовательная концепция РПЦ поясняет, что «подбор абитуриентов для духовных учебных заведений осуществляется на приходах и в монастырях». Так, обязательно предоставляется рекомендация настоятеля или архиерея, который знает «умонастроения абитуриента и может оценить серьезность его намерений и способности».

Православные образовательные организации осуществляют национальные государственные образовательные стандарты общего образования. Здесь православным компонентом выступает изучение вероучения и иных аспектов Православия, которое должно содержаться в образовательных программах общего образования. В них могут функционировать домовые храмы, которые позволяют обеспечить литургическую жизнь верующих преподавателей и учащихся.

Наличие православного дошкольного образования (яслей, детских садов (в том числе семейных), дошкольных групп в центрах непрерывного образования) Церковь находит приоритетным направлением, так как на этом этапе происходит первое знакомство ребенка с ценностями Православия.

Что касается воскресных школ, представлены два направления деятельности: 1) вероучительное; 2) дополнительное (комплекс дополнительных занятий, где направлениями являются культурно-просветительное, социальное, военносportивное, паломническое).

Крыльцова Д. А.

СТАТУС ЛИЦ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Крыльцова Диана Алексеевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, kryltsovad@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Киселёва Т. М.

По данным Всемирной организации здравоохранения примерно 10 % населения мира живет с той или иной формой инвалидности. Вместе с тем доступ к информационно-коммуникационным технологиям (далее – ИКТ) стал непременным условием повседневной жизни. В условиях цифровой трансформации важно обеспечить, чтобы люди с ограниченными возможностями не были исключены из цифрового пространства, так как цифровая изоляция означает сокращение возможностей трудоустройства, образования, социальных и политических возможностей, отсутствие доступа к конфиденциальной медицинской информации и общую неспособность полноценно участвовать во всех аспектах жизни общества.

В связи с этим встает вопрос: предоставляют ли ИКТ лицам с инвалидностью дополнительные возможности или же это приведет к еще большей социальной изоляции? Выступает ли цифровизация и ее последствия гарантией для прав данной группы лиц или же угрозой?

На первый взгляд может казаться, что процент активных пользователей ИКТ высок именно в данной социальной группе, поскольку ИКТ могут снизить барьеры, с которыми люди с ограниченными возможностями сталкиваются в повседневной жизни. Однако исследования демонстрируют противоположный результат. Так, по данным GSMA, существует значительный разрыв во владении мобильными телефонами и использованием интернетом среди лиц с ограниченными возможностями и лицами без инвалидности. Подключение к интернету стало более важным в условиях COVID-19. Зависимость мира от интернет-платформ для доступа к критически важной информации, услугам и возможностям никогда не была такой большой. Например, при переходе к онлайн-обучению детям-инвалидам, возможно, не хватало необходимой инфраструктуры ИКТ и адаптированных устройств, чтобы не отставать от уроков на дому.

Иными словами, для лиц с инвалидностью, которые активно используют ИКТ, цифровизация действительно является гарантией их прав и способом уменьшения тех барьеров, с которыми они сталкиваются в повседневности, в то же время для лиц с инвалидностью, не использующих ИКТ, цифровизация еще больше усугубляет их социальную изоляцию.

Важно отметить, что в ст. 4 Конвенции о правах инвалидов 2006 г. (далее – Конвенция) закреплено, что государства-участники обязуются способствовать наличию и использованию новых технологий, включая информационно-коммуникационные технологии, средств, облегчающих мобильность, устройств и ассистивных технологий, подходящих для инвалидов, с уделением первоочередного внимания недорогим технологиям. Согласно Конвенции государства-участники принимают также надлежащие меры к тому, чтобы поощрять доступ инвалидов к новым информационно-коммуникационным технологиям и системам, включая Интернет (ст. 9).

В Республике Беларусь недавно принят новый Закон, посвященный правовому положению лиц с инвалидностью, а именно Закон Республики Беларусь от 30 июня 2022 г. № 183-З «О правах инвалидов и их социальной интеграции» (далее – Закон). Согласно абз. 10 ч. 1 ст. 19 государственные программы в области обеспечения прав инвалидов и их социальной интеграции включают комплекс мероприятий по адаптации интернет-ресурсов, владельцами которых являются юридические лица, на которые возложены функции редакций телевизионных средств массовой информации, входящих в обязательный общедоступный пакет телепрограмм, а также сетевых изданий в части обеспечения информационной доступности для инвалидов. Закон закрепляет, что государство обеспечивает реализацию права инвалидов на получение общедоступной информации через официальные сайты государственных органов и организаций в глобальной компьютерной сети Интернет посредством использования версий (поддержания специальных технологий) для инвалидов с нарушениями зрения и совместимости сайтов с различными веб-браузерами (абз. 4 ч. 1 ст. 38). Несомненно, такой подход является гарантией прав лиц с инвалидностью в цифровой сфере, но только для тех, кто уже вовлечен в

цифровое пространство. По нашему мнению, данный подход чрезмерно узкий и не способствует реализации прав лиц с инвалидностью, которые не пользуются ИКТ. Необходимо внести изменения, а именно в ст. 5 Закона, где сформулированы основные принципы государственной политики в области обеспечения прав инвалидов, дополнив ее принципом цифровой интеграции, а также добавить ряд норм, направленных на реализацию данного принципа.

Таким образом, цифровизация может стать источником возможностей для людей с ограниченными возможностями как с точки зрения доступа к информации, так и повышения социальной интеграции. Однако, на наш взгляд, текущие стратегии, направленные на вовлечение этой группы населения в цифровое пространство, не в полной мере эффективны на национальном уровне. Поскольку значительную часть населения с ограниченными возможностями составляют пожилые люди, программы и курсы, улучшающие цифровые навыки в этих группах, также могут уменьшить цифровой разрыв среди людей с ограниченными возможностями. Кроме того, средства бюджета, выделяемые для работы с лицами с ограниченными возможностями, могут быть направлены на поддержку закупок компьютерного оборудования, возмещение расходов на доступ в Интернет и повышение квалификации в области ИКТ.

Лапунова К. С.

ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

Лапунова Каролина Сергеевна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, carllup@mail.ru

Научный руководитель: старший преподаватель Наумович Т. В.

Гендерное неравенство – одно из самых стойких форм неравенства в мире. Это является основной преградой для надлежащего функционирования общества, что негативно влияет на жизнь половины населения мира. Опираясь на Доклад о человеческом развитии 2020, Беларусь теряет 6,3 % человеческого развития из-за неравенства, которое проявляется в во многих областях жизни человека. Гендерное неравенство есть базис неравномерного распределения прогресса человеческого развития в развитии экономического потенциала Беларуси. Для надлежащего функционирования экономики Беларуси и повышения уровня человеческого развития Республика Беларусь должна придерживаться тех положительных тенденций, что заложены сейчас, по средствам проведения политики по искоренению гендерного неравенства.

Участие белорусской делегации в Четвертой всемирной конференции по положению женщин (Пекин) стало началом проведения гендерной политики в Беларуси. Данная конференция приняла глобальное обязательство по расширению прав и возможностей женщин в форме Пекинской декларации и Пекинской платформы действий. Беларусь сделала шаг вперед в направлениях, которые были обозначены в документе: в июне 1996 г. был

принят Национальный план действий по улучшению положения женщин на 1996–2000 годы. Положения плана получили развитие и конкретизацию в республиканской программе «Женщины Республики Беларусь», которая была одобрена Советом Министров в августе 1996 г. Было практически завершено формирование Национального механизма, реализующего государственную политику в отношении женщин, составным элементом которого является Национальный совет по гендерной политике при Совете Министров Республики Беларусь. Национальный совет по гендерной политике при Совете Министров Республики Беларусь, созданный в 2000 г. является координирующим органом по проведению в жизнь государственной политики по обеспечению гендерного равенства.

Основополагающим документом в республике, который направлен на обеспечение условий равного участия мужчин и женщин во всех сферах жизни является Национальный план действий по обеспечению гендерного равенства в Республике Беларусь на 2011–2015 годы. Документ был утвержден 16 августа 2011 г. постановлением Совета Министров Республики Беларусь. Национальный план охватывает следующие области: обеспечение равных прав в социально-экономической сфере; обеспечение равного доступа к социальной защите и здравоохранению; развитие системы гендерного образования; информационное сопровождение мер, направленных на обеспечение гендерного равенства; гендерная статистика и научное обеспечение и др.

Говоря о предотвращении гендерного неравенства в Республике Беларусь, стоит упомянуть Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, являющуюся единственным комплексным международным документом универсального характера, обязывающим государства гарантировать соблюдение прав женщин и бороться с дискриминацией в отношении женщин во всех сферах жизни. Конвенция была принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 18 декабря 1979 г., а на территории БССР начала действовать с 3 сентября 1981 г. и не утратила свою силу после обретения независимости. Начиная с 2000 г. Республика Беларусь представляет Периодические доклады в соответствии со ст. 18 Конвенции. В 2004 г. был представлен национальный сводный четвертый, пятый, шестой периодический доклад Беларуси. В 2009 г. – седьмой периодический доклад.

По сей день Республика Беларусь принимает участие в предотвращении гендерного неравенства, в частности в 2021 г. ПРООН начинает новую страновую программу развития для Беларуси. ПРООН продолжает работу с партнерами из правительства, организациями гражданского общества, академическим сообществом и частным сектором по сокращению неравенства и дискриминации в отношении женщин, укреплению роли женщин в нетрадиционных секторах, расширению экономических возможностей женщин и поощрению их участия в процессе принятия решений.

Лемешева М. О.

ПРАВО НА ЮРИДИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ: ОСОБЕННОСТИ КОНСТИТУЦИОННОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

*Лемешева Мария Олеговна, студентка 4 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
mlemta9801@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Масловская Т. С.

Для обеспечения правового статуса личности важную роль играет закрепление на конституционном уровне группы прав по защите других прав и свобод. Среди них выделяют право на получение квалифицированной юридической помощи. Возможность получения квалифицированной юридической помощи является одним из основополагающих прав человека и гражданина и одновременно важнейшей гарантией соблюдения целого ряда иных прав и свобод.

Конституция Республики Беларусь (далее – Конституция Беларуси) и Конституция Республики Казахстан (далее – Конституция РК) основываются на концепции принадлежности права на получение юридической помощи каждому человеку и гражданину (ст. 62 Конституции Беларуси и ст. 13 Конституции РК).

В Конституции Беларуси в ст. 62 указываются основные составляющие права на юридическую помощь: субъекты осуществления юридической помощи; возможность получения каждой юридической помощи не только в процессе судопроизводства; гарантированность оказания помощи за счет государственных средств в случаях, предусмотренных законом; запрет противодействия оказанию юридической помощи.

При этом предмет оказания юридической помощи обозначен посредством уточнения конкретных субъектов ее оказания – адвокатов и других представителей, помощью которых можно пользоваться в суде, иных государственных органах, других организациях и в отношениях с должностными лицами и гражданами. Соответственно, в Основном Законе Республики Беларусь провозглашаемое право раскрыто достаточно подробно.

В конституционной норме п. 3 ст. 13 Конституции РК содержатся одновременно субъективное конституционное право каждого человека на получение квалифицированной юридической помощи, в том числе бесплатной, и конституционная гарантия получения каждой такой помощи со стороны государства: «Каждый имеет право на получение квалифицированной юридической помощи. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно».

Право на получение квалифицированной юридической помощи, закрепленное в п. 3 ст. 13 Конституции РК, предполагает возможность

каждого лица при совершении им юридически значимых действий пользоваться профессиональной помощью высоко квалифицированных юристов.

Конституционный Совет Республики Казахстан неоднократно разъяснял, что конституционно-правовая задача оказания квалифицированной юридической помощи является обязанностью главным образом адвокатов. Конституция возлагает на адвокатов особую обязанность по оказанию квалифицированной юридической помощи как физическим, так и юридическим лицам, а на государство – по обеспечению конституционного права каждого на такую помощь.

Таким образом, ключевое значение имеет закрепление понятия и признаков права на юридическую помощь в конституциях Беларуси и Казахстана. Различна степень развернутости их положений, посвященных предоставлению юридической помощи. В соответствующих положениях основных законов данных государств закрепляется, что в случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно, за счет государства. Предмет оказания юридической помощи обозначен в Конституции Республики Беларусь с помощью уточнения конкретных субъектов ее оказания – адвокатов и других представителей. При этом оказание квалифицированной юридической помощи в Казахстане должно осуществляться на профессиональной основе исключительно адвокатами.

Мелех Е. В.

РОЛЬ ООН В ИСКОРЕНЕНИИ ДЕТСКОГО ТРУДА

Мелех Екатерина Вадимовна, студентка 1 курса Белорусского государственного университета, г. Минска, Беларусь, kat.melekh@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Киселёва Т. М.

В современном мире, несмотря на достижения науки и техники, признание и закрепление прав человека и ребенка, дети продолжают работать в опасных условиях. Характерно, что данная проблема не ограничивается странами с низким уровнем жизни. К примеру, в Нью-Йорке 14-летний подросток был насмерть раздавлен погрузчиком при попытке перевести тюки сена на молочной ферме. 14-летний мальчик застрял в бункере корма, когда работал со своим отцом на ферме – они оба умерли. 10-летняя служанка умерла в Пакистане, ее работодателям назначили трехлетний тюремный срок, который впоследствии был сокращен до одного года.

Безусловно, в настоящее время достигнут определенный результат в сокращении использования детского труда, но по мнению ООН в последние годы прогресс в данной сфере не наблюдается, так как каждый десятый ребенок в мире все еще вовлечен в детский труд. При этом более половины из них работают в опасных условиях, что может закончиться физическими или психическими травмами. Сохраняется практика привлечения к труду детей с раннего возраста (5 лет).

В целях привлечения внимания к проблеме детского труда в 2002 г. Международная организация труда учредила Всемирный день борьбы с

детским трудом, который отмечается 12 июня. На международном уровне принят ряд мер, направленных на борьбу с таким явлением, как детский труд. В частности, ст. 32 Конвенции о правах ребенка 1989 г. устанавливает, что государства-участники признают право ребенка на защиту от экономической эксплуатации и от выполнения любой работы, которая может представлять опасность для его здоровья или служить препятствием в получении им образования, либо наносить ущерб его здоровью и физическому, умственному, духовному, моральному и социальному развитию. В 1999 г. была подписана Конвенция о наихудших формах детского труда, ратифицированная 186 странами. В Конвенции было предусмотрено прекращение таких практик, как рабство, долговая кабала, принудительный труд в условиях вооруженных конфликтов, проституция, незаконный оборот наркотиков и другие виды незаконной деятельности.

Генеральная Ассамблея ООН объявила 2021 год Годом искоренения детского труда. Согласно Задаче 8.7 Цели устойчивого развития «Достойная работа и экономический рост» в 2025 г. должно быть прекращено использование всех форм детского труда.

Для всестороннего развития детей государствам необходимо создать защитную среду, чтобы дети могли оставаться детьми, а не становиться взрослыми раньше времени. Дети должны быть обеспечены заботой и образованием, которые позволили бы им иметь благополучное будущее.

Представляется, что особую роль в достижении указанной цели сможет сыграть производство продуктов питания и напитков, где использование детского труда особенно распространено (например, согласно ряду исследований более 2 миллионов детей работают на плантациях какао в какао-поясе Западной Африки). Все производители должны сделать все, что в их силах, для обеспечения того, чтобы детский труд и современное рабство не были частью их цепочки поставок. Единственный способ по-настоящему искоренить детский труд в пищевой промышленности – устранить в нем необходимость. Свой вклад в этой сфере вносит Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН, которая организует образовательные программы для молодых людей с тем, чтобы вывести их из круга детского труда.

Специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН по положению детей в 2002 г. выступила за включение детского труда в повестку дня в области развития. Это означает постановку амбициозных новых целей для глобального движения против детского труда. С политической точки зрения это означает, что детский труд находится в повестке дня министерств финансов и планирования, поскольку глобальное движение за детский труд должно в конечном итоге убедить правительства принять меры, чтобы положить конец детскому труду.

Однако несмотря на все принимаемые на международном уровне правовые и организационные меры, направленные на искоренение детского труда, следует учитывать, что реальные результаты в каждой отдельной стране зависят именно от действий национального правительства.

Пашкевич М. С.

ИНСТИТУТ ОМБУДСМЕНА ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Пашкевич Мария Сергеевна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, paskevic546@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Масловская Т. С.

Омбудсмен (уполномоченный по правам человека) – гражданское или в некоторых государствах должностное лицо, на которое возлагаются функции контроля соблюдения справедливости и интересов определенных граждан в деятельности органов исполнительной власти и должностных лиц. Так, институт омбудсмента возник как механизм общественного контроля над тем, как государство соблюдает свои обязательства в сфере прав и свобод человека. Впервые данный институт возник в Швеции в XVIII в., позже многие страны Европы, а впоследствии страны Азии и Америки также ввели его в свои системы права.

В отношении данного института в Республике Беларусь отметим, что первые дискуссии о создании института омбудсмента появились еще в 1994 г., что привело к созданию законопроекта, однако в 2001 г. была отложена последняя попытка его принятия. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 января 2021 г. № 56 была утверждена государственная программа «Малое и среднее предпринимательство» на 2021–2025 годы, в которой одним из мероприятий выступает создание института омбудсмента по защите прав предпринимателей, реализация которого намечена на 2023 г. Данный институт отличается специализацией уполномоченного в сфере прав предпринимателей с целью регулирования отношений между административными органами и субъектами хозяйствования. В последние годы принимается значительное количество нормативных правовых актов, которые регулируют сферу бизнеса в связи с активным развитием предпринимательской деятельности. Поэтому создание такого института связано с приданием значимости предпринимательской деятельности как приоритетного направления экономической деятельности субъектов хозяйствования. На данный момент в Республике Беларусь отсутствует единый орган или должностное лицо, которые могли бы контролировать соблюдение прав субъектов предпринимательства.

Характеризуя принципы, задачи и основы деятельности бизнес-омбудсмента, стоит обратиться к зарубежному опыту и тем самым выявить перспективы развития такого института в Республике Беларусь. Исходя из анализа зарубежных правовых актов можно отметить следующее:

1) основная цель создания института уполномоченного по защите прав предпринимателей – формирование эффективного правового механизма, который смог бы осуществлять защиту прав субъектов хозяйствования;

2) институт выступает в роли дополнительной гарантии реализации их прав. Должностное лицо или орган по защите прав действует отдельно от

правоохранительных органов, судов и адвокатуры и, как правило, реализует свои полномочия при исчерпании основных видов защиты прав;

3) уполномоченный по защите прав предпринимателей должен быть независимым, поэтому следует определить порядок назначения на должность, а также его компетенцию.

Важно отметить, что в Российской Федерации данный институт существует с 2012 г., а исходя из исторических особенностей и тесного взаимодействия России и Беларуси, можно предположить, что Республика Беларусь примет во внимание опыт Российской Федерации, и таким образом сформирует свое законодательство в сфере защиты прав предпринимателей.

Следует обратить внимание на компетенцию Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Российской Федерации:

- рассматривает жалобы и обращения по факту нарушений прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности с последующим незамедлительным принятием соответствующих мер, направленных на их восстановление;

- контролирует соблюдение прав предпринимателей со стороны органов государственного управления;

- содействует становлению и развитию социальных институтов, направленных на защиту прав и законных интересов субъектов хозяйственной деятельности;

- обеспечивает всестороннее взаимодействие предпринимателей с органами государственного управления, а также взаимодействует в рамках предпринимательского сообщества;

- осуществляет сбор, обработку и анализ информации о состоянии защищенности прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности.

Таким образом, в целях защиты прав предпринимателей целесообразно введение в Республике Беларусь института уполномоченного, основанного на российской модели.

Рябцева А. И.

К ВОПРОСУ О ПРАВЕ НА СУИЦИД

Рябцева Алина Игоревна, студентка 1 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, alinariabtsevaw@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Масловская Т. С.

Право на жизнь – это особое и неотъемлемое право, которое не подлежит ограничению. Оно утверждается всеми международно-правовыми актами о правах человека и практически всеми конституциями в мире, т. е. охраняется законом. Актуальность темы права на жизнь и на смерть связана с рядом обстоятельств. Во-первых, это проблема самой главной ценности человека. Во-вторых, она востребована ввиду ее недостаточной изученности в работах ученых и философов. В-третьих, она не закреплена в законах, иных

нормативных правовых актах нашей страны. Философские аспекты проблемы самоубийства, эвтаназии, гуманного самопожертвования можно интерпретировать в качестве проблемы естественного права на смерть. Этот аспект является как бы «зеркальным отражением» важнейшего права на жизнь. Рассмотрим данный парадокс.

Статья 24 Конституции Республики Беларусь закрепила неотъемлемое право каждого человека на жизнь. Однако трактовка этого права связана не только с неприкосновенностью жизни человека как высшей ценности, но и с правом каждого самостоятельно ею распоряжаться. Возникает вопрос о праве человека прекратить свое существование по собственному усмотрению. Именно этот момент порождает дискуссии не только в Беларуси, но и во всем мире. Например, вопрос легализации эвтаназии. Вопросы права на жизнь изучались многими отечественными и зарубежными учеными. Итак, как соприкасаются между собой право на жизнь и право на смерть? В этом состоит коренное мировоззренческое и практически значимое внутреннее противоречие этого фундаментального права.

Под самоубийством следует понимать собственноручное, сознательное и добровольное лишение себя жизни по самым разным причинам, исключая только случаи сознательного внешнего воздействия на человека, под влиянием которого принимается решение о суициде, т. е. не добровольно, а ввиду безвыходной для человека ситуации. Иногда человеку кажется, что ему не преодолеть тяжесть навалившихся на него проблем и трудностей. Человек желает избавиться от страданий, он ищет выход из безвыходного положения. Суицид, безусловно, явление и психологическое, и социальное. В древности к самоубийству относились достаточно терпимо. С распространением христианства отношение к самоубийствам резко изменилось. Убийство самого себя даже более тяжкий грех, чем убийство другого. Несомненно, что самоубийство в подавляющем большинстве случаев характеризуется как эгоизм, малодушие, слабость, отказ проявить духовную силу, неумение выдержать испытание. Тем не менее законодательное запрещение самоубийства лишило бы человека права на абсолютную антропологическую свободу. Этот парадокс стоит в одном ряду с другими правовыми парадоксами: аборт, эвтаназия, смертная казнь, война. В цивилизованных странах мира конституция и уголовный кодекс не запрещают самоубийство, оставляя его на совести человека. Разумеется, личность может подвергнуться психологической опеке, лечению и реабилитации после неудавшейся попытки.

Парадоксальным явлением стал самоубийственный терроризм. Сама попытка такого самоубийства строжайшим образом карается по закону. Более того, самоубийство ли это, – вопрос очень спорный, поскольку здесь практически во всех случаях нет признака добровольности. Вред причиняемый другим людям при этом огромен, поэтому лучше характеризовать такой «самоубийственный терроризм» как убийство.

В современном белорусском уголовном законодательстве нигде не содержится явного запрета на самоубийство. Казалось бы, в таком случае

действует древняя правовая аксиома: все, что не запрещено, то разрешено. Однако разрешения тоже нет, поскольку эвтаназия рассматривается в качестве убийства, преступления. Парадокс: зачем человеку это право? Человек не станет рассматривать свои действия с точки зрения закона, если захочет уйти из жизни. Другое дело, если он составляет завещание, выражая свою волю, которая действует после смерти его тела. Непонятно только, на какой период времени лучше всего продлить действие его воли. Право на смерть приобретает свой подлинный смысл при рассмотрении его в контексте всех прав человека. Особое значение приобретает выработка нравственного сознания ценности жизни.

Таким образом, право на смерть – малоизученная, но очень актуальная в наше время тема, дальнейшее исследование которой будет способствовать правильному пониманию права на жизнь и понимания порядка применения касающихся этой темы норм, что в совокупность позволит сделать большой шаг в сфере изучения соматических прав личности.

Сомова А. Ю.
ПРАВО НА МИР

*Сомова Алеся Юрьевна, учащаяся 2 курса Юридического колледжа
Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
som.mek.auf@gmail.com*

Научный руководитель: преподаватель Балицевич-Рында Л. Н.

Мир – это одна из важнейших ценностей человечества. В данном аспекте под миром понимается состояние согласия, отсутствие вражды, ссоры, войны между государствами, народами (нациями), а также между гражданами. Мир предполагает жизненные условия сосуществования людей и государств на основе согласия и проведения внешней и внутренней политики ненасильственными средствами. Основой мира являются признание прав и свобод человека высшей ценностью общества и государства, взаимное уважение государственного суверенитета, учет национальных интересов и соблюдение международных договорных обязательств.

Так, в преамбуле Всеобщей декларации прав человека ООН от 10 декабря 1948 г. говорится о том, что признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, их равных и неотъемлемых прав является основой свободы, справедливости и всеобщего мира. Комитет по правам человека ООН предложил рассматривать понятие мира не только как отсутствие организованного насилия внутри страны или между странами, но и как средство всеобъемлющей и эффективной защиты прав человека, гендерного равенства и социальной справедливости, экономического благосостояния, а также свободного и повсеместного выражения различных культурных ценностей без дискриминации и ограничений.

Конкретные нормы, затрагивающие аспекты поддержания, сохранения и защиты мира содержатся во многих международно-правовых документах. Например, ст. 20 Международного пакта о гражданских и политических

правах от 16 декабря 1966 г. гласит, что всякая пропаганда войны должна быть запрещена законом, всякое выступление в пользу национальной, религиозной и расовой ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию, должно быть запрещено законом, также в этом документе закреплено, что государства обязаны поощрять всеобщее уважение и соблюдение прав и свобод человека. В итоговых документах Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) от 1 августа 1975 г. «мир» обозначен как особая и высшая ценность. В Африканской хартии прав человека и прав народов 1981 г. впервые в международно-правовой практике речь идет о реализации права на мир как на международном уровне, так и внутри каждой страны, также признано субъективное право на мир. 12 ноября 1984 г. резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН была принята Декларация о праве народов на мир, провозгласив, что в ядерный век установление прочного мира на Земле представляет собой первейшее условие сохранения цивилизации человечества, а обеспечение мирной жизни является священным долгом каждого государства.

Считаем, для обеспечения права человека, народа, нации на мир каждое государство должно придерживаться принципов, закрепленных в уставе ООН и других международных документах. В частности, это принципы: уважения прав человека и основных свобод; неприменения силы и угрозы силой; разрешения международных споров мирными средствами; невмешательства в дела, входящие во внутреннюю компетенцию государств; обязанности государств сотрудничать друг с другом; равноправия и самоопределения народов; суверенного равенства государств; нерушимости государственных границ; территориальной целостности государств и др.

Важным и целесообразным представляется также закрепление права на мир в конституциях государств. В настоящий момент самой «мирной» считается конституция Японии, согласно которой «японский народ желает вечного мира» и «все народы мира имеют право на мирную жизнь, свободную от страха и нужды». Интересно, что зоной мира признана Антарктика на основе международного Договора об Антарктике 1961 г.: там запрещаются любые мероприятия военного характера, испытания любых видов оружия. Но, к сожалению, во многих конституциях вместо права на мир присутствует упоминание права на объявление войны.

В Конституции Республики Беларусь признается ценность мира, это подтверждается преамбулой («желая обеспечить мир и гражданское согласие, благополучие граждан, незыблемость народовластия, независимость и процветание Республики Беларусь»), ч. 1 ст. 18 (Республика Беларусь в своей внешней политике исходит из принципов равенства государств, неприменения силы или угрозы силой, нерушимости границ, мирного урегулирования споров, невмешательства во внутренние дела и других общепризнанных принципов и норм международного права). Примечательно, что до принятия на республиканском референдуме 27 февраля 2022 г. поправок в Конституции Беларуси была важная норма для

обеспечения мира: Республика Беларусь ставит целью сделать свою территорию безъядерной зоной, а государство – нейтральным. В новой редакции закреплено, что Республика Беларусь исключает военную агрессию со своей территории в отношении других государств.

Необходимо отметить, что в разд. 2 Конституции Республики Беларусь «Личность. Общество. Государство», в котором провозглашаются конституционные права и свободы человека и гражданина, отсутствует норма, закрепляющая право на мир. При этом в конституционных нормах упоминается военная доктрина (п. 1 ст. 89³ Конституции), возможность участия белорусских военнослужащих и иных лиц за пределами нашей страны для обеспечения коллективной безопасности (п. 10 ст. 89³ Конституции), что может подразумевать и участие в военных операциях, а также право Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь рассматривать проекты законов об объявлении войны (п. 2 ст. 97).

На наш взгляд, в условиях накаленной международной обстановки и вооруженного конфликта в соседних странах Конституцию Республики Беларусь очень важно дополнить большим перечнем норм, закрепляющих мирную политику нашего государства, отказ от войны, признание и гарантирование конституционного права на мир белорусского народа и каждого отдельного человека, обязанность государства способствовать сохранению мира за его пределами.

Хуртина Д. А., Шебулдаева Д. С.

ВОЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ И ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН

*Хуртина Дарья Андреевна, Шебулдаева Дарья Сергеевна, студентки 2 курса
Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
Darya.hurtina@mail.ru, dshebuldaeva@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Киселёва Т. М.

Традиционно война представляется как царство мужчин, в котором женщинам не место – им отводится роль хранительниц мира и защиты от врагов. Если про женщин на фронте и упоминали, то в основном в роли медсестер, даже не врачей, т. е. им отводилась функция заботы. Вся слава победы досталась мужчинам, которые, безусловно, на фронте составляли большинство, в то же время женщины, взявшие в руки оружие, скорее исключение, чем обыденность. Женщины могут как добровольно участвовать в конфликтах, так и принудительно, например, они являются рабочей силой для противоположной стороны, их забирают не только для приготовления пищи, но и для оказания услуг даже сексуального характера.

Во всем мире женщины во время вооруженных конфликтов находятся под угрозой насилия: в лагерях, в тылу врага, даже в рядах вооруженных сил со своими сослуживцами. Для многих женщин насилие не заканчивается даже после бегства в соседние страны.

Масштаб и насущность проблемы насилия по отношению к женщинам во время военных конфликтов признается на международном уровне.

В Резолюции № 1820 от 19 июня 2008 г. «Женщины, мир и безопасность» Совет Безопасности ООН требует у сторон, участвующих в вооруженном конфликте, принять меры для защиты мирных жителей от изнасилования и других форм сексуального насилия. Резолюция признает, что женщины и девочки часто подвергаются сексуальному насилию, применяемому в том числе и в качестве военной тактики, в целях унижения, подавления, устрашения. Римский Статут Международного уголовного суда (МУС) 1998 г. включает изнасилование и иные формы сексуального насилия в перечень военных преступлений и преступлений против человечности, когда они совершаются в рамках широкомасштабного или систематического нападения на любых гражданских лиц.

В Женевской конвенции 1949 г. о защите гражданского населения во время войны и в дополнительных протоколах к ней 1977 г. говорится о том, что женщины будут специально охраняться от всяких покушений на их честь и, в частности, от изнасилования, принуждения к проституции или любой другой формы покушений на их нравственность.

Однако прекратить «насильственное завоевание» путем принятия международных договоров невозможно, никакой акт не может обеспечить защиту от подобного рода действий в полной мере. Следует учитывать и психологические аспекты. К примеру, во многих обществах складывается образ мужчины как воина-освободителя. Обсуждение насилия, которое осуществлял этот воин во время военного конфликта, является табу. Более того некоторые позволяют себе оправдывать действия военных тем, что мужчины имеют физиологические потребности, но ведь речь идет об отсутствии человечности и расценивании женщин в качестве объекта для удовлетворения своих нужд.

Психологические исследования показывают, что уровень посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) и депрессии среди женщин, подвергшихся сексуальному насилию, высоки, что, в свою очередь, может объяснить, почему женщины сообщают о более высоких уровнях риска психического здоровья после войны. Кроме того, опыт сексуального насилия часто приводит к тяжелым физическим, психологическим и социальным трудностям после войны.

От ПТСР страдают не только женщины, но и все люди, вовлеченные в военный конфликт, поэтому главной задачей является снижение возможностей развязывания войн, а в дальнейшем их полное исключение из варианта решения проблем подобным образом.

Согласно последним исследованиям, более равноправные общества, измеряемые либо с точки зрения представленности женщин в парламенте, либо с точки зрения соотношения женщин и мужчин, имеющих высшее образование, имеют более низкие уровни внутригосударственных вооруженных конфликтов. Связано это с тем, что женщины считают войну более дорогостоящей и отвратительной, поэтому они готовы пойти на большие уступки от имени государства. Для женщин такие факторы, как

престиж или даже территориальная целостность государства, имеют меньшее значение по сравнению с издержками войны.

Тем не менее в большинстве основных исследований причин войны и мира по-прежнему игнорируется возможная пояснительная ценность гендерных отношений. Такая раздробленность и игнорирование исследований по вопросу о роли женщин в обеспечении безопасности и урегулировании конфликтов не только вызывают интеллектуальные сомнения, но и наносят ущерб практике поощрения мира и безопасности.

Чуманская А. В.
ПРАВОВОЙ СТАТУС ЭМБРИОНА

*Чуманская Анастасия Викторовна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
cumannskaaanastasia@gmail.com*

Научный руководитель: канд.юрид.наук, доцент Сеницына А. М.

Под эмбрионом принято понимать организм на ранней стадии развития. Однако необходимо уточнить что согласно данным биологии и эмбриологии человеческий зародыш проходит в своем внутриутробном развитии 2 периода: зародышевый (эмбриональный) и плодный (фетальный).

В праве же под эмбрионом человека принято считать организм с момента оплодотворения до рождения.

Анализ юридической литературы дает возможность выделить два основных подхода к проблеме правового статуса эмбриона: 1) эмбрион – субъект права, полноправный участник правоотношений, приравненный к человеку; 2) эмбрион – объект права: как часть организма матери, приравненная к органам и тканям человека; как вещь, по поводу которой могут возникнуть правоотношения имущественного характера.

Рассматривая первую точку зрения, закономерно возникает вопрос об определении границы начала охраны права на жизнь. В ряде международных документов эмбрион представляется как абсолютная ценность, в них провозглашается, что эмбрион обладает правом на жизнь с момента зачатия и должен обеспечиваться защитой со стороны государства на любой стадии развития. Например, согласно п. 1 ст. 4 Американской конвенции о правах человека каждый человек имеет право на уважение к его жизни. Это право защищается законом и, как правило, с момента зачатия.

В ином направлении движется российское законодательство: не родившийся ребенок или человеческий эмбрион с точки зрения закона человеком не является. Согласно ч. 2 ст. 17 Конституции Российской Федерации (далее – России) права и свободы человека принадлежат ему от рождения. Следовательно, не родившийся человек не является субъектом права, никаких прав, в том числе гарантированного ст. 20 Конституции России права на жизнь, у него нет.

В Конституции Республики Беларусь, в отличие от Конституции России, не содержится указание на момент, с которого начинается реализация

и охрана гарантируемых ею прав, в том числе права на жизнь. Вместе с тем в цивилистике устоялось мнение о возникновении правосубъектности человеческого эмбриона при условии его живорождения. За основу берется ст. 1037 Гражданского кодекса Республики Беларусь, в соответствии с которой в число лиц, которые могут призываться к наследованию, включаются граждане, зачатые при жизни наследодателя и родившиеся живыми после открытия наследства. Кроме того, в Законе Республики Беларусь от 7 января 2012 г. № 341-З «О вспомогательных репродуктивных технологиях» установлен запрет на проведение редукции, заключающейся в выполнении медицинского вмешательства по уменьшению числа эмбрионов, без наличия медицинских показаний, безусловно, направлено на охрану эмбриона и обеспечение возможности его развития и может быть интерпретировано как признание эмбриона в качестве субъекта права.

Если рассматривать эмбрион как объект права, а именно как вещь, по поводу которой могут возникнуть правоотношения имущественного характера, то следует отметить, что в судебной практике уже изучались вопросы о том, как квалифицировать эмбрион с точки зрения законодательства. Суды, по общему правилу, отказывают в признании права собственности на эмбрионы на основании того, что последние представляют собой начало человеческой жизни. О непризнании эмбриона в качестве объекта права свидетельствуют положения Закона «О вспомогательных репродуктивных технологиях», согласно которым в случае расторжения брака, признания его недействительным, а также в случае смерти или объявления в судебном порядке умершим одного из супругов использование бывшими супругами (бывшим супругом) невостребованных в результате применения вспомогательных репродуктивных технологий эмбрионов запрещается, равно как их использование в научно-исследовательских целях и перенос невостребованных в результате применения вспомогательных репродуктивных технологий эмбрионов другому пациенту.

В науке имеется еще одна точка зрения: эмбрион – часть организма матери, орган человека. Ее поддерживает практика Европейского суда по правам человека. В соответствии с Законом Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-ХП «О здравоохранении» женщине предоставляется право самостоятельно решать вопрос о материнстве. Кроме того, с точки зрения уголовного законодательства Республики Беларусь к тяжкому вреду здоровью относится прерывание беременности, что подразумевает отношение к эмбриону как к части организма матери.

Таким образом, в национальном законодательстве нет единства подходов определению статуса эмбриона. С одной стороны, законодатель рассматривает эмбрион как субъект права, а с другой – как часть организма матери. По нашему мнению, все же стоит рассматривать эмбрион не в качестве объекта права, а как субъекта права. Это связано в первую очередь с научными исследованиями о биологической сущности человеческого организма, которая свидетельствует о том, что с момента зачатия человеческий эмбрион обладает всеми характеристиками человеческого

индивидуума, при этом на протяжении внутриутробного развития человеческий организм отличен от матери и телесно самостоятелен. Таким образом, эмбрион нуждается в правовой защите, которая должна гарантироваться на уровне Основного Закона.

Шкуро А. М.

СОВОКУПНОСТЬ МЕР ПО ОХРАНЕ И ЗАЩИТЕ ПРАВА НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

*Шкуро Арсений Максимович, студент 3 курса Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой, г. Новополоцк, Беларусь,
20td.shkuro.a@pdu.by*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Шахновская И. В.

Сегодня, когда абсолютное большинство людей значительную часть своей как трудовой, так и личной жизни проводят в Интернете, остро встает вопрос о том, как защитить свою честь и достоинство, а также свои персональные данные. Тут же стоит уточнить, что понятия «честь и достоинство», «персональные данные» и «частная жизнь» обычно связывают с правом на неприкосновенность личности.

В науке конституционного права понятия «охраны» и «защиты» имеют различное содержание. Так, под «охраной со стороны государства» следует понимать установление государством общего правового режима, а под защитными мерами – совокупность мер, предпринимаемых государственными органами в случаях совершения посягательства на неприкосновенность личности в сети Интернет. Следовательно, комплекс охранных мер выполняет в большей степени профилактическую функцию, направленную на недопущение нарушения права на неприкосновенность личности в сети Интернет.

Меры защиты направлены на устранение негативных последствий нарушения данного права и привлечение к ответственности виновных лиц. В науке считается, что право на защиту является элементом и одновременно гарантией всякого права человека. Статья 60 Конституции гарантирует каждому человеку защиту его прав и свобод. Конкретные права и свободы при этом не называются, ибо речь идет о защите любого права, свободы. Следовательно, закрепление в ст. 25 Конституции прав человека на неприкосновенность и достоинство предполагает и возможность их защиты.

Таким образом, мерами охраны выступают положения Основного Закона Республики Беларусь, регламентированные в ч. 1 и ч. 3 ст. 21 («обеспечение прав и свобод граждан Республики Беларусь является высшей ценностью государства», «государство гарантирует права и свободы граждан Беларуси, закрепленные в Конституции, законах и предусмотренные международными обязательствами государства»). Согласно положениям ст. 28 Конституции установлено, что «каждый имеет право на защиту от незаконного ... посягательства на его честь и достоинство».

Одной из мер по защите права на неприкосновенность личности в сети Интернет является деятельность судов по привлечению виновных в нарушении данного права к юридической ответственности.

В административном и уголовном законодательстве Республики Беларусь предусмотрена ответственность за посягательства на неприкосновенность личности в Интернете. Так, за оскорбление (т. е. умышленное унижение чести и достоинства личности, выраженное в неприличной форме) следует наложение штрафа в размере до 30 базовых величин – ст. 10.2 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях. В ст. 188 Уголовного кодекса Республики Беларусь установлена ответственность за распространение заведомо ложных, порочащих другое лицо сведений (клевета) в информации, размещенной в глобальной компьютерной сети Интернет. Обратим внимание, что схожая норма об установлении ответственности отсутствует на уровне административного законодательства, что свидетельствует о повышенной значимости, ценности и важности защиты права на неприкосновенность личности в сети Интернет.

Приведем пример судебной практики. Так, судом Центрального района г. Минска рассмотрено уголовное дело в отношении К. Обвиняемый, имея умысел на оскорбление судьи одного из районных судов города Минска, потерпевшей К-к, в одном из чатов программы «Telegram» отправил текст комментария, в котором содержится выраженное в неприличной грубой форме оскорбление в адрес потерпевшей К-к, содержащее ненормативную форму речевых средств выражения негативной оценки последней, чем унизил ее честь и достоинство как судьи, причинил моральные и нравственные страдания, а также подорвал авторитет судебной власти в глазах лиц, до сведения которых доведен комментарий.

Итогом такого посягательства стало признание обвиняемого К. виновным в оскорблении судьи в связи с осуществлением ею правосудия, и назначение наказания в виде ограничения свободы на срок 1 год, а также удовлетворение гражданских исков о взыскании материального возмещения морального вреда в пользу потерпевшей К-к в размере 2000 руб.

Значимой мерой государства по защите права на неприкосновенность личности в сети Интернет является закрепление обязанности для субъектов, виновных в нарушении данного права, совершить определенные юридически значимые действия по устранению негативных последствий в результате совершения ими противоправных деяний. К примеру, согласно ст. 42 Закона Республики Беларусь «О средствах массовой информации» определено, что «если сведения, порочащие честь или достоинство гражданина, распространены в средствах массовой информации, они должны быть опровергнуты в тех же средствах массовой информации. Гражданин, в отношении которого средством массовой информации опубликованы сведения, ущемляющие его права или охраняемые законодательством интересы, имеет право на опубликование своего ответа в тех же средствах массовой информации».

Шумилов Г. Д.

ООН И ЕЕ РОЛЬ ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ

Шумилов Глеб Дмитриевич, студент 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, hlebshumilau@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Денисевич А. В.

На современном этапе развития общества резко возрастает роль прав человека, соответственно и необходимость изучения механизмов их защиты.

В ст. 55 главы IX Устава ООН закреплено положение о «содействии всеобщему уважению и соблюдению прав человека, а также разрешению международных проблем в области экономической, социальной и подобных областей».

Э. К. Арутюнов и В. В. Князев уверены, что ООН является творцом современного международного права. Данным органом были приняты такие важнейшие документы, как Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Международный пакт о политических и гражданских правах 1966 г., целый ряд Конвенций и Деклараций относительно социального развития и социальных проблем (Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г., Декларация о правах инвалидов 1975 г., Конвенция о правах ребенка 1989 г. и др.).

Центральным органом ООН в том числе в области защиты прав человека является Генеральная Ассамблея ООН. Согласно Уставу ООН, а именно ст. 13, она занимается содействием развитию международного сотрудничества в области экономической, социальной, культуры, образования, здравоохранения и содействия осуществлению прав человека и основных свобод для всех, без различия расы, пола, языка и религии.

К уставным органам относятся Совет по правам человека, специальные процедуры, универсальный периодический обзор и расследования, санкционированные Советом. Возглавляет данную систему Управление Верховного комиссара ООН по правам человека (далее – УВКПЧ).

УВКПЧ занимается сотрудничеством с государствами, решением и разоблачением нарушений прав человека, данным органом активно ведется публикация, посвященная различным проблемам в области прав человека. При УВКПЧ созданы региональные отделения в Африке, Азии, Европе, Америке (Северной и Южной). УВКПЧ активно содействует созданию Национальных правозащитных учреждений – органов, основной задачей которых является защита и поощрение прав человека, объединенных в Глобальный альянс национальных правозащитных учреждений, в котором находится примерно 120 стран-участниц.

Е. В. Чиркова отмечает, что ООН выработала стандарт для деятельности данных правозащитных учреждений: Парижские принципы. Альянсом ведется учет аккредитованных организаций, которые соответствуют данным принципам. Так, по состоянию на 13 июля 2022 г. 89 соответствуют полностью и 30 лишь частично.

Следующим важнейшим органом является Совет по правам человека, который является форумом для обсуждения тематических вопросов по правам человека. Процедурами и механизмами данного органа являются Универсальный периодический обзор; Консультативный комитет; Процедура рассмотрения жалоб; Специальные процедуры.

Периодический обзор – уникальный механизм обзора информации по правам человека во всех государствах – членах ООН. Обзор проводится государствами на основе национального доклада конкретной страны и документов, подготовленных УВКПЧ с учетом информации, собранной из различных источников.

Консультативный комитет предоставляет экспертные знания Совету таким образом и в такой форме, в которой они будут востребованы Советом, уделяя основное внимание исследованиям и основанным на исследованиях консультациям.

Процедура рассмотрения жалоб затрагивает сообщения, представляемые лицами (группами лиц) или организациями, которые утверждают, что стали жертвами нарушений прав человека или владеют информацией о таких нарушениях. Совет по правам человека не имеет права принуждения государства к восстановлению этих прав, что является серьезной проблемой.

Специальные процедуры Совета – это независимые эксперты в области прав человека. Их работа не оплачивается, и они избираются сроком на 3 года с последующей возможностью переизбраться еще на один срок.

Договорные органы осуществляют наблюдение за выполнением основных международных договоров в области прав человека: Комитет по ликвидации расовой дискриминации; Комитет по экономическим, социальным и культурным правам и др.

В заключение необходимо сказать, что существенной проблемой всех международных органов по защите прав человека является рекомендательный характер их решений, огромную роль в этом играет факт того, что принимаемые ими нормы чаще всего не систематизированы и не унифицированы. Это впоследствии может привести к тому, что те или иные нормы, принятые разными органами, будут противоречить друг другу.

Эйсмонт Е. А.

ДЕЛО РОУ ПРОТИВ УЭЙД: ИСТОРИЯ И ВЛИЯНИЕ НА ДОСТИЖЕНИЕ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА

*Эйсмонт Елизавета Андреевна, студентка 2 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
transversemint@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Киселёва Т. М.

Решение Верховного Суда США по делу *Roe v. Wade* признается историческим решением в контексте регулирования аборт, повлиявшим на признание прав женщин решать вопрос о материнстве.

Суть дела заключалась в следующем. В 1970 г. жительница Далласа Норма МакКорви узнала, что беременна третьим ребенком и захотела прервать беременность. Однако Закон Техаса разрешал аборт только в тех случаях, когда эта процедура была необходима для спасения жизни матери. В связи с этим женщина попыталась ложно заявить, что ее изнасиловали, а затем сделать незаконный аборт. Обе эти попытки потерпели неудачу, и она обратилась за помощью к адвокатам Линде Коффи и Саре Веддингтон, которые подали иск, используя псевдоним Джейн Роу для МакКорви (другая названная сторона, Генри Уэйд, был окружным прокурором округа Даллас).

МакКорви родила ребенка до того, как дело было решено, но окружной суд вынес решение в ее пользу на основании совпадения с решением Верховного суда 1965 г. по делу Грисволд против Коннектикута. Это совпадение показало, что существует право на неприкосновенность частной жизни, основанное на Девятой поправке к Конституции. Однако окружной суд воздержался от вынесения судебного запрета, препятствующего государству применять закон, оставив вопрос нерешенным.

Неотъемлемым элементом пункта о надлежащей правовой процедуре Четырнадцатой поправки является фундаментальное «право на неприкосновенность частной жизни», которое защищает выбор беременной женщины, делать аборт или нет. Однако это право уравнивается интересами государства в охране здоровья женщин и защите «потенциала человеческой жизни». Оспариваемый в данном деле закон Техаса нарушал это право. Судья Гарри Блэкмун высказал мнение большинства судей, составившего 7 голосов против 2. Большинство судей сочло, что при рассмотрении ограничений на аборт уместно проводить строгую проверку, поскольку это является частью основного права на неприкосновенность частной жизни. Блэкмун не был заинтересован в определении точной части Конституции, в которой можно найти право на неприкосновенность частной жизни, хотя он отметил, что Суд ранее помещал его в Четырнадцатую, а не в Девятую поправку. В заключении применялась специфическая структура триместра, чтобы помочь судьям и законодателям сбалансировать здоровье матери и жизнеспособность плода в любой конкретной ситуации. Суд, в состав которого в то время не входили судьи-женщины, похоже, был сбит с толку различиями между рамками триместра и жизнеспособностью, которые не обязательно взаимозаменяемы.

Неоднократные оспаривания с 1973 г. сузили сферу действия дела *Roe v. Wade*, но не отменили его. В деле *Planned Parenthood of South Eastern Pennsylvania v. Casey* (1992 г.) Верховный суд постановил, что ограничения на аборт являются неконституционными, если они возлагают «чрезмерное бремя» на женщину, стремящуюся сделать аборт до того, как плод станет жизнеспособным.

В мае 2021 г. Верховный суд согласился пересмотреть решение суда низшей инстанции об отмене закона штата Миссисипи, принятого в 2018 г., который запрещал большинство абортов после 15-й недели беременности, задолго до достижения жизнеспособности плода. Хотя закон был явно

неконституционным в деле «Роу против Уэйда» и «Планирование материнства против Кейси», законодатели штата Миссисипи приняли эту меру в надежде, что неизбежный судебный иск в конечном итоге дойдет до Верховного суда, где консервативное большинство судей отменит или резко сократит объем этих решений. Единственный вопрос, который суд согласился рассмотреть в деле Доббс против Организации женского здоровья Джексона, заключался в том, являются ли запреты на все аборты до наступления жизнеспособности неконституционными. В мае 2022 г. проект мнения большинства по делу, написанный судьей Сэмюэлем А. Алитом-младшим, просочился в СМИ, что было чрезвычайным нарушением традиционной секретности, в которой Суд проводит свои обсуждения. В заключении от февраля 2022 г. указывалось, что суд проголосовал за отмену дел «Роу против Уэйда» и «Планирование отцовства против Кейси». Как и ожидалось, решения по данным делам были отменены в официальном решении суда по делу Доббса, вынесенном в июне 2022 г., в котором Алито постановил, что конституционного права на аборт не существует.

Дело *Roe v. Wade* – один из ключевых этапов в достижении гендерного равенства. Доступ к безопасным, легальным и эффективным абортам прочно закреплен в международном праве и является важным условием независимости женщин и девочек. Все жительницы планеты должны иметь возможность принимать решения в отношении собственного тела и быть защищены от дискриминации, насилия и принуждения. Решение Верховного суда представляет собой мощный удар по системе защиты сексуального и репродуктивного здоровья, действовавшей на протяжении пяти десятилетий, а также в целом по правам человека и гендерному равноправию в США. Отказ в доступе к безопасным абортам вызовет серьезные последствия для демографии и не исключит их проведение полностью. Когда в стране запрещены или ограничены легальные аборты, женщины прибегают к менее безопасным методам прерывания беременности, которые зачастую приводят к трагическим последствиям – особенно для женщин из малообеспеченных уязвимых слоев населения, в том числе для женщин из числа меньшинств.

Арустамова Т. Н.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ОБЛАСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Арустамова Татьяна Николаевна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, arustamik@gmail.com

Научный руководитель: старший преподаватель Куневич Г. Г.

В 2022 г. в законодательстве Республики Беларусь, регулирующем дорожное движение, начиная с 22 сентября, произошли поэтапные изменения. Последние были внесены Указом Президента Республики Беларусь от 18 апреля 2022 г. № 145 «О совершенствовании организации дорожного движения», касались новшеств непосредственно в Правилах дорожного движения и вступили в силу 27 октября 2022 г.

Нормативно-правовой основой, регулирующей законодательство в области дорожного движения, является Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 91-3 (далее – КоАП Республики Беларусь). В настоящее время Кодексом, за нарушение Правил дорожного движения, предусмотрен штраф, а в некоторых случаях лишение права заниматься определенной деятельностью.

Согласно ч. 2 ст. 4.1 КоАП Республики Беларусь, основной целью административной ответственности является воспитание физического лица, совершившего административное правонарушение, а также предупреждение совершения новых правонарушений как лицом, его совершившим, так и другими физическими или юридическими лицами. Для более эффективной реализации вышеупомянутых целей допустимо введение дополнительных мер административной ответственности.

В качестве сравнения обратимся к Кодексу Республики Казахстан об административных правонарушениях (с изменениями и дополнениями по состоянию на 12.09.2022 г.) (далее – КоАП Республики Казахстан). В соответствии со ст. 53 «Проверка знаний правил дорожного движения» водители транспортных средств, совершившие правонарушения, предусмотренные ч. 4 ст. 594, ч. 4 ст. 596, ч. 2 ст. 599, ч. 2 ст. 600 настоящего Кодекса, направляются на сдачу экзамена для проверки знания правил дорожного движения. Следовательно, за повторное нарушение аналогичное по содержанию с нормами КоАП Республики Беларусь (ч. 7–10, 13 ст. 18.13), законодательство Казахстана, помимо штрафа, предусматривает направление на сдачу экзамена для проверки знания правил дорожного движения.

Таким образом, в случае повторного нарушения таких правил дорожного движения, как непредоставление преимущества пешеходам, невыполнение требований знаков, разметки, сигналов светофора, регулировщика, нарушение правил маневрирования, проезда перекрестков, наиболее эффективным, кроме

уже существующего назначения штрафа и лишения в некоторых случаях (непредоставление преимущества средствам оперативного назначения, нарушение правил обгона) права управления транспортным средством, видится введение нового вида административной ответственности – направление на сдачу экзамена для проверки знаний Правил дорожного движения. Данная санкция полностью соответствует основным целям административной ответственности: воспитание и предупреждение последующего совершения правонарушений. Лицам, получившим водительское удостоверение многие годы назад, например, в советский период, в случае нарушений Правил дорожного движения, которые с 1991 г. менялись неоднократно, такая мера позволяет обновить знания в этой сфере.

В связи с этим целесообразно внести подобное изменение в санкции, предусмотренные ч. 7–10, 13 ст. 18.13 КоАП Республики Беларусь. Важно отметить, что любые изменения направлены в первую очередь на совершенствование системы и организации, в данном случае Правил дорожного движения и их безопасности. Данный вид ответственности позволяет увеличить осведомленность водителей, в частности, относительно актуальных Правил, вступивших в силу 27 октября 2022 г. Изменения коснулись различных аспектов дорожного движения, например, появились новые дорожные знаки («Зона с ограничением максимальной скорости движения») и изменился статус велосипедиста как участника дорожного движения. При этом в соответствии с законодательством Республики Беларусь невыполнение лицом, управляющим транспортным средством, требований дорожных знаков или непредоставление лицом, управляющим транспортным средством, преимущества в движении пешеходам и иным участникам дорожного движения (велосипедистам) – влечет наложение штрафа в размере от одной до пяти базовых величин.

Введение такого вида административной ответственности, как направление на сдачу экзамена, является эффективным способом обеспечения безопасности дорожного движения, а также воспитания лица, совершившего правонарушение, и предотвращения совершения им аналогичных правонарушений.

Багдасарова Е. Е., Кармазина А. С.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ОСКОРБЛЕНИЕ. СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СО СТРАНАМИ ЕВРОПЫ

*Багдасарова Екатерина Евгеньевна, Кармазина Анастасия Сергеевна,
студентки 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск,
Беларусь, bagdasarova.kk@mail.ru, karmazina4444@mail.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Ладутько В. К.

В нашей жизни, к сожалению, бытовые конфликтные ситуации среди людей – не редкость. Не редкость оскорбительные выражения и действия, обидные слова, намеренно или случайно высказанные в адрес собеседника. Необходимость в привлечении к ответственности за оскорбление может

возникнуть в повседневной жизни каждого из нас, оскорбить могут кого угодно и как угодно.

Согласно ч. 1 ст. 10.2 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) оскорбление, т. е. умышленное унижение чести и достоинства личности, выраженное в неприличной форме, влечет наложение штрафа в размере до тридцати базовых величин. Под оскорблением понимается унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме. Оскорбление представляет собой выраженную в неприличной форме отрицательную оценку личности потерпевшего, имеющую обобщенный характер и унижающую его честь и достоинство. Для определения неприличной формы отрицательной оценки личности необходимо исходить из норм общественной нравственности, а не из восприятия «прилично» или «неприлично» самим потерпевшим, поскольку последний любые критические высказывания в свой адрес может считать оскорбительными. Неприличная форма также подразумевает и нецензурные слова.

Социальные сети предоставляют возможность делиться своими мыслями с большим количеством других пользователей, однако такая возможность способствует появлению такой проблемы, как оскорбление в социальных сетях. Часть 2 ст. 10.2 КоАП предусматривает ответственность за оскорбление в публичном выступлении, либо в печатном или публично демонстрирующемся произведении, либо в СМИ, либо в информации, распространенной в глобальной компьютерной сети Интернет, иной сети электросвязи общего пользования.

Оскорбление всегда адресуется индивидуально определенной группе лиц. Негативные высказывания, в том числе публичные во время выступлений, в СМИ, в сети Интернет и т. п., которые не имеют конкретного адресата (неперсонифицированные высказывания, нецензурная брань, не относящаяся к конкретному лицу) оскорблением не признаются.

Рассмотрим состав правонарушения, предусмотренного ст. 10.2 КоАП.

Субъект – 14 лет. Объект – честь и достоинство. Объективная сторона – действие: высказывание в письменной или устной форме, пощечина, жест. Оскорбление может быть нанесено в присутствии 3 лиц, потерпевшего или в его отсутствие. В последнем случае виновный должен осознавать, что оскорбление будет известно потерпевшему.

Рассмотренные правонарушения могут влечь административную ответственность только по требованию потерпевшего.

Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. отменил уголовную ответственность за оскорбление, когда, напротив, в странах Европы сохраняется тенденция к более жестким наказаниям за подобные деяния. В Германии, Испании, Швейцарии за оскорбление предусмотрена уголовная ответственность. Но в каждой из стран есть свои особенности. В Германии предусмотрена возможность освобождения от наказания в случае взаимного оскорбления. В Испании, если обвиняемый в оскорблении признает перед судебными властями

ложность своих обвинений и откажется от них, то Суд или Трибунал может назначить более низкое наказание. В Швейцарии, если оскорбленный своим неприличным поведением подал непосредственный повод для оскорбления, то суд может освободить лицо, совершившее деяние, от наказания.

Подводя итоги, стоит сказать о перспективности внедрения норм законодательства европейских стран в отечественное законодательство. Нормы о взаимных оскорблениях, дающие возможность освобождения от наказания обеих сторон, норма о возможности освобождения от ответственности при признании ложности своих высказываний, по нашему мнению, справедливы и, вероятно, будут эффективны в применении.

Бань А. А.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЯ ПРИРОДООХРАННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Бань Анастасия Александровна, магистрант 1 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, law.ban@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Чешко В.Ю.

Административная ответственность за нарушения природоохранного законодательства является наиболее часто применяемым видом юридической ответственности. Глава 16 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) «Административные правонарушения против экологической безопасности, окружающей среды и порядка природопользования» определяет составы административных правонарушений в области природоохранного законодательства, при совершении которых наступает административная ответственность, виды административных взысканий, налагаемых в случае совершения таких правонарушений, а также особенности применения административной ответственности. Родовым объектом правонарушений выступает совокупность общественных отношений, регулирующих экологическую безопасность, охрану окружающей среды и порядок природопользования. В данной группе правонарушений выделяют составы общих экологических правонарушений и специальные составы.

В частности, к общим составам можно отнести ст. 16.1 «Нарушение технических требований или нормативов в области охраны окружающей среды» или ст. 16.41 «Разведение костров в запрещенных местах» и ряд других.

К специальным составам правонарушений относятся, например, ст. 16.31 «Загрязнение атмосферного воздуха» и ст. 16.44 «Нарушение законодательства об обращении с отходами» и иные.

В п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 18.12.2003 г. № 13 указано на то, что особенностью правовых норм, устанавливающих ответственность за нарушения природоохранного законодательства, является их отсылочный и бланкетный характер.

Следовательно, бланкетность диспозиции составов административных правонарушений в природоохранной сфере для правильного применения и толкования норм КоАП требует обращения к иным нормативным правовым актам, в том числе к техническим нормативным правовым актам.

В силу ст. 6.1 КоАП административное взыскание является мерой административной ответственности, налагаемой на физическое лицо, совершившее административное правонарушение, и (или) на юридическое лицо, подлежащее привлечению к административной ответственности.

Анализ административных взысканий за природоохранные нарушения в отношении физических и юридических лиц устанавливает такие виды как: штраф; лишение права заниматься определенной деятельностью; конфискация; взыскание стоимости.

В соответствии с ч. 3 ст. 8.3 КоАП лицо, совершившее административное правонарушение, освобождается от административной ответственности с вынесением ему предупреждения, в том числе в случаях, предусмотренных Особой частью.

Отличительной характеристикой главы 16 КоАП является специальное основание для освобождения лица от административной ответственности с вынесением ему предупреждения, которое заключается в соблюдении последним одновременно следующих условий: выражении согласия по факту совершенного правонарушения, отсутствие привлечения (освобождения от ответственности) за такое же противоправное деяние в течение одного года и добровольного возмещения вреда, причиненного окружающей среде, до рассмотрения дела об административном правонарушении.

Вместе с тем в данном примечании законодателем не решен вопрос о том, будут ли выполняться указанные условия, если размер возмещения вреда, причиненного окружающей среде, не превышает трех базовых величин, требования о возмещении которого, согласно ч. 8 ст. 101 Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды», не предъявляются, или при отсутствии вреда, причиненного окружающей среде, как такового, ввиду того, что подавляющее большинство составов правонарушений природоохранного законодательства являются формальными.

На наш взгляд, освобождение лица от административной ответственности должно наступать только при совокупности всех трех обязательных условий, а отсутствие факта причинения вреда окружающей среде исключает возможность реализации примечания к главе.

Таким образом, вопросы административной ответственности за нарушения природоохранного законодательства требуют детального исследования и дальнейшего совершенствования, что будет способствовать реализации права на обеспечение конституционных прав граждан на благоприятную для жизни и здоровья окружающую среду.

Бань М. А.

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС, СВЯЗАННЫЙ С КОНФИСКАЦИЕЙ ИЛИ ОТБУКСИРОВКОЙ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

Бань Михаил Андреевич, студент 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, mishaban13123@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Чешко В. Ю.

У каждого водителя может возникнуть ситуация, когда он оставил свое транспортное средство (далее – ТС) в неполюженном месте и отлучился по своим делам. Вернувшись, он обнаруживает, что его автомобиля на месте нет. Вероятнее всего, машина была эвакуирована сотрудниками ГАИ за нарушения правил остановки и стоянки. Однако, могут возникнуть и другие ситуации, когда необходима вынужденная отбуксировка ТС. Данные случаи, как правило, закреплены в законе.

Решение об отбуксировке либо эвакуации транспортного средства может быть принято только сотрудником Государственной автомобильной инспекции, уполномоченным составлять протоколы об административных правонарушениях. Перед началом буксировки или эвакуации ТС в соответствии с ч.2 ст. 8.10 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИКоАП) проводится осмотр такого транспортного средства с соблюдением требований ст. 11.10 ПИКоАП, о чем составляется протокол.

В протоколе также указываются дата, время произведенной принудительной отбуксировки ТС, место (адрес), с которого она производится, тип и марка (модель) ТС, его регистрационный знак, перечень имеющихся видимых дефектов и повреждений ТС, адрес охраняемой стоянки, на которую будет помещено данное транспортное средство, должность, фамилия, собственное имя, отчество (если таковое имеется) лица, составившего протокол. Протокол составляется в трех экземплярах, первый из которых остается у лица, которое произвело принудительную отбуксировку транспортного средства, второй – на охраняемой стоянке, третий – у собственника (владельца) транспортного средства. В процессе отбуксировки за все причиненные повреждения будет нести ответственность юридическое лицо, сотрудники которого осуществляли эвакуацию ТС. Запрещена эвакуация ТС, если в нем находится пассажир либо животное.

В случае эвакуации ТС для установления его местонахождения необходимо позвонить в оперативно-дежурную службу территориального органа внутренних дел по месту нахождения транспортного средства или на линию 102 и описать ситуацию. Оператор сообщит, на какой штрафстоянке находится ТС. После получения информации о местонахождении транспортного средства необходимо явиться в обозначенное место. Собственник транспортного средства имеет право требовать возврат ТС независимо от того, было ли выполнено постановление о наложении штрафа или были ли оплачены услуги за стоянку и эвакуатор. Для этого необходимо

предъявить водительское удостоверение на право управления ТС соответствующей категории и технический паспорт данного ТС. Однако, работником, осуществляющим охрану, может быть отказано в выдаче ТС в случаях отсутствия одного из вышеуказанных документов, а также при наличии оснований полагать, что лицо, прибывшее за ТС, находится в состоянии алкогольного опьянения. При получении собственником ТС он расписывается в протоколе осмотра ТС. Оплата отбуксировки и стоянки осуществляется собственником органу внутренних дел или иной организации, которой принадлежит стоянка и средство эвакуации.

Возможна отбуксировка без помещения на охраняемую стоянку. Например, транспортное средство создает препятствие для движения и работы ТС оперативного назначения и иных средств коммунальных служб, в случае отсутствия иных возможностей выполнения поставленных им задач. Лица, уполномоченные на осуществление отбуксировки, перечислены в постановлении Совета Министров от 17.10.2014 г. № 986. Перед началом процесса эвакуации должностное лицо обязано предпринять все меры для связи с собственником ТС и лишь при невозможности контакта с ним начинать отбуксировку. Плата за такой вид отбуксировки не взимается.

В заключение следует отметить, что эвакуация ТС является вынужденной мерой. Ее осуществление возможно при соблюдении следующих условий: нарушение правил остановки и стоянки ТС; данное ТС является препятствием для дорожного движения или создает угрозу безопасности людей.

Бекарев А. В., Седов Д. Т.

**КРАЙНЯЯ НЕОБХОДИМОСТЬ КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО,
ИСКЛЮЧАЮЩЕЕ ПРИЗНАНИЕ ДЕЯНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫМ
ПРАВОНАРУШЕНИЕМ**

*Бекарев Артём Витальевич, Седов Дмитрий Тимофеевич, студенты 3 курса
Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
bekarevartem@gmail.com, 1222047dimasiksedov@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Ладутько В. К.

Применение крайней необходимости как обстоятельства, исключающего признание деяния административным правонарушением, является важной и злободневной проблемой по причине роста административных правонарушений за последние годы и увеличения причиняемого ими ущерба. Крайняя необходимость осуществляет важную функцию и способствует активной защите гражданами своих законных прав и интересов, поэтому рассмотрение условий правомерности крайней необходимости в административном праве является актуальной задачей.

В Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) институт крайней необходимости закреплен в ст. 3.3. Она закрепляет, что «не является административным правонарушением действие, совершенное лицом в состоянии крайней

необходимости, то есть для предотвращения или устранения опасности, непосредственно угрожающей жизни, здоровью, правам и законным интересам данного лица или других лиц, интересам общества или государства, если соответствующая опасность при данных обстоятельствах не могла быть устранена другими средствами и если причиненный вред не является более значительным, чем предотвращенный. При этом состояние крайней необходимости признается также в ситуации, когда действие, совершенное для предотвращения опасности, не достигло своей цели и вред наступил, несмотря на все предпринятые лицом, добросовестно рассчитывавшим его предотвратить, меры».

Крайняя необходимость – это всегда столкновение двух правоохраняемых интересов, когда предотвратить наступление вреда одному из них можно, лишь причинив вред другому.

В отличие от необходимой обороны, где имеет место «защита права от неправа», при крайней необходимости осуществляется «защита одного права за счет другого». Лицо, находящееся в состоянии крайней необходимости, совершает действие, которое формально содержит признаки какого-либо административного правонарушения, предусмотренного в статьях Особенной части КоАП. Но при этом субъект не стремится противопоставить себя интересам общества, не относится пренебрежительно или недостаточно внимательно к общепринятым нормам поведения, а желает спасти большее благо путем причинения вреда меньшему.

С внешней стороны причинение вреда каким-либо правоохраняемым интересам подпадает под признаки административного правонарушения. Однако в действиях, совершенных в состоянии крайней необходимости, отсутствует признак общественной опасности, поскольку пусть и вредоносными действиями, но спасается более ценное благо. Такое содержание крайней необходимости и явилось основанием для отнесения ее к обстоятельствам, исключающим признание деяния административным правонарушением, что и определяет административно-деликтное значение.

Таким образом, под крайней необходимостью понимается защита одних охраняемых интересов путем вынужденного причинения вреда другим охраняемым интересам.

Для определения того, была ли крайняя необходимость, следует учитывать:

1) условия, характеризующие опасность. Опасность должна быть наличной и действительной. К угрозам опасности можно отнести: нападение животных, различные действия людей, действия стихийных сил природы и иные источники;

2) условия, характеризующие правомерность действий в состоянии крайней необходимости. Следует учитывать, что а) опасность не могла быть устранена другими способами; б) причиненный ущерб не является более значительным, чем предотвращенный.

Таким образом, необходимо отметить, что единого определения, полностью описывающего институт крайней необходимости, не существует.

Правовая мысль предоставляет широкий перечень трактовок такого явления, как крайняя необходимость. Большое значение на возникновение и развитие того или иного подхода к формированию терминологии оказывает общее направление правовой мысли в государстве, политические и социальные факторы. Что касается определения крайней необходимости, закрепленного в ч. 1 ст. 3.3 КоАП, мы занимаем позицию, выраженную в утверждении, что данное определение является неполным и нуждается в более подробной законодательной регламентации, поскольку не отражает все условия правомерности крайней необходимости, что может привести к необоснованному осуждению граждан. Видится, что более подробное закрепление всех условий правомерности данного института позволит минимизировать ошибки, возникающие на практике.

Быстров А. Д.
СОЗДАНИЕ АВАРИЙНОЙ ОБСТАНОВКИ:
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ, ПРОЦЕСС ДОКАЗЫВАНИЯ,
ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

Быстров Андрей Денисович, студент 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, 123456789zzz576@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Чешко В.Ю.

С принятием нового Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП), вступившего в силу 1 марта 2021 г., появилось много новинок для водителей, одной из которых является изменение понятия «создание аварийной обстановки». В предыдущем КоАП «создание аварийной обстановки» звучало следующим образом: действия участников дорожного движения, вынудившие других его участников изменять скорость, направление движения или принимать иные меры по обеспечению собственной безопасности или безопасности других лиц. Под эту формулировку можно отнести по сути любые неаккуратные или небрежные действия водителей (резкое торможение, неаккуратное перестроение и т. д.).

Новым КоАП данное понятие было дополнено фразой «... а равно повлекшее повреждение другого транспортного средства или имущества других участников дорожного движения». Данная норма говорит о значительном ужесточении понятия «создание аварийной обстановки».

Иными словами, любое ДТП, будь то маленькая царапина или что-то более существенное, будет подпадать под норму Примечания к ст. 18.1 КоАП, в котором и описывается понятие аварийной обстановки. Ответственность за создание аварийной обстановки предусмотрена ст. 18.13 и 18.20 КоАП.

Так, санкция по ч. 12 ст. 18.13 предусматривает штраф в размере от 5 до 20 базовых величин с лишением права заниматься определенной деятельностью до двух лет или без лишения за нарушение ПДД, повлекшего создание аварийной обстановки. На наш взгляд, санкция имеет достаточно жесткий характер и является несправедливой по отношению к водителям, так как за малейшее ДТП лишать водительских прав весьма необоснованно. Но

все зависит от конкретного случая и усмотрения правоприменителя. При наложении административного взыскания будет учитываться характер правонарушения, личность нарушителя, последствия и другие смягчающие или отягчающие обстоятельства. В случаях мелких ДТП водителей спасает «европротокол», при применении которого сообщать о ДТП в ГАИ не нужно.

Для сравнения строгости санкции нормы ч. 12 ст. 18.13 можно привести пример такого административного правонарушения, как оставление водителем места ДТП, участником которого он является, предусмотренного ч. 2 ст. 18.16 КоАП.

Оставление места ДТП, по нашему убеждению, имеет большую степень общественной вредности и влечет куда больше негативных последствий, и санкция данной статьи также предусматривает лишение водительских прав сроком до двух лет.

Но, такова воля законодателя на этот счет, правда многие моменты он не учитывает. Например, следовало бы закрепить в ПДД понятие аварийной обстановки, дабы водителям было понятно, что она из себя представляет, ведь водителей учат соблюдать ПДД, а не нормы КоАП. Отсутствует также четкий перечень нарушений, которые могут повлечь создание аварийной обстановки, что делает наказание спорным, а норму неоднозначной для понимания и применения. Для привлечения лица к административной ответственности за создание аварийной обстановки должен присутствовать подтвержденный факт нарушения ПДД, который повлек создание аварийной обстановки. Здесь можно взять пример с Кодекса Украины об административных правонарушениях.

В Кодексе Украины об административных правонарушениях аварийная обстановка упоминается в ч. 4 ст. 122: «Нарушения, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, повлекшие создание аварийной обстановки, а именно: заставили других участников дорожного движения резко изменить скорость, направление движения или принять иные меры по обеспечению личной защиты и безопасности иных граждан».

Что касается доказательств по делу об административном правонарушении в Республике Беларусь, то ч. 2 ст. 6.3 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях к источникам доказательств относит: объяснения лица, в отношении которого ведется административный процесс, потерпевшего, свидетеля, эксперта, вещественное доказательство, протокол об административном правонарушении, протокол процессуального действия, а также иные документы и носители информации.

Создание аварийной обстановки – весьма тонкая к доказыванию вещь, и не всегда сотрудники ГАИ будут привлекать водителей к административной ответственности обоснованно и законно, поэтому очень важно для правоприменителя правильно прибегать к процессу доказывания факта наличия административного правонарушения, а для простых граждан – быть внимательными и не забывать также про свое право обжалования действий и решений должностного лица органа, ведущего административный процесс.

Гудович А. Ю., Марачковская В. И.
НЕУВАЖЕНИЕ К СУДУ КАК АДМИНИСТРАТИВНОЕ
ПРАВОНАРУШЕНИЕ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ

*Гудович Анастасия Юрьевна, Марачковская Виктория Игоревна, студентки
3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
gudovich.2003@mail.ru, marachkovskaja.mar21@mail.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Ладутько В. К.

Конституционное закрепление принципа разделения властей говорит о том, что судебная власть является независимой и самостоятельной и представляет собой особую форму государственной деятельности по реализации властных полномочий посредством судебных органов, действующих в законодательно определяемых пределах.

Авторитет суда – это элемент укрепления значимости судебной власти, который определяется через отношение участников процесса к суду и добросовестное исполнение судьями профессиональных обязанностей, гарантирующее эффективное восстановление нарушенных прав. Безусловно, действенным механизмом обеспечения авторитета судей является наличие ответственности за проявление неуважения к суду. Однако проблема заключается в том, что законодательством не определены формы поведения, охватываемые понятием «неуважение к суду». Честь, достоинство и репутация судьи, а также нормальная деятельность суда охраняются законом Республики Беларусь и любое действие, направленное на их умаление либо вмешательство в их деятельность, недопустимы. В отношении лиц, тем или иным образом проявляющих неуважение к суду, предусмотрена административная и уголовная ответственность. В ст. 25.1 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) предусмотрена ответственность за неуважение к суду.

Объектом административного правонарушения, предусмотренного ст. 25.1 КоАП, являются общественные отношения по осуществлению правосудия при разрешении конкретных дел в суде в порядке уголовного, административного, гражданского или хозяйственного процесса.

Проявление неуважения к суду, как административное правонарушение, может выражаться в следующих формах: в уклонении от явки в суд, т. е. неявка по вызову без уважительной причины; неподчинении распоряжению председательствующего; нарушении порядка во время судебного заседания; совершении иных действий, свидетельствующих о явном пренебрежении к суду.

Таким образом объективная сторона может быть выражена как в форме действия, так и в форме бездействия.

В соответствии с нормами процессуального законодательства Республики Беларусь лицо, вызванное в суд, обязано явиться, а в случае невозможности явки по вызову, известить суд о причинах неявки и представить доказательства уважительности этих причин.

Своевременная явка в судебное заседание является обязанностью всех участников процесса. Уважительными причинами неявки в суд признаются: болезнь, нахождение в лечебном учреждении, обстоятельства непреодолимой силы и т. д. Такие причины как рабочая занятость, отпуск и т. п., не могут быть признаны уважительными, поскольку лицо имеет объективную возможность явиться в судебное заседание, и неявка в данном случае может быть расценена судом как противодействие лица рассмотрению дела и подчеркнутое неуважение к суду.

Процессуальное законодательство (ст. 271 ГПК, ст. 306 УПК) регламентирует порядок судебного заседания, соблюдение которого является основной обязанностью лиц, присутствующих в судебном заседании и обусловлено целью правосудия и задачами суда. В ходе судебного заседания присутствующие лица обязаны:

- встать при входе суда в зал заседания, а также при оглашении решения (определения, постановления), провозглашении приговора;
- обращаться к суду со словами «Высокий суд»;
- давать показания и объяснения, делать заявления стоя. Отступление от этого правила допускается лишь с разрешения председательствующего.

Все участники процесса, а также иные лица, присутствующие в судебном заседании, обязаны соблюдать установленный порядок и беспрекословно подчиняться соответствующим распоряжениям судьи. Несоблюдение указанных требований расценивается как неуважение к суду и лица, нарушающие порядок, а также не подчиняющиеся распоряжению председательствующего судьи, могут быть подвергнуты административному взысканию.

Вариантом проявления неуважения к суду согласно ст. 25.1 КоАП является также «совершение иных действий, свидетельствующих о явном пренебрежении к суду». Примером таких действий может быть явка в судебное заседание в состоянии алкогольного опьянения.

Явным пренебрежением к суду является также: оскорбление судьи, народного заседателя, нанесенное устно или письменно, путем различных действий (пощечина, плевок, непристойный жест и т. д.), насилие, угроза убийством, насилием, уничтожением или повреждением имущества либо шантаж в отношении судьи, народных заседателей или их близких либо угроза распространением клеветнических или оглашением иных сведений, которые эти лица желают сохранить в тайне, совершенные в связи с осуществлением судьей или народным заседателем правосудия. Такого рода действия будут квалифицироваться как преступления, предусмотренные ст. 388, 389 или ст. 391 Уголовного кодекса Республики Беларусь.

Опасность неуважения к суду, выражающаяся в уклонении от явки в суд по вызову без уважительной причины, либо в неподчинении распоряжению председательствующего, либо в нарушении порядка по время судебного заседания, а равно совершение иных действий, свидетельствующих о явном пренебрежении к суду, состоит в том, что оно нарушает нормальную деятельность суда, подрывает его статус, создает в зале судебного заседания

обстановку нервозности, мешающую суду и иным участникам судебного разбирательства всесторонне, полно и объективно исследовать обстоятельства, имеющие значения для правильного разрешения дела. Рассматриваемое деяние направлено на подрыв достоинства участников судебного разбирательства, а также их чести. Авторитет суда должен быть непререкаем. В связи с изложенным представляется совершенно обоснованным установление более строгой административной ответственности за неуважение к суду.

Евтух Л. В.

АНАЛИЗ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УПРАВЛЕНИЕ ТРАНСПОРТНЫМ СРЕДСТВОМ В СОСТОЯНИИ АЛКОГОЛЬНОГО ОПЬЯНЕНИЯ

Евтух Людмила Владимировна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, yevtukh.mila@inbox.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Чешко В. Ю.

Актуальность такой проблемы как административная ответственность за управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения связана с поиском законодателем эффективного административно-правового инструмента для органов, уполномоченных осуществлять правоприменительную деятельность и вести административный процесс по делам данной категории.

Административная ответственность за управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения установлена ст. 18.15 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП). Административная ответственность по ч. 1 ст. 18.15 наступает за «управление транспортным средством лицом, находящимся в состоянии алкогольного опьянения при наличии абсолютного этилового спирта в крови или выдыхаемом воздухе в концентрации до 0,8 промилле включительно или наличии паров абсолютного этилового спирта в концентрации до 380 микрограммов на один литр выдыхаемого воздуха включительно».

На наш взгляд, отсутствие в диспозиции ч. 1 ст. 18.15 КоАП конкретной цифры в промилле, указывающей на минимальный порог алкогольного опьянения, с которого наступает административная ответственность лица за управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения, вызывает у граждан ее некорректное восприятие, а следовательно, требует совершенствования.

По нашему мнению, физическому лицу при ознакомлении с диспозицией понятно, что максимальный порог алкогольного опьянения, который одновременно является и максимальным порогом административной ответственности по ч. 1 ст. 18.15 КоАП, установлен до 0,8 промилле или наличия паров абсолютного этилового спирта в концентрации до 380 микрограммов на один литр выдыхаемого воздуха включительно.

А вот минимальный порог состояния алкогольного опьянения, который является одновременно и минимальным порогом для привлечения к

административной ответственности, может вызывать неоднозначное толкование ввиду того, что в КоАП он конкретной цифрой не обозначен.

В связи с этим может возникнуть неправильное толкование ч. 1 ст. 18.15 КоАП: административная ответственность для физического лица наступает в случае выявления в крови или выдыхаемом воздухе абсолютного этилового спирта в концентрации свыше 0 промилле или наличии паров абсолютного этилового спирта в концентрации свыше 0 микрограммов на один литр выдыхаемого воздуха.

Вместе с тем абз. 2 п. 3 постановления Совета Министров Республики Беларусь от 14.04.2011 № 497 дает определение понятию «состояние алкогольного опьянения», тем самым устанавливая его минимальный порог.

Помимо ст. 18.15 КоАП, понятие «состояние алкогольного опьянения» в главе 18 КоАП также содержится в ст. 18.7, 18.20 и 18.22 КоАП.

В связи с этим считаем целесообразным в целях устранения выявленной неопределенности дополнить ст. 18.15 КоАП после ч. 4 примечанием, заимствовав из абз. 2 п. 3 постановления Совета Министров Республики Беларусь от 14.04.2011 № 497 определение понятия «состояние алкогольного опьянения». Считаем, примечание должно иметь следующее содержание: «Для целей настоящей главы под состоянием алкогольного опьянения понимается наличие абсолютного этилового спирта в крови или выдыхаемом воздухе в концентрации 0,3 и более промилле или наличие паров абсолютного этилового спирта в концентрации 150 и более микрограммов на один литр выдыхаемого воздуха».

Принятие нашего предложения позволит гражданам корректно понимать действующий минимальный порог алкогольного опьянения, с которого наступает административная ответственность лица за управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения по ч. 1 ст. 18.15 КоАП, а также содержание диспозиций в ст. 18.7, 18.20 и 18.22 КоАП, в которых также присутствует понятие «состояние алкогольного опьянения».

Ершова В. Н., Богданович А. С.

СТАТУС ПРОКУРОРА В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРОЦЕССЕ

*Ершова Вероника Николаевна, Богданович Алина Сергеевна, студентки
2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
veronika20112033@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Чешко В. Ю.

Проблема правового статуса прокурора в административном процессе можно охарактеризовать неоднозначным научным определением как места административного процесса в системе права, так и его видов. Традиционно под прокурором главным образом понимается субъект административно-деликтного процесса. Вместе с тем современное белорусское законодательство говорит о том, что такое восприятие полностью не отражает статус прокурора во всех видах его административно-процессуальной деятельности и требует доктринального осмысления. Общий объем компетенций прокуроров указан

в ст. 2.16 «Прокурорский надзор за исполнением законов при ведении административного процесса» Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИК_оАП). Рассматривая полномочия прокурора в рамках процессуальной части ПИК_оАП, следует согласиться с тем, что по своему содержанию они могут быть разделены на три основные группы: полномочия в выявлении нарушений законов, причин и условий, им способствующих; полномочия, направленные на устранение нарушений законов, причин и условий, им способствующих; полномочия в привлечении правонарушителей к ответственности.

Необходимо также подчеркнуть, что органы прокуратуры в ч. 1 ст. 3.1 ПИК_оАП не названы в качестве органа, рассматривающего дела об административных правонарушениях, поэтому третью группу полномочий, относящихся к белорусскому законодательству правильнее было бы назвать в качестве групп по административному преследованию. В основе классификации третьей группы полномочий прокурора лежит наличие у него права делегирования административного преследования другому государственному органу, совершение процессуальных и иных действий на стадии подготовки дела, а также порядок составления протокола об административном правонарушении. Она больше разделена по нормам ПИК_оАП, чем две другие группы, и состоит из двух подгрупп:

1) по делегированию на основе п. 8 ч. 2 ст. 2.16 или ч. 1 ст. 9.4 ПИК_оАП административного преследования компетентному органу согласно ст. 3.30 ПИК_оАП. Это относится только к правонарушениям, по которым согласно п. 4 ч. 2 ст. 3.30 ПИК_оАП прокурором составляются протоколы лишь в порядке надзора;

2) по непосредственному административному преследованию полностью или частично.

В первом случае при наличии состава правонарушений прокурор может назначить подготовку дела об административном правонарушении в полном объеме, используя полномочия, предусмотренными ст. 3.29 ПИК_оАП, составив в конце протокол или прекратить ведение дела. Эти полномочия прокурора носят ненадзорный характер. В таких случаях не предусматривается право прокурора делегировать подготовку дела об административном правонарушении к рассмотрению другим органам. Во втором случае прокурор имеет право по начатому им административному процессу поручить подготовку дела к рассмотрению надлежащему органу и истребовать дело, начатое иным компетентным органом, который осуществляет его подготовку к рассмотрению и т. д. Эти полномочия прокурора подразумевают надзорный характер. Следовательно, прокурор может составить протокол об административном правонарушении и в качестве должностного лица органа, ведущего административный процесс (ст. 3.29 ПИК_оАП), и как надзирающий субъект (ст. 3.30 ПИК_оАП).

Полномочия прокурора в области Исполнительной части ПИК_оАП не регламентируются кодексом четко. Они указаны в п. 10 ч. 2 ст. 2.16

ПИКоАП, а также общими полномочиями в Законе «О прокуратуре Республики Беларусь» и ином специальном законодательстве, и нуждаются, по нашему мнению, в конкретизации и развитии. Примером полномочий прокурора в качестве руководителя соответствующей прокуратуры в административно-правотворческом процессе является его право на издание приказов и распоряжений (ст. 23–25 Закона о прокуратуре).

Проанализировав законодательные акты и литературные источники, мы сделали вывод, что особенностью административного процесса является тот факт, что он обеспечивает процедуру реализации как регулятивных, так и охранительных норм права. При этом административный процесс носит различный характер, предоставляя в зависимости от реализуемой нормы права одному и тому же субъекту различные полномочия. Исследование статуса прокурора в административно-деликтном процессе обозначило необходимость актуализации и корректировки его полномочий в данной части правового поля, а в других видах административного процесса – выявления полномочий прокурорских работников в них и глубокого анализа таковых. Статус прокурора в административном процессе – это многогранный и содержательный правовой феномен, который следует исследовать и в дальнейшем.

Кореник Д. А., Ромашко А. В.

ПРОФИЛАКТИЧЕСКИЕ МЕРЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ

*Кореник Диана Александровна, Ромашко Анастасия Валерьевна, студентки
3 курса юридического факультета Белорусского государственного
университета, г. Минск, Беларусь, dianakorenik@mail.ru, rmshk_a@mail.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Ладутько В. К.

Административное правонарушение – это противоправное виновное, а также характеризующееся иными признаками, предусмотренными Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП), деяние (действие или бездействие), за которое установлена административная ответственность. Правонарушение – событие социальное, его социальный характер обусловлен массовостью нарушений условий норм права в обществе, что причиняет значительный моральный и материальный вред. В социальном значении основное в этом действии – то, что оно противоречит имеющимся социальным отношениям, причиняет или способно причинить вред правам и интересам граждан, коллективов и общества в целом. Правонарушение всегда общественно вредно. Степень общественной вредности деяния может быть различной, но ее наличие обязательно для отнесения его к правонарушениям. Правонарушения посягают на различные стороны общественной жизни, наносят ущерб политическим, трудовым, имущественным, личным правам и свободам граждан.

Профилактические меры воздействия – это меры, которые применяются к лицу, совершившему административное правонарушение, в целях предупреждения совершения им новых административных правонарушений.

Целью профилактики правонарушений является защита личности, общества и государства от противоправных посягательств. Главными задачами профилактики правонарушений являются:

- формирование законопослушного поведения граждан;
- уменьшение размеров ущерба и потерь от правонарушений;
- исключение факторов и условий совершения правонарушений;
- недопущение совершения правонарушений со стороны граждан.

К профилактическим мерам воздействия относятся: устное замечание; предупреждение; меры воспитательного воздействия (в отношении несовершеннолетних).

Устное замечание подразумевает разъяснение физическому лицу противоправного характера и общественной вредности совершенного им административного правонарушения и предостережение о недопустимости противоправного поведения с его стороны. Предупреждение состоит в письменном предостережении лица, совершившего административное правонарушение, о недопустимости противоправного поведения с его стороны и правовых последствиях повторного совершения данного административного правонарушения.

Меры воспитательного воздействия относятся к отдельной категории профилактических мер воздействия как со стороны правовой регламентации, так и по своей правовой специфике. Такие меры не влекут правовых последствий, поэтому кардинально отличаются от административных взысканий. Система мер воспитательного воздействия введена в КоАП исключительно для несовершеннолетних и является альтернативой административному взысканию. Меры воспитательного характера призваны осуществить следующие цели:

- освобождение несовершеннолетних правонарушителей от административной ответственности;
- предупреждение с их стороны новых правонарушений.

Необходимо отметить, что система мер воспитательного воздействия отличается от предупреждения как профилактической меры тем, что вышеуказанная система может предусматривать определенные ограничения, иметь запреты, соблюдать обязательства.

На данном этапе ст. 9.4 КоАП предусмотрены следующие возможные меры воспитательного воздействия:

- 1) разъяснение законодательства;
- 2) возложение обязанности принести извинения потерпевшему;
- 3) возложение обязанности загладить причиненный вред;
- 4) ограничение досуга.

В ч. 2 ст. 9.4 предусмотрена возможность применения одной, нескольких и даже всех мер воспитательного воздействия.

В заключение необходимо отметить, что существование такого института, как профилактические меры воздействия, обусловлено попыткой отхода от репрессивных мер в сторону мер предупредительного характера.

Административная ответственность связана с публичностью, поэтому она должна быть прежде всего справедливой. Принцип справедливости, предусмотренный в ст. 4.2 КоАП, предполагает нацеленность кодекса на применение вместо административного взыскания мер профилактического воздействия в том случае, когда без наложения административного взыскания можно обойтись в силу анализа данных о личности и конкретных обстоятельств, при которых произошло правонарушение.

Кравцова Е. С.

УСЛОВИЯ И ОСОБЕННОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Кравцова Елизавета Сергеевна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, magic.eliz28@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Чешко В. Ю.

Административная ответственность представляет собой достаточно сложный институт в административно-деликтном праве. Это обусловлено рядом обстоятельств. Во-первых, порядок привлечения юридических лиц к ответственности в административно-деликтном праве не в полной мере исследован, что выражается в наличии определенных проблем, в отличие от привлечения к ответственности физических лиц. Во-вторых, процесс привлечения к административной ответственности имеет ряд особенностей, которые следует учитывать, поскольку достаточно просто нарушить принцип справедливости и целесообразности ответственности.

При наложении административного взыскания на юридическое лицо необходимо учитывать целый ряд обстоятельств, оговоренных в Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП): характер административного правонарушения, характер и размер причиненного вреда, обстоятельства, смягчающие или отягчающие административную ответственность, финансово-экономическое положение юридического лица (ч. 3 ст. 7.1 КоАП). Учет приведенных обстоятельств является не правом, а обязанностью органов (должностных лиц), уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях. Для должного разъяснения юридическому лицу наложения штрафной санкции в таком размере, а не в ином и в постановлении о его наложении назвать учтенные обстоятельства, сделав ссылку на соответствующую статью КоАП. Следует учитывать, что юридическое лицо может быть привлечено к административной ответственности на основании принципов законности, справедливости, гуманизма, равенства перед законом, а также виновной ответственности физических лиц (ч. 3 ст. 1.2 КоАП) и лишь в случае, когда такое лицо указано в санкции и будет установлено, что им не были приняты все меры по соблюдению норм (правил), за нарушение которых предусмотрена административная ответственность (ч. 2 ст. 4.6 КоАП). Для наступления административной ответственности юридического лица также требуется соблюдение специального условия, предусмотренного ч. 3 ст. 4.6 КоАП.

Привлечение к административной или уголовной ответственности должностного лица, непосредственно виновного в несоблюдении указанных норм (правил) юридическим лицом, по общему правилу, не освобождает это юридическое лицо от административной ответственности (ч. 2 ст. 4.6 КоАП).

На основании действующего законодательства и правоприменительной практики существующие меры административной ответственности юридических лиц, которые ограничиваются в подавляющем большинстве случаев применением к юридическим лицам штрафа. Как известно, денежное взыскание в доход государства для юридического лица существенно выше, нежели для физического. Так, сотрудник юридического лица, по чьей вине произошло административное правонарушение, фактически обременяется не столько двойной юридической ответственностью, сколько тройной. Максимальный размер штрафа, налагаемый на юридическое лицо, не может превышать тысячи базовых величин (ст. 6.4 КоАП). Наложение штрафа на юридическое лицо не освобождает от административной ответственности за данное правонарушение виновное должностное лицо юридического лица.

Анализ законодательства об административной ответственности и мнений ученых по этой проблеме позволяет выделить следующие подходы к определению вины юридического лица в административном праве.

Субъективный подход. Суть подхода заключается в том, что вина не может быть применена к юридическому лицу в изначальном виде, потому что юридическое лицо – это фикция. Правоведы определяют вину юридического лица через вину физических лиц, которые его представляют. Это логично, поскольку юридическое лицо не может функционировать самостоятельно. Оно действует через своих представителей, которые наделены законом и учредительными документами полномочиями на представление интересов данного юридического лица.

Объективный подход. Суть заключается в том, что вина определяется не из психического отношения участников юридического лица, а как совокупность отрицательных факторов, характеризующихся неприятием юридическим лицом мер для предотвращения нарушений. Таким образом, в соответствии с объективным подходом вина юридического лица – это противоправное поведение, характеризующееся действием или бездействием, которое нарушает установленный законом правопорядок.

Существует третий подход к определению вины юридического лица. Он характеризуется тем, что объединяет субъективный и объективный подходы. Вина организации определяется через вину его представителей, действия которых выступили причиной совершения административного правонарушения. Но, если правоприменительный орган установит, что работник юридического лица вышел за пределы своих полномочий, либо злоупотребляет своим должностным положением, то вина юридического лица исключается. Данный подход лучше всего учитывает интересы как правоприменительных органов, так и самого юридического лица через возможность исключения его вины, а также не имеет недостатков субъективного и объективного подходов.

Вне зависимости от подхода к определению вины юридического лица признаки составов административных правонарушений должны быть описаны прямо и непротиворечиво.

В заключение отметим, что необходимо принимать все возможные меры для установления виновного и привлечения его к ответственности. В связи с этим законодателю стоит пересмотреть этот институт административно-деликтного права с целью установления справедливости, а равно для обеспечения соответствия административных норм нормам других отраслей национального и международного права.

Лаптёнок А. И.

ОСОБЕННОСТИ НАЛОЖЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ВЗЫСКАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ ПРАВА ЗАНИМАТЬСЯ ОПРЕДЕЛЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ, СВЯЗАННОЙ С УПРАВЛЕНИЕМ ТРАНСПОРТНЫМ СРЕДСТВОМ

Лаптёнок Анна Игоревна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, laptenokanua02@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Чешко В. Ю.

На сегодняшний день одними из наиболее распространенных административных правонарушений считаются правонарушения против безопасности движения и эксплуатации транспорта, в частности превышение скорости движения. Согласно статистическим показателям, полученным из единого государственного банка данных о правонарушениях Республики Беларусь, в период с 2019 по 2021 г. зарегистрированных органами внутренних дел Республики Беларусь административных правонарушений около 85 % составляют административные правонарушения против безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта, 65 % из которых являются административные правонарушения, связанные с нарушением скоростного режима.

Независимо от вида транспортного средства, на котором совершается правонарушение, ответственность по ч. 5 ст. 18.12 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) (наложение штрафа в размере от пяти до пятнадцати базовых величин или лишение права заниматься определенной деятельностью сроком до одного года) наступает для водителей транспортного средства одинаковая (в пределах санкции). На наш взгляд, данная норма не совсем соответствует принципам справедливости и соразмерности наложения административного взыскания, поскольку упомянутые выше транспортные средства обладают разными техническими характеристиками и, с нашей объективной точки зрения, приобретаются для разных целей.

На данный момент в Республике Беларусь существует множество категорий прав управления транспортными средствами, среди которых «АМ» – мопеды, «А» – мотоцикл, «В» – легковые авто и автобусы до 8 мест, «С» –

грузовые авто, «D» – пассажирские автобусы, «F» – трамваи, «I» – троллейбусы.

Рассуждая о целях получения той или иной категории, мы можем сказать, что категория «B» приобретается 90 % населения для повседневной круглогодичной эксплуатации легкового автомобиля; категории «C», «D», «F», «I» – целью дальнейшего трудоустройства по данным категориям; категория «A» – для управления мотоциклом, в то время, как мотоцикл – это по большей части хобби, игрушка. Помимо этого, самый важный критерий – это сезонный вид транспорта. Мотосезон проходит в период с середины мая по конец октября.

Таким образом, можно сделать вывод, что водитель может ответственно относиться к управлению легковым автомобилем, грузовым автомобилем, автобусом, поскольку от этого зависит его ежедневное передвижение и, более того, работа. Следует еще обратить внимание, что в базе правонарушений у водителя могут отсутствовать нарушения скоростного режима на указанных видах транспорта, в то время как управляя мотоциклом, он совершает нарушения скоростного режима.

Как упоминалось ранее, судебная практика по данной категории дел идет по пути лишения права заниматься определенной деятельностью сразу на все категории водительских прав, которые имеются у правонарушителя.

Исходя из вышеизложенных фактов, мы предлагаем внести следующие изменения в КоАП и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИКоАП):

1) в ст. 1.10 КоАП закрепить понятия «категория водительских прав» и «лишение категории водительских прав»;

2) санкция ч. 5 ст. 18.12 КоАП должна предусматривать лишение права заниматься определенной деятельностью сроком до одного года на ту категорию водительских прав, на которой было совершено правонарушение. Помимо этого, санкция данной статьи может регламентировать лишение права заниматься определенной деятельностью на все категории водительских прав при повторном лишении;

3) статью 19.2 ПИКоАП предлагается дополнить нормой о том, что административное взыскание в виде лишения права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами определенной категории, исполняется путем проставления соответствующей отметки в автоматизированной информационной системе в порядке, определенном Министерством внутренних дел.

Подводя итог вышесказанному можно сделать вывод, что нормы КоАП и ПИКоАП нуждаются в совершенствовании. Важно подчеркнуть, что предложенные нами изменения будут в точности отвечать принципу справедливости наложения административного взыскания, который указан в качестве одного из руководящих принципов, которым должны руководствоваться органы и должностные лица при ведении административного процесса.

Литвинчук Д. Ю.

СТИМУЛИРОВАНИЕ ПРАВОМЕРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК СПОСОБ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В СФЕРЕ ОХРАНЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВОД

Литвинчук Диана Юрьевна, аспирант 3 года обучения Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, diana_9788@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Ладутько В. К.

Одним из способов предупреждения административных правонарушений в сфере охраны и использования вод стоит считать стимулирование правомерной деятельности. Данный подход, предполагающий применение метода стимулирования правомерной деятельности, выходит за рамки классического, при котором в целях противодействия административным правонарушениям применяются меры административной ответственности. Рассматриваемый подход позволяет добиться большего в деле сохранения окружающей среды – сделать соблюдение природоохранного законодательства «выгодным» для потенциального субъекта правонарушения. При этом, безусловно, речь идет об оптимальном балансе между теми мерами, которые используются в рамках двух подходов.

С учетом того, что одними из причин совершения административных правонарушений в сфере охраны и использования вод являются именно экономические, стимулирование правомерной деятельности возможно с помощью экономических (материальных) методов. Стимулирование правомерной деятельности в сфере экологии с использованием экономических методов применяется во многих странах, таких как: Франция, Япония, США и др. Фактически стимулирование правомерной деятельности в сфере экологии означает применение различных мер поощрений к лицу, соблюдающему природоохранное законодательство.

Рассмотрим подробнее виды мер стимулирования, применяемые в некоторых зарубежных государствах.

Во Франции, например, в качестве меры поощрения предусмотрена премия тому, кто содействует сохранению природы, ее компонентов. В частности, затрагивается и сфера охраны и использования вод: предприятия, которые используют передовые системы очистных сооружений, премируются. В данном аспекте стоит заметить, что используя наиболее современные системы очистных сооружений, предприятия снижают возможность загрязнения либо засорения вод.

В Японии в качестве мер стимулирования (поощрения) применяются льготы. Так, к предприятиям, устанавливающим очистные сооружения, применяются различные льготы. В том случае, если предприятие приобретает передовые установки, государство частично компенсирует их стоимость.

В США также в целях соблюдения субъектами природоохранного законодательства административные методы дополняются экономическими.

Речь идет о предоставлении компаниям прямых субсидий на приобретение очистного и контрольного оборудования, предоставление льготных займов на эти цели, отмена в ряде штатов налога на собственность для тех компаний, которые осуществляют в полной мере природоохранные мероприятия. Также существует возможность покупки одной компанией очистных сооружений для другой, получая при этом отсрочку на выполнение соответствующих нормативов в сфере экологии.

Одним из стимулов по соблюдению законодательства в сфере охраны и использования вод выступает экологическое страхование, поскольку в целях снижения экологического риска страхователь принимает предупредительные мероприятия (экологический аудит, мониторинг и т. д.), поскольку заинтересован в осуществлении своей деятельности по экологическим показателям.

Вместе с тем, помимо материально-правового стимулирования, должны использоваться и морально-правовые методы стимулирования правомерной деятельности в сфере охраны и использования вод. Речь идет об объявлении благодарностей, освещении в СМИ информации о правомерной деятельности лиц и т. д. Полагаем, что следует включить в действующее законодательство Республики Беларусь нормы о стимулировании деятельности по соблюдению природоохранного законодательства, что будет способствовать предупреждению административных правонарушений в сфере охраны и использования вод.

Лысенко В. С., Лукша А. А.

ОСОБЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

*Лысенко Вероника Сергеевна, Лукша Алина Андреевна, студентки 3 курса
Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
lysenko_veronika@inbox.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Ладутько В. К.

В соответствии с главой 9 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КОАП) административной ответственности подлежит лицо в возрасте от шестнадцати до восемнадцати лет, совершившее правонарушение, а также лица в возрасте от четырнадцати до шестнадцати, за отдельные виды правонарушений, предусмотренных КОАП. Целью административной ответственности является исправление несовершеннолетних и предупреждение совершения новых правонарушений.

Административные взыскания к лицу, совершившему административное правонарушение, в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет применяются на общих основаниях.

Привлечение несовершеннолетних к административной ответственности имеет ряд ключевых особенностей, определенных статусом и положением несовершеннолетних в обществе, а также отношением законодателя к ним.

Особенностью административной ответственности несовершеннолетних является то, что в отношении них не могут применяться общественные работы, административный арест; размер налагаемого на него штрафа не может превышать двух базовых величин, для индивидуального предпринимателя – четырех базовых величин (независимо от размера штрафа, предусмотренного в санкции). При отсутствии у несовершеннолетнего заработка, стипендии или иного дохода к нему применяются меры воспитательного воздействия. Лишение права заниматься определенной деятельностью может налагаться на срок не более одного года.

Основная причина девиантного поведения подростков является переходный возраст, становление психики, усвоение общественных ценностей и т. д. При наложении мер административной ответственности, стоит учитывать условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, уровень его интеллектуального, волевого и психического развития, иные особенности личности несовершеннолетнего, влияние на его поведение родителей или лиц, их заменяющих, а также близких родственников, членов семьи и иных старших по возрасту лиц, характеристику по месту его учебы и (или) работы (при ее наличии).

Индивидуальные особенности правонарушителя играют важную роль в выборе мер юридической ответственности. Ведь если ответственность будет чрезмерно сурова, то она может нанести существенный моральный или физический ущерб несовершеннолетнему лицу.

Определено, что к несовершеннолетним правонарушителям применяются санкции без каких бы то ни было различий в отношении, например, расы, цвета кожи, пола, языка, вероисповедания, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения.

Лицо, совершившее административное правонарушение, в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет вне зависимости от категории административного правонарушения может быть освобождено от административной ответственности с применением к нему предупреждения или с применением других мер профилактического воздействия по общим правилам.

Поскольку несовершеннолетние являются довольно уязвимым слоем населения в связи с несформировавшейся психикой, они подвержены влиянию со стороны общества, у них еще не сформировался свой взгляд на жизнь, поэтому они склонны к девиантному поведению. Поскольку целью административной ответственности все-таки является исправление и предупреждение, а не наказание, то применение таких мер, как профилактическое воздействие и предупреждение, позволит подростку осознать свое противоправное поведение и вовремя исправиться.

Зарубежный опыт функционирования органов и учреждений ювенальной юстиции показывает, что во многих странах мира существуют суды по делам несовершеннолетних. К основным задачам таких судов относятся защита детей и их реабилитация. В настоящее время

специализированные суды по делам несовершеннолетних действуют во многих странах Европы, Азии, Латинской Америки, Канады и США.

На постсоветском пространстве специализированные межрайонные (ювенальные) суды по делам несовершеннолетних с комплексной юрисдикцией (уголовной, гражданской и административной) созданы лишь в Республике Казахстан. Создание специализированных ювенальных судов в Республике Беларусь, по нашему мнению, представляется нецелесообразным, поскольку количество правонарушений этой категории невелико. Кроме того, для обеспечения качества отправления правосудия по делам несовершеннолетних необходимо, чтобы все специалисты, участвующие в работе, в частности из правоохранительных и судебных органов, получали надлежащую профессиональную подготовку.

В завершение отметим, что за совершение противоправных деяний несовершеннолетними гражданами последние несут наказания, соразмерные своему правонарушению. Ограниченный список взысканий, применяемый к несовершеннолетним, дает возможность не сразу применять жестокие меры по отношению к подросткам, а позволяет сформировать у последних установку на законопослушное поведение.

Лысюк А. В.

К ВОПРОСУ О ЛЕГАЛИЗАЦИИ САМОГОНОВАРЕНИЯ С ЦЕЛЬЮ ЛИЧНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ

Лысюк Анна Викторовна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, anna_lysyuk12@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Ладутько В. К.

Давно известно о пагубном влиянии алкоголя как на организм человека, так и на общество в целом. Пьянство играет одну из ведущих ролей среди социальных явлений и процессов, обуславливающих совершение правонарушений и преступлений. К сожалению, Республика Беларусь относится к группе стран с высоким уровнем потребления алкоголя: по данным Всемирной организации здравоохранения, она занимает 28 место в рейтинге стран мира по уровню потребления алкоголя за 2018 г., что составляет 11,2 литра чистого этилового спирта на душу населения. Исследователи отмечают, что при превышении показателя в 8 литров спирта на человека происходит постепенная деградация нации в демографическом, экономическом, социальном и культурном отношении.

Незаконное изготовление и потребление крепких алкогольных напитков, а также полуфабрикатов для их изготовления на протяжении длительного периода времени является актуальной проблемой белорусского общества. Так, по оценкам экспертов Института социологии Национальной академии наук Беларуси, около 15 % взрослого населения занимается самогонварением и, следовательно, уровень реального потребления спиртных напитков увеличивается.

В связи с вышеизложенными фактами государство абсолютно целесообразно предусмотрело в ст. 13.27 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) административную ответственность за изготовление или приобретение самогона, браги и хранение аппаратов для их изготовления. В стране активно ведется борьба с данным правонарушением, в некоторых районах используются беспилотные летательные аппараты и тепловизоры для обнаружения самогонных мини-заводов в лесных массивах. Так, ежегодно в Беларуси милиция конфискует у населения до 1000 тонн браги и самогона.

Однако все чаще возникают предложения о легализации такой деятельности в целях личного потребления по примеру некоторых зарубежных стран. В Российской Федерации самогонование физическими лицами для личного потребления не запрещено, но предусмотрена ответственность за перемещение такой продукции по территории страны и через государственную границу. В ФРГ правила дистилляции спиртных напитков регулируются «Законом о монополии на спиртные напитки», в соответствии с которым разрешено изготавливать крепкий алкоголь объемом не более 0,5 литра исключительно в личных целях, при этом немцам разрешено владеть аппаратом для самогонования, но нельзя его продавать.

Следует подчеркнуть, что покупка самогонных аппаратов в Республике Беларусь не влечет юридической ответственности, в отличие от хранения аппаратов, используемых для изготовления самогона и браги, за что предусмотрена административная ответственность по ч. 1 и 2 ст. 13.27 КоАП. Необходимо отметить легкодоступность покупки самогонных аппаратов. Любой желающий может приобрести так называемый дистиллятор жидкости бытовой в офлайн магазинах или же на известных маркетплейсах.

Не стоит забывать о той опасности, которую несут в себе изготовление и потребление несертифицированной алкогольной продукции. Во-первых, сам процесс изготовления самогона и использования необходимых аппаратов представляют собой большой риск пожаров и взрывов, при этом нанесенный ущерб значительно увеличивается, если это происходит в многоквартирных домах. Во-вторых, самогон является источником пищевых отравлений, так как при производстве такого алкоголя не соблюдаются технологические циклы и не всегда проводится очистка готового продукта от вредных примесей, а также элементарно не всегда соблюдаются санитарно-гигиенические требования. В-третьих, такая продукция стоит дешевле, нежели магазинная, поэтому увеличивается и объем ее потребления.

Таким образом, по нашему мнению, с учетом всего вышеописанного не представляется возможной легализация самогонования с целью личного использования. Для борьбы с алкоголизмом в стране должна прививаться культура употребления спиртных напитков, а не поощрение изготовления такой продукции в домашних условиях. Но для ценителей такого «национального напитка» есть прекрасная возможность испробовать его в таких местах, как музейный комплекс старинных народных ремесел и технологий «Дудутки», Национальный парк «Беловежская пуца», культурно-

развлекательный комплекс «Белорусская деревня XIX века» и иных местах, имеющих лицензию на осуществление такого вида деятельности, где продают самогон, изготовленный мастерами по старинным рецептам, в целях воссоздания полноты белорусских национальных традиций.

Новик Ю. А.

ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА БЕЗБИЛЕТНЫЙ ПРОЕЗД

*Новик Юлия Александровна, студентка 3 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь, violin100@mail.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Чешко В. Ю.

Практика привлечения к ответственности за безбилетный проезд идет по пути привлечения максимального количества нарушителей. Для этих целей предусмотрены различные виды мер. Например, для выявления правонарушителей сотрудники контрольно-ревизионной службы (далее – КРС) скрывают свое присутствие в транспортном средстве, а затем настигают того, кто не оплатил проезд до остановки транспортного средства, что нам видится не соответствующим законодательству, поскольку несвоевременность оплаты проезда – это нарушение пункта правил, но оно не охватывается диспозицией ст. 18.28 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП). Сотрудники КРС скрывают также свою принадлежность к данной службе отсутствием специальных жилетов. Известны случаи на практике, когда сотрудники КРС привлекают граждан к ответственности за безбилетный проезд прямо на остановочных пунктах. Разберем эту ситуацию подробнее, поскольку она видится нам противоречащей законодательству.

Статья 14 Правил перевозок пассажиров городским электрическим транспортом (далее – Правила) гласит, что пассажир согласно договору перевозки пассажира городским электрическим транспортом в регулярном сообщении и договору перевозки пассажира метрополитеном обязан: своевременно и в полном объеме уплатить установленную плату за проезд, если иное не предусмотрено законами и актами Президента Республики Беларусь; иметь во время поездки в городском электрическом транспорте проездной документ и (или) документ, подтверждающий право на льготы по оплате проезда либо на бесплатный проезд. В соответствии с Правилами, поездка – один проезд пассажира по маршруту в течение одного рейса; рейс – путь транспортного средства от начального до конечного остановочного пункта маршрута в прямом или обратном направлении.

Пункт 41 Правил гласит: «Пассажир обязан иметь и сохранять до конца поездки проездные документы, иметь при себе оригиналы документов, подтверждающих право на льготы по оплате проезда, и предъявлять их по требованию контролирующих лиц, кондуктора или водителя». Согласно п. 2.44 Правил дорожного движения, утвержденных Указом Президента Республики Беларусь № 551 от 28.11.2005, пассажир – непричастное к

управлению транспортным средством физическое лицо, находящееся в (на) транспортном средстве, сходящее (высаживающееся) с транспортного средства.

Мы выяснили, что пассажир обязан иметь проездной документ во время поездки. Об обязанности сохранять билет после завершения поездки речи не идет. Понятие поездки не включает в себя нахождение пассажира на остановочном пункте до посадки или после выхода с транспортного средства. Если бы законодатель этими нормами хотел разрешить контроль на остановочных пунктах, то были бы четко определены границы остановочных пунктов и временной промежуток, в течение которого лицо обязано предъявить проездные документы после сошествия с транспорта.

Прибегнем также к грамматическому толкованию в отношении определения пассажира: сходящее, высаживающееся – это причастия несовершенного вида. Соответственно, когда лицо сошло и высадилось, оно не является пассажиром, поскольку действие окончено. Таким образом, если сотрудники КРС требуют предъявить проездные документы у лица, которое не находится в транспортном средстве, это лицо не обязано их предъявлять.

Подобные ситуации еще больше ухудшают ситуацию с и без того низкой правовой культурой. У граждан пропадает уважение к сотрудникам КРС, и маловероятно, что такие граждане после привлечения к ответственности станут платить за проезд в общественном транспорте.

Все эти меры направлены на привлечение к ответственности и нет ни одной меры, которая бы развивала правовую культуру людей. Ведь именно вследствие низкой правовой культуры граждане совершают правонарушения, а значит, вышеперечисленные меры видятся нам неэффективными в целях повышения количества граждан, оплачивающих проезд.

Какие меры мы предлагаем для развития правовой культуры граждан именно в сфере оплаты за проезд?

1. Проведение мероприятий, направленных на повышение знаний людей своих прав и обязанностей в сфере перевозки пассажиров общественным транспортом (например, предлагается осветить негативные последствия проезда без билета в маршрутных такси, когда водитель не выдает билет).

2. Разъяснение гражданам, что деньги, уплаченные за проезд, пойдут на улучшение условий перевозки, модернизирование транспортных средств.

3. Интерактивы с сотрудниками КРС, которые позволят людям больше узнать о работе данной службы и проникнуться уважением.

Таким образом, для повышения процента людей, оплачивающих проезд, наиболее эффективным будет поднятие уровня их правовой культуры. Направленность же на максимальное привлечение нарушителей и нарушение законодательства со стороны сотрудников КРС ведет лишь к увеличению количества нарушителей.

В целях совершенствования законодательства предлагаем добавить примечание к ст. 18.28 КоАП следующего содержания: «Лицо, находящееся на остановочном пункте после выхода из транспортного средства, не обязано иметь при себе проездные документы». В дополнение к примечанию следует организовать разъяснение КРС законодательства.

Снарова В. А.

**ВЕЙПИНГ КАК ФОРМА ДЕЛИНКВЕНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

Снарова Валерия Александровна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, snarova.valeri@yandex.by

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Ладутько В. К.

Толерантное отношение к табакокурению, а также снижение возраста к его приобщению являются чрезвычайно актуальными проблемами всего мирового сообщества. К тому же с появлением в 2003 г. электронных сигарет широкое распространение получила новая форма табакокурения – вейпинг, особенно популярная в настоящее время среди молодого поколения. В представлении нынешних детей и подростков электронные сигареты – своеобразный элемент моды. Однако они не задумываются над тем, что рискуют приобрести весьма стойкую и вредную для своего здоровья привычку. В связи с этим проблемы правовой и социальной защиты подрастающего поколения приобретают особую значимость.

В Республике Беларусь для предотвращения курения, в том числе вейпинга, предпринято множество мер. Однако, несмотря на все имеющиеся запреты и ограничения, все чаще можно встретить детей и подростков с электронной сигаретой в руках. В ходе проведенного нами исследования 43 % курящих несовершеннолетних признались, что сигареты им купили взрослые. И в таком поведении совершеннолетних граждан усматриваются признаки вовлечения в антиобщественное поведение, ответственность за которое предусмотрена ст. 19.4 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП). Однако анализ норм КоАП, в том числе указанной статьи, показал, что сам факт покупки и передачи табачной продукции детям и подросткам правонарушением в Беларуси не является. Вместе с тем в административно-деликтном законодательстве стран СНГ – Азербайджанской Республики, Республики Таджикистан, Российской Федерации – вовлечение несовершеннолетнего в процесс потребления табака является самостоятельным составом административного правонарушения. Таким образом, в целях обеспечения защиты здоровья детей в рамках реализации норм как международного, так и национального законодательства предлагаем дополнить ст. 19.4 КоАП составом административного правонарушения, предусматривающим ответственность лиц, достигших возраста 18 лет, за вовлечение заведомо несовершеннолетнего в антиобщественное поведение путем покупки и передачи ему табачных изделий, электронных систем курения, жидкостей для электронных систем курения, систем для потребления табака, нетабачных никотинсодержащих изделий, а равно путем предложения или требования от него употребить табачные изделия, нетабачные никотинсодержащие изделия.

Результаты проведенного нами исследования свидетельствуют о том, что в 78 % случаев «парящие» несовершеннолетние приобретают вейп-

продукцию самостоятельно в магазинах, киосках, а также на просторах сети Интернет. Следовательно, фактическая доступность табачных изделий, электронных сигарет, а также жидкостей для них, отсутствие контроля и должной практики наложения административных взысканий за невыполнение норм законодательства Республики Беларусь способствуют массовому приобщению подростков к курению. В связи с этим представляется целесообразным осуществлять эффективное применение норм законодательства Республики Беларусь по привлечению к административной ответственности работников торговли, допускающих незаконную продажу табачных изделий гражданам, не достигшим совершеннолетия. Кроме того, необходимо внедрение практики проведения тренингов с участием представителей правоохранительных органов и продавцов, в ходе которых сотрудникам органов внутренних дел надлежит должным образом доводить информацию о недопустимости нарушения требований законодательства с разъяснением предусмотренных мер ответственности за противоправное поведение.

Особую обеспокоенность вызывает выявленная нами проблема реализации вейп-продукции самими детьми и подростками, что может быть квалифицировано как занятие незаконной предпринимательской деятельностью. Однако в силу особенностей, характерных для субъекта правонарушения, а также специфичности его объективной стороны данный вопрос требует детального изучения. Тем не менее, основываясь на опыте Республики Казахстан, в целях реализации положения ч. 7 ст. 16 Рамочной конвенции Всемирной организации здравоохранения по борьбе против табака предлагаем дополнить ст. 13.11 КоАП составом административного правонарушения, предусматривающего ответственность за продажу табачных изделий, электронных систем курения, жидкостей для электронных систем курения, систем для потребления табака несовершеннолетними.

Таким образом, в Республике Беларусь, несмотря на ряд законодательно установленных запретов, существует достаточно предпосылок для массового вовлечения молодого поколения в табакокурение. В целях охраны здоровья детей и подростков представляется целесообразным дальнейшее совершенствование административно-деликтного законодательства Беларуси.

Фурс Е. А.

**ПРАВОВАЯ ОХРАНА РЕЖИМА КОММЕРЧЕСКОЙ ТАЙНЫ
И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ
КОММЕРЧЕСКОЙ ТАЙНЫ В СТРАНАХ ЕАЭС**

*Фурс Елизавета Антоновна, студентка 2 курса, Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь, e.a.furs@mail.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Абламейко М. С.

В полной ли мере охраняется режим коммерческой тайны в законодательстве Республики Беларусь? Для ответа на данный вопрос, мы предлагаем рассмотреть правовую охрану и ответственность за нарушение

режима коммерческой тайны в странах Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) и сравнить с белорусской моделью.

Правовая охрана режима коммерческой тайны в странах ЕАЭС хоть и имеет общие начала, однако не является сходной. В Республике Беларусь, Российской Федерации и Кыргызской Республике режим коммерческой тайны охраняется отдельным Законом «О коммерческой тайне», в то время как в Республике Армения и Республике Казахстан отсутствует специальное законодательство, регулирующее правовое положение коммерческой тайны и данный вопрос урегулирован нормами Гражданского кодекса.

Ответственность за нарушение режима коммерческой тайны предусмотрена уголовным законодательством стран ЕАЭС и наступает за сбор сведений, составляющих коммерческую тайну и за их разглашение.

Наиболее строгая ответственность за собирание сведений, составляющих коммерческую тайну предусмотрена ч. 1 ст. 199 Уголовного кодекса (далее – УК) Республики Армения и варьируется от штрафа до лишения свободы на срок не свыше 3 лет со штрафом или без. Уголовные кодексы Казахстана (ч. 1 ст. 223 УК Республики Казахстан) и России (ч. 1 ст. 183 УК РФ), предусматривают одинаковые меры возможного наказания, а именно: штраф, исправительные работы, общественные работы, а также лишение свободы на срок до двух лет. При этом необходимо отметить, что ч. 1 ст. 227 УК Кыргызской Республики не предусматривает лишение свободы как меру возможного наказания, а лишь штраф и общественные или исправительные работы. Необходимо отметить, что в белорусском законодательстве собирание сведений, составляющих коммерческую тайну именуется коммерческим шпионажем и в сравнении со странами ЕАЭС предусматривает наиболее строгую ответственность по ст. 254 УК в виде лишения или ограничения свободы на срок до 3 лет, ареста или штрафа.

Как нами упоминалось ранее, уголовное законодательство стран ЕАЭС также предусматривает ответственность за разглашение сведений, составляющих коммерческую тайну. Проанализировав соответствующие нормы уголовного законодательства стран ЕАЭС, можно заметить различия не только в санкциях, но и в диспозициях. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 199 УК Республики Армения привлечено к ответственности за разглашение может быть только лицо, которому данные сведения стали известны в связи с профессиональной или служебной деятельностью. При этом необходимо, чтобы такое лицо имело корыстную цель и причинило крупный ущерб. Наиболее схожая диспозиция содержится в ч. 2 ст. 223 УК Республики Казахстан, однако для привлечения лица к уголовной ответственности хватает личной заинтересованности без корыстной цели. Ответственность за распространение информации в соответствии со ст. 183 УК РФ разделена на две диспозиции, при этом информация не обязательно должна быть вверена такому лицу, но также может стать известной, а ч. 3 содержит повышенную ответственность в случае если деяние повлекло крупный ущерб или совершено с корыстной целью. Законодательство Кыргызской Республики содержит в диспозиции дополнительный признак – возможность привлечения лица к

ответственности в случае, если разглашение повлекло смену собственника на долю участия в юридическом лице либо установило контроль над юридическим лицом помимо воли собственника.

Диспозиция ст. 255 УК Республики Беларусь не охватывает возможность привлечения лица к уголовной ответственности в случае личной заинтересованности в распространении сведений, составляющих коммерческую тайну, а только если лицо имеет корыстную заинтересованность и причинило крупный ущерб. Из этого можно сделать вывод, что режим коммерческой тайны охраняется в достаточной мере в законодательстве, но вопрос о привлечении к ответственности лиц, которые действуют из личной заинтересованности, а также если их действия не причинили крупный ущерб, остается неурегулированным.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА

Дмитренко Н. А.
**КЛАССИЧЕСКИЕ АДМИНИСТРАТИВНЫЕ МЕТОДЫ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ**

*Дмитренко Никита Александрович, студент 3 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
nik.dmitrenko.2017@mail.ru*

Научный руководитель: канд. полит. наук, доцент Михайловский В. С.

Для успешного функционирования государственного механизма необходимы знания методов, с помощью которых можно осуществлять устойчивое государственное управление.

Г. В. Атаманчук указывает, что государственное управление представляет собой организующее и регулирующее воздействие государства на общественную жизнедеятельность людей в целях ее упорядочивания, сохранения или преобразования, опирающееся на политическую власть. К классическим административным методам государственного управления относят убеждение, поощрение и принуждение.

Социально-экономический фактор общественного развития актуализировал убеждение как метод государственном управления. Убеждение является системой правовых и организационных процедур, мер, способов влияния на участников отношений в целях побуждения их к желаемому поведению и совершению необходимых действий с позиции убеждающего. Выбор особых средств, процедур воздействия, применяемых в деятельности регулирования поведения людей, определяет качественную характеристику убеждения как метода управления. Убеждение как метод государственного управления – это способы и средства воздействия, направляющие сознание и поведение людей на добровольное выполнение правовых и организационных установок субъектов государственного управления.

Метод поощрения является одним из наиболее результативных способов повышения человеческой активности, а эффективность его заметно выше, чем метода принуждения. Метод поощрения опирается на соответствующую нормативно-правовую базу, состоящую из материальных и процессуальных норм. Материальные нормы закрепляют показатели поощряемого поведения; вид и размер поощрения; круг адресатов, к которым могут быть применены поощрительные меры; состав органов или должностных лиц, уполномоченных решать вопрос о поощрении. С помощью процессуальных норм регулируется порядок представления к поощрению, принятие решения о поощрении и другие аспекты процедурного характера. Процессуальные нормы регулируют организационные отношения, адресованные в первую очередь уполномоченным органам, и не могут быть отнесены к разряду

поощрительных норм. Они лишь призваны обслуживать последние, способствовать созданию условий для их нормальной организации.

Среди методов государственного управления значительную роль играет административное принуждение. Такое положение обусловлено его потенциалом, способностью решать разнообразные задачи в минимальные сроки, относительной простотой применения. В связи с этим возможно расширение практики применения мер административного принуждения, что приводит к необоснованному ограничению прав и свобод граждан и других субъектов, в отношении которых используется принудительное воздействие. В связи с этим в науке административного права необходимы выработка нового определения и уточнение признаков административного принуждения; определение оснований применения мер административного принуждения; конкретизация целей административного принуждения; выявление проблем применения отдельных мер административного принуждения; подготовка рекомендаций по применению мер административного принуждения.

Административное принуждение позволяет оперативно решать широкий круг правоохранительных задач не в ущерб другим методам государственного управления, поэтому необходимо последовательно проводить политику «экономии» применения мер административного принуждения и использовать в процессе их применения различные методы государственного управления. Однако не следует впадать в другую крайность – псевдогуманность, когда органы государственной власти при наличии достаточных оснований не применяют меры административного принуждения, опасаясь необоснованного ограничения прав и свобод субъектов, чем провоцируют наступление более серьезных последствий.

Убеждение, поощрение, принуждение являются методами, которые получили особо сильное развитие в контексте юридической парадигмы, а в частности, в административном праве, и входят в систему методов государственного управления. Реализация этих методов проходит через призму не только правовых средств, но и политических, социальных, психологических.

Зощик О. А.

ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРАХОВАНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ

*Зощик Олег Александрович, слушатель магистратуры Академии
Министерства внутренних дел Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь,
zoshchykaleh@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Греченков А. А.

Закон Республики Беларусь от 1 июня 2022 г. № 175-З «О государственной службе» впервые предусмотрел единую систему государственной службы, включающую три вида государственной службы – государственную гражданскую службу, военную службу и службу в военизированных организациях и закрепил в качестве одного из основных

принципов системы государственной службы принцип экономической, социальной и правовой защищенности государственных служащих.

Важное место в механизме реализации данного принципа занимает обязательное государственное страхование отдельных категорий государственных служащих, служебная деятельность которых связана с повышенным профессиональным риском. При этом действующее законодательство об обязательном государственном страховании указанных лиц вплоть до настоящего времени не унифицировано и единых порядка и условий их правовой защиты не устанавливает.

Необходимо отметить, что в нашей стране предпринимались попытки установления единых подходов к обязательному государственному страхованию отдельных категорий государственных служащих. Так, постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 11 марта 2005 г. № 383 была утверждена Концепция унификации законодательства в области обязательного государственного страхования отдельных категорий граждан в Республике Беларусь. При этом в качестве основной задачи такой унификации было предусмотрено создание единообразной и эффективной системы осуществления обязательного государственного страхования отдельных категорий граждан в Республике Беларусь, которая будет способна обеспечивать равную страховую защиту имущественных интересов государственных служащих, а также иных лиц, на которых распространяется обязательное государственное страхование.

В дальнейшем указанная задача была решена только частично путем принятия отдельных актов законодательства в отношении некоторых категорий государственных служащих (военнослужащих, сотрудников военизированных организаций, прокурорских работников, судей, судебных исполнителей, должностных лиц налоговых и таможенных органов и др.). При этом в определении размеров страховых выплат различным категориям указанных лиц имеются существенные, ничем не оправданные различия. К примеру, в случае гибели (смерти) судьи или судебного исполнителя, наступившей вследствие телесных повреждений или иного причинения вреда здоровью, полученных в связи с исполнением им служебных обязанностей, его наследникам выплачивается единовременная страховая сумма в размере 15-летней суммы заработной платы погибшего (умершего). В аналогичной ситуации наследникам сотрудника органов внутренних дел выплачивается единовременная страховая сумма в размере 250 базовых величин.

На основании вышеизложенного в целях создания единой системы страховой защиты государственных служащих, служебная деятельность которых связана с повышенным профессиональным риском, представляется целесообразным разработать и принять Закон Республики Беларусь «Об обязательном государственном страховании отдельных категорий государственных служащих».

Колосовская А. А.

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В СФЕРЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

*Колосовская Анна Александровна, студентка 2 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
annakolosovskaya@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Краснобаева Л. А.

В эпоху активных цифровых трансформаций вопросы защиты персональных данных приобретают особую актуальность и значимость во всех сферах общественной жизни. В области здравоохранения в Республике Беларусь данный вопрос регулировался Законом от 18 июня 1993 г. № 2435-ХП «О здравоохранении» и Законом от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации». Массовое распространение информационных технологий обусловило необходимость принятия единого нормативного акта, позволяющего регулировать общие начала защиты персональных данных во всех сферах деятельности. Законом Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. «О защите персональных данных» определены общие положения о персональных данных, в том числе определено понятие специальных персональных данных, к которым относятся данные, касающиеся здоровья. После вступления в силу данного Закона потребовалось принятие дополнительных нормативных актов, призванных регулировать более узкую сферу деятельности государства – здравоохранение. На данный момент к ним относятся следующие: постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 28 мая 2021 г. № 64 «Об утверждении Инструкции о порядке обезличивания персональных данных лиц, которым оказывается медицинская помощь», постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 7 июня 2021 г. № 74 «О формах и порядке дачи и отзыва согласия на внесение и обработку персональных данных пациента» и постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 28 мая 2021 г. № 65 «Об утверждении Положения об особенностях оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий».

Электронное здравоохранение предполагает использование информационных технологий в обозначенной сфере в целях обучения медицинского персонала, лечения пациентов, выявления заболеваний, а также мониторинга тенденций общественного здравоохранения. В связи с этим возникает вопрос о наличии потенциальной возможности обезличивания и обработки персональных данных пациентов для мониторинга тенденций общественного здравоохранения и повышения эффективности работы системы.

Анализ специфики обработки специальных персональных данных о здоровье пациента позволяет констатировать тот факт, что их обработка возможна лишь работниками медицинских учреждений, которые обязаны соблюдать врачебную тайну и обеспечивать защиту информации о пациенте в рамках эксплуатации централизованной информационной системы

здравоохранения. При этом организации здравоохранения обязаны принимать необходимые действенные меры безопасности по обеспечению защиты медицинских данных пациентов, а также не допускать их несанкционированного разглашения. Отсюда вытекает вторая проблема, связанная с выстраиванием эффективной системы приватности и обучения персонала учреждений здравоохранения для реализации мероприятий по защите информации, содержащейся в Централизованной информационной системе здравоохранения.

Согласно ст. 37-6 Закона «О здравоохранении» специальная Централизованная информационная система здравоохранения (далее – ЦИСЗ) призвана обеспечить централизованное хранение и обработку медицинской информации, доступ пользователей ЦИСЗ к базам данных. Вводится понятие «электронная медицинская карта пациента», в которой содержатся записи о состоянии здоровья пациента, фактах его обращения за медицинской помощью и иной информации о пациенте в ЦИСЗ. Однако открытыми остаются вопросы, касающиеся утраты электронной медицинской карты и регулирующие в этом случае меры защиты пользователя и организации здравоохранения, предоставления доступа пользователям к персональным данным, а также их восстановление.

Необходимо решение еще одного вопроса, возникающего при интеграции персональных данных в единое информационное медицинское пространство, а именно: передача полученных медицинских исследований пациента от медицинского центра к оператору медицинского сервиса, выявляющего патологии пациента с использованием компьютерных технологий на основе снимков.

Таким образом, создание ЦИСЗ способствует развитию электронного здравоохранения в Республике Беларусь, однако требуется решение частных вопросов защиты персональных данных пациентов и создания дополнительных мер защиты путем принятия новых инструкций.

Куришук Д. А.

К ВОПРОСУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ НАДЗОРЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Куришук Д. А., студент 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, d.a.terminator@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Краснобаева Л. А.

В юридической литературе нет единого подхода к определению сущности административного надзора. Собственно, термин редко употребляется и в законодательстве и применяется в значении контроля за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. Так, в Уголовном кодексе Германии понятие «административный надзор» не употребляется, а глава называется «меры исправления и безопасности», в Федеральном законе Российской Федерации от 06.04.2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», надзор

трактуются как наблюдение за соблюдением лицом, освобожденным из мест лишения свободы, установленных судом временных ограничений его прав и свобод. В СССР институт административного надзора был введен Указом Президиума Верховного Совета от 26.07.1966 № 5364-VI «Об административном надзоре органов внутренних дел за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», в соответствии с которым такой надзор признавался принудительной мерой и применялся в отношении совершеннолетних лиц: признанных судами особо опасными рецидивистами; судимых к лишению свободы за тяжкие преступления и др.

Обобщая научные термины, можно выделить два подхода к определению надзора в широком смысле: 1) самостоятельный организационно-правовой способ обеспечения законности; 2) систематическое наблюдение за точным и неуклонным соблюдением актов, основанных на законе, осуществляемое органами управления по подведомственным им вопросам и направленное на предупреждение и пресечение нарушений, а также привлечение нарушителей к ответственности. На наш взгляд, под административным надзором следует понимать организационно-правовой способ обеспечения законности, осуществляемый органами государственного управления по вопросам, входящим в их компетенцию и направленное на предупреждение и пресечение правонарушений. Для подтверждения обратимся к правовым актам, регулирующим порядок осуществления надзора в Беларуси. Так, согласно Закону Республики Беларусь от 07.01.2012 № 340-З «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» «государственный санитарный надзор – это деятельность по предупреждению, обнаружению, пресечению нарушений законодательства в области санитарно-эпидемиологического благополучия населения, осуществляемая в целях охраны здоровья и среды обитания человека». Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29.03.2019 № 213 «О государственном энергетическом и газовом надзоре» подчеркивается, что «государственный энергетический и газовый надзор осуществляется в целях обеспечения безопасности жизни и здоровья людей, и осуществляется специальным органом госэнергогазнадзора Министерства энергетики».

Не следует отождествлять понятия «административный надзор», осуществляемый органами государственного управления в целях охраны здоровья и обеспечения жизнедеятельности граждан и «превентивный надзор», рассматриваемый как наблюдение за поведением лиц, совершивших правонарушение, в целях предупреждения с их стороны преступлений.

Следует отличать административный надзор от смежного понятия «административный контроль», которое присутствует в нашем законодательстве. Указ Президента Республики Беларусь от 16 октября 2009 г. № 510 «О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь», уравнивает их, но нижеперечисленные признаки позволяют отграничивать понятие надзора от контроля. Так, первому присущи следующие сущностные характеристики: отсутствие отношений подчиненности между надзирающими и поднадзорными органами;

деятельность должностных лиц поднадзорных объектов подлежит оценке только с точки зрения законности; вмешательство в оперативно-хозяйственную деятельность поднадзорного объекта не допускается; должностные лица надзорных органов не обладают полномочиями на самостоятельное применение мер взыскания при нарушении требований законности. Они могут только инициировать вопрос о привлечении нарушителя к ответственности перед компетентными органами.

Таким образом, административный надзор – это организационно-правовой способ обеспечения законности, осуществляемый в целях охраны здоровья и обеспечения жизнедеятельности граждан.

Максимова К. Д.

БОРЬБА С ТАБАКОКУРЕНИЕМ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Максимова Кристина Дмитриевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, Kristilii9113@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Краснобаева Л. А.

Табакокурение распространено по всему миру и признано социальной проблемой ввиду наличия большого количества заболеваний, развивающихся из-за данной пагубной привычки, а также увеличения числа смертей в результате употребления табака. Ежегодно от табачной эпидемии, согласно данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) гибнет более 8 млн человек, включая 1,2 млн людей, умирающих от последствий воздействия вторичного табачного дыма. Избавление населения от данной проблемы является приоритетной задачей многих государств. Успех мероприятий, направленных на сокращение табакокурения во всех странах, различен.

В Швеции основным нормативным правовым актом по борьбе с табакокурением является Закон «О табаке» 1993 г., предусматривающий ограничение курения на открытых детских площадках, местах школьных мероприятий и др. В стране существует полный запрет на рекламу и продвижение табачной продукции, однако допускается ее продажа в пунктах торговли при условии, что табачные изделия не будут видны за пределом точки торговли. Антитабачная программа в Швеции направлена и на поддержание ее молодежью путем предоставления стипендии на обучение в иностранных университетах в рамках акции «Некурящее поколение».

В Латвии, кроме запрета на табакокурение в общественных местах, предусматривается право самоуправления на издание приказов, ограничивающих курение в скверах, парках, пляжах, во время мероприятий возле памятников истории и культуры. Так, можно отметить, что при решении проблемы табакокурения задействовано также и общественное регулирование. Уголовным Законом Латвии от 17 июня 1998 г. установлена уголовная ответственность родителей, которые курят рядом с детьми. В связи с этим в стране пересмотрено определение понятия насилия, согласно которому теперь табакокурение рядом с детьми является одной из форм проявления насилия.

Франция в борьбе с табакокурением перешла от обычных табачных изделий на вейпинговую систему. Так, государство утверждает, что вейп позволит избавиться людям от табачной зависимости и является менее вредным выбором по отношению к здоровью, нежели табачные изделия.

Китай, как одна из самых курящих стран, где каждый год от табакокурения умирает около 1 млн человек, также участвует в борьбе с табакокурением. В стране имеется запрет на курение в общественных местах, в числе которых медицинские учреждения, рестораны, остановки общественного транспорта и др. Предусматривается и запрет на рекламу и продажу табачных изделий несовершеннолетним; приняты Закон по борьбе против табачной монополии 1991 г., Закон о рекламе 1994 г. и ряд иных правил и законов, затрагивающих проблему табачной зависимости. Однако проведение антитабачной программы в Китае осложняется тем, что страна является одним из мировых поставщиков табака.

Республика Казахстан приняла Кодекс «О здоровье народа и системе здравоохранения» от 07.07.2020 № 360-VI ЗРК, в котором предусмотрены меры по борьбе с табакокурением в виде запретов: поштучной продажи табачных изделий или продажи табачных изделий из открытых пачек; стимулирования покупки табачных изделий путем проведения конкурсов; курения в общественных местах, включая музеи, библиотеки, детские площадки и др.

Австрия осуществляет защиту здоровья своих граждан от табачного дыма путем установления обязательных правил в заведениях общественного питания: в ресторанах, кафе, барах при отсутствии прямого запрета на табакокурение, должно быть оборудовано 2 зала – для курящих и некурящих лиц со специальной перегородкой, не пропускающей табачный дым.

В Турции также осуществляется антитабачная политика, которая предусматривает ответственность в виде штрафа за курение в неположенном месте в 62 лиры, а за случайно брошенный на улице окурок – 23 лиры. Предусматривается ответственность в виде лишения свободы от 6 месяцев до 1 года за продажу любого вида табачной продукции несовершеннолетним.

Борьба с табакокурением возможна лишь при осознанном выборе лица бросить данную пагубную привычку. Однако, курение в общественных местах является причиной вреда табачных изделий не только самому курильщику, но и людям, находящимся рядом с ним. По этой причине, учитывая опыт разных государств, представляется целесообразным ужесточить антитабачную политику. Так, можно выделить два аспекта дальнейшего совершенствования табачного регулирования: ценовой и неценовой. К ценовому аспекту можно отнести увеличение цен и налогов на табачные изделия, денежное стимулирование работников за отказ от табачной зависимости. Неценовой аспект по борьбе с табачной эпидемией предусматривает введение программ по борьбе с табакокурением в СМИ, проведение просветительской работы со школьниками и молодежью, ужесточение запрета на курение на рабочих и общественных местах, уменьшение импорта табачных изделий.

Разгонова А. А.
ЦИФРОВИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Разгонова Ангелина Андреевна, студентка 5 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, razang715@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Валюшко-Орса Н. В.

Цифровизация – это внедрение современных информационно-коммуникационных технологий в различные сферы жизнедеятельности общества и государства. Не является исключением и сфера здравоохранения.

В Республике Беларусь в целях развития цифровизации системы здравоохранения принято соответствующее законодательство, в рамках которого определены основные направления, связанные с дальнейшим совершенствованием электронного здравоохранения.

В частности, согласно Стратегии развития информатизации в Республике Беларусь на 2016–2022 годы (далее – Стратегия) сделан акцент на совершенствовании единого информационного пространства здравоохранения Республики Беларусь, формировании системы электронных услуг, развитии телемедицины.

Наряду со Стратегией разработана Концепция развития электронного здравоохранения Республики Беларусь на период до 2022 года. Следует отметить, что в целом данная Концепция направлена на реализацию вышеназванных задач, предусмотренных в Стратегии.

На современном этапе сделано довольно много для цифровизации системы здравоохранения. Так, согласно Государственной программе «Здоровье народа и демографическая безопасность» на 2021–2025 годы в сфере здравоохранения эксплуатируется 11 информационных систем национального уровня, 10 информационных медицинских регистров (ВИЧ/СПИД, туберкулез, сахарный диабет и другие). Проводятся работы по расширению зоны функционирования автоматизированной информационной системы обращения электронных рецептов (около 90 % врачей имеют возможность выписывать рецепты в электронном виде).

Весьма активно развивается телемедицина, которая, в свою очередь, позволяет повысить доступность оказания медицинской помощи населению вне зависимости от места пребывания или проживания пациента.

Следует отметить, что в рамках цифровой трансформации системы здравоохранения важно обеспечить надлежащий уровень цифровой грамотности среди населения.

В целом в нашей стране получает свое развитие централизованная информационная система здравоохранения, что является важным для дальнейшего развития электронного здравоохранения, поскольку цифровизация в целом обеспечивает доступность медицинских услуг для населения.

Рыженкова Ю. Н.

ЭВОЛЮЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОБРАЩЕНИЯХ ГРАЖДАН И ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОРГАНЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Рыженкова Юлия Николаевна, студентка 2 курса Академии управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь, rigenkova.u@gmail.com

Научный руководитель: преподаватель Березко А. А.

В процессе развития белорусского законодательства в области обращений граждан в государственные органы можно выделить три периода: 1 – применение законодательства бывшего СССР; 2 – развитие и адаптация законодательства бывшего СССР в белорусских нормативных правовых актах; 3 – создание самостоятельной модели правового регулирования.

Первый период. В Советском Союзе основополагающим актом, который определял порядок подачи и рассмотрения обращений граждан, был Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12.04.1968 г. «О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан». Он отличался широкой сферой действия. Обязанности по рассмотрению обращений возлагались не только на государственные органы, но и на общественные органы, предприятия, организации. Согласно указу, устанавливался запрет на направление жалоб для разрешения тем органам, на которые поступила жалоба. Руководители и другие должностные лица органов стали обязаны проводить личный прием для граждан. Заявления рассматривались и разрешались в течение одного месяца со дня поступления, а те, которые не требовали дополнительной проверки, – не позднее 15 дней. Обращения военнослужащих и членов их семей рассматривались в сокращенные сроки.

Второй период. Закон Республики Беларусь от 6 июня 1996 г. «Об обращениях граждан» в большей степени повторял Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12.04.1968 г. В качестве нововведений стоит отметить появление обязательной периодичности для личного приема – минимум один раз в месяц. Закон закрепил право гражданина на компенсацию имущественного ущерба и возмещение морального вреда, причиненного нарушением прав и свобод граждан в процессе рассмотрения их обращений. Позже указанный Закон был изложен в новой редакции. Появилась отдельная статья, регулирующая права заявителей на ознакомление с материалами рассмотрения обращений. Лицу не предоставлялось значительных рычагов давления на решения, которые принимались учреждениями. При этом популярность подобных актов среди населения обуславливалась использованием доступного языка, минимальных требований к подаче обращений, безвозмездной основы.

Третий период. Новый Закон Республики Беларусь от 10.06.2011 № 300-З «Об обращениях граждан и юридических лиц» изменил подход к рассмотрению обращений. Обращения теперь подаются заявителями в письменной или электронной форме, а также излагаются в устной форме.

Письменные обращения подаются нарочным (курьером), по почте, в ходе личного приема, путем внесения замечаний и предложений в книгу замечаний и предложений. Устные обращения излагаются в ходе личного приема. Согласно изменениям Закона от 15 июля 2015 г. № 306-З изменился подход к определению сущности повторных обращений, скорректирован порядок личного приема граждан, обозначены права организаций и индивидуальных предпринимателей, установлен порядок ответа на идентичные обращения, уточнен порядок подачи ответа на коллективное обращение, подробнее описан порядок подачи и рассмотрения электронных обращений, что опосредованно динамичным развитием интернет-технологий, системы «электронного правительства» и системы «одно окно».

Стоит отметить, что на сегодняшний день Законом от 28.06.2022 № 176-З подготовлены изменения в Закон «Об обращениях граждан и юридических лиц» (не вступили в силу). В частности, вносить электронные обращения в госорганы необходимо будет через республиканскую информационную систему учета и обработки таких обращений. Электронное обращение будет оставлено без рассмотрения, если в нем излагается суть посредством ссылок на интернет-ресурсы, содержится нечитаемый текст, употребляются нецензурные либо оскорбительные слова или выражения. Также часть изменений будет касаться личного приема граждан и применения технических средств.

Таким образом, белорусское законодательство об обращениях граждан и юридических лиц – это достаточно сформированный институт, который продолжает развиваться и совершенствоваться, внедряя новые технологии и средства для оптимизации работы с гражданами.

Сидорович В. В.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О БИОМЕТРИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТАХ

Сидорович Владислав Валерьевич, студент 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, Vsid04@mail.ru.

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Краснобаева Л. А.

По мере развития технологического прогресса его достижения все активнее внедряются в процесс осуществления государственного управления. Исключением не стала и сфера документирования населения. Использование биометрических документов приобретает все большее распространение.

16 марта 2021 г. Указом Президента Республики Беларусь № 107 «О биометрических документах» (далее – Указ № 107) учреждена система биометрических документов в нашей стране. Указ №107 регулирует порядок выдачи, использования, обмена, признания недействительными, изъятия, хранения, уничтожения биометрических документов, удостоверяющих личность, и биометрических документов для въезда в Республику Беларусь или выезда из Республики Беларусь. Биометрическими документами, удостоверяющими личность, признаются идентификационная карта

гражданина Республики Беларусь, а также две разновидности биометрических видов на жительство: иностранного гражданина и лица без гражданства.

Все биометрические документы, удостоверяющие личность, содержат четыре основных элемента: персональные данные владельца документа, двухмерный штрих-код, электронное средство биометрической аутентификации и криптографический токен аутентификации. Персональные данные владельца документа и данные о самом документе дублируются в зашифрованном виде в двухмерном штрих-коде. Электронное средство биометрической аутентификации и криптографический токен аутентификации объединены в одну интегральную микросхему. Они содержат тот же набор данных, что персональные данные, а также изображение отпечатков пальцев рук владельца документа и совокупность программно-аппаратных средств для дешифровки данных. Можно заметить, что информация, содержащаяся в графе персонализации, дублируется несколько раз в электронном виде: в штрих-коде и в интегральной микросхеме. Это сделано, по всей видимости, для того, чтобы усилить безопасность данных, минимизировать возможность подделки документа, но в то же время обеспечить гибкость документа в использовании.

Идентификационная карта гражданина Республики Беларусь является единственным биометрическим документом, удостоверяющим личность гражданина Республики Беларусь. По своему использованию, основаниям выдачи и содержанию, она, по сути, является биометрическим аналогом паспорта гражданина Республики Беларусь. Стоит отметить, что Указом Президента № 294 от 3 марта 2008 г. «О документировании населения» (далее – Указ № 294) предусмотрена возможность обмена паспорта гражданина Республики Беларусь на идентификационную карту гражданина Республики Беларусь, но не наоборот. Гражданин Республики Беларусь не может иметь одновременно и паспорт, и идентификационную карту.

Биометрические виды на жительство выдаются органом внутренних дел лицам, получившим разрешение на постоянное проживание в Республике Беларусь. Однако если при определении оснований для выдачи идентификационной карты законодатель установил добровольный и альтернативный порядок, сохранив возможность выбора между получением идентификационной карты и паспорта гражданина Республики Беларусь, то в случае с видами на жительство выбран иной подход. Согласно Указу № 107, выдача небюрометрических видов на жительство фактически прекращается. Отныне любому лицу, получающему разрешение на постоянное проживание в Республике Беларусь, придется получать биометрический вид на жительство. Учитывая крайне небольшую разницу между двумя категориями биометрических видов на жительство, целесообразным может быть также введение единого вида на жительство, который выдавался бы как иностранным гражданам, так и лицам без гражданства.

К биометрическим документам для въезда в Республику Беларусь или выезда в Республику Беларусь относятся: биометрический паспорт

гражданина Республики Беларусь, биометрические дипломатический и служебный паспорта гражданина Республики Беларусь, а также биометрический проездной документ Республики Беларусь и проездной документ беженца.

Содержание биометрических документов для въезда/выезда в целом аналогично содержанию биометрических документов, удостоверяющих личность, за исключением отсутствия в первых двухмерного штрих-кода.

Каждый биометрический документ для въезда/выезда состоит из форзаца, поликарбонатного листа и определенного количества страниц для отметок. Все персональные данные владельца документа, а также информация, касающаяся конкретной копии документа, приведены на обратной странице поликарбонатного листа. Интегральная микросхема располагается на обложке документов.

Биометрический паспорт выдается любому гражданину, получившему или получающему идентификационную карту для выезда за пределы Республики Беларусь. Биометрические дипломатические и служебные паспорта выдаются Министерством иностранных дел широкому перечню лиц, приведенному в Указе № 294 «О документировании населения Республики Беларусь» для служебных командировок и работы за пределами Республики Беларусь. Биометрический проездной документ выдается органом внутренних дел иностранным гражданам и лицам без гражданства, постоянно проживающим в Республике Беларусь или которым предоставлено убежище или дополнительная защита. Проездной документ беженца выдается органом внутренних дел лицам, которым предоставлен статус беженца в Республике Беларусь.

Стоит также отметить, что если применительно к использованию биометрических паспортов законодатель избрал подход, аналогичный использованию обычных паспортов, то в случае с проездными документами выбор между использованием биометрических и небюрометрических их вариантов не предусмотрен.

Слепенкова В. С.

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ПОЛЕТОВ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ГРАЖДАНСКИХ ВОЗДУШНЫХ СУДОВ

*Слепенкова Виолетта Сергеевна, магистрант 1 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
slepenkovaviola@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Краснобаева Л. А.

Безопасность полетов представляет состояние авиационной системы, при котором риски, связанные с авиационной деятельностью, снижены до приемлемого уровня и контролируются, в то время как авиационная безопасность это комплекс мер, а также людские и материальные ресурсы, предназначенные для защиты гражданской авиации от актов незаконного вмешательства.

Первым вступившим в силу международным договором, упоминающим акты незаконного вмешательства в деятельность гражданской авиации, является Конвенция об открытом море, подписанная в Женеве в 1958 г. В п. 1 ст. 15 Конвенции дано определение пиратства как «любой неправомерный акт насилия, задержания или грабежа, совершаемый с личными целями экипажем или пассажирами какого-либо частновладельческого судна или частновладельческого летательного аппарата и направленный в том числе против частновладельческих летательных аппаратов и находящихся на их борту лиц и имущества». Вышеназванная норма раскрывает только узкое понятие «воздушного пиратства», которое не охватывает всего многообразия возможных определений актов незаконного вмешательства в деятельность гражданской авиации.

Рядом авторов отмечалось, что некоторые юристы 1960-х гг. по аналогии использовали термин «законный захват воздушного судна», который не относится к актам незаконного вмешательства, а подразумевает либо «наложение ареста по постановлению суда» или «конфискацию за долги эксплуатанта», либо «действия экипажа, пассажиров, государственных органов безопасности и др. по изъятию контроля над воздушным судном из рук преступников, осуществляемые в рамках самозащиты или на других законных основаниях». Мы согласны с позицией, что термин «законный захват» неудачный. Действительно, он не совсем точен: ведь нет, например, понятия «законное убийство», но есть понятие обстоятельств, которые исключают ответственность за причинение смерти, в частности необходимая оборона. Аналогично и в данном случае: лица совершают не «законный захват» самолета, а действия, направленные на пресечение преступления и восстановление законного контроля над воздушным судном.

Токийская конвенция 1963 г. и Гагская конвенция 1970 г. расширили границы термина «акты незаконного вмешательства», введя понятие «незаконный захват воздушного судна». Статья 1 Конвенции о борьбе с незаконным захватом воздушных судов раскрывает понятие «незаконный захват воздушного судна» как незаконный захват воздушного судна или осуществление над ним контроля путем насилия или угрозы применением насилия, или путем любой другой формы запугивания.

Монреальская конвенция 1971 г., дополненная впоследствии Протоколом о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию, еще более расширила термин «акты незаконного вмешательства в деятельность гражданской авиации», дополнив его новыми понятиями.

Некоторые авторы отмечали, что в Монреальской конвенции 1971 г. уже используется собирательный термин – «незаконный акт, направленный против безопасности гражданской авиации», который включает в себя ряд составов, связанных в основном с диверсионными актами, создающими угрозу технической надежности воздушного судна и аэронавигационного оборудования как на судне, так и в аэропорту.

После террористических актов 11 сентября 2001 г. была начата разработка новых соглашений, обеспечивающих безопасность гражданской авиации. В 2010 г. некоторые из данных соглашений были предложены для рассмотрения и последующей ратификации на Пекинской международной конференции по воздушному праву.

Новшества Пекинской конвенции 2010 г. состоят в том, что произошла криминализация использования воздушного судна с целью причинения смерти или увечья человеку, значительного ущерба имуществу или окружающей среде; применение с борта воздушного судна биологического, химического или ядерного оружия; перевозка взрывчатых веществ, радиоактивных материалов, других исходных материалов, предназначенных для использования во взрывных устройствах, и некоторые другие действия.

Сташис А. О.

ОГРАНИЧЕНИЕ ОБОРОТА ОРУЖИЯ ИНОСТРАННЫМИ ГРАЖДДАНАМИ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Сташис Анна Олеговна, магистрант 1 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, stashishanna@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Краснобаева Л. А.

Возможность ввоза оружия иностранными гражданами, временно пребывающими в Республику Беларусь, имеет ограничения установленные Законом Республики Беларусь от 13.11.2001 № 61-З «Об оружии» (далее – Закон № 61-З). В статье 15 Закона № 61-З определен запрет на ввоз всех видов, типов и моделей оружия и боеприпасов иностранными гражданами, лицами без гражданства, временно пребывающими или временно проживающими в Республике Беларусь. Исключением определены случаи ввоза охотничьего и спортивного оружия, при наличии приглашения и контракта с туроператором, турагентом или юридическим лицом на охоту или приглашения для участия в спортивных мероприятиях и соответствующего разрешения Министерства внутренних дел Республики Беларусь.

Особенности организации охоты для иностранных граждан определены главой 6 Правил ведения охотничьего хозяйства и охоты, утвержденных Указом Президента Республики Беларусь от 21 марта 2018 г. № 112 (далее – Правила). В Правилах определены документы, необходимые для ввоза охотничьего оружия иностранными гражданами, основания для отказа выдачи разрешения со стороны органов внутренних дел, обозначены основания для вывоза из Республики Беларусь охотничьих трофеев и продукции охоты.

Основанием для оборота служебного и гражданского оружия и боеприпасов на территории Республики Беларусь является сертификат соответствия. В Законе № 61-З определено, что все ввозимые на территорию Республики Беларусь модели оружия и боеприпасов, а также конструктивно сходные с оружием изделия подлежат обязательному подтверждению соответствия требованиям технических нормативных правовых актов в области технического нормирования и стандартизации. В данном случае

возникает вопрос о возможности ввоза конструктивно сходных с оружием изделий, так как прямой запрет установлен только на виды, типы и модели оружия.

Нарушение иностранными гражданами, лицами без гражданства, временно пребывающими или временно проживающими в Республике Беларусь, сроков вывоза из Республики Беларусь оружия, использования и применения оружия влечет изъятие и конфискацию такого оружия.

Следует рассмотреть возможность ввоза иностранными гражданами в Республику Беларусь также охолощенного оружия. Определение данного вида оружия закреплено в Государственном стандарте Республики Беларусь СТБ 2505-2017 и Указе Президента Республики Беларусь от 30.08.2002 № 473. В Законе № 61-3 данный вид оружия не упоминается. Охолощенным является оружие, предназначенное для имитации выстрела, данный вид оружия обычно используется при реконструкции военных или исторических событий. Исходя из конструкторских характеристик, данный вид оружия не может быть пригодным для причинения вреда.

Темуркаев М. И.

ПРОФИЛАКТИЧЕСКИЕ МЕРОПРИЯТИЯ ОРГАНОВ ЮСТИЦИИ В ОТНОШЕНИИ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

*Темуркаев Магомед Ибрагимович, аспирант 4 курса Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов, Россия,
temurkaev2013@mail.ru*

Научный руководитель: д-р юрид. наук, профессор Соболева Ю. В.

В 2022 г. Правительством Российской Федерации установлен мораторий на проведение плановых проверок некоммерческих организаций. Однако проведение профилактических мероприятий в целях предупреждения нарушений обязательных требований некоммерческими организациями становится приоритетным направлением деятельности органов юстиции.

Реформа контрольно-надзорной деятельности органов исполнительной власти, в числе которых Минюст России заложило основы предупреждения нарушений со стороны некоммерческих организаций, над административным давлением которое несомненно оказывается в ходе проведения контроля (надзора).

Одним из профилактических мероприятий является самообследование, которое осуществляется контролируруемыми лицами самостоятельно. Некоммерческие организации в настоящее время не обладают необходимыми информационными ресурсами для проведения самоконтроля.

Существующий информационный портал некоммерческих организаций, который размещен на сайте Минюста России, позволяет загрузить отчет о деятельности некоммерческой организации для последующего анализа органами юстиции. Однако возможности данной информационной платформы необходимо расширять для создания условий самообследования некоммерческих организаций. Примером данных преобразований может

служить существующая в настоящее время информационная система «Электронный инспектор», в рамках деятельности инспекции по труду. В рамках деятельности некоммерческих организаций предлагается на информационном портале некоммерческих организаций создать, электронный ресурс «Электронный инспектор НКО», который бы позволил некоммерческим организациям, проводить самообследование на предмет соответствия деятельности уставным требованиям и действующему законодательству.

Среди всех профилактических мероприятий самообследование в практической деятельности реализуется неэффективно, отсутствуют реальные механизмы реализации, что в целом является недоработкой контрольно-надзорных органов, которые не проявляют законодательной и иной инициативы для создания правовой и технической основы для практической реализации профилактических мероприятий.

Таким образом, органы юстиции в настоящее время обладают всем комплексом полномочий для осуществления профилактических мероприятий в отношении некоммерческих организаций. Повышение эффективности в данной сфере возможно с учетом предлагаемых новшеств, а именно путем расширения возможностей информационного портала некоммерческих организаций.

Щербин Н. А.

К ВОПРОСУ О ЦИФРОВИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Щербин Николай Александрович, студент 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, Nihodi8@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Краснобаева Л. А.

Развитие цифровизации и внедрение информационно-коммуникативных технологий приводит к изменениям во всех сферах жизнедеятельности человека. Цифровизация государственного управления – это процесс изменения государственного управления посредством качественного изменения подхода к организации, контроля, управления и прогнозирования с помощью информационно-коммуникативных технологий (ИКТ). Преобразование государственного управления имеет множество способов и подходов, но наиболее популярным является внедрение Agile-подхода, что означает преобразование «на лету», согласно которому проходит обратная связь участников проекта.

Сам процесс цифровизации государственного управления имеет три основных этапа цифровой трансформации:

- 1) цифровизация процессов;
- 2) электронное правительство;
- 3) цифровое правительство.

Анализируя практику цифровизации азиатского региона, необходимо обратить внимание на модель цифровизации, которая с наибольшим успехом реализуется в Сингапуре и Южной Корее. В Республике Корея основное

внимание уделено внедрению информационно-коммуникативных технологий в области государственного управления, образования и культуры. Корейская Республика лидирует в цифровизации государственного управления не только среди азиатских стран, но и на мировом уровне, что объясняется созданием наиболее благоприятных условий для развития информационно-коммуникативных технологий в государстве, а именно, обеспечение возможности для совершенствования приложений, программ, которые доступны для загрузки на едином интегрированном портале страны. В данной республике процесс цифровизации был проведен в 4 этапа. Первый этап – Правительство 1.0 характеризуется как начальный этап создания условий для внедрения электронного правительства и ИКТ, Правительство 2.0 направлен на граждан государства, взаимодействие с ними в формате онлайн, на этапе Правительство 3.0 была проведена интеграции информационных систем электронного правительства и обеспечен открытый доступ к данным, необходимым для взаимодействия граждан и государства. А уже этап Правительство 4.0 характеризовался созданием «умного» правительства.

В Республике Беларусь политика цифровизации берет свое начало с 2003 г. после принятия проекта «Электронная Беларусь», который является базисом цифровизации нашего государства в секторе государственного управления. Данный проект утверждал необходимость построения электронного государства и электронного правительства, цифровизации процессов взаимодействия между различными ведомствами и развитие информационно-коммуникативных технологий. Позже была утверждена «Стратегии развития информатизации в Республике Беларусь на 2016–2022 годы». В рамках стратегии информатизации государственного сектора правительство Республики Беларусь развивало систему предоставления государственных услуг физическим и юридическим лицам, создавалась инфраструктура электронного взаимодействия в сфере внешнеполитического взаимодействия.

Актуальная программа цифровизации Республики Беларусь – Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы – должна иметь большой успех в силу качественного проведения предшествующих программ правительства. Программа предполагает возможность совершения множества административных процедур в интернет-пространстве, запуск единого сайта онлайн обращений, совершенствование межведомственного документооборота и развития «умных городов» на территории государства.

Следует отметить, что нынешний процесс повсеместного внедрения ИКТ привел к цифровизации всех сфер общественных отношений и сферы государственного управления. Обусловленность данного процесса характеризуется потребностям населения в получении государственных услуг с помощью информационно-коммуникативных технологий и необходимость ускорения и деbüroкратизации административных процессов исполнительной власти.

Аджба Д. Д.

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ БИ- И ПОЛИПАТРИЗМА В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

*Аджба Диана Демуровна, аспирант кафедры международного права
Московского государственного юридического университета имени
О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия, diana.adzhba07@gmail.com*

Научный руководитель: д-р юрид. наук, профессор Ануфриева Л. П.

Идеи национального единства и равноправия выступают основой активного развития института гражданства в конце XIX – начале XX в., что отчасти связано с более широким распространением двойного и множественного гражданства, порождающих ряд проблем. Государства воспринимают феномен двойного и множественного гражданства по-разному в зависимости от этнографических, культурных, политических, демографических и иных особенностей, отраженных в государственной политике в сфере гражданства. Соответственно, внутригосударственные механизмы урегулирования би- и полипатризма характеризуются гетерогенностью, что предполагает разные подходы к данному явлению. Более того, выступая в основном объектом внутригосударственного права, двойное и множественное гражданство тем не менее все активнее попадает под сферу действия международно-правовых норм, что в основном вызвано неспособностью национального права обеспечить полное урегулирование всех проблем, вызываемых таким статусом.

Для уяснения содержания понятия «множественное гражданство» необходимо проследить его взаимосвязи, нередко перетекающие в полное отождествление с такой правовой категорией, как двойное гражданство. Представляется недопустимым отождествление этих понятий, что можно объяснить на примере устоявшейся традиции дифференциации второго и двойного гражданства. Вступление в гражданство другого государства без ведома государства происхождения (в случае отсутствия внутригосударственных механизмов, напрямую этому препятствующих или, наоборот, позволяющих) порождает множественное гражданство, которое подразумевает наличие у лица двух или более гражданств. Такое определение дается в большинстве международных актов. Иначе обстоит ситуация, когда лицо натурализуется в другом государстве в рамках соглашения между этим странами или же коллизии законов о гражданстве. Здесь можно говорить о двойном гражданстве, т. е. бипатризме.

Множественное гражданство нередко выступает причиной возникновения спорных ситуаций, связанных с оказанием дипломатической защиты полипатриду, его военной службой, налогообложением и т. д. Приоритетным средством преодоления таких негативных последствий выступают международные договоры. Договоры о ликвидации двойного и множественного

гражданства были довольно распространены в первой половине XX в., когда государства придерживались доктрины вечной верности. Примерами таких договоров выступают Банкрофтовы договоры, представлявшие собой серию договоров, заключенных США в конце XIX в. с рядом государств и направленных на сокращение случаев двойного гражданства и возникающих на этой почве конфликтов. Сюда же можно отнести соглашения, заключенные СССР во второй половине XX в. с такими государствами, как Албания, Болгария, Германия и др. Договором общего характера выступает Гаагская конвенция, регулирующая некоторые вопросы, связанные с коллизией законов о гражданстве 1930 г., предполагающая приоритет государственного усмотрения в вопросах гражданства, множественного и двойного в том числе, при этом содержит ключевые положения, оказавшие влияние на разрешение коллизий, возникающих в результате би- и полипатризма. Конвенция о сокращении случаев многогражданства и о воинской повинности в случаях многогражданства 1963 г., принятая под эгидой Совета Европы, очевидно, относится к группе договоров, негативно относящихся к би- и полипатризму, что, однако, сменилось более либеральным подходом посредством принятия Второго протокола 1993 г. к Конвенции, закрепившего возможность сохранения гражданства происхождения при определенных условиях. Наконец, более современным договором выступает Европейская конвенция о гражданстве 1997 г., отражающая наметившуюся к тому времени тенденцию принятия этого явления, и подчеркнувшая лишь необходимость поиска надлежащих путей преодоления последствий множественного гражданства. Договоры, допускающие и, соответственно, регулирующие двойное гражданство с точки зрения положительного отношения к нему, включают в себя серию договоров, заключенных Испанией в 50-х гг. XX в., а также Российской Федерацией после распада СССР и рядом других стран. Как бы то ни было, ни один из вышеперечисленных международных договоров не отвечает тем вызовам, которые стоят сегодня перед международным сообществом, что, соответственно, актуализирует необходимость разработки нового механизма разрешения проблем, порождаемых би- и полипатризмом.

Александров Д. О.

**ПЕРСПЕКТИВЫ СОВМЕСТНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ГАЗОТРАНСПОРТНОЙ СЕТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПОЛЬЗУ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

*Александров Даниил Олегович, студент 1 курса магистратуры Российского государственного университета нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина,
г. Москва, Россия, dan2001-2001@mail.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Смирнов М. Г.

В сегодняшних геополитических условиях привычные маршруты транспортировки газа становится использовать все сложнее. В особенности это связано с газопроводами, идущими в Европу, которые подвергаются

санкциям либо прямому воздействию со стороны недружественных стран. При таких обстоятельствах необходимо искать пути выхода, которые смогут в определенной степени возместить убытки либо даже принести больше прибыли. В качестве одного из направлений для решения этих задач является совместное использование Российской Федерацией и Республикой Беларусь газотранспортной сети РФ.

Сегодня наши страны могут извлечь пользу из такого решения, поскольку газ, который должен был проходить по Северному потоку 1, Северному потоку 2, а также по газопроводу Ямал-Европа, можно использовать для удовлетворения общих потребностей. Первые шаги на пути к данным целям уже были предприняты весной этого года, когда Министры энергетики РФ и Беларуси подписали протоколы о внесении изменений в межправительственное соглашение по поставкам природного газа в Беларусь. Благодаря этим изменениям цены на газ и тарифы транспортировки газа в Беларусь будут формироваться в российских рублях, а не в долларах США, как это предусмотрено ст. 2 вышеуказанного соглашения. Изменения действуют до конца 2022 г., а в дальнейшем может быть рассмотрена иная модель использования валют, например, оплата в российских и белорусских рублях в соотношении 50/50. Это позволит укрепить «дружественные валюты» и снизить зависимость от «недружественной».

Из России экспорт газа в Беларусь осуществляется через газопровод Ямал-Европа. Несмотря на определенный предел мощности такого трубопровода, теоретически газ можно будет перенаправить с Северного потока 1 и Северного потока 2 на трубопровод Ямал-Европа. Это можно будет осуществить на компрессорных станциях, где эти трубопроводы пересекаются.

Еще одним предложением, технически возможным для Республики Беларусь, было бы создание совместного предприятия по производству сжиженного природного газа (СПГ). Опыт работы с углеводородами у Беларуси есть, кадры также имеются – на Полоцком и Мозырском НПЗ используются технологии как российской химической промышленности, так и авторские разработки. В условиях энергетического кризиса в Европе продажи СПГ через третьи страны будут представлять интерес для Беларуси.

На фоне энергетического кризиса в Европе совместное использование газотранспортной системы позволит Беларуси увеличить показатели экспорта электроэнергии, которая сегодня на вес золота в Европе в преддверии зимы. Помимо этого, Беларусь может увеличить предложение электроэнергии и на внутреннем рынке, что может благоприятно сказаться на деятельности заводов и других объектов инфраструктуры. Еще одним плюсом может стать повышение объемов прокачки газа через трубопровод «Минск – Вильнюс – Каунас – Калининград».

Необходимо понимать, что несмотря на враждебное отношение Украины к нашим странам, после выполнения поставленных целей специальной военной операции наши страны будут оказывать разностороннюю помощь Украине. В первую очередь она будет связана,

скорее всего, с поставками электроэнергии, поскольку на сегодняшний день на Украине уничтожено порядка 40 % энергетической инфраструктуры. Также помощь будет заключаться в восстановлении инфраструктурных и других объектов, поэтому нашим странам крайне важно поддерживать хорошие отношения и находить новые способы их укрепления, как например, совместное использование газотранспортной системы РФ.

Все вышеназванные предложения можно было бы объединить в рамках Российско-Белорусского соглашения «Об совместной энергетической стратегии на 2030 год».

Александрова А. И.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬЮ В РАМКАХ СНГ

*Александрова Алина Ивановна, студентка 3 курса Белорусского
государственного университета, Минск, Беларусь,
alina_alina222120@mail.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Мороз Н. О.

Современные информационные технологии развиваются быстрыми темпами. Появление интернета и его повсеместное распространение значительно упростило получение информации, совершение сделок, но и привело к росту совершения преступлений в киберпространстве.

Важную роль в борьбе с киберпреступностью играет Содружество Независимых Государств (далее – СНГ). Для эффективности работы данного регионального объединения в указанной сфере является необходимым решение ряда проблем, рассматриваемых ниже.

1. Отсутствие закрепления в ст. 2.1 Положения о Бюро по предотвращению организованной преступности и опасных преступлений на территории государств – участников СНГ (далее – Бюро) одного из направлений ее координационной деятельности – противодействие киберпреступности. Несмотря на то, что перечень в статье носит открытый характер, необходимо закрепить, что противодействие киберпреступности является одним из направлений деятельности Бюро, поскольку, во-первых, киберпреступления также опасны, как и организованная преступность и преступления террористического характера, которые охватываются мандатом Бюро, а во-вторых, необходимо, чтобы рассматриваемая сфера однозначно была включена в область взаимодействия государств на практике.

2. Отсутствие специальных структурных единиц для координации сотрудничества в борьбе с преступностью в сфере информационных технологий. Основным органом по консолидированной борьбе с преступностью членами – государствами СНГ является Бюро СНГ. Однако в Бюро не созданы специальные подразделения, деятельность которых была бы направлена на борьбу с киберпреступлениями либо на координацию деятельности правоохранительных органов, что существенно ухудшает работу по устранению угроз международной информационной безопасности.

3. Отсутствие отдельного направления «киберпреступность» в Специализированном банке данных. В банке содержится 8 направлений, включая «организованная преступность», «терроризм», «торговля людьми», «экономическая преступность» и иные. На данный момент отдельные преступления в сфере информационных технологий можно найти только в данных направлениях, что затрудняет информационное обеспечение органов уголовного преследования при расследовании преступлений, совершаемых при помощи цифровых знаков и электронных денег, по причине отсутствия для этого криминалистически важной компьютерной информации, собранной в одном направлении.

4. Не вполне актуальный характер содержания Соглашения о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий (далее – Соглашение). Так, несмотря на принятие нового Соглашения в 2018 г., Соглашение акцентирует внимание на необходимости использования письменной формы запроса об оказании содействия. Кроме того, возможность дать ответ на запрос путем обращения к современным технологиям не предусмотрена. В Соглашении не прописан также срок исполнения запроса и компетентные органы, которые призваны осуществлять работу с запросами.

Таким образом, для повышения эффективности борьбы с киберпреступностью в рамках СНГ необходимо принять действенные меры по устранению проблемных аспектов.

Бойченко Л. В.

К ВОПРОСУ О ПРЕДЕЛАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЮРИСДИКЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ГАЗОПРОВОДА СЕВЕРНЫЙ ПОТОК-1

Бойченко Лада-Екатерина Вадимовна, студентка 2 курса Российского государственного университета нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина, г. Москва, Россия, ladaboicenco@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Смирнов М. Г.

Строительство морского газопровода «Северный поток-1» – это самый сложный инженерный процесс, включающий в себя комплексный подход и привлечение поставщиков и подрядчиков со всего мира. Газопровод состоит из двух ниток, проходящих по дну Балтийского моря. Маршрут газопровода «Северный поток» проходит через исключительные экономические зоны России, Финляндии, Швеции, Дании и Германии, а также через территориальные воды России, Дании и Германии. Строительство газопровода осуществлялось на основании Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., касающейся прокладки подводных трубопроводов по территориальному морю, исключительной экономической зоне (ИЭЗ) и континентальном шельфе. Также следует отметить важное значение Конвенции ООН по оценке воздействия на окружающую среду (Конвенция Эспо), Хельсинскую конвенцию и Директиву ЕС об оценке воздействия на

окружающую среду. Решением Евросоюза проекту газопровода присвоен статус трансевропейской энергетической сети. «Северный поток-1» и «Северный поток-2» является собственностью компании Nord Stream AG.

В ночь на 26 сентября 2022 г. произошла авария газопроводов «Северный поток-1» и «Северный поток-2». В трех местах нитей были обнаружены утечки. Впоследствии было заявлено о четвертой утечке. Повреждения произошли в исключительной экономической зоне Дании. Как известно, на момент 2021 г. Евросоюз получал более 40 % российского газа.

Следует отметить, что при возбуждении уголовного дела используется общий принцип права *Jus loci criminis* – юрисдикции государства, на чьей территории совершено преступление. Однако все заинтересованные лица имеют право на получение доступа к информации, не закрытой в целях расследования.

К сожалению, подписанная в рамках Совета Европы Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам 1959 г., равно как и Шенгенская конвенция 1990 г., и специализированная и детальная Конвенция от 29 мая 2000 г. о взаимной правовой помощи по уголовным делам между государствами – членами Европейского союза не оказали значения для властей Дании, которые не привлекли к совместной работе Германию, Финляндию и Швецию, а также отказали России, которая участвует в Европейской конвенции 1959 г. с 1999 г.

Следует признать, что оснований для отказа в сотрудничестве с государствами – участниками проектов «Северный поток-1» и «Северный поток-2» не было, решение было чисто политическим. Информация, которую запрашивали органы власти стран ЕС, а также Россия, не могла быть использована против расследования, поскольку только власти Дании определяют порядок и процедуру передачи информации. Кроме того, отказываясь от сотрудничества, власти Дании показали свою пристрастность в исходе дела о взрыве на газопроводах.

Бушкевич В. Ю.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ГУМАНИТАРНОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ

*Бушкевич Владислав Юрьевич, студент 4 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
vladbushkevich@gmail.com*

Научный руководитель: старший преподаватель Емельянович О. В.

Как отмечает Анн Риникер в своей статье «Позиция МККК по вопросу «гуманитарной интервенции»», одним из вопросов гуманитарной интервенции является то, что не существует ее общепринятого определения. В статье Ж. К. Шайымбетовой указывается, что гуманитарная интервенция – это угроза или использование силы одним или более государствами в пределах территории другого государства с целью остановить или предотвратить крупномасштабные, серьезные нарушения основных прав человека, независимо от гражданства, когда угроза или использование силы

осуществляется без предварительного получения полномочий от компетентных органов ООН, либо без разрешения законного правительства страны, на территории которой интервенция имела место.

Гуманитарная интервенция подвергается широкой критике. Пункт 4 ст. 2 Устава ООН запрещает применение силы государствами и не дает никаких указаний на то, что мотив действия имеет значение. Ничто в Уставе ООН не дает возможности для того, чтобы применение силы в гуманитарных целях понималось иначе, чем любое другое применение силы. Действительно статья запрещает как применение силы, так и угрозу ее применения, гарантируя, что сфера незаконности намного шире, чем просто трансграничные вооруженные конфликты. Не случайно главная цель конференции в Сан-Франциско состояла в том, чтобы «избавить грядущие поколения от бедствий войны», в связи с чем в качестве одного из главных органов ООН был учрежден Совет Безопасности, на который возложена главная ответственность за поддержание международного мира и безопасности.

В дискуссии о гуманитарной интервенции есть множество споров, и, вероятно, самые трудноразрешимые относятся к вопросу о легитимности (как правовой, так и моральной). Большая часть юридических споров связана с положениями главы VII Устава ООН, которые наделяют Совет Безопасности полномочиями принимать любые меры, которые он считает необходимыми для поддержания и восстановления международного мира и безопасности. Однако происходит столкновение юридических и моральных обязательств. В Косово Организация Североатлантического договора вмешалась без санкции Совета Безопасности ООН, утверждая, что, хотя такая санкция вряд ли будет предоставлена, тем не менее существует непреодолимая этическая необходимость действовать.

Помимо названных вопросов, есть и практический вопрос об эффективности гуманитарных интервенций, действительно ли они работают, сдерживают ли они или даже усугубляют проблемы, которые стремятся решить.

Винничек С.-В. В.

К ВОПРОСУ О ДОСТИЖЕНИИ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ

Винничек Стефания-Виталия Витальевна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, vvv082002@gmail.com

Научный руководитель: старший преподаватель Емельянович О. В.

Цели устойчивого развития – глобальный обстоятельный план по обеспечению устойчивого развития планеты и качественного уровня жизни для всего ее населения, подписанный 193 странами мира в 2015 г. под эгидой Организации Объединенных Наций (далее – ООН). Данный план состоит из 17 Целей устойчивого развития (далее – ЦУР) и 169 задач, затрагивающих вопросы качественного образования, рационального потребления и производства, экономического роста, гендерного и социального равенства,

доступа к правосудию и реализации социальных, экономических и политических прав всего мирового населения.

В связи с усложняющейся эпидемиологической обстановкой, предусматривающей еще более тесное сотрудничество и консолидирование сил гуманитарной и финансовой помощи, в международных отношениях появился феномен, ставящий под угрозу устойчивое развитие планеты и достижение Повестки-2030. Речь идет о введении санкций в различных регионах и их последствиях, влияющих на жизни людей во всем мире. Данная регрессивная тенденция напрямую коснулась населения 163 стран мира, их уровня жизни и возможности достичь 17 ЦУР.

Одним из ярких примеров является достижение ЦУР 2 «Ликвидация голода». Реализация задачи 2.b «Устранять и пресекать введение торговых ограничений и возникновение искажений на мировых рынках сельскохозяйственной продукции...» на сегодняшний день затруднена, во-первых, недостаточно высоким уровнем конкурентоспособности производителей продуктов питания и, во-вторых, наличием санкций, в которых задействован широкий круг государств в различных регионах, что уже неизбежно ведет к назреванию глобального продовольственного кризиса.

К происходящим сейчас событиям некоторые эксперты применяют термин «деглобализация» как разрыв цепочек поставок, финансовых систем, начало перехода на национальные валюты в международных расчетах. Сейчас устойчивость бизнеса – это опора на национальные энергетические ресурсы (если они есть), продовольственная безопасность, а также сверхусилия компаний по перестройке системы поставок и расчетов, что уже неизбежно ведет к снижению уровня экономического роста, предусмотренной ЦУР 8. Современная глобальная ситуация поставила под сомнение некоторые существующие ценности и принципы устойчивого развития, например, касающиеся международного сотрудничества, предусмотренные ЦУР 17, и противодействия дискриминации.

Например, при повышении качества раскрытия информации и отчетности обязательными для учета актами является Глобальная инициатива ООН по отчетности (GRI), включая издание «Связывание ЦУР со стандартами GRI». Обеспечение прозрачной отчетности и раскрытие финансовой и нефинансовой информации могут быть сопряжены с рисками подпадания под санкционный мониторинг в связи с персональными и секторальными санкциями. При этом умышленное сокрытие информации в любом случае признается нарушением, влекущим дополнительную ответственность.

Для понимания проблематики устойчивого развития необходимо соотносить в каждом конкретном случае обоснование введения тех или иных первоначальных санкционных мер с правовыми основами устойчивого развития. Так, например, ЦУР 16 заключается в содействии построению миролюбивого и открытого общества в интересах устойчивого развития, а число людей, вынужденных мигрировать, превысило 70 млн в 2018 г., что

является самым высоким показателем, когда-либо зафиксированным Управлением Верховного комиссара ООН по делам беженцев за почти 70 лет.

Правовые основы устойчивого развития могут и должны содержать социальные и экономические инструменты сдерживания развития конфликтов и преодоления их последствий, поскольку они существенно влияют на право индивидов на устойчивое развитие. Полагается, что одним из таких инструментов может стать создание «зеленых экономических коридоров» свободных санкций прежде всего для обмена товаров первой необходимости, продовольствия, лекарств, средств индивидуальной защиты, востребованных именно для борьбы с пандемией, которые напрямую содействуют реализации права на устойчивое развитие.

Гибай А. Е.

МОРСКИЕ ПЕРЕВОЗКИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ – ОПЫТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

*Гибай Анна Евгеньевна, студентка 1 курса Российского государственного университета нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина, г. Москва, Россия,
ladaboicenco@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Смирнов М. Г.

Санкции оказывают огромное влияние на большое количество государственных отраслей. Актуальность тем морских перевозок обусловлена количеством доходов, которые они приносят стране. Если быть точнее, то доходы России падают именно из-за санкций, которые устанавливают ограничения на нефть и нефтепродукты, что является важной частью жизни каждого государства, не говоря уже о перевозке простых товаров. Целью данной работы является изучение путей обхода антироссийских санкций, ознакомление с новыми потенциальными партнерами России и странами ЕС, которые все еще имеют возможность получать российские энергоресурсы морскими путями.

Эмбарго на нефть – тема шестого пакета санкций. Если быть точнее, то страны ЕС не только отказались от российской нефти, но и ввели запрет на импорт на нее. Так или иначе, способы обойти данный запрет все же нашлись. К примеру, казахстанская нефтегазовая компания «CNPC-Актобемунайгаз» изменила название марки нефти, поставляемой на экспорт через российские морские порты, на Казахстанскую экспортную смесь сырой нефти (КЕВСО) для «отделения» ее от нефти российского производства. Также известно о российской нефти, которая отправляется в море с якобы неизвестных пунктов назначения, а на удалении от берега перегружается на супертанкеры, предварительно смешав ее с сырьем из третьих стран. Блендирование – это когда берется российская и нероссийская нефть, смешивается в соотношении 49,99 %. Таким образом и получается нефть «Latvian blend», именно ее закупает компания Shell и продает европейским потребителям.

Новыми партнерами России являются Турция и Китай. 44,6 % – ровно на столько увеличились поставки в Турцию, и на 17 % в Китай. Об этом высказался эксперт-аналитик ИПЕМ Светлана Петрова, она считает, что сейчас будет повышенный интерес перегрузочным хамам (Турция и Китай), куда груз будет доставляться российскими судами, перегружаться на суда под другими флагами и доставляться в европейские порты. Также есть предположения о том, что выпадающие объемы транспортировки энергоносителей в ЕС могут быть перенесены из Балтийского бассейна в Черноморский. Эксперт считает, при уменьшении торгового флота, в частности, из-за невозможности фрахтования и возможных новых санкций для российского флага, возможен вариант активизации морской торговли между РФ и дружественными странами, где «дружественная» страна будет фрахтовать судно, а российская, в свою очередь, уступать в цене при продаже своего груза.

Подводя итоги, можно сделать выводы о том, что антироссийские санкции не работают достаточно качественно, как хотели бы того сами страны Евросоюза. Российские компании нашли способ не только обойти условия, которые диктуют санкционные пакеты, но и активно развивают отношения со старыми и новыми дружественными странами.

Захаров К. В.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕЖИМЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО МОРЯ

*Захаров Кирилл Викторович, студент 4 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
KirillZakharov1702@gmail.com*

Научный руководитель: старший преподаватель Емельянович О. В.

Решению вопроса о правовом режиме территориального моря посвящены соответствующие положения Конвенции о территориальном море и прилежащей зоне 1958 г. (далее – Конвенция 1958 г.). Согласно ст. 1 и 2 Конвенции 1958 г. суверенитет государства распространяется за пределы его сухопутной территории и его внутренних вод на морской пояс, примыкающий к его берегу и называемый территориальным морем. Закрепляется суверенитет прибрежного государства и на воздушное пространство, на поверхность и недра его дна.

В процессе обсуждения проблем правового режима территориального моря участники III конференции ООН по морскому праву принимали во внимание как сложившуюся практику государств, так и формулировки Конвенции 1958 г. Статья 2 Конвенции по морскому праву 1982 г. (далее – Конвенция 1982 г.) содержит нормы, которые определяют суверенитет прибрежного государства за пределами его сухопутной территории и внутренних вод, а в случае государства-архипелага – его архипелажных вод, на примыкающий морской пояс, называемый территориальным морем. Государства-участники впервые смогли решить важную проблему: было закреплено право устанавливать ширину своего территориального моря до

предела, не превышающего 12 морских миль. Кроме того, Конвенция 1982 г. содержит четкие формулировки, определяющие права и обязанности прибрежных государств и всех других (в том числе не имеющих выхода к морю) в территориальном море, в частности, касающиеся режима мирного прохода судов всех без исключения государств через территориальное море.

Стоит отметить, что установление ширины в 12 морских миль не является повсеместно признанной нормой права. Начиная с конца 1970-х гг. прибрежные государства корректировали свои территориальные амбиции. Некоторые из них (в том числе США, которые не меняли свой трехмильный лимит с 1793 г.) увеличили предел территориального моря до 12 морских миль, в то время как другие уменьшили свои чрезмерные территориальные притязания до установленного Конвенцией 1982 г. предела.

Проанализировав национальную законодательную практику в части определения объема полномочий государств в своих территориальных водах, можно прийти к выводу, что наряду с повсеместным признанием распространения государственного суверенитета некоторые государства претендуют на установление «особых» правил, иногда не соответствующих нормам международного права.

В 1994 г. Австралия присоединилась к Конвенции 1982 г. и кроме зон, типичных для многих прибрежных государств, установила еще две:

- *зона прибрежных вод* распространяется на 3 морские мили в сторону моря от исходных линий у северного побережья страны; Соглашение об установлении данной зоны было заключено в 1980 г. и ее статус приравнивается к территориальному морю;

- *рыболовная зона* (от 3 до 200 морских миль) на основании закона «По управлению рыболовными ресурсами» в редакции 1994 г. регламентирует порядок использования живых ресурсов в пределах исключительной экономической зоны.

Правительство Индонезии законодательно закрепило, что акватория, расположенная вокруг островов и между островами, принадлежащими Индонезии, является территорией государства, т. е. его внутренними водами. По этой причине территориальные воды Индонезии представляют из себя не пространство шириной 12 морских миль, которое обрамляет Индонезийский архипелаг, а что-то гораздо большее.

Канада законодательно закрепила на основании так называемого «Океанского закона» три морские зоны, распространив над данными территориями свою юрисдикцию в следующем объеме:

- *зона суверенитета* (территориальное море до 12 морских миль);
- *зона предотвращения действий, угрожающих Канаде в отношении нарушения таможенных, санитарных, фискальных и иммиграционных законов* (12 морских миль от внешней кромки территориальных вод);

- *зона осуществления разведки и разработки природных ресурсов в водах и на дне*, прав на проведение морских научных исследований и мер по защите окружающей среды в исключительной экономической зоне, расположенной на расстоянии до 200 морских миль от исходных линий.

Правительство Эквадора объявило район островов Галапагос закрытым для международного судоходства, сделано это, вероятно, из соображения сохранения биологического разнообразия флоры и фауны острова и окружающей среды в целом.

Таким образом, можно сделать вывод, что существуют определенные противоречия в национальном законодательстве государств по сравнению с положениями Конвенции 1982 г. Тем не менее международное право, признавая территориальные воды составляющей частью государственной территории, регулирует их статус таким образом, отдавая приоритет обеспечению безопасности мореплавания, защиты окружающей среды и прав судовладельцев на осуществление мореплавания.

Зубрицкая У. И.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ПОЗИЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ВОПРОСУ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АРКТИЧЕСКИХ ПРОСТРАНСТВ

Зубрицкая Ульяна Игоревна, студентка 4 курса Российского государственного университета нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина, г. Москва, Россия, ul.zubritskaya@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Смирнов М. Г.

Арктика является полярным районом Земли, что предопределило низкое внимание к этому региону по причине его труднодоступности. Арктические пространства прилегают к Северному полюсу и включают в себя следующие материковые и океанические территории: окраины материков Евразии и Северной Америки, прилегающие части Тихого и Атлантического океанов, а также почти весь Северный Ледовитый океан с островами.

В настоящее время проблемы ограниченности и истощения сырьевых запасов, а также увеличения потребления углеводородного сырья приводят к увеличению интереса к Арктике. Это обусловлено тем, что арктические пространства обладают большими запасами углеводородного сырья. На арктических территориях приполярных стран залегают более 13 % извлекаемых нефтяных запасов и более 30 % природного газа планеты. Кроме того, на арктическом континентальном шельфе сосредоточены значительные запасы других важнейших видов минерального сырья: меди, никеля, кобальта, платины и др.

Приполярные государства имеют свои политические, правовые, экономические, военные, экологические притязания в арктическом регионе. В связи с этим Арктика начинает играть важную роль на международной арене. При этом с каждым годом интерес к Арктике увеличивается. Она все также остается в центре внимания, вызывая немало споров между акторами, имеющими притязания на Арктический регион. Самыми важными из них являются непосредственно арктические государства – Российская Федерация, Норвегия, Дания, Канада и США. Их преимущество обусловлено тем, что они имеют непосредственный выход к Арктическому бассейну, т. е. Северному Ледовитому океану.

В современной науке выделяют два основных подхода к определению правового режима арктических территорий. Один из них именуется конвенциональным. Данный подход базируется на Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. Согласно данному подходу Арктика рассматривается как открытое море со всеми вытекающими из этого международно-правовыми последствиями. Если континентальный шельф простирается за 200-мильную зону, то в таком случае Конвенция устанавливает территориальные претензии государств 350 морскими милями. Второй подход носит название секторальный. Согласно ему каждое из арктических государств получает в свое ведение сектор Ледовитого океана, который представляет из себя треугольник. Его вершинами являются Северный полюс, а также западные и восточные границы побережья государства. Противоречивость данных подходов свидетельствует о том, что международно-правовой статус Арктики до сих пор не определен. Существование разных подходов к определению правового режима арктических пространств отражается на международном и национальном нормативно-правовом регулировании споров, возникающих по вопросам использования ресурсов и пространств Арктики.

Российская Федерация в 1997 г. ратифицировала Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г. Россия придерживается данной Конвенции как основного международно-правового документа, устанавливающего правовой режим использования морских территорий, в том числе Северного Ледовитого океана, и разрешающего споры по поводу континентального шельфа и ресурсов. Однако международно-правовая позиция Российской Федерации по вопросу использования арктических пространств базируется на секторальном подходе, в том числе ст. 234 Конвенции ООН по морскому праву, которая наделяет прибрежные государства, выходящие на покрытые льдом районы, особыми правами по контролю за ними.

Это обусловлено тем, что территория Арктики является неотъемлемой частью политических, экономических, хозяйственных интересов России. Впервые данная позиция получила свое правовое закрепление в Постановлении Президиума ЦИК СССР от 15 апреля 1926 г. «Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане». В соответствии с данным постановлением территорией СССР были объявлены «все, как открытые, так и могущие быть открытыми в дальнейшем, земли и острова, не составляющие ... признанной правительством СССР территории каких-либо иностранных государств, расположенные в Северном Ледовитом океане к северу от побережья СССР до Северного полюса». Данная норма устанавливала юрисдикцию СССР, как практического государства, над определенным сектором и входящими в него территориями. Такое секторальное деление обусловлено стремлением Российской Федерации исключить из общего международно-правового регулирования данные территории ввиду их особой значимости.

Зыкова В. В.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В РАМКАХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ

*Зыкова Валерия Викторовна, студентка 1 курса магистратуры Российского государственного университета нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина,
г. Москва, Россия, Vvvvakerie.z@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Смирнов М. Г.

Кризис, который возник в международно-правовом сообществе, породил беспрецедентное санкционное давление со стороны стран Запада в отношении не только Российской Федерации, но и Республики Беларусь.

Западные санкции во многом коснулись импорта и экспорта стран. Так, из Республики Беларусь и Российской Федерации в ЕС нет возможности поставок нефтепродуктов, черных металлов, древесины и иных товаров российского и белорусского происхождения. В свою очередь ЕС перестали поставлять различное оборудование, механизмы и технологии, необходимые для нормального функционирования государств, в том числе и в оборонном секторе.

В условиях смены глобальной парадигмы с однополярного к многополярному миру Российской Федерации следует активнее использовать совместные проекты с Республикой Беларусь в сфере интеграции, в том числе и оборонного назначения.

Первым значимым фактором будет интеграция предприятий белорусской энергетики и передовых производств РФ. Одним из интересных проектов для государств может быть проект по созданию совместного государственного унитарного предприятия по производству водорода.

В условиях перехода государств ЕС к так называемой «Зелёной энергетике» и технологиям замещения углеводородов весьма актуальным является использование водородного транспорта. В перспективе 2023–24 гг. увеличение энергетической стоимости затрат при производстве в государствах Евросоюза неизбежно приведет к краху проектов компаний Air Liquide и Linde PLC, соответственно из Франции и Германии. Данные компании являются крупнейшими в мире производителями не только водорода, но и других технических газов (кислород, олефины и т. д.). До 2022 г. в России работали такие филиалы, как АО «Линде Газ Рус», ООО «Линде Инжиниринг Рус», ООО «Эр Ликид», которые в условиях санкционной политики государств ЕС объявили о своем уходе с рынка РФ.

Следовательно, создание в рамках Договора о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 г., а также Договора о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) от 29 мая 2014 г. совместного государственного предприятия по производству водорода было бы логичным шагом к увеличению импортозамещения и развитию экспортного потенциала.

Сделать это можно в рамках перспективного межгосударственного соглашения «О сотрудничестве Российской Федерации и Республики

Беларусь в сфере промышленных газов», с созданием возможностей кооперации и, в перспективе, свободных экономических зон с льготными условиями по образцу сотрудничества предприятий «Гомсельмаш» и «Брянксельмаш», «Белаз» и «Камаз». Положительным экономическим фактором послужит и низкая стоимость энергии в Республике Беларусь после введения в эксплуатацию белорусской АЭС, а также развитые производственные мощности Мозырского НПЗ и предприятия Нафтан.

Дополнительной гарантией отсутствия санкционного преследования было бы использование компаний государств – партнеров по ЕАЭС Казахстана, Узбекистана и Таджикистана для перепродажи промышленных газов через рынки третьих стран, а также торговые преференции, существующие для РФ в КНР и Индии.

Корень В. В.

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА САНКЦИЙ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Корень Владислав Владимирович, студент 2 курса Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой, г. Новополоцк, Беларусь, 21pr1.koren.v@pdu.by

Научный руководитель: старший преподаватель Дорина В. В

Началась история института санкций еще в Древней Греции, когда были наложены ограничительные меры против мегарского полиса за их подлое поведение в прошлом. Это первый задокументированный пример санкций.

В эпоху Средневековья существовало два главных актора санкционной политики: Папская курия и Ганзейский союз. Папа Римский, выступая как легитимный источник пост-римской власти во всей католической Европе, был способен своими актами как свергать, так и назначать монархов, отстранять неугодных монархов от церкви и объявлять крестовые походы. Ганза, будучи объединением городов, выступала как источник экономических санкций, который мог объявлять блокады городам и крупным государствам и накладывать эмбарго на различные виды товаров.

В эпоху Нового времени, с появлением крупных колониальных государств, ограничительные меры становятся более локальными, т. е. исходят со стороны одного государства. Санкции в тот момент выражались в блокадах, коими история Западной Европы того времени пестрит, в виде эмбарго на различные товары. Крупнейший пример блокады – политика континентальной блокады, проводимая Францией и ее союзниками. После Наполеоновских войн в Пруссии, Австрийской и Российской империи возникла идея о создании некоего союза, который мог бы ограничивать некоторые государства от неугодных действий, угрожающих европейскому миру. С этой целью и был создан Священный союз, но действительно проявить себя он успел только в том, что подавил национальные восстания в Неаполе и Венгрии.

В 1914 г. началась Первая мировая война, по итогам которой человечеству потребовалось переосмысление самого же себя и была предложена концепция Лиги Наций – международной организации, которая должна была поддерживать мир на земле. С этой целью в уставе организации был закреплен институт ограничительных мер, которые могли накладываться на государство, серьезно нарушившее общепринятые нормы международного права. На практике Лига Наций, хотя и была в некоторые моменты относительно успешна, но в 1930–1940-х гг. показала свою беспомощность перед странами «ОСИ» – нацистского блока.

Уже после Второй мировой войны было решено разработать концепцию новой организации – Организации Объединенных Наций. Была более детально продумана внутренняя структура органа, создана Генеральная Ассамблея и Совет Безопасности, который и должен был путем консенсуса накладывать ограничительные меры. За вторую половину XX в. ограничительные меры не смогли себя реализовать в полной мере из-за постоянных противоречий, возникавших между странами Организации Варшавского договора (ОВД) и НАТО, а успешными примерами же признаются падение режима апартеида в ЮАР и свержение власти белых в Южной Родезии. После распада восточного блока в 1991 г. количество принимаемых резолюций увеличилось, ряд авторитарных режимов попал под санкции. Надо сказать, что санкции во все исторические периоды носили всеобъемлющий характер, но вот после ограничительных мер, наложенных на режим Саддама Хусейна, с учетом последствий, которые были нанесены мирным гражданам, мировым сообществом было решено сделать больший упор на таргетированные санкции. Суть их была в том, что они накладывались на лиц, ответственных за принимаемые решения в отдельно взятом государстве.

Таким образом, усиливается тренд гуманизации международного права. Но хотя смена тренда и происходит, верным будет отметить, что в сегодняшнем многополярном мире находит место наложение санкций без одобрения Совета Безопасности ООН, особенно популярна подобная политика у стран Западного полушария. Международным правом это может трактоваться и как суверенное право отдельного государства, и как частичное вмешательство одного государства в дела другого.

На нынешний момент, в связи с определенными событиями, спрогнозировать развитие института международных санкций представляется невозможной задачей. Сегодня предлагаются различные по своей адекватности варианты, начиная с отмены права вето как неотъемлемого права постоянных членов и заканчивая чуть ли не полной отменой самого института. Можно лишь подвести черту под всем тем, что было, и отметить, что инструмент санкций проделал долгий путь, выразался в различных формах, базировался на различных правилах поведения, и оказал исключительное влияние на международную обстановку.

Кочнев И. Н.

МИРОТВОРЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Кочнев Иван Николаевич, студент 3 курса Северо-Западного института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Вологда, Россия, Vannok457@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Лазарева М. Н.

Миротворчество – это деятельность, направленная на создание условий, способствующих прочному миру. Миротворческие операции являются актуальной темой для политических и научных дискуссий как у нас в стране, так и за рубежом, но с каждым днем правомерность таких миротворческих действий начинает ставиться под сомнение все большим количеством стран. Ведь нередко такие операции проводятся под предлогом поддержания мира и безопасности лишь для извлечения выгоды отдельных государств.

Одной из научных и практических проблем данной сферы служит отграничение миротворческих операций от действий смежного характера и действий, которые не могут иметь ничего общего с поддержанием мира.

В мировой истории неоднократно бывали случаи, когда одно государство вмешивалось в дела другого, добивалось свержения действующего правительства, причиняя смерть тысячам мирных жителей без санкции Совета Безопасности ООН. Одним из таких случаев можно признать вторжение США в Ирак, начавшееся 20 марта 2003 г. Эта война длилась девять лет и проводилась без одобрения ООН. Поводом для данной операции США послужило якобы наличие у Ирака оружия массового уничтожения, которое угрожало миру и безопасности, однако, как позже выяснилось, доказательства наличия у Ирака данного оружия, которые были представлены на заседании Совбеза ООН, были сфальсифицированы. Тогда возникает вопрос: зачем США сфабриковали эти доказательства и вторглись в другую страну без разрешения ООН? На самом деле при вторжении в Ирак США преследовали несколько целей, во-первых, подавление и разрушение одного из наиболее мощных государств арабского мира, которое противостояло Соединенным Штатам, а вместе с тем и Израилю, ведь иракская армия в то время считалась одной из самых мощных в регионе, и Ирак поддерживал все палестинские движения, которые были невыгодны Вашингтону. Во-вторых, Штаты пытались расколоть арабский мир и установить контроль над нефтяными и прочими природными ресурсами региона.

Другой случай подобных действий произошел 19 марта 2011 г., когда США вторглись в северную часть Ливии, проводили массовые бомбардировки, в ходе которых за первые несколько дней погибло множество мирных жителей. Мотивы этого вторжения были все те же, стремительное развитие стран, которые не хотели быть под гегемонией США, и природные ресурсы, которыми были богаты эти государства.

Список данных действий США и их союзников весьма широк, при том что некоторые из них проводились с санкции ООН, другие можно отнести к смежным с миротворческими операциям, а третьи и вовсе определить как

акты международного терроризма, но независимо от этого, большинство из таких случаев направлены были на извлечение собственной выгоды североамериканского государства.

К миротворческим операциям ООН можно отнести, например, миссию ООН по стабилизации в Демократической Республике Конго, которая проходит с 2010 г. В качестве смежных с миротворческими операциями можно отнести вторжение в Афганистан в 2001 г., вмешательство в 2014 г. в Гражданскую войну в Сирии.

Но в то же время, игнорируя нормы международного права, в обход ООН и Совета Безопасности, натовские силы развернули кампанию 78-дневных воздушных бомбардировок суверенного государства Югославия в 1999 г.; военный корабль США «Винсенс», находившийся в Персидском заливе, сбил ракетой иранский самолет в 1988 г. с 290 пассажирами на борту, среди которых было 57 детей; также можно привести уничтожение фармацевтического завода в Судане в 1998 г., с утверждением того, что он производит нервный газ; развязывание в ходе Вьетнамской войны гражданской войны в Лаосе в 1959 г. и т. д.

Исходя из этого, можно сделать выводы относительно соответствия указанных международных операций международному праву.

Во-первых, к сожалению, международное право при проведении миротворческих операций имеет силу только тогда, когда это выгодно определенным странам.

Во-вторых, такие международные организации и органы, как ООН и ЕСПЧ, которые изначально создавались как гаранты справедливости и беспристрастности, сегодня являются органами, которые подчинены интересам гегемонов, так как за преступления этих стран не вводятся никакие санкции против них, в их адрес не звучит никакого осуждения, более того, их руководство придумывает любые оправдания, чтобы их действия считались правомерными.

В-третьих, однополярный миропорядок, который установлен сегодня, не даст изменить прочно закрепившуюся за последние десятилетия заокеанскую диктатуру и ее неокOLONиальную практику, поэтому для мирного сосуществования наций необходимо такой миропорядок пересмотреть.

Лебедев С. А.

ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО: ЗАКОН О ЦИФРОВЫХ РЫНКАХ

Лебедев Станислав Александрович, студент 1 курса Витебского государственного университета имени П. М. Машерова, г. Витебск, Беларусь, fsmleb@outlook.com

Научный руководитель: канд. филос. наук, доцент Бочков А. А.

Для обеспечения честной конкуренции, защиты разработчиков и бизнеса от последствий монополизации цифровых платформ (включающих в себя магазины приложений, операционные системы, далее – ОС) крупными технологическими корпорациями (такими как Apple, Google и Microsoft,

занимающими около 95 % рынка ОС в совокупности) Европейская Комиссия в декабре 2020 г. предложила проект «Закона о цифровых рынках» (англ. «Digital Markets Act», далее – Закон), который бы вводил правила и санкции для осуществления поставленных целей в отношении так называемых «посредников»¹. Согласно ст. 3 гл. 2 Закона «посредники» (англ. «Gatekeepers») – это компании, функционирующие на территории ЕС, имеющие высокий уровень капитализации, значительную долю в цифровом рынке ЕС и предоставляющие цифровые платформы.

Закон (ст. 5 гл. 3) запрещает «посредникам»:

- собирать и комбинировать персональные данные пользователей из сторонних приложений и сервисов, использующих данную платформу, для дальнейшего использования «посредниками»; ограничивать бизнес и разработчиков в предоставлении продуктов и услуг через собственные решения и каналы распространения; ограничивать использование и установку сторонних сервисов вне магазинов приложений «посредников»;
- навязывать использование своих платежных систем и движков веб-браузеров без возможности установки сторонних альтернатив. Закон определяет и иные обязательства «посредников», описанные в этой же главе.

В соответствии с главами 4 и 5 Закон уполномочивает Еврокомиссию на проведение расследований по нарушению Закона, рассмотрение жалоб, предоставление заключений, принуждение к исполнению Закона путем ввода следующих санкций, установленных главой 5: штраф в размере не более 10 % от годовой мировой прибыли за предыдущий год и не более 20 % при повторном нарушении (ст. 30); регулярные штрафы в размере не более 5 % от средней ежедневной мировой прибыли за предыдущий год (ст. 31); иные санкции, которые Комиссия посчитает необходимым в случае систематического нарушения (ст. 18 гл. 4). По своей сути, Закон является частью антимонопольного законодательства ЕС в цифровом сегменте рынка в условиях глобализации и доминирующего положения немногочисленных технологических корпораций, находящихся территориально вне границ стран – членов ЕС, но осуществляющих свою деятельность внутри них.

Данный законопроект при вступлении в силу способен изменить структуру цифрового рынка. Сторонние разработчики и владельцы малого или среднего бизнеса смогут обходить монополии «посредников», увеличивая свою прибыль и, как следствие, налоговые поступления в казну, а также получить свободу в написании программ. Для конечных пользователей появится больше альтернативных приложений, а бигтех-корпорациям в свою очередь придется найти новые источники получения прибыли, ведь доходность их платформ существенно упадет.

Для Республики Беларусь подобный закон был бы актуален по следующим причинам. Подобные корпорации в нашей стране распространены

¹ Regulation (EU) 2022/1925 of the European Parliament and of the Council of 14 September 2022 on contestable and fair markets in the digital sector and amending Directives (EU) 2019/1937 and (EU) 2020/1828 (Digital Markets Act) [Electronic resource] // Official Journal of the European Union.]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:32022R1925&from=EN> (дата обращения: 16.10.2022).

так же, как и в Европейском союзе (им принадлежит около 97 % белорусского рынка ОС)¹. Рецепция антимонопольного законодательства ЕС в белорусское способствовала бы установлению честной конкуренции и стимулированию отечественных разработчиков в написании программ. Кроме этого, предусмотренный Законом запрет в отношении «посредников» на контроль за установкой сторонних приложений помог бы белорусским банкам и компаниям, попавшим под иностранные санкции, беспрепятственно распространять свои приложения на всех платформах.

Однако стоит учитывать, что Закон охватывает весь рынок ЕС, который несравним с белорусским по его размерам и влиянию на данный сегмент мирового рынка, поэтому данное антимонопольное регулирование эффективнее покажет себя на более глобальном уровне – в экономических союзах, в которых состоит Беларусь, например в ЕАЭС, который охватывает рынки России, Казахстана, Армении и Киргизии. В этом случае подобный закон будет иметь намного большую силу, чем в рамках отдельно взятого и сравнительно небольшого белорусского рынка.

Мацкевич А. Ю.

ТАМОЖЕННЫЙ СОЮЗ СТРАН ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Мацкевич Анастасия Юрьевна, студентка 2 курса Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, г. Гродно, Беларусь, mnasta849@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Хацук Ж. В.

Сегодня одним из главных вопросов является взаимопомощь государств не только в использовании ресурсов, но и при совместном решении возникающих трудностей. Для решения данных проблем государствами создаются союзы и организации. Одним из примеров объединения считается Европейский союз. На сегодняшний день Европейский союз – это объединение, состоящее из 27 государств, основными целями которого являются обеспечение своим гражданам свободы, безопасности и законности, а также разумного использования ресурсов. Поскольку все государства, входящие в союз, реализовывают сотрудничество между собой, следует, что одним из главных факторов существования Европейского союза является осуществление таможенного сотрудничества. Исходя из того, что Европейский союз осуществляет постоянное перемещение товаров через таможенную границу и тем самым развивает международные торговые отношения, следует выделить необходимость принятия различных документов, способствующих развитию данного сотрудничества, а также правильное проведение таможенных процедур, включающих в себя корректное взимание таможенных пошлин и осуществление упорядоченного контроля товаров и транспортных средств, проходящих через сухопутные и водные таможенные границы. Примером данного документа на территории

¹ Operating System Market Share in Belarus. Sept 2021– Sept 2022. StatCounter [Electronic resource]. URL: <https://gs.statcounter.com/os-market-share/all/belarus/#monthly-202109-202209> (дата обращения: 18.10.2022).

Европейского союза является Таможенный кодекс ЕС. В данном документе отражены: территории, на которые распространяется кодекс, список осуществления таможенных процедур, а также положения о взыскании стоимости товаров, поступающих на территорию Союза.

Таможенный союз Европейского союза играет немаловажную роль в развитии международного таможенного сотрудничества. Создание Таможенного союза Европейского союза было предусмотрено Римским договором 1957 г. об образовании Европейского экономического сообщества. Важно отметить, что в соответствии со ст. 28 Договора о функционировании Европейского союза Стороны договорились создать Таможенный союз, который охватывает всю торговлю товарами и влечет за собой запрет между государствами-членами взимать экспортные и импортные таможенные пошлины и любые сборы, имеющие равнозначный эффект, при перемещении товаров. Также страны договорились принять общий таможенный тариф в отношении третьих стран. Следует отметить, что в 1957 г. при зарождении таможенного сотрудничества государств – участников Европейского союза со странами, не входящими в союз, возникал вопрос о взимании таможенных пошлин. Для решения данной проблемы Таможенный союз ЕС начал использовать Единый таможенный тариф. Далее не менее важным стало принятие в 2013 г. Таможенного кодекса ЕС, который действовал до 2016 г. В данном Таможенном кодексе был описан порядок осуществления таможенных процедур, а также полномочия таможенных органов. В 2016 г. был принят новый Таможенный кодекс, основной целью которого являлась модернизация таможенных процедур. Важно отметить, что данный документ долго внедрялся в систему таможенного законодательства, и полное его внедрение произошло уже к 2020 г. Основные цели, обозначенные данным кодексом, – это улучшение качества и упрощение условий осуществления таможенных процедур, внедрение компьютерных технологий, позволяющих в ускоренном порядке проводить осмотр товаров и транспортных средств, а также создание более унифицированной классификации списка товаров.

Морозов Н. Д.

**О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В БОРЬБЕ
С НЕЗАКОННЫМ ПРОИЗВОДСТВОМ И РАСПРОСТРАНЕНИЕМ
НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ**

*Морозов Никита Дмитриевич, студент 4 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
nikita.morozov233@gmail.com*

Научный руководитель: старший преподаватель Емельянович О. В.

В конце XX и начале XXI в. остро встал вопрос борьбы с незаконным производством и распространением наркотических средств в странах Европейского союза (далее – ЕС). На сегодняшний день существуют

договоры, на которых основывается ЕС: Договор о Европейском союзе и Договор о функционировании Европейского союза. Каждому участнику ЕС необходимо принять соответствующее законодательство и содействовать в данной сфере не только другим государствам, но и международным органам и организациям по контролю над наркотиками.

По мнению С. А. Бокерии, на современном этапе существуют четыре основных направления международного сотрудничества в области борьбы с незаконным оборотом наркотических средств: развитие международного регулирования в области борьбы с незаконным оборотом наркотиков и унификация законодательства отдельных государств; сотрудничество в уголовно-процессуальной сфере; обмен информацией; деятельность международных организаций в упомянутой области. Сотрудничество между государствами-членами в вышеперечисленных направлениях возможно лишь при наличии системы определенных принципов, под которыми следует понимать правила поведения субъектов международных правоотношений в важнейших вопросах, закрепленных в международно-правовых актах.

Анализируя Договор о функционировании Европейского союза, можно сделать вывод о том, что основу международного сотрудничества участников ЕС в сфере незаконного оборота наркотических средств составляет принцип взаимного признания судебных решений по уголовным делам.

Кроме вышеупомянутых принципов, можно выделить приоритетные основы международного сотрудничества государств ЕС в борьбе с незаконным производством и распространением наркотических средств:

- поощрение государств – членов ЕС к тесному сотрудничеству между государствами – членами ЕС и странами-партнерами, а также ООН и Интерполом в целях усиления контроля за внешними границами для предотвращения незаконного оборота наркотиков в ЕС;

- объединение специализированных служб, включая Европол и Евроюст, в оперативные сети, основанные на существующих многосторонних структурах обмена информацией;

- координирование снижения спроса и предложения наркотиков путем обеспечения производителей наркотиков альтернативными источниками существования и создания информационной базы для борьбы с наркоторговлей;

- стимулирование деятельности, направленной на противодействие незаконному производству и распространению наркотических средств путем призыва к более активному участию международных и национальных неправительственных организаций, волонтерского сектора и широкой общественности, включая потребителей наркотиков, в решении проблемы, связанной с незаконным оборотом наркотических средств.

Таким образом, следует отметить, что сам факт наличия приоритетных основ международного сотрудничества в борьбе с незаконным производством и распространением наркотических средств в ЕС еще не решает вышеупомянутой проблемы. Необходимо, чтобы международное сотрудничество в данной сфере было эффективным, что, в свою очередь,

зависит от многих факторов, определяющим среди которых можно назвать четкий механизм международно-правового контроля за соблюдением соглашений в данной области. Такой контроль представляет собой способ обеспечения выполнения государствами своих обязательств в соответствии с международными соглашениями. В процессе осуществления контроля необходимо анализировать причины недостатков и выработать конкретные рекомендации по их устранению.

Рылко Е. С.

РОЛЬ ООН В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Рылко Екатерина Сергеевна, студентка 3 курса Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, г. Гродно, Беларусь, katerinarylko.1@gmail.com

Научный руководитель: преподаватель Захаренко К. В.

Организация Объединенных Наций (далее – ООН) – международная организация, созданная в 1945 г. для поддержания и укрепления международного мира и безопасности, развития международного сотрудничества и содействия глобальному прогрессу. Организация осуществляет свою деятельность на универсальном уровне, а ее полномочия предполагают достижение положительного результата и поставленных задач в экономической, социальной, гуманитарной и иных областях международного общения. Организация считается независимой от чьих-либо коммерческих или национальных интересов, а в выработке и принятии стратегических решений принимают участие все государства-участники.

Особое место в деятельности ООН занимает миротворческая деятельность. Основным мотивом реализации данной деятельности принято считать уничтожение границ между воюющими и мирными жителями, что приводит к увеличению смертности гражданского населения. В настоящее время ООН стремится решить военный конфликт на ранних стадиях, чтобы не допустить гибели граждан, нарушения стабильности в мире, выступая как третье независимое лицо, осуществляя переговоры, а также ведет деятельность по обеспечению безопасности населения в воюющих странах, осуществляет содействие гражданам после окончания войны. В основу миротворчества закладывается четкое понимание того, что операции ООН по поддержанию мира являются особым методом урегулирования конфликтов, основная цель которого – сохранять мир, а не принуждать к нему, предотвращать возникновение взрывоопасной ситуации, а не сдерживать ее эскалацию.

В настоящее время ООН сталкивается с рядом проблем. В частности, Организации становится сложнее осуществлять свои непосредственные полномочия в силу таких стремительно развивающихся факторов, как глобализация, многополярность, интеграция и изоляция ряда субъектов международного права и т. д. Вышеуказанные аспекты ведут к возникновению новых проблем в современном мире, что неуклонно

оказывает влияние на жизнь человека, однако субъекты международного права не могут своевременно выработать эффективные средства решения возникающих проблем.

Резкая деградация окружающей среды, рост народонаселения, нехватка пищевых и сырьевых ресурсов, региональные конфликты, нищета, оборот наркотиков, эпидемии и международный терроризм в настоящее время выходят за пределы государств, регионов и континентов. Транснациональный характер негативных последствий данных явлений порождает первоочередную потребность в объединении усилий всех членов Организации для поиска эффективных и взаимоприемлемых путей их смягчения.

Затрагивая вопрос о программах ООН, действующих на протяжении длительного периода, считаем необходимым обратиться к примеру программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП), действующей с 1972 г., главная задача которой заключается в обеспечении руководства и поощрении партнерства в области бережного отношения к окружающей среде путем создания возможностей для улучшения качества жизни государств и народов без ущерба для будущих поколений.

Как было отмечено ранее, Устав ООН не способен в полном объеме урегулировать деятельность Организации на современном этапе ее функционирования, поэтому в рамках Специального комитета ООН последние десятилетия осуществляется тщательная и кропотливая работа по изучению предложений государств по выработке изменений и дополнений Устава ООН, а также адаптации Устава для решения современных вопросов.

Считаем необходимым рассмотреть роль ООН в рамках универсального механизма защиты прав человека, вопрос о защите прав человека на современном этапе является актуальной проблемой глобального масштаба. Статья 1 Устава ООН закрепляет, что одной из целей ООН является осуществление международного сотрудничества «в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии». Для достижения целей по защите прав человека ООН был предпринят ряд действий: принятие Всеобщей декларации прав человека в 1948 г.; принятие Международного пакта о гражданских и политических правах и Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах в 1966 г.; создание Управления Верховного комиссара ООН по правам человека и др.

Можно сделать вывод о том, что ООН является важнейшим участником международных отношений, стремясь с новым вызовом времени изменить свою деятельность для достижения поставленных целей и задач. Однако эта адаптация зависит не только от самой организации, но и от политической воли самих государств-участников. Только эти субъекты международного права могут повлиять на укрепление и развитие, во-первых, финансовой основы, т. е. современной выплаты членских взносов; во-вторых, экономической и социальной основы, так как ООН обладает центральной ролью в осуществлении устойчивого социально-экономического и

финансового сотрудничества между субъектами. Стоит также отметить, что решение мировых проблем отдельными субъектами международного права не представлялось бы возможным и привело бы к еще большему количеству разногласий на международной арене, что подтверждает статус ООН как главного мирового форума по объединению усилий в борьбе с глобальными проблемами современности.

Тебенькова В. Н.

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ЮРИСДИКЦИЯ ГОСУДАРСТВ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ

*Тебенькова Виктория Николаевна, аспирант Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
г. Москва, Россия, priem@msal.ru*

Научный руководитель: д-р юрид. наук Соколова Н. А.

Киберпространство представляет собой уникальное явление, объединяющее информационную инфраструктуру, программное обеспечение и участников, взаимодействующих посредством первых двух компонентов.

В свое время такие специфические свойства киберпространства, как децентрализованный и трансграничный характер, вызвали серьезные вопросы о возможности применения и пределах применения концепции государственного суверенитета в киберпространстве.

Несмотря на то, что в настоящий момент данный вопрос все еще вызывает некоторые споры, наиболее распространенной в международном праве является точка зрения о том, что государства обладают суверенитетом в киберпространстве, а к самому киберпространству применяются нормы международного права.

Юрисдикция государств, представляющая собой возможность установления и обеспечения реализации своего права путем угрозы применения или применения правового принуждения, как правило, рассматривается в качестве проявления государственного суверенитета.

В свою очередь, государственный суверенитет тесно связан с понятием территории, т. е. пространственной сферы, в пределах которой государство является высшей властью.

В деле *Lotus* Международный суд ООН указал, что территориальная юрисдикция вытекает из суверенитета государств и не зависит от наличия или отсутствия какой-либо нормы международного права. В связи с этим основным принципом установления юрисдикции государств в киберпространстве является принцип территориальности, предполагающий, что государство может в полной мере осуществлять юрисдикцию в отношении лиц и объектов, расположенных в пределах его территории.

На основании принципа территориальности государства применительно к киберпространству могут устанавливать свою юрисдикцию в отношении:

- информационной инфраструктуры, расположенной на территории государства;

- всех лиц, находящихся и действующих на территории государства, вне зависимости от их гражданства;
- деятельности, которая начата или завершена на территории государства;
- информации, распространяемой или хранящейся на территории государства.

Таким образом, государства обладают суверенитетом в киберпространстве, что в свою очередь позволяет государствам устанавливать и осуществлять территориальную юрисдикцию в киберпространстве вне зависимости от наличия какой-либо нормы международного права.

Тимощенко В. А.
МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО
В БОРЬБЕ С ЗАХВАТОМ ЗАЛОЖНИКОВ

Тимощенко Виктория Аркадьевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь

Научный руководитель: канд. полит. наук, доцент Михайловский В. С.

Актуальность выбранной для исследования темы предопределена следующими положениями. Во-первых, захват заложников в современном белорусском обществе – один из самых опасных составов преступлений среди преступлений, направленных против общественной безопасности. Во-вторых, несмотря на то, что захват заложников по официальному заявлению Центрального аппарата Следственного комитета Республики Беларусь представляется редким явлением для белорусской практики, однако он стал достаточно серьезной проблемой современности, которая признается международным сообществом. В-третьих, в силу постоянного развития межгосударственных связей оказание международной правовой помощи остается актуальным видом межгосударственного сотрудничества.

По результатам проведенного комплексного исследования особенностей международного сотрудничества в борьбе с захватом заложников были сделаны следующие выводы:

1. На разных исторических этапах развития Беларуси в законодательстве закреплялась различная уголовная ответственность за похищение людей, а также за их продажу и обращение в рабство. В то же время, отмена крепостного права повлекло возникновение универсальной уголовно-правовой нормы за продажу человека. В советский период в уголовном законодательстве отсутствовала ответственность за захват заложника несмотря на то, что уже была весьма очевидна необходимость в ее введении. Международное право (присоединение СССР к Международной Конвенции о борьбе с захватом заложников) поспособствовало легализации уголовной ответственности за захват заложников. С момента введения такой ответственности существенным корректировкам ст. 291 УК Республики Беларусь не подвергалась.

2. Запрет на захват заложников трансформировался в международный обычай и был таковым уже на момент разработки Конвенции 1979 г. Запрещение захвата заложников установлено практикой государств в качестве нормы обычного международного права, применяемой как во время международных, так и во время немеждународных вооруженных конфликтов. Эти нормы имеют общеобязательный характер и могут быть обеспечены посредством международно-правовых механизмов принуждения.

3. Захват заложников, выступая международным обычаем, в своем развитии прошел длительный исторический путь, начиная от законной формы обеспечения исполнения условий договора, заключенного между государствами и племенами на самых ранних стадиях развития человеческого общества, до самостоятельного вида преступления, которое преследуется согласно нормам современного международного права. Однако захват заложников до сих пор остается сильным «рычагом» влияния. Вероятность захвата заложников достигает наибольшего распространения в процессе локальных вооруженных конфликтов, которые возникают на почве религиозной либо национальной вражды.

4. С нашей точки зрения, эффективность действующих международных соглашений в сфере борьбы с захватом заложников снижается по причине недостаточной разработанности международно-правовой базы, включая отсутствие в настоящее время единого международного кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, а также независимого суда либо уголовного трибунала, к компетенции которого относились бы вопросы, связанные с уголовным преследованием виновных лиц. В связи с тем, что до настоящего времени продолжается разработка Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества в его проект необходимо включить статью, которая квалифицирует захват заложников в качестве исключительно серьезного военного преступления. Целесообразно также определить ответственность за осуществление либо отдачу приказа о совершении захвата заложников.

5. Целесообразно разработать практические меры, которые были бы направлены на противодействие и предупреждение захвата заложников из числа белорусских граждан. Кроме того, необходимо разработать и реализовать меры, направленные на освобождение белорусских граждан в случае захвата их в качестве заложником. Также есть необходимость в мерах, связанных с возмещением гражданам, которые были захвачены в качестве заложников, и (или) членам их семей причиненного ущерба. Представляется, что в качестве таких практических мер можно предложить следующие:

- разработать государственную концепцию в части обеспечения безопасности белорусских граждан, которые временно находятся за рубежом с целью выполнения служебных обязанностей, либо, которые выехали на работу по контрактам или по туристическим целям. В такой концепции целесообразно отразить возможные варианты разрешения всего арсенала мер, которые связаны с координацией усилий разнообразных государственных структур (Министерства иностранных дел, Министерства

внутренних дел, Комитета государственной безопасности, страховых компаний, туристических агентств и др.), с разделением части их ответственности, определением первостепенных мер в ситуации захвата белорусских граждан в заложники;

- закрепление на различных уровнях в международных соглашениях, которые заключаются Республикой Беларусь с соседствующими странами, специальных норм, в соответствии с которыми договаривающиеся государства не только могли бы гарантировать соблюдение основных прав и свобод в период пребывания их граждан на территории другого государства, но и определяли бы разработку точных общих мер, которые направлены на восстановление данных прав и свобод в случае их нарушения, в том числе права на освобождение заложников и на возмещение причиненного ущерба.

Юмашина Т. В.

О ПРОБЛЕМАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СТАТУСА САМОЗАНЯТЫХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

*Юмашина Татьяна Вячеславовна, студентка 2 курса Марийского государственного университета, г. Йошкар-Ола, Россия,
shaaamerka@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Мокосеева М. А.

Самозанятость как социально-экономическое явление уходит своими корнями еще в средневековые времена. Ее проявлениями можно считать надомный труд, ремесленничество, личное подсобное хозяйство, имевшие достаточно широкое распространение как среди городского, так и сельского населения на протяжении всего периода развития системы товарного обмена. Само по себе это явление не имело большого влияния на экономику, что обуславливало правовую неурегулированность данной категории хозяйствующих субъектов. Со временем самозанятость приобрела серьезный удельный вес в экономической системе, и появилась потребность в ее регуляции со стороны государства, и преобразовании ее в самостоятельный экономико-правовой институт.

В Российском законодательстве самозанятость получила правовое закрепление сравнительно недавно. Проблема определения правового статуса самозанятых была обозначена в Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 г., утвержденной распоряжением Правительства РФ от 2 июня 2016 г. № 1083-р, в которой самозанятые были определены как граждане, осуществляющие приносящую доход деятельность и не зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей. В 2018 г. Государственная Дума приняла Федеральный закон, положивший начало проведению эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» (далее – НПД) (Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ). В соответствии с законом данный режим предназначен для физических лиц, получающих доход для личных нужд от выполнения профессиональной

деятельности по реализации товаров, имущественных прав, выполнения работ или оказанию услуг без привлечения наемных работников.

Институт ИПД является достаточно новым, поэтому самозанятых граждан нынешнее законодательство выделяет в отдельную группу хозяйствующих субъектов, для которых действуют особые правила. Это подтверждается политикой российского государства по поддержке экономики во время пандемии коронавируса в 2020 г. Для самозанятых граждан в этот период были разработаны специальные пособия и налоговые льготы. Тем не менее с лета 2020 г. законодатель начинает предпринимать шаги для уравнивания самозанятых и субъектов малого бизнеса. Поправками в Федеральный закон № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», внесенными в июле 2020 г., для самозанятых граждан были предусмотрены меры поддержки наравне с субъектами малого и среднего бизнеса. Помимо мер поддержки, в период пандемии самозанятым было предоставлено право на участие в закупках, что также приближает их к категории малого и среднего предпринимательства.

Пандемия во многом способствовала укреплению института самозанятости и вовлечению в его использование все большего числа граждан. Данный институт обрел большую популярность среди крупных компаний, которые были заинтересованы в услугах самозанятых. Стали появляться сервисы для привлечения их к работе в компании, создания условий для реализации самозанятыми своей деятельности. Например, компания Яндекс активно привлекает самозанятых курьеров и водителей к работе посредством сервиса «Яндекс Go», маркетплейсы предоставляют самозанятым производителям площадку для продажи товаров.

Введение режима специальной военной операции в феврале 2022 г. актуализировало самозанятость. Причиной тому послужили введение санкций и уход иностранных компаний с российского рынка. Сокращение дохода и потеря рабочих мест вынуждали людей искать новый способ заработка, а компании искали способы для оптимизации работы и снижения издержек. Данный институт позволяет снизить налоговое бремя для обеих сторон, не снижая эффективности, а также обеспечить независимость компаний и работников друг от друга, что дает преимущество в условиях быстро меняющейся политико-экономической обстановки.

Таким образом, явление самозанятости в Российской Федерации год от года набирает популярность и занимает большее место в экономике, что обуславливает становление его правовой оболочки. Законодатель желает урегулировать деятельность самозанятых граждан, поэтому предпринимаются шаги для формирования основы правового регулирования этого явления в рамках института предпринимательской деятельности. На наш взгляд, наиболее необходимым шагом в настоящее время является закрепление правового термина «самозанятость» и формирование особого правового статуса лиц, осуществляющих данную деятельность. Сегодняшняя действительность создает все условия для развития института самозанятости в России, а равно и совершенствования его правового регулирования.

Якубова Г. Ф.
**МЕЖДУНАРОДНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ ИНЦИДЕНТОВ,
СВЯЗАННЫХ С НАРУШЕНИЯМИ КОНВЕНЦИИ О БИОЛОГИЧЕСКОМ
И ТОКСИННОМ ОРУЖИИ, НА ПРИМЕРЕ США**

*Якубова Гульнур Фяритовна, студентка 4 курса Российского
государственного университета нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина,
г. Москва, Россия, g-yakubova@bk.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Смирнов М. Г.

В XX в. технический прогресс в значительной степени усовершенствовал виды оружия, рассчитанные на массовый урон населению. Применяемое без возможности ограничить ущерб такое оружие получило название «оружие массового уничтожения» (далее – ОМУ). Разумеется, бурный рост химических наук, миниатюризация производства, революция в сфере сплавов, не могли не оказать влияния на развитие ОМУ. Первая мировая война лишь ускорила процесс развития ОМУ, поскольку войскам на фронте требовались технические новинки, более жестокие и антигуманные, но зато эффективные. Так началась эпоха химического оружия. Следует отметить, что бактериологическое оружие всегда оставалось в тени химического, поскольку требовались предсказуемые результаты, первым из которых была малая вероятность нанесения ущерба собственным войскам.

Период между мировыми войнами был временем экспериментов, наиболее известным из которых в антигуманном смысле был ныне известный японский «отряд 731», проводивший эксперименты над китайским гражданским населением, а также военнопленными всех антияпонских сил. Слабое знание селекции привело к кустарным по современным меркам попыткам заражения чумой, холерой и оспой партизанских войск Китая и гражданского населения.

Ситуация изменилась с открытиями в микробиологии и генетике, во второй половине XX в. Выяснилось, что и бактерии, и вирусы могут быть целенаправленно усовершенствованы путем тонкой селекции, в том числе с перспективными возможностями заражения определенных лиц с расовой, гендерной и даже этнической принадлежностью.

После подписания Конвенции о биологическом и токсинном оружии (КБТО) в 1972 г. ведущие государства мира продолжали испытывать и исследовать новые штаммы. Официально это не запрещалось – государства должны были отказаться от накопления и производства бактериологического оружия, вести исследования не запрещалось.

В соответствии с КБТО государства-участники берут обязательство никогда, ни при каких обстоятельствах не разрабатывать, не производить, не накапливать, не приобретать каким-либо иным путем и не сохранять: микробиологические или другие биологические агенты или токсины, а также оружие, оборудование или средства доставки для использования таких агентов или токсинов во враждебных целях или в вооруженных конфликтах (ст. 1).

Многие успехи инфекционной медицины как в СССР, так и в США – это прямой результат эффективных исследований военных бактериологов.

Как пример можно привести 1961 г., когда мир жил в условиях 7-й пандемии холеры. В 1970 г. вспышка этого заболевания произошла в СССР. Ее удалось прекратить в результате серии противоэпидемических мероприятий, таких как карантин и вакцинация 400 тыс. граждан, массовый сбор медицинских анализов для выявления заболевших, усиленный контроль над продуктами питания.

Однако ситуация изменилась с окончанием холодной войны и распадом советского блока. США сделали бактериологическое оружие оружием информационным, обвиняя неудобные режимы в подготовке бактериологических атак и наводя панику на население США грядущими атаками террористов с вирусами. Пример – пробирка Пауэлла. Суть утверждений Пауэлла в 2003 г. была в том, что Ирак скрывает производство оружия массового поражения. И это давало совершенно легальный повод для войны.

Одновременно в США была запущена собственная программа исследований в государствах бывшего СССР, известная под именем Лугара, американского сенатора. Самыми известными лабораториями были центры высшего уровня опасности в Грузии и на Украине.

Американский центр Лугара, который открыли в 2011 г. в Тбилиси, испытывал на грузинских гражданах препарат «Совалди» американской фирмы «Гилеад Сайенсиз», в результате чего якобы погибли 73 добровольца.

В Украине российские военные в ходе спецоперации обнаружили 30 биологических лабораторий. Начальник войск радиационной, химической и биологической защиты Вооруженных Сил Российской Федерации Игорь Кириллов заявил, что на этих объектах предположительно работали над производством биологического оружия для министерства обороны США.

Ряд исследований, проводившихся в этих лабораториях, дает основания предположить, что США исследуют наступательные виды бактериологического оружия. За время реализации соглашений об отказе от бактериологического оружия проявились недостатки договоров, связанные как с расплывчатостью некоторых формулировок, так и отставанием требований конвенций от современных возможностей биотехнологии.

Антимоник А. А.

ПОНЯТИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЦИФРОВОГО ПОСТОЯННОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА

*Антимоник Александра Алексеевна, студентка 4 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск Беларусь,
antim.com121326(aigtnail.com).*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Лещенко С. К.

На сегодняшний день экономика значительно изменилась и усовершенствовалась, в том числе благодаря развитию современных технологий и большему распространению сети Интернет. «Виртуальная» или digital-экономика больше не отделяется от обычной, «физической» экономики, в том числе благодаря тому, что новые модели ведения бизнеса позволяют виртуализировать и полностью перевести в интернет-пространство те отношения, которые раньше традиционно осуществлялись в сфере «физической» экономической деятельности. Развитие цифровой экономики не создает проблемы размывания налоговой базы и вывода прибыли из-под налогообложения, но способствует ее обострению.

В документах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) основными признаками цифровой экономики называют: сложность определения места создания стоимости, широкое использование нематериальных активов, использование в деятельности большого количества данных, главным образом, персональных, использование многосторонних бизнес-моделей.

Постоянное представительство как институт налогового права характеризуется наличием признака физического присутствия экономического субъекта в государстве ведения деятельности, которое в условиях цифровой экономики достаточно тяжело идентифицировать. Критерий «постоянное место деятельности» считается одним из самых проблемных при разрешении проблем налогообложения в цифровой экономике.

Транснациональные корпорации, получая прибыль в юрисдикциях, являющихся источником их доходов, в силу существующих правил налогообложения не уплачивают налог на прибыль, полученную с использованием цифровых средств. Сложившееся понятие постоянного представительства стало своего рода препятствием, которое не позволяет ему полноценно функционировать в современных экономических условиях.

Для решения этой проблемы предлагается введение в научный оборот нового вида постоянного представительства – цифровое постоянное представительство. Н. Ю. Андреев предлагает следующее определение постоянного представительства – «место деятельности, через которое предприятие полностью или частично ведет свою деятельность, включая

государство или территорию цифрового присутствия, в котором имеет основной источник пользователей, место получения основного дохода».

В настоящее время существует два основных подхода для разрешения проблем, связанных с налогообложением прибыли в цифровой экономике применительно к постоянному представительству.

Первый подход – введение отдельных правил, которые позволят облагать прибыль, полученную постоянными представительствами в третьих государствах (быстрые подходы к разрешению проблемы). Но такой подход не позволит разрешить проблемы глобально и скорее отвлечет от нее, приводя к затягиванию процесса реформирования международного налогообложения.

Второй подход – принятие всеобъемлющего, долгосрочного решения, или решения, которое можно будет применять как к цифровым моделям бизнеса, так и к обычным моделям ведения бизнеса. В их числе: новый подход к толкованию понятия постоянного представительства; принятие новой системы налогообложения, при которой государство, в котором уплачивается налог, определяется местом нахождения конечного потребителя товара или услуги. Полагаем, что наиболее перспективно для определения статуса постоянного представительства в условиях цифровой экономики является новое предложение по толкованию понятия постоянного представительства.

Одним из предложений по преодолению привязки института постоянного представительства к критерию физического нахождения предлагается интерпретация места ведения предпринимательской деятельности, изложенная в ст. 5 Модельной конвенции ОЭСР. Предлагается толковать данное понятие также с точки зрения виртуального присутствия в стране, при котором можно использовать различные критерии применительно к конкретному государству.

Таким образом, подход к переосмыслению статуса постоянного представительства заключается в том, что требуется интерпретация понятия постоянного представительства на уровне толкования, а именно отказ от привязки к такому признаку как физическое присутствие в стране ведения предпринимательской деятельности и использование иных критериев.

Волкова А. С.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РЕКЛАМНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Волкова Анна Сергеевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, law.volkovaAS@bsu.by

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Сидорчук В. К.

Расширение коммуникационных связей в современном мире приводит к постоянному росту объемов и значения рекламы. Продвижение любого товара или услуги на рынке неразрывно связано с осуществлением активной рекламной деятельности, обеспечивающей возможность ознакомления потребителя с предлагаемыми товарами и услугами, а также влияния на производимый потребителем выбор.

«Реклама – информация об объекте рекламирования, размещаемая (распространяемая) в любой форме с помощью любых средств, направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и (или) его продвижение на рынке» (ст. 2 Закона Республики Беларусь от 10 мая 2007 г. № 225-З (ред. от 04.01.2021) «О рекламе» (далее – Закон о рекламе).

Государственное регулирование в области рекламы осуществляется Президентом Республики Беларусь, Национальным собранием Республики Беларусь, Советом Министров Республики Беларусь, Министерством антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь, местными исполнительными и распорядительными органами и иными государственными органами в пределах их компетенции.

Поскольку реклама стала неотъемлемым элементом современного общества, то правовое регулирование данного института и его всестороннее и комплексное освещение представляется теоретически и практически актуальным. В условиях проведения комплекса экономических и правовых реформ в Республике Беларусь особое значение приобретают вопросы разработки эффективного правового регулирования отношений в сфере рекламы. Процесс формирования и развития законодательства о рекламе завершился относительно недавно с принятием основного нормативного правового акта, регулирующего данную область общественных отношений.

Если обратиться к истории, то первый Закон, регламентирующий рекламную деятельность на общенациональном уровне, был издан в 1752 г. (Англия); 1886 г. – «Закон о рекламе» (Германия); 1988 г. – «Общий закон о рекламе» (Испания); 1995 г. – Федеральный закон «О рекламе» (Россия).

На национальном уровне применяются два способа регулирования рекламной деятельности – государственное регулирование и саморегулирование. Во многих странах создано специальное законодательство, регламентирующее рекламную деятельность. Принят также Международный кодекс рекламной практики Международной торговой палаты в Париже в 1937 г., который пересматривался неоднократно (в 1949, 1955, 1966, 1973, 1986 гг. и в июне 1987 г.).

Нормативное регулирование рекламы в Республике Беларусь направлено на защиту потребителей рекламы от недобросовестной и ненадлежащей рекламы, сокращение объемов или запрет рекламы товаров (продукции, работ, услуг), способных причинить вред жизни, здоровью или имуществу потребителей, ввести их в заблуждение относительно свойств товаров. Вместе с тем очевидно, что в данной области существуют некоторые проблемы, решение которых возможно в результате системной реализации ряда общегосударственных программ. Таким образом, дальнейшее совершенствование правового регулирования рекламной деятельности с учетом в том числе зарубежного опыта, является важной частью развития белорусского законодательства в этой сфере. В связи с этим было бы полезно разработать для субъектов хозяйствования отдельный закон, который включал бы в себя правила этичной рекламы для продвижения продуктов и услуг.

Дерюжков А. В.
**ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ИСКЛЮЧЕНИЯ НЕОБОСНОВАННОГО
ПРИМЕНЕНИЯ НАЛОГОВЫХ ВЫЧЕТОВ ПРИ ОБЛОЖЕНИИ
ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТИ**

*Дерюжков Алексей Владимирович, соискатель Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь, alexdv.gorki@yandex.ru*

Научный руководитель: д-р юрид. наук, профессор Гаврильченко Ю. П.

За относительно непродолжительный период применения налога на добавленную стоимость в Республике Беларусь, по сравнению с европейскими странами, произошла адаптация и приведение его к соответствию международным стандартам, что позволило построить гармоничную налоговую систему. Становление национальной налоговой системы не могло быть осуществлено без своевременного изменения налогового законодательства, регулирующего отношения, возникающие при установлении, исчислении и взимании налогов. Несмотря на высокий уровень правовой проработки механизма обложения добавленной стоимости, как показывает практика, присутствуют негативные моменты использования различного рода ухищрений и недобросовестного поведения со стороны плательщиков, направленные на неправомерное уменьшение сумм налога на добавленную стоимость, подлежащих перечислению в бюджет, посредством необоснованного применения налоговых вычетов. Актуальность темы обусловлена необходимостью научно обоснованной разработки правового механизма использования налоговых вычетов при обложении добавленной стоимости на основании обобщения и анализа накопленной информации о необоснованном применении налоговых вычетов.

Применение налоговых вычетов при уплате налога на добавленную стоимость было введено с 01.01.2000 г. Законом Республики Беларусь от 16.11.1999 г. № 324-З «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О налоге на добавленную стоимость». С одной стороны, механизм использования вычетов позволил привести конструкцию налога на добавленную стоимость в соответствие с международными требованиями и вывести отечественные предприятия на более высокий уровень конкурентоспособности. С другой стороны, законодательно закрепленная возможность применения налоговых вычетов позволила недобросовестным налогоплательщикам использовать вычеты для уклонения от уплаты налога на добавленную стоимость либо на значительное уменьшение суммы налога перечисляемого в бюджет.

Анализ текстовой части подп. 2.1 п. 2 ст. 16 Закона Республики Беларусь от 19.12.1991 №1319-ХП «О налоге на добавленную стоимость» (с изменениями и дополнениями), а также подп. 1.1 п. 1 ст. 132 Налогового кодекса Республики Беларусь (Особенная часть) показал, что перечислению в бюджет подлежит сумма исчисленного налога на добавленную стоимость, уменьшенная на суммы налога, предъявленные плательщику продавцами при

приобретении им на территории Республики Беларусь товаров (работ, услуг), имущественных прав. При этом право применения налогового вычета законодательно не обременено условием оплаты. Именно это способствует использованию незаконных схем с использованием первичных учетных документов фирм «однодневок». Незаконность заключается в том, что к бухгалтерскому учету принимаются бестоварные товарно-транспортные накладные (товарные накладные), акты оказанных услуг (выполненных работ) и т. д. с целью применения налогового вычета в размере, указанном в вышеперечисленных первичных документах.

Внесение изменений в Налоговый кодекс Республики Беларусь (Особенная часть) путем законодательного закрепления использования права на налоговый вычет при исчислении и уплате налога на добавленную стоимость после фактической оплаты сумм налогов, предъявленных плательщику, позволит минимизировать случаи недобросовестного поведения плательщиков налога на добавленную стоимость и повысит собираемость налога, что положительно скажется на бюджете страны.

Кононов А. М.

ДОГОВОР О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ СУБСИДИИ В МЕХАНИЗМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БЮДЖЕТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Кононов Александр Михайлович, аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия, alexkonon@icloud.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Леднева Ю. В.

Построение социального и финансово стабильного государства предполагает применение различных инструментов управления отраслями экономики. Особое место среди них занимает субсидирование, в рамках которого из бюджетов бюджетной системы Российской Федерации частным субъектам предоставляются денежные средства в целях возмещения недополученных доходов и финансового обеспечения (возмещения) затрат. Данные бюджетные средства предоставляются в диспозитивном порядке, т. е. на основании договора, что делает актуальным исследование договора о предоставлении субсидии в механизме правового регулирования бюджетных отношений.

Правоотношения по предоставлению субсидии возникают, изменяются или прекращаются на основании договора о ее предоставлении. Однако роль данного договора, как представляется, не исчерпывается исключительно функцией юридического факта.

Начальным элементом механизма правового регулирования бюджетных отношений являются правовые нормы, закрепленные в нормативных правовых актах. Анализ положений нормативных правовых актов, регулирующих предоставление субсидий из бюджетов бюджетной системы РФ частным лицам показывает, что в них формулируются не только правила предоставления субсидий, но и те правила, которые подлежат включению в

соответствующие договоры. Так, например, положения п. 5.1 ст. 78 Бюджетного кодекса РФ не устанавливают запрет приобретения получателем субсидии за счет полученных бюджетных средств иностранной валюты (за исключением установленных случаев), а предписывают включать соответствующий запрет в договор о предоставлении субсидии.

Таким образом, нормативная регламентация общественных отношений по предоставлению субсидий в соответствующем договоре не только конкретизируется, но и дополняется выражением в нем обязательных правил поведения сторон, строгое соблюдение которых обеспечивается мерами государственного принуждения.

Исходя из изложенного, договор о предоставлении субсидии, заключаемый на основании и во исполнение нормативных правовых актов, выполняет также функцию по регулированию данных общественных отношений. При этом договорные нормы не являются правовыми нормами, поскольку распространяются на ограниченный круг лиц и рассчитаны на однократное применение. Соответственно, средства договорного регулирования отношений по предоставлению субсидии находятся в подчиненном положении по отношению к нормативному регулированию в механизме правового регулирования.

Серов Ю. А.

ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НАЛОГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Серов Юрий Александрович, магистрант Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, jurijserov@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Лещенко С. К.

1. Отличительной тенденцией развития общественных отношений на современном этапе является цифровая трансформация, которая становится вызовом для действующей системы нормативного регулирования как в публично-правовой, так и в частноправовой сферах. Ярким примером переплетения их граней выступают налоговые отношения, одновременно направленные на удовлетворение фискальных интересов государства и объективно не совпадающие с частными имущественными интересами плательщиков. На почве этих противоречий цифровизация физических процессов и связей нивелирует имеющиеся в активе законодателя классические механизмы налогообложения.

2. В составе налоговых отношений условно можно выделить материальную и процессуальную части. В рамках первого уровня налогообложение оказывает влияние на цифровую экономику, обозначая своей задачей налоговую квалификацию новых явлений виртуальной реальности и пытаясь решить вопросы о наличии плательщика, объекта обложения, налоговой базы и других элементов. На втором уровне происходит взаимодействие плательщиков и государства по поводу налоговых прав и обязанностей. Обеспечение их реализации невозможно без

влияния на налогообложение релевантных цифровых технологий, применяемых налоговыми администрациями.

3. Ключевым вызовом для традиционных налоговых отношений является перенос объектов налогообложения в цифровую среду, при том что некоторые из них не имеют аналогов за ее пределами.

Во-первых, возникает проблема налогообложения цифрового бизнеса. Он представлен непосредственно ИТ-сектором, а также электронной коммерцией, использующей цифровые технологии для выстраивания бизнес-процессов в иных отраслях. В результате обнаруживаются сложности в определении юрисдикции, на территории которой оказываются цифровые услуги и появляется налогооблагаемая прибыль. Транснациональные корпорации прибегают к агрессивному налоговому планированию, недобросовестно используя действующие международные соглашения об избежании двойного налогообложения и перенаправляя доходы в оффшорные зоны, где исключительно для таких целей вне их основной деятельности создаются специальные дочерние компании, не требующие физического присутствия. С целью разрешения данных вопросов по инициативе Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) был предложен план по противодействию BEPS (размыванию налогооблагаемой базы и перемещению прибыли), намерение о присоединении к которому Республика Беларусь официально обозначила в 2021 г.

Во-вторых, в экономику внедряются цифровые активы, ценность которых подтверждается так называемыми токенами – записями в цифровом блокчейн-реестре. Токены могут быть платежными (криптовалюты), утилитарными (для доступа к товарам и услугам) или инвестиционными (цифровые ценные бумаги). В отдельную категорию выделяют невзаимозаменяемые NFT-токены. Несмотря на то, что Декретом Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» определены базовые подходы к обороту токенов как объектов сделок, они действуют лишь в Беларуси, а потому свойство цифровых знаков свободно обращаться вне государственных юрисдикций порождает вопросы о легальности происхождения заграничных доходов. Кроме того, в отличие от операций с токенами-объектами сделок, на практике все чаще возникают вопросы их использования в качестве средства платежа, выплаты заработной платы и иных вознаграждений.

4. Основываясь на обозначенных тенденциях, налоговые органы активнее встраиваются в систему электронного правительства, в рамках которого Министерством по налогам и сборам реализуется Стратегия развития налоговых органов Республики Беларусь на 2021–2023 гг.

Продолжается автоматизация налогового администрирования, включая предоставление пользователям электронных сервисов, размещенных на официальных ресурсах МНС (личный кабинет плательщика и мобильное приложение, е-НДС иностранного лица, онлайн-проверка сертификата налогового резидентства и т. д.). Важным шагом станет расширение префайлинга, связанного с предварительным автоматическим заполнением

деклараций плательщика и выработкой механизмов начисления сумм налогов на основании имеющихся в налоговом органе сведений еще до обращения заинтересованного лица.

Обновляются формы налогового мониторинга и контроля, что обуславливается развитием таких автоматизированных информационных систем, как «Расчет налогов», «Учет доходов физических лиц», «Контрольная работа», «Учет счетов фактур», АИС контроля кассового оборудования. Вместе с тем постоянно совершенствуются механизмы автоматизированного обмена информацией с налоговыми службами других государств.

Таким образом, на сегодняшний день вопросы правового регулирования налоговых отношений следует рассматривать в тесной взаимосвязи налогообложения цифрового бизнеса, цифровых активов с развитием электронных систем налогового администрирования и контроля.

Авдашкова А. О., Галенская Ю. В.

АКТУАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ О БАНКРОТСТВЕ

*Авдашкова Анна Олеговна, Галенская Юлия Валерьевна, студентки 4 курса
Академии управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск,
Беларусь, anna.avdashkova.98@mail.ru*

Научный руководитель: старший преподаватель Реуцкая Е. А.

На современном этапе развития Республики Беларусь как правового государства ключевую роль играет совершенствование законодательства. С учетом динамично развивающихся общественных отношений в сфере субъектов хозяйствования в апреле 2022 г. Палатой представителей Национального собрания Республики Беларусь в первом чтении принят проект Закона Республики Беларусь «Об урегулировании неплатежеспособности» (далее – проект Закона), который уже успел вызвать широчайшее обсуждение среди граждан нашей страны.

Для начала отметим, что проект Закона предусматривает реализацию основных требований, поставленных Президентом Республики Беларусь, таких как смещение акцентов на защиту прав предприятий, оказавшихся в сложной финансовой ситуации, снятие излишней нагрузки с судов, возложение координации процесса в процедурах банкротства на Правительство Республики Беларусь и местные исполнительные и распорядительные органы власти. В принятом проекте Закона пересмотрен действующий подход о полном судебном сопровождении рассмотрения дела о несостоятельности (банкротстве). Так, экономический суд не будет непосредственно участвовать в исполнении принятого им же решения, принимать отдельные постановления, касающиеся финансово-хозяйственной деятельности должника или связанные с распоряжением его имуществом (что, фактически, является исполнением решения).

Проектом Закона предусматривается сохранение за судами функции разрешения спорных вопросов, возникающих между управляющим и кредиторами на стадии санации либо ликвидационного производства.

Правительству даны полномочия утверждать перечень предприятий, которые не могут быть подвержены процедуре банкротства. Это предприятия военно-промышленного комплекса, энергетики, валообразующие – вне зависимости от формы собственности.

Государственные органы смогут активнее применять новые инструменты антикризисного управления в государственном секторе, чтобы не допустить ухудшения финансового состояния организаций. Исполнительные комитеты – организовать предупреждение банкротства частных предприятий на своей территории. Усиливается защита трудовых коллективов: их представитель будет обязательно участвовать в комитете кредиторов.

Обеспечивается двухэтапность финансового оздоровления. Первым этапом закрепляется срок санации предприятий в три года с возможным продлением на два года. За это время можно мобилизовать ресурсы для оздоровления и рассчитаться с долгами. Для предприятий, которые по объективным причинам не смогут в указанный срок вернуться в рыночные условия хозяйствования, предусмотрен второй этап, при котором в рамках процедуры мирового соглашения с кредиторами может быть получена отсрочка платежей после санации, например, на срок от 3 до 10 лет.

В проекте Закона балансируются интересы проблемного предприятия и его кредиторов. Директор получает право первым инициировать санацию при невозможности полгода рассчитаться с долгами. У кредитора появляется возможность по истечении такого же срока принудительного исполнения подать заявление в суд.

Закрепляется очередность распределения выручки от залога. В первую очередь происходит погашение задолженности по оплате труда лиц, работающих (работавших) у должника по трудовым договорам, и пенсионные взносы. Затем идут требования кредитора, банка за вычетом 20 % в пользу бюджета и на судебные расходы.

Предполагается снижение нагрузки на бюджет за счет финансирования ликвидации юридических лиц без имущества инициатором банкротства.

Налоговым органам передаются функции единого кредитора от имени государства. Снизится нагрузка на суды от сопровождения решений, связанных с санацией или ликвидацией. Данными вопросами займутся профильные государственные органы и собрание кредиторов.

Таким образом, можно отметить, что уже само название законопроекта отражает его основную экономическую идею – стимулирование к добровольному и своевременному объявлению субъектами хозяйствования о своей несостоятельности, увеличение возможностей сохранения бизнеса и восстановления платежеспособности, повышение гарантий возврата инвестиций и удовлетворения требований кредиторов. Прогнозируется, что новый закон сократит средний срок по процедуре несостоятельности с 1,6 до 1,2 года (на 25 %), а требования кредиторов будут удовлетворяться значительно чаще.

Кондрашенко К. С., Шамкуть К. М.

ПРОБЛЕМА СИСТЕМАТИЗАЦИИ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

*Кондрашенко Карина Сергеевна, Шамкуть Каролина Михайловна,
студентки 4 курса Академии управления при Президенте Республики
Беларусь, г. Минск, Беларусь, karolinasamkut@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Реуцкая Е. А.

Проблема систематизации белорусского хозяйственного законодательства существует едва ли не с начала образования самой республики. Характерными особенностями данной проблемы считаются раздробленность

норм, рассредоточение актов законодательства, а также отсутствие базового нормативного правового акта, который бы в полной мере регулировал данное законодательство. Тем самым можно отметить необходимость кодификации путем принятия Хозяйственного (Предпринимательского) кодекса Республики Беларусь, в рамках которого возможно установление общих правил и основных положений регулирования хозяйственных отношений во всех отраслях экономики и по всем видам хозяйственной деятельности, а также приведение хозяйственного законодательства в единую систему.

Не стоит забывать, что главной целью работы коммерческих организаций является извлечение прибыли, а не изучение огромного массива хозяйственного законодательства, которое регулярно претерпевает изменения. Нельзя назвать данную деятельность легкой, поскольку законодательство в этой области включает в себя не только Гражданский кодекс, но и другие подзаконные акты, в большинстве случаев это акты министерств и ведомств, поскольку законы не в полной мере могут урегулировать хозяйственные споры, вдобавок, которые могут противоречить друг другу.

Безусловно, нельзя сказать, что Хозяйственный (Предпринимательский) кодекс будет панацеей для решения всех существующих проблем, однако станет толчком для законодателей, чтобы с точностью и особым вниманием решать насущные вопросы хозяйственного права и законодательства.

Для сравнения: в 2015 г. вступил в силу Предпринимательский кодекс Республики Казахстан. Он включает 6 разделов, 28 глав и 316 статей. И хотя казахстанский опыт подвергается справедливой критике, но он действует и совершенствуется. Кодекс направлен на создание благоприятных условий для развития предпринимательства, стимулирование предпринимательской инициативы в Республике Казахстан, а также помогает предпринимателям эффективнее защищать свои права и законные интересы.

Следовательно, необходимость издания такого акта, как Хозяйственный (Предпринимательский) кодекс Республики Беларусь, заключается в следующем:

- сделать законодательство удобным для его практического применения;
- создать взаимосвязанную иерархию нормативных правовых актов в области хозяйственных отношений;
- в этой иерархии выдерживать требования последовательного соответствия актов нижестоящих органов вышестоящим;
- за счет создания общей части хозяйственного законодательства обеспечить не только единство правового регулирования в его особенных ответвлениях, но и сэкономить нормотворческий материал, в котором принципиальные положения не нуждались бы в повторении в каждом разделе особенных частей хозяйственного законодательства.

Сегодня нет причин, которые давали бы основания настаивать на дуализме регулирования. Необходим единый подход к хозяйствованию и в горизонтальных, и в вертикальных отношениях воздействия государства на

рынок, поэтому нужно преодолеть наследие прошлого в этой области и сосредоточить усилия не на расщепленном гражданско-административном варианте регулирования, а на создании единого системообразующего акта – Хозяйственного (Предпринимательского) кодекса Республики Беларусь.

Кононович Х. О.

РЕАЛИИ РЫНКА ВЕНЧУРНОГО ИНВЕСТИРОВАНИЯ

Кононович Христина Олеговна, аспирант Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, kononovich.khristi@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Пулипенко А. А.

Венчурные инвестиции – один из основных инструментов продвижения инноваций в стране. В современных реалиях венчурное инвестирование – это неотъемлемая часть экономики. В мире продолжает расти интерес к венчурной индустрии, наблюдается прирост рынка венчурного инвестирования.

На сегодняшний день лидирующие позиции по объему венчурного инвестирования занимают США (44 % от общемирового объема венчурного капитала) и Китай (40 % от общемирового объема инвестиций), на все остальные страны в мире суммарно приходится 16 % от всего объема венчурных инвестиций¹.

На сегодняшний день мировой рынок венчурного инвестирования растет. По аналитическим данным CB Insights за 2021 год объем венчурных инвестиций в мире достиг рекордных значений – \$621 млрд (на 111 % больше предыдущего показателя – \$294 млрд.). Из них \$311 млрд мировых инвестиций в стартапы пришлось на рынок США. Но если США лидируют по объему инвестиций в стартапы, в сравнении с Азией (\$176 млрд инвестиций за 2021 год, которые также увеличились на 89% в сравнении с 2020 годом), то по количеству раундов финансирования на 1-ом месте – Азия (12 485 сделок – 36 % от общего количества в мире), и больше половины инвестиционных сделок из них – в Китае².

Что касается Беларуси, то реалии на сегодняшний день иные. Рынок инвестирования обвалился: в мировом Индексе инновационного развития Республика Беларусь упала на 15 строк, заняв 77 место.

На нынешнее состояние венчурного инвестирования Беларуси влияют как внутренние, так и внешние факторы. Анализируя рынок венчурных инвестиций, можно отметить следующее: до 2019 г. включительно наблюдался рост рынка венчурных инвестиций, развитие стартап-экосистемы в стране и т. д.; за 2020 г. объем венчурных инвестиций в Беларуси сократился (по данным аналитиков рейтингового агентства BIK Ratings и инвестиционного бутика ASER Capital объем инвестиций сократился на

¹ Ерёмченко О. А., Зинов В. Г. Мировая практика государственной поддержки венчурной индустрии // Экономика науки. 2021. № 7(1). С. 53.

² Венчурное инвестирование [Электронный ресурс] // TADVISER (Государство. Бизнес. Технологии). URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Венчурное_инвестирование.

21,8 %) ¹; за 2021 г. объем привлеченных инвестиций в стартапы вырос не только на мировом рынке, как было указано выше, но и в Беларуси: было привлечено около \$190 млн (сделки с участием белорусских проектов), и это была рекордная сумма инвестиций для страны; но уже за первое полугодие 2022 г. по данным исследования Dsight, объем венчурных инвестиций в Беларуси сократился на 64 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, до \$3,1 млн.

Сейчас, со сложившейся ситуацией в мире, можно заметить, что инвестиционный климат ухудшился, источников финансирования остались единицы, а для развития венчурной деятельности в стране, приходу инвестиций необходим благоприятный климат и целостная венчурная экосистема, способствующая венчурному инвестированию.

К источникам венчурных инвестиций относятся как государство, так и частные лица. Что касается Республики Беларусь, на данный момент из источников можно рассматривать Российско-Белорусский фонд венчурных инвестиций RBF Ventures, который за первое полугодие не совершил ни одной сделки (согласно исследованию Dsight); а также отдельных инвесторов. Эти факты говорят о том, что стартап-проекты находятся в сложной ситуации дальнейшего развития своих проектов.

Таким образом, необходимо принимать меры по улучшению инвестиционного климата для развития венчурного инвестирования в Республике Беларусь: внедрять новые инструменты венчурного инвестирования, тем самым формируя развитую венчурную экосистему (инкубаторы, акселераторы стартапов, фонды), формировать устойчивые источники финансирования, благоприятный режим, тем самым создавая условия для развития данной деятельности в стране.

Стоит отметить, что в условиях инновационного развития экономики Беларуси в 2021 г. приняты нормативные правовые акты Республики Беларусь, которыми определены задачи по расширению инвестиционных инструментов и других механизмов государственной поддержки (Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь № 292 от 29 июля 2021 г.); по формированию развитой инфраструктуры венчурной экосистемы, развитию системы венчурного финансирования (с участием Белорусского инновационного фонда, банков); по совершенствованию венчурного законодательства (Государственная программа инновационного развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь № 348 от 15 сентября 2021 г.) и т. д.

Проведенный анализ показывает, что интерес развития венчурной экосистемы присутствует, но в то же время мы видим, что на сегодняшний день одной из ключевых проблем построения венчурной системы в Беларуси является недостаточность устойчивых источников венчурного инвестирования.

¹ URL: <https://bikratings.by/wp-content/uploads/2021/01/rynok-venchurnogo-finansirovaniya-v-rb-1.pdf>

Формирование устойчивых источников венчурного инвестирования, предотвращение своего рода препятствующих барьеров поможет создать благоприятные условия для создания целостной венчурной экосистемы Республики Беларусь и выведет ее на новый уровень.

Мокренко К. С.

ОСОБЕННОСТИ ПОЛНОМОЧИЙ ВРЕМЕННОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО В РАМКАХ ЗАЩИТНОГО ПЕРИОДА В ДЕЛАХ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ)

Мокренко Кристина Сергеевна, магистрант 1 курса Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, г. Гродно, Беларусь, kristinamz@yandex.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Вартамян А. М.

Действия управляющего при введении защитного периода представляют собой последовательное исполнение обязанностей, установленных законодательством и судебным определением.

Введение защитного периода не является основанием для отстранения органов управления должника от исполнения их функций. С одной стороны, это позволяет временному управляющему дать оценку целесообразности продолжения деятельности должника и выяснить возможности восстановления его платежеспособности. С другой стороны, довольно часто возникают проблемы недобросовестного исполнения обязанностей руководителем по передаче необходимой информации для проведения анализа финансово-хозяйственной деятельности, обеспечения сохранности имущества. Несмотря на возможность временного управляющего направлять ходатайство в экономический суд для отстранения руководителя, при наличии соответствующих оснований, на практике во многих случаях суд отказывает в удовлетворении ходатайства. Это приводит к совершению различного рода сделок и иных действий руководством должника, противоречащих законодательству, в том числе по увеличению или уменьшению как кредиторской, так и дебиторской задолженностей, выводу активов. Это влечет за собой предъявление при необходимости в суд требования о признании сделок недействительными, а также о применении последствий недействительности сделок, заключенных или исполненных должником с нарушением требований законодательства.

Временный управляющий направляет кредиторам соответствующее письменное уведомление о назначении защитного периода в отношении должника, публикует сведения по делу о банкротстве в порядке и сроки, установленные законодательством. На данном этапе возникает вопрос возмещения расходов, понесенных временным управляющим на публикацию, почтовую корреспонденцию и иные затраты. Согласно законодательству, данные расходы возмещаются за счет должника, но доступа к расчетным счетам на этом этапе у временного управляющего нет, кроме случаев отстранения руководителя. Однако на практике часто бывает,

что должник отказывается их возмещать и управляющий несет расходы за счет собственных средств, которые при прекращении производства по делу порой взыскать невозможно.

В соответствии со ст. 94 Закона Республики Беларусь от 13.07.2012 г. № 415-З «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон) с момента вынесения экономическим судом определения о введении защитного периода все юридически значимые действия могут быть совершены только с письменного согласия временного управляющего, а именно: совершать любые сделки, исполнять любые платежные обязательства. Иначе такие сделки могут быть признаны недействительными. Несмотря на указанные нормы, руководители предприятий-должников в большинстве случаев пренебрегают этой обязанностью, поэтому в защитном периоде совершается немало противоправных действий.

Из содержания Закона видно, что временный управляющий наделен достаточно широким кругом обязанностей, в значительной степени превышающим объем его прав. Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что необходимо на законодательном уровне совершенствовать правовой статус временного управляющего для проведения более результативной работы в защитном периоде. А именно, руководство должником возложить на временного управляющего с передачей ему соответствующих полномочий по ведению хозяйственной деятельности должника, в том числе и для более эффективной работы по анализу финансово-хозяйственной деятельности.

Немова А. В.

КРИТЕРИИ И ПРИЗНАКИ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА) ГРАЖДАНИНА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

*Немова Александра Валерьевна, аспирант 2 года обучения Института
государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия,
nemova.av@mail.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Борисова Л. В.

По законодательству Российской Федерации несостоятельность (банкротство) гражданина принято устанавливать по наличию определенных критериев и признаков. Так, исторически в Законе о банкротстве предприятий использовался критерий неоплатности предприятия, а также внешний признак его несостоятельности (банкротства) в виде приостановления текущих платежей, если предприятие не обеспечивает или заведомо не способно обеспечить выполнение требований кредиторов в течение трех месяцев со дня наступления сроков исполнения. Тем не менее указанным законом вопрос о несостоятельности (банкротстве) граждан регламентирован не был.

По Закону о банкротстве 1998 г. не исключалась возможность банкротства граждан. Критерием их несостоятельности признавалась

неплатежеспособность, а к признакам банкротства отнесены: неспособность удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, если соответствующие обязательства и (или) обязанности не исполнены им в течение трех месяцев с момента наступления даты их исполнения и, если сумма его обязательств превышает стоимость принадлежащего ему имущества.

Аналогичный критерий несостоятельности (банкротства) граждан – «неплатежеспособность» применяется по действующему Закону о банкротстве, согласно ст. 2 которого неплатежеспособность определена как прекращение исполнения должником части денежных обязательств или обязанности по уплате обязательных платежей, вызванных недостаточностью денежных средств. В ч. 3 ст. 213.6 Закона о банкротстве законодатель уточняет, что для должников-граждан критерий неплатежеспособности означает неспособность удовлетворить в полном объеме требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей.

Что касается признаков банкротства должника-гражданина, то к их числу относятся: во-первых, размер требований к должнику не менее чем пятьсот тысяч рублей, во-вторых, неисполнение данных требований в течение трех месяцев с даты, когда они должны быть исполнены, если иное не предусмотрено Законом о банкротстве. Так, в деле о несостоятельности (банкротстве) гражданина В. арбитражный суд отметил, что судом первой инстанции правильно установлено, что фактически, по состоянию на дату подачи заявления, общая сумма задолженности должника-гражданина перед кредитором составляет более чем пятьсот тысяч рублей. Указанная задолженность является просроченной, что свидетельствует о том, что гражданин прекратил расчеты с кредиторами, т. е. перестал исполнять денежные обязательства и (или) обязанность по уплате обязательных платежей, срок исполнения которых наступил, т. е. гражданин является неплатежеспособным.

Как видим на примере данного судебного дела, арбитражный суд установил наличие признаков и критерия банкротства гражданина. В то же время на практике отдельные граждане-должники обращаются к арбитражному суду с просьбой отказать в признании их банкротом ввиду существующей возможности в ближайшее время погасить задолженность перед кредиторами. Как нам представляется, для таких правовых ситуаций целесообразно установить законодательный срок для исполнения должником неисполненных обязательств перед кредиторами до момента принятия решения арбитражного суда о признании гражданина несостоятельным (банкротом). Данный срок мог бы быть равен одному месяцу с момента заявления должником-гражданином в процессе рассмотрения арбитражным судом дела о банкротстве о возможности исполнения неисполненных обязательств перед кредиторами.

Сулименко А. Д.

К ВОПРОСУ О ПУБЛИЧНОМ ЗАЯВЛЕНИИ ОДНОГО ИЗ УЧАСТНИКОВ АНТИКОНКУРЕНТНЫХ СОГЛАСОВАННЫХ ДЕЙСТВИЙ

*Сулименко Анна Дмитриевна, аспирант Московского государственного
юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва,
Россия, ya-anna-sulimenko@yandex.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Пузыревский С. А.

Российское антимонопольное законодательство содержит запрет на согласованные действия, ограничивающие конкуренцию (ст. 11.1 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции»). Данная форма неправомерного поведения предполагает координацию действий хозяйствующих субъектов – конкурентов без достижения ими предварительной договоренности, которая имеет место при заключении антиконкурентного соглашения. При этом такая координация становится возможной благодаря информированности участников товарного рынка о планируемом поведении друг друга. Таким образом, хозяйствующие субъекты, имея представление о будущем поведении своих конкурентов, при желании могут «подстроиться» под него, что на практике выражается в осуществлении на товарном рынке единообразных и синхронных действий (как правило, речь идет о повышении цен на товар).

И поскольку осведомленность конкурентов о будущих действиях друг друга действительно необходима для осуществления согласованных действий, то российский законодатель предусмотрел ее в качестве одного из обязательных признаков рассматриваемого неправомерного поведения (п. 2 ч. 1 ст. 8 ФЗ «О защите конкуренции»). Более того, «третьим антимонопольным пакетом» были внесены поправки, в соответствии с которыми описанная выше осведомленность может быть следствием исключительно публичного заявления одного из участников согласованных действий.

Внесение таких изменений в ФЗ «О защите конкуренции» было вызвано стремлением антимонопольного органа более четко отграничить незаконное поведение хозяйствующих субъектов от обычного параллелизма – правомерных синхронных действий конкурентов.

При этом интересно, что ст. 12 Закона Республики Беларусь от 12.12.2013 № 94-З «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» указывает на публичное заявление одного из участников согласованных действий лишь как на одну из возможных форм передачи хозяйствующими субъектами друг другу информации об их будущем поведении.

Соответственно, законодательство Республики Беларусь предусматривает, что осведомленность участников согласованных действий о будущих действиях друг друга может стать следствием информационного обмена также и в какой-либо иной форме. И такой подход, с точки зрения автора, является более предпочтительным в силу следующих причин.

Во-первых, хозяйствующие субъекты могут осуществлять антиконкурентные согласованные действия не только благодаря публичному заявлению: информационный обмен между ними может носить и тайный характер. Помимо прочего, деятельность конкурентов может координировать лицо, не являющееся участником того же товарного рынка (так называемый сговор по модели hub-and-spoke). В таком случае, т. е. при наличии единого координационного центра неправомерного поведения, участникам согласованных действий вовсе не требуется обмениваться друг с другом информацией ни посредством публичного заявления, ни путем скрытой передачи сведений. С подобной схемой взаимодействия уже сталкивался Суд Европейского союза при рассмотрении дела Eturas (Case C-74/14: Judgment of the Court (Fifth Chamber) of 21 January 2016).

Во-вторых, закрепление признака публичного заявления в ФЗ «О защите конкуренции» еще сильнее обострило проблему разграничения двух смежных понятий конкурентного права – «антиконкурентное соглашение» и «согласованные действия». Это связано с тем, что согласованные действия, сопровождающиеся непубличным обменом информацией, не перестали пресекаться, а теперь квалифицируются как соглашения, ограничивающие конкуренцию (это возможно в силу схожести совокупности косвенных доказательств, которые использует правоприменитель при доказывании двух рассматриваемых составов правонарушений). При этом размеры административных штрафов в первом и во втором случаях значительно разнятся, в связи с чем для хозяйствующих субъектов принципиален вопрос верной квалификации их поведения (ст. 14.32 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.02.2001 № 195-ФЗ).

Таким образом, представляется необходимым изъять признак публичного заявления из п. 2 ч. 1 ст. 8 ФЗ «О защите конкуренции». При этом нужно также выработать стандарты доказывания для дел об антиконкурентных соглашениях, с одной стороны, и согласованных действиях, с другой стороны. Это позволит более четко разграничить смежные составы нарушений антимонопольного законодательства.

Тхарёва М. Г.

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО В СФЕРЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

*Тхарёва Марина Геннадьевна, аспирант 2 года обучения Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
tharevamarina@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Куницкая О. М.

Вклад в развитие сферы физической культуры и спорта представляет собой долгосрочную перспективу для государства. Формирование интереса занятиями физической культурой и спортом у граждан положительно

отражается и на социальной, и на экономической сфере: нация ввиду осуществления умеренной физической активности поддерживает и укрепляет здоровье, тем самым повышается работоспособность, формируется устойчивость организма по отношению к неблагоприятным условиям труда; повышается спрос на производство и реализацию спортивных товаров, пользование услугами в сфере физической культуры и спорта; формируется кадровый резерв профессиональных спортсменов и др.

В рамках сферы физической культуры и спорта механизм государственно-частного партнерства (ГЧП) в мировых масштабах проявил себя при организации первых современных Олимпийских игр, проведенных в 1896 г. в Афинах. Регулярное взаимодействие государства и частных лиц в организации такого масштабного мероприятия и стало толчком для дальнейшего сотрудничества не только в рамках Олимпийских игр, но и в организации иных спортивных мероприятий, финансировании проектов по расширению объектов инфраструктуры в сфере физической культуры и спорта, модернизации указанных объектов, их техническому обслуживанию и эксплуатации.

Формирование правового регулирования взаимодействия государства и частных лиц как в общем, так и отдельно в сфере физической культуры и спорта, берет начало с 1980-х гг. В этот период во многих государствах благодаря накопленному опыту сотрудничества государства и частных лиц разрабатывается соответствующее законодательство, детализирующее процесс такого взаимодействия.

Зарубежный опыт использования механизма ГЧП в сфере физической культуры и спорта отдельных стран Содружества Независимых Государств характеризуется в основном строительством и модернизацией соответствующей инфраструктуры городов. Так, в Республике Казахстан институциональная среда достаточно развита и сформированы отдельные организации института ГЧП. Статистика реестра проектов ГЧП в сфере физической культуры и спорта в Республике Казахстан на октябрь 2022 г. включает в себя 32 реализуемых проекта и 8 планируемых проектов. Помимо строительства объектов инфраструктуры механизм ГЧП применен в финансировании обучения детей велосипедному спорту, предоставлении спортивного инвентаря, подготовке и содержании велосипедной команды.

Опыт реализации проектов ГЧП в сфере физической культуры и спорта в Российской Федерации (далее – РФ) довольно богатый. На октябрь 2022 г. в РФ на этапе эксплуатации объектов соглашения ГЧП в сфере физической культуры и спорта находятся 44 проекта, включающие создание физкультурно-спортивной и образовательной инфраструктуры, строительство спортивных объектов, их финансирование и оснащение оборудованием; создание спортивных центров и клубов; организация физкультурно-спортивных секций и др. В РФ с использованием механизма ГЧП были проведены такие мероприятия, как Олимпийские и Паралимпийские игры в Сочи в 2014 г., Чемпионат мира по футболу в 2018 г. и др.

В Республике Беларусь на данный момент не имеется реализованных проектов ГЧП в сфере физической культуры и спорта. Как отмечают отдельные авторы, это связано с правовыми, финансовыми и управленческими ограничениями. Государство располагает недостаточными мерами стимулирования частных партнеров в рамках реализации того или иного проекта ГЧП. В дополнение можно отметить, что в соответствии с действующим законодательством о ГЧП частный партнер не имеет твердых гарантий права собственности на финансируемый им объект. Вместе с тем в Республике Беларусь для проведения спортивно-массовых мероприятий высокого уровня, а также для строительства и реконструкции соответствующих объектов инфраструктуры привлекаются средства инвесторов. Подобное сотрудничество применялось при организации II Европейских игр, проведенных в 2019 г. В настоящее время также имеет место сотрудничество с Китайской Народной Республикой в рамках строительства на территории Республики Беларусь Национального футбольного стадиона и Бассейна международного стандарта, которые будут переданы в собственность Республики Беларусь для дальнейшего управления и содержания.

Для запуска проектов ГЧП, в том числе в сфере физической культуры и спорта, необходимо совершенствование законодательства о ГЧП, которое бы регулировало вопросы, касающиеся гарантий для частных партнеров, а также содержало дополнительные меры их стимулирования и поддержки в проектах ГЧП.

Баранов Д. А.

ГАРАНТИЙНОЕ УДЕРЖАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Баранов Дмитрий Александрович, аспирант Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь, Cr.09@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Манкевич И. П.

Правовая природа гарантийных удержаний достаточно сложная. В практике белорусских контрагентов данный способ обеспечения исполнения обязательств приобретает все большее распространение. Суть гарантийного удержания заключается в том, что заказчик имеет право удерживать определенный процент от стоимости работ на определенный в договоре срок. Гарантийным удержанием обеспечивается только обязательство, связанное с выявленными в течение соответствующего гарантийного срока недостатками в результатах работ.

Однако, на сегодняшний день законодательством механизм гарантийного удержания не регламентирован. Следует отметить и недостаточную теоретическую разработанность данного института. Все это затрудняет эффективное использование гарантийного удержания в договорной практике. Именно поэтому необходимо более внимательно подходить к формулированию условий договора. Как верно по данному поводу отмечает Н. А. Андрианов: «Судебная практика по строительным спорам достаточно обширна, однако растущее количество рассматриваемых судами дел свидетельствует о том, что при заключении и исполнении договоров на выполнение работ стороны не в полной мере учитывают возможные правовые риски».

На практике смоделировать или предусмотреть негативные правовые последствия при исполнении договоров, содержащих рассматриваемый способ обеспечения исполнения обязательства, достаточно сложно. Наибольшую сложность представляют возникающие коллизии при толковании и квалификации договорных условий по применению гарантийного удержания. Отметим, что ряд проблем, связанных с использованием гарантийного удержания, постепенно решает судебная практика. Но несмотря на это, остается много нерешенных вопросов.

Достаточно часто возникает проблема целевого использования гарантийных удержаний. Нередко заказчик использует суммы удержаний не на те цели, для которых оно предназначено: в частности, для покрытия задолженности подрядчика по договорной неустойке, иным мерам ответственности. Требуют внимания вопросы, касающиеся судьбы гарантийного удержания при расторжении или отказе от договора, установления порядка возврата гарантийного удержания заказчиком. Предметом дискуссии остаются и другие вопросы. Так, например, каким

образом поступить, если подрядчик ликвидирован, а гарантийный срок не истек? Что будет происходить при банкротстве подрядчика, подлежит ли возврату гарантийная сумма, причитающаяся ему к выплате? Какова судьба гарантийного удержания в случае гибели результата работы, по не зависящим от сторон обстоятельствам? Следует ли удержанные суммы вернуть подрядчику? Если нет, то будет ли это являться неосновательным обогащением заказчика и др. Каким образом поступить, когда заказчик из-за отсутствия финансирования произвел консервацию строительства объекта? Отсутствие в законодательстве ответов на указанные вопросы сдерживает развитие гражданского оборота в сфере архитектурно-строительных отношений.

Существуют и иные проблемы. Так, необходимо учитывать интересы сторон, чтобы не допускать злоупотреблений. Часто на практике можно столкнуться с проблемой необоснованного отказа заказчика от возврата суммы гарантийного удержания. Важно понимать, что при заключении договора подряда, как правило, складывается ситуация, при которой подрядчик является стороной со слабой переговорной позицией. Как следствие, подрядчик вынужден соглашаться с не всегда справедливыми условиями договора. Результатом становится ситуация, когда подрядчик необоснованно долгое время может оставаться без оборотных средств. Например, в результате приостановление или консервации строительства из-за отсутствия финансирования заказчика и др.

На основании изложенного, считаем, что законодателю необходимо внести ясность по применению уже устоявшегося в практике института и включить в Гражданский кодекс Республики Беларусь гарантийное удержание в качестве способа обеспечения исполнения обязательств. При этом многие аспекты, в том числе и отмеченные выше, должны быть урегулированы как диспозитивными, так и императивными нормами, чтобы минимизировать вероятные споры между сторонами, установить баланс интересов. Только тогда обсуждаемый способ обеспечения исполнения обязательств станет более доступным и эффективным.

Буйницкая В. В.

ОГРАНИЧЕНИЕ ПРИНЦИПА СВОБОДЫ ЗАВЕЩАНИЯ

Буйницкая Виолетта Викторовна, студентка 2 курса Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, г. Гродно, Беларусь, bunitskavioletta@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Вартамян А. М.

Вопрос свободы завещания был востребован на протяжении всей истории человечества. Однако и в наши дни он не утратил своей актуальности. Данный вопрос всегда будет интересен, так как институт свободы завещания постоянно изменяется и совершенствуется.

Гражданский кодекс Республики Беларусь закрепляет понятие принципа свободы завещания. Таким образом, в п. 1 ст. 1041 говорится о том, что

гражданин может завещать все свое имущество или часть его одному либо нескольким лицам как входящим, так и не входящим в круг наследников по закону, а также Республике Беларусь и ее административно-территориальным единицам.

На сегодняшний день единственным ограничением принципа свободы завещания по законодательству Республики Беларусь является право на обязательную долю в наследстве. В п. 1 ст. 1064 Гражданского кодекса Республики Беларусь говорится о том, что несовершеннолетние или нетрудоспособные дети наследодателя, а также его нетрудоспособные супруг и родители наследуют независимо от содержания завещания не менее половины доли, которая причиталась бы каждому из них при наследовании по закону.

Согласно п. 2 ст. 1064 в обязательную долю засчитывается все, что наследник, имеющий право на такую долю, получает из наследства по какому-либо основанию, в том числе стоимость имущества, состоящего из предметов обычной домашней обстановки и обихода, и стоимость установленного в пользу такого наследника завещательного отказа.

Обязательная доля выделяется из незавещанной части имущества, а если его недостаточно, то и за счет завещанного имущества.

Тем не менее известны случаи, когда наследодатель, в силу определенных обстоятельств, не может передать наследнику конкретный вид имущества. К примеру, наследодатель является охотником, в его собственности находится ружье, на которое у него есть разрешение. Однако его сын унаследовать данное имущество не может, так как не имеет на него разрешения.

В соответствии с п. 1 ст. 1089 Гражданского кодекса Республики Беларусь принадлежавшие на праве собственности умершему вещи, нахождение которых в обороте допускается по специальному разрешению (гражданское оружие и др.), входят в состав наследства и наследуются с соблюдением установленного законодательством порядка оборота соответствующего имущества. В п. 4 этой же статьи говорится о том, что наследник, не имеющий специального разрешения, не может владеть и пользоваться ограниченно оборотоспособными вещами.

Таким образом, можно сделать вывод, что принцип свободы завещания занимает важное место в наследственном праве. Возможность передачи своего имущества в собственность определенному наследодателем наследнику или наследникам является важной гарантией распоряжения нажитым наследодателем имуществом в соответствии с его волей. Однако, опираясь на проанализированные нормы, принцип свободы завещания не является абсолютным, так как существуют его ограничения: обязательная доля в наследстве, невозможность наследования отдельных ограниченных в обороте вещей и т. п. Указанные ограничения либо установлены законом, либо могут возникнуть по объективным причинам, не позволяющим указанным в завещании наследникам унаследовать завещанное имущество.

Бурнашева А. А.
К ВОПРОСУ О ПОСЛЕДСТВИЯХ ЛЕГАЛИЗАЦИИ
ПАРАЛЛЕЛЬНОГО ИМПОРТА

*Бурнашева Анастасия Андреевна, студентка 2 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
nastyia.burnasheva.18@bk.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Ландо Д. Д.

Сегодня одной из обсуждаемых в специальной литературе проблем является проблема выбора наиболее оптимального для экономики вида исчерпания прав на объекты интеллектуальной собственности. Наиболее часто указанная проблема обсуждается в привязке к товарному знаку. Тесно связанным с указанной проблематикой является вопрос о легализации параллельного импорта. Повышению актуальности рассматриваемой темы способствуют попытки определения параллельного импорта как меры противодействия санкциям.

Под параллельным импортом понимается ввоз на таможенную территорию государства оригинального (не контрафактного) товара, содержащего объекты интеллектуальной собственности, и правомерно выпущенного в гражданский оборот на территории другого государства.

В доктрине различают три вида исчерпания исключительных прав: международный, региональный и национальный.

Законодательство Республики Беларусь предусматривает существование всех трех видов исчерпания исключительного права. Выбор конкретного вида зависит от вида объекта интеллектуальной собственности. Национальный принцип исчерпания прав устанавливается в отношении объектов авторского права, а также объектов смежных прав (абз. 3 ч. 2 п. 2 ст. 16, абз. 4 п. 3 ст. 25, абз. 3 п. 2 ст. 28, абз. 4 п. 2 ст. 29 Закона Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-З «Об авторском праве и смежных правах»); изобретения, полезной модели, промышленного образца (абз. 9 ст. 10 Закона Республики Беларусь от 16 декабря 2002 г. № 160-З «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы»), сорта растения (п. 1 ст. 24 Закона Республики Беларусь от 13 апреля 1995 г. № 3725-ХП «О патентах на сорта растений»).

Региональный принцип исчерпания прав устанавливается в отношении товарных знаков (п. 4 ст. 3 Закона Республики Беларусь от 5 февраля 1993 г. № 2181-ХП «О товарных знаках и знаках обслуживания») и географических указаний (п. 5 ст. 3 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2002 г. № 127-З «О географических указаниях»). Региональный принцип исчерпания прав на товарный знак в Республике Беларусь базируется на п. 16 Приложения № 26 к Договору о Евразийском экономическом союзе.

Международный принцип исчерпания прав имеет место в отношении топологий интегральных микросхем, что подтверждается абз. 4 ст. 8 Закона Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г. № 214-З «О правовой охране топологий интегральных микросхем».

Проблема правового регулирования параллельного импорта и применения различных моделей исчерпания исключительных прав для каждого государства решается на национальном уровне.

По своей сути параллельный импорт означает действие международного принципа исчерпания исключительного права, который заключается в том, что ввоз товара с использованием объекта интеллектуальной собственности возможен в страну любыми участниками рынка, а не только теми, кто получил разрешение правообладателя. Концепция международного исчерпания прав состоит в том, что исключительное право на объект интеллектуальной собственности считается исчерпанным, как только товар продан правообладателем или с его согласия в любом государстве мира.

Изменение национального (регионального) исчерпания прав на международное, а равно легализация параллельного импорта может повлечь негативные последствия, в частности:

1) непредоставление параллельными импортерами дополнительных услуг, гарантийного и сервисного обслуживания, надлежащего информационного обеспечения и поддержки потребителя;

2) возможный ввоз контрафактного товара на территорию государства или низкое качество ввозимой продукции;

3) снижение конкурентоспособности и привлекательности экономики страны для иностранных инвесторов;

4) угроза развитию добросовестной конкуренции среди участников рынка;

5) ослабление позиций отечественных производителей;

б) увеличение стоимости товаров, нежели их снижение, в том случае, когда параллельный импорт выступает как мера противодействия санкциям.

Потенциальными преимуществами легализации параллельного импорта традиционно признаются: 1) исключение дефицита определенных групп товаров, расширение ассортимента продукции; 2) ожидаемое снижение цен на ввозимые товары или сдерживание их повышения; 3) импорт оригинальных товаров; 4) возможность получать необходимые материалы для сервисного обслуживания, ремонта техники.

Проанализировав преимущества и недостатки легализации параллельного импорта, полагаем, что оптимальным решением для Республики Беларусь является сохранение действующего запрета на параллельный импорт. Согласно Указу Президента Республики Беларусь от 29 июля 2021 г. № 292 «Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы» основными задачами пятилетия для государства, в частности, являются: повышение конкурентоспособности производственного сектора экономики, обеспечение роста инвестиций в основной капитал государства. В рамках стратегии промышленного развития и внешнеэкономической деятельности указываются также следующие задачи: усиление политики рационального импортозамещения, повышение качества и безопасности продукции. Названные выше негативные последствия легализации параллельного импорта будут являться сдерживающим фактором для выполнения поставленных задач.

Бухов Г. И.

ОБ ОСНОВАНИЯХ ПРЕКРАЩЕНИЯ ДОГОВОРА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ БЕЗВОЗМЕЗДНОЙ (СПОНСОРСКОЙ) ПОМОЩИ

Бухов Георгий Игоревич, студент 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, buhovgeorgii@gmail.com

Научный руководитель: старший преподаватель Евменчикова О. А.

Договор предоставления безвозмездной (спонсорской) помощи в настоящее время широко распространен в гражданском обороте. Данный договор имеет присущие ему особенности, обусловленные моментом, с которого договор считается заключенным, характером распределения прав и обязанностей между сторонами, характером перемещения благ и другими конститутивными характеристиками.

В зависимости от момента, с которого договор считается заключенным, на наш взгляд, договор предоставления безвозмездной (спонсорской) помощи может характеризоваться и как реальный договор, и как консенсуальный договор (в случае достижения соглашения о предоставлении безвозмездной (спонсорской) помощи в будущем).

Рассматривая характеристику договора в зависимости от характера распределения прав и обязанностей между сторонами, представляется целесообразным отметить следующее. Исходя из п. 1 Указа Президента Республики Беларусь от 01.07.2005 № 300 «О предоставлении и использовании безвозмездной (спонсорской) помощи» (далее по тексту – Указ № 300) обязанность, непосредственно относящаяся к предмету договора, лежит исключительно на спонсоре: он обязан предоставить такую помощь в силу заключенного договора. Вместе с тем п. 6 Указа № 300 закрепляет обязанность получателя помощи предоставить спонсору отчет о целевом использовании предоставленной помощи. С учетом изложенного договор предоставления безвозмездной (спонсорской) помощи следует рассматривать как двусторонний (двусторонне обязывающий, синаллагматический). Тем не менее необходимо отметить, что обязанности, закрепленные Указом № 300, являются не равноценными: обязанность спонсора – основная, обязанность получателя – второстепенная.

Характер перемещения благ выражается в отсутствии встречного предоставления получателем безвозмездной (спонсорской) помощи спонсору. Такой характер позволяет характеризовать договор предоставления безвозмездной (спонсорской) помощи как безвозмездный договор.

Отметим, что названные выше конститутивные признаки позволяют констатировать уязвимость и незащищенность спонсора в рамках рассматриваемой договорной конструкции, что, на наш взгляд, свидетельствует о недостаточном правовом регулировании исследуемых отношений. Вместе с тем квалификация гражданско-правового договора в качестве консенсуального, двустороннего и безвозмездного, по нашему мнению, предопределяет существование особенностей в части выделения специальных оснований его прекращения.

Следует отметить, что, регулируя схожие по своей правовой характеристике договоры – договор дарения, договор безвозмездного пользования (ссуды), Гражданский кодекс Республики Беларусь (далее – ГК) такие основания обоснованно выделяет. Так, в отношении договора дарения закреплена возможность отказа от исполнения дарения (ст. 548 ГК), отмены дарения (ст. 549 ГК), в отношении договора безвозмездного пользования (ссуды) – возможность досрочного расторжения договора (ст. 652 ГК), отказа от договора (ст. 653 ГК), прекращения договора (ст. 655 ГК).

С учетом вышеизложенного предлагается изменение Указа № 300 путем его дополнения положениями, предусматривающими основания: отказа от исполнения договора предоставления безвозмездной (спонсорской) помощи, предусматривающего предоставление указанной помощи в будущем, в связи с существенным ухудшением финансово-экономического положения спонсора; досрочного расторжения договора – в связи с нецелевым использованием предоставленной безвозмездной (спонсорской) помощи. Кроме того, представляется уместным дополнение положений Указа № 300 нормами, закрепляющими последствия ликвидации спонсора, получателя, а также нормами, закрепляющими последствия реорганизации сторон.

Соответствующие изменения необходимо предусмотреть также в примерной форме договора предоставления безвозмездной (спонсорской) помощи, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 13.07.2005 № 779.

Предлагаемые изменения обусловлены правовой характеристикой рассматриваемого договора и будут способствовать защите спонсора как более уязвимой стороны в рассматриваемой договорной конструкции, стимулированию соблюдения договорных обязательств сторонами, расширению применения договора предоставления безвозмездной (спонсорской) помощи в гражданском обороте.

Глухотаренко А. А.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ ЭМБРИОНА

Глухотаренко Анна Алексеевна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, gluchotarenko@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Ландо Д. Д.

В п. 2 ст. 16 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) закреплено, что правоспособность гражданина возникает в момент его рождения. В доктрине гражданского права не сформировалось однозначного подхода к определению момента рождения.

Понятие «эмбрион» определено в Законе Республики Беларусь «О вспомогательных репродуктивных технологиях» от 7 января 2012 г. (далее – Закон). В ст. 1 данного Закона закреплено, что эмбрион – это ранняя стадия развития живого организма. Для более точного определения «эмбриона» стоит обратиться к исследованиям в области биологии и эмбриологии. Например, Л. Ф. Курило выделила следующие стадии

внутриутробного развития человеческого зародыша: проэмбрион (14 дней с момента зачатия) или «сгусток» клеток; эмбрион (8 недель с момента зачатия); плод (от 8 недель до момента рождения).

В современном законодательстве эмбрион не признается субъектом гражданского права. При этом согласно ст. 24 Конституции Республики Беларусь каждый имеет право на жизнь. При применении указанной нормы важно понимать, какое значение законодатель вкладывает в слова «каждый» и «жизнь».

Стоит отметить, что ст. 1037 ГК относит ребенка наследодателя к кругу наследников с момента зачатия, но также имеется специальная оговорка, что полноправным наследником лицо может стать, родившись живым, после открытия наследования. В свою очередь, ст. 957 ГК предусматривает, что в случае смерти потерпевшего, право на возмещение вреда имеет ребенок умершего, родившийся после его смерти. Согласно ст. 181 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС) государство гарантирует защиту интересов детей еще до их рождения. К примеру, допускается предварительная подача заявления родителей об установлении отцовства в отношении еще не родившегося ребенка, если есть основания предполагать, что подача совместного заявления о регистрации установления отцовства после рождения ребенка станет невозможной или затруднительной.

Определяя правовое положение эмбриона, мы обратились к исследованиям А. Д. Беловой, которая со ссылкой на доклад Американского общества репродуктивной медицины описала три основополагающие подхода к пониманию сущности эмбриона: 1) эмбрион – это субъект права; 2) эмбрион – это объект права; 3) эмбрион – это особое правовое явление.

Первый подход базируется на представлении о том, что эмбрион является человеком с момента зачатия, а потому именно с этого момента должен быть наделен гражданскими правами. Сторонники данного подхода полагают, что, например, суррогатное материнство противоречит правам эмбриона, поскольку сопоставимо с торговлей детьми. Эмбрион при этом выступает объектом гражданских правоотношений.

Опираясь на учение Джона Локка о том, что у каждого человека есть право собственности на свою личность, некоторые ученые рассматривают эмбрион в качестве объекта гражданских прав, который принадлежит лицам, предоставившим для его создания свои клетки. В связи с этим не должны налагаться ограничения на действия, производимые в отношении эмбриона, при наличии согласия лиц, уполномоченных принимать соответствующие решения. Эмбрион при таком подходе поступает в общую собственность лиц, предоставивших для его создания свои клетки, каждый из них может в любой момент отозвать свое согласие на проведение соответствующей процедуры. Не соглашаясь с этой позицией, рассмотрим третий из предлагаемых подходов.

Эмбрионы не являются ни субъектами, ни объектами, а представляют собой некое особое явление, статус которого обусловлен потенциалом эмбриона к человеческой жизни. Эмбрион заслуживает большего уважения, нежели иные ткани физического лица, но меньшего, нежели сами физические

лица. Такую точку зрения выразил Верховный Суд Калифорнии, постановив, что нет необходимости квалифицировать эмбрион в качестве субъекта или имущества, поскольку родители заслуживают чего-то более тонкого, в связи с чем суды признали эмбрион особым правовым явлением.

С учетом вышеизложенного мы полагаем, что оптимальным решением будет признать эмбриона особым правовым явлением, которое нуждается в защите со стороны государства.

Грабинский В. Ю.

ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА СМАРТ-КОНТРАКТОВ

Грабинский Владислав Юрьевич, студент 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, vladislavgrabinskij@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Ландо Д. Д.

Определение понятия и правовой природы смарт-контрактов представляется актуальным с учетом повышения их популярности в ряде государств, а также легализации понятия «смарт-контракт» в национальном законодательстве в рамках правового эксперимента для апробации новых правовых институтов на предмет возможности их имплементации в гражданское законодательство Республики Беларусь.

Идея смарт-контракта была сформулирована и предложена в 1994 г. ученым в области информатики, криптографии и права Ником Сабо. Он дал определение смарт-контракту как компьютерному протоколу, который на основе использования математических алгоритмов самостоятельно проводит сделки и осуществляет контроль за их исполнением. Традиционно выделяют два основных вида таких смарт-контрактов:

1) полностью автоматизированная сделка, вся информация о которой и программный код находится только на электронных носителях;

2) частично автоматизированный контракт, лишь фрагмент которого отражается с помощью цифровых технологий, а все остальное закрепляется в традиционном тексте на бумажных носителях.

Ник Сабо описывал смарт-контракт как электронный алгоритм, предназначенный для автоматизации процесса исполнения контрактов в блокчейне. Однако практическая реализация такого контракта на том этапе развития техники не представлялась возможной. Лишь в 2009 г. Сатоши Накамота создал биткоин и представил концепцию блокчейна для создания децентрализованного реестра, поддерживаемого анонимным консенсусом.

Принцип действия смарт-контракта заключается в следующем: содержание договора записывается в виде кода в компьютерной программе, отслеживающей и обеспечивающей исполнение обязательств. Стороны сделки прописывают в таком контракте условия, а также санкции за их невыполнение.

С принятием Декрета Президента Республики Беларусь от 21.12.2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» (далее – Декрет) было положено

начало правовой регламентации и закрепления понятия смарт-контракта в белорусском законодательстве.

В соответствии с п. 9 Приложения 1 к Декрету смарт-контракт – это «программный код, предназначенный для функционирования в реестре блоков транзакций (блокчейне), иной распределенной информационной системе в целях автоматизированного совершения и (или) исполнения сделок либо совершения иных юридически значимых действий». При таком подходе смарт-контракт следует понимать как способ заключения или исполнения договоров, а также совершения иных юридически значимых действий, который характеризуется определенными особенностями его реализации. Следует согласиться с М. В. Мещановой и Д. Д. Ландо в том, что «гражданско-правовой аспект приведенной дефиниции прослеживается только в целевом использовании смарт-контрактов – для автоматизированного совершения и (или) исполнения сделок либо совершения иных юридически значимых действий». Вместе с тем понимание термина «смарт-контракт» не представляется возможным без системного изучения текста Декрета № 8.

Положение о Парке высоких технологий (ч. 9 п. 19), утвержденное Декретом, определяет порядок заключения смарт-контракта со ссылкой на п. 21 Положения: «для целей настоящего Положения к публичной оферте, совершенной в простой письменной форме, относятся пользовательское соглашение <...> программный код, размещенные в открытом доступе в глобальной компьютерной сети Интернет, содержащие существенные условия договора и предложение заключить договор на указанных условиях с любым, кто отзовется, независимо от наличия в таких документах (информации) подписи, электронной цифровой подписи». Для резидентов ПВТ смарт-контракт становится не способом или порядком заключения договора, а договором, который заключается в определенном порядке.

Российские ученые Л. Г. Ефимова и О. Б. Сизимова обращали внимание на возможность характеристики смарт-контракта как способа обеспечения исполнения обязательства. Они полагали, что ввиду того, что автоматическое исполнение договора не может быть отменено или изменено, смарт-контракт может быть квалифицирован как новый способ обеспечения исполнения обязательств, наличие которого устанавливает доверие между сторонами. Обеспечение исполнения обязательств при этом достигается программным путем с помощью протокола соответствующей платформы, созданной с использованием технологии блокчейн.

С учетом вышеизложенного мы полагаем целесообразным на законодательном уровне однозначно определить правовую природу смарт-контракта. При этом мы соглашаемся с мнением Д. З. Сафаревича, который предлагает определить смарт-контракт как соглашение между двумя и более сторонами об установлении, изменении или прекращении прав и обязанностей, в котором часть или все условия записываются, исполняются и (или) обеспечиваются компьютерным алгоритмом автоматически в специализированной программной среде.

Жвирбля К. А.

ДОГОВОР ОПТОВОЙ КУПЛИ-ПРОДАЖИ И ДОГОВОР ПОСТАВКИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Жвирбля Ксения Александровна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, ksenij.zhvirblya5@tut.by

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Ядревский О. О.

Договор оптовой купли-продажи не определен в Гражданском кодексе Республики Беларусь (далее – ГК) в отличие от договора розничной купли-продажи, что весьма негативно отражается на правоприменительной деятельности. В связи с этим к отношениям по оптовой купле-продаже применяют предусмотренную в ГК модель договора поставки, даже когда для этого отсутствуют объективные основания. Легальное определение оптовой торговли закреплено в п. 1.14 Закона Республики Беларусь от 8 января 2014 г. № 128-З «О государственном регулировании торговли и общественного питания» (далее – Закон). Если цель, для которой покупаются товары, связана с предпринимательством, это оптовая торговля, а если с личным потреблением, не связанным с предпринимательством – розничная.

Рассматривая соотношение договора поставки и договора оптовой купли-продажи, следует отметить, что оба этих договора заключаются в сфере оптовой торговли. Отличие договора оптовой купли-продажи от договора поставки заключается в разовости сделки оптовой купли-продажи, отсутствии длительных договорных отношений сторон, однократной передаче оптовой партии товаров. Данные особенности требуют и их нормативного закрепления. Разовая закупка товаров по договору оптовой купли-продажи обуславливает потребность в упрощенном порядке и форме заключения договора, а заключение договора поставки нуждается в детальной проработке условий договора.

В одних случаях такие сделки квалифицируются как договоры поставки, в других к ним применяют общие правила о договоре купли-продажи (§ 1 гл. 30 ГК). Несмотря на то, что договор поставки является одним из видов договора купли-продажи, и к нему применяется ряд общих положений о договоре купли-продажи, правила договора поставки рассчитаны на применение его в коммерческом обороте, поэтому в § 3 гл. 30 ГК предусмотрены некоторые специальные правила об условиях договора поставки (например, ст. 482 ГК – об ассортименте товаров при восполнении недопоставки, а ст. 437 ГК регламентирует общие положения об ассортименте товаров).

Договор оптовой купли-продажи предусмотрен как один из основных торговых договоров в законодательстве развитых западных стран (Нидерланды, Германия). В то же время договор поставки характерен для стран постсоветского пространства (Республика Беларусь, Российская Федерация, Республика Казахстан). В Гражданском кодексе Республики Казахстан есть ст. 460 «Срок действия договора поставки». В соответствии с данной статьей договор поставки может быть заключен на один год, на срок

более одного года (долгосрочный договор) или на иной срок, предусмотренный соглашением сторон. Если в договоре срок его действия не определен и не вытекает из существа обязательства, договор признается заключенным на один год. Таким образом, предполагается длительность отношений по поставке. В Гражданском кодексе Республики Беларусь и Российской Федерации регламентируются лишь периоды поставки товаров. Заключаемые в оптовом обороте договоры нуждаются в четком определении срока исполнения обязательств, ввиду необходимости оптимизации расходов на хранение, приемку товаров. Достаточно широкое применение в зарубежной коммерческой деятельности приобретает принцип поставки «точно в срок», без складирования. При оптовой купле-продаже передача товара не связывается с определенными периодами, хотя и не исключено, что она может быть обусловлена указанием на конкретную дату или период.

По договору оптовой купли-продажи в качестве субъектов выступают только предпринимательские организации и индивидуальные предприниматели, специализирующиеся на изготовлении, закупке и реализации товаров, предназначенных для использования их в предпринимательской деятельности. По договору поставки в качестве покупателя могут выступать непредпринимательская организация или учреждение и даже гражданин, использующий товар для целей, не связанных с личным, семейным, домашним или иным подобным назначением, в качестве продавцов – предприниматели – поставщики сырья, материалов, комплектующих изделий.

Исходя из всего вышеизложенного, договор поставки предназначен для налаживания крупномасштабных, долгосрочных отношений между предпринимателями. Заключение договора поставки представляет сложную и достаточно долговременную процедуру, что не отвечает потребностям оптовой торговли в оперативном оформлении сделок. Цель оптовой купли-продажи – оперативное и повсеместное насыщение розничной сети товарами для удовлетворения запросов населения.

Следовательно, назначение, правовое регулирование, субъектный состав и срок исполнения обязательств определяет необходимость разграничения договора поставки и договора оптовой купли-продажи.

Жилицкая Т. А.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДОВЕРИТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ИМУЩЕСТВОМ ГРАЖДАНИНА, ПРИЗНАННОГО БЕЗВЕСТНО ОТСУТСТВУЮЩИМ

Жилицкая Татьяна Андреевна, студентка 5 курса Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины», г. Гомель, Беларусь, tanya-zhi@mail.ru

Научный руководитель: магистр юридических наук Ковалёва Т. В.

В ряде случаев при признании гражданина безвестно отсутствующим возникает необходимость в сохранности его имущества и имущественных прав до момента обнаружения места нахождения такого лица или объявления

умершим. Для данной цели заключается договор доверительного управления. В литературе ученые выделяют следующие проблемы при его заключении. Во-первых, это отсутствие единых рекомендаций при выборе кандидатуры доверительного управляющего. Органам опеки и попечительства целесообразно выбирать родственников безвестно пропавшего лица или дееспособных детей такого лица, т. е. лиц, заинтересованных в сохранности передаваемого имущества на безвозмездных началах. Во-вторых, отсутствие нормативного акта, закрепляющего единый порядок заключения договора доверительного управления имуществом безвестно отсутствующего лица с доверительным управляющим. В связи с этим предлагается установить примерный порядок заключения данного договора, определить типовые формы договора, заявления на доверительное управление, акта передачи имущества и отчета доверительного управляющего для введения единообразия в законоприменительной практике.

Теперь остановимся на некоторых проблемах исполнения и прекращения договора. Рассмотрим актуальность введения ограничений на управление имуществом. Основной целью управления имуществом является защита имущественных прав безвестно отсутствующего лица и сохранение целостности имущества до его возвращения. Данная цель актуальна и в случаях распоряжения имуществом подопечного. Стоит заметить, что ст. 35 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) ограничивает право распоряжения опекуна, тогда как управление имуществом отсутствующего лица не ограничивается на нормативном уровне. Соответствующие ограничения целесообразно отразить в ст. 39 ГК. Они должны касаться любых сделок в результате которых уменьшается имущество лица, в том числе сделок по отчуждению имущества, дарению, безвозмездному пользованию, обмену, аренде, залогу, разделу имущества, выделу из него долей. Ограничения следует распространить на сделки, влекущие отказ от принадлежащих безвестно отсутствующему лицу прав в том числе.

Теперь рассмотрим вопросы прекращения договора. В соответствии со ст. 40 ГК договор доверительного управления прекращается на основании отмены решения суда о признании лица безвестно отсутствующим в случае его явки или обнаружения места его нахождения. В то же время ст. 907 ГК устанавливает исчерпывающий список оснований прекращения договора доверительного управления. Среди оснований отсутствует отмена решения суда о признании лица безвестно отсутствующим. В связи с этим считаем целесообразным дать отсылку в ст. 40 на основания, предусмотренные в ст. 907 ГК, а также внести изменения в ст. 907 ГК.

Статья 907 ГК содержит пункты, предусматривающие расторжение договора в связи со смертью, а именно: п. 1 – вследствие смерти выгодоприобретателя (объявления его умершим); п. 3 – вследствие смерти доверительного управляющего, объявления его умершим или безвестно отсутствующим в судебном порядке. В данной норме нет пункта, предусматривающего основания для расторжения договора в случае объявления умершим лица, ранее признанного безвестно отсутствующим

(которое фактически является вверителем, но в его интересах выступает орган опеки и попечительства). На основании вышеизложенного предлагаем внести два дополнительных пункта в ст. 907 ГК З¹ и З²:

«З¹ объявления умершим гражданина, который ранее был признан безвестно отсутствующим, и в его интересах орган опеки и попечительства (вверитель) заключил договор доверительного управления;

З² отмены решения суда о признании гражданина безвестно отсутствующим, в интересах которого орган опеки и попечительства заключил договор доверительного управления».

К вопросу о безвозмездном характере управления имуществом. Пункт 3 ст. 898 ГК указывает: «Доверительный управляющий не может быть выгодоприобретателем по договору доверительного управления имуществом». Основная задача такого лица сохранить имущество на время отсутствия лица, в интересах которого заключен договор. В связи с этим предлагаем закрепить безвозмездность управления имуществом в ст. 895 ГК путем добавления изменений в ч. 3 п. 1: «в случае заключения договора доверительного управления имуществом в интересах гражданина, объявленного по решению суда безвестно отсутствующим, договор заключается органом опеки и попечительства без выплаты вознаграждения доверительному управляющему на срок отсутствия гражданина до момента его явки или объявления такого гражданина умершим».

Жук В. В.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДЕФИНИЦИИ «КРИПТОВАЛЮТА» В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Жук Владимир Владимирович, курсант 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, volodya.zhuk.98@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Ермакович С. Л.

В современном мире происходит стремительное развитие цифровых технологий, что обуславливает необходимость правового регулирования возникающих правоотношений. К таким технологиям относится криптовалюта, которая стала значимым цифровым активом на территории Республики Беларусь и Российской Федерации, однако существуют существенные различия в правовом регулировании данных активов.

Законодатель Республики Беларусь в Декрете Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» (далее – Декрет № 8) дает легальное определение криптовалюты. Так, в соответствии с данным Декретом криптовалюта – биткоин, иной цифровой знак (токен), используемый в международном обороте в качестве универсального средства обмена. Тем временем законодатель Российской Федерации использует понятие «цифровая валюта», разработав законодательный акт, в котором оно закреплено. Этим актом является Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ

«О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

В соответствии с п. 3 ст. 1 данного Федерального закона цифровой валютой признается совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам.

Исходя из вышеуказанных определений, можно сделать вывод что законодатель Республики Беларусь отождествляет криптовалюту с токеном. Однако, данное определение подвержено критике со стороны белорусских исследователей, а именно В. А. Витушко, который отмечает, что «Декрет № 8 не учитывает, что в мировой практике существует множество видов токенов: пользовательские токены, токены-акции, токены-сертификаты, кредитные токены, лицензионные токены, долговые токены, токены капитала». Что касается Российской Федерации в данном плане, законодатель придает криптовалюте право собственности.

Определение криптовалюты белорусского законодательства утверждает, что она является универсальным средством обмена в международном обороте, однако анализ п. 2.3 Декрета № 8 гласит об ограниченности ее оборота. В Российской Федерации при этом ограничений на оборот не существует.

Декретом № 8 закреплено понятие «майнинг». Так, в соответствии с данным нормативным правовым актом, майнинг – отличная от создания собственных цифровых знаков (токенов) деятельность, направленная на обеспечение функционирования реестра блоков транзакций (блокчейна) посредством создания в таком реестре новых блоков с информацией о совершенных операциях. В соответствии с п. 2.2 Декрета № 8 физические лица вправе владеть токенами и с учетом особенностей, установленных настоящим Декретом, совершать следующие операции: майнинг, хранение токенов в виртуальных кошельках, обмен токенов на иные токены, их приобретение, отчуждение за белорусские рубли, иностранную валюту, электронные деньги, а также дарить и завещать токены.

Таким образом, Республика Беларусь узаконила майнинг, который не является предпринимательской деятельностью, доход от которого не требует декларирования за определенными исключениями. В Российской Федерации данное понятие официально не закреплено, однако добыча криптовалюты легальна.

На наш взгляд, законодательство Республики Беларусь и Российской Федерации до конца не проработано в урегулировании правоотношений,

связанных с криптовалютой, однако законодатель обеих стран активно принимает участие в проработке всех поставленных перед ним задач. В последнее время наблюдается интеграция Республики Беларусь и Российской Федерации в рамках Союзного государства, в том числе и в экономической сфере. В связи с тем, что практически невозможно полноценно легализовать криптовалюту как средство платежа, считаем, что необходимо произвести гармонизацию нормативных правовых актов обеих стран, связанных с криптовалютой, с целью приведения законодательства к единообразному регулированию возникающих правоотношений. Данный ход позволит ускорить процесс цифровизации экономики Союзного государства.

Канюков Д. Ю.

ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКОЙ ДЕЕСПОСОБНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ВОЗРАСТЕ ОТ 14 ДО 18 ЛЕТ

Канюков Даниил Юрьевич, студент 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, stweer1@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Стрижак М. С.

Несовершеннолетние в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет являются частично дееспособными, выступая в гражданском обороте с письменного согласия своих законных представителей. Так, рассматриваемая категория лиц, в соответствии с п. 1 ст. 25 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК), с письменного согласия своих законных представителей – родителей, усыновителей или попечителей вправе совершать сделки, за исключением указанных в п. 2 ст. 25 ГК. Для совершения несовершеннолетним сделки достаточно согласия лишь одного из родителей или усыновителей. При этом в юридической литературе дискутируется вопрос о завещательной правоспособности лиц в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет. Часть авторов приходят к выводу о том, что частично дееспособные правом завещать не обладают, и данная позиция полностью соответствует законодательству. Так, согласно п. 2 ст. 1040 ГК завещание может быть совершено гражданином, обладающим дееспособностью в полном объеме. Другие авторы из анализа п. 2 ст. 25 ГК, предоставляющего несовершеннолетним право распоряжаться своим заработком и стипендией, делают вывод, что раз понятие «право завещать» входит в понятие «распоряжаться» имуществом, то несовершеннолетние обладают завещательной правоспособностью.

В соответствии с п. 2 ст. 25 ГК несовершеннолетние в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет вправе самостоятельно без согласия своих законных представителей распоряжаться собственными доходами, под которыми принято понимать доходы, получаемые несовершеннолетним от использования созданных им результатов интеллектуальной деятельности, приходящуюся на его долю часть прибыли производственного кооператива, в котором он участвует, дивиденды по акциям, подаренным или завещанным несовершеннолетнему лицу, доходы, получаемые от управления

принадлежащим ему имуществом, и др. В то же время распоряжение подростков собственными доходами возможно с определенными ограничениями, распространяемыми, в частности, на сделки по приобретению недвижимости и других вещей, выходящие за пределы мелких бытовых.

Несовершеннолетние в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет вправе осуществлять права автора произведения науки, литературы или искусства, изобретения или иного охраняемого законодательством результата своей интеллектуальной деятельности, а также вносить денежные средства в банки или небанковские кредитно-финансовые организации и распоряжаться ими в соответствии с законодательством.

Без согласия своих законных представителей несовершеннолетние вправе по достижении шестнадцати лет быть членами кооперативов в соответствии с ч. 2 п. 2 ст. 25 ГК. В проекте изменений ГК предлагается дополнить данную норму, предоставив право с письменного согласия любого или обоих законных представителей – родителей, усыновителей или попечителей – участвовать в создании иных юридических лиц, зарегистрироваться в качестве индивидуального предпринимателя, осуществлять ремесленную деятельность.

Следует отметить, что несовершеннолетние в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет являются деликтоспособными, т. е. за причиненный ими вред они несут имущественную ответственность самостоятельно. При этом ст. 943 ГК предусмотрено, что в определенных случаях субсидиарную ответственность несут родители несовершеннолетнего, если они не докажут, что вред возник не по их вине.

По общему правилу, гражданская дееспособность возникает в полном объеме по достижении восемнадцати лет. Законодательством урегулированы исключения из общего правила для несовершеннолетних в случае эмансипации или вступления в брак. Что касается эмансипации, здесь необходимо учесть две возможности для ее полной реализации: во-первых, заключение трудового договора с лицами, достигшими шестнадцати лет, а также при наличии письменного согласия одного из родителей, усыновителя или попечителя – с четырнадцати; во-вторых, возможность стать индивидуальным предпринимателем лицу, достигшему шестнадцати лет, с согласия законных представителей. Согласно ч. 2 ст. 18 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье брачный возраст устанавливается в восемнадцать лет, в исключительных случаях орган, регистрирующий акты гражданского состояния, может снизить брачный возраст, но не более чем на три года. При этом согласия родителей, попечителей несовершеннолетних на заключение брака не требуется.

При рассмотрении гражданского дела, одной из сторон в котором является несовершеннолетний, объявленный в соответствии со ст. 26 ГК эмансипированным, необходимо учитывать, что такой несовершеннолетний обладает в полном объеме гражданскими правами и несет обязанности, за исключением тех прав и обязанностей, для приобретения которых законом установлен возрастной ценз. На наш взгляд, стоит при наличии достаточных оснований предоставить суду по ходатайству родителей, усыновителей или

попечителя либо органа опеки и попечительства право отмены или лишения эмансипации в случаях имущественных злоупотреблений со стороны несовершеннолетнего.

Анализируемые правоприменительные проблемы, возникающие в ходе практической реализации прав, обязанностей и ответственности данных субъектов правовых отношений, стоит разрешить путем внесения соответствующих изменений и дополнений в гражданское законодательство.

Матвеева К. А.

**ПРОБЛЕМЫ ВЛИЯНИЯ АБСОЛЮТНОГО ИММУНИТЕТА ОРГАНИЗАЦИИ
ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ НА ЗАЩИТУ ПРАВ СУБЪЕКТОВ,
ВСТУПАЮЩИХ С ОРГАНИЗАЦИЕЙ В ЧАСТНЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ**

*Матвеева Ксения Александровна, магистрант Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
kseniamatveeva99@gmail.com*

Научный руководитель: д-р юрид. наук, профессор Каменков В. С.

В процессе участия в гражданско-правовых отношениях, у всех субъектов правоотношений по общему правилу возникают взаимные права, обязанности и ответственность. Организация Объединенных Наций и ее специализированные учреждения регулярно выступают сторонами международных договоров, поэтому, исходя из общепризнанного принципа международного права *pacta sunt servanda*, невыполнение этими организациями взятых на себя обязательств влечет за собой международно-правовую ответственность. Тем не менее практика свидетельствует о том, что этот принцип не выполняется ввиду особенностей правовой природы юрисдикционного иммунитета ООН. На сегодняшний день судебная практика насчитывает массу прецедентов, где права заявителей были нарушены из-за признания судами абсолютного иммунитета ООН. Такое положение вещей фактически обуславливает невозможность привлечения организации к ответственности и ставит ее в привилегированное положение по отношению к другой стороне в споре, нарушая принцип равноправия субъектов в частноправовых отношениях.

Вместе с тем, создавая невозможность защиты прав граждан в судебном порядке, ООН демонстрирует явное нарушение главы 29 Конвенции о привилегиях и иммунитетах, которая обязывает организацию предоставлять альтернативные механизмы для разрешения споров по вопросам частного права, в которых Объединенные Нации являются стороной. Однако прецедентная практика указывает на явное игнорирование организацией своих обязательств. Усиление правозащитного вызова концепции абсолютного иммунитета публичных образований порождает необходимость пересмотра концепции применения абсолютного иммунитета и к ООН. Однако к ней сложно применить и общие правила теории функционального иммунитета по аналогии с другими международными организациями, поскольку эволюция этой организации привела ее в точку исключительной многозадачности. На

сегодняшний день мы с уверенностью можем констатировать как минимум 30 целей устойчивого развития в рамках которых агентства, фонды и специализированные учреждения ООН реализуют свои проекты. В связи с этим любые действия и цели ООН в той или иной мере всегда можно признать политически ориентированными, на основании чего все требования, предъявляемые к организации, могут быть признаны публичными и отклонены судом с привычной пометкой «not receivable».

Как справедливо отметил Л. Д. Гонсалес, невозможно перечислить список функций, выполняемый международными организациями, поскольку все они создаются для достижения разных целей и соответственно осуществляют различные функции. В связи с этим применение концепции функционального (ограниченного) иммунитета в чистом виде не решит проблему в полной мере. Исходя из этого, наиболее подходящим нам видится комплексное использование подходов, сформулированных в рамках концепции функционального (ограниченного) иммунитета. Так, в качестве общего подхода необходимо закрепление перечня сфер, в которых ООН не могла бы ссылаться на иммунитет, при этом квалификация осуществляемой организацией деятельности как коммерческой могла бы осуществляться посредством анализа характера такой деятельности с возможным применением критерия цели деятельности в качестве дополнительного. Кроме прочего, здесь важно понимать, что разработка перечня правоотношений должна быть узконаправленной, т. е. применимой непосредственно к ООН, а главное быть признанной самой организацией.

В современных условиях новый этап развития теории иммунитета международных межправительственных организаций неизбежно порождает вопросы, требующие определения случаев, когда их иммунитет должен быть ограничен. Решение поднятых проблем, полагаем, положительным образом повлияет на развитие международного сотрудничества в процессах современной экономической интеграции, в силу большего доверия и защищенности субъектов, вступающих с ними в частноправовые отношения.

Мацукова Д. Н.

**КОНВЕНЦИОННАЯ УНИФИКАЦИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ЭЛЕКТРОННЫХ СООБЩЕНИЙ В МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНТРАКТАХ:
СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

*Мацукова Дарья Николаевна, студентка 4 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
prettymatsukova@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Царёва Л. В.

Ежедневно в мире заключаются сотни тысяч трансграничных гражданско-правовых договоров в формате В2В (бизнес-бизнес). Все чаще их заключение происходит посредством обмена электронными сообщениями.

С середины 1990-х гг. на сессиях Рабочей группы Комиссии Организации Объединенных Наций по праву международной торговли

(ЮНСИТРАЛ) активно обсуждался вопрос о возможных способах устранения препятствий в использовании электронных сообщений при заключении международных договоров. Это привело к разработке Конвенции ООН «Об использовании электронных сообщений в международных договорах» (далее – Конвенция), принятой резолюцией 60/21 Генеральной Ассамблеи от 23 ноября 2005 г. В настоящее время имеет 16 государств-участников и открыта для присоединения.

В соответствии с текстом Конвенции она применяется к использованию электронных сообщений в связи с заключением или исполнением договоров между сторонами, коммерческие предприятия которых находятся в разных государствах. В силу п. 1 ст. 2 Конвенция не применяется к электронным сообщениям, которые относятся к договорам, заключенным в личных, семейных или домашних целях. Знакомый по текстам иных конвенций ООН в области международной торговли критерий определения международного характера коммерческого договора позволяет успешно сочетать применение конвенции с ранее принятыми унификациями. Например, это весьма актуально для применения Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров, поскольку создается комплексное правовое регулирование правоотношений по купле-продаже.

В Конвенции даны определения таким понятиям, как электронное сообщение, сообщение данных, составитель, адресат, информационная система, автоматизированная система сообщений и др. Конвенция закрепляет наличие юридической силы электронных сообщений: «Сообщение или договор не могут быть лишены действительности или исковой силы на том лишь основании, что они составлены в форме электронного сообщения» (ст. 5).

Конвенция не устанавливает требований по соблюдению какой-либо конкретной формы составления или подтверждения сообщения или договора. Однако согласно ст. 9 Конвенции, если нормы национального законодательства требуют соблюдения письменной формы сообщений или договора, то такое требование является выполненным при представлении электронного сообщения, если информация из электронного сообщения доступна при ее последующем использовании. Следовательно, субъектам необходимо учитывать нормы национального законодательства относительно формы договора.

Конвенцией урегулированы вопросы определения момента отправления и получения электронных сообщений. Когда при отправлении сообщения лицо допускает ошибки, в Конвенции закрепляются нормы по внесению изменений в случае, если автоматизированная система не предоставляет возможности исправить такую ошибку.

Необходимо обратить внимание на то, что Конвенция предоставляет государствам определенную дискрецию по установлению условий ее применения. Так, государство может заявить, что оно будет применять Конвенцию лишь в случаях, когда государства являются Договаривающимися государствами Конвенции или же когда стороны договорились о ее применении.

Республика Беларусь не является участником данной Конвенции. Представляется, что присоединение Республики Беларусь к Конвенции существенно облегчило бы коммуникацию сторон международных коммерческих контрактов, не увеличивая риски правовой неопределенности из-за отхода от классической письменной формы. Полагаем, что нормы Конвенции благоприятствует хозяйственному обороту, так как субъектам предоставляется возможность эффективно урегулировать договорные правоотношения с иностранными контрагентами, применяя нормы рассматриваемой Конвенции. Таким образом, учитывая содержание Конвенции, ее универсальный характер и имеющуюся апробацию, а также намерение Беларуси отказаться от требования об обязательной письменной форме внешнеэкономической сделки, считаем присоединение Республики Беларусь к Конвенции целесообразным.

Михалкина В. Е.

ПРАВОВАЯ ОХРАНА ВРАЧЕБНОЙ ТАЙНЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

*Михалкина Вероника Евгеньевна, магистрант 2 курса Северо-Западного института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Вологда, Россия,
nikkiride.nr98@mail.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Шелепина Е. А.

Врачебная тайна в рамках мировой истории является одним из древнейших институтов охраны личной жизни каждого человека. Еще Гиппократ указал, что все, ставшее известным врачу, должно сохраняться в строжайшей конфиденциальности. Сквозь столетия пронеслась данная клятва, и ее положения реализуются в настоящее время. Так, в Российской Федерации студенты, оканчивающие медицинскую образовательную организацию (высшего или среднего специального образования), приносят клятву, которая обязывает их в дальнейшем хранить врачебную тайну.

Врачебная тайна в Российской Федерации представляет собой любые сведения о пациенте, которые стали известны при исполнении не только трудовых, должностных, служебных и иных обязанностях, но и в рамках обучения. В соответствии со ст. 23 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени.

Гражданско-правовая охрана – это меры, при помощи которых создаются условия для развития гражданских правоотношений в их статичном, ненарушенном состоянии. Зачастую в научных трудах охрана и защита воспринимаются как синонимичные понятия, однако между ними существует один главный отличительный признак: при охране действия государства либо конкретного лица (группы лиц) осуществляют пассивную функцию, иными словами, существуют вне каких-либо нарушений, а защитная – активную функцию, т. е. право в такой момент является

нарушенным либо находится под угрозой нарушения, и государство, частное лицо (группа лиц) предпринимает целенаправленные и конкретные действия по устранению такого нарушения (угрозы). Каким же образом осуществляется охрана врачебной тайны в России?

Закрепив на федеральном уровне понятие врачебной тайны, случаи ее разглашения вне согласия пациента, законодатель Российской Федерации выстроил строгие ее охранительные рамки, упустив при этом не только многие иные нормативно-правовые и подзаконные акты, которые устанавливают разглашение указанной тайны в нарушение законодательства, но и допустив расплывчатые формулировки, согласно которым у разных медицинских организаций возникла различная практика их применения.

Например, существующий в настоящее время пробел гражданско-правовой охраны врачебной тайны в рамках уголовного законодательства в Российской Федерации. Так, на стадии проверки сообщения о преступлении (правонарушении) органы дознания, следственные органы направляют в медицинские организации, оказывающие психиатрическую помощь, запросы, содержание которых предполагает раскрыть сведения, составляющие врачебную тайну о некоторых лицах, участвующих в производстве процессуальных действий. Так, например, поступают запросы следующего содержания: «В рамках расследования КУСП», «В связи с материалом проверки», «В соответствии со статьями 144–145 Уголовно-процессуального кодекса РФ, просим сообщить». При этом не учитывается тот факт, что раскрытие вышеуказанных сведений возможно только в связи с расследованием дела. Законодателем не уточнено, что понимается под «расследованием дела». Таким образом, некоторым медицинским организациям достаточно лишь самой формулировки («расследование дела»), а некоторые предоставляют информацию, составляющую врачебную тайну, только при следующей формулировке: «В связи с расследованием уголовного дела № 1234567». Однако, тут же возникает вопрос: является ли медицинская организация, оказывающая психиатрическую помощь, тем, кто имеет право доступа к номеру уголовного дела? Если да, то какой у нее процессуальный статус? Если нет, то законен ли отказ от предоставления сведений, составляющих врачебную тайну, если в запросе отсутствует конкретный номер уголовного дела?

Исходя из всего вышеуказанного, следует, что охранительная функция врачебной тайны в гражданско-правовой отрасли права России осуществляется с переменным успехом, что проиллюстрировано на конкретном примере. Так, взаимодействие трех отраслей российского права: конституционного, уголовного и гражданского, преследует свою цель, а законодатель не указал единую точку их соприкосновения, охраняющую институт врачебной тайны и, одновременно, удовлетворяющую цели всех трех отраслей.

Мясоедов Г. Г.

О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ДОГОВОРА ФАКТОРИНГА

Мясоедов Геннадий Геннадьевич, магистрант Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, gennady.myasoe dov@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Сवादковская Е.А.

Легальная дефиниция договора факторинга закреплена в п. 1 ст. 772 Гражданского кодекса Республики Беларусь от 7 декабря 1998 г., ч. 1 ст. 153-1 Банковского кодекса Республики Беларусь от 25 октября 2000 г. в редакции от 17 июля 2006 г. Договор факторинга – соглашение сторон, в силу которого одна сторона (фактор) обязуется вступить в правоотношение между кредитором и должником путем выплаты кредитору суммы денежного обязательства должника за вознаграждение.

Легальное определение договора факторинга в законодательстве Российской Федерации существенно отличается от отечественного. Договор факторинга – соглашение, согласно которому одна сторона обязуется уступить другой стороне денежное требование и оплатить услуги, а другая сторона – осуществить не менее двух действий, связанных с денежными требованиями. Согласно п. 5 ст. 843 Гражданского кодекса Российской Федерации от 22 декабря 1995 г. (Часть 2) субсидиарно к нормам о факторинге могут применяться правила о купле-продаже, займе (кредите), возмездном оказании услуг.

В отечественной гражданско-правовой доктрине договор факторинга рассматривается в качестве разновидности договора купли-продажи имущественного права, комплексного самостоятельного договора, самостоятельного договорного типа. В российской доктрине имеются, в частности, следующие подходы к договору факторинга: факторинг – это самостоятельный договорный тип, факторинг – смешанный договор.

По нашему мнению, договор факторинга имеет следующие признаки договора займа: единство экономической стороны заемных и факторинговых отношений; наличие разрыва во времени между первоначальным и встречным предоставлением.

Экономическая сторона договора факторинга сводится к следующему: денежное требование уступается фактору в качестве встречного предоставления, первоначальным предоставлением является финансирование фактором кредитора. Таким образом, целью уступки права требования является получение финансирования. Для фактора финансирование – размещение свободных денежных средств с целью получения прибыли.

Цель уступки денежного требования по договору факторинга стала предметом оценки суда при рассмотрении иска о взыскании с фактора основного долга по договору факторинга. В соответствии с договором факторинга обязанность фактора – вступить в правоотношение между кредитором и должником, обязанность кредитора – уступить денежные

требования к должнику и уплачивать вознаграждения. Финансирование фактором должника названо в договоре как право фактора. Суд констатировал, что в качестве договора факторинга может быть квалифицировано обязательство кредитора уступить денежное требование фактору при отсутствии обязательства фактора произвести финансирование.

Такой вывод, однако, не согласуется с экономической стороной отношений, облакаемых в форму договора факторинга.

Экономическая сторона заемных отношений может быть изложена следующим образом: заимодавец передает в собственность заемщику определенное количество определенного имущества, чтобы через определенное время получить от заемщика то же имущество, но в большем количестве.

Таким образом, экономическая сторона договора факторинга схожа с экономической стороной договора займа.

Признаком, которому договор займа обязан своим возникновением, является разрыв во времени между первоначальным предоставлением материального объекта в определенном количестве и встречным предоставлением (возвратом полученного материального объекта, обладающего теми же свойствами, но в большем размере).

Фактор предоставляет кредитору денежные средства в меньшем размере, чем размер денежных средств, причитающихся ему от должника именно ввиду наличия между моментом полного финансирования фактором кредитора и моментом получения денежных средств от должника.

Как видим, ключевым признаком договора займа является разрыв во времени между первоначальным и встречным предоставлениями. Указанный разрыв во времени и является основанием для получения заимодавцем имущественной выгоды. Разрыв во времени между первоначальным и встречным предоставлениями является свойственным и договору факторинга.

Таким образом, договор факторинга имеет заемную правовую природу. В связи с указанным необходимо рассматривать договор факторинга в качестве вида договора займа.

Низовцов И. А.

К ВОПРОСУ О ГРАЖДАНСКОЙ ДЕЕСПОСОБНОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Низовцов Игорь Александрович, студент 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, igornizovcow@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Ландо Д. Д.

Гражданский кодекс Республики Беларусь (далее – ГК) содержит термин «дееспособность граждан» (ст. 20). Вопрос о наличии у юридического лица дееспособности можно отнести к разряду дискуссионных.

К. Ф. Савиньи, Б. Виндшейд, являясь сторонниками теории фикции юридического лица (радикального антропоморфизма), считали, что понятие «дееспособность» можно использовать только по отношению к физическим лицам, а юридическое лицо является вымышленным понятием и в гражданском обороте участвует через представителей – физических лиц, обладающих правоспособностью и дееспособностью. Не соглашаясь с таким подходом, считаем необходимым привести следующий пример: утрата директором организации дееспособности не влечет полной утраты способности юридического лица приобретать и осуществлять права, создавать обязанности и исполнять их.

Рассмотрим альтернативный подход, согласно которому юридическое лицо является самостоятельным субъектом, обладающим правовыми качествами личности (см., в частности, исследования Н. В. Козловой). В контексте данного подхода необходимо оценить целесообразность разграничения правоспособности и дееспособности юридических лиц, а также законодательного определения указанных понятий.

Моменты возникновения и прекращения правоспособности юридического лица определены в п. 3 ст. 45 ГК: момент создания юридического лица и момент завершения его ликвидации. Для возникновения и прекращения дееспособности указанного субъекта гражданского права имеют значение те же моменты.

Вместе с тем на уровне диссертационных исследований обосновывалось, что существуют спорные ситуации, когда для совершения определенных действий юридическому лицу необходимо согласие специальных органов управления (Е. С. Пирогова в качестве таковой называет процедуру несостоятельности (банкротство)). Такое согласие необходимо ввиду стремления государства защитить интересы контрагентов юридического лица и общества в целом. В контексте таких ситуаций возникает вопрос об объеме дееспособности юридических лиц на стадии банкротства. Уже в рамках процедуры наблюдения юридическое лицо может совершать большую часть сделок только с согласия временного управляющего, выраженного в письменной форме (ч. 7 ст. 45 Закона Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 415-З «Об экономической несостоятельности (банкротстве)»), чей статус в данном случае аналогичен статусу попечителя.

Проблематика ограничения дееспособности юридического лица рассматривается и в контексте применения п. 2 ст. 53 ГК. Если собственник имущества (учредители, участники) юридического лица, уполномоченный ими орган юридического лица или орган юридического лица, уполномоченный на реорганизацию его учредительными документами, не осуществляют реорганизацию юридического лица в срок, определенный в решении уполномоченного государственного органа, суд по иску указанного государственного органа назначает внешнего управляющего юридическим лицом и поручает ему осуществить реорганизацию этого юридического лица. С момента назначения внешнего управляющего к нему переходят полномочия по управлению делами юридического лица.

Необходимо отметить факт, что в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 12 марта 2001 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с запросом Арбитражного суда Челябинской области, жалобами граждан и юридических лиц» указано на наличие «существенного ограничения дееспособности предприятия», в частности, при необходимости получения согласия временного управляющего на совершение сделок, запрете на реорганизацию и ликвидацию должника, на создание сторонних юридических лиц, филиалов, представительств, на выплату дивидендов и размещение ценных бумаг.

Полагаем, что дееспособность безусловно присуща юридическому лицу. Однако она имеет особые сущностные характеристики:

1) не связана с физиологическими свойствами физического лица, которые могут повлиять на ее объем;

2) проявляется, как отмечает Е. С. Пирогова, лишь на некоторых стадиях существования субъекта. Если для гражданина вопрос об объеме дееспособности актуален с самого рождения, то для юридического лица указанный вопрос дееспособности может никогда не стать актуальным;

3) ограничение дееспособности юридического лица в большинстве случаев связано с ограничением правоспособности. Ограничение дееспособности гражданина не означает ограничение его правоспособности.

С учетом вышеизложенного правосубъектность юридического лица не может быть сведена к одной лишь правоспособности. Правосубъектность, являясь более широким понятием, охватывает правоспособность и дееспособность, в том числе юридического лица. Полагаем целесообразным включение термина «дееспособность юридического лица» в гл. 4 ГК.

Павлова А. П.

ОСОБЕННОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА ПОДРЯДА С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

*Павлова Анастасия Павловна, студентка 4 курса Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, г. Гродно, Беларусь,
anastasia.app@mail.ru*

Научный руководитель: старший преподаватель Бодяк Н. Е.

Практика привлечения субъектами хозяйствования граждан к выполнению работ по гражданско-правовым договорам получила достаточно широкое распространение. Договоры подряда заключаются как альтернатива трудовым отношениям в силу различных причин, например, отсутствия штатных единиц или краткосрочного характера работы. Поскольку одной из сторон образующегося правоотношения может выступать физическое лицо, принято считать, что оно находится в более уязвимом положении в сравнении с юридическим лицом и нуждается в специальных средствах защиты. Гражданское законодательство допускает, что такое лицо может быть несовершеннолетним, однако специальных правил не устанавливает. На

наш взгляд, такая ситуация порождает ряд особенностей, которые требуют тщательного анализа.

Во-первых, отметим, что по общему правилу подрядчиком в рассматриваемом договоре может выступать любое дееспособное лицо, т. е. лицо, которое достигло возраста 18 лет (ст. 20 Гражданского кодекса Республики Беларусь, далее – ГК). Тем не менее существуют случаи, когда несовершеннолетний вправе заключить такой договор в качестве подрядчика. Из ст. 20 ГК следует, что такое развитие событий возможно в случае вступления несовершеннолетнего в брак (в исключительных случаях брачный возраст (18 лет) может быть снижен, но не более чем на 3 года, т. е. до 15 лет, органом, регистрирующим акты гражданского состояния) или при эмансипации несовершеннолетнего (согласно ст. 26 ГК несовершеннолетний может быть по решению органов опеки и попечительства объявлен полностью дееспособным, если он достиг 16 лет, работает по трудовому договору (контракту) или с согласия родителей, усыновителей или попечителя занимается предпринимательской деятельностью).

Во-вторых, для несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет, не обладающих дееспособностью в полном объеме, в ст. 25 ГК установлено правило, применимое и к договору подряда – при заключении договора необходимо получение письменного согласия законных представителей несовершеннолетнего (родителей, усыновителей, попечителей).

В-третьих, необходимо принимать во внимание ограничения на выполнение отдельных видов работ несовершеннолетними, установленные в целях принятия работодателями необходимых мер по обеспечению самого основного: жизни, здоровья, работоспособности такой категории работников. По этой причине при заключении договоров подряда с несовершеннолетними следует учитывать и ряд гарантий и ограничений, установленных Трудовым кодексом Республики Беларусь (ст. 21, 272–274).

В-четвертых, субъекты хозяйствования, предоставляющие работу несовершеннолетним лицам по гражданско-правовым договорам подряда, обязаны руководствоваться положениями Указа Президента Республики Беларусь от 6 июля 2005 г. № 314 «О некоторых мерах по защите прав граждан, выполняющих работу по гражданско-правовым и трудовым договорам».

Кроме того, на выполнение ряда работ может распространяться требование о наличии специального разрешения (лицензии) либо регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. Перечень видов деятельности, на осуществление которых требуются специальные разрешения (лицензии), и уполномоченных на их выдачу государственных органов и государственных организаций содержится в Указе Президента Республики Беларусь от 01.09.2010 № 450 «О лицензировании отдельных видов деятельности», который будет заменен Законом Республики Беларусь № 213-З «О лицензировании» от 14 октября 2022 г., вступающим в силу с 01.01.2023 г.

Таким образом, данная тема нашла достаточно широкое отражение в национальном законодательстве, что еще раз подтверждает конституционное

положение о том, что Республика Беларусь – это социальное государство. Тем не менее вопрос о допуске несовершеннолетних к подрядным отношениям, даже в случае приобретения ими полной дееспособности, все еще остается дискуссионным, ибо подрядные отношения все-таки имеют определенные сходства с трудовыми отношениями, для которых человек должен созреть не только физиологически, но и психологически, а в текущей ситуации законодатель учитывает лишь возраст лица, упуская из виду ментальный и физиологический аспекты. Возможность заключения договоров подряда с несовершеннолетними, с одной стороны, открывает более широкий круг возможностей для них, с другой – всегда существует риск злоупотребления такими возможностями со стороны третьих лиц, что может повлечь нарушение прав несовершеннолетних.

Анализ правовых норм, обеспечивающих регулирование отношений данной сферы, указывает на отсутствие должного внимания законодателя к участию несовершеннолетних в деятельности по выполнению работ и оказанию услуг. На наш взгляд, представляется логичным установление в законодательстве гарантий для несовершеннолетних, указаний на особые условия и других положений.

Панасюк Д. А.

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КРИПТОВАЛЮТЫ

*Панасюк Дмитрий Андреевич, студент 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
dmitriy.panasyuk@icloud.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Ермакович С. Л.

Планомерное развитие сферы информационных технологий неразрывно связано с ростом общественного интереса к данной сфере. Особого внимания заслуживает так называемый феномен цифровой экономики – криптовалюта.

Рост заинтересованности граждан Республики Беларусь в познании, приобретении и использовании криптовалюты невозможно отрицать, как минимум, ввиду рейтинга, составленного в 2021 г. платежной платформой Triple A, в соответствии с которым наше государство заняло 18 место по количеству владельцев криптовалют. Так, согласно оценке платформы, в Беларуси 3,7 % населения (около 350 тыс. человек) владеют криптовалютами.

Современные тенденции, желания людей в данной сфере неизбежно ставят перед законодателем крайне сложный вопрос относительно правового регулирования криптовалюты. Принятие Декрета Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» и приложений к нему (далее – Декрет № 8) предполагало внесение какой-либо определенности в правовом регулировании рассматриваемой сферы. Однако кажущаяся с первого взгляда проработанность данного акта разрушается некоторыми понятиями, закрепленными в Приложениях. Так, например, вызывает сомнение п. 4 Приложения № 1 к Декрету № 8, регламентирующий

следующее: «криптовалюта – биткоин, иной цифровой знак (токен), используемый в международном обороте в качестве универсального средства обмена». Безусловно, законодатель правильно отметил, что криптовалюта выступает в качестве одного из видов цифрового знака (токена), однако крайне непонятно, чем вызвана необходимость формулировки «криптовалюта – биткоин». Возможно, законодатель умышленно выбрал такой вариант закрепления понятия в целях большей наглядности, так как Bitcoin является наиболее популярной криптовалютой, о которой знают даже те, кто с ними не взаимодействовал. Тем не менее подобные формулировки не должны содержаться в нормативных правовых актах, так как могут повлечь проблемы в дальнейшем правоприменении. Целесообразнее было бы определить на законодательном уровне критерии отнесения того или иного объекта к криптовалюте наподобие существующего *Howey Test*, применяемого в США для определения, означает ли финансовая операция инвестирование в ценную бумагу.

Аналогичная ситуация прослеживается и с понятием цифрового знака (токена), закрепленного в п. 12 Приложения № 1 к Декрету № 8, содержащего следующее: «Цифровой знак (токен) – запись в реестре блоков транзакций (блокчейне), иной распределенной информационной системе, которая удостоверяет наличие у владельца цифрового знака (токена) прав на объекты гражданских прав и (или) является криптовалютой». Полагаю, нет никакой необходимости в дополнительном уточнении того факта, что криптовалюта является цифровым знаком (токеном) в контексте его определения. Такого рода пояснения должны регламентироваться либо отдельно в Декрете № 8, либо в иных нормативных правовых актах, которые должны были быть приняты в развитие рассматриваемого декрета.

На наш взгляд, определение криптовалюты в Декрете № 8 должно отражать сущностные аспекты данного феномена цифровой экономики и выглядеть следующим образом: «Криптовалюта – разновидность цифрового знака (токена), используемая в международном обороте в качестве универсального средства обмена». Данное определение представляется более корректным и содержательным.

Говоря далее о правовом регулировании криптовалюты, необходимо отметить, что определенности в правовом регулировании необходимо достичь и касательно отнесения криптовалюты к тому или иному объекту гражданских прав, закрепленных в ст. 128 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК). Данная статья предусматривает закрытый перечень видов объектов гражданских прав.

Не вызывает никаких сомнений тот факт, что криптовалюты не представляется возможным рассматривать в качестве работ, услуг и нераскрытой информации, так как это прежде всего обусловлено природой и ролью данных объектов в гражданском обороте.

Рассмотрение криптовалюты в качестве исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации

участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг также невозможно. Обоснованием данной позиции является следующее:

1) криптовалюта не является результатом творческой деятельности (она генерируется за счет вычислительных мощностей в ходе майнинга);

2) статья 980 ГК определяет исчерпывающий перечень объектов интеллектуальной собственности, к которым криптовалюта не относится.

Не вызывает сомнений и тот факт, что криптовалюты не представляется возможным (с учетом их природы) рассматривать в качестве нематериальных благ, несмотря на их нематериальный характер. Обоснованием этого является тот факт, что криптовалюты не закрепляются за владельцем, который может распоряжаться ими по своему усмотрению, что, в свою очередь, противоположно сущности нематериальных благ, являющихся неотчуждаемыми и непередаваемыми объектами.

Исходя из вышесказанного, остаются только такие объекты гражданских прав, как вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права.

Рассматривать криптовалюту в качестве ценной бумаги невозможно, так как, в соответствии с п. 1 ст. 143 ГК, ценные бумаги должны удостоверить какие-либо имущественные или неимущественные права. Само же владение криптовалютой не имеет содержания в удостоверении права на получение каких-либо ценностей, она представляет собой ценность для субъектов ввиду того, что они сами наделили ее такой ценностью. Более того, в соответствии с п. 3 Приложения № 1 Декрета № 8, владелец токена – субъект гражданского права, которому токен принадлежит на праве собственности или на ином вещном праве. Исходя из буквального толкования этого положения, токен регулируется вещным правом и, соответственно, может определяться как вещь или иное имущество.

Криптовалюты делимы, оборотоспособны, обладают характерными родовыми признаками. Тем самым их природа очень близка к деньгам, которые относятся к движимым вещам. Однако по действующему законодательству криптовалюту невозможно отнести к деньгам, так как в соответствии с ч. 1 п. 1 ст. 141 ГК, белорусский рубль является законным платежным средством, обязательным к приему по нарицательной стоимости на всей территории Республики Беларусь.

Таким образом, по действующему законодательству Республики Беларусь криптовалюту можно рассматривать лишь как «иное имущество», подтверждением чего является также п. 3 Приложения № 1 к Декрету № 8, содержащий следующее: «Владелец цифрового знака (токена) – субъект гражданского права, которому цифровой знак (токен) принадлежит на праве собственности или на ином вещном праве». А так как криптовалюта является частным случаем цифрового знака (токена), то можно сделать вывод, что владельцу криптовалюты последняя принадлежит на праве собственности. Следовательно, криптовалюту возможно рассматривать как «иное имущество».

Высказывая свою точку зрения относительно перспективы, отмечу, что делимость, оборотоспособность криптовалюты и позиционирование ее

государством в качестве средства обмена должно позволить нам в будущем рассматривать ее в качестве специфического объекта гражданских прав, приравненного к деньгам. Обоснование данной позиции заключается в следующем: 1) криптовалюте присущи функции денег; 2) она является мерой стоимости, т. е. может измерять стоимость товаров так же корректно, как и реальная валюта; 3) криптовалюта может выступать в роли средства обмена; 4) конвертируемая криптовалюта способна выполнять функции мировых денег в странах, разрешающих ее конвертацию в национальную валюту. Признание криптовалюты в качестве именно «специфического объекта гражданских прав, приравненного деньгам», а не сугубо в качестве «денег» подчеркнет ее особую значимость в современном мире, ее особенности и существующие отличия от привычных нам денег.

Таким образом, законодателю необходимо воплотить в жизнь следующее:

1) внести изменения в определение понятия «криптовалюта» в Приложении 1 к Декрету № 8, изложив его в следующей редакции: «Криптовалюта – разновидность цифрового знака (токена), используемая в международном обороте в качестве универсального средства обмена»;

2) признать криптовалюту на уровне ГК в качестве специфического объекта гражданских прав, приравненного к деньгам, путем закрепления дополнительного объекта гражданских прав в абз. 2 ч. 1 ст. 128 ГК в следующей интерпретации: «к объектам гражданских прав относятся вещи, включая деньги, а также приравненные к ним объекты, ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права»;

3) принять отдельный нормативный правовой акт на уровне закона, который будет направлен на регулирование общественных отношений, возникающих при выпуске, учете и обращении криптовалюты, а также отношений, возникающие при обороте криптовалюты на территории Республики Беларусь.

Ползунова М. Ю.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ САМОВОЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА И САМОВОЛЬНОЙ ПОСТРОЙКИ, ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЙ В СВЯЗИ С ИЗМЕНЕНИЯМИ В СТ. 223 ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА

*Ползунова Мария Юрьевна, студентка 3 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь, 6129911@mail.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Стрижак М. С.

В силу специфики осуществления строительной деятельности, важного значения объектов строительства в гражданском обороте, законодатель в Гражданском кодексе Республики Беларусь 1998 г. (далее – ГК), как и в предшествующем ему Гражданском кодексе БССР 1964 г., предусмотрел понятие самовольной постройки и правовые последствия нарушения порядка осуществления самовольного строительства.

Дальнейшее развитие институт самовольной постройки получил в результате объявления Республикой Беларусь суверенитета. В действующий

ГК Республики Беларусь, принятый в 1998 г., законодатель ввел в действие ст. 223 «Самовольная постройка и ее последствия», в которую Законом Республики Беларусь от 18 июля 2022 г. № 195-З «Об изменении кодексов» (далее – Закон № 195-З) были внесены существенные изменения, вступившие в силу 1 сентября 2022 г. До внесения изменений самовольное строительство понималось как деятельность лица по созданию или изменению недвижимого имущества путем строительства, реконструкции (пристройки, надстройки, перестройки) капитального строения (здания, сооружения). Сейчас самовольное строительство трактуется как деятельность по возведению, реконструкции, модернизации, реставрации, капитальному ремонту, сносу объекта строительства, его части.

Важным аспектом является то, что термин «недвижимое имущество» в отношении самовольной постройки был заменен на «объект строительства». Несмотря на то, что в литературе высказывается мнение о том, что самовольная постройка не относится к недвижимому имуществу, мы видим проблему именно в определении самовольной постройки через категорию «объект строительства». Действительно, особенностью правового режима самовольной постройки является то, что, обладая качественными характеристиками недвижимого имущества, с формальной точки зрения она таковой не является, поскольку не внесена в Единый государственный регистр недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним. Однако сущностными характеристиками недвижимого имущества, указанными в п. 1 ст. 130 ГК, она обладает. Новое толкование самовольной постройки через категорию «объект строительства» имеет недостатки, которые выражаются в том, что понятия объекта строительства нет в ГК. Для ответа на вопрос, что же относится к таким объектам, нужно обратиться к специальному законодательству, а именно к ч. 21 ст. 1 Закона Республики Беларусь «Об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности в Республике Беларусь». Объект строительства определен как одно или несколько капитальных строений (зданий, сооружений), их части (включая изолированные помещения), инженерные и транспортные коммуникации, их части, иные объекты недвижимого имущества, строительство которых может включать очереди строительства, пусковые комплексы.

Данный подход представляется нам неверным, поскольку сейчас при определении сущностных характеристик самовольной постройки нужно обращаться к специальному законодательству, а не к кодифицированному акту и исходя из понятия объекта строительства возникают вопросы относительно признаков и правовой природы самовольной постройки.

Второй аспект, который заслуживает особого внимания, это то, что теперь Закон № 195-З привнес изменения, которые заключаются в том, что для признания объекта строительства самовольной постройкой, достаточным будет строительство без получения разрешительной документации на строительство и (или) без проектной документации в случае, когда обязательность получения и разработки такой документации предусмотрена законодательством, и (или) с нарушением требований, установленных

разрешительной документацией на строительство. Пунктом 3 ст. 223 ГК устанавливается, что при самовольном строительстве может быть принято решение о приведении самовольной постройки в состояние, соответствующее требованиям градостроительных норм и существенным требованиям безопасности. Иными словами, сейчас является достаточным для признания объекта строительства самовольной постройкой нарушение градостроительных норм и существенных требований безопасности. До внесения изменений в ст. 223 фигурировало понятие «существенные нарушения градостроительных норм». Таким образом, можно говорить о том, что теперь достаточно наличия нарушения любых градостроительных норм для признания объекта самовольной постройкой.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что законодатель путем внесения изменений в ст. 223, оказал существенное влияние на институт самовольного строительства и самовольной постройки. Однако представляется, что новое понимание самовольной постройки через категорию «объект строительства» создает проблему в правильном понимании природы самовольной постройки.

Филипцова П. А.

ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИСТЕМ ДИСТАНЦИОННОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ В КОРПОРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Филипцова Полина Александровна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, filiptsova@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Царёва Л. В.

С началом пандемии COVID-19 в 2020 г. произошел резкий всплеск популярности всевозможных средств дистанционной коммуникации. Отразилась эта тенденция и на корпоративных правоотношениях в связи с рисками для здоровья, которые влекли совместные собрания людей, все чаще возникал вопрос о возможности проведения общих собраний участников хозяйственных обществ (далее – ХО) дистанционно. 5 января 2021 г. данную возможность закрепили в ч. 3 ст. 14 Закона Республики Беларусь «О хозяйственных обществах» (далее – Закон о ХО). В настоящий момент в устав ХО могут быть включены положения, предусматривающие случаи и порядок использования электронной или иной связи, информационных сетей (систем) или программно-аппаратных средств и технологий (так называемых «систем дистанционного обслуживания» (далее – систем ДО)) при организации созыва и проведении общего собрания его участников.

Использование систем ДО при проведении общего собрания ХО отвечает потребностям корпоративного управления, с одной стороны, и не вызывает технических сложностей в современных условиях цифровизации, с другой. Вместе с тем стоит обратить внимание на достаточно осторожный подход белорусского законодателя, который разрешил использовать системы ДО при условии прямого указания в уставе. Некоторые государства в сложившихся обстоятельствах установили более либеральный подход.

Например, согласно польскому законодательству (ст. 234-1 Кодекса о торговых товариществах), участие в общем собрании общества с ограниченной ответственностью может осуществляться с помощью электронных средств связи, если уставом не предусмотрено иное, т. е. регламентировать возможность дистанционного участия в собраниях в уставе не требуется, поскольку такая возможность предусмотрена в законе.

Использование систем ДО при проведении общего собрания не влечет появление новой формы проведения собрания, ст. 42 Закона о ХО по-прежнему закрепляет очную, заочную и смешанную формы.

Так, очная форма проведения общего собрания предусматривает совместное присутствие лиц, имеющих право на участие в этом общем собрании, при обсуждении вопросов повестки и принятии решений по ним. При этом, если устав позволяет организовать совместное присутствие этих лиц дистанционно с использованием систем ДО, собрание может быть проведено в очной форме без организации физического присутствия участников в конкретном месте.

Не запрещено предусматривать в уставе и «комбинированный» формат проведения очного собрания – когда часть участников физически находятся вместе, а другая часть подключается, к примеру, посредством видеоконференцсвязи. С другой стороны, проблемой могут стать ситуации, когда в случае технических проблем или даже в силу психологических особенностей восприятия информации дистанционным участникам будет сложнее высказывать свое мнение по вопросам, входящим в повестку дня.

Для проведения общего собрания в очной форме могут подходить не все виды электронной связи. Если функционал программы для видеоконференций позволяет организовать между участниками собрания полноценное обсуждение, то использование в этих целях электронной почты или телефонной связи является проблематичным. В то же время эти технологии можно использовать для организации опроса участников общего собрания, и проведения его в заочной или смешанной формах.

В силу многообразия систем ДО полагаем, что в уставе следует подробно описывать процесс проведения общего собрания и используемый технический и программный функционал. Нежелательно останавливаться лишь на одном средстве связи, так как в случае технических или иных проблем проведение общего собрания может стать невозможным. В некоторых случаях (в частности, для принятия решений путем тайного голосования) может потребоваться использование специально разработанных приложений для «электронных совещаний», позволяющих обеспечить безопасность и тайну голосования, проверку личности голосующих и исключение возможности голосования несколько раз. Еще одна сложность, которая сопровождает новеллу – несогласованность с иными нормами корпоративного законодательства. Согласно ч. 1 ст. 38 Закона о ХО в решении о проведении общего собрания участников ХО должны быть определены дата, время и место (с указанием адреса) проведения. В случае, если общее собрание проводится с использованием систем ДО, указать эти

данные может быть затруднительно. Законодатель Российской Федерации учел эту особенность, установив в Гражданском кодексе обязанность указывать место проведения заседания или же способ дистанционного участия членов гражданского-правового сообщества в заседании.

Полагаем, что законодательное закрепление возможности использования систем ДО является позитивным шагом и отвечает потребностям корпоративного управления, но данный аспект требует более полной проработки и внесения дальнейших корректировок.

Чижик И. А.

**МЕРЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СТОРОН КОРПОРАТИВНОГО
СОГЛАШЕНИЯ: ОБЩЕЕ ПРАВИЛО ИЛИ СПЕЦИАЛЬНОЕ
РЕГУЛИРОВАНИЕ?**

*Чижик Ирина Александровна, студентка 4 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
irinacizik488@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Царёва Л. В.

Белорусское законодательство не содержит специальных норм об ответственности сторон корпоративного соглашения. В ч. 6 ст. 90-1 Закона Республики Беларусь от 9 декабря 1992 г. № 2020-XII «О хозяйственных обществах» указано лишь, что стороны вправе предусмотреть в корпоративном соглашении меры гражданско-правовой ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств. Кроме того, законодатель установил, что нарушение корпоративного соглашения не может являться основанием для признания недействительными решений органов управления общества.

Из этого следует, что к нарушениям обязательств, вытекающих из корпоративного соглашения, применяются общие правила гражданско-правовой ответственности. Вместе с тем в контексте исполнения договорных обязательств из корпоративных соглашений обращение к традиционным мерам гражданской ответственности характеризуется определенной спецификой. Возмещение убытков, как правило, не пользуется особой популярностью из-за трудоемкого процесса доказывания, а взыскание неустойки в соответствии с п. 1 ст. 314 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) не всегда в полной мере обеспечивает имущественные интересы лица, чье право нарушено.

Отличительный характер отношений, связанных с участием в юридических лицах или с управлением ими, отражается на последствиях нарушения условий корпоративного соглашения, которые не всегда могут быть трансформированы в денежный эквивалент. В связи с этим негативные последствия нарушения условий корпоративного соглашения могут выражаться не только в причинении ущерба, но и, например, в невозможности достижения целей деятельности юридического лица.

Случаи, когда нарушение права имеет неимущественный характер, встречаются достаточно часто. Защита права стороны корпоративного соглашения с помощью использования существующих мер гражданско-правовой ответственности в подобных ситуациях представляется неэффективной. Вариант решения данного вопроса видится в использовании специального регулирования мер ответственности сторон корпоративного соглашения.

К примеру, российским законодателем в п. 7 ст. 32-1 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» предусмотрена специальная мера корпоративной ответственности: выплата компенсации.

В литературе встречается мнение, что компенсация является разновидностью договорной неустойки, соответственно, к ней будут применяться правила о возможности снижения размера выплаты судом. Невозможность подтвердить или опровергнуть данную точку зрения связана с отсутствием правоприменительной практики. Если суды пойдут по пути признания компенсации разновидностью неустойки, размер выплаты может быть снижен, что не соотносится с определением компенсации как «твердой денежной суммы». В случае применения к компенсации норм о возможности снижения установленной в соглашении денежной суммы, возникнет вопрос об обоснованности выделения данной меры ответственности в качестве самостоятельной.

На наш взгляд, закрепление в законодательстве выплаты компенсации наравне со взысканием неустойки образует некоторую неопределенность в использовании данных мер ответственности, так как правовая природа компенсации тождественна правовой природе неустойки.

Отметим, что в белорусском законодательстве не предусмотрена такая мера ответственности за нарушение условий корпоративного соглашения, как выплата компенсации. С одной стороны, это исключает возможность ее применения в связи с положениями ст. 11 ГК, где указано, что защита гражданских прав может осуществляться только теми способами, которые предусмотрены законодательством. С другой стороны, компенсация может быть квалифицирована судом как разновидность договорной неустойки, что по аналогии повлечет возможность снижения ее размера. По нашему мнению, выделение компенсации в качестве самостоятельной меры ответственности будет оправданно только в случае ее прямого законодательного закрепления с указанием невозможности снижения размера выплаты судебными инстанциями.

Таким образом, с учетом специфики корпоративных отношений является целесообразным закрепить в законодательстве специальную меру ответственности сторон корпоративного соглашения, а именно, определяемую сторонами соглашения компенсацию за нарушение неимущественного права в виде твердой денежной суммы.

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Аджиева А. В.

ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДОГОВОРА СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА

Аджиева Анастасия Вадимовна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, nastya002543@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Короткевич М. П.

В настоящее время остро стоит вопрос сокращения рождаемости, данная проблема объясняется в основном увеличением количества бесплодных пар. Однако медицина не стоит на месте и решает данные проблемы с помощью вспомогательных репродуктивных технологий, которые представляют собой методы лечения бесплодия, при применении которых отдельные или все этапы зачатия и раннего развития эмбрионов осуществляются вне материнского организма (в том числе с использованием донорских и (или) криоконсервированных половых клеток, тканей репродуктивных органов и эмбрионов, а также суррогатного материнства). Среди таких возможностей выделяется прежде всего суррогатное материнство. Данное медицинское явление собирает вокруг себя огромное количество споров по поводу правовой природы договора, опосредующего данные отношения.

Статья 1 Закона Республики Беларусь от 7 января 2012 г. «О вспомогательных репродуктивных технологиях» (далее – Закон) содержит определение суррогатного материнства – вид вспомогательных репродуктивных технологий, заключающийся в соединении сперматозоида и яйцеклетки, изъятых из организма генетической матери, или донорской яйцеклетки вне организма женщины, развитию образовавшегося в результате этого соединения эмбриона, дальнейшем переносе данного эмбриона в матку суррогатной матери, вынашивании и рождении ею ребенка. В Беларуси суррогатное материнство применяется на основе договора суррогатного материнства. Закон не содержит как такового определения понятия «договор суррогатного материнства», а всего лишь закрепляет стороны договора. Однако доктрина более ответственно подходит к данному вопросу, но все же до сих пор не выработала единого определения. Н. С. Байбороша в своих работах дает такое определение: «Договор суррогатного материнства – соглашение между суррогатной матерью и генетической матерью, предметом которого является оказание суррогатной матерью услуги по имплантации эмбриона, вынашиванию и рождению ребенка, зачатого из яйцеклетки, изъятых из организма генетической матери». Как можно заметить, определение договора суррогатного материнства строится на сторонах данного договора, а также на определении суррогатного материнства, которое дается в законодательстве. Таким образом, в настоящее время существует определенный пробел в законодательстве, так как определение данного термина не дается в законодательстве.

Определенные трудности прослеживаются также и в установлении правовой природы договора суррогатного материнства. Существует дискуссия по поводу того, к какой отрасли относить данный договор, является ли он гражданско-правовым или семейно-правовым. При анализе отношений, которые устанавливает договор суррогатного материнства, прослеживается их комплексный характер. Договор суррогатного материнства закрепляет отношения, которые регулируются нормами гражданского и семейного законодательства. Договор суррогатного материнства закрепляет имущественные и неимущественные отношения. Имущественными отношениями являются: оплата услуг суррогатной матери, содержание суррогатной матери во время беременности и т. д.; что касается неимущественных отношений, то это установление отцовства и материнства, вынашивание ребенка и т. д. Имущественные отношения регулируются нормами гражданского законодательства, а неимущественные – семейным. Отношения, вытекающие из договора суррогатного материнства, регулируются общими положениями о договорах, которые закрепляются гражданским правом. Все же ряд положений договора суррогатного материнства регулируется нормами семейного права, о которых говорилось выше. Указанное позволяет сделать вывод о комплексности данного договора и о его межотраслевом характере.

Таким образом, в Республики Беларусь законодательством не закрепляется определения такого понятия, как «договор суррогатного материнства», что приводит к большому числу дискуссий. Чаще всего в доктрине ученые-юристы дают определение договору суррогатного материнства через упоминание сторон и их обязанностей, а также определения суррогатного материнства. Правовая природа договора суррогатного материнства также создает дискуссию, что обусловлено комплексностью регулируемых отношений. Подводя итог, можно сказать, что договор суррогатного материнства имеет смешанный (комплексный) характер.

Березняцкая Т. С.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУБЪЕКТНОГО СОСТАВА БРАЧНОГО ДОГОВОРА

*Березняцкая Татьяна Сергеевна, студентка 3 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь, mir-cop@mail.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Короткевич М. П.

С момента вступления в силу Закона Республики Беларусь от 20.07.2006 № 164-З «О внесении изменений и дополнений в Кодекс Республики Беларусь о браке и семье» наравне с супругами право заключать брачный договор получили лица, вступающие в брак, что повлекло возникновение неопределенности в установлении субъектного состава брачного договора. Связано это с тем, что в законодательстве не регламентирована категория «лица, вступающие в брак».

Следует отметить, что в семейном праве Российской Федерации также существует пробел в данной области, что позволяет ссылаться на исследования российских ученых. Так, можно выделить два доктринальных подхода к определению понятия «лица, вступающие в брак». В соответствии с первым из них под лицами, вступающими в брак, следует понимать лиц, которые подали заявление о регистрации заключения брака в органы, регистрирующие акты гражданского состояния (Д. А. Ласковенко, Л. А. Лавникевич, Н. Е. Костина). Сторонники второго подхода признают за лицами, вступающими в брак, также и тех, кто имеет намерение подать заявление о регистрации заключения брака в будущем (А. В. Мыскин, Е. Н. Кондратьева, П. В. Крашенников).

Полагаем, белорусский законодатель придерживается позиции, в силу которой факт подачи заявления о регистрации заключения брака для заключения брачного договора не имеет значения. Данное утверждение следует из п. 56 Инструкции о порядке совершения нотариальных действий, утвержденной постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 23.10.2006 № 63. Согласно указанному пункту при удостоверении брачного договора, заключенного между лицами, вступающими в брак, нотариус не истребует документы, подтверждающие это.

Такой подход видится не в полной мере целесообразным, поскольку, как минимум, законодатель не предусмотрел механизм определения надлежащих субъектов заключения брачного договора, тем самым допустил ситуацию, когда такой договор может быть заключен между лицами, имеющими препятствие к заключению брака. Последствием заключения брачного договора такими субъектами является невозможность вступления договора в силу. Исходя из этого, право заключать брачный договор стоит признать только за лицами, подавшими заявление о регистрации заключения брака.

Законодатель не устанавливает минимальный возраст, по достижении которого лицо может заключать брачный договор. По нашему мнению, необходимость в заключении брачного договора несовершеннолетними лицами возникает только в случае наличия оснований для снижения брачного возраста. В противном случае заключение брачного договора, во-первых, не соответствует целям заключения брачного договора, во-вторых, требует в последующем внесения изменений и дополнений или расторжения данного договора и заключения нового. В связи с этим считаем правильным предоставить право заключать брачный договор только несовершеннолетним лицам, которые имеют основание для снижения брачного возраста и, исходя из этого, вступают в брак до достижения совершеннолетия.

Следующее, на что хотелось бы обратить внимание, – это проблема отнесения недееспособных и ограниченно дееспособных лиц к субъектам брачного договора. В научной литературе указывается, что к сторонам брачного договора предъявляются те же требования, что и к лицам, вступающим в брак. Следовательно, недееспособное лицо не может являться субъектом брачного договора. Однако на практике возможны ситуации, когда брачный договор был заключен супругами до признания одного из них

недееспособным. Учитывая тот факт, что брачный договор, заключенный дееспособным лицом, имеет силу, а также возможные изменения обстоятельств после заключения договора, следует предоставить опекуну стороны брачного договора либо органу опеки и попечительства право на изменение или расторжение брачного договора.

Кодекс Республики Беларусь о браке и семье не содержит особенностей заключения брака, брачного договора лицами, дееспособность которых ограничена по правилам гражданского законодательства. Учитывая, что в брачном договоре стороны могут предусмотреть личные неимущественные права и обязанности, ограничения гражданского законодательства для таких лиц по заключению сделок не могут быть в полной мере применены к брачному договору. Считаем, что вопрос относительно возможности заключения брачного договора ограниченно дееспособными лицами должен быть урегулирован Кодексом Республики Беларусь о браке и семье.

Таким образом, анализ требований законодательства к субъектам брачного договора позволил выявить ряд теоретических и практических проблем, устранение которых возможно путем внесения предложенных изменений и дополнений в семейное законодательство.

Кондратенкова К. А.
ОБУЧЕНИЕ ДЕТЕЙ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ПРОДЛЕНИЯ СРОКА
СУЩЕСТВОВАНИЯ ОБЯЗАННОСТИ РОДИТЕЛЕЙ
ПО СОДЕРЖАНИЮ ДЕТЕЙ

*Кондратенкова Кристина Александровна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
kristina.kondratenkova@bk.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Короткевич М. П.

Кодекс Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС) закрепляет обязанность родителей по предоставлению содержания несовершеннолетним детям, нуждающимся в помощи нетрудоспособным совершеннолетним детям. Исполнение этой обязанности гарантируется возможностью принудительного взыскания соответствующих средств на содержание с родителей в судебном порядке и возникновением в связи с этим алиментных обязательств (ч. 1 ст. 88 КоБС, ч. 1 ст. 91 КоБС).

Исходя из анализа ч. 1 ст. 115 КоБС, субъекты, которые заключили соответствующее соглашение, вправе самостоятельно определить момент прекращения алиментного обязательства. Однако не всегда стороны предусматривают такое условие и в результате действует общее правило – прекращение алиментного обязательства в связи с достижением ребенком совершеннолетия или в случае приобретения несовершеннолетними детьми полной дееспособности до достижения ими совершеннолетия.

Часть 2 ст. 115 КоБС предусматривает исчерпывающий перечень оснований прекращения выплаты алиментов, взыскиваемых в судебном порядке, в частности достижение ребенком совершеннолетия. Исключением

из данного основания является нуждаемость и нетрудоспособность совершеннолетнего ребенка, однако восстановление трудоспособности или прекращение нуждаемости в помощи получателя алиментов также является одним из оснований прекращения алиментного обязательства.

В связи с вышесказанным возникает следующая проблематика: все ли дети, являющиеся трудоспособными, по достижении ими совершеннолетия перестают быть нуждающимися в соответствующем содержании от своих родителей? Большая часть из них продолжают свою учебную деятельность, поступая в учреждения высшего, среднего специального образования, учреждения образования, реализующие образовательные программы профессионально-технического образования. В такой ситуации положение совершеннолетнего остается прежним, а зачастую даже ухудшается, поскольку поступление на платную форму обучения или переезд в связи с поступлением в иной населенный пункт, влечет дополнительные затраты. В связи с этим ребенок, достигнув совершеннолетия, может оказаться в тяжелом материальном положении независимо от наличия или отсутствия стипендии.

Таким образом, представляется необходимым предусмотреть в КоБС определенное исключение, в соответствии с которым следует продлить срок существования обязанности родителей по содержанию своих детей, а, соответственно, срок существования возможности возникновения алиментного обязательства, но с учетом всех обстоятельств в каждой конкретной ситуации.

Предлагаем уточнить перечень имущественных обязанностей родителей, дополнив ч. 1 ст. 88 КоБС и изложив ее в следующей редакции:

«К имущественным правам и обязанностям родителей относятся:

права и обязанности по управлению делами и имуществом несовершеннолетних детей;

обязанности по предоставлению содержания несовершеннолетним детям, нуждающимся в помощи нетрудоспособным совершеннолетним детям;

обязанности по предоставлению содержания нуждающимся в помощи трудоспособным совершеннолетним детям, не достигшим 23 лет, обучающимся в учреждениях образования Республики Беларусь при получении ими первого высшего, первого среднего специального или первого профессионально-технического образования;

обязанности по возмещению расходов на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении.».

Часть первую ст. 91 КоБС изложить в следующей редакции:

«Родители обязаны содержать своих несовершеннолетних, нуждающихся в помощи нетрудоспособных совершеннолетних детей, нуждающихся в помощи трудоспособных совершеннолетних детей, не достигших 23 лет, обучающихся в учреждениях образования Республики Беларусь при получении ими первого высшего, первого среднего специального или первого профессионально-технического образования.».

Кроме того, ч. 2 ст. 115 КоБС следует дополнить следующим основанием прекращения алиментных обязательств: «по достижении совершеннолетним трудоспособным ребенком, обучающимся в учреждениях образования Республики Беларусь при получении им первого высшего, первого среднего специального или первого профессионально-технического образования, возраста 23 лет либо в связи с прекращением образовательных отношений (отчисление такого ребенка из учебного заведения или успешное освоение содержания соответствующей образовательной программы);».

Лактионова А. Ю.

ОСНОВАНИЯ ЛИШЕНИЯ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ

Лактионова Александра Юрьевна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, latisass@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Короткевич М. П.

Лишение родительских прав – исключительная мера семейно-правовой ответственности родителя за невыполнение или ненадлежащее выполнение родительских обязанностей, выражающаяся в утрате родителями всех прав, основанных на факте родства. Цель применения указанной санкции – не только наказать родителя за виновное невыполнение или ненадлежащее выполнение родительских обязанностей, но и защитить законные интересы ребенка.

В ст. 80 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС) закреплены основания лишения родительских прав. Родители могут быть лишены родительских прав, если:

- они уклоняются от выполнения обязанностей родителей. Родители должны осознавать, что они своим поведением лишают ребенка минимальных жизненных благ, необходимых для проживания и развития (родители материально не содержат ребенка, не заботятся о его здоровье, нравственном, психическом развитии, материально-бытовом обеспечении, обучении, подготовке к самостоятельной жизни, уклоняются от уплаты алиментов, без уважительной причины не проживают с ребенком).

- злоупотребляют родительскими правами и (или) жестоко обращаются с детьми. В п. 9 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 сентября 2002 г. № 7 «О судебной практике по делам о лишении родительских прав» под злоупотреблением родительскими правами следует понимать использование этих прав в ущерб интересам ребенка, например, создание препятствий в обучении, вовлечение в деятельность, носящую антиобщественный характер (склонение родителями своих детей к попрошайничеству, вовлечение их в преступную деятельность, занятию проституцией, употреблению спиртных напитков или наркотиков). Указанный перечень не является исчерпывающим, так как последствия могут быть самыми разными: физическое насилие (побои, пытки), психическое насилие (унижение, оскорбление, запугивание). Жестокое обращение с детьми также является одной из наиболее опасных форм, заключающаяся в

недопустимых приемах воспитания, унижении достоинства. Так, например, ч. 4 ст. 69 Семейного кодекса Российской Федерации жестокое обращение указывает на осуществление физического и (или) психического насилия над детьми, покушением на их половую неприкосновенность. Полагаем, целесообразно конкретизировать рассматриваемое основание аналогичным образом в КоБС.

- ведут аморальный образ жизни, что оказывает вредное воздействие на ребенка. Данное основание выражается в бытовом пьянстве, занятии проституцией, в совершении преступлений и в других антиобщественных действиях. Дети, растущие в такой семье, видя образ жизни родителей, испытывают нравственные страдания, а впоследствии, как правило, сами ведут антиобщественный образ жизни. Ребенок из такой семьи трудно поддается педагогическому воздействию, не признает социальных ценностей, становится на путь совершения преступлений.

- отказались от ребенка и подали письменные заявления о своем согласии на усыновление при их раздельном проживании с ребенком. Для решения вопроса о лишении родительских прав при подаче родителями письменного заявления об отказе необходимо устанавливать причины отказа и их характер. Если, например, будет установлено, что мать ребенка страдает серьезным заболеванием либо находится в затруднительном материальном положении, эти могут быть признаны уважительными как основание лишения родительских прав.

- наличие оснований для отобрания ребенка у родителей после истечения шестимесячного срока с его отобрания. Законодатель установил родителям, ненадлежащим образом выполняющим свои обязанности по воспитанию и содержанию ребенка, испытательный срок, который является реальным шансом изменить свое поведение и отношение к ребенку, и в будущем выполнять свои родительские обязанности надлежащим образом. Если этого не произошло и нет оснований для возвращения ребенка в семью, то орган опеки и попечительства или учреждение, в котором находится ребенок, после вынесения комиссией по делам несовершеннолетних соответствующего решения предъявляют в суд иск о лишении родительских прав. Таким образом, отобрание ребенка может стать действием предупредительного характера.

Несмотря на то, что лишение родительских прав достаточно полно урегулировано, считаем целесообразным дополнить ст. 80 КоБС такими самостоятельными основаниями для лишения родителей родительских прав как хронический алкоголизм и наркомания, так как в семьях хронических алкоголиков (наркоманов) создается реальная угроза для физического, психического, нравственного развития ребенка, а также норму о жестоком обращении с ребенком. Закрепление в законе указанных положений позволит расширить перечень оснований для применения исключительной меры семейно-правовой ответственности к родителям.

Лищенко Е. Я.

УСТАНОВЛЕНИЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДЕТЕЙ, РОЖДЕННЫХ В РЕЗУЛЬТАТЕ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА

*Лищенко Елена Ярославовна, студентка 3 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь, olishenko@list.ru*

Научный руководитель: ст. преподаватель Русенчик Т. М.

По общему правилу, правоотношения между родителями и детьми основываются на происхождении ребенка. Если при естественном рождении ребенка основанием возникновения правового статуса родителя является сам факт рождения, то в отношениях суррогатного материнства возникает ситуация правовой неопределенности: кто и в каком порядке признается родителями рожденного ребенка. Законодательство стран, в которых разрешено суррогатное материнство, допускает различные подходы к вопросу установления происхождения детей от матери при реализации суррогатного материнства. В праве Республики Беларусь закреплена презумпция материнства генетической матери ребенка, рожденного суррогатной матерью. В правовой доктрине подчеркивается разумность и обоснованность данного подхода, а также прогнозируемость и стабильность обеспеченных им правоотношений при реализации суррогатного материнства.

Белорусский законодатель также закрепил презумпцию отцовства мужа генетической матери. Согласно ч. 1 ст. 52 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС) отцом ребенка, рожденного суррогатной матерью, признается супруг генетической матери. Если же генетическая мать не состоит в браке с отцом ребенка, или в случае если мать ребенка состоит в браке с другим лицом, отцовство может быть установлено в добровольном порядке на основании документов, приведенных в ч. 5–6 ст. 51 КоБС.

На данный момент в Республике Беларусь при определении матери ребенка, рожденного суррогатной матерью, возникает следующая ситуация: согласно ч. 5 ст. 52 КоБС матерью ребенка, рожденного суррогатной матерью, признается женщина, заключившая с суррогатной матерью договор суррогатного материнства, т. е. его генетическая мать. Однако в соответствии с ч. 1 ст. 51 КоБС происхождение ребенка от матери устанавливается на основании факта рождения, удостоверенного медицинской справкой организации здравоохранения, которая выдается женщине, родившей ребенка, т. е. в нашем случае суррогатной матери.

Учитывая, что в случае рождения ребенка суррогатной матерью медицинская справка, подтверждающая факт рождения, выдается не генетической, а суррогатной матери, некоторые авторы отмечают коллизию сложившихся правоотношений, в связи с чем предлагают справку о рождении ребенка выдавать не суррогатной матери, а генетической матери ребенка.

С одной стороны, наделение медицинской организации, осуществляющей сопровождение программ суррогатного материнства, полномочиями по удостоверению происхождения ребенка от фактического(их) родителя(ей) с последующей выдачей медицинской справки может послужить констатацией

успешно проведенной программы суррогатного материнства и подтверждения генетической связи ребенка с одним или обоими фактическими родителями. Указанное может быть особенно актуальным при реализации суррогатного материнства с иностранным элементом, поскольку предоставит иностранцам дополнительные гарантии, подтверждающие их генетическую связь с ребенком, рожденным суррогатной матерью, и упростит для них совершение административных процедур в иностранном государстве.

С другой стороны, данный подход не представляется в достаточной мере целесообразным. Стоит помнить, что не исключены случаи рождения суррогатной матерью мертвого ребенка либо смерти ребенка через некоторое время после рождения. Данное обстоятельство может быть вызвано разными факторами как объективного, так и субъективного характера и повлечет невозможность выполнения суррогатной матерью своих обязательств по договору суррогатного материнства. В таком случае суррогатная мать будет нуждаться в медицинском документе, непосредственно подтверждающем факт рождения ребенка. Стоит отметить и проблематику регламентации вопроса ответственности за ребенка, рожденного суррогатной матерью, в случае развода, смерти супругов, являющихся стороной договора суррогатного материнства. Например, в случае смерти обоих супругов и отказа их близких родственников усыновить родившегося ребенка представляется разумным установление возможности передачи суррогатной матери по ее желанию данного ребенка, а в случае ее отказа – на попечение государства.

Исходя из вышеизложенного, полагаем, все медицинские документы, связанные с вынашиванием и рождением ребенка, должны выдаваться именно суррогатной матери, а не женщине, которая фактически ребенка не рожала.

Таким образом, при совершенствовании правового регулирования вопроса установления происхождения ребенка, рожденного в результате суррогатного материнства, интерес могут представлять нормы, закрепляющие выдачу медицинской справки в исключительных случаях, например, при участии иностранного элемента в отношениях суррогатного материнства, а также нормы, регламентирующие ответственность за ребенка в случае смерти или развода фактических родителей.

Лынько А. А.

ПРОБЛЕМЫ ИЗМЕНЕНИЯ И РАСТОРЖЕНИЯ ДОГОВОРА СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА

*Лынько Ангелина Александровна, магистрант 1 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
angelinalynko2930@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Короткевич М. П.

На сегодняшний день в национальном законодательстве нет специальных норм, регулирующих изменение и расторжение договора суррогатного материнства. Изменение и расторжение договора суррогатного материнства осуществляется в соответствии с положениями Гражданского

кодекса Республики Беларусь (далее – ГК), которые предусматривают общие основания изменения и расторжения договора (ст. 420 и 421). В связи с этим допустимо изменение и расторжение договора суррогатного материнства (если иное не предусмотрено ГК и иными актами законодательства или договором) по соглашению сторон. Кроме того, по требованию одной из сторон договор может быть изменен или расторгнут по решению суда при существенном нарушении договора другой стороной, а также в иных случаях, предусмотренных ГК и иными актами законодательства или договором, в частности, в связи с существенным изменением обстоятельств. ГК предусматривает возможность и одностороннего отказа от исполнения договора полностью или частично, когда такой отказ допускается законодательством или соглашением сторон. В связи с указанным видится актуальным уточнить действие таких норм, а в некоторых случаях и ограничить их применение в отношении договора суррогатного материнства.

Специальным нормативным правовым актом, регулирующим отношения, возникающие при применении вспомогательных репродуктивных технологий, выступает Закон Республики Беларусь от 7 января 2012 г. «О вспомогательных репродуктивных технологиях» (далее – Закон о ВРТ). Нормы Закона о ВРТ не устанавливают порядка и особенностей расторжения, изменения договора суррогатного материнства.

В связи с указанным во избежание злоупотреблений со стороны сторон договора предлагаем дополнить Закон о ВРТ ст. 23¹ следующего содержания:

«Статья 23¹. Основания изменения и расторжения договора суррогатного материнства.

Договор суррогатного материнства может быть изменен и расторгнут по соглашению сторон до наступления беременности суррогатной матери.

Договор суррогатного материнства может быть расторгнут по инициативе одной из сторон договора лишь до наступления беременности суррогатной матери либо при необходимости прерывания беременности по медицинским показаниям.

Договор суррогатного материнства может быть изменен по инициативе генетической матери или женщины, воспользовавшейся донорской яйцеклеткой в случае:

- нарушения суррогатной матерью обязанности по выполнению предписаний лечащего врача, а также представлению генетической матери или женщине, воспользовавшейся донорской яйцеклеткой, и ее супругу информации о состоянии своего здоровья и состоянии здоровья вынашиваемого ребенка;

- предоставления суррогатной матерью ложной информации о своем состоянии здоровья и состоянии здоровья ребенка;

- непроживания суррогатной матери по адресу, оговоренному в договоре.

Договор суррогатного материнства может быть изменен по инициативе суррогатной матери в случае:

- невыполнения обязанности по несению расходов по беременности и родам генетической матерью, женщиной, воспользовавшейся донорской яйцеклеткой;

- невыполнения обязанности генетической матерью, женщиной, воспользовавшейся донорской яйцеклеткой, по созданию необходимых условий для проживания суррогатной матери».

Кроме того считаем, что Закон о ВРТ следует дополнить правом суррогатной матери отказаться от исполнения договора. Предлагаем дополнить ч. 1 ст. 23 абзацем следующего содержания: «суррогатная мать имеет право на отказ от исполнения договора до наступления беременности, а в более поздний период – лишь по медицинским показаниям».

Внесение указанных дополнений в законодательство, регулирующее применение вспомогательных репродуктивных технологий, позволит обеспечить единообразие правоприменения, исключит возможность злоупотребления сторонами договора принадлежащими им правами. В первую очередь это касается пресечения злоупотреблений со стороны потенциальных родителей, так как в данных отношениях суррогатная мать является достаточно уязвимой стороной договора.

Панченко К. А.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДОГОВОРА СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА

Панченко Кристина Анатольевна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, k_ranchenko00@mail.ru

Научный руководитель: старший преподаватель Русенчик Т. М.

Суррогатное материнство – вид вспомогательных репродуктивных технологий, основной целью которого является помощь семьям или незамужним женщинам, по медицинским причинам не способным выносить и родить ребенка. Основанием возникновения правоотношений, вытекающих из суррогатного материнства, является договор. Определение правовой природы договора влияет на то, в каком нормативном правовом акте должно быть закреплено правовое регулирование отношений, вытекающих из данного договора. В доктрине существует три основных подхода к определению правовой природы рассматриваемого договора: он является гражданско-правовым, семейно-правовым или договором особого рода.

Для определения правовой природы договора важно понимать его сущность. Ввиду отсутствия легального определения договора суррогатного материнства в законодательстве Республики Беларусь, с учетом имеющихся норм-определений, а также иных положений и их анализа можно предложить следующее понятие: «договор суррогатного материнства – соглашение, заключенное в письменной форме и подлежащее нотариальному удостоверению, по которому одна сторона – суррогатная мать оказывает другой стороне – генетической матери или женщине, воспользовавшейся донорской яйцеклеткой, услуги по вынашиванию и рождению ребенка за вознаграждение или безвозмездно». Согласно первому подходу к определению правовой природы договора суррогатного материнства он является гражданско-правовым, поскольку соответствует всем свойственным ему юридическим признакам: стороны должны обладать дееспособностью к

заключению договора, воля сторон должна совпадать с их волеизъявлением, содержание и форма должны соответствовать требованиям законодательства.

Кроме этого, в предмет договора суррогатного материнства входят имущественные отношения, связанные с оплатой услуг, оказываемых суррогатной матерью и возмещением расходов суррогатной матери. Теоретики полагают, что именно это делает договор суррогатного материнства наиболее близким к гражданско-правовому договору возмездного оказания услуг (глава 39 Гражданского кодекса Республики Беларусь). Однако, на наш взгляд, является недопустимым считать отнесение рассматриваемого договора к категории гражданско-правовых лишь на основании данного предметного критерия, поскольку он может заключаться и на безвозмездной основе (в случаях, когда суррогатная мать является родственницей генетической матери или женщины, воспользовавшейся донорской яйцеклеткой, либо родственницей супруга генетической матери или женщины, воспользовавшейся донорской яйцеклеткой).

Наиболее существенным критерием определения договора суррогатного материнства как гражданско-правового можно считать применение норм гражданско-правовой ответственности к отношениям, возникающим в случае отказа от исполнения или ненадлежащего исполнения договора (например, за несоблюдение суррогатной матерью предписаний врача или несвоевременную оплату фактическими родителями услуг, оказанных им суррогатной матерью). В данной ситуации, ввиду недостаточного развития института семейно-правовой ответственности в данной области, применение норм гражданского права представляется наиболее целесообразным.

В соответствии со вторым подходом договор суррогатного материнства имеет семейно-правовую природу в силу особенностей предмета договора и его субъектного состава. Помимо имущественных отношений, договор суррогатного материнства также регулирует неимущественные отношения, связанные с вынашиванием и рождением ребенка, установлением материнства и отцовства, которые подпадают под сферу регулирования семейного права. Ввиду специфики, выраженной в сторонах договора, может возникнуть очевидное противоречие: суррогатная мать и генетическая мать или женщина, воспользовавшаяся донорской яйцеклеткой, не вступают в семейные правоотношения. В результате реализации суррогатного материнства возникают родительские правоотношения между генетическими родителями и ребенком, рожденным суррогатной матерью, а потому элемент регулирования возникающих отношений нормами семейного права, на наш взгляд, обязателен.

На основании изложенного отметим, что правовая природа договора суррогатного материнства предопределяется, во-первых, двойственной спецификой предмета рассматриваемого договора, во-вторых, комплексным применением норм семейного и гражданского права при его заключении, исполнении, изменении и расторжении. Таким образом, считаем наиболее рациональным и правильным третий подход, согласно которому договор суррогатного материнства следует относить к договорам особого рода.

ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Альхимович Д. В.

ПОНЯТИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК ПРАВОВОЙ КАТЕГОРИИ

*Альхимович Даниил Викторович, студент 1 курса Витебского
государственного университета имени П. М. Машерова, г. Витебск,
Беларусь*

Научный руководитель: старший преподаватель Сафонова Т. В.

Понятие искусственного интеллекта как правовой категории в период развития цифровой экономики имеет огромное значение. Так как понятие «искусственный интеллект» с одной стороны является для нас в некотором роде изученным, но по-прежнему вызывающим дискуссию у специалистов различных сфер деятельности. На наш взгляд, целесообразно изучить позицию по данному вопросу государств ближнего и дальнего зарубежья и закрепить понятие «искусственный интеллект» на уровне национального законодательства Республики Беларусь.

Впервые термин «artificial intelligence» предложил англоязычной публике на семинаре по исследованию методов решения логических задач американский информатик, профессор Принстонского и Стэнфордского университетов Джон Маккарти (1927–2011) в 1956 г. Сама же история вопроса уходит в глубокую древность и начинается ориентировочно в поэме древнегреческого поэта-сказителя Гомера (VIII–VII вв. до нашей эры), который в поэме «Илиада» упоминал о искусственных людях. В качестве «даты рождения» искусственного интеллекта как научного направления в советской России О. Е. Масленникова и И. В. Попова обозначают 1954 год, когда под руководством профессора А. А. Ляпунова начал работу семинар «Автоматы и мышление».

Указом Президента Российской Федерации от 10.10.2019 г. № 490 была утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта (далее – Стратегия), согласно которой искусственный интеллект – это комплекс технологических решений, позволяющий эмитировать когнитивные функции человека, включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Согласно п. 37 Стратегии, основными факторами развития технологий искусственного интеллекта являются увеличение объема доступных данных, в том числе данных, прошедших разметку и структурирование, и развитие информационно-коммуникационной инфраструктуры для обеспечения доступа к наборам таких данных.

Республикой Беларусь также взят курс на развитие и применение IT-технологий в различных сферах жизнедеятельности человека. Но всем нам необходимо понимать, что искусственный интеллект в первую очередь

должен помогать человеку, облегчать труд специалиста, но не заменять человека, обладающего сознанием и высоким уровнем интеллекта.

В Стратегии Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности до 2030 года, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь 24 ноября 2021 г. № 672 обозначена идея создания отдельного кодекса в сфере интеллектуальной собственности. Полагаем, в данном документе должно быть закреплено понятие искусственного интеллекта. В п. 7.22 постановления Национального статистического комитета Республики Беларусь от 9 сентября 2022 г. № 84 под искусственным интеллектом понимается комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека, и включающий в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение, процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений. Полагаем, данное определение может быть использовано при кодификации законодательства в сфере интеллектуальной собственности.

Закрепление искусственного интеллекта как правовой категории и его регулирование – сложная многоуровневая задача. Считаем целесообразным поэтапное рассмотрение данного вопроса с учетом требований современных реалий и курса развития Республики Беларусь.

Бабенко Н. А.

ОСОБЕННОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ПРАВА НА ИЗОБРЕТЕНИЕ, ОТНОСЯЩЕЕСЯ К ЛЕКАРСТВЕННОМУ СРЕДСТВУ

*Бабенко Надежда Андреевна, студентка 3 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
nadzeyababenka@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Ландо Д. Д.

Проблема защиты частного интереса и одновременного обеспечения общественного интереса является фундаментальной. Ряд исследователей (А. С. Ворожевич, В. В. Старженецкий, Р. Cullet) констатируют наличие противоречия между осуществлением исключительного права на изобретение и права человека на здоровье. Правовое регулирование осуществления исключительного права на изобретение, относящегося к лекарственному средству, имеет специфику ввиду стремления государства обеспечить баланс частных и общественных интересов.

Согласно ч. 2 п. 1 ст. 8 Закона Республики Беларусь от 16.12.2002 «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы» исключительное право на изобретение включает право использовать его по своему усмотрению, если это не нарушает прав других лиц, разрешать или запрещать его использование другим лицам. В соответствии со ст. 9

указанного Закона нарушением исключительного права патентообладателя признается использование изобретения без разрешения патентообладателя.

Специфика правового регулирования осуществления исключительного права на изобретение, относящегося к лекарственному средству, выражается в наличии в законодательстве перечня действий, не признаваемых нарушением исключительного права патентообладателя. Соответствующий перечень содержится в ст. 10 указанного Закона. Абзац 3 ст. 10 позволяет не признавать нарушением исключительного права патентообладателя проведение доклинических и клинических исследований лекарственного средства, содержащего изобретение, или эксперимента над таким лекарственным средством.

Статья 1 Закона Республики Беларусь от 20.07.2006 «Об обращении лекарственных средств» устанавливает, что доклинические и клинические исследования лекарственных средств проводятся в целях изучения его действия, доказательств безопасности для здоровья человека (доклиническое исследование), а также для получения доказательств эффективности препарата, данных о нежелательных реакциях организма человека на его применение и об эффекте его взаимодействия с другими препаратами или продуктами (клиническое исследование).

Срок регистрации воспроизведенных лекарственных средств (далее – генериков) напрямую зависит от времени, затраченного на проведение доклинических и клинических испытаний, отчеты о проведении которых являются обязательной частью регистрационного досье такого препарата (подп. 33–34 п. 1 Перечня документов, составляющих регистрационное досье, содержащегося в Приложении 1 к Положению о порядке и условиях осуществления государственной регистрации (подтверждения государственной регистрации) лекарственных средств), утвержденное постановлением Совета Министров от 01.04.2015 № 254 «О государственной регистрации (подтверждении государственной регистрации) лекарственных средств»)).

При этом в ч. 7 ст. 10 Закона «Об обращении лекарственных средств» не допускается использование в составе регистрационных досье генериков данных о результатах доклинических и клинических испытаний оригинальных лекарственных препаратов без письменного согласия владельцев таких данных в течение четырех лет с даты государственной регистрации в Республике Беларусь этих оригинальных лекарственных препаратов.

Сама по себе регистрация генерика в период действия исключительного права на изобретение, относящегося к оригинальному лекарственному средству, не признается нарушением исключительного права патентообладателя в Республике Беларусь. Оставляя за скобками дискуссию о том, насколько целесообразно допускать регистрацию генерика в период действия исключительного права на изобретение, относящегося к оригинальному лекарственному средству, отметим, что абз. 3 ст. 10 Закона «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы» позволяет ускорить такую регистрацию без получения согласия на использование результатов исследований оригинального препарата.

Бойко Е. А.

АККАУНТ КАК ВИРТУАЛЬНОЕ ИМУЩЕСТВО: ЗА ИЛИ ПРОТИВ?

Бойко Екатерина Анатольевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, law.boykoEA3@bsu.by

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Свадковская Е. А.

Под *аккаунтом* понимается учетная запись пользователя, создаваемая в момент регистрации в некотором виртуальном пространстве (социальной сети, онлайн-игре), предоставляющая право пользования сетью посредством логина и пароля. Проанализируем правовую природу аккаунта на предмет оснований для признания его проявлением виртуального имущества.

Сложность в определении объектов, охватываемых понятием виртуального имущества, заключается в том, что опираться можно лишь на его примерные признаки: нематериальный характер и экономическую ценность. Так, М. А. Рожкова, обсуждая систему виртуального имущества, к игровому имуществу и виртуальному имуществу в социальных сетях относит в том числе и аккаунты пользователей.

На данный момент отношения между пользователем и владельцем виртуального пространства, в том числе по поводу аккаунта, оформляются пользовательским соглашением, объединяющим в себе элементы лицензионного договора и договора оказания услуг. В доктрине озвучивается вывод о характеристике обсуждаемых правоотношений как обязательственных. Вследствие предоставления лицензиату права пользоваться рядом объектов интеллектуальной собственности лицензиара, а также установления некоторых дополнительных ограничений в части порядка использования учетной записи, указывается на связь правоотношений с обязательственными и исключительными правами. Далее следует определиться, обладает ли пользователь аккаунта имущественными правами на него. На первый взгляд, аккаунт определенно обладает экономической ценностью: в частности, онлайн-игроки, не желающие тратить большое количество сил и времени на развитие персонажа, прибегают к покупке аккаунта с уже накопленными виртуальными «активами» (не все многопользовательские онлайн-игры допускают оборот виртуального имущества между игроками внутри самого игрового пространства или на внешних торговых площадках). Но в рассматриваемом случае коммерческая ценность аккаунта состоит лишь в том виртуальном имуществе, которое пользователь данного аккаунта каким-либо образом приобрел.

В качестве контраргумента логично привести пример аккаунтов с большим количеством подписчиков, экономическая ценность которых заключается, в частности, в возможности размещения рекламы. В то же время популярность таких аккаунтов тесно связана с деловой репутацией человека или организации, определяющих содержание профиля аккаунта, а зачастую – и с личной репутацией публичной персоны. Очевидно, что при передаче такого аккаунта его экономическая ценность мгновенно начнет падать. Более того, отчуждение учетной записи представляется еще более затруднительным

вследствие уже упомянутой тесной связи с целым рядом нематериальных благ, которые по своей сути и в силу законодательства непередаваемы.

Так, мы приходим к выводу, что собственной экономической ценностью аккаунт не обладает, следовательно, нет оснований устанавливать имущественные права на доступ к аккаунту. Правовая природа рассматриваемых отношений содержит в себе некоторую публично-правовую составляющую. Каково же в таком случае место обсуждаемого права в системе прав?

Встречается мнение об отнесении аккаунтов к объектам интеллектуальной собственности, а также о признании за лицензиатом учетной записи прав на результаты интеллектуальной деятельности. В таких работах не учитывается различие понятий «аккаунт» и «профиль аккаунта», под которым понимается раздел социальной сети, содержащий часть информации, размещенной в аккаунте, доступный для ознакомления другим лицензиатам. Так, содержание профиля, например, фотографии и тексты, уже включены в соответствующую систему объектов прав на результаты интеллектуальной деятельности, а в качестве новых объектов интеллектуальной собственности можно рассмотреть лишь способ организации информации, описание профиля, а также по аналогии и внешний вид аватара в онлайн-играх (если игра технически допускает творческое участие пользователя).

Таким образом, аккаунт пользователя нельзя полноценно признать ни виртуальным имуществом, ни результатом интеллектуальной деятельности. Анализ правовой природы учетной записи демонстрирует неоднородность данного явления: во-первых, необходимо учитывать относительный и обязательственный характер отношений между лицензиаром и лицензиатом; во-вторых, профиль как неотделимый элемент аккаунта может рассматриваться как объект интеллектуальной собственности; в-третьих, аккаунт, особенно в социальной сети, включает в себя личные (персональные) данные, деловую репутацию, и по своей сути является персонификацией человека или организации в виртуальном пространстве. Подобная комплексность аккаунта свидетельствует о необходимости дальнейшего подробного доктринального анализа для целей взвешенного нормативного регулирования.

Топорова М. С., Голиков М. С.
ЗАЩИТА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ
В ЭПОХУ САНКЦИЙ ПРОТИВ РОССИИ

*Топорова Марина Сергеевна, Голиков Михаил Сергеевич студенты 1 курса
Марийского государственного университета, г. Йошкар-Ола, Республика
Марий Эл, marina.toporova.1110@gmail.com, mihail.SG@yandex.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Мокосеева М. А.

В Российской Федерации в содержание интеллектуальных прав включаются исключительное имущественное право, а также в предусмотренных законом случаях личные неимущественные права (ст. 1226

Гражданского кодекса Российской Федерации, далее – ГК РФ). Вместе с тем наблюдается ряд проблем в этой области. Существенными затруднениями осложняется и вопрос защиты интеллектуальных прав.

Известно, что ч. 1 ст. 44 Конституции Российской Федерации закрепляет законодательную охрану интеллектуальной собственности. В развитие этой нормы абз. 2 п. 1 ГК РФ содержит положение о праве обладателя результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации запрещать или разрешать другим их использование. Дополнительно оговаривается, что отсутствие запрета не считается согласием или разрешением, а потому незаконное использование влечет соответствующую юридическую ответственность.

Вместе с тем ст. 1272 ГК РФ говорит о том, что правомерное введение произведения (в том числе фильмов) в гражданский оборот Российской Федерации влечет возможность дальнейшего распространения оригиналов или экземпляров без согласия правообладателя и без выплаты ему вознаграждения. Как следствие, на данной почве нередко наблюдаются злоупотребления правом.

В связи со сложившейся геополитической обстановкой зарубежные компании (Universal, Disney, Warner Bros., Sony и др.) из стран, признанных недружественными (распоряжение Правительства РФ от 05.03.2022 № 430-р), ограничили доступ к интеллектуальным правам гражданам России, запретив пользоваться их интеллектуальной собственностью. В частности, это подтверждается потерей прибыли кинотеатров в связи с односторонним отказом от предоставления лицензии на кинопрокат зарубежных фильмов.

Российский законодатель, обращая внимания на массовый уход зарубежных компаний с рынка РФ, предлагает внести изменения в ст. 1362 ГК РФ, принудив лицензировать интеллектуальную собственность зарубежных компаний. Проект закона подразумевает два варианта получения лицензии. В первом случае защищаются юридические лица, которые при заключении договора с иностранными компаниями действовали добросовестно, в то время как зарубежные компании недобросовестно прекратили исполнение договора в одностороннем порядке. Во втором случае юридическое лицо может подать заявление в суд с просьбой получить лицензию на использование продукта интеллектуальной собственности. Важной особенностью будет являться то, что зарубежные интеллектуальные права будут защищены, а именно будет специально создан рублевый счет, на который будут поступать денежные средства от использования лицензии, если же компания будет действовать напрямую в Российской Федерации, то она может отозвать эту лицензию и уже заключать договоры сама.

Таким образом, нам представляется весьма правильным поддержать вышеизложенное законодательное предложение, поскольку оно является весьма приемлемым способом защиты прав граждан Российской Федерации.

Дубовик Н. А.

ОТКРЫТАЯ ЛИЦЕНЗИЯ НА МУЗЫКАЛЬНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

*Дубовик Нина Александровна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
dubovikninochka@yandex.by*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Иванова Д. В.

Определение лицензионного договора дано в Гражданском кодексе Республики Беларусь (далее – ГК): «лицензионным договором признается договор, в котором сторона, обладающая исключительным правом использования объекта интеллектуальной собственности (лицензиар), предоставляет другой стороне (лицензиату) разрешение использовать соответствующий объект интеллектуальной собственности» (ст. 985).

В Законе Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-З «Об авторском праве и смежных правах» (далее – Закон) в ст. 44 определение, данное ГК, конкретизировано для сферы регулирования Закона. Сторонами в этом случае будут лицензиар в лице автора или иного правообладателя объектов авторского права и смежных прав и лицензиат в лице пользователя данных объектов.

Существенными условиями являются: предмет договора, где обязательно закрепление конкретных способов использования музыкального произведения, указание на вид лицензии, срок действия договора и территория, на которой допускается использование объекта авторского права и смежных прав. Рассматриваемый договор по общему правилу возмездный, если иное не предусмотрено самим договором. Лицензионный договор должен быть заключен в письменной форме.

Особым видом лицензионного договора считается открытая лицензия. Последняя была закреплена в ст. 45 Закона в редакции Закона от 15 июля 2019 г. с целью приведения законодательства в соответствие со сложившейся практикой. Открытая лицензия, или публичная (свободная) лицензия, используется давно как в Республике Беларусь, так и в зарубежных странах.

Главным преимуществом открытой лицензии считают ее доступность. Для заключения такого договора требуется только ознакомление с условиями и начало использования объектов. Примером открытой лицензии на музыкальные произведения может быть использование многих музыкальных сервисов (Яндекс Музыка, iCloud и др.). Перед началом пользования данными сервисами пользователю предоставляется возможность ознакомления с условиями соглашения. В качестве одного из широко известных применяемых в мире договоров публичной лицензии можно назвать лицензии Creative Commons. Для удобства использования разработаны три слоя (языка) лицензий: «Legal Code» («юридический текст»), «Commons Deed» («краткое описание») и «Machine readable»-version («версия, читаемая машиной»).

В соответствии со ст. 45 Закона характерными особенностями открытой лицензии являются: открытая лицензия – это договор присоединения; начало использования объекта авторского права или смежных прав будет акцептом

условий открытой лицензии; открытая лицензия считается безвозмездной, если ее условиями не предусмотрено иное.

Применение открытых лицензий вызывает ряд проблем юридического характера. В частности, лицензиар, предоставивший открытую лицензию, вправе в одностороннем порядке полностью или частично отказаться от договора, если лицензиатом будут нарушены условия открытой лицензии. Так как открытая лицензия в отдельных случаях может быть возмездной, то при совершении данных действий лицензиар может лишиться той выгоды, которую он ожидал от договора. Особенностью ранее рассмотренных лицензий Creative Commons является то, что при расторжении в одностороннем порядке договора все, кто успели воспользоваться предоставленным музыкальным произведением до данного факта оставляют за собой права использования. В таком случае, лицензиар не имеет возможности изъять свое произведение из использования полностью, а лицензиаты могут воспользоваться своими правами в ущерб лицензиару. К примеру, передать на безвозмездной основе произведение третьим лицам.

Заключение открытой лицензии не отменяет возможность заключения других лицензионных договоров. По общему правилу открытая лицензия является безвозмездной, но другие лицензионные договоры могут носить возмездный характер. Лицензиатам выгоднее и они будут стремиться к заключению открытой лицензии без обязанности оплачивать использование музыкального произведения. Возможным решением данной проблемы может послужить закрепление выгодных для сторон условий в возмездном договоре и невозможность закрепления данных условий в открытой лицензии. Так, будет оправдан возмездный характер лицензионного договора с различными иными широкими возможностями для лицензиата, вместо открытой лицензии с ограничениями.

Это лишь некоторые из проблем, возникающих при применении открытых лицензий, которые показывают незащищенность прав авторов и иных правообладателей произведений, передаваемых в пользование. На наш взгляд, требуется анализ практики применения открытых лицензий и совершенствование механизмов защиты прав авторов и иных правообладателей.

Едчик Ж. А.

АВТОРСКОЕ ПРАВО В СФЕРЕ DIGITAL-ДИЗАЙН. КЛЮЧЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Едчик Жан Андреевич, аспирант БИП – Университета права и социально-информационных технологий, г. Минск, Беларусь, zhan_titulconsalt@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Стрижак М. С.

Развитие информационных технологий, переход к новым социальным и экономическим отношениям привело к тенденции смены авторами творческой площадки и производства контента (визуального составляющего) в цифровом формате, что вызвало ряд вопросов в сфере авторского права в

этом сегменте. Дизайн является мощным инструментом визуальной коммуникации и способом выражения идей автора. На сегодняшний день одним из популярных направлений в сфере дизайна является digital-дизайн.

Digital-дизайн – довольно широкое понятие, в которое входят различные виды дизайна (гейм-дизайн, web-иллюстрация, графический дизайн, моушн-дизайн, анимация и визуализация и т. д.). Особенностью digital-дизайна является то, что при работе дизайнеры используют такие цифровые инструменты, как Photoshop, InDesign, Figma, Illustrator, After Effects и др., а результат работы digital-дизайнера визуализируется в цифровом формате на различных цифровых платформах (мобильных приложениях, социальных сетях, на сайтах, в рекламе, мессенджерах, компьютерных играх). Результат работы digital-дизайна способствует тому, чтобы потребители совершали целевые действия (покупка товаров и услуг, повышение узнаваемости бренда и т. д.).

Работа, выполненная digital-дизайнером (например, графический дизайн для сайта) по заданию нанимателя или в порядке выполнения обязанностей, обусловленных контрактом (трудовым договором) в соответствии с п. 2 ст. 17 Закона Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-З «Об авторском праве и смежных правах» является служебной работой, исключительное право на результат работы принадлежит нанимателю, если иные условия не предусмотрены договором. Для исключения дальнейших споров в рамках «авторства на результат работы» нанимателю при работе с дизайнерами (авторами проекта) необходимо разрабатывать документы, определяющие трудовую функцию работника (должностная инструкция web-дизайнера, техническое задание на работу с подробным описанием творческой деятельности и т. д.).

В свою очередь, права на различные элементы графического дизайна, созданные автором не в рамках отношений с нанимателем, например, для своего портфолио, по умолчанию принадлежат автору, также у автора есть право предоставить лицензию другому пользователю на использование своей работы на основании так называемого «лицензионного договора».

Согласно ст. 985 Гражданского кодекса Республики Беларусь лицензии подразделяют на два вида: неисключительная лицензия и исключительная лицензия. Условия исключительной лицензии подразумевают право использования объекта интеллектуальной собственности с сохранением за дизайнером (автором) права его использования в части, не передаваемой лицензиату, но с отречением на права выдачи лицензии другим лицам. Неисключительная лицензия – лицензия, в рамках которой предусматривается предоставление лицензиату права на использование объекта интеллектуальной собственности с сохранением за дизайнером (автором) права его использования и права выдачи лицензии другим лицам. Таким видом лицензии, как правило, пользуются большинство известных фотостоков (хранилище фотографий и иллюстраций, с которого можно загрузить графику для дальнейшего использования, например, в web-дизайне). Стоит обратить внимание, что не во всех фотостоках используется

неисключительная лицензия. Иногда встречается такой вид исключительной лицензии, как лицензия с управляемыми правами, при которой пользователь может использовать графику (иллюстрации) с определенными ограничениями (в рамках определенной территории, запрет на использование иллюстраций в коммерческих целях, с отсутствием права на переработку).

Нельзя не отметить уязвимость авторских прав digital-дизайнера, учитывая свободный доступ к практически любой информации в сети Интернет. При возникновении споров по авторству в работе digital-дизайнеров, как правило, подтверждением авторства может служить исходный файл и его различные версии (с содержанием слоев, библиотеки стилей, блоков верстки). На сегодняшний день актуальным является развитие технических способов защиты имущественных и неимущественных прав авторов. Одним из передовых способов защиты, обеспечения охраны и подтверждения авторских прав является использование блокчейна, а также связанные с ним NFT (NFT – уникальный цифровой токен, представляющий объект авторского права, который существует в единственном экземпляре, вся информация об операциях с ним фиксируется в блокчейне, просмотр которую вы можете отследить владельца авторских прав, информацию по сделке с объектом авторского права и т. д.).

Резюмируя, можно сказать, что Digital-дизайн является одним из главных инструментов продвижения и движущей силой мировой индустрии дизайна. Несмотря на множество проблем, с которыми сталкиваются авторы в этой сфере, развитие новых технологий позволяют постепенно преодолеть все слабости защиты результатов творческой деятельности авторов.

Каминская К. Э.

ФИЗИЧЕСКИЕ ЛИЦА КАК СУБЪЕКТЫ ПРАВА НА ТОВАРНЫЙ ЗНАК

*Каминская Ксения Эдуардовна студентка 3 курса Казанского филиала
Российского государственного университета правосудия, г. Казань, Россия,
ks.kamenskaya@mail.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Барышев С. А.

Товарный знак является одним из самых распространенных видов объектов интеллектуальной собственности. Первоначально в законодательстве Российской Федерации товарный знак был направлен на индивидуализацию товаров, оказываемых услуг как для юридических, так и физических лиц.

Гражданский кодекс Российской Федерации определил, что товарные знаки могут быть зарегистрированы только юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями (далее – ИП), тем самым ограничив перечень субъектов, имеющих право на данное средство индивидуализации.

Это повлекло за собой некоторые правовые коллизии. Встал вопрос о возможности индивидуализации товаров и услуг плательщиков налога на профессиональный доход – так называемых «самозанятых» лиц. Фактически они были лишены возможности защитить свое исключительное право на обозначение при осуществлении предпринимательской деятельности.

Существует также проблема регистрации товарных знаков для адвокатов и нотариусов. Единым в регулировании их деятельности является то, что их деятельность не является предпринимательской и не преследует цели извлечения прибыли, поэтому на данный момент адвокатские объединения могут воспользоваться защитой своих обозначений, однако адвокат, занимающийся частной практикой, уже лишен такой возможности.

Отдельно следует отметить, что в соответствии с Мадридским соглашением о международной регистрации товарных знаков иностранные граждане могут приобретать товарные знаки на территории Российской Федерации. Это, безусловно, создает правовое неравенство между иностранными гражданами и гражданами Российской Федерации.

Еще одной проблемой является вопрос наследования. В случае если наследник ИП, которому принадлежал товарный знак, не зарегистрирован в качестве ИП, то средство индивидуализации подлежит отчуждению в течение 1 года. Данное обстоятельство ограничивает наследника в распоряжении исключительным правом в связи с его нежеланием заниматься предпринимательской деятельностью.

Летом 2022 г. произошли изменения правового режима регистрации товарных знаков, согласно которым право на регистрацию товарного знака приобретают физические лица. Такие изменения позволят обеспечить равенство правового положения российских и иностранных граждан в части возможности осуществления ими исключительных прав на товарный знак.

Однако приведенные выше изменения могут повлечь за собой и отрицательные последствия. Приобретая монополию на средство индивидуализации, законодатель предполагает, что гражданин имеет реальное намерение воспользоваться приобретенной монополией. Если лицо приобретает товарный знак без цели его фактического использования, осуществляя так называемый «патентный троллинг», либо при отсутствии объективной возможности его использовать, встает вопрос о добросовестности такого лица.

Можно сказать, что целью законодателя являлось устранение неравенства и прямого противоречия, которое могло быть реализовано только путем предоставления всем физическим лицам права владения товарным знаком. Достаточно радикальным усматривается полное исключение перечня субъектов, которые имеют право регистрировать товарный знак, однако, вероятно, это связано с тем, что могут появиться иные правовые режимы занятия предпринимательской деятельностью, в том числе для физических лиц. Данные нововведения закономерно предполагают появление особых правил или разъяснений высших судов во избежание недобросовестного использования такого средства индивидуализации, как товарный знак. В частности, при регистрации товарного знака физическим лицом целесообразной представляется оценка фактической возможности использования его в качестве средства индивидуализации или распоряжения в случае наследования.

Коротченко А. А.

ПЕРЕДАЧА ОРГАНИЗАЦИИ ЭФИРНОГО ИЛИ КАБЕЛЬНОГО ВЕЩАНИЯ: ОБЪЕКТ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

Коротченко Анастасия Анатольевна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, anakor2001@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Свадковская Е. А.

В соответствии со ст. 4 Закона Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. «Об авторском праве и смежных правах» (далее – Закон) под передачей организации эфирного или кабельного вещания понимается «передача в эфир или передача по кабелю звуков и (или) изображений для приема публикой, осуществляемые организацией эфирного или кабельного вещания или по ее заказу и за счет ее средств другой организацией». В свою очередь «передача в эфир» – это передача без использования провода и кабеля звуков и (или) изображений для приема публикой, включая передачу через спутник, а «передача по кабелю» – передача по проводам, радиочастотному или оптическому кабелю звуков и (или) изображений для приема публикой, включая трансляцию телепрограмм в системах кабельного телевидения и трансляцию радиопрограмм посредством проводных линий. Анализ данных определений оставляет открытым вопрос, что считать объектом правовой охраны.

Российские авторы, среди которых Г. Д. Уваркин, рассуждая на данную тему, предложили два подхода к объекту правовой охраны. Согласно первой гипотезе объектом правовой охраны выступает сигнал телерадиопрограммы, представляющий собой электрический сигнал программы телерадиовещания, технологические параметры которого определены вещателем согласно техническим нормам и стандартам. Причем не любой несущий программы сигнал мы можем признавать объектом охраны. В данном случае такой сигнал должен содержать программу, сформированную и смонтированную организацией вещания. В связи с тем, что деятельность организаций эфирного или кабельного вещания нельзя свести к созданию, расстановке, монтажу программ, ученые сделали вывод, что объектом прав вещательных организаций является сигнал, несущий программу.

Согласно другой точке зрения объектом правовой охраны признается контент, т. е. изображение, которое зритель непосредственно наблюдает на экране. Относительно идеи рассмотрения контента, т. е. изображения как объекта правовой охраны, И. Н. Ковалевич, отвечая на вопросы в рамках внесения изменений в Закон и являясь представителем рабочей группы по законопроекту, отмечал, что «на основе анализа гражданского законодательства приравниваются к результатам интеллектуальной деятельности только средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг. Электромагнитный сигнал таким средством не является и поэтому не может выступать объектом интеллектуальной собственности, в том числе объектом смежных прав. Не является он и объектом гражданских прав, закрытый перечень видов которых содержится в

ст. 128 ГК. К примеру, энергия, газ, нефть и нефтепродукты, вода являются объектами гражданских прав в силу главы 30 ГК, они отнесены к оборотоспособному имуществу – товарам, а электромагнитный сигнал – нет».

Обращаясь к международным нормам, Международная конвенция об охране прав исполнителей, производителей фонограмм и вещательных организаций от 26 октября 1961 г., именуемая Римской, признает объектом смежных прав сигнал. Однако нормы данной конвенции устанавливают объекты правом охраны интеллектуальной собственности – «публикацию», «воспроизведение», «передачу в эфир», «ретрансляцию», а не объекты гражданских прав, в том числе не объекты интеллектуальной собственности (И. Н. Ковалевич).

Проанализировав данные точки зрения, стоит отметить, что наиболее близкой кажется идея охраны контента, нежели электромагнитного сигнала. Важной составляющей изображения является его наполненность, поэтому стоило бы охранять прежде всего информацию и контент, а не сам сигнал и технические способы его передачи. В связи с этим передачу организации эфирного или кабельного вещания можно определить следующим образом: «передача, создаваемая самой организацией эфирного или кабельного вещания либо по ее заказу другой организацией за счет ее средств, как совокупность звуков и (или) изображений или их отображений для приема публикой».

Решение вопроса о соотношении терминов «передача организации эфирного или кабельного вещания», «передача в эфир», «передача по кабелю» возможно путем внесения изменений в Закон. Здесь стоит обратиться к Закону Федеративной Республики Германия от 9 сентября 1965 г. «Об авторском праве и смежных правах» по состоянию на 23 июня 2021 г., где схожий термин в разделе 5, содержащем нормы об охране прав телерадиокомпаний, «передача в эфир» заменен на «право транслировать». В связи с этим считаем обоснованным заменить термин «передача в эфир» термином «трансляция в эфир», соответственно термин «передача по кабелю» – термином «трансляция по кабелю».

Внесение данных изменений и дополнений в ст. 4 Закона «Об авторском праве и смежных правах», по нашему мнению, будет способствовать совершенствованию правоприменительной практики и устранению пробелов и терминологических противоречий.

Кузьменкова К. Д.

ВНЕДРЕНИЕ КОНЦЕПТА СУВЕРЕННОЙ ЦИФРОВОЙ ЛИЧНОСТИ В МЕХАНИЗМ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

Кузьменкова Кристина Дмитриевна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, law.kuzmenkoKD@bsu.by

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Ядревский О. О.

Цифровая личность определяется как набор проверенных цифровых атрибутов и учетных данных для цифрового мира, аналогичных идентичности человека для реального мира в идеальном понимании, а также

онлайновая или сетевая личность (идентификация), принятая или заявленная в киберпространстве отдельным лицом, организацией или электронным устройством. Выделяют три модели цифровой личности (в том числе идентификации): централизованная (основанная на аккаунте личность), с участием третьей стороны и децентрализованная или суверенная.

Централизованная модель предполагает совокупность идентификаторов и учетных данных (паспорта, водительские удостоверения и т. д.), которые выдаются государством лицу, что размещаются и находятся в зависимости от сторонних платформ. Данная модель также носит название личности (идентификации), основанной на аккаунте сервис-провайдера в сети Интернет, что связано с ее содержанием: личности не существует без аккаунта в какой-либо централизованной системе, доступ к которому есть у сервис-провайдера. Отличие модели «объединенной личности» или «пользовательско-центричной идентификации» от централизованной состоит в том, что в отношениях между компанией с данными и пользователем посередине появляется новый провайдер. Когда пользователь заходит на какую-либо стороннюю платформу, он может запросить доступ и предоставить данные с промежуточного провайдера. Наибольшее применение данная модель нашла в потребительской сети Интернет. Недостатками данных моделей является отсутствие реального владения своими персональными данными, постоянные утечки данных, торговля ими, реклама, основанная на наблюдении.

На смену первых двух концептов цифровой личности в 2015 г. появилась основанная на технологии блокчейна децентрализованная личность или децентрализованная модель идентификации (математическая). Согласно этой модели, (полная) идентичность сущности на самом деле распределяется в различных частичных идентичностях, действительных в пределах разных доменов разных предприятий (организаций). Основное отличие данной модели в том, что она больше не полагается на централизованные либо на объединенные провайдеры учетных данных, а также то, что она больше не основана на аккаунтах. Содержание данного концепта в следующем: он работает как идентификация в реальном мире, т. е. модель основана на прямом взаимодействии субъекта и другого участника стороны в форме однорангового узла. Никто не может контролировать или владеть этими отношениями. Позднее данную модель личности назвали моделью или концептом суверенной цифровой личности (англ. – self sovereign identity, далее – SSI).

SSI определяется как: а) набор принципов о том, как идентичность и управление персональными данными должны работать через цифровые сети; б) набор технологий, которые опираются на основные концепции в управлении идентификацией, распределенное вычисление, блокчейн или технологию распределенной книги и криптографию; в) протокол идентификации. Хотя в настоящее время не существует глобального стандарта для реализации SSI, наиболее распространенные компоненты технологии SSI предлагаются Консорциумом World Wide Web3 и Фондом

децентрализованной идентификации. В общих чертах структура SSI состоит: 1) учетные или цифровые данные (англ. verifiable credentials); 2) «Треугольник доверия» – эмитент, владелец и верификатор; 3) цифровые кошельки; 4) цифровые агенты; 5) децентрализованные идентификаторы (англ. decentralized identifiers); 6) блокчейн и другие регистраторы учетных данных.

Несмотря на инновационность и сложность разработки технологии, на данный момент уже сформировалась определенная практика применения концепта SSI. В качестве положительной практики можно выделить следующие законодательные акты, регулирующие использование концепта SSI: Панканадская система доверия, Гражданский кодекс Калифорнии (для выпуска и хранения медицинских персональных данных), Европейская структура суверенной идентификации (eSSIF), внедрение Hyperledger Indy Правительством Британской Колумбии, Онтарио и Канады, разработка цифровой версии карты резидента Министерством внутренней безопасности США. Невзирая на признание на законодательном уровне SSI, по-прежнему существует юридическая и нормативная неопределенность, однако вопрос внедрения нового концепта цифровой личности постепенно становится приоритетным для государственных регуляторов и крупного бизнеса. SSI является эффективным не только с точки зрения нового уровня защиты персональных данных, но и с позиции сокращения государственной бюрократии, формирования более эффективной системы здравоохранения, выявления академического мошенничества, улучшения банковского обслуживания, помощи в создании более эффективной системы распределения гуманитарной помощи и помощи компаниям в предотвращении утечки персональных данных и штрафов согласно законодательству о защите персональных данных.

Приведенная в пример и проанализированная практика внедрения SSI в рамках защиты персональных данных зарубежных стран дает возможность спрогнозировать перспективы развития и сформировать перечень предложений, уместных в контексте правового механизма защиты персональных данных в Республике Беларусь.

Так, на наш взгляд, целесообразными будут следующие предложения:

- в действующих законодательных актах либо разработанном комплексном акте необходимо закрепить понятия электронной идентификации, эмитента, верификатора, учетных данных, сервис-провайдера (агента), цифровых кошельков, блокчейна, децентрализованных идентификаторов;

- обеспечить и легализировать применение SSI физическими лицами и юридическими частными и государственными лицами;

- описать механизмы управления элементами SSI;

Считаем необходимым проведение более детальных исследований и анализа данной сферы.

Купрейчик А. А.

ОБ ИСПОЛНЕНИИ АВТОРСКОГО ДОГОВОРА ЗАКАЗА

Купрейчик Александр Анатольевич, студент 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, kupresasha@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Свадковская Е. А.

В законодательстве Республики Беларусь регламентирована конструкция договора о создании и использовании объектов авторского права или смежных прав, который является договором о передаче исключительных прав на еще не созданное произведение или исполнение (ст. 46 Закона Республики Беларусь от 17.05.2011 «Об авторском праве и смежных правах» (далее – Закон)).

Договор, предусматривающий создание объекта авторского права и передачу исключительных прав на данный объект заказчику, в доктрине традиционно именуется авторским договором заказа.

По авторскому договору заказа одна сторона – автор – обязуется создать произведение науки, литературы, искусства и передать заказчику, не являющемуся его нанимателем, исключительное право на него в полном объеме на весь срок действия авторского права (модель «уступки») либо право его использования на ограниченное время определенными способами («лицензионная модель»).

Наряду с явными преимуществами авторского договора заказа – возможностью оформления разнородных обязательств одним договором и избрания одной из двух моделей построения договорных отношений – существует ряд проблемных вопросов, касающихся, в частности, его исполнения, в силу чего он получает небольшое распространение в договорной практике:

1. В Законе не содержится обязанности заказчика принять произведение или уведомить автора об его отклонении. Данное утверждение также актуально и для Гражданского кодекса (ГК) РФ. Тем не менее в ГК БССР 1964 г. были подобные нормы (ст. 503, 505).

По действующим нормам вряд ли можно понудить заказчика по авторскому договору заказа принять материальный носитель с воплощенным на нем произведением. В случае отказа заказчика от принятия произведения могут последствия в виде возмещения убытков за существенное нарушение договора (п. 5 ст. 423 ГК Республики Беларусь), однако в данном случае на автора как на более «уязвимую» сторону по договору, дополнительно возлагается в силу ч. 1 ст. 179 Гражданско-процессуального кодекса Республики Беларусь бремя доказывания факта «существенности» подобного нарушения. В этой связи подход советского законодателя представляется нам более разумным.

2. Действующие нормы не содержат каких-либо правил, касающихся порядка одобрения произведения и внесения в него исправлений в случае, если по каким-либо причинам произведение не будет соответствовать требованиям заказчика. То же характерно для ГК РФ.

На данный момент отношения сторон по доработке произведения могут регулироваться только их соглашением, что не всегда является оптимальным подходом с точки зрения соблюдения баланса их прав и интересов. Представляется, что для обеспечения интересов сторон и прежде всего автора, стоит закрепить нормы, касающиеся сроков рассмотрения и одобрения произведения заказчиком, определить пределы, в которых заказчик может потребовать от автора доработки произведения, регламентировать правовые последствия в случае отказа автора от доработки произведения. Стоит отметить, что ст. 503 ГК БССР 1964 г. и принятые на ее основании типовые договоры регулировали данные вопросы.

3. Законодательство не дает ответ на вопрос, может ли автор оставить себе копию материального носителя произведения. Понятно, что по авторскому договору заказа автор обязан передать заказчику оригинал материального носителя произведения. Тем не менее, если в отношении авторского договора заказа, построенного по «лицензионной» модели, вопроса о возможности оставления за автором копии материального носителя не возникает, то относительно авторского договора заказа, построенного по модели «уступки», не все так однозначно. В последнем случае автор после передачи заказчику произведения и получения вознаграждения перестает быть правообладателем, и, соответственно, использование им произведения, в том числе его копии, без отдельно оформленного соглашения лицензионного типа будет неправомерным.

4. Отсутствуют какие-либо законные гарантии, которые автор должен предоставить заказчику при исполнении авторского договора заказа. Так, представляется, что автор должен гарантировать, что произведение создано творческим трудом и без соавторов, и что передаваемое произведение не нарушает исключительные и личные неимущественные права, а также не содержит сведений, составляющих охраняемую законом тайну.

Таким образом, представляется, что решение вышеизложенных проблемных вопросов необходимо отразить на уровне Закона, в том числе с учетом особенностей отдельных видов объектов авторского права.

Логвинович Е. Д.

ОСОБЕННОСТИ ЛИЦЕНЗИОННОГО ДОГОВОРА, ЗАКЛЮЧЕННОГО ПОСРЕДСТВОМ СМАРТ-КОНТРАКТА

Логвинович Елена Дмитриевна, магистрант 1 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, l-logvinovich@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Иванова Д. В.

Статья 984 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) предусматривает передачу исключительных прав по договору, а также переход исключительных прав по наследству и в порядке правопреемства. Законодательством к договорам о передаче исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности относятся договор уступки исключительного права (исключительное право передается в полном объеме) и лицензионный

договор (исключительное право передается в объеме, определенном в договоре). Более подробно остановимся на лицензионном договоре.

Согласно п. 1 ст. 985 ГК по лицензионному договору сторона, обладающая исключительным правом использования объекта интеллектуальной собственности (лицензиар), предоставляет другой стороне (лицензиату) разрешение использовать соответствующий объект интеллектуальной собственности. Исходя из ч. 2 п. 1 ст. 401, ст. 985 ГК следует сделать вывод, что по общему правилу помимо тех условий, относительно которых должно быть достигнуто соглашение по заявлению одной из сторон, существенным условием лицензионного договора, общим для всех объектов интеллектуальной собственности, назван только его предмет. Из п. 1 ст. 985 следует, что предметом лицензионного договора является разрешение использовать соответствующий объект интеллектуальной собственности.

В соответствии с ч. 2 п. 1 ст. 985 ГК в случае, если сторонами лицензионного договора выступают коммерческие организации, по нашему мнению, существенным условием будет являться цена, если иное не предусмотрено законодательными актами.

Как отмечено ранее, лицензионный договор предполагает предоставление разрешения использования объекта исключительного права в определенном объеме. Так, для объектов авторского права и смежных прав отметим: в абз. 2 п. 1 ст. 44 Закона Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. «Об авторском праве и смежных правах» указывается, что в таком договоре должны быть предусмотрены конкретные способы использования объекта авторского права или смежных прав. Условия о сроках действия и территории, на которой допускается использование объекта авторского права или смежных прав, также должны содержаться в лицензионном договоре, исключение предусмотрено лишь для случая, когда авторский договор заключается автором.

Форма лицензионного договора не называется в ст. 985 ГК, на основании чего можем говорить, что в случае отсутствия указаний в специальном законодательстве, форма заключения лицензионного договора может быть устной. При этом отметим, что в п. 7 ст. 44 Закона Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. «Об авторском праве и смежных правах» предусмотрено, что лицензионный договор должен быть заключен в письменной форме, за некоторыми исключениями. Данная статья не говорит о каких-либо последствиях несоблюдения формы договора, на основании чего мы делаем вывод о действии общего правила – лишение стороны права в случае спора ссылаться в подтверждение сделки и ее условий на свидетельские показания (п. 1 ст. 163 ГК).

Отметим, что курс на развитие инструментов цифровой экономики в разных отраслях, принятый мировым сообществом и Республикой Беларусь, в частности, не мог не затронуть сферу интеллектуальной собственности. Все больше в последнее время звучит предложений относительно реализации такого инструмента цифровой экономики, как смарт-контракт, в рамках передачи прав на объекты интеллектуальной собственности. Возможна ли такая реализация в рамках лицензионного договора и какие новшества такая технология может привнести, если она возможна?

В Декрете Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» впервые представлена дефиниция понятия смарт-контракт в белорусском законодательстве. Из анализа некоторых существующих подходов к смарт-контракту отметим, что наиболее разумным видится определение смарт-контракта как формы гражданско-правового договора и в то же время способа его исполнения. Американский ученый Ник Сабо, впервые предложивший идею так называемых «умных договоров», отмечал, что смарт-контракты могут быть внедрены для заключения многих видов контрактов. Так, уже из сущности смарт-контракта можно говорить о возможности его применения в рамках лицензионного договора.

На наш взгляд, смарт-контракт может выполнять как способ исполнения лицензионного договора следующие функции:

- 1) установление (восстановление) доверия между сторонами договора;
- 2) обеспечение независимости и объективности исполнения договора;
- 3) гарантия справедливого вознаграждения правообладателей.

Отметим, что как форма заключения лицензионного договора, смарт-контракт не затрагивает содержания самого договора. Выходит, что описанные выше существенные признаки лицензионного договора при применении смарт-контракта останутся без изменения. Отдельные особенности, возможно, могли бы возникнуть лишь в связи со спецификой написания условий договора посредством кода, так как все условия лицензионного договора вряд ли могут быть представлены в виде простых условий «если...то», составляющих основу смарт-контракта. Во избежание неточностей составители смарт-контрактов нередко дублируют текст договора в текстовом виде либо уточняют ключевые моменты сделки в описании к смарт-контракту.

На данном этапе применение смарт-контракта в его «чистом» виде (без дублирования в текстовом либо электронном варианте) возможно только для определенного круга субъектов, среди которых резиденты Парка высоких технологий, пользователи системы идентификации, а именно Национальный банк, банки, небанковские кредитно-финансовые организации, ОАО «Банк развития Республики Беларусь», иные лица, осуществляющие финансовые операции (данные субъекты должны являться одной из сторон договора). В то же время применение смарт-контракта вместо простой письменной формы сделки иными субъектами будет вести к последствиям несоблюдения простой письменной формы сделки, если она была установлена.

В случае применения гибридной формы смарт-контракта (с применением текстового варианта договора), учитывая положения ст. 404 и 408 ГК, как минимум, оферта должна быть выражена в текстовом документе, в том числе в электронном виде. Акцепт, в свою очередь, с учетом положений п. 3 ст. 408 ГК может быть выражен не только подписанием оферты, но и, например, внесением на счет другой стороны денежной суммы, иным конклюдентным действием.

Таким образом, исполнение лицензионного договора посредством смарт-контракта, на наш взгляд, имеет ряд преимуществ обусловленных спецификой данной технологии.

Как форма заключения лицензионного договора, смарт-контракт не затрагивает содержания самого договора.

Лицензионный договор, заключенный посредством смарт-контракта, предполагает наличие в качестве одной из сторон договора строго определенного круга субъектов, а в случае несоблюдения данного условия смарт-контракт не будет выступать альтернативой простой письменной форме сделки.

На основании всего вышеизложенного, считаем целесообразным:

- *регламентировать применение программного кода (и в частности смарт-контракта) как вида простой письменной формы сделки на уровне Гражданского кодекса. При этом указать, что применение такого вида простой письменной формы сделки возможно лишь в случаях, предусмотренных законодательными актами;*

- *в перспективе расширить список субъектов, которые могли бы заключать договоры, в том числе лицензионные договоры, посредством смарт-контракта.*

Мозоль А. С.

ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ В ДОГОВОРЕ ФРАНЧАЙЗИНГА

Мозоль Антон Сергеевич, студент 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, law.mozolAS@bsu.by

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Ландо Д. Д.

Договор комплексной предпринимательской лицензии (франчайзинга) (далее – договор франчайзинга) заключается для предоставления права использования объектов интеллектуальной собственности, принадлежащих правообладателю, в форме лицензионного комплекса, организации системы сотрудничества, внедрения механизмов контроля и возможности ограничения деятельности контрагентов. Содержание договора как юридического факта составляет совокупность договорных условий. Различают три группы условий договора: существенные, обычные и случайные. К последней группе условий относятся, например, ограничительные условия в договоре франчайзинга, направленные на ограничение конкуренции сторон. По своей природе такие условия определяют дополнительные обязанности диспозитивного характера. Ограничительные условия (ограничения прав сторон по договору франчайзинга) находят свое отражение, в частности, в п. 1 ст. 910-5 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК). Законодатели Республики Армении и Российской Федерации используют аналогичную терминологию. Законодательство Украины содержит термин «особые условия», Республики Казахстан и Республики Узбекистан – «ограничительные (эсклюзивные) условия». Понятие «ограничительные условия» активно используется в научных публикациях по вопросам интеллектуальной собственности (С. С. Лосев, А. А. Еремин, А. А. Юрицын), но не является общепринятым термином в Республике Беларусь. Полагаем возможным сформулировать следующее определение указанного понятия:

условия договора франчайзинга об ограничении самостоятельной деятельности сторон взамен организации их взаимодействия для расширения рынка сбыта товаров (оказания услуг) и замены правообладателя пользователем в правоотношениях с третьими лицами на определенной территории.

Ограничительные условия договора франчайзинга в ряде случаев предусматриваются актами антимонопольного законодательства, целью которых является недопущение ограничения или устранения конкуренции на внутреннем рынке Республики Беларусь. Принятие 12 декабря 2013 г. Закона «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» (далее – Закон) обусловило отнесение договора франчайзинга к допустимым вертикальным соглашениям, в результате чего закреплён риск возникновения исключительного статуса (доминирующего положения) правообладателя, позволяющего оказывать влияние на общие условия оборота на экономическом рынке.

Одновременно обращаем внимание на правила п. 2 ст. 910-5 ГК, создающие дискрецию для органов антимонопольного регулирования и торговли при установлении факта нарушения антимонопольного законодательства и обращении в суд за признанием ограничительных условий договора франчайзинга недействительными. Анализ положений Закона позволяет прийти к выводу об абсолютном характере свободы сторон договора франчайзинга по включению ограничительных условий в его содержание. В связи с этим можно сделать вывод об отсутствии правового эффекта п. 2 ст. 910-5 ГК. Это подтверждается опубликованной практикой Министерства антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь. С 2017 г. Комиссия по установлению факта наличия (отсутствия) нарушения антимонопольного законодательства рассмотрела 1 дело о недобросовестной конкуренции пользователя по договору франчайзинга ввиду введения им в заблуждение покупателей, в то время как практика об установлении факта нарушения антимонопольного законодательства в связи с заключением договора франчайзинга отсутствует.

В Беларуси созданы условия для стимулирования участников гражданского оборота заключать договоры франчайзинга. Одним из преимуществ отношений по договору франчайзинга является деятельность пользователя с использованием лицензионного комплекса и опыта правообладателя. При этом пользователь для обеспечения сохранности деловой репутации правообладателя обременяет себя корреспондирующими обязанностями. В связи с этим ученые (А. Е. Грибоедов, М. Н. Титова, В. Г. Васильев) отмечают, что взаимодействие сторон договора франчайзинга в части совместного использования лицензионного комплекса вынуждает правообладателя устанавливать жесткую систему контроля над деятельностью пользователя. На наш взгляд, закрепление прав и обязанностей сторон договора франчайзинга в текущей редакции ГК и Закона создает дисбаланс статуса правообладателя и пользователя, не соответствующий цели вступления в указанные правоотношения. Правовое регулирование договора франчайзинга позволяет говорить о формировании квазикорпоративных

отношений между правообладателем и пользователем. Правообладатель, безусловно, заинтересован в поддержке стандартов, установленных под его именем, однако отметим, что стороны договора нацелены на взаимодействие в рамках статуса самостоятельного субъекта гражданского права. Для пользователя не могут устанавливаться цены (тарифы) перепродажи товара и ограничиваться круг покупателей (поставщиков) договором франчайзинга. Такие условия противоречат основополагающим положениям ГК о свободе договора и публичном договоре в контексте деятельности пользователя. При заключении подобного договора пользователь ограничивается в базовых субъективных правах (выбор условий заключаемого договора, выбор контрагента для заключения договора) при осуществлении деятельности, что, по нашей оценке, является необоснованным антиконкурентным последствием при заключении договора франчайзинга.

Анализ законодательства ряда государств позволяет прийти к выводу, что в большинстве из них (Республика Армения, Республика Казахстан, Республика Узбекистан, Российская Федерация, Украина) вопросы уменьшения свободы ограничительных условий в договоре франчайзинга решены посредством закрепления в законодательстве перечня условий, которые признаются ничтожными при их включении в содержание договора. Отметим прогрессивный подход законодателя Республики Молдова, предлагающего оценивать каждое условие договора франчайзинга по критерию активного и доброжелательного сотрудничества и координации общих усилий. В силу ст. 1725 Гражданского кодекса Республики Молдовы условие такого договора признается ничтожным, если оно противоречит вышеуказанному критерию оценки.

На основании вышеизложенного предлагаем внести следующие изменения в ГК и Закон: 1) дополнить п. 1 ст. 910-5 ГК частью второй, содержащей примеры условий, которые не могут включаться в договор франчайзинга; 2) исключить подп. 2.1 п. 2 ст. 22 Закона.

Полагаем, что такое решение является наиболее благоприятным для соблюдения баланса законных интересов правообладателя и пользователя, развития конкуренции на рынке Республики Беларусь и гармонизации законодательства государств – членов ЕАЭС.

Потрубейко Е. В.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСЧЕРПАНИЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ПРАВА

*Потрубейко Екатерина Владимировна, студентка 4 курса Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, г. Гродно, Беларусь,
ekaterinapotrubeyko@mail.ru*

Научный руководитель: старший преподаватель Бодяк Н. Е.

Назначение исключительного права состоит в том, чтобы обособить нематериальный объект (результат интеллектуальной деятельности) и тем самым создать условие для его участия в гражданском обороте и получения

материальных благ от его использования, т. е. обладание исключительным правом имеет самостоятельную экономическую ценность, поскольку коммерческое использование результатов интеллектуальной деятельности способно приносить их обладателю доход. Право на распространение результатов интеллектуальной собственности играет существенную роль в задействовании интеллектуальных активов и коммерциализации объектов авторских прав, являющихся результатом творческой деятельности индивида. В рамках рассматриваемого вопроса актуальным, на наш взгляд, является феномен исчерпания исключительного права.

Примечательно, что Гражданский кодекс Республики Беларусь (далее – ГК) не содержит понятия «исчерпание права». Из этого следует вывод о необходимости закрепления данного понятия в ГК, что, в свою очередь, заполнит пробел в праве и предупредит правоприменительные ошибки. В то же время некоторые специализированные законы об объектах интеллектуальной собственности прямо указывают на ограничение исключительных прав правообладателя. Так, ст. 24 «Исчерпание исключительного права на сорт растения» Закона Республики Беларусь «О патентах на сорта растений» ограничивает своими положениями исключительные права патентообладателя в отношении сортов растений, которые проданы или введены в гражданский оборот иным образом патентообладателем либо с его согласия на территории Республики Беларусь. Статья 3 Закона Республики Беларусь «О товарных знаках и знаках обслуживания» содержит указание на применение исчерпания права, но прямо не называет его. В частности, в п. 3 указанной статьи не признается нарушением исключительного права на товарный знак использование этого товарного знака в отношении товаров, правомерно введенных в гражданский оборот на территории государств – членов Евразийского экономического союза непосредственно владельцем товарного знака или другим лицом с согласия владельца такого знака.

Д. В. Иванова в своей работе «Теория исчерпания исключительного права, практика ее применения и введение регионального исчерпания прав на товарные знаки в Республике Беларусь» разъясняет теоретическую сущность данного правового явления. При введении результатов интеллектуальной деятельности в гражданский оборот начинает действовать так называемая доктрина первой продажи, сущность которой заключается в ограничении возможности правообладателя отслеживать и контролировать действия участников гражданского оборота в отношении копий результата творческой деятельности автора. В связи с этим каждый последующий собственник материального воплощения результата интеллектуальной деятельности автора не обязан уплачивать ему вознаграждение. В результате объект интеллектуальной собственности, защищенный авторским правом, «высвобождается» и беспрепятственно течет по потоку коммерции.

Исходя из изложенного можно сделать вывод: в юридическом смысле право на объект интеллектуальной собственности не следует за своим материальным воплощением и не влечет прекращения личных неимущественных прав автора.

Таким образом, можно сказать, что исчерпание исключительного права на результат интеллектуальной деятельности происходит при наличии совокупности определенных условий. Во-первых, правомерное введение объекта интеллектуальной собственности в гражданский оборот. Во-вторых, введение в гражданский оборот осуществляется автором того или иного объекта интеллектуальной собственности или другими лицами с его согласия.

Закрепление в национальном законодательстве понятия «исчерпание права», на наш взгляд, является важным условием свободного обращения объектов, содержащих в себе результаты интеллектуальной деятельности.

Ограничение монопольных прав автора на результат интеллектуальной деятельности вызвано необходимостью обеспечить в первую очередь интересы общества и государства, а не экономические интересы правообладателя. На сегодняшний день исчерпание исключительных прав представляет собой компромисс между интересами правообладателя и общественности. С одной стороны, право авторства предоставляет индивиду набор исключительных прав с целью стимулирования его творческой деятельности. С другой стороны, субъекты гражданского оборота получают доступ к более широкому кругу объектов, являющихся результатом интеллектуальной деятельности, что, в свою очередь, способствует научному прогрессу общества и государства.

Смыр Д. С.

РОЛЬ IP ПРАВ В РАЗРАБОТКЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИ НОВЫХ ПРОДУКТОВ

Смыр Дарья Сергеевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, dasha.smyr@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Ядревский О. О.

Развитие цифровых технологий неразрывно связано с развитием инновационной (R&D) деятельности. Согласно положениям Конвенции Всемирной организации интеллектуальной собственности (далее – ВОИС) результат R&D деятельности представляет собой объект интеллектуальной собственности (ОИС). Значительную роль в удачной коммерциализации инновационного продукта занимает договорная работа, в ходе которой определяется собственник создаваемого результата интеллектуальной собственности (ИС).

Проблемы, возникающие при составлении договоров на разработку, характеризуются:

- ненадлежащим оформлением права интеллектуальной собственности на конечный продукт: 1) отсутствует четкое разграничение, какие права по итогу выполненных работ останутся за каждой из сторон соглашения; 2) в случае, если конечный предмет не определен – отсутствует документальное подтверждение выполненных работ и их отношение к конечному результату;

- несоответствием описания процесса разработки в соглашении используемой в реальности модели;

- различиями в судебных решениях относительно споров о невыполнении условий договоров на разработку ПО (смешанного договора).

Research & Development (R&D) соглашение (соглашение о НИОКР) – это договор, подразумевающий этапы проведения исследования и разработки. В большинстве стран R&D соглашения не имеют образцовой формы; например, в рамках европейского гражданского законодательства не содержатся нормы, регулирующие R&D соглашения. Таким образом, при согласовании условий R&D соглашения, стороны самостоятельно определяют порядок и этапы проведения исследований, переход риска в случае неудавшегося эксперимента, момент передачи прав на созданный продукт.

Как показывает практика, в случаях, когда имеет место передача «будущих» прав на еще не созданные ОИС, при анализе R&D соглашений суд обращает внимание на связь создаваемого ОИС с выполненной работой. Например, в соответствии с решением Арбитражного совета Германии по делу (Arb.Erf. 57/11) для того, чтобы права считались «достаточно определенными», необходимо иметь четкое описание порядка выполняемых исследований/работ и их связи с конечным продуктом.

На данный момент в IT-сфере процесс создание объектов НИОКР, т. е. новых или улучшенных технологий программного обеспечения (далее – ПО) различается в зависимости от выбранной методологии. При гибком процессе разработки (agile development model) имеет место неравное распределение прав и обязанностей сторон, где слабую позицию занимает преимущественно заказчик. В зависимости от того, какой методологии будут придерживаться стороны при разработке, следует обращать внимание на такие основные пункты соглашения между сторонами, как:

- обязательства предоставить конечный продукт в соответствии с указанными сроками. В условиях гибкой разработки логичнее указать сроки для отдельных этапов разработки продукта (итерации);

- критерии оценки и юридическое признание конечного ПО.

Таким образом, если заказчик недостаточно осведомлен об особенностях ведения agile проектов, следует рассмотреть вопрос о заключении договора, где подробные требования и сроки передачи для ПО уже полностью согласованы. В противном случае появляются существенные риски неосновательного снижения ответственности со стороны разработчика, а со стороны заказчика – возможность отказа от исполнения обязательств по принятию и оплате от продукта. В гражданском законодательстве России и Беларуси содержатся положения, регулирующие договоры на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ. Части 2 и 3 ст. 723 Гражданского кодекса (ГК) Республики Беларусь, а также ст. 769 ГК Российской Федерации устанавливают диспозитивные правила для содержания договоров на выполнение НИОКР.

По общему правилу права на результаты работ, в том числе способные к правовой охране, в рамках предмета договора принадлежат заказчику, если

договором не предусмотрено иное. Однако в соответствии с п. 2 ст. 726 ГК Республики Беларусь, законодательством предусмотрена возможность перехода прав на ОИС между сторонами договора. Для обеспечения легального использования и коммерческой реализации НИОКР в законодательстве стран – участниц ЕАЭС применяются различные механизмы правовой охраны: авторское право, регистрация патента, установление режима коммерческой тайны. Таким образом, ключевое значение для организации является соблюдение всех необходимых процедур, связанных с правовой охраной ОИС: установление авторства и обладателя прав на созданный ОИС, а также оформление процесса разработки.

Допустимы случаи приобретения заказчиком по договору с создателем имущественных прав на ОИС, в то время как создатель оставляет за собой исключительные права на background knowledge/technologies для этого ОИС, т. е. определенные знания и функционал, без которого конечный продукт (ОИС) не сможет работать. В таком случае в большинстве договоров заказчику предоставляется бессрочная лицензия на background knowledge/technologies в рамках приобретенного ОИС.

Проблемы вышеуказанных механизмов заключаются в том, что правовые формы защиты будут действовать в случае, если в ходе работ по договору на разработку будет создан итоговый продукт. В судебной практике Республике Беларусь возникает множество вопросов с толкованием и юридической силой договоров на разработку ПО. В большинстве случаев такие договоры являются смешанными, т. е. содержащими условия о выполнении работ либо же условия о праве на использование стороннего ОИС, необходимого для нормального функционирования итогового продукта. Судебная практика Республики Беларусь показывает, что данные договоры рассматриваются судом в первую очередь на наличие соответствия требованиям законодательства. Например, в ходе рассмотрения дела № 1ИГИП2186 электронная переписка об изменениях условий договора не послужила для суда доказательством факта согласования существенных условий, а скорее касалась разъяснения работниками ответчика и истца функционала разрабатываемого ПО.

Таким образом, можно дать следующие рекомендации для минимизации рисков потери прав на конечный продукт или вознаграждения за него:

- возможна передача исключительных прав на разработанный по договору продукт непосредственно в момент разработки продукта, т. е. передача «будущих» прав или патентов на еще не созданный ОИС;
- большинство R&D соглашений представляют собой «гибкие» соглашения, поэтому сторонам следует обозначить в R&D договоре сроки сдачи конечной разработки, определить критерии ее приемки на каждом последовательном этапе разработки, а также ответственности в случае несоответствия продукта изначальным параметрам;
- при оформлении R&D договора следует обращать внимание на требования национального законодательства для признания работ по договору «выполненными».

Томильчик Е. О.

СУБЪЕКТЫ АВТОРСКОГО ПРАВА НА ПРОИЗВЕДЕНИЯ, СОЗДАННЫЕ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ

Томильчик Егор Олегович, студент 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, tomilchikegor@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Ядревский О. О.

На данный момент активное развитие получают технологии, основанные на работе самообучающихся систем искусственного интеллекта (далее – ИИ).

Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 24 ноября 2021 г. № 672 «О Стратегии Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности до 2030 года» устанавливает, что в условиях стремительного развития и масштабного внедрения в разные сферы деятельности технологий ИИ одной из актуальных задач является определение правовой природы созданных им объектов интеллектуальной собственности, а также определение субъектов таких прав.

Данное законодательное положение подтверждается складывающимися общественными отношениями (генерация текстов на новостных сайтах с помощью технологии NLP, создание картин, музыкальных произведений, новых промышленных образцов, программного кода. За последние годы можно было видеть применение таких технологий, как генератор поэмы WASP, создание музыки ИИ от компании DeepMind).

Главный вопрос заключается в наличии творческого начала в ИИ. Согласно п. 3 ст. 982 Гражданского кодекса Республики Беларусь: «Право авторства является личным неимущественным правом и может принадлежать только лицу, творческим трудом которого создан результат интеллектуальной деятельности». Одной из главных составляющих является «творческий труд». ИИ же генерируют произведения такого разряда, которые традиционно получали защиту как «творческие» или как нечто, требующее человеческой выдумки.

Далее, осветим основные точки зрения на данный вопрос.

Первый подход – «машиноцентрический», или признание ИИ в качестве автора. В поддержку данного подхода часто приводятся два фактора: механическое, а не творческое участие человека; возможность наделять правами по аналогии с юридическими лицами как искусственно созданным субъектом. Однако, по нашему мнению, данный подход не имеет права на жизнь в контексте современного уровня развития технологии. Механическое участие является узким пониманием, обычно человек вводит запрос, собирает данные или иным образом взаимодействует с интерфейсом программы. Возможность признания творческого характера признавалась также в ряде дел (Thaler v The Comptroller-General of Patents; Thaler v. Taiwan IP Office). Второй аргумент основывается на тезисах американского теоретика права Лоуренса Солума. В противовес данной позиции, критики данного концепта чаще всего обращаются к сравнению ИИ с животными (в

частности, можно привести дело *Naruto vs Slater*), которые не признаются авторами произведений. Сущностная составляющая двух этих явлений разная и соотношение их на основании признака «искусственности» не является корректным.

Вторая точка зрения – признание автором лица, создавшего алгоритм. Такой позиции, в частности, иногда придерживаются исследователи (В. Н. Синельникова, О. В. Ревинский) и государственные органы некоторых государств (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации в 2019 г.).

По нашему мнению, данная позиция также имеет некоторые недостатки. Во-первых, не всегда только программист участвует в создании ИИ. Во-вторых, программисты и компания обладают правами на код, но не факт, что они должны обладать правами на произведения, которые создаются с помощью их программы. П. М. Морхат резонно замечает, что другой подход породил бы правовые проблемы для создателей. В качестве примера можно привести сервисы, которые позволяют составлять с помощью технологий ИИ юридическую документацию: в случае если презюмировать интеллектуальные права разработчиков на всю документацию, создаваемую с помощью таких сервисов, могут возникать определенные проблемы, которые приведут к снижению интереса пользователей к ним¹.

Обратимся также к Закону Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-З «Об авторском праве и смежных правах» (далее – Закон «Об авторском праве и смежных правах»). Во-первых, ст. 17 устанавливает, что авторские права на служебное произведение принадлежат автору, а нанимателю переходят исключительные права. Во-вторых, в соответствии со ст. 4 автором произведения является гражданин, т. е. и в первом и во втором случае ситуация в любом случае сводится к проблеме определения правосубъектности юнитов ИИ.

Третий подход – предоставление прав конечному пользователю. ИИ на данном этапе развития стоит рассматривать как продукт, предназначенный в большинстве случаев для использования конечным пользователем.

Законодательная практика государств придерживается именно этого пути. Пункт 3 ст. 9 Закона Великобритании от 1988 г. «Об авторском праве, дизайне и патентах» устанавливает, что «в отношении литературного, драматического, музыкального или художественного произведения, сгенерированного компьютерной системой, автором будет считаться лицо, с помощью которого принимаются меры, необходимые для создания произведения». Статья 178 этого закона допускает авторство на машинно-генерируемых произведениях и дает следующую дефиницию: «сгенерированное компьютерной системой произведение означает, что произведение генерируется компьютером в таких обстоятельствах, когда отсутствует человек – автор произведения». Более того, данные положения

¹ Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03. М., 2018. С. 204.

аналогично закрепляются в актах Ирландии, Индии, ЮАР, Новой Зеландии, Гонконга. Судебная практика закрепляет применимость данного подхода (например, «Express Newspapers Plc. v. Liverpool Daily Post & Echo Plc»).

Таким образом, по нашему мнению, наиболее применимым подходом будет являться закрепление в качестве автора произведений, созданных ИИ, пользователя ИИ. Для этого можно предпринять следующие шаги. Во-первых, развитие положений относительно которых ИИ будет считаться вещью в системе объектов гражданских прав и выступать в качестве средства создания произведений. Во-вторых, внести в ст. 998 Гражданского кодекса Республики Беларусь в качестве одного из объектов «произведения, созданные с помощью искусственного интеллекта». Таким образом, мы получим конструкцию, при которой, во-первых, ИИ будет однозначно признаваться именно средством создания, а во-вторых, будет указываться исключительный статус данного случая. В-третьих, признать автором произведения, созданного с помощью ИИ, пользователя ИИ, который в результате использования последнего получил данные произведения.

Шевандо А. И.

ИЗОБРАЖЕНИЕ ГРАЖДАНИНА КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Шевандо Андрей Игоревич, магистр, преподаватель-стажер кафедры права интеллектуальной собственности Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, ShavandaAI@bsu.by

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Свадковская Е. А.

Решением Конституционного Суда Республики Беларусь от 30.10.2018 г. № Р-1145/2018 «О правовом регулировании в гражданском законодательстве использования и охраны изображения гражданина» в целях надлежащей реализации конституционного права каждого гражданина на защиту частной (личной) жизни от незаконного вмешательства, а также устранения правовой неопределенности в правовом регулировании использования и охраны изображения физического лица в гражданском законодательстве, признано необходимым внести изменения в Гражданский кодекс Республики Беларусь (далее – ГК).

Проект Закона Республики Беларусь «Об изменении кодексов» предлагает к закреплению в ГК ст. 153¹ «Охрана изображения гражданина», что позволяет нам говорить о введении в сферу правового регулирования гражданского права новых объектов – изображений гражданина. По своей сущности объект, вводимый ст. 153¹ ГК, является информацией, однако гражданское право регулирует лишь отношения, связанные с нераскрытой информацией (в этом можно убедиться исходя из анализа ст. 128 ГК). Согласно ст. 140 ГК в состав нераскрытой информации входит служебная и коммерческая тайна, в связи с чем изображение гражданина не может быть отнесено к перечню объектов, охраняемых гражданско-правовыми нормами в рамках нераскрытой информации.

Однако изображение гражданина относится к нематериальным благам, соответственно право на изображение является личным неимущественным правом, которое по своему содержанию включает в себя: 1) правомочие на собственные действия (возможность предоставления изображения для использования третьими лицами); 2) правомочие требования (с учетом абсолютного характера личных неимущественных прав, гражданин вправе требовать от неограниченного круга лиц воздерживаться от нарушения его права на изображение); 3) право на защиту (юридическая возможность физического лица обратиться за защитой своих прав с требованием о прекращении незаконных действий с его изображением).

Правовым основанием для использования изображения гражданина в рамках ст. 153¹ ГК является согласие, которое в рамках гражданско-правовых отношений является сделкой (ст. 154 ГК). Соответственно к согласию в рамках ст. 153¹ ГК вправе применяться все правовое регулирование, предусмотренное главой 9 ГК. Согласие может быть письменным, устным и выражено конклюдентными действиями. Учитывая закрепление аналогичной нормы (ст. 152¹) в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ), интересным представляется практика российских судов, где по одному из дел судебной коллегией по гражданским делам Московского городского суда было установлено, что распространение фотографии гражданина было законным, так как на публичном мероприятии он видел, что его снимают, не уклонялся от объектива фотоаппарата, позировал фотографу, в связи с чем следовало согласие истца на дальнейшее использование его изображения (*апелляционное определение Московского городского суда от 2 марта 2018 г. по делу № 33-9449*).

Отношение к согласию гражданина как к сделке на распространение его изображений в рамках гражданских правоотношений подтверждается мнением Верховного Суда Российской Федерации. В частности, согласно п. 46 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» согласие на обнародование и использование изображения гражданина представляет собой сделку.

Вводимая редакция ст. 153¹ ГК в полной мере позволит физическим лицам использовать новый объект правового регулирования в договорных отношениях. В частности, согласие может быть выражено в различных видах договоров, согласно которым гражданин предоставит право на распространение и использование своего изображения. Это относится к сфере так называемых имиджевых прав, рекламы, в отношениях между моделью и домом мод, художниками и натурщиками. В свете развития технологий и индустрии компьютерных игр, разработчики используют образы реальных людей при создании своих персонажей. Ст. 153¹ ГК позволит сформировать предмет договора, установить грамотный механизм распоряжения и защиты личных неимущественных прав физических лиц.

При этом считаем целесообразным пересмотр в проекте ст. 153¹ ГК перечня исключений, когда согласие гражданина на распространение и

дальнейшее использование его изображения не требуется. Согласно последней известной редакции проекта Закона Республики Беларусь «Об изменении кодексов» согласие гражданина не требуется в случае проведения съемок в местах, открытых для массового посещения, или массовых мероприятий, но при условии, что изображение физического лица не является основным объектом использования, а также в случаях, когда в соответствии с законодательными актами получение такого согласия не требуется. Указанный перечень, по аналогии со ст. 152¹ ГК РФ, можно дополнить положениями о возможности использования изображения гражданина без его согласия в общественных или публичных интересах, что будет соответствовать соотношению права на неприкосновенность частной жизни и права на информацию.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО, ХОЗЯЙСТВЕННО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

Делибозоглова В. В.

СОЛИДАРНЫЕ ДОЛЖНИКИ В ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ КАК РЕЗУЛЬТАТ ПРАВОПРЕЕМСТВА: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

*Делибозоглова Валентина Витальевна, аспирант Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь, deli.valya@mail.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Никонова Н. Н.

1. Четкое урегулирование участия нескольких лиц на позиции стороны в исполнительном производстве отсутствует. Наиболее очевидно проявляется данная проблема, когда множественность лиц на позиции стороны возникает в результате правопреемства, в частности, если обязанность в результате правопреемства становится солидарной. При этом идеи материального права не в полной мере находят отражение в законодательстве об исполнительном производстве.

2. Нормы Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) предусматривают два основных случая, когда обязанность правопреемников приобретает солидарный характер: 1) если разделительный баланс не дает возможности определить правопреемника реорганизованного юридического лица, вновь возникшие юридические лица несут *солидарную ответственность* по обязательствам реорганизованного юридического лица перед его кредиторами (п. 3 ст. 56 ГК); 2) наследники отвечают по долгам наследодателя *солидарно*, однако каждый из наследников, принявших наследство, отвечает по долгам наследодателя в пределах стоимости перешедшего к нему наследственного имущества (п. 3 ст. 1086 ГК).

3. В соответствии с ч. 1 ст. 19 Закона Республики Беларусь от 24.10.2016 № 439-З «Об исполнительном производстве» (далее – Закон) «в случае выбытия одной из сторон исполнительного производства ... *при отсутствии спора о праве* относительно факта правопреемства и круга лиц, являющихся правопреемниками, подведомственного суду, судебный исполнитель по письменному заявлению стороны исполнительного производства или по собственной инициативе производит ее замену». Статья 19 Закона не дает ясного ответа на вопрос о том, кто должен производить замену стороны в случаях, предусмотренных п. 3 ст. 56, п. 3 ст. 1086 ГК. Полагаем, отсутствие указания в разделительном балансе на соответствующую обязанность свидетельствует о спорности ситуации. А необходимость определения ограничения ответственности наследников при наследовании также относит этот вопрос к компетенции суда.

4. Согласно ч. 11 ст. 398, ч. 4 ст. 461 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК), ч. 6 ст. 221 и ч. 5 ст. 327 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ХПК)

если при принудительном исполнении исполнительного документа произведена замена стороны исполнительного производства и *образовано несколько должников или взыскателей*, суд, выдавший исполнительный документ, на основании представления судебного исполнителя и постановления о замене стороны исполнительного производства выдает *необходимое количество экземпляров исполнительного документа*. Полагаем некорректной формулировку «образовано несколько должников или взыскателей» в случаях, когда должником или взыскателем является физическое лицо. Представляется, что в указанных нормах вместо фразы «образовано несколько должников или взыскателей» следует использовать выражение «если в результате правопреемства право и (или) обязанность перешли к нескольким лицам». Также при взыскании денежных сумм с солидарных должников может быть выдано *несколько исполнительных документов по числу солидарных должников* (ч. 2 ст. 461 ГПК, ч. 2 ст. 327 ХПК). В каждом исполнительном документе должны быть указаны его номер, общая сумма взыскания и перечислены все должники с указанием на их солидарную ответственность.

5. При солидарной обязанности должников кредитор *вправе требовать* исполнения как от всех должников совместно, так и от любого из них в отдельности, притом как полностью, так и в части долга (ст. 304 ГК). Законодательство об исполнительном производстве 1) не дает ответа на вопрос о том, как должно быть выражено волеизъявление взыскателя (кредитора) в отношении солидарных должников, появление которых в исполнительном производстве было результатом правопреемства; 2) не определяет, как должно вестись исполнительное производство в отношении солидарных должников: в отличие от российского законодательства белорусское не предусматривает ведение сводного исполнительного производства в отношении солидарных должников.

Полагаем, на уровне инструкции по исполнительному производству должен быть закреплён порядок выявления волеизъявления взыскателя о дальнейшем развитии исполнительного производства в случае появления в результате правопреемства солидарных должников, а на уровне Закона целесообразно ввести такое основание ведения сводного исполнительного производства, как наличие множественности лиц на позиции стороны с солидарной обязанностью.

Есина М. Д.

**ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРИЗНАНИЯ СУДЕБНЫМ ИСПОЛНИТЕЛЕМ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ
РЕАЛИЗАЦИИ ИМУЩЕСТВА**

Есина Марина Денисовна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, aleksasimpson@gmail.com

Научный руководитель: старший преподаватель Синюк Е. В.

Необходимость совершения исполнительных действий в возможно короткие сроки и с минимальными затратами на их совершение является

одним из принципов работы судебного исполнителя. В целях реализации принципа процессуальной экономии в 2016 г. законодательство об исполнительном производстве впервые наделило судебного исполнителя полномочиями по принятию решения о признании экономической нецелесообразности реализации имущества.

Арестованное имущество, реализация которого экономически нецелесообразна, – это арестованное имущество, стоимость которого не превышает расходов, связанных с оценкой, изъятием, хранением, перевозкой, реализацией такого имущества. Об установлении экономической нецелесообразности реализации имущества судебный исполнитель в соответствии с ч. 2 п. 164 Инструкции по исполнительному производству, утвержденной постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 7 апреля 2017 г. № 67, выносит постановление. После этого в соответствии с ч. 1 ст. 94 Закона Республики Беларусь от 24 октября 2016 г. «Об исполнительном производстве» (далее – Закон) взыскателю предоставляется право оставить за собой такое арестованное имущество в счет погашения имеющейся задолженности по стоимости, установленной в акте ареста имущества (из цен, существующих в данной местности для аналогичного имущества; остаточной стоимости с учетом степени износа имущества; отпускной цене) или акте оценки имущества.

Правило установления экономической нецелесообразности реализации имущества применяется только в отношении имущества, на которое судебным исполнителем наложен арест и в соответствии с требованиями законодательства установлена его стоимость. Принятию судебным исполнителем решения об установлении экономической нецелесообразности реализации имущества предшествует не только совершение определенных действий по возбуждению исполнительного производства, принятию мер по обеспечению исполнения исполнительного документа, обращению взыскания на денежные средства должника, аресту и оценке имущества, но и проведение определенных мероприятий по выезду к месту нахождения имущества, его осмотру, демонтажу, погрузке, изъятию, помещению на хранение, а также при необходимости заключение договора со специализированной организацией о проведении независимой оценки ликвидационной стоимости арестованного имущества. Денежные средства, затраченные органом принудительного исполнения на совершение указанных выше действий, являются в соответствии со ст. 119 Закона расходами по исполнению исполнительного документа.

Например, для передачи на реализацию в рамках исполнительного производства арестованного транспортного средства должника может возникнуть необходимость несения расходов на его задержание, принудительную отбуксировку (эвакуацию), помещение на охраняемую стоянку и проведение независимой оценки ликвидационной стоимости. Безусловно, при превышении расходов на проведение указанных действий стоимости арестованного транспортного средства судебным исполнителем будет вынесено соответствующее постановление, однако на момент

возникновения правовых оснований для его вынесения расходы в рамках исполнительного производства на работу с таким имуществом уже будут понесены.

Поскольку из взысканных с должника денежных средств в первую очередь взыскиваются (удерживаются) расходы по исполнению исполнительного документа (ст. 121 Закона) представляется неоправданным их несение при работе с низколиквидным имуществом должников вследствие увеличения общей суммы долга по исполнительному производству.

С учетом изложенного предлагаем расширить сферу полномочий судебного исполнителя, наделив его правом по признанию экономической нецелесообразности совершения каких-либо действий, что позволило бы в рассматриваемой ситуации отказаться, например, от проведения независимой оценки имущества.

В этих целях следует дополнить ст. 63 Закона частью следующего содержания: «Исполнительные действия, признанные судебным исполнителем экономически нецелесообразными (в случае, когда расходы на совершение исполнительных действий превышают размер полученных в результате их совершения денежных средств), не совершаются.»

Предложенные изменения позволяют сократить временные и финансовые расходы в рамках исполнительного производства, повысить эффективность работы с арестованным имуществом должников, а также исключить случаи совершения судебным исполнителем экономически нецелесообразных действий по исполнению исполнительных документов.

Жданович А. А.

ПРЕДЕЛЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Жданович Анна Александровна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, hanna.zhdanovich@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Романова О. Н.

Искусственный интеллект (далее – ИИ) впервые был использован при разрешении гражданского спора в Высоком суде Англии и Уэльса в процедуре медиации в феврале 2019 г. Стороны не могли урегулировать спор в течение трех месяцев и решили использовать онлайн-суд, который находился на стадии тестирования. Разработанная канадской компанией «iCan Systems» система позволяет выдвигать свои предложения и использует алгоритмы, чтобы приблизить стороны к приемлемому урегулированию спора. В конце концов, система позволила сторонам урегулировать спор менее чем за час.

По всему миру происходит цифровизация судебной системы. В настоящий момент лидирующими странами в области развития и применения ИИ являются США и КНР. В США применяются следующие информационные технологии с использованием ИИ: оцифровка судебных отчетов, онлайн-разрешение споров по мелким искам, электронное

раскрытие доказательств, «предсказанное» правосудие. В КНР: интернет-суды («умный» суд), технологии распознавания речи в судебном разбирательстве, применение роботов, система «аналогичных решений по аналогичным делам», применение ИИ в медиации.

В настоящее время в Республике Беларусь нет закрепления на законодательном уровне понятия «искусственный интеллект». ИИ также не закреплен в качестве объекта интеллектуальной собственности, однако по последним данным Национального центра интеллектуальной собственности это произойдет в ближайшем будущем. В Республике Беларусь уже есть вся необходимая основа для активной цифровизации судебного процесса.

На современном этапе развития ИИ выявлены два уровня его применения. Первый уровень уже эффективно работает во многих странах мира. Можно выделить следующие области деятельности ИИ на первом уровне, используемые в цивилистическом процессе:

- 1) сбор материалов или юридическая экспертиза (сбор фактических данных, оценка правовой ситуации);
- 2) прогнозирование исхода судебного (арбитражного или медиативного) разбирательства;
- 3) сбор и представление доказательств;
- 4) автоматизированная работа с судебными документами.

Второй уровень – самостоятельное разрешение споров. Эта идея уже воплощается на практике во многих государствах, например, в Канаде был разработан первый робот-медиатор *iCan Systems*, который был использован при разрешении спора, указанного выше. Концепция, которую активно развивают в США и КНР, заключается в том, чтобы малозначимые трансграничные споры разрешались судьями-роботами. Таким образом, в судах сократится оборот однотипных судебных разбирательств и нагрузка на судей, что приведет к совершенствованию судебной системы. Но здесь возникает проблема, которая становится объектом многих дискуссий. Если судья-человек будет заменен в процессе на судью-робота, то результат такого решения будет основан исключительно на алгоритмах, которые загружены в систему. Соответственно, решение по данному делу лежит не в руках судьи, а в руках программиста. Судья не обладает специальными знаниями, которые помогут ему разобраться в работе ИИ. Это и есть главный вопрос второго уровня использования ИИ.

Проблема в том, что до сих пор люди соглашались на такую процедуру добровольно. Как будет расцениваться данное решение, если такая процедура станет обязательной?

Четкого ответа в зарубежной доктрине пока нет. Вопрос о полной замене судьи-человека на судью-робота не поднимается. Многие специалисты считают, что наиболее успешным тандемом будет использование информационных технологий ИИ в работе судьи-человека. Робот может выполнять функции эксперта, помощника судьи, а также помогать судье: находить конкретную судебную практику, анализировать нормы и составлять процессуальные документы, а также анализировать

обстоятельства дела, особенно, когда дело рассматривается в апелляционной, кассационной или надзорной инстанции.

Таким образом, применение ИИ в цивилистическом процессе четко не регламентировано. По нашему мнению, использование ИИ требует очень детальной законодательной разработки. В настоящее время видится внедрение первого уровня в судебную систему Республики Беларусь. Соответственно в процессе разработки нормативных правовых актов, регулирующих деятельность, следует параллельно внедрять технологии первого уровня в судебную систему, тем самым устраняя возможные последующие технические и правовые коллизии.

Мирзалиев С. С.

ОБЪЕКТЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ СТОИМОСТИ И НАЗНАЧЕНИЯ НЕЗАВИСИМОЙ ОЦЕНКИ В ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Мирзалиев Саид Салимжанович, студент 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, law.mirzalie@bsu.by

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Никонова Н. Н.

Оценка – обязательное действие в процедуре обращения взыскания на имущество должника. В ряде случаев до реализации имущества законодатель требует обязательного проведения независимой оценки (ч. 3 ст. 88 Закона Республики Беларусь от 24 октября 2016 г. № 439-З «Об исполнительном производстве» (далее – Закон)). Имущество, о котором не говорится в перечне, подлежит оценке самим судебным исполнителем путем установления предварительной стоимости. Стоимость, определенная судебным исполнителем, доводится до сведения сторон и может быть ими оспорена (ч. 5, 6 ст. 88 Закона).

С оценкой имущества в исполнительном производстве связан ряд спорных моментов, которые действующим законодательством не решены.

1. Проблема определения судебным исполнителем вида имущества.

1.1. Так, к объектам, в отношении которых должна проводиться независимая оценка, относятся «культурные ценности». Определение культурной ценности дается подп. 1.8 п. 1 ст. 1 Кодекса Республики Беларусь о культуре. В особую группу культурных ценностей указанный кодекс относит «историко-культурные ценности» (подп. 1.3 п. 1 ст. 1): им статус придается официально, они подлежат включению в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь (ст. 97, 98). Основная масса объектов, включенных в список, – это объекты недвижимости. Должник, обладающий культурной ценностью, может об этом и не знать. Предполагается, очевидно, что для определения такого объекта, как культурная ценность, в составе имущества должника судебный исполнитель должен обладать хотя бы минимальными специальными познаниями в сфере культуры. Возможно, законодателю следовало бы ограничиться указанием лишь на историко-культурные ценности, перечень которых установлен официально.

1.2. Проблемной является и такая категория объектов, как транспортные средства. В законодательстве Республики Беларусь термин «транспортное средство» определен различно («Юридический словарь», составленный НЦИП Республики Беларусь, приводит около 20 определений). Исходя из содержания ряда определений, к транспортным средствам следует относить средства различных видов транспорта (автомобильного, железнодорожного, воздушного, водного). Кроме того, к транспортным средствам относятся не только механические транспортные средства, но и гужевые, а также приводимые в движение мускульной силой человека (велосипеды, катамараны и т. п.). Правила комиссионной торговли непродовольственными товарами (утвержденные постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 20 июня 2014 г. № 604), относят к транспортным средствам также отдельные их узлы и агрегаты.

Сомнительной с точки зрения принципа процессуальной экономии является идея назначения независимой оценки в отношении всех без исключения велосипедов, самокатов, велобегов, прицепов для легковых автомобилей и т. п., где стоимость независимой оценки может быть сравнимой и даже превышать стоимость самого объекта оценки.

Соответственно, категория «транспортные средства» в абз. 6 ч. 3 ст. 88 Закона подлежит уточнению.

2. Следующая проблема связана с оценкой объектов, стоимость которых превышает 50 базовых величин. Проблема может заключаться в установлении как завышенной, так и заниженной стоимости. Группа объектов, превышающих по стоимости 50 базовых величин, огромна. И предполагается, что судебный исполнитель должен ориентироваться в ценах огромного количества объектов различного назначения. Судебный исполнитель, допуская ошибки в оценке объектов, подлежащих реализации, может нарушать права сторон исполнительного производства, вследствие чего исполнительное производство замедляется и становится неэффективным.

Занижая цену объекта имущества, судебный исполнитель может нарушить права сторон. Нарушение прав должника выражается в том, что может потребоваться обращение взыскания на иное имущество должника, нарушение права взыскателя в том, что процедура принудительного исполнения при обращении взыскания на иное имущество должника может затягиваться. Завышение цены затрагивает интересы взыскателя: неликвидное имущество не будет быстро реализовано, потребуются переоценка (а возможно и не одна). Если же имущество и после переоценки не будет реализовано, то судебный исполнитель предлагает его взыскателю. Продолжительность процедуры реализации в этом случае может дать должнику время для сокрытия иного имущества, на которое может быть обращено взыскание, и в конечном итоге привести к возвращению исполнительного документа по абз. 4 ч. 1 ст. 53 Закона.

Полагаем, на уровне Инструкции по исполнительному производству следует закрепить рекомендацию судебному исполнителю привлекать специалиста (например, специалиста-товароведа).

Омельянюк К. В.

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛУЧЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В МЕЖДУНАРОДНОМ КОММЕРЧЕСКОМ АРБИТРАЖЕ

Омельянюк Кирилл Валерьевич, студент 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, kirillus0015@gmail.com

Научный руководитель: доцент Сысуев Т. В.

Одной из форм взаимодействия международных коммерческих арбитражей с государственными судами является выполнение последними функций содействия в получении доказательств. Необходимость такого содействия обусловлена отсутствием у арбитров публично-правовых полномочий, что не позволяет принудительно истребовать необходимые сведения как у сторон арбитража, так и у иных лиц.

В Республике Беларусь институт содействия в получении доказательств ограничивается единичной нормой ст. 35 Закона от 09.07.1999 № 279-З «О международном арбитражном (третейском) суде» (далее – Закон), закрепляющей право состава арбитража (стороны с его согласия) обратиться в государственный суд с соответствующей просьбой. Существует мнение, что дальнейшей нормативной детализации данного положения не требуется. Высказываются и сомнения в практической востребованности содействия в получении доказательств ввиду того, что на практике определения и запросы самого крупного отечественного арбитражного учреждения – Международного арбитражного суда при БелТПП обычно исполняются добровольно.

С такой позицией согласиться нельзя. Несмотря на закрепленное в ст. 35 Закона право состава арбитража на обращение за содействием в получении доказательств, процессуальное законодательство не содержит корреспондирующих обязанностей государственного суда. В Российской Федерации в свое время при схожем регулировании вследствие отсутствия правовых оснований для рассмотрения просьб о содействии, закрепленных в процессуальном законодательстве, суды вынуждены были отказывать в исполнении запросов арбитражей о содействии, что далее повлекло необходимость проведения третейской реформы 2015 г.

Весьма удачным образцом регламентации взаимодействия арбитража и государственного суда в части реализации функций содействия являются, на наш взгляд, нормы ст. 109, 113, 114 Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ХПК) о порядке рассмотрения судом вопроса об обеспечении иска, заявленного в арбитраж, и об обеспечении доказательств, а также положения ст. 74.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о получении доказательств.

Полагаем, закреплению в национальном процессуальном законодательстве подлежат нормы:

- о форме и содержании направляемой в государственный суд просьбы арбитража о содействии (обязательное приложение согласия состава арбитража при обращении в суд стороны спора; обоснование соблюдения условий ст. 101 ХПК);

- порядке рассмотрения государственным судом полученной просьбы (проведение заседания с участием сторон, вынесение определения);
- сроке рассмотрения государственным судом соответствующей просьбы.

Внесение в законодательство Республики Беларусь таких изменений и дополнений позволит устранить существующие пробелы правового регулирования, а также поспособствует развитию арбитражной формы урегулирования споров в целом.

Институт содействия в получении доказательств с точки зрения его правовой природы является самостоятельным, его следует отграничивать от судебного поручения (ст. 111 ХПК) и поручения иностранных судов (ст. 244 ХПК). К просьбе о содействии не могут быть применены нормы Конвенции о получении доказательств за границей по гражданским или торговым делам 1970 г.

В результате сравнительного анализа норм национального, иностранного, а также международного права, регулирующих обращение арбитража за содействием, выявлены следующие специфические черты:

- различные подходы к определению субъектного состава лиц, обладающих правом на обращение в государственный суд за содействием в получении доказательств (исключительно состав арбитража, состав арбитража и стороны с его согласия, стороны самостоятельно);
- ограничение в отдельных юрисдикциях правомочия арбитражей *ad hoc* на выдачу запроса о содействии;
- различный подход к пределам исследования государственным судом обстоятельств, положенных арбитражем в основу запроса о содействии;
- невозможность в некоторых правопорядках обратиться за содействием в получении свидетельских показаний (принудительном вызове свидетелей);
- различные подходы к возможности оказания содействия, если место арбитража находится за пределами страны нахождения государственного суда.

Рапян Ю. Х.

ПОЛНОМОЧИЯ СУДА ПО ДЕЛАМ ОБ ОБЖАЛОВАНИИ (ОСПАРИВАНИИ) ДЕЙСТВИЙ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ОРГАНОВ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ИСПОЛНЕНИЯ

Рапян Юрий Хачатурович, аспирант 3 года обучения Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, garuanyura@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Колядко И. Н.

Судебное обжалование (по тексту проекта Кодекса гражданского судопроизводства (далее – Проект) – оспаривание) действий должностных лиц органов принудительного исполнения (далее – ОПИ) является самостоятельной категорией дел, возникающих из публичных правоотношений.

В соответствии со ст. 360⁶ Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК), ч. 14–16 ст. 266³ Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ХПК), а также ст. 373 Проекта по результатам рассмотрения жалобы (заявления) суд выносит решение о признании жалобы (заявления) обоснованной или об отказе в ее удовлетворении.

Основаниями для отказа в удовлетворении жалобы (заявления) могут являться: действия должностного лица ОПИ в пределах закона и своих полномочий (законность) и отсутствие нарушения прав и законных интересов заявителя. Согласно Г. Л. Осокиной в реальности «могут возникнуть ситуации, когда оспариваемый акт, несмотря на свою незаконность, тем не менее не нарушает прав и свобод граждан или организаций. Представляется, что в таких случаях суд, отказывая заявителю в удовлетворении заявления, должен вынести в адрес соответствующего субъекта публичной власти *частное определение* (выделено автором)».

В резолютивной части судебного решения об отказе в удовлетворении жалобы (заявления) должен быть дан ответ, на какое действие должностного лица ОПИ оно направлено. В соответствии с ч. 1 ст. 360³ и ч. 1 ст. 266³ ХПК (в редакции от 6 января 2021 г.) по общему правилу объектом обжалования будет постановление или действие должностного лица ОПИ. Постановление руководителя ОПИ станет объектом обжалования только в том случае, если он признает жалобу в порядке подчиненности обоснованной полностью или частично. Аналогичное положение установлено в ч. 1 ст. 370 Проекта.

На практике и после вступления в силу новой редакции § 9 гл. 29 ГПК суды в своих решениях иногда указывают и на отказ в отмене постановления руководителя ОПИ. При таких обстоятельствах данные недостатки решений районных судов устраняют суды апелляционной инстанции.

Наиболее серьезным является вопрос, касающийся решений об удовлетворении жалобы (заявления). В них должен содержаться ответ на то, осуществляет ли суд по изучаемым делам последующий контроль с присущим ему ревизионным началом или происходит переход к непосредственным способам защиты нарушенных прав и законных интересов (характерен для административного иска и заявления как средства защиты права по публичным делам в Проекте). Развивая позицию И. Н. Колядко о том, что нужно сохранить ревизионный подход к проверке постановлений судебных исполнителей по процессуальным (процедурным) вопросам при реформировании процессуального законодательства, добавим, что, на наш взгляд, такую модель проверки необходимо сохранить как для постановлений, так и действий (бездействия) указанных лиц.

Способы защиты права по делам по жалобам на действия должностных лиц ОПИ закреплены в ч. 1 ст. 360⁶ ГПК и ч. 15 ст. 266³ ХПК. Названные нормы содержат предписания общего (неконкретного) характера: в резолютивной части решения суд должен определить меры, которые должны быть приняты должностными лицами ОПИ, чьи действия были обжалованы, для устранения допущенных ими нарушений. Несколько иным образом

решен данный вопрос в ч. 3 ст. 373 Проекта, согласно которой при удовлетворении заявления об оспаривании действия (бездействия) полностью или частично суд констатирует, что действие незаконно, а при рассмотрении дела об оспаривании постановления должностного лица ОПИ выносится решение о признании последнего недействительным. Представляется неуместным применение цивилистических способов защиты права к публичным спорам.

Для сравнения: КАС РФ, содержащий много категорий дел, схожих с делами публично-правового характера, закрепленными в Проекте, не оперирует термином признание постановления (решения, акта) недействительным. Более того, нужно учитывать, что по ряду публичных дел возможно осуществление косвенного контроля в рамках искового производства (например, иски о признании недействительной исполнительной надписи нотариуса), по результатам которого в резолютивной части судебного постановления может содержаться директива «признать недействительным». Вместе с тем по некоторым делам белорусскими судами выносятся решения о признании постановлений должностных лиц ОПИ недействительными (например, об исправлении описок и (или) арифметических ошибок).

Решение об удовлетворении жалобы (заявления) должно содержать, как пишет М. З. Шварц, две резолюции. Первая из них направлена на «признание оспоренного решения незаконным», а вторая должна обязать государственный орган, его должностное лицо (в соответствии с КАС РФ административного ответчика) устранить нарушение прав и интересов заявителя. Отсутствие четкого указания на способ защиты права порождает проблемы в правоприменительной практике.

Белорусские суды часто в решениях об удовлетворении жалоб отменяют действия должностных лиц ОПИ. Предлагаем закрепить на законодательном уровне компетенцию суда отменять постановления и действия должностных лиц ОПИ и обязывать совершать определенные действия в соответствии с установленной законом процедурой. Возможность отмены действия нотариуса установлена в ст. 325 ГПК (нормы такого содержания нет в Проекте). Характер применяемых способов защиты нарушенных прав, содержащихся в жалобе (из всех возможных вариантов) и судебном решении, должны совпадать.

Шапковский А. В.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ)

*Шапковский Андрей Владимирович, аспирант Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь, a.shapkovski@k-d.by*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Скобелев В. П.

Особую категорию дел, подведомственных судам, рассматривающим экономические дела, составляют дела об экономической несостоятельности (банкротстве).

Порядок рассмотрения и разрешения судом, рассматривающим экономические дела, дел об экономической несостоятельности (банкротстве) в доктринальных источниках принято именовать как конкурсный процесс. Однако действующее законодательство Республики Беларусь таким термином не оперирует.

Анализ доктринальных источников показывает, что авторы по-разному определяют правовую природу производства по делам о банкротстве. Довольно широкое распространение получила точка зрения, что судопроизводство по делам о банкротстве является особым производством. Иные авторы рассматривают производство по делам о банкротстве как симбиоз искового и особого производства. Существует точка зрения, что дело о банкротстве есть исковое производство, но после объявления банкротства все действия и распоряжения относятся к исполнительному процессу, к особому его виду – ликвидационному процессу. Некоторые авторы полагают, что судопроизводство по делам о банкротстве есть самостоятельный вид судопроизводства в цивилистическом процессе.

Двигаться к пониманию правовой сущности (правовой природы) нужно через познание функций, определение правовой характеристики. Поэтому для понимания правовой природы производства по делам о банкротстве необходимо выделить особенности такого судопроизводства.

Хозяйственно-процессуальным кодексом Республики Беларусь (далее – ХПК Республики Беларусь) детально не урегулирован порядок рассмотрения таких дел. Закон Республики Беларусь от 13.07.2012 № 415-З «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) лишь в общих чертах обозначает процессуальные аспекты разрешения тех многочисленных вопросов, которые попадают в поле зрения суда в рамках дела о банкротстве.

Отличительной особенностью производства по делу о банкротстве является то, что, констатируя факт экономической несостоятельности или банкротства, суд применяет к должнику процедуру санации, либо процедуру ликвидационного производства. Таким образом, суд разрешает вопрос о правоотношениях кредиторов и должника. При этом производство по делу об экономической несостоятельности банкротстве не завершается пока не будут достигнуты его цели – восстановление платежеспособности должника, либо принудительной ликвидации должника с максимальным удовлетворением требований кредиторов. Именно после вынесения судом решения по делу фактически реализуется право кредитора на участие в конкурсе на имущество должника, с расчетом на удовлетворение советующих требований.

Можно выделить следующие характерные черты производства по делу об экономической несостоятельности (банкротстве):

1) каждый из этапов производства по делу об экономической несостоятельности имеет свои процессуальные особенности и изъятия, начиная с подсудности дела, принятия заявления и возбуждения производства по делу;

2) решением суда не только констатируется факт экономической несостоятельности или банкротства, но и разрешается вопрос о правоотношениях кредиторов и должника;

3) осуществляя производство по делу о банкротстве, суд выполняет ряд несвойственных ему функций, которые касаются финансово-хозяйственной деятельности должника и не связаны с исключительно разрешением правовых вопросов.

4) производство по делу о банкротстве представляет собой для суда не только рассмотрение дела по существу, но и последующее исполнение вынесенного судебного постановления;

5) производство по делу о банкротстве осложняется наличием сопутствующих частных споров (жалобы на действия управляющего; рассмотрение заявлений о разногласиях).

Совокупность указанных особенностей позволяет нам сделать вывод, что производство по делу об экономической несостоятельности (банкротстве) имеет отличия от искового и особого производства и подлежит рассмотрению как самостоятельный вид судопроизводства.

Афанасьев А. О.

СУБЪЕКТЫ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА В БЕЛАРУСИ И РОССИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Афанасьев Александр Олегович, аспирант Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, alexandreafanassiev@mail.ru;

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Петоченко Т. М.

Реализация целей социального партнерства в решающей мере зависит от статуса субъектов социально-партнерских отношений, от той линии социального поведения, которой они придерживаются в процессе осуществления принятых на себя обязательств. В науке трудового права нет единого подхода к определению состава субъектов социального партнерства. Анализируя исследования по данному вопросу, можно сделать вывод, что он зависит от форм социального партнерства.

В письме Национального совета по трудовым и социальным вопросам Республики Беларусь от 12.03.1997 № 11/42 в качестве форм социального партнерства названы: процедуры проведения переговоров и консультаций, присоединения к заключенному соглашению, порядка распространения действия договоров и соглашений и тому подобные, что позволяет делать вывод об открытом перечне подобных форм.

В научной литературе существует позиция (М. В. Молодцов, С. Ю. Головина), что к формам социального партнерства следует относить: коллективные переговоры; взаимные консультации (переговоры) по вопросам регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений, обеспечения гарантий трудовых прав работников и совершенствования трудового законодательства; участие работников в управлении организацией; участие представителей работников и работодателей в досудебном разрешении трудовых споров.

С. Ю. Чуча, в свою очередь, различает формы социального партнерства в зависимости от выполняемых ими функций: регулятивная (консультации, коллективные переговоры) и охранительная (система разрешения трудовых споров). Полагаем, что к «регулятивной форме» социального партнерства дополнительно следует отнести заключение коллективных договоров и соглашений.

Анализ доктринальных правовых позиций относительно форм социального партнерства позволил выделить следующих субъектов социального партнерства: стороны социального партнерства, представители сторон социального партнерства, органы социального партнерства, органы по разрешению коллективно-трудовых споров.

В отличие от Республики Беларусь в ст. 25 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ) определен состав сторон социального партнерства. Он базируется на логике ключевого подхода,

заложенного в общей части трудового права, в соответствии с которым социальное партнерство направлено на согласование интересов двух основных сторон – работников и работодателя.

Институт представительства в социальном партнерстве в законодательстве о труде Российской Федерации представлен достаточно широко (ст. 29–34 ТК РФ). Представителями работников в социальном партнерстве являются: профессиональные союзы и их объединения, иные профсоюзные организации, предусмотренные уставами общероссийских, межрегиональных профсоюзов, или иные представители, избираемые работниками в случаях, предусмотренных ТК РФ. Например, в случаях, когда работники конкретного работодателя не объединены в какие-либо первичные профсоюзные организации или ни одна из имеющихся первичных профсоюзных организаций не объединяет более половины работников данного работодателя и не уполномочена представлять интересы всех работников в социальном партнерстве на локальном уровне, на общем собрании (конференции) работников для осуществления указанных полномочий тайным голосованием может быть избран из числа работников иной представитель (представительный орган) (ст. 31 ТК РФ).

Согласно ст. 354 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК Беларуси) представительство интересов работников могут осуществлять соответствующие профессиональные союзы и иные представительные органы работников, действующие на основании актов законодательства. При этом, в отличие от законодательства о труде Российской Федерации, порядок образования иных представительных органов нигде в законодательстве Республики Беларусь не урегулирован.

Представительство в трудовых отношениях необходимо отличать от представительства в гражданских правоотношениях. В гражданских правоотношениях представитель работников в силу полномочий, основанных, как правило, на доверенности, действует в интересах представляемого. Представительство же в коллективных трудовых отношениях довольно специфично, поскольку действия представителя влекут правовые последствия не только для представляемых работников, но и для самого представителя.

В Республике Беларусь органами системы социального партнерства, в рамках которых ведутся коллективные переговоры, подготавливаются и заключаются коллективные соглашения, рассматривается ход их выполнения, являются созданные на паритетных основах Национальный и региональные советы по трудовым и социальным вопросам, а также комиссии для ведения коллективных переговоров на уровне организации.

В Российской Федерации схожие функции выполняют комиссии по регулированию социально-трудовых отношений (ст. 35 ТК РФ): на федеральном уровне – Российская трехсторонняя комиссия, на уровне субъектов федерации – территориальные трехсторонние комиссии, отраслевые (межотраслевые) комиссии по ведению коллективных переговоров.

К субъектам социального партнерства и в Республике Беларусь, и в Российской Федерации относятся также органы по разрешению коллективных трудовых споров: примирительная комиссия, посредник, трудовой арбитраж. Вместе с тем, в отличие от белорусской модели рассмотрения коллективных трудовых споров, российский законодатель регламентирует создание разветвленной системы госорганов, содействующих разрешению коллективных трудовых споров путем организации примирительных процедур и участия в них. В структуру Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации входит Федеральная служба по труду и занятости и ее территориальные органы, выполняющие среди прочего функцию по урегулированию коллективных трудовых споров.

Отсутствие в науке трудового права и законодательстве о труде Республики Беларусь единого подхода к субъектному составу и сторонам социального партнерства приводит к проблемам в правоприменительной практике. В частности, из-за отсутствия легального определения понятия «стороны социального партнерства» в коллективных договорах отдельных организаций Республики Беларусь допускается необоснованное смешение понятий «сторона социального партнерства» и «представитель стороны социального партнерства». Например, в п. 2.3 коллективного договора ОАО «ВИТЕБСКЖИЛСТРОЙ» было указано, что он заключен между профсоюзным комитетом и руководителем этой организации.

Для устранения правовой неопределенности и учитывая позитивный опыт Российской Федерации, предлагаем:

- статью 352 ТК Беларуси дополнить частью второй следующего содержания: «Субъектами социального партнерства являются стороны социального партнерства, представители сторон социального партнерства, органы социального партнерства, органы по разрешению коллективно-трудовых споров»;
- дополнить ТК Беларуси ст. 353¹ следующего содержания: «Сторонами социального партнерства являются работники, наниматели и органы государственного управления в лице уполномоченных ими представителей».

Богданович В. Д.

НЕТИПИЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ ТРУДОВОГО ПРАВА

Богданович Василиса Дмитриевна, студентка 3 курса Международного университета «МИТСО», г. Минск, Беларусь, Exр62001609@mail.ru

Научный руководитель: д-р юрид. наук, профессор Томашевский К. Л.

В связи со стремительными темпами развития трудовых отношений, происходит трансформация рынка труда, изменяются традиционные источники трудового права, появляются новые, нетипичные. Нетипичные источники трудового права характеризуются, на наш взгляд, спецификой юридической силы и особой сферой действия. Напомним, что источники трудового права (в формальном смысле) – это внешние формы выражения и

закрепления норм трудового права, регулирующие трудовые и связанные с ними отношения.

В соответствии со ст. 7 Трудового кодекса Республики Беларусь к источникам регулирования трудовых и связанных с ними отношений относятся: Конституция Республики Беларусь; Трудовой кодекс и другие акты законодательства о труде; коллективные договоры, соглашения и иные локальные правовые акты, заключенные и принятые в соответствии с законодательством; трудовые договоры.

Множество авторов дают свою классификацию источников трудового права, но по некоторым из них существуют различные точки зрения, которые к настоящему моменту не были решены, проблема нетипичных источников является одной из них. Сложность классификации и рассмотрения нетипичных источников трудового права, заключается в отсутствии легального определения «источник трудового права». Ученый-теоретик Н. В. Сильченко делит источники в зависимости от типа и вида правовых систем на типичные и нетипичные, считая нетипичными источниками права те источники права, которые не только по форме или содержанию, а и по месту в системе источников права нельзя отнести к определенному типу и виду систем права.

А. М. Лушников к нетипичным источникам трудового права относит руководящую судебную практику, трудовой договор, правовые доктрины, правила морали и нравственности, директивы президента, технические нормативно-правовые акты, правовые обычаи для Республики Беларусь. Полагаем, что трудовые договоры не следует вообще относить к источникам трудового права, так как они связывают условиями конкретного работника и нанимателя, т. е. не содержат в себе норм трудового права.

К. Л. Томашевский предлагает следующее определение нетипичным источникам трудового права, а именно – это такой носитель норм трудового права или официальный документ, содержащий нормы трудового права, который не имеет частой практики применения в конкретной правовой системе на определенном историческом отрезке времени.

Кратко рассмотрим три нетипичных источника трудового права.

Первый – директивы. Всего в Беларуси было принято 10 директив Президента, причем их статус не был определен в Конституции. Позднее в п. 3 ст. 15 Закона от 17.07.2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» было закреплено, что в целях системного решения вопросов, имеющих приоритетное политическое, социальное и экономическое значение, могут издаваться указы программного характера – директивы Президента Республики Беларусь. К сфере трудового права имеет отношение всего одна Директива от 11.04.2004 г. № 1 «О мерах по укреплению общественной безопасности и дисциплины», причем ее нормы (п. 1.4) до настоящего времени входят в противоречие с некоторыми абзацами п. 7 ст. 42 ТК.

А. Г. Тиковенко относит к нетипичным источникам трудового права Послание Президента Республики Беларусь белорусскому народу и Национальному собранию. В подобном Послании от 23 мая 2006 г.

содержится программа различных правовых положений и инициатив дальнейшего развития гражданского общества и, укрепления взаимодействия государства с гражданами и их организациями, улучшение действующего законодательства, где были затронуты интересы «трудящихся» и улучшение деятельности профсоюзов на план «пятилетки».

Правовой обычай содержит в себе неписаные нормы права, которые регулируют правила поведения в обществе под контролем государства. Некоторые ученые (Т. П. Демиденко, М. А. Жильцов) относят правовой обычай к источникам трудового права, причем к нетипичным. Сложно утверждать о необходимости введения обычая как источника трудового права для Республики Беларусь, так как в основном используются законодательные акты. Но если санкционировать обычай через локальный правовой акт, то он сможет стать правовым, а значит, и источником права.

Проведя анализ, можно сделать вывод, что нетипичный источник права является результатом нормотворчества, содержит в себе нормы права, имеет подзаконный характер. Как правило, эти источники существуют ограниченный период в истории того или иного государства. Важным является то, что подобные нормы признаются государством, т. е. должны основываться на типичных источниках (например, законах, коллективных договорах, локальных правовых актах) и не должны им противоречить.

Дрозд Д. А.

ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА НЕДОПУЩЕНИЯ ДИСКРИМИНАЦИИ В ТРУДОВОЙ СФЕРЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Дрозд Дарья Алексеевна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, dashadrozd55@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Постовалова Т. А.

На сегодняшний день реализация принципа недопущения дискриминации в трудовой сфере имеет теоретические и практические проблемы, поэтому исследование в данной сфере является актуальным.

На международном уровне принцип недопущения дискриминации закреплен в целом ряде актов: Всеобщей декларации прав человека, Конвенции № 111 Международной организации труда «О дискриминации в области труда и занятий», Декларации ООН «О ликвидации дискриминации в отношении женщин», Конвенции ООН «О ликвидации всех форм расовой дискриминации» и т. д.

Международные нормы в значительной степени влияют на национальное законодательство. Так, в ст. 22 Конституции Республики Беларусь закреплено, что все равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов. В трудовом законодательстве закреплены основополагающие его принципы, в том числе принцип недопущения дискриминации, который находит свое отражение в ст. 14 Трудового кодекса Республики Беларусь.

В ст. 190 Уголовного кодекса Республики Беларусь предусмотрена ответственность за нарушение равноправия граждан, данное преступление посягает на общественные отношения, обеспечивающие равноправие человека в различных сферах государственной и общественной жизни вне зависимости от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного или должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям. Отдельно в ст. 199 данного кодекса предусмотрена ответственность за нарушение законодательства о труде, данное преступление выражается в отказе в приеме на работу или увольнения с работы женщины в связи с ее беременностью. Статья 10.12 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях также предусматривает ответственность за нарушение законодательства о труде.

Как мы видим, законодательство Республики Беларусь надлежащим образом устанавливает положения, касающиеся недопущения дискриминации, но этого недостаточно для предотвращения данного явления.

В правовой доктрине самыми распространенными являются следующие формы дискриминации: 1) по возрастному признаку; 2) по половому признаку; 3) людей с инвалидностью; 4) по расовому или этническому признаку; 5) по национальности.

Несмотря на закрепление на законодательном уровне, на практике нанимателями негласно нарушаются данные нормы. Осознавая это, работники приспособляются к выдвинутым нанимателям условиям, не решаются на отстаивание своих прав, так как на них в дальнейшем могут оказывать психологическое давление. Многие отказываются и от помощи организаций, которые могут посодействовать в восстановлении нарушенных прав, опасаясь дальнейших последствий данного действия.

При приеме на работу чаще всего дискриминации подвергаются женщины ввиду того, что они «не обладают» возможностями, которыми обладает кандидат мужского пола, таким образом, женщины находятся в уязвимом положении. Молодые специалисты слышат отказ в свою сторону ввиду неопытности, а также ввиду наличия дополнительных льгот и выплат в отношении данной категории работников, поскольку их обеспечение ложится на нанимателя.

Неоглашение истинных причин отказа, увольнения с работы нанимателем является серьезной проблемой, поэтому факт дискриминации достаточно проблематично установить и доказать, что в дальнейшем приводит к трудностям борьбы с ней. В США и странах Европейского союза бремя доказывания возлагается на ответчиков, в ряде этих стран действует правило доказывания «prima facie», согласно которому истец должен изложить суду сформулированный тезис, доказывающий наличие дискриминации. Далее, бремя доказывания переходит на ответчика.

Обобщив все вышесказанное, можно сделать вывод, что на законодательном уровне дискриминация запрещена, однако на практике не все наниматели следуют закрепленным принципам. Для дальнейшего

противодействия дискриминации предлагается обобщить судебную практику по спорам, возникающим в данной сфере и принять постановление Пленума Верховного Суда «О практике применения судами законодательства при рассмотрении дел о дискриминации в трудовой сфере». Следует закрепить следующие положения: распределение бремени доказывания, судебные издержки и выплату государственной пошлины для освобождения истца, подвергающегося дискриминации, от доказывания и дополнительных судебных расходов.

Дубинчик М. И.

СТАТУС САМОЗАНЯТОГО ГРАЖДАНИНА

Дубинчик Максим Игоревич, студент 2 курса Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины, г. Гомель, Беларусь, maks.dubinchik@bk.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Брилёва В. А.

За 2021 год в Беларуси количество самозанятых выросло в 2,5 раза, это обусловлено тем, что все больше и больше людей хотят заниматься хозяйственной деятельностью без образования юридического лица или оформления индивидуального предпринимателя.

Статус самозанятого гражданина – это специальный статус физического лица, которое не зарегистрировано в качестве индивидуального предпринимателя, физическое лицо самостоятельно оказывает услуги, выполняет работы без привлечения наемных работников. В связи с тем, что увеличивается численность граждан, зарегистрированных как самозанятые, представляется целесообразным более широкое и отдельное закрепление данного понятия в нормативных правовых актах Республики Беларусь.

Так, в Гражданском кодексе Республики Беларусь самозанятость определена как «деятельность, осуществляемая физическими лицами самостоятельно без привлечения иных физических лиц по трудовым и (или) гражданско-правовым договорам», данное понятие не закреплено отдельно, а является лишь пунктом в перечислении деятельности не относящейся к предпринимательской. В Законе от 15 июня 2006 г. «О занятости населения Республики Беларусь» самозанятые граждане относятся к гражданам, «занимающимся иной не запрещенной законодательством деятельностью, приносящей заработок».

Также не указано в отношении кого можно осуществлять услуги, предоставляемые самозанятыми гражданами. Так, например, услуги, которые предоставляются предпринимателями, осуществляются в отношении других лиц и не направлены на собственное использование, а услуги ремесленников направлены на удовлетворение бытовых потребностей людей.

Определение «деятельность самозанятых граждан» можно сформулировать следующим образом: деятельность самозанятых граждан – это деятельность физических лиц по оказанию услуг и выполнению работ, предусмотренная актами законодательства, которая осуществляется

самостоятельно без привлечения других работников по трудовым договорам или договорам подряда (гражданско-правовым договорам) и имеет своей целью удовлетворение потребностей физических и юридических лиц.

Данное понятие требуется закрепить в Гражданском кодексе Республики Беларусь, а именно в ст. 1 «Отношения, регулируемые гражданским законодательством».

Наличие понятия «деятельность самозанятых граждан» в Гражданском кодексе, поможет устранить ошибки в определении вида деятельности, попадающей под данный вид занятости граждан, позволит конкретизировать субъекта, а также отграничить понятие самозанятой деятельности от предпринимательской и ремесленной деятельности.

Журова Ю. А.

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПОЛОЖЕНИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ О ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

Журова Юлия Андреевна, магистрант Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, yuliya.zhurova.2000@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Шпилевская Т. Э.

Вопросы занятости населения являются достаточно острыми и актуальными. Правильный подход законодателя к регулированию вопросов занятости населения способствует осуществлению эффективной государственной политики и поддержанию благоприятного климата в обществе.

Основным правовым актом, регулирующим вопросы занятости населения, на текущий момент является Закон Республики Беларусь от 15 июня 2006 г. № 125-З «О занятости населения Республики Беларусь» (далее – Закон № 125-З). Несмотря на то, что данный правовой акт с течением времени претерпевал ряд изменений, на сегодняшний день ряд его положений нуждается в уточнении и доработке. Исходя из абз. 2 ст. 1 Закона № 125-З, занятость представляет собой деятельность граждан Республики Беларусь, иностранных граждан и лиц без гражданства, постоянно проживающих в Республике Беларусь, иностранных граждан и лиц без гражданства, которым предоставлены статус беженца или убежище в Республике Беларусь, связанная с удовлетворением личных и общественных потребностей, не противоречащая законодательству и приносящая им заработную плату, вознаграждение за выполненную работу (оказанную услугу, создание объектов интеллектуальной собственности), иной доход.

Одним из важнейших признаков занятости как деятельности является ее доходность, т. е. способность приносить заработную плату, вознаграждение за выполненную работу (оказанную услугу, создание объектов интеллектуальной собственности), иной доход. Формулировка данного положения в законодательстве Республики Беларусь позволяет сделать вывод о том, что данный признак занятости является обязательным. Однако, на наш взгляд, критерий доходности нельзя относить к обязательным ввиду того, что

не всегда деятельность может приносить доход или иной заработок. Так, гражданин, осуществляющий предпринимательскую деятельность, исходя из положений абз. 4 ст. 2 Закона № 125-3, будет считаться занятым вне зависимости от того, приносит его деятельность прибыль или нет. Положение данной статьи идет в противоречие с понятием «занятость», закрепленным в абз. 2 ст. 1 Закона № 125-3. Законодатели Украины и Российской Федерации также не закрепили критерий доходности как обязательный. Исходя из вышеизложенного полагаем, что абз. 2 ст. 1 Закона № 125-3 необходимо изложить в следующей редакции: «занятость – деятельность граждан Республики Беларусь, иностранных граждан и лиц без гражданства, постоянно проживающих в Республике Беларусь, иностранных граждан и лиц без гражданства, которым предоставлены статус беженца или убежище в Республике Беларусь, связанная с удовлетворением личных и общественных потребностей, не противоречащая законодательству и направленная на получение заработной платы, вознаграждения за выполненную работу (оказанную услугу, создание объектов интеллектуальной собственности), иного дохода (далее – заработка)».

Анализ закрепления прав безработных граждан позволяет отметить следующее. В соответствии со ст. 6 Закона № 125-3 граждане имеют право на выбор места работы. Данное право реализуется посредством прямого обращения к нанимателю, получения бесплатного содействия органов государственной службы занятости населения и помощи других организаций и индивидуальных предпринимателей в трудоустройстве. На наш взгляд, данная формулировка представляется не совсем корректной по ряду причин. Во-первых, законодатель ограничивает правом граждан на выбор места работы, и не закрепляет право на свободный выбор вида деятельности и рода занятий. Во-вторых, если обратиться к понятию «занятость», закрепленному в ст. 1 Закона № 125-3, необходимо отметить, что она представляет собой деятельность, а не работу, и из формулировки ст. 6 Закона № 125-3 неясно, что подразумевал законодатель под «другими организациями и индивидуальными предпринимателями», так как не все организации и индивидуальные предприниматели могут оказывать гражданам услуги по содействию в трудоустройстве, а только те, которые включены в Реестр агентств по трудоустройству, исходя из положений ст. 15 Закона № 125-3. Ввиду вышеизложенного полагаем, что норму ст. 6 Закона № 125-3 можно изложить в следующей редакции: «Граждане имеют право на выбор места работы, вида деятельности и рода занятий. Это право они реализуют посредством прямого обращения к нанимателю, получения бесплатного содействия органов государственной службы занятости населения, а также путем обращения в агентства по трудоустройству».

Таким образом, можно сделать вывод, что действующее законодательство Республики Беларусь о занятости населения, несмотря на наличие ряда изменений и дополнений, нуждается в модернизации. На наш взгляд, предлагаемые изменения устранят ряд существующих пробелов, а также гармонизируют законодательство в данной области.

Куракина В. В.
ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРИНЦИПОВ ТРУДОВОГО ПРАВА
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Куракина Виктория Васильевна, аспирант Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, vika.alekseeva.1994@list.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Петоченко Т. М.

Цифровая трансформация экономики, включая цифровизацию трудовой сферы, входит в число основных приоритетов развития Республики Беларусь, которые регламентируются п. 5.2 Указа Президента Республики Беларусь от 29 июля 2021 г. № 292 «Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы».

Процессы цифровизации экономики, включающие роботизацию производства, оказывают серьезное воздействие на сферу труда, в результате чего становится возможным: труд на соседних рабочих местах «умных» роботов, работников-людей и лиц с нейропротезами, наделенными искусственным интеллектом и способными вступать в прямой контакт с робототехникой.

Эффективное развитие экономики невозможно без справедливого регулирования трудовых отношений, основывающегося на общепризнанных принципах международного права в социально-трудовой сфере. Они формируют базис отрасли и являются самым устойчивым элементом системы права, ориентирами для развития законодательства о труде, так как воплощают в себе идеи, выражающие сущность трудового права.

Некоторые авторы затрагивают тему трансформации принципов трудового права.

По мнению В. А. Карташкина, «стабильность принципов не означает их неизблемости, тем более “окостенения”, принципы могут развиваться, наполняться новым содержанием в связи с развитием общества и появлением новых важных составляющих. Он указывает, что правовые принципы “зарождаются, зреют и, в конечном счете, могут исчезнуть” в связи с наполнением сферы действия принципа иным содержанием».

С. Ю. Головина считает, что меняющиеся экономические условия ставят перед законодателем новые задачи по «содействию занятости, неизбежности формирования нового типа трудовых отношений и новых моделей их оформления».

По мнению И. А. Филиповой, социально-экономические изменения, требующие реагирования со стороны трудового права, произойдут не одномоментно, а в несколько этапов, отражающих смену технологического уклада: 1) возрастающая замена части функционала работников компьютерными программами, промышленными и коллаборативными роботами; 2) масштабирование технологий и смена архитектуры рынков (включая распространение работников с нейропротезами); 3) совместная работа работников-людей и роботов – субъектов трудового права;

4) вытеснение работников-людей роботами. Все это будет сопровождаться изменением архитектуры рынков, перестройкой структуры отраслей экономики.

Если предположить, что «умные» роботы станут субъектами права и займут соседние рабочие места с работниками, то принцип свободы объединения работников и принцип недопустимости дискриминации необходимо будет конкретизировать, так как в существующей редакции они начнут действовать против работников. Принцип недопустимости дискриминации работников, трактуемый как принцип обеспечения равенства возможностей работников без всякой дискриминации на продвижение по работе с учетом производительности труда будет на стороне более эффективных работников-роботов. После наделения электронной личности правами работника, включая право на вступление в профессиональные союзы и защиту своих интересов и право на обращение в органы занятости в целях содействия трудоустройству, принцип свободы труда также потребует трансформации.

Корректировка принципов трудового права объективно необходима по следующим причинам: развитие цифровых технологий трансформирует общественные отношения; в новой экономике происходит расширение понятия «общественные отношения» (это не только отношения между людьми, в них еще могут включаться новые субъекты); возрастает роль применения метода правового моделирования для правового регулирования общественных отношений; трудовые правоотношения изменяются в условиях цифровой трансформации; трудовое право должно быть подготовлено к цифровой трансформации; существует необходимость создания «правовой песочницы» в области трудового права; развитие трудового права может идти по пути наделения роботов правосубъектностью, проработки особых режимов для лиц с нейропротезами, наделенными искусственным интеллектом.

Лебедик Д. В.

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ УВОЛЬНЕНИЯ В СВЯЗИ С ОТСУТСТВИЕМ СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Лебедик Дмитрий Владимирович, студент 3 курса Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; г. Томск, Россия, imeupravokima@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Демидов Н. В.

Одной из главных и спорных тем в трудовом праве является тема увольнения работника. В большинстве своем именно увольнение является отправной точкой, когда работник начинает задумываться о соблюдении работодателем его (работника) трудовых прав, гарантированных ему государством, начинает отстаивать свои права и доказывать свою невиновность. При этом, как показывает практика, именно при увольнении работодатель чаще всего ущемляет права работника.

Как гласит п. 3 ч. 1 ст. 81 Трудового кодекса Российской Федерации (ТК РФ): «Трудовой договор может быть расторгнут работодателем в случае несоответствия работника занимаемой должности или выполняемой работе вследствие недостаточной квалификации, подтвержденной результатами аттестации». Более того, вышеуказанный пункт бланкетно отсылает к Приказу Роструда от 13.05.2022 № 123 «Об утверждении Руководства по соблюдению обязательных требований трудового законодательства», где, в свою очередь, также подтверждаются положения п. 3 ст. 81 ТК РФ. При этом, согласно ч. 1 ст. 195.1 ТК РФ: «Под квалификацией работника понимается его уровень знаний, умений, профессиональных навыков и опыта работы». Нельзя отрицать тот факт, что уровень знаний, в свою очередь, зависит как от общего, так и профессионального образования, получаемого лицом. Уровни образования в РФ установлены в п. 4 и 5 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

Согласно ч. 7 ст. 12 ТК РФ: «Действие закона или иного нормативного правового акта, содержащего нормы трудового права, распространяется на отношения, возникшие до введения его в действие, лишь в случаях, прямо предусмотренных этим актом». Таким образом, в исключительных случаях, существует возможность обратной силы закона. В связи с этим представим следующую ситуацию: законодатель издает нормативный правовой акт, где, в свою очередь, императивно устанавливает определенный образовательный ценз (к примеру, наличие высшего образования для определенной занимаемой должности) и указывает, что действие данного закона, содержащего нормы трудового права, распространяется на отношения, возникшие до его введения в действие. Как в таком случае работодателю следует поступить с работником, который был принят на должность до введения данного закона и который не имеет соответствующего уровня профессионального образования? Исходя из буквального трактования – работодатель получает легальную и обоснованную с точки зрения действующего законодательства возможность уволить работника по п. 3 ст. 81 ТК РФ. Однако встает резонный и вполне закономерный вопрос: законным ли, согласно духу закона, а не его букве, будет такое увольнение?

Представляется, что, обращаясь прежде всего к духу закона, а не его букве, данное увольнение олицетворяет собой незаконный и несоответствующий современному уровню развития права в РФ способ лишения работника права на труд, фундаментальный принцип, указанный законодателем в ч. 2 ст. 2 ТК РФ.

Видится целесообразным указать на тот факт, что предоставление работодателю возможности легального и беспрепятственного увольнения работника – антигуманный инструмент ущемления прав работника, который, вероятнее всего, превратит и так существующие трудовые отношения, построенные на минимальном уровне доверия между работником и работодателем, в крайне подозрительные, исключая для работника возможность быть уверенным в стабильности завтрашнего дня.

Думается, что объективно справедливым будет закрепление законодателем временного периода после издания соответствующего нормативного правового акта, предусматривающего для работника возможность поступления в учебное заведение на необходимую для осуществления трудовой функции образовательную программу.

Представляется обоснованным, что вышеуказанная конструкция позволит работнику подтвердить факт его заинтересованности в выполнении трудовой функции у конкретного работодателя и позволит ему (работнику) сохранить рабочее место, не дав работодателю повода для незаконного увольнения, противоречащего фундаментальным принципам трудового права, заложенным законодателем в ст. 2 ТК РФ.

Навицкая И. Д.

ОСОБЕННОСТИ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА ПРИ ДИСТАНЦИОННОЙ РАБОТЕ

*Навицкая Ирина Дмитриевна, студентка 4 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
irinka.navitskaya.57@mail.ru*

Научный руководитель: старший преподаватель Клачкова Т. В.

Дистанционная работа как одна из форм нетипичной занятости нашла свое законодательное закрепление с принятием Закона Республики Беларусь от 18 июля 2019 г. № 219-3 «Об изменении законов», которым в Трудовой кодекс Республики Беларусь (далее – ТК) введена глава 25¹ «Особенности регулирования труда работников, выполняющих дистанционную работу». Согласно ст. 307¹ ТК дистанционной работой считается работа, которую работник выполняет вне места нахождения нанимателя с использованием для выполнения этой работы и осуществления взаимодействия с нанимателем информационно-коммуникационных технологий.

Отличительной чертой дистанционной работы является возможность использования электронного документооборота при взаимодействии дистанционного работника и нанимателя. В соответствии с ч. 4 ст. 307¹ ТК письменные задания, иная информация для исполнения трудовых обязанностей, результаты выполненной работы, заявления и объяснения работника, а также иные документы, не требующие ознакомления работника под роспись, могут направляться путем обмена файлами с текстами документов в электронном виде.

Следует различать документ в электронном виде и электронный документ. Электронный документ прямо регламентирован в законодательстве Республики Беларусь, приравнивается к документу на бумажном носителе и подписывается электронной цифровой подписью (далее – ЭЦП). Документ в электронном виде прямо не регламентирован в законодательстве Республики Беларусь, не приравнивается к документу на бумажном носителе и может подписываться иным аналогом собственноручной подписи. При этом любой электронный документ является документом в электронном виде, однако не

всякий документ в электронном виде является электронным документом. С учетом вышесказанного, при обмене электронными документами должны обязательно использоваться ЭЦП дистанционного работника и нанимателя в порядке, установленном законодательством.

При этом законодательство Республики Беларусь допускает возможность использования иных аналогов собственноручной подписи (например, Adobe Acrobat Sign). Документ, подписанный таким аналогом собственноручной подписи:

1) не будет являться электронным документом (Adobe Acrobat Sign не может выступать как инструмент, аналогичный ЭЦП, в понимании белорусского законодательства, и соответственно, не может придать документу статус электронного документа);

2) относится к документам в электронном виде.

В то же время при заключении трудового договора в рамках действующего законодательства подписание такого рода документа в любом случае приводит к необходимости применения традиционной письменной формы трудового договора, т. е. подразумевает последующую досылку оригинала договора в течение срока, указанного в договоре.

Противоположный подход применяется в Трудовом кодексе Российской Федерации (далее – ТК РФ). Трудовой договор и дополнительное соглашение к трудовому договору, предусматривающие выполнение работником трудовой функции дистанционно, могут заключаться путем обмена электронными документами с использованием усиленной квалифицированной ЭЦП (ч. 1 ст. 312.2 ТК РФ).

Таким образом, в качестве полноценного аналога собственноручной подписи может использоваться ЭЦП (как юридическими, так и физическими лицами). Иные аналоги собственноручной подписи могут применяться, однако при условии соблюдения ряда требований (ограничений) законодательства Республики Беларусь.

Следует изучить подход, предложенный в трудовом законодательстве России, и предусмотреть возможность заключения трудового договора путем обмена электронными документами без личного присутствия.

Носырева М. А.

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ КАК ВЕДУЩЕЕ НАПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ ТРУДОВОГО ПРАВА

*Носырева Мария Александровна, студентка 2 курса Оренбургского института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург, Россия,
m-nosyreva1701@mail.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Черепанцева Ю. С.

Являясь ведущей отраслью российского права, трудовое право регулирует отношения в сфере общественного труда, складывающиеся между работниками и работодателями, а также другие непосредственно

связанные с ними отношения. Основной задачей отрасли является создание необходимых правовых условий для достижения оптимального согласования интересов сторон трудовых отношений, интересов государства. Пределы действия и распространение норм трудового права могут быть различны, что является проблемой дифференцированного подхода в трудовом праве. Под дифференциацией следует понимать различие в правовом регулировании трудовых отношений работников по определенным устойчивым факторам, неизбежно существующим в процессе функционирования общественной организации труда и закрепленным в законодательстве.

Количество и содержание оснований дифференциации в настоящее время не позволяет признать их перечень исчерпывающим. Однако, анализируя мнения ученых-трудовиков можно говорить о том, что в своем большинстве проявления дифференциации связаны с тремя направлениями: характером и особенностями производства (отраслевая дифференциация); половозрастными, квалификационными и иными особенностями (субъектная дифференциация); месторасположением организации, где применяется совместный труд (территориальная дифференциация). При этом при разграничении данных направлений четко прослеживаются две основные группы дифференцирующих факторов, одна из которых является в традиционном своем понимании объективным фактором, обуславливающим объективные условия труда, а другая – субъективным, характеризующим собой присущие работнику особенности субъектного состава и физиологические критерии.

Рассматривая позицию законодателя, согласно ч. 6 ст. 11 Трудового кодекса Российской Федерации (ТК РФ), мы видим, что особенности правового регулирования труда отдельных категорий работников (руководителей организаций, лиц, работающих по совместительству, женщин, лиц с семейными обязанностями, молодежи и других) устанавливаются в соответствии с настоящим Кодексом. Тем самым законодатель относит к числу основных начал трудового законодательства и саму дифференциацию, закрепляя ее в тексте раздела XII «Особенности регулирования труда отдельных категорий работников».

Ретроспективный анализ трудового законодательства позволяет говорить о категориях работников, труд которых на протяжении многих десятилетий регулируется отдельными правовыми нормами. Так, к ним следует отнести надомников, совместителей, временных и сезонных работников, лиц, работающих вахтовым методом, работников Крайнего Севера, женщин и несовершеннолетних, педагогических, медицинских работников, работников транспорта и др. С развитием рыночных отношений, изменением форм собственности и появлением новых организационно-правовых форм, в сферу трудового регулирования были включены работодатели – физические лица, иностранные работники, религиозные организации. Существенным стало признание трудовыми, отношений в сфере профессионального спорта и распространение норм ТК РФ на спортсменов и тренеров. Никого уже не удивляют такие работодатели, как

частные агентства занятости или микро-предприятия. Трендом последних лет стали дистанционные работники. Все сказанное свидетельствует о том, что одной из тенденций развития трудового права как самостоятельной отрасли, стало увеличение количества специальных норм, регулирующих труд отдельных категорий работников, что характеризует собой дифференциацию. При этом углубление дифференциации выражается как в расширении ее факторов при помощи включения специальных глав или статей в ТК РФ, так и увеличении объема особенностей или круга субъектов, охватываемых дифференциацией в рамках того или иного основания.

В рамках проводимого изучения, обращают на себя внимание последние изменения трудового законодательства, посвященные вопросам обеспечения государством трудовых прав в отношении такой категории, как мобилизованные граждане. Частичная мобилизация внесла изменения во все сферы общественной жизни, но в первоочередном порядке потребовала от законодателя принятия мер по урегулированию процедуры увольнения работника в связи с его призывом на военную службу, сохранения места работы за мобилизованным работником, выплата заработной платы и иных сумм, обеспечения социальных гарантий работникам и их семьям. С 7 октября 2022 г. в ТК РФ введена ст. 351.7, регулирующая особенности обеспечения трудовых прав работников, призванных на военную службу по мобилизации или поступивших на военную службу по контракту либо заключивших контракт о добровольном содействии в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации.

Сацункевич А. И.

**ПОНЯТИЕ «ДИСТАНЦИОННАЯ РАБОТА»
В ТРУДОВОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ ЕАЭС:
КЛЮЧЕВЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ**

Сацункевич Анастасия Игоревна, магистрант Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, nsac078@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Мотина Е. В.

Правовое регулирование дистанционной работы в государствах ЕАЭС нашло свое отражение в трудовом законодательстве Республики Беларусь, Республики Казахстан, а также Российской Федерации, где в соответствующих статьях трудовых кодексов (далее – ТК) содержатся определения понятия «дистанционная работа». При этом в Республике Армения и Кыргызской Республике не закреплены особенности правового регулирования дистанционной работы.

Обратимся к ст. 307-1 Трудового кодекса (ТК) Республики Беларусь, где под дистанционной работой понимается «работа, которую работник выполняет вне места нахождения нанимателя с использованием для выполнения этой работы и осуществления взаимодействия с нанимателем информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ)».

Полагаем, что формулировка «работа, которая выполняется вне места нахождения нанимателя» не в полной мере раскрывает сущность и правовую природу дистанционной работы. Разъяснения понятия «место нахождения нанимателя» в ТК не содержится, при этом по общему правилу, согласно п. 2 ст. 50 Гражданского кодекса Республики Беларусь, «место нахождения юридического лица располагается по месту постоянно действующего исполнительного органа». Например, рассмотрим ситуацию, где нанимателем является юридическое лицо, но работник заключает трудовой договор с руководителем обособленного структурного подразделения, который является уполномоченным должностным лицом нанимателя.

Нанимателем согласно абз. 7 ч. 1 ст. 1 ТК Республики Беларусь является «юридическое или физическое лицо, которому законодательством предоставлено право заключения и прекращения трудового договора с работником». Таким образом, нанимателем будет считаться не само обособленное подразделение, а юридическое лицо. При этом обособленное подразделение может определяться как место работы в трудовом договоре и по смыслу абз. 8 ч. 1 ст. 1 ТК Республики Беларусь находиться вне места нахождения нанимателя.

Таким образом, территориально место работы, а тем более рабочее место при выполнении трудовой функции не обязательно будет совпадать с местом нахождения нанимателя, но это не означает, что работник является дистанционным. Более того, из правовой природы дистанционной работы следует, что, как правило, если иное не предусмотрено в трудовом договоре, дистанционный работник имеет возможность самостоятельно определять рабочее место и даже постоянно изменять его при желании.

В большей мере данные особенности учитываются в определениях дистанционной работы, закрепленных в трудовом законодательстве Республики Казахстан и Российской Федерации.

Так, согласно подп. 55-2 п. 1 ст. 1 ТК Республики Казахстан дистанционная работа представляет собой «осуществление трудового процесса вне места нахождения работодателя, принимающей стороны и их объектов с применением в процессе трудовой деятельности ИКТ». В данном понятии учтена также возможность дистанционной работы в рамках заемного труда, правовое регулирование которого с 2020 г. закреплено в ТК Республики Казахстан, в связи с чем определением исключается осуществление трудовой функции дистанционным работником в том числе по месту нахождения принимающей стороны и ее объектов.

В свою очередь в определении, закрепленном в ст. 312.1 ТК Российской Федерации под дистанционной (удаленной) работой понимается «выполнение определенной трудовым договором трудовой функции вне места нахождения работодателя, его филиала, представительства, иного обособленного структурного подразделения (включая расположенные в другой местности), вне стационарного рабочего места, территории или объекта, прямо или косвенно находящихся под контролем работодателя, при условии использования для выполнения данной трудовой функции и для осуществления

взаимодействия между работодателем и работником по вопросам, связанным с ее выполнением, информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», и сетей связи общего пользования».

Таким образом, законодатели государств – членов ЕАЭС практически единообразно выделяют использование ИКТ для выполнения трудовой функции и взаимодействия работника с нанимателем (работодателем) как характерный признак дистанционной работы. Основным признаком, который наиболее удачно отражен в легальных определениях дистанционной работы Республики Казахстан и Российской Федерации, является также место выполнения дистанционным работником своей трудовой функции. Полагаем, что данные подходы могут стать ориентиром для совершенствования законодательства в Республике Беларусь, где определение дистанционной работы следует уточнить с учетом того, что дистанционная работа по своему смыслу должна выполняться не только вне места нахождения нанимателя, а также вне помещений и территорий, находящихся под прямым контролем нанимателя или его уполномоченных должностных лиц.

Сиваракша В. В.

ВОПРОСЫ ДИСКРИМИНАЦИИ ЖЕНЩИН КАК СУБЪЕКТОВ ТРУДОВОГО ПРАВА

Сиваракша Валерия Викторовна, студентка 2 курса Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия, Super.sivaraksha2017@yandex.ru

Научный руководитель: д-р юрид. наук, доцент Шестерякова И. В.

Основным нормативным документом государства выступает Конституция Российской Федерации, согласно ст. 19 которой все люди независимо от пола, возраста или других характеристик равны как перед законом, так и перед судом, поэтому не допускается какая-либо дискриминация или ограничения, государство гарантирует россиянам, что у них имеются совершенно одинаковые права и свободы.

Во многих странах формально распространены идеи карьерного равноправия: каждый человек волен сам решать, как он хочет работать и нужно ли ему это вообще. Но на практике пол по-прежнему ощутимо влияет на карьерные возможности. Киты, на которых стоит гендерное неравенство: разрыв в оплате труда мужчин и женщин, «стеклянный потолок», наличие «мужских» и «женских» профессий...

ООН уже несколько лет ежегодно публикует индекс неравенства полов, и даже по самым оптимистичным прогнозам для достижения гендерного равенства нужны еще десятилетия. Это инструмент помощи и поддержки, который помогает обнаружить дискриминацию по половому признаку, сделать ее видимой для общества и объяснить, как подобные практики нарушают самые базовые права женщин, которые не требуется как-то дополнительно «заслужить», – на свободу и уважение.

Почему же женщины подвержены дискриминации в трудовой сфере? Ответ очевиден: стереотипы, которые формировались годами стали для работодателя основой, которую он не собирается менять. Самой распространенной проблемой, с которой сталкиваются женщины как субъекты трудового права, является разница в оплате труда. Разрыв в оплате труда в России в 2019 г. составил 27,9 % (расчет по данным Росстата), что существенно превышает среднемировой показатель. Эти данные приведены также в Добровольном национальном обзоре достижения Целей устойчивого развития, представленном Россией на Политическом форуме высокого уровня при ООН в июле 2020 г.: российские мужчины в 2019 г. зарабатывали на 27,9 % больше, чем женщины: отношение заработной платы женщин к заработной плате мужчин составило 72,1 %. Хотя в п. 5 ч. 2 ст. 22 ТК РФ и говорится, что работодатель обязан обеспечивать работнику равную оплату за труд равной ценности, не все придерживаются данного закона, поэтому законодательство Российской Федерации должно урегулировать данный вопрос. В исследованиях чаще всего используется формула «зарплата мужчин минус зарплата женщин». Сейчас глобально в мире этот показатель составляет 23 %, в Европе 14 %, в России 28 %. Решение можно найти, ориентируясь на разные страны. В Австралии, например, действует государственное учреждение – Агентство по обеспечению гендерного равенства на рабочем месте, одна из целей которого – обеспечение равной оплаты женщин и мужчин за труд равной ценности. Вопросы равной оплаты входят также в компетенцию Комиссии по достойному труду, Омбудсмана по достойному труду и Австралийской Комиссии по правам человека, при этом антидискриминационные комиссии действуют во всех австралийских штатах. Разница в оплате труда – это разница в карьерных возможностях, в доступе к труду. Мы говорим о вертикальной сегрегации. Это перевернутая пирамида: чем выше должность, тем меньше женщин мы там видим. Женщины на рабочем месте по-прежнему подвергаются разным видам харассмента. Многим женщинам приходится подстраиваться под коллег, чтобы получить продвижение по службе.

Сдвинуть ситуацию с мертвой точки и сделать механизм борьбы с дискриминацией в сфере труда можно, но это будет непростой и длительный процесс, который потребует внесения изменений как в законодательство, так и в общественное сознание граждан РФ. Мы предлагаем рассматриваемую проблему решать следующим образом: создать специализированный орган или общественную организацию, которая будет рассматривать вопросы дискриминации; расширить понятие определения дискриминации в ст. 3 ТК РФ. Поскольку проблема дискриминации полов выходит за рамки трудового законодательства, предлагаем начинать решать эту проблему еще с раннего возраста, с образовательных учреждений, которые будут закладывать в сознание молодого поколения знания о том, что все равны, во всех сферах жизни общества.

Синькевич А. А.
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВРЕМЕНИ ОТДЫХА
ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Синькевич Анна Андреевна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, anna.sinkevich.02@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Постовалова Т. А.

Право на труд и отдых граждан каждого государства фиксируются в нормативных правовых актах согласно законодательству той или иной страны. Поскольку это право закреплено во Всеобщей декларации прав человека ООН (1948), трудовое законодательство всех государств мира опирается на единые положения, которые гарантируют гражданам свободный выбор работы, справедливые условия труда, защиту их интересов и, конечно, обеспечивают им право на полноценный отдых.

Российская Федерация и Республика Беларусь как два независимых государства имеют тесное взаимодействие, обусловленное продолжительным совместным историческим прошлым, в частности, их нахождение в составе одного государства (СССР) в течение долгого промежутка времени. Так, трудовое законодательство стран СНГ имеет значительные сходства как в основных положениях, так и в некоторых деталях. К таким положениям можно отнести схожие понятия о трудовом договоре, правах и обязанностях работодателей и работников, соблюдение конституционных прав граждан и др. Когда Российская Федерация и Республика Беларусь сформировались как обособленные суверенные государства, началась разработка их новых трудовых законодательств. В ходе этого процесса научные сотрудники и специалисты в сфере охраны труда активно взаимодействовали, обмениваясь опытом, что и послужило причиной схожести нормативных правовых актов в сфере трудового законодательства. Разумеется, трудовые кодексы двух государств не являются идентичными и имеют свои особенности.

В конце 1990-х гг. главы Российской Федерации и Республики Беларусь начали разработку проекта Союзного государства – интеграционного (наднационального) образования, которое бы обеспечило восстановление утраченных после распада СССР тесных экономических связей и создало единое политическое, экономическое, юридическое, рыночное, военное, валютное, таможенное, гуманитарное, культурное пространство. Согласно ст. 7 Договора о равных правах граждан Российской Федерации и Республики Беларусь граждане Беларуси и России имеют равные права в оплате труда, режиме рабочего времени и времени отдыха, условиях труда и других вопросах трудовых отношений.

Согласно трудовому законодательству Российской Федерации, к видам отдыха относятся: перерывы в течение рабочего дня (смены), ежедневный (междусменный) отдых, выходные дни (еженедельный непрерывный отдых), нерабочие праздничные дни и отпуска – все указанные виды отдыха

закреплены в ст. 107 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ). В Трудовом кодексе Республики Беларусь (далее – ТК Беларуси) выделяют такие виды времени отдыха, как перерывы в течение рабочего дня; междудневные перерывы (ежедневный отдых); выходные дни (еженедельный непрерывный отдых); государственные праздники и праздничные дни, являющиеся нерабочими днями; трудовые и социальные отпуска.

Рассмотрев подробнее правовое регулирование времени отдыха по законодательству Республики Беларусь и Российской Федерации, можно прийти к выводу, что оно имеет гораздо больше общего, чем различий, что обусловлено сотрудничеством этих государств во время формирования законодательной базы и по настоящее время.

Учитывая положительный опыт правового регулирования времени отдыха в Российской Федерации, можно предложить следующие новеллы по совершенствованию законодательства Республики Беларусь. Например, предлагаем дополнить ст. 147 ТК Беларуси пунктом, аналогичным п. 2 ст. 112 ТК РФ, суть которого заключается в том, что при совпадении выходного и нерабочего праздничного дней выходной день переносится на следующий после праздничного рабочий день, за исключением выходных дней, совпадающих с нерабочими праздничными днями. Полагаем, данное изменение законодательства Республики Беларусь будет подчеркивать значимость праздничного, а также в какой-то мере отличит от выходного дня. Поэтому следует пересмотреть перечень праздничных дней в Республике Беларусь в целом, так как присутствует яркое отличие в новогодних каникулах, которые в Беларуси длятся 2 дня (1 и 2 января), а в России – 7 (1–6, 8 января), кроме этого в России к нерабочим праздничным дням еще добавляется День защитника Отечества. Подобные изменения позволят гражданам полноценно отдохнуть, чтобы впоследствии приступить к выполнению своих рабочих обязанностей. Также существенным дополнением было бы закрепление времени отдыха в одной главе, поскольку в ТК РФ удачно выделен отдельный раздел, посвященный времени отдыха. Это позволило бы облегчить поиск необходимых норм в трудовом законодательстве и обеспечило бы его систематизацию. Важно отметить, что трудовое законодательство Беларуси обеспечивает гражданам полноценный отдых, однако некоторые правовые нормы могут быть усовершенствованы.

Столбунова С. А.

НЕТИПИЧНОЕ ТРУДОВОЕ ОТНОШЕНИЕ: ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ

*Столбунова Стефания Александровна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
s.stolbunova9@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Мотина Е. В.

В основе возникновения нетипичных трудовых отношений лежат процессы модернизации экономики, связанные с появлением инновационных технологий и их применением в организации труда. Для понимания того, что

подразумевается под нетипичным трудовым отношением, важно исходить из определения признаков *типичного* трудового отношения. В доктрине и практике трудового права (как отечественного, так и зарубежного) можно проследить общий подход. Так, к признакам *типичного* трудового отношения относятся те, которые обусловлены властью над личностью работающего в договорных отношениях, опосредующих самостоятельный труд. К таким признакам относят следующие:

1) личный (работник обязуется выполнять работу лично, не привлекая третьих лиц);

2) организационный (подчинение хозяйской власти нанимателя – наниматель организует процесс труда, обладает директивными и контролирующими полномочиями);

3) имущественный (работник выполняет работу за плату по заранее известным нормативам; плата начисляется не за результат, а за процесс – определяется экономическая зависимость работника).

С этой позиции нетипичные трудовые отношения определяются как отношения, в котором отсутствует либо видоизменен какой-либо из конститутивных признаков классического трудового отношения. К ним, в частности, относят:

- *дистанционную работу* (видоизменяется организационный признак – работа выполняется удаленно, вне места нахождения нанимателя);

- *заемный труд* (видоизменяется организационный признак, поскольку существует фактически два нанимателя);

- *работу на интернет-платформах* (видоизменяется организационный признак ввиду возникновения трехсторонних отношений (помимо работника, заказчик и платформа) и применения алгоритмического управления; имущественный признак также трансформируется – стоимость трудовых заданий может изменяться, о чем работник не будет осведомлен).

Однако некоторые авторы при определении *типичности* трудового отношения, кроме указанных выше признаков, используют категорию полного *рабочего времени* (full-time work) и его стандартные режимы, а также *бессрочность отношений*.

Отметим, что категорию рабочего времени в качестве признака трудового отношения рассматривал Н. Г. Александров, признавая ее *факультативность*. Однако при растущей гибкости рынка труда и появления новых форм занятости элемент рабочего времени утрачивает свое первоначальное значение и действительно становится характеристикой нетипичных отношений. Это видно на примерах работы по требованию (on-demand work) и с нулевым рабочим временем (на основе zero-hours contracts).

Таким образом, этот подход позволяет относить к нетипичным трудовым отношениям и срочные трудовые отношения, отношения с неполным рабочим временем, работу в условиях нестандартных режимов рабочего времени.

Разработка критериев типичных и нетипичных трудовых отношений необходима для обеспечения дифференции правового регулирования

трудовых отношений, характеризующихся всевозрастающей гибкостью. Таким образом, становится возможным отнесение соответствующих отношений, несмотря на их нетипичность, в сферу действия трудового права, что отвечает положениям Рекомендации Международной организации труда № 198, согласно которой «в целях содействия определению существования индивидуального трудового правоотношения государства-члены должны рассмотреть возможность: а) выделения более обширного набора средств для определения существования трудового правоотношения; б) установления правовой презумпции существования индивидуального трудового правоотношения в том случае, когда определено наличие одного или нескольких соответствующих признаков».

Шатрун В. В.

ОСОБЕННОСТИ ТРУДОУСТРОЙСТВА МОЛОДЕЖИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ, ГЕРМАНИИ И ШВЕЦИИ

Шатрун Вероника Валерьевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь; nikash2409@gmail.com

Научный руководитель: старший преподаватель Нухайчик О. Л.

Если рассматривать особенности трудоустройства молодежи в Республике Беларусь, заключение трудового договора допускается с лицами, достигшими шестнадцати лет. С лицами от 14 до 16 лет трудовой договор может быть заключен только с письменного согласия одного из родителей, для выполнения легкой работы. Предварительное испытание при приеме на работу для несовершеннолетних не устанавливается.

Если рассматривать Германию, то труд детей и подростков регулируется специальным законом об охране труда несовершеннолетней молодежи, а также положением об охране труда детей. В соответствии с законом к детям относятся лица в возрасте 13–15 лет. Подростковый период определяется возрастом 15–18 лет. Кроме того, на подростков также распространяется положение об охране труда детей в течении всего периода обучения в школе.

Минимально допустимый возраст для постоянной работы в Германии на предприятии составляет 15 лет. Подросткам старше 15 лет в период школьных каникул разрешается быть регулярно занятым на работе не более 1 месяца в году. Дети до 15 лет могут работать на предприятии только в качестве практикантов с профессиональным обучением. В Швеции действует множество законов о запрещении дискриминации (начиная с приема на работу и заканчивая увольнением), поэтому законодательно не установлен никакой возрастной ценз для приема на работу.

Если рассматривать общие положения возрастного ценза, можно обратиться к ст. 3 Конвенции о минимальном возрасте для приема на работу, заключенной в Женеве 06.06.73 № 138. В данной Конвенции закрепляется возрастной ценз в 18 лет для работы, которая может нанести ущерб здоровью, безопасности или нравственности подростка. Но в ч. 3 данной статьи указан минимальный возраст в 18 лет. Следовательно, все страны

отходят от рекомендуемых стандартов, но в данном случае можно только сделать вывод, что после многих лет после принятия Конвенции государства пошли по пути развития трудоустройства молодежи с ранних лет.

Согласно ст. 114 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК), продолжительность рабочего времени несовершеннолетних от четырнадцати до шестнадцати лет – не более 23 часов в неделю, от шестнадцати до восемнадцати лет – не более 35 часов в неделю; работающих в течение учебного года в свободное от учебы время, не может превышать половины максимальной вышеуказанной продолжительности рабочего времени для лиц соответствующего возраста. В соответствии со ст. 134 ТК работникам предоставляется в течение рабочего дня перерыв для отдыха и питания продолжительностью не менее 20 минут и не более двух часов, который используется работником по своему усмотрению и в рабочее время не включается. В изменениях к ТК, планируемых на 2023 год, предусматривается, что перерыв для отдыха и питания по желанию работника может не предоставляться при установлении ему продолжительности ежедневной работы (смены), не превышающей 4 часов;

В Германии некоторые подростки, окончившие среднюю школу и не посещающие профессиональные учебные заведения, имеют право начинать трудиться на предприятии. Как и для всех работников продолжительность их рабочего времени в неделю не должна превышать 40 часов, что считаем нецелесообразным для молодых людей, и, по нашему мнению, Республика Беларусь пошла по правильному пути сокращения рабочего времени в неделю. Максимальная дневная занятость составляет 8 часов. Рабочий день подростков от 15 до 18 лет не должен начинаться ранее 6 часов утра и заканчиваться позднее 20.00. Время отдыха должно составлять не менее 30 минут.

Рассмотрев данный вопрос, полагаем, что несовершеннолетним работникам для поддержания здоровья в любом случае должен предоставляться обязательный перерыв в течение рабочего дня, который должен быть закреплен в новой редакции Трудового кодекса.

Также рассмотрим вопрос уровня молодежной безработицы в Республике Беларусь и рассматриваемых зарубежных странах. Что касается Швеции, уровень безработицы среди молодежи (от общего числа безработных 15–24 лет) составляет 22,1 %. В Германии данный показатель составляет 5,7 %, в Республике Беларусь – 6,5 %, хотя еще 5 лет назад в Беларуси показатели молодежной безработицы были намного выше. Данный факт может свидетельствовать о том, что Республика Беларусь развивает молодежную политику в сфере трудоустройства и занятости.

Абрамчик А. А.

О НЕОБХОДИМОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ЗАПРЕТА ПРОПАГАНДЫ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ ПРЕКУРСОРОВ ИЛИ АНАЛОГОВ

*Абрамчик Анастасия Александровна, студентка 2 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
abramchic2003@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Пухов А. А.

Пропаганда наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов (далее – запрещенных веществ), создает угрозу для политического и социально-экономического развития и безопасности всех государств в мире.

С юридической точки зрения под пропагандой запрещенных веществ подразумевается деятельность отдельных лиц, направленная на распространение любой информации о наркотиках, методах их изготовления, использования. На наш взгляд, к пропаганде также относятся оглашение названий запрещенных веществ, размещение картинок, видеороликов, буклетов, плакатов, которые связаны с запрещенными веществами, так как любые надписи или видео могут быть признаны агитацией. Это связано с тем, что любая пропаганда может содержать скрытые манипуляции, призывающие к употреблению запрещенных веществ.

В Республике Беларусь ответственность за незаконное употребление, незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов предусмотрена ст. 19.3 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 91-3 (далее – КоАП) и ст. 328, 328¹ Уголовного кодекса Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3 (далее – УК).

Декретом Президента Республики Беларусь от 28 декабря 2014 г. № 6 «О неотложных мерах по противодействию незаконному обороту наркотиков», регламентируется борьба против пропаганды запрещенных веществ в интернете. В данном документе речь идет о том, что владельцы интернет-ресурсов обязаны анализировать содержание принадлежащих им информационных ресурсов и не допускать их использования для распространения сообщений и (или) материалов, направленных на незаконный оборот наркотиков.

В ст. 30 Закона Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 408-3 «О наркотических средствах, психотропных веществах» содержится норма об антинаркотической пропаганде. Антинаркотическая пропаганда осуществляется субъектами профилактики и включает в себя распространение и разъяснение информации, направленной на профилактику потребления наркотических средств, психотропных веществ, аналогов.

Мероприятия по антинаркотической пропаганде реализуются путем: тематических публикаций в средствах массовой информации; выпуска и распространения тематических книг, брошюр, буклетов и иных неперIODических печатных изданий; размещения (распространения) социальной рекламы антинаркотической тематики; создания тематических радио- и телепередач, сайтов в глобальной компьютерной сети Интернет; проведения тематических конференций, «круглых столов», семинаров, лекций и выступлений, в том числе в коллективах работников и учащихся; формирования в обществе культуры здорового образа жизни.

Однако в УК и КоАП нет точного определения понятия пропаганды запрещенных веществ. В ст. 331 УК установлена ответственность за склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. В постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 марта 2003 г. № 1 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами и аналогами, сильнодействующими и ядовитыми веществами (ст. 327–334 УК)» отмечено, что объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 331 УК, выражается в совершении любых действий, направленных на возбуждение у других лиц желания к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов посредством убеждения (предложения, уговоры, дача советов), путем обмана, ограничения свободы, применения насилия, издевательства над личностью.

Из этого следует, что склонение является одной из составляющих пропаганды, так как охватывает действия, связанные с непосредственным взаимодействием между лицами, которые направлены на убеждение человека в употреблении наркотических средств. Пропаганда включает в себя не только убеждение иных лиц в употреблении наркотических средств, а также размещение картинок, плакатов, на которых будут изображены наркотические средства. Следственно, под пропагандой понимается деятельность физических и юридических лиц, направленная на распространение сведений о способах, методах разработки, изготовления, местах приобретения запрещенных веществ.

Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (далее – КоАП РФ) в ст. 6.13 установлена административная ответственность за пропаганду наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, и их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, новых потенциально опасных психоактивных веществ.

Основной целью установления административной ответственности за пропаганду запрещенных веществ в РФ является противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, поддержание нравственности и порядка в обществе.

Статья 46 Федерального закона от 8 января 1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» гласит: «Пропаганда наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, новых потенциально опасных психоактивных веществ, культивирования наркосодержащих растений, осуществляемая юридическими или физическими лицами и направленная на распространение сведений о способах, методах разработки, изготовления и использования наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, новых потенциально опасных психоактивных веществ, местах их приобретения, способах и местах культивирования наркосодержащих растений, а также производство и распространение книжной продукции, продукции средств массовой информации, распространение указанных сведений посредством использования информационно-телекоммуникационных сетей или совершение иных действий в этих целях запрещаются». Этой же статьей запрещается пропаганда каких-либо преимуществ использования отдельных наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров, а равно пропаганда использования в медицинских целях наркотических средств, психотропных веществ, подавляющих волю человека либо отрицательно влияющих на состояние его психического или физического здоровья.

Таким образом, ни в уголовном, ни в административно-деликтном законодательстве Республики Беларусь не дается четкого определения понятию «пропаганда запрещенных веществ», что влечет постановку вопроса о необходимости законодательного решения данного вопроса.

Агафонова Т. С.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ИНСТИТУТА СОУЧАСТИЯ

Агафонова Татьяна Сергеевна, студентка 4 курса Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) Донского государственного технического университета (ДГТУ) г. Шахты, Россия, demidenko733@bk.ru

Научный руководитель: канд. эконом. наук, доцент Спектор Л. А.

Институт соучастия является достаточно сложным в уголовном праве, несмотря на достаточно долгую историю развития. В нормах, регламентирующих соучастие, отсутствует некоторая конкретность их применения. Стоит обратить внимание также на неоднозначность судебной практики. Вопросы, возникающие по соучастию, в основном встают при квалификации групповых преступлений, а также при дифференциации и индивидуализации ответственности.

Само определение соучастия закреплено в ст. 32 Уголовного кодекса Российской Федерации, при этом исключено соучастие в неосторожном преступлении. Но в некоторых положениях российского законодательства по этому вопросу существуют противоречия.

На практике происходят такие прецеденты, когда неосторожное преступление совершается несколькими субъектами. Примером может являться: несколько рабочих сбросили с крыши с высоты железную балку,

вследствии чего она упала на человека, при этом он получил тяжкий вред здоровью. Такие действия, по мнению А. П. Козлова, должны рассматриваться как неосторожное соучастие. Но под термином «соучастие» понимается внутреннее субъективное единство цели, к которой стремятся все соучастники преступления. Мнение большинства ученых все-таки склоняется к тому, что такие уголовно-правовые явления должны квалифицироваться как неосторожное сопричинение. Но в уголовно-правовой науке еще не дали полного определения, что означает неосторожное сопричинение.

Как мы можем заметить, мнения ученых разнятся. Несмотря на долгое изучение вопроса о том, необходимо ли включать в уголовное законодательство неосторожное сопричинение или нет, он еще остается открытым. В настоящее время включение этого термина в законодательство считается невозможным. Что касается нынешнего законодательства, то все действия соучастников должны быть индивидуально квалифицированы, поскольку субъекты уголовного права не могут знать о действиях друг друга и согласовать их, если они совершаются по неосторожности.

Аземша И. С.

ЦИФРОВЫЕ ФИНАНСОВЫЕ АКТИВЫ КАК ПРЕДМЕТЫ ЛЕГАЛИЗАЦИИ (ОТМЫВАНИЯ) ДОХОДОВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ

Аземша Иван Сергеевич, магистрант Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, ivanazemsha@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Дубко М. А.

Стремительное развитие цифровых финансовых активов, а также их свойства, связанные с криптографией и высоким уровнем анонимности, создали риски использования их в качестве предметов легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем. Вместе с тем законодательство Республики Беларусь не позволяет рассматривать цифровые финансовые активы в качестве предмета указанного преступления.

В сентябре 2020 г. Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) опубликовала отчет «Виртуальные активы. Признаки отмывания денег и финансирования террористов».

ФАТФ обращает внимание на то, что большинство преступлений в сфере виртуальных активов составили предикатные преступления и преступления отмывания доходов. В последнее время использовать виртуальные активы в качестве средства перевода, сбора и наложения доходов начали профессиональные сети отмывания доходов.

Во втором 12-месячном обзоре пересмотренных стандартов ФАТФ по виртуальным активам и провайдерам услуг виртуальных активов отмечалось, что большинство выявленных видов отмывания доходов и финансирования терроризма связаны с деятельностью, связанной с виртуальными активами. Иными словами, это деятельность по отмыванию доходов или финансированию терроризма, где предикатная деятельность начинается в виртуальных активах (например, платежи с помощью программ-

вымогателей, рынки даркнета, мошенничество, инвестиционные мошенничества и взломы).

В то же время в Республике Беларусь такие виды цифровых финансовых активов («виртуальных активов» в значении, применяемом ФАТФ), как криптовалюта и токены, не рассматриваются в качестве предметов совершения преступлений легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем. В силу ч. 2 примечаний к ст. 235 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) под средствами в ст. 235 УК понимаются денежные средства, ценные бумаги, электронные деньги, иное имущество, в том числе имущественные права, а также исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности.

Основываясь на анализе Декрета Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» (далее – Декрет), положений ст. 128 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК), устанавливающей объекты гражданских прав, возможно сделать вывод о том, что криптовалюты и токены как виды цифровых финансовых активов не могут быть отнесены ни к одному из существующих объектов гражданских прав в силу особенностей их формы, эмиссии и самой сущности.

Статьей 128 ГК установлены объекты гражданских прав, но поскольку субъективные гражданские права составляют содержание гражданских правоотношений, их объекты являются одновременно и объектами соответствующих правоотношений.

Соответственно, в случае отсутствия признания криптовалют и токенов объектами гражданских прав или их разновидностями распространение отношений собственности на них не является возможным, что не позволяет рассматривать их в качестве предметов совершения преступлений, предусмотренных ст. 235 УК. Подобное противоречит тенденциям по усилению контроля в отношении оборота криптовалют и токенов в связи с рисками их использования в качестве предметов легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем.

Так, Декретом Президента Республики Беларусь от 18.03.2021 № 1 «Об изменении декретов Президента Республики Беларусь» были внесены изменения в подп. 4.2 п. 4 Декрета, которые предполагают, что для целей законодательства о ПОД/ФТ токены относятся к средствам. Следовательно, в отношении финансовых операций с их использованием распространяются меры по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения, предусмотренные Законом Республики Беларусь от 30 июня 2014 г. № 165-З «О мерах по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения».

Таким образом, подобное рассмотрение токенов позволит распространить действие уголовно-правового запрета на действия, связанные

с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем, совершаемых с их использованием и (или) в отношении них.

По нашему мнению, в силу свойств указанных видов цифровых финансовых активов криптовалюту следует рассматривать как отдельный объект гражданских прав, а токены в качестве разновидности имущественных прав.

В связи с этим, исходя из гражданско-правовой сущности криптовалют, необходимо внести изменения в ч. 2 примечаний к ст. 235 УК посредством закрепления криптовалют в качестве средств в значении ст. 235 УК.

Внесение изменений в гражданское и уголовное законодательство Республики Беларусь позволит обеспечить эффективность уголовно-правовой борьбы с преступлениями в сфере легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, совершаемых с использованием и (или) в отношении цифровых финансовых активов.

Андреев А. В.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

*Андреев Андрей Владимирович, студент 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
andreevandrey_591@mail.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Свило С. М.

Посягательства против мира и безопасности человечества предусматривают ответственность как наиболее опасные деяния, посягающие на основы международного правопорядка и способные поставить народы мира на грань уничтожения. Выявление особенностей данного института позволяет ответить на сложившийся в юридической практике вопрос: какого рода ответственность несут индивид и государство, которые своими действиями создают реальную угрозу безопасности существования целых стран и народов.

Нормы института уголовной ответственности за преступления против мира и безопасности человечества стали группироваться исторически первыми, обособившись в рамках международного военно-уголовного права. Так, еще в эпоху античности и раннего средневековья воюющие между собой государства соблюдали принципы *jus ad bellum* («право справедливой войны») и *jus in bello* («законы и обычаи войны»), которые подразумевали под собой порядок начала, ведения и прекращения военных действий, запрет причинять чрезмерный вред комбатантам и гражданскому населению. Данные принципы основывались на философских и нравственно-этических представлениях о ведении боевых действий и не закреплялись в законодательстве. Сторона – участник боевых действий, нарушившая данные принципы, никакой уголовно-правовой ответственности не подлежала.

Первым фактом привлечения к уголовной ответственности за преступления против мира и безопасности человечества можно считать

судебный процесс над Петером фон Хагенбахом, состоявшимся в 1474 г. в Австрии по обвинению в военных преступлениях. Однако лишь в середине XX в., в связи с чудовищными преступлениями государств-агрессоров во Второй мировой войне, ответственность за преступления против мира и безопасности человечества была институционализована. Так, 8 августа 1945 г. создан Международный военный трибунал для суда над военными преступниками. Трибунал признал преступными нацистские организации, которые были частью государственного механизма совершения преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечности. Виновные лица приговорены к пожизненному заключению либо смертной казни. Также Германия и Япония фактически были ограничены в политическом суверенитете. Однако ни один из документов, относящихся как к Нюрнбергскому, так и к Токийскому процессу, не содержит упоминания об уголовной ответственности государства.

Совершение массовых преступлений в Хорватии, Боснии и Герцеговине подтолкнули экспертов Комиссии международного права ООН к разработке нового проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1991 г. В этом документе международные преступления классифицировались в зависимости от статуса исполнителя. Однако их субъектом выступает только физическое лицо, которое в силу своего политического и служебного статуса способно непосредственно влиять на внешнюю политику государства, на принятие решений военного планирования и управления.

На текущем этапе развития института ответственности за преступления против мира и безопасности человечества выделяются новые их разновидности. Так, например, исходя из сложившейся общественно-политической ситуации в Республике Беларусь, были приняты изменения в Уголовный кодекс с целью закрепления ответственности за отрицание геноцида белорусского народа. Необходимо также обратить внимание, что на сегодняшний день стремительно прогрессируют формы и виды проявления агрессии одного государства к другому. Государства-агрессоры активно используют методы гибридной и информационной войны, затягивая тем самым в вооруженные конфликты третьи страны или незаконные вооруженные формирования, финансируют и поддерживают экстремистские формирования за рубежом с целью дестабилизации обстановки.

Таким образом, на основании вышеизложенного полагаем целесообразным включить в международное уголовное право такие дефиниции, как международный экстремизм и ведение гибридной войны с целью привлечения виновных лиц к ответственности за преступления против мира и безопасности человечества с учетом новых форм проявления агрессии. Также, полагаем, наряду с уголовной ответственностью физических лиц за преступления против мира и безопасности человечества, государство-агрессор как субъект преступления в международном уголовном праве должно привлекаться к политической ответственности путем проведения специальных мероприятий по ограничению политического суверенитета и демилитаризации.

Белогурова Д. В.
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УКЛОНЕНИЕ ОТ ПРОХОЖДЕНИЯ
АЛЬТЕРНАТИВНОЙ СЛУЖБЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ
И В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Белогурова Дарья Владимировна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, belogurova_03@mail.ru

Научный руководитель: старший преподаватель Тумелевич М. Г

Последнее десятилетие XXI в. характеризуется демократизацией законодательства во многих государствах мира, о чем свидетельствует международное признание и документальное закрепление права граждан на отказ по различным причинам от обязательной военной службы. К числу причин относят религиозные убеждения, в соответствии с которыми принятие Военной присяги, ношение, применение оружия или непосредственное участие в производстве и обслуживании оружия, боеприпасов и боевой техники невозможны.

Согласно ч. 1 ст. 1 Закона Республики Беларусь от 04.06.2015 № 276-З «Об альтернативной службе» альтернативная служба представляет собой общественно-полезную деятельность, осуществление которой возлагается на граждан Республики Беларусь взамен воинской службы.

В соответствии с ч. 1 ст. 1 Федерального закона Российской Федерации от 25.07.2002 № 113-ФЗ «Об альтернативной гражданской службе» под альтернативной гражданской службой понимается особый вид трудовой деятельности в интересах общества и государства, осуществляемой гражданами взамен военной службы по призыву. Несмотря на предусмотренную законодательством обоих государств возможность прохождения альтернативной службы, подход к установлению уголовной ответственности за уклонение от прохождения альтернативной службы различный.

Так, объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 465² Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Беларуси) выражается:

- в уклонении гражданина от прохождения альтернативной службы путем неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей альтернативной службы либо несоблюдении ограничений, связанных с прохождением альтернативной службы, повлекшее в период прохождения альтернативной службы наложение трех выговоров, не погашенных в установленном законодательством порядке;
- неявке гражданина без уважительных причин к месту прохождения альтернативной службы, в том числе при переводе в другую организацию или прибытии из отпуска, на срок свыше трех суток, но не более месяца;
- уклонении от прохождения альтернативной службы на тот же срок путем подлога документов или иного обмана.
- неявке гражданина без уважительных причин к месту прохождения альтернативной службы, в том числе при переводе в другую организацию или прибытии из отпуска, на срок свыше месяца либо уклонение его от

прохождения альтернативной службы на тот же срок путем подлога документов или иного обмана.

- самовольном оставлении гражданином места прохождения альтернативной службы с целью вовсе уклониться от ее прохождения, а равно уклонение его от прохождения альтернативной службы путем умышленного причинения себе телесного повреждения (членовредительство) или симуляции заболевания.

Статья 465² УК Беларуси состоит из 3 частей и в качестве наказаний предусматривает арест (ч. 1 ст. 465²), ограничение свободы на срок до пяти лет или лишение свободы на тот же срок (ч. 2 ст. 465²), лишение свободы на срок до шести лет (ч. 3 ст. 465²).

В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 328, выражается в уклонении призывника от прохождения альтернативной службы, а в Постановлении Правительства Российской Федерации от 11.11.2006 № 663 «Об утверждении Положения о призыве на военную службу граждан Российской Федерации» раскрывается понятие уклонения:

- неявка гражданина без уважительных причин по повестке военного комиссариата на мероприятия, связанные с направлением на альтернативную гражданскую службу;

- неявка без уважительных причин к месту прохождения службы и самовольное досрочное прекращение исполнения обязанностей альтернативной гражданской службы, которое возможно в течение всего срока такой службы.

Санкция ст. 328 УК РФ предусматривает в качестве наказания штраф в размере до 80 тыс. рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательные работы на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо арест на срок до шести месяцев.

Сравнивая объективную сторону составов преступления и наказание, предусмотренное за соответствующие преступления в Республике Беларусь и в Российской Федерации, можно сделать вывод о том, что в законодательстве Республики Беларусь широко понимается термин «уклонение от прохождения альтернативной службы», не в полной мере выделены критерии криминализации названных деяний, не до конца ясна общественная опасность всех перечисленных деяний в ст. 465² УК Беларуси.

Бирюков И. А.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ОТНОШЕНИЯХ С УЧАСТИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Бирюков Иван Александрович, студент 3 курса Российского университета дружбы народов, г. Москва, Россия, ivan.aleksandrovich20.05.12@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Кузнецова О. А.

В настоящий момент российское уголовное законодательство не содержит в себе норм, напрямую регламентирующих отношения с участием искусственного интеллекта (далее – ИИ). Невозможность привлечения

искусственного интеллекта к ответственности обосновывается сложностями, возникающими при определении таких элементов состава преступления, как субъект и субъективная сторона, а также трудностями, связанными с применением к ИИ мер наказания.

Уголовный кодекс РФ распространяет свое действие на физических лиц, обладающих вменяемостью и достигших возраста уголовной ответственности. Привлечение ИИ к уголовной ответственности означало бы признание его субъектом преступления, что противоречит существующим концепциям и подходам к определению ИИ – большинство исследователей считает крайне маловероятным наделение ИИ статусом физического лица по разным причинам, в том числе ввиду отсутствия у ИИ волевого компонента. Эта характеристика также не позволяет определить субъективную сторону состава преступления, ведь если у искусственного интеллекта отсутствует воля, как установить его вину в форме умысла или неосторожности в совершении преступления?

При характеристике иных элементов состава преступления с участием искусственного интеллекта можно сказать, что технологии ИИ способны влиять абсолютно на все сферы общественных отношений – жизнь и здоровье человека, общественная безопасность, отношения собственности и прочие. При этом наибольшее внимание сосредоточено вокруг преступлений против личности. Так, пример с ДТП в штате Аризона 2018 г., когда беспилотный автомобиль насмерть сбил женщину. В США 2016 г. в одном из отделений больницы был зафиксирован факт первого целенаправленного убийства с помощью робота, который был предназначен для введения предусмотренных врачами лекарственных препаратов, но один из программистов изменил структуру системы интеллекта этого устройства и по причине этого было введено смертельное лекарство.

В 2017 г. в ходе конференции в Асиломаре (Калифорния, США) было проведено исследование, в результате которого были разработаны принципы работы с искусственным интеллектом, одним из которых является ответственность разработчиков и создателей систем ИИ в последствиях их нецелевого использования и злоупотребления их технологиями. Данный тезис имеет особенное значение при определении субъекта уголовно-правовой ответственности.

При совершении преступления с участием искусственного интеллекта возможны следующие ситуации:

- создание системы ИИ с целью совершения преступления;
- целенаправленное изменение структуры ИИ, последствием чего становится совершение преступления;
- допуск ошибок при создании системы ИИ результатом чего стало совершение преступления.

В первом и во втором случаях очевидно, что искусственный интеллект выступает в роли орудия совершения преступления и используется лицом заведомо неправомерно, что позволяет говорить о возможности привлечения разработчиков к ответственности за совершение умышленного преступления.

Третья ситуация более неоднозначная, при ее рассмотрении важно учитывать степень вины разработчика – появились ли ошибки в результате его неосторожных действий или же стали результатом приобретенного опыта ИИ в ходе его эксплуатации.

Помимо разработчика, ответственность за действия ИИ могут нести и иные субъекты, среди которых:

- продавец, являющийся поставщиком продукта для населения, который допустил реализацию роботизированных элементов, заведомо зная об их недостатках и дефектах;
- пользователь, если он неправомерно использовал искусственный интеллект;
- иные лица, если они целенаправленно совершают преступные деяния с помощью искусственного интеллекта, например перепрограммирование или заражение вирусами.

Таким образом очевидно, что привлечение искусственного интеллекта к уголовной ответственности в настоящий момент времени не является возможным и рассматривать ИИ субъектом совершения преступления ошибочно. Однако дальнейшее развитие этой сферы, например создание искусственного сверхинтеллекта, может позволить подтолкнуть законодателя к изменению правовой базы. В настоящее время в рамках российского уголовного законодательства отсутствуют какие-либо меры ответственности не только для самого искусственного интеллекта, но и для других возможных субъектов (создатели, продавцы и другие), но в будущем мы можем увидеть такие меры пресечения преступлений, как полная утилизация линейки роботизированной техники или принудительное перепрограммирование. Считаем, что законодательство будет меняться постепенно и одновременно с созданием более прогрессивных моделей ИИ.

Бородич Е. И.

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИНСТИТУТА НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ

Бородич Елизавета Ивановна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, lizaborodic0@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Свило С. М.

Право на необходимую оборону – неотчуждаемое, самостоятельное и неотъемлемое право каждого человека, принадлежащее ему от рождения. При этом законодатель определил пределы правомерности обороны, относящиеся к характеру оборонительных действий, через определение их превышения: «превышением пределов необходимой обороны признается явное для обороняющегося лица несоответствие защиты характеру и опасности посягательства, когда посягающему без необходимости умышленно причиняется смерть или тяжкое телесное повреждение». Ввиду того, что данное законодательное положение содержит оценочные признаки, юридическое значение которых зависит от усмотрения правоприменителя,

многие из них трактуются субъективно. По этой причине на практике очень трудно доказать правомерность защиты, когда обороняющийся сталкивается с экстремальной ситуацией и вряд ли способен здраво оценить характер и степень риска, особенно когда защищается жизнь или здоровье.

Следует отметить, что установление факта превышения пределов необходимой обороны – процесс достаточно сложный, требующий учета всех обстоятельств происшедшего и условий правомерности необходимой обороны в совокупности. Полагаем, в этом случае необходимо учитывать следующие критерии: сопоставимость объектов посягательства и защиты; размеры угрожаемого и причиненного вреда; криминогенные факторы, предшествующие ситуации; интенсивность защиты и т. д. Нельзя игнорировать и другие важные обстоятельства. Во-первых, посягательство во многих случаях носит преднамеренный характер и, наоборот, зачастую является неожиданным для обороняющегося. Во-вторых, намерения посягающего не всегда ясны. В-третьих, соотношение сил нападения и защиты обычно складывается в пользу первого. Обороняющийся в большинстве случаев действует без достаточной уверенности в эффективности своих действий, его поведение в определенной степени спонтанно. При этом защита происходит в условиях лимита времени, что и вызывает проблему правоприменения даже у опытных юристов.

Вместе с тем, например, Уголовный кодекс (далее – УК) Испании содержит положения, исключаящие преследование лица, если оно действовало в защиту собственной личности и прав, а также в защиту личности и прав другого лица (ч. 4 ст. 21). В УК Федеративной Республики Германии предусматривается, что необходимая оборона – это основание для освобождения от уголовной ответственности (§ 33).

Возвращаясь к УК Республики Беларусь, следует отметить, что отечественный законодатель в 2021 г. дополнил ст. 34 частью четвертой, согласно которой не являются превышением пределов необходимой обороны действия обороняющегося лица, которое вследствие неожиданности посягательства не могло объективно оценить его характер и опасность. Вместе с тем данная новелла противоречит ст. 37 УК Республики Беларусь, в которой определены правовые последствия причинения вреда при ошибке в наличии необходимой обороны. В основу правовой оценки ошибки положено содержание вины обороняющегося: если по обстоятельствам дела лицо не должно было или не могло сознавать отсутствие состояния необходимой обороны, его действия должны оцениваться по правилам, предусмотренным ст. 34 УК Республики Беларусь; если в сложившейся обстановке лицо должно было и могло сознавать его отсутствие, то оно подлежит ответственности за причинение вреда по неосторожности.

Из содержания же ч. 2 ст. 34 УК Республики Беларусь вытекает следующее: при необходимой обороне защищаются жизнь, здоровье, собственность, жилище, обороняющегося или другого лица, их права, а также интересы общества или государства. При этом защита интересов других лиц допустима независимо от их согласия на оказание помощи.

Однако необходимо учитывать следующий факт. Посягательство должно быть не только общественно опасным и наличным, но и действительным, т. е. существующим объективно, а не в воображении обороняющегося. В случае, когда лицо ошибочно предполагает наличие такого посягательства, возникает мнимая оборона.

Следует отметить, что, несмотря на значительную разработанность института необходимой обороны, он нуждается в дальнейшем совершенствовании в целях его эффективного применения. Полагаем целесообразным на основании всестороннего анализа правоохранительной и судебной практики разработать и принять постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное посягательство». Принятие такого постановления способствовало бы единообразному толкованию норм о необходимой обороне. На наш взгляд целесообразно внести следующее изменение в ч. 4 ст. 34 УК: не является превышением пределов необходимой обороны и не имеет последствием уголовную ответственность применение оружия или каких бы то ни было иных средств или предметов для защиты от нападения вооруженного лица или нападения группы лиц, а также для предотвращения противоправного насильственного вторжения в жилище либо другое помещение, независимо от тяжести вреда, причиненного посягающему. Стоит ввести в УК также понятие мнимой обороны: мнимая оборона – действия, связанные с причинением вреда при таких обстоятельствах, когда реальное общественно опасное посягательство отсутствовало, и лицо, неправильно оценивая действия потерпевшего, лишь ошибочно допускало наличие такого посягательства.

Бражицкая Ю. А.

**ПРОБЛЕМЫ СООТВЕТСТВИЯ НАКАЗАНИЯ
В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ НА ОПРЕДЕЛЕННЫЙ СРОК
ЦЕЛЯМ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

*Бражицкая Юлия Андреевна, студентка 3 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
yulya.brazhickaya@mail.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Свило С. М.

Под уголовной ответственностью понимается осуждение от имени Республики Беларусь по приговору суда лица, совершившего преступление, и применение на основе осуждения наказания либо иных мер уголовной ответственности в соответствии с Уголовным кодексом (далее – УК).

Уголовная ответственность может быть реализована пятью возможными способами, одним из которых является осуждение с применением назначенного наказания. Данная форма реализации уголовной ответственности является доминирующей: применяется более чем в 90 %

случаев. При этом из десяти основных наказаний, которые могут быть назначены лицу, осужденному за преступление, лишение свободы на определенный срок является наиболее частым выбором. Так, в 2001 г. данный вид наказания был назначен 32,5 % осужденным, в 2005 г. – 25,8 %, 2011 г. – 21,6 %, 2015 г. – 31,3 %, 2020 г. – 22,4 %. В 2021 г. лишение свободы на определенный срок назначалось примерно каждому пятому осужденному (22,2 %).

Исходя из вышесказанного мы поставили перед собой задачу проанализировать соответствие лишения свободы на определенный срок, как наиболее часто назначаемого и в дальнейшем исполняемого наказания, целям уголовной ответственности.

К целям уголовной ответственности относятся:

- исправление лица, совершившего преступление;
- предупреждение совершения новых преступлений как осужденным, так и другими лицами;

1. Исправление лица, совершившего преступление

Согласно ч. 1 ст. 7 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (далее – УИК), исправление осужденных – это формирование у них готовности вести правопослушный образ жизни. Среди основных средств достижения исправления лица в ч. 3 ст. 7 УИК перечисляются: установленный порядок исполнения и отбывания наказания и иных мер уголовной ответственности, воспитательная работа, общественно полезный труд, получение осужденными образования, общественное воздействие.

Полагаем, что об успешности исправления лиц, отбывших наказание, можно судить по динамике рецидивов. Так, удельный вес преступлений, совершенных лицами, имеющими судимость или при их соучастии, проявляет тенденцию к росту: в 2000 г. – 26,6 %, в 2010 г. – 47,2 %, в 2021 г. – 39,3 %. При этом большинство лиц совершили новое преступление в течение первого года после лишения свободы. Соответственно, в ходе лишения свободы, особенно длительного, происходит изъятие человека из общества. Находясь среди таких же преступников длительное время, человек теряет полезные социальные связи (работу, друзей, семью), что приводит к девиантному поведению на свободе, неумению найти законный выход из сложной ситуации. Он противопоставляет себя уже чуждому для него обществу и вновь совершает преступление.

Таким образом, об исправлении не может быть и речи, ведь лицо продолжает осуществлять противоправные деяния, несмотря на уже отбытое наказание.

2. Предупреждение совершения новых преступлений как осужденным, так и другими лицами

Кроме вышеупомянутых данных о рецидиве, которые, как правило, свидетельствуют о том, что предупреждение совершения новых преступлений осужденным лицом не происходит, хотелось бы также обратить внимание на число лиц, совершивших преступления. Так, в 2010 г. их численность составляла 74 109, в то время как в 2021 г. – 41 323 (темп

снижения 45 %). Что же касается количества совершенных за это время преступлений, то за 2010 г. их численность составила 140 920, а за 2021 – 87 696 (темп снижения около 35 %). Следовательно, учитывая снижение абсолютных показателей, лишение свободы предупреждает совершение новых преступлений другими лицами.

В настоящее время еще одной функцией лишения свободы на определенный срок является ограждение правопослушных граждан от лиц, совершивших преступления, и, следовательно, поддержание безопасности путем дистанцирования от них.

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что лишение свободы на определенный срок как наказание в должной мере не достигает цели исправления виновного лица. Данный вывод свидетельствует об острой необходимости пересмотра режима отбывания данного наказания с целью изменения его воздействия на осужденных лиц и, как следствие, снижения уровня рецидива, уменьшения количества лиц со стойким антиобщественным поведением и снижением уровня преступности. Все данные аспекты взаимосвязаны. Изменение условий отбывания данного наказания, должная социальная адаптация и ресоциализация осужденных, формирование способности после отбытия наказания к самостоятельной жизни в социуме, на наш взгляд, может дать наиболее позитивную динамику изменения криминогенной ситуации в нашем государстве.

Буйко О. Ю.

ОТСРОЧКА ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ НЕКОТОРЫМ КАТЕГОРИЯМ ОСУЖДЁННЫХ В СВЯЗИ С УЧАСТИЕМ В БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ

*Буйко Олег Юрьевич, студент 2 курса Белорусского государственного
университета, г. Минск, Беларусь, bujko@bk.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Пухов А. А.

Основной Закон нашего государства обязанностью и священным долгом гражданина провозглашает защиту Республики Беларусь. Нельзя отрицать, что военно-политическая обстановка у границ Республики Беларусь приобретает все более напряженный и труднопрогнозируемый характер. Процесс поддержания национальной безопасности на нынешнем этапе требует гибких подходов и решений. Необходимо проявлять политическую волю, здоровый прагматизм, укреплять законность и правопорядок.

В связи с этим считаем обоснованным рассмотреть опыт Российской Федерации в части закрепления правовых основ привлечения осужденных к участию в боевых действиях в целях защиты национальной безопасности Республики Беларусь. Это поспособствует созданию условий для реализации положений ст. 57 Конституции в отношении лиц, отбывающих наказание.

Наиболее вероятным вариантом урегулирования такого вопроса представляется внесение изменений в Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК) путем дополнения его нормой, предусматривающей возможность предоставления в военное время, в период мобилизации,

военного положения или вооруженного конфликта определенным категориям осужденных лиц отсрочки исполнения наказания в связи с направлением их для участия в боевых действиях. Своим участием в военных действиях в защиту государства осужденный сможет искупить свою вину перед обществом и достичь таким образом целей уголовной ответственности.

Соответствующее изменение следует изложить в ст. 93¹ УК:

«В военное время, в период мобилизации, военного положения или вооруженного конфликта в отношении лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы на определенный срок, ограничения свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа, ареста, суд может отсрочить отбывание наказания с направлением осужденного для участия в боевых действиях.

Если осужденный, направленный для участия в боевых действиях в действующую армию, проявит мужество и героизм при исполнении воинского долга, добросовестное отношение к исполнению обязанностей воинской службы, то, по представлению военного командования, суд может освободить его от отбывания наказания или оставшейся части наказания, сняв судимость либо заменив оставшуюся часть наказания более мягким видом наказания.

В случае отказа от участия в боевых действиях либо исполнения воинских обязанностей ненадлежащим образом, а равно и уклонения от прохождения военной службы осужденным, которому предоставлена отсрочка исполнения наказания в соответствии с ч. 1 данной статьи, суд выносит определение об отмене отсрочки наказания и направляет осужденного для отбывания назначенного по приговору суда наказания.

Если в период отсрочки исполнения наказания осужденный совершает умышленное преступление, а равно преступление по неосторожности, за которое он осуждается к лишению свободы, суд назначает наказание по правилам, предусмотренным статьей 73 настоящего Кодекса».

Следовательно, для реализации данной нормы должны соблюдаться следующие условия:

1) категория осужденных – лица, совершившие впервые умышленно либо по неосторожности преступление, не представляющее большой общественной опасности, менее тяжкое преступление, либо тяжкое преступление, не связанное с посягательством на жизнь и здоровье человека, актами терроризма и иной террористической деятельностью, преступлениями против государства, мира, безопасности человечества и военными преступлениями;

2) желание осужденного принять участие в боевых действиях, выраженное в письменном обращении к администрации исправительного учреждения;

3) характеристика личности осужденного (в ней может быть отражено наличие у него военно-учетной специальности, уровень профессиональной подготовки и т. п.).

Вполне обоснованно полагать, что некоторые осужденные могут проявить мужество и героизм при исполнении воинского долга, добросовестное отношение к исполнению обязанностей военной службы. В таком ключе реально говорить и об освобождении от наказания, если осужденный тем самым докажет свое исправление. Тогда, по представлению военного командования, суд может освободить его от отбывания наказания или оставшейся части наказания, сняв судимость либо заменив оставшуюся часть наказания более мягким видом наказания.

Следует также определить фактический срок участия осужденных в боевых действиях, в частности, не менее трех месяцев. Кроме того, следуя принципу справедливости, представляется необходимым установить соответствие одного дня участия в боевых действиях, к примеру, десяти дням лишения свободы.

Особенное внимание следует придать и тому факту, что осужденный, после того как на него распространится действие предлагаемой статьи УК, может отказаться от участия в боевых действиях либо будет ненадлежащим образом исполнять обязанности военной службы или уклоняться от ее прохождения. В таких случаях военному командованию необходимо направить запрос в суд, который рассмотрит вопрос об отправке осужденного в исправительное учреждение в соответствии с приговором, который был постановлен ранее.

Подобные изменения в уголовном законе представляются вполне актуальными, отвечая интересам национальной безопасности государства и принципу гуманизма уголовной ответственности, поскольку осужденные получают возможность исправления в условиях, не связанных с лишением свободы. Более того, такое реформирование остро необходимо в текущий момент времени, ведь обстановка в регионе и прогноз ее развития явно показывают, что в ближайшей и среднесрочной перспективе угрозы военной безопасности нашей стране будут находиться на уровне высокого обострения. Беларусь никому не угрожает и не хочет войны, но в нынешних условиях просто вынуждена держать порох сухим и адекватно реагировать на возникающие угрозы – это не политическая прихоть, а основная задача нашего государства.

Бурак Н. И.

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ПРОТИВОПРАВНОСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЯ» И «ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ ДЕЯНИЯ»

Бурак Никита Игоревич, студент 3 курса Гродненского государственного университета им. Янки Купалы, г. Гродно, Беларусь, burak_nikita@outlook.com

Научный руководитель: д-р юрид. наук, доцент Хилюта В. В.

Уголовное право не может не быть точным, лаконичным и единообразно применяемым, ибо данная отрасль права влияет на судьбы людей. Но что составляет основу данной отрасли права? Вполне очевидно, что уголовное право зиждется на понятии преступления и его признаках. Регламентация

точного и едино понимаемого определения преступления позволит признавать реальные деяния преступными или нет, основываясь лишь на букве закона, а не на оценочном суждении. Соответственно нами указана важность точного понятия преступления. Но какое соотношение двух главных признаков преступления: противоправности и общественной опасности? В нашем рассуждении мы подразумеваем, что все остальные признаки преступления присутствуют, исследуя лишь два ранее заявленных признака преступления.

Противоправность как признак преступления указывает на то, что деяние нарушает правовые нормы и запрещено уголовно-правовой нормой. Данная трактовка обусловлена тем, что преступное деяние нарушает не только уголовно-правовой запрет, но и норму права другой отрасли, например, конституционной. Представляется, что противоправность – это указание на то, что преступлением является лишь то, что таковым прямо указано в законе.

Что есть общественная опасность? На наш взгляд, она заключается в том, что деянием причиняется или создается угроза причинения вреда общественным отношениям. Но такой вред признается общественно опасным лишь у деяний направленных против наиболее ценных общественных отношений, т. е. существует граница, при которой вред деяния признается общественно опасным, или, иными словами, существуют общественные отношения, причинения вреда которым мы признаем общественно опасным.

Соответственно, необходимо дать толкование тому, что подлежит лишь субъективному, а не объективному указанию. Безусловно, мы можем сделать определенную границу количественного вреда общественным отношениям, выраженную материально (чтобы признать таковой вред уголовно-наказуемым). Но ведь не все преступные деяния связаны с наступлением материальных последствий. Существуют формальные составы преступления, если вообще не усеченные.

Возможно ли представить общественную опасность абстрактно, т. е. имеющую свое понятие вне зависимости от субъективных суждений? Представляется, что нет, ибо каждый дает свое оценочное суждение относительно деяния и, соответственно, его общественной опасности или же отсутствия таковой. В данном случае общественная опасность аналогична аморальности, т. е. признаку, который имеет оценочный характер и не может быть единообразно истолкован.

Но кто есть истинный толкователь общественной опасности деяния? Представляется разумным, что единственный истинный толкователь нормы права – это законодатель. Иные трактовки ведут к правовой неопределенности, что губительно для правового государства. Воля правоприменителя при разъяснении, что такое общественная опасность деяния, недопустима, ибо это уже сделал законодатель путем криминализации или декриминализации деяния. А так как общественная опасность уже реализована в противоправности преступления, то

законодательное закрепление первой, дающее простор для иного толкования правоприменителями, представляется неразумным.

Считаем, что общественная опасность – это указатель законодателя для криминализации или декриминализации соответствующего деяния. Однако в ее присутствии в качестве законодательного признака преступления нет необходимости ввиду ее оценочного характера. Только законодатель может оценить общественную опасность деяния. Но все-таки нельзя не указать на то, что любое деяние можно признать общественно опасным по той причине, что нанесение вреда общественным отношениям, не порицаемым государством, есть покушение на устои общества, а это представляет опасность нормальному функционированию общества и, соответственно, общественно опасно. Таким образом, возникает вопрос: столь необходимо ли законодательное закрепление общественной опасности как признака преступления?

Подводя итог, следует указать, что нами не отрицается тот факт, что общественная опасность – это признак преступного деяния. Однако считаем неразумным законодательное закрепление общественной опасности как признака преступления ввиду невозможности ее единого толкования как категории закона. Толкователем общественной опасности деяния должен быть только законодатель, криминализирующий деяния. Тем самым общественная опасность деяния олицетворяется в противоправности преступления.

Виноградова Е. С.

ОБ ОСНОВАНИЯХ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БОТНЕТА В ПРЕСТУПНЫХ ЦЕЛЯХ

*Виноградова Екатерина Сергеевна, студентка 3 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
ekatirina.vinogradova12@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Шидловский А. В.

Новые мировые тенденции, обусловленные уменьшением значения географических границ государств и национальной принадлежности личности, свидетельствуют о выходе развития информационных технологий на новый уровень. Информационно-коммуникационные технологии ежедневно совершенствуются, что выражается в появлении новых видов и способов совершения киберпреступлений. Одним из таких деяний, представляющим общественную опасность, является создание, использование и распространение в киберпространстве «ботнетов».

В белорусском уголовном законодательстве, да и в законодательстве в целом, не закреплено понятия «ботнет». Однако на международном уровне была попытка дать полное определение данного понятия. Так, в Рекомендательных типологиях новых преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий, утвержденных постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества

Независимых Государств от 27 ноября 2020 г. № 51-24 закреплено, что бот-сеть, или ботнет, – компьютерная сеть, состоящая из некоторого количества хостов с запущенными ботами (автономным программным обеспечением). Чаще всего бот в составе ботнета является программой, скрытно устанавливаемой на устройство жертвы и позволяющей злоумышленнику выполнять определенные действия с использованием ресурсов зараженного компьютера. Иными словами, ботнет представляет собой сеть устройств, зараженных вредоносной программой, благодаря которой киберпреступники получают доступ к этим устройствам. Попытки определения данного понятия на международном уровне подтверждают актуальность данной проблемы не только для конкретного государства.

Благодаря ботнету, киберпреступнику предоставляется возможность дистанционно управлять «инфицированными» устройствами без уведомления об этом пользователя. «Зараженные» устройства используются киберпреступником в различных целях: в целях кибершантажа, вишинга, фишинга, получения анонимного доступа в сеть Интернет, а также для совершения иных противоправных действий. Как правило, используя бот-сеть в преступных целях, лицо преследует корыстную цель.

Ботнет как компьютерная сеть может приобретать внушительные размеры, включая доступ к сотням тысяч устройств. В мировой практике есть примеры, когда преступники создали ботнет, который включал в себя более 4 миллионов устройств, находившихся в различных 100 странах.

В Республике Беларусь судебная практика по уголовным делам о преступлениях, направленных против компьютерной безопасности, да и в целом в сфере киберпреступлений с применением ботнетов отсутствует на данный момент. Однако данный факт не свидетельствует об отсутствии проблемы использования бот-сети в преступных целях. Отсутствие судебной практики по данным делам объясняется высокотехнологичным, трансграничным и высоколатентным характером преступлений, совершаемых с использованием ботнетов. Стоит понимать, что особенности таких преступлений осложняют возможность эффективного и своевременного их выявления, расследования и в конечном итоге раскрытия.

Многофункциональность ботнетов, возможность причинения значительного материального ущерба как пользователям «инфицированных» устройств, так и третьим лицам, организациям, органам власти, свидетельствует об повышенной опасности их создания, использования и распространения на просторах киберпространства.

В Уголовном кодексе Республики Беларусь предусмотрена ответственность за разработку, использование, распространение либо сбыт вредоносных компьютерных программ или специальных программных или аппаратных средств (ст. 354), однако данная норма не охватывает состав рассматриваемого нами деяния. Вредоносная программа «бот» используется только на этапе «инфицирования» устройств и создания бот-сети. После проведения данных операций, киберпреступник получает неправомерный доступ и возможность управления устройствами, входящими в бот-сеть. При

этом в последующем киберпреступником используется уже не сама вредоносная программа, т.е. бот, а содержимое (технические и информационные ресурсы) «зараженных» устройств, что не предусматривает диспозиция ст. 354 Уголовного кодекса.

Таким образом, мы можем говорить о самостоятельности и необходимости криминализации такого преступного деяния, как создание, использование и распространение ботнетов с целью совершения иных преступлений.

Гапанович А. Г.

СТАТЬЯ 130 УК РФ: ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИЯ И СПОРНЫЕ МОМЕНТЫ

Гапанович Арина Геннадьевна, студентка 3 курса Северо-Западного института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Вологда, Вологодская область, Россия, arinka2127@yandex.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Красильникова Е. В.

До 2011 г. оскорбление в России считалось преступлением против чести и достоинства личности. Однако, Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» законодатель декриминализировал данное деяние, переведя его под действие ст. 5.61 «Оскорбление» Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). При этом «специальные» виды оскорбления остались в числе преступлений в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ). В частности, это оскорбление судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия (ст. 297 УК РФ), оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ), оскорбление военнослужащего (ст. 336 УК РФ).

Если проанализировать диспозиции утратившей силу ст. 130 УК РФ и действующей ст. 5.61 КоАП РФ, можно заметить, что законодатель сохранил в первых двух частях ст. 5.61 КоАП РФ признаки деяния из ст. 130 УК РФ и ввел новые признаки правонарушения в частях с третьей по пятую.

Считается, что ранее действующая норма об оскорблении личности была весьма жестокой, хотя само по себе преступление не несет большой опасности для людей, в связи с чем практически не возникало необходимости изолировать виновного от общества. К уголовной ответственности привлекались также лица, которые не имели намерений оскорбить другого человека. При доказывании вины в суде возникали сложности. Для этого требовались свидетельские показания или иное подтверждение факта оскорбления. Необходимо было доказать умысел виновного лица, который хотел именно оскорбить другого человека, а не просто высказать свое мнение.

В результате в судебной практике практически не встречалось случаев принятия судом решения по фактам собственно оскорбления. Так, согласно данным судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде

РФ в 2009 г. по ч. 1 ст. 130 были осуждены 2821 человек. Из них только 2 (0.1 %) были приговорены к лишению свободы условно, остальные – к более мягким видам наказаний. Оправдано более 1300 человек, в отношении 10,5 тыс. человек дела прекращены. По ч. 2 ст. 130 УК осуждены всего 24 человека. Из дел, находившихся в производстве: оправданы 34 человека; прекращены дела в отношении 89 человек.

Стоит отметить, что для виновного тяжесть последствий такого рода преступлений (судимость и др.) ничем не отличались от иных уголовно-наказуемых деяний, например, убийства или акта терроризма. Соответственно, на наш взгляд, законодатель поступил разумно, переведя оскорбление из разряда преступлений в административные правонарушения.

Однако необходимо подчеркнуть, что декриминализация не уменьшила количества анализируемых деяний. На основании данных статистики Судебного Департамента, в 2013 г. рассмотрено 17017 дел, из них подвергнуто наказанию – 14422 лица; в 2014 г. рассмотрено 17184 дел, из них 14654 лица подвергнуто наказанию. За 2021 г. рассмотрено 15929 дел, 13148 с назначением административного штрафа.

Следует сказать, что административно-наказуемое оскорбление может перерасти в угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ). Например, если обидчик оскорблял вас и одновременно производил неоднократные и беспорядочные выстрелы из огнестрельного оружия – это уже угроза (Определение ВС № 66-АПУ17-1 от 06.03.2017).

Спорным остается и место данного состава в главе 5 КоАП РФ «Административные правонарушения, посягающие на права граждан». Здесь находятся составы, в основном затрагивающие порядок, установленный органами исполнительной власти, нарушение которого может повлечь ущемление прав и свобод граждан. Оскорбление же касается, как правило, сферы личных отношений.

Таким образом, по нашему мнению, изменения, которые коснулись защиты чести и достоинства личности, являются недостаточно продуманными. Для решения данных проблем предлагаем законодателю, например, уточнить признаки, которые позволят разграничивать между собой составы, предусмотренные ч. 3 ст. 5.61 КоАП и ст. 282 УК РФ, а также ввести норму, уточняющую, что понимается под «неприличной или иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме» (например: названия животных, характеризующих отрицательные качества человека, либо высказывания, которые противоречат принятой манере общения между людьми). Если оскорбление выражено в устной форме, рекомендуем законодателю уточнить способ доказывания: с опорой на свидетельские показания или на имеющиеся записи телефонных и иных разговоров, в частности по видеосвязи.

Данные рекомендации должны способствовать наиболее эффективной охране чести и достоинства человека и гражданина и выполнению важнейшей обязанности российского государства по обеспечению защите таких благ.

Гасанова М.
ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН

Гасанова Милана, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, gasan2501@list.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Пухов А. А.

Действующее уголовное законодательство в современных реалиях по-прежнему нуждается в совершенствовании норм в целях достижения поставленных перед данной отраслью задач. Пребывая на территории иностранного государства, граждане не всегда соблюдают нравы, обычаи и законодательство страны пребывания. В подобных случаях актуализируется и вопрос об уголовной ответственности данной категории граждан.

Правовое положение иностранных граждан, постоянно проживающих на территории Республики Беларусь, схоже с правовым статусом лиц без гражданства, постоянно проживающих на территории страны и, по нашему мнению, назрела необходимость пересмотра пределов действия уголовного закона и в отношении иностранных граждан, постоянно проживающих на территории государства. Так, видится необходимым изложить ч. 1 ст. 6 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) следующим образом:

«Гражданин Республики Беларусь или постоянно проживающий в республике иностранный гражданин, или постоянно проживающее в республике лицо без гражданства, совершившие преступления вне пределов Республики Беларусь, подлежат ответственности по настоящему Кодексу, если совершенные ими деяния признаны преступлениями в государстве, на территории которого они были совершены, и если они не понесли уголовную ответственность в этом государстве. Положения настоящей статьи применяются и к лицам, которые приобрели гражданство Республики Беларусь либо статус лица, постоянно проживающего в республике, после совершения преступления за пределами Республики Беларусь. При осуждении указанных лиц наказание назначается в пределах санкции статьи настоящего Кодекса, но не должно превышать верхнего предела санкции, предусмотренной законом государства, на территории которого было совершено преступление».

Предлагаемые изменения будут способствовать более справедливому назначению наказания иностранному гражданину, постоянно проживающему на территории Республики Беларусь, и помогут уравнивать статус с лицом без гражданства, постоянно проживающим на территории республики.

УК содержит ряд особенностей, в силу которых к иностранным гражданам не могут применяться некоторые весьма значимые и распространенные в практике меры уголовной ответственности.

Наиболее важными особенностями по рассматриваемой проблематике являются: невозможность применения к иностранному гражданину отсрочки исполнения наказания (ст. 77 УК), условного осуждения (ст. 78 УК).

Так, ч. 2-1 ст. 77 УК прямо устанавливает, что отсрочка исполнения наказания не может быть назначена лицу, осуждаемому за особо тяжкое преступление, а равно иностранному гражданину и не проживающему постоянно в Республике Беларусь лицу без гражданства. Аналогичная норма содержится и в ч. 3 ст. 78 УК. Указанные нормы носят императивный характер, т. е. являются обязательными (предписываемыми) для суда. В связи с этим суд не вправе применять к иностранному гражданину такие меры уголовной ответственности ни при каких условиях (обстоятельствах). Анализируя опыт Российской Федерации, стоит отметить, что российское законодательство не содержит запрета на применение к иностранному гражданину отсрочки исполнения наказания либо условного осуждения. Практика показывает эффективность применения данных мер уголовной ответственности к иностранным гражданам.

Однако, важно отметить, что ст. 77, 78 УК не могут применяться не только к иностранным гражданам, временно пребывающим в Республике Беларусь, в том числе в связи обучением или трудоустройством, но и к имеющим вид на постоянное место жительства. При этом не имеет значения срок (длительность) такого пребывания (проживания), семейное положение, возраст, характеристики и т. п.

Данные ограничения противоречат ч. 3 ст. 3 УК, которая устанавливает, что лица, совершившие преступления, равны перед законом и подлежат уголовной ответственности независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств.

В связи с этим предлагаем внести следующие изменения и дополнения в УК: скорректировать ч. 2 ст. 77 и ч. 3 ст. 78 УК, исключив «иностранному гражданину» и изложить в следующей редакции: ч. 2 ст. 77 – «отсрочка исполнения наказания не может быть назначена лицу, осуждаемому за особо тяжкое преступление, а равно не проживающему постоянно в Республике Беларусь иностранному гражданину и лицу без гражданства»; в ч. 3 ст. 78 заменить «а равно иностранному гражданину и не проживающему постоянно в Республике Беларусь и лицу без гражданства» на «а равно не проживающему постоянно в Республике Беларусь иностранному гражданину и лицу без гражданства».

Таким образом, по нашему мнению, законодатель проявил непоследовательность в установлении пределов применения отдельных форм реализации уголовной ответственности в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, постоянно проживающих на территории Республики Беларусь, что ведет к нарушению принципов справедливости и равенства человека и гражданина перед законом.

Головенчик М. Г.

АКТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ СУБЪЕКТА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Головенчик Марина Геннадьевна, аспирант 2 года обучения Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, goloventchikmg@bsu.by

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Шаблинская Д. В.

В настоящее время обеспечение экономической безопасности государства в целом и общества в частности является одним из приоритетных направлений деятельности правоохранительных органов Республики Беларусь. Отмечается неуклонный рост экономических преступлений, а также трансформация экономических преступлений, обусловленная массовой цифровизацией. В связи с этим одной из проблем, которая требует разрешения, является вопрос о том, кто признается субъектом экономического преступления в современных условиях.

Отметим, что в Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК Беларуси) в настоящее время нет понятия экономического преступления и нет перечня экономических преступлений. Несмотря на отсутствие данного понятия в УК Беларуси, в криминологии существует термин «экономическая преступность», но позиции ученых, высказываемые в доктрине, отличаются широким разбросом мнений, во внимание принимаются различные аспекты проблематики. В частности, различны воззрения относительно того, кого следует считать субъектом экономического преступления.

В научной литературе отмечается, что термин «экономическая преступность» произошел благодаря введенному в научный оборот в 1940 г. Э. Сатерлендом понятию «беловоротничковая» преступность («респектабельная» преступность, white-collar crime), т. е. преступность, совершаемая особым слоем населения. Таким образом, субъектом преступления является лицо, имеющее определенное образование, уровень дохода, статус в обществе.

Схожей позиции придерживается российский исследователь Я. И. Гилинский, который указывает, что в мировой криминологии различают два типа преступности: 1) обычную или «уличную» преступность (street crime), преступность «синих воротничков» – это, например, насильственные преступления, кражи, грабежи, разбои и т. п.; 2) «респектабельную», «беловоротничковую» преступность (к ней относятся экономическая преступность, должностные преступления, коррупционные преступления и т. п.). В силу данного деления, по мнению Я. И. Гилинского, чиновник, убивший из ревности жену или укравший бутылку коньяка в супермаркете, совершает обычное «уличное» преступление. То, будет ли человек субъектом экономического преступления, зависит не только от его социального статуса, но и от того, какое преступление он совершает.

Согласно определению, предложенному О. Г. Карповичем, экономическая преступность – это совокупность корыстных преступлений, посягающих на экономическую систему государства, которые детерминированы

общесоциальными и специфическими факторами: социально-экономическими, политическими, организационно-управленческими и т. д.; субъектами экономических преступлений являются должностные лица, непосредственно выполняющие хозяйственные функции. В данном определении называются специальные субъекты – должностные лица, непосредственно выполняющие хозяйственные функции.

Таким образом, на основе рассмотренных точек зрения исследователей о сущности экономических преступлений можно сделать вывод, что при их характеристике следует выделять и признаки субъектов, совершающих данные преступления. Но в научной литературе пока не сформировано единое мнение о том, какими признаками должен обладать субъект экономического преступления. Классификация же преступлений в УК Беларуси осуществляется по объекту преступления, а общественные отношения как объект преступления характеризуются наличием предмета общественного отношения, социальной связи участников общественного отношения, а также субъектов общественных отношений.

В современных условиях определяющими чертами экономической преступности становятся процессы цифровизации, интенсификация бизнес-процессов, развитие новых технологий и их широкое использование, в том числе в преступной деятельности. В связи с этим актуальные подходы к определению субъекта экономического преступления должны учитывать такие характеристики, как знание цифровых технологий, необходимых для совершения преступлений в цифровой среде; участие такого субъекта в общественных отношениях, которые связаны с ведением бизнеса, хозяйственной, предпринимательской деятельностью в новой цифровой форме; при этом совершение преступления посягает на указанные выше общественные отношения.

Для определения сущности экономических преступлений представляется необходимым проведение дальнейших исследований по определению субъекта экономических преступлений, что в дальнейшем позволит сформулировать предложения по совершенствованию уголовного законодательства и, соответственно, будет способствовать противодействию экономическим преступлениям.

Демидович К. В.

К ВОПРОСУ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЗАРАЖЕНИЕ ОПАСНЫМ ИНФЕКЦИОННЫМ ЗАБОЛЕВАНИЕМ

Демидович Карина Витальевна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, 11karina02@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, профессор Барков А. В.

По данным Всемирной организации здравоохранения, на сегодняшний день в мире происходит ежедневно более 1 миллиона случаев заражения инфекциями, передаваемыми половым путем, при этом около 1,5 миллиона человек заражается ВИЧ ежегодно.

Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК) установил ответственность за заведомое поставление в опасность заражения и за заражение вирусом иммунодефицита человека (ст. 157 УК) и венерическим заболеванием (ст. 158 УК). Одним значительным отличием конструкции данных статей является наличие примечания, которым была дополнена ст. 157 УК в соответствии с Законом Республики Беларусь от 9 января 2019 г. № 171-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь». Рассмотрим такой спорный доктринальный вопрос, как освобождение от уголовной ответственности за поставление в опасность заражения и заражение опасным инфекционным заболеванием. Проанализировав работы ученых по данному вопросу, мы выделили 3 основных подхода.

Первая группа авторов придерживается мнения, что согласие лица на поставление его в опасность заражения или заражение опасным инфекционным заболеванием не может выступать как обстоятельство, освобождающее лицо от уголовной ответственности. Пленум Верховного Суда СССР в п. 5 Постановления от 8 октября 1973 г. № 15 «О судебной практике по делам о заражении венерической болезнью» поддержал такую позицию. Некоторые ученые отмечают, что согласие на причинение вреда может влиять на объем ответственности, но не исключать ее вовсе ввиду высокой общественной опасности заболеваний. Так, Е. С. Галкина аргументирует это тем, что такое примечание нарушает права и законные интересы других лиц, также оно должно рассматриваться в рамках угрозы пандемии и массовой гибели людей от инфекционных заболеваний.

Вторая группа исследователей выступает за сохранение примечания к ст. 157 и его распространение на ст. 158 УК. В. В. Панкратов отмечает, что введение в уголовный закон такой нормы активизирует дальнейшее изучение юридического значения института согласия лица на причинение ему вреда.

Третья группа ученых, в числе которых Е. Н. Москалева, Л. Е. Татьянченко, отмечает, что исключить столь дискуссионное примечание не представляется возможным, поскольку в условиях демократического общества недопустимо вмешательство в личную жизнь граждан, однако такое примечание оправдано лишь в отношении ст. 157 УК. Исследователи объясняют свою позицию тем, что на сегодняшний день ВИЧ-инфекция является неизлечимой. Половая свобода зараженного венерическим заболеванием ограничивается в течение относительно непродолжительного промежутка времени, что позволяет не рисковать здоровьем полового партнера. Предполагается, что в данном случае рассматриваются лишь «классические» венерические заболевания и упускаются из виду «новые» венерические заболевания, среди которых есть и неизлечимые болезни. Данный факт привлекает внимание к проблеме отсутствия перечня венерических заболеваний, за заражение (поставление в опасность заражения) которыми может наступить уголовная ответственность.

Отсутствие примечания к ст. 158 УК фактически устанавливает запрет на сексуальные контакты лицу с неизлечимым венерическим заболеванием и

означает необходимость использовать вспомогательные репродуктивные технологии при желании завести детей. Медицине также известно такое понятие, как серосортировка, которая представляет собой активный поиск зараженными лицами инфицированных партнеров. Все это может приводить к тому, что лица, подозревающие у себя наличие венерических болезней, будут избегать обращения в медучреждения в связи с возможной постановкой диагноза, ввиду особенностей субъекта рассматриваемого преступления.

По нашему мнению, является правильной вторая точка зрения. Безусловно, нельзя отрицать негативные последствия, которые влекут венерические заболевания и ВИЧ. Данной общественной опасностью объясняется стремление государства защитить здоровье и жизнь граждан и не допустить распространения данных болезней. При этом законодатель осознает значимость распоряжения человеком своими правами и свободами, которые признаны, согласно ст. 2 Конституции Беларуси, высшей ценностью и целью общества и государства.

Таким образом, для совершенствования уголовного законодательства, следует согласиться с мнением исследователей о необходимости сохранения примечания к ст. 157 и распространения его на ст. 158 УК Беларуси с последующим более четким определением условий освобождения от уголовной ответственности за данные деяния, так, в первую очередь следует определить форму уведомления и добровольного согласия.

Дурко М. В.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА САМОВОЛЬНОЕ ОСТАВЛЕНИЕ ЧАСТИ ИЛИ МЕСТА СЛУЖБЫ И ДЕЗЕРТИРСТВА

Дурко Максим Викторович, курсант 4 «Г» курса факультета милиции общественной безопасности Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь, lolyou133722@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук Реутская Е. А.

Политическая обстановка в современном мире требует от государств уделять особое внимание обороноспособности вооруженных сил. Сохранение суверенитета Республики Беларусь, ее территориальной целостности и обеспечение безопасности граждан невозможно без армии, способной выполнять поставленные задачи в мирное и военное время.

Органами дознания Вооруженных Сил Республики Беларусь ежемесячно выявляются факты совершения переменным составом самовольного оставления части и мест службы, однако, ввиду особенностей законодательной техники построения ст. 445 и 446 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) и их бланкетности, привлечение к установленной ответственности военнослужащих представляется затруднительным ввиду особенностей, характеризующих объективную сторону и субъекта указанной группы преступлений.

Обратимся к анализу признаков состава преступления, предусмотренного ст. 445, 446 УК. Объектом указанных преступлений являются общественные отношения, обеспечивающие нормальный порядок прохождения военной службы. Порядок прохождения военной службы в Вооруженных Силах Республики Беларусь регулируется Указом Президента Республики Беларусь от 26.06.2001 № 355 «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Республики Беларусь», Указом Президента Республики Беларусь от 25.04.2005 № 186 «Об утверждении Положения о порядке прохождения военной службы».

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 445 УК образует совокупность альтернативных действий и обладает сразу несколькими признаками: 1) оставление части или места службы; 2) неявка в срок при увольнении из части, переводе, из командировки, отпуска или организации здравоохранения; 3) уклонение от воинской службы путем подлога документов или иного обмана.

Важными для квалификации по ст. 445 УК признаками объективной стороны преступления являются время, в пределах которого отсутствовал в части виновный, и причины его отсутствия. Для квалификации по ст. 446 УК необходимо доказать цель самовольного оставления части или места службы военнослужащим, а именно вовсе уклониться от воинской службы. При этом в практике возникает сложность при доказывании дезертирства, ведь о намерении вовсе уклониться от прохождения воинской службы военнослужащие зачастую не делятся даже со своими родителями. Еще одним вопросом для квалификации по ст. 446 УК является момент окончания данного преступления. Объективная сторона не предусматривает наступление общественно опасных последствий, а значит, преступление считается оконченным с момента оставления части или места службы. При этом в ч. 2 ст. 446 упоминаются такие понятия, как *боевая обстановка* и *военное время*, значение которых не упоминается в ст. 4 УК.

Субъектом преступлений, предусмотренных ст. 445, 446 УК, является лицо, на которого распространяется статус военнослужащего.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 445 УК, характеризуется прямым умыслом.

На наш взгляд, существующие редакции ст. 445, 446 УК направлены на сугубо профилактическое воздействие, нежели на правоприменительную практику. Указанный в ч. 1 ст. 445 УК срок оставления части или места службы, а также объективная сторона ч. 1 ст. 446 УК позволяет военнослужащим срочной военной службы оставить свое место прохождения военной службы на 48 часов, что снижает обороноспособность его подразделения. Решит указанную проблему представляется возможным путем сокращения установленного срока незаконного оставления места службы.

На основании изложенного можно отметить, что нормы, устанавливающие уголовную ответственность за самовольное оставление части или места службы и дезертирство не позволяют привлечь к ответственности виновных военнослужащих, в связи с чем нуждаются в изменении.

Дутина А. Я.
**ГЕНОЦИД КАК ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА
ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
И МЕЖДУНАРОДНЫМ КОНВЕНЦИЯМ**

*Дутина Анастасия Ярославовна, студентка 1 курса Академии управления
при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь,
dutina.anastasiya@mail.ru*

Научный руководитель: ст. преподаватель, магистр юрид. наук Нагорная Н. А.

История человечества столкнулась с множеством актов геноцида. Самыми известными из них являются геноциды армян, цыган, сербов, тутси, конголезцев, маори и других народов и этносов. Проблема геноцида актуальна и в современном мире, а именно в странах ближнего зарубежья.

В международном уголовном праве выделяется 4 вида международных преступлений: преступление против человечности, военные преступления, преступление агрессии и преступление геноцида. Термин «геноцид» приобрел юридическое значение лишь после Второй мировой войны и закрепился в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него (далее – Конвенция), принятой Генеральной Ассамблеей ООН 9 декабря 1948 г. Этот нормативный правовой акт был ратифицирован большинством стран мира. Согласно ст. 2 Конвенции под геноцидом понимаются действия, совершающиеся с целью полного или частичного уничтожения какой-либо национальной, этнической, расовой или религиозной группы как таковой: 1) убийство членов такой группы; 2) причинение серьезного телесного и/или морального вреда членам какой-либо группы; 3) предумышленное создание таких жизненных условий для какой-либо группы, которые нацелены на полное либо частичное физическое ее уничтожение; 4) меры, которые рассчитаны на предотвращение рождаемости детей в среде какой-либо группы; 5) насильственное перемещение детей из одной человеческой группы в другую.

Данное определение геноцида воспроизводится в национальных уголовных кодексах разных стран в первоначальном либо дополненном или измененном видах. Положения Конвенции также послужили основой для создания и утверждения других нормативных правовых актов, регулирующих отношения между объектами и субъектами геноцида. Геноцид как категория преступлений попадает под действие международной юрисдикции. Совершившие это преступление могут быть привлечены к ответственности не только национальными судами, но и международными трибуналами. Согласно Конвенции спор между государствами – участниками актов геноцида подлежит рассмотрению на Международном суде ООН даже при отсутствии согласия со стороны страны-ответчика.

Для предотвращения подобных преступлений в Республике Беларусь геноцид признается тяжким преступным деянием, которое, согласно ст. 127 Уголовного кодекса, наказывается лишением свободы на срок от двенадцати

до двадцати пяти лет, или пожизненным лишением свободы, или исключительной мерой – смертной казнью. Следует отметить, что и в других странах СНГ действуют подобные меры ответственности в отношении совершающих геноцид. В ст. 168 Уголовного кодекса Республики Казахстан геноцид классифицируется как умышленное преступление и наказывается лишением свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет, пожизненным лишением свободы с лишением гражданства либо без такового. Согласно Уголовному кодексу Российской Федерации (ст. 357) лица, совершающие геноцид, привлекаются к уголовной ответственности в виде лишения свободы на срок от двенадцати до двадцати лет с ограничением свободы на срок до двух лет, либо пожизненного лишения свободы, либо смертной казни.

15 января 2022 г. вступил в силу Закон Республики Беларусь «О геноциде белорусского народа», позволивший принять меры по полному и объективному исследованию обстоятельств геноцида белорусского народа, установлению лиц, которые причастны к его совершению и их уголовному преследованию. Например, отрицание геноцида народа Беларуси в печатном виде, в публичном выступлении, в средствах массовой информации или в глобальной сети Интернет является преступлением, за которое, согласно ст. 1 вышеупомянутого закона, предусмотрено наказание в виде ограничения свободы на срок от пяти лет или лишение свободы на тот же срок.

Таким образом, политика нашего государства нацелена на всестороннюю борьбу с любыми проявлениями розни на этнической, религиозной или национальной почве.

Жуковец В. К.

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБЛАСТИ ХИРУРГИИ: ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Жуковец Вера Константиновна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, vera.zhuk2003@gmail.com

Научный руководитель: д-р юрид. наук, профессор Савенок А. Л.

В начале XXI в. роботизированные технологии стали приобретать все большую популярность в медицинской отрасли. Медицина высоких технологий сегодня является едва ли не самой динамично развивающейся отраслью, что обеспечивается активным внедрением в клиническую практику инновационного оборудования, созданного на основе последних научно-технических разработок. Сочетание автоматизации процессов, цифровых и информационных технологий в управлении и клинической деятельности – отличительная черта, своеобразная визитная карточка ведущих медицинских центров.

Одним из примеров медицины высоких технологий является робот-ассистированная хирургическая система «da Vinci». Хирургический робот да Винчи (da Vinci) представляет собой хирургическую систему нового поколения, предназначенную для проведения сложных минимально-инвазивных операций. Роботом управляет хирург. Робот да Винчи состоит из

хирургической консоли, содержащей необходимые рычаги управления, и непосредственно робота, который имеет четыре руки, одна из которых оснащена увеличительной 3-D камерой. Сам же хирург использует 2 манипулятора, каждый из которых контролирует механические руки робота. Программа, контролирующая движение, способна отслеживать тремор руки и регулировать движения для точных прицельных хирургических процедур. Но и хирург также может контролировать интенсивность манипуляций.

Как видно из вышесказанного, хирургическая система «da Vinci» является уникальным воплощением научно-технических достижений в клиническую медицину и постепенно становится неотъемлемым участником хирургической практики. Из этого следует, что законодателю стоит урегулировать вопрос ответственности за причинение вреда пациенту в ходе использования технологий искусственного интеллекта, поскольку нет ясности в вопросе об ответственности за причиненный вред.

В первую очередь важно определить те функции, которые должны оставаться исключительно за человеком. Стоит также отметить, что человек не может возлагать на технику ответственность за вред, причиненный в процессе ее функционирования.

Основываясь на субъективной стороне преступления, можно выделить субъекты преступления, которые в зависимости от обстоятельств будут нести уголовную ответственность за деяние. В соответствии со ст. 14 Закона «О здравоохранении» в организациях здравоохранения оказание медицинской помощи пациентам осуществляется: врачами-специалистами, врачами-интернами, медицинскими работниками, имеющими среднее специальное медицинское образование. Ввиду недостижимости идеального исполнения работы механизмами, а также программным обеспечением, в законодательстве всегда предусматривается ответственность за причиненный таким образом вред. Субъектами преступления здесь могут выступать собственник техники, либо конкретное лицо или организация, непосредственно эксплуатирующая технику (врач-хирург) и обеспечивающая ее работу, а также программно-техническое обслуживание. Однако, проблемным остается вопрос объема полномочий, которые врач вправе делегировать искусственному интеллекту. Его исследование требует проведения междисциплинарных исследований с привлечением специалистов в различных областях теоретического знания: как технического, так и медицинского. Тем не менее пока не будут разработаны правовые нормы, регулирующие применение искусственного интеллекта, человек не сможет возлагать на технику ответственность за вред, причиненный пациенту в процессе ее эксплуатации.

Таким образом, квалификация преступлений, касающихся медицины высоких технологий, вызывает определенные сложности в определении конкретного виновного лица ввиду большого количества субъектов, участвующих в разработке и эксплуатации искусственного интеллекта. В дальнейшей практике, во избежание непредсказуемых последствий, законодателю необходимо закрепить общие правила, регулирующие данную сферу человеческой деятельности.

Жуковская У. В.

ОБМАН КАК ОБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА МОШЕННИЧЕСТВА

Жуковская Ульяна Вадимовна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, ulyana.zhukovskaya@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, профессор Барков А. В.

Любые действия, сопряженные с обманом, будут вызывать отрицательную моральную оценку со стороны общества, поскольку они будут нарушать устоявшиеся в обществе нормы поведения, базирующиеся на требованиях морали. Непосредственно с моралью связана и религия. Например, в 1 Послании ап. Иоанна говорится: «Всякая неправда есть грех; но есть грех не к смерти».

Обман не во всех случаях будет уголовно наказуемым явлением, хотя в обществе и существует позиция, что обман – это часть преступного поведения, а наказание внешне трактуется как «наказание за обман». Наказание же назначается за общественно опасное деяние, способом совершения которого послужил обман.

В. Н. Кудрявцев писал, что нельзя делить способы действия на абсолютно преступные и абсолютно не преступные. Исходя из этого, обман приобретает отрицательное преступное значение только тогда, когда выступает как способ совершения преступления. В рамках рассматриваемого преступления (мошенничества) обман имеет общественно опасный характер, так как выступает как способ завладения имуществом.

Ключевое в обмане с объективной стороны в рамках мошенничества – это его цель, охватываемая завладением имуществом. Содержание мошеннического обмана и его форма непосредственно определяется характером объекта посягательства и целью.

Всякий ли имущественный обман будет уголовно наказуемым? В XIX в. считалось, что широкая наказуемость имущественного обмана будет стеснять коммерческий оборот, т. е. в случае невнимательности покупателя и хитрости продавца «обогащение» второго абсолютно законно. Советские ученые придерживались точки зрения, что буржуазное уголовное право сильно сужала границы имущественного обмана в зависимости от его вида. В свою очередь, советское уголовное право делала акцент на том, что мошеннический обман отличается от не преступного имущественного обмана – по признаку общественной опасности деяния. Данное понимание перешло и в современное белорусское уголовное право, что отражено в п. 4 Примечания к гл. 24 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК).

В связи с этим понимание «обмана» в рамках белорусского уголовного права не противоречит этимологическому пониманию «обмана». По словарю Даля слово «обман» происходит от «обманывать» – лгать, словом или делом, вводить кого в заблуждение, уверять в небыли; провести кого-то. По толковому словарю Ожегова: «обман» – ложное представление о чем-нибудь.

Также в юридической литературе выделяют два обязательных признака обмана, которые должны присутствовать в совокупности:

1) наличие кроме «деятеля» (обманщика) «объекта» воздействия (лицо, которое обмануто либо предполагалось обмануть);

2) обман связан всегда с намеренностью, заведомостью и умыслом.

Наш УК не содержит легального определения «обмана». Не разъяснен данный термин и в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2001 г. № 15 «О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества». В свою очередь, российский законодатель определил термин «обман» в абз. 1 п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 29.06.2021) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». Законодательное определение «обмана» было ранее дано в УК РСФСР 1922 г. в примечании к ст. 187 – обманом считается как сообщение ложных сведений, так и заведомое сокрытие обстоятельств, сообщение о которых было обязательно. Данное толкование «обмана» в УК РСФСР было теоретически полным, так как включала в себя и активную, и пассивную форму обмана.

В свою очередь, Г. Н. Борзенков считает, что данное определение следует уточнить: активная форма обмана предполагает не только словесную форму обмана, но и различные действия. Например, внушение потерпевшему недействительной информации мошенником – это искажение истины. В связи с этим формулировку «сообщение ложных сведений» заменить на «искажение истины». А в пассивной форме вместо «сокрытие обстоятельств» использовать «умолчание об истине», так как сокрытие имеет 2 формы (активную и пассивную). Подобное краткое определение, которое раскрывает объективную (внешнюю) сторону обмана было дано Г. А. Мендельсоном: «обманом называется всякое искажение истины или умолчание об истине».

В связи с вышесказанным, считаю необходимым, чтобы наш законодатель добавил легальное определение «обмана» в ст. 4 УК. Например, обман – это заведомое искажение истины или умолчание об истине.

Жураў М. С.

**ЗЛАЧЫНСТВЫ СУПРАЦЬ УЛАСНАСЦІ І ПАРАДКУ АЖЫЦЦЯЎЛЕННЯ
ЭКАНАМІЧНАЙ ДЗЕЙНАСЦІ: ПЫТАННІ ВЫЗВАЛЕННЯ
АД КРЫМІНАЛЬНАЙ АДКАЗНАСЦІ**

*Жураў Мікіта Сяргеевіч, студэнт 3 курса Беларускага дзяржаўнага
ўніверсітэта, г. Мінск, Беларусь, mikitazhurai@gmail.com*

Навуковы кіраўнік: канд. юр. навук, дацэнт Шыдлоўскі А. В.

Нягледзячы на тое, што арт. 3 Крымінальнага кодэкса Рэспублікі Беларусь замацоўвае прынцып непазбежнасці адказнасці, а крымінальная адказнасць мае ў якасці мэт “выпраўленне асобы, якая здзейсніла злачынства”, “садзейнічанне аднаўленню сацыяльнай справядлівасці” (арт. 44), крымінальны закон утрымлівае шэраг выключэнняў з названых

асноваўтвараючых палажэнняў. Акрамя агульных падстаў вызвалення ад крымінальнай адказнасці, якія могуць ужывацца ў дачыненні да асобы, якая здзейсніла грамадска небяспечнае дзеянне, што ўваходзіць у вызначаную законам катэгорыю, выдзяляюць асобную групу падстаў.

Выдзяленне гэтай групы падстаў абумоўлена наступнымі спецыфічнымі іх рысамі:

1) яны вызваляюць ад уздзеяння мер крымінальнай адказнасці асобу, якая замахваецца на пэўны аб'ект (грамадскія адносіны), у той час як агульныя падставы арыентаваны на выкананне патрабаванняў, што не ставяцца ў залежнасць ад аб'екта грамадска небяспечнага дзеяння;

2) яны распаўсюджваюцца выключна на названыя ў іх злачынствы, закранаючы толькі адзінкавыя склады злачынстваў у параўнанні з агульнымі падставамі;

3) залежнасць спецыяльных падстаў ад непасрэднага аб'екта злачынства, ад канкрэтнага злачынства ў цэлым абумоўлівае ўнікальныя, асобна ўзятыя патрабаванні да абвінавачанага: гэта, напрыклад, пакрыццё шкоды, яўка з пакаяннем і інш.

Лічым у дадзеным кантэксце мэтазгодным прааналізаваць з улікам азначаных крытэрыяў спецыяльныя падставы вызвалення ад адказнасці асоб, якія здзейснілі злачынствы, прадугледжаныя раздзелам IX Крымінальнага кодэкса Рэспублікі Беларусь.

Радавы аб'ект гэтых дзеянняў складаюць дзве групы адносін – грамадскія адносіны ўласнасці, а таксама грамадскія адносіны, якія ўзнікаюць у мэтах ажыццяўлення нармальнай эканамічнай дзейнасці па вытворчасці, размеркаванні, абмене і спажыванні матэрыяльных даброт і паслуг. Менавіта яскрава выражаны маёмасны характар аб'екта злачынстваў знайшоў адлюстраванне ва ўмовах вызвалення ад адказнасці, прадугледжаных у гэтых артыкулах. Заканадаўца заклаў у іх, як след, кампенсацыйныя меры, што закранаюць матэрыяльны элемент (звязаныя з пакрыццём шкоды, вяртаннем аб'екта злачынства): так, ад адказнасці за кантрабанду (арт. 228) вызваляецца асоба, якая добраахвотна здала наяўныя грашовыя сродкі і (або) грашовыя інструменты, указаныя ў артыкуле; у адпаведнасці з п. 6 Заўваг да главы 24 кодэкса асоба, якая здзейсніла адно з пералічаных у ім злачынстваў, вызваляецца ад адказнасці ў тым ліку пры поўным пакрыцці прычыненай шкоды. Трэба заўважыць, што матэрыяльны характар умоў па спецыяльных падставах вызвалення ўласцівы перш за ўсё злачынствам супраць уласнасці, чым злачынствам супраць парадку ажыццяўлення эканамічнай дзейнасці. Для апошніх больш характэрна выкарыстанне іншых па характары патрабаванняў: дабравольнае паведамленне аб здзейсненым, актыўнае садзейнічанне раскрыццю і (або) расследаванню злачынства (арт. 235, 252, 253), што можна патлумачыць другаснасцю, апасродкаванасцю прычынення маёмаснай шкоды такімі злачынствамі, немагчымасцю яе падліку, ацэнкі. У сваю чаргу, Крымінальны кодэкс дапускае магчымасць вызвалення ад адказнасці па спецыяльных

падставах у выпадку ўчынення злачынства па адным з дзесяці артыкулаў, прычым шэсць з іх змешчаны ў гл. 24.

З гэтага вынікае, што злачынныя дзеянні, накіраваныя супраць парадку ажыццяўлення эканамічнай дзейнасці, разглядаюцца заканадаўцам як тыя, што цягнуць больш схаваную грамадскую небяспеку ў параўнанні са злачынствамі супраць уласнасці з прычыны высокай латэнтнасці такіх злачынстваў (камерцыйны шпіянаж, незаконнае атрыманне крэдыту або субсідыі, маніпуляванне рынкам каштоўных папер і г. д.). Зыходзячы з гэтага, разглядаем слушным вылучэнне прапановы аб замацаванні дадатковай умовы для вызвалення ад адказнасці асоб, якія здзейснілі злачынства па частцы 1 артыкулаў 205, 209–212, 214 – выплата кампенсацыі пацярпеламу ў памеры 100 працэнтаў ад сумы прычыненай шкоды.

З адзначанага вышэй можна зрабіць наступныя вывады. Спецыяльныя падставы вызвалення ад адказнасці, прадугледжаныя ў артыкулах раздзела IX, маюць сваю спецыфіку, абумоўленую характарыстыкамі радавога аб'екта злачынстваў – грамадскія адносіны ўласнасці і грамадскія адносіны ў сферы ажыццяўлення нармальнай эканамічнай дзейнасці, рэалізацыі этапаў эканамічнага цыкла. Варта дадаць, што і радавы, і відавы аб'екты з'яўляюцца фактарамі, што ўплываюць на вызначэнне ўмоў вызвалення ад адказнасці і на магчымасць вызвалення па асобных складах у цэлым. У дадзеным кантэксце лічым мэтазгодным узмацніць патрабаванні да асоб, якія прэтэндуюць на вызваленне ад адказнасці па злачынствах супраць уласнасці, і дадаць у іх лік абавязак выплаты кампенсацыі асобе, якой была прычыненая шкода, у памеры 100 працэнтаў ад сумы гэтай шкоды.

Землянко О. А., Мельникова Ю. И.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЯНИЙ ПО СТАТЬЕ О ДОБРОВОЛЬНОЙ СДАЧЕ В ПЛЕН

*Землянко Ольга Александровна, Мельникова Юлия Ивановна, студентки
5 курса Института прокуратуры Саратовской государственной
юридической академии, Саратов, Россия, zzemlyanko@yandex.ru,
ulia.melnikova19@outlook.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Проводина Е. В.

24 сентября 2022 г. Президентом Российской Федерации был подписан Федеральный закон № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». В Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) им была введена ст. 352.1 «О добровольной сдаче в плен». Особо актуальным в настоящее время представляется вопрос, касающийся квалификации и расследования преступлений, совершенных военнослужащими в условиях вооруженного конфликта. Одним из таких является добровольная сдача в плен.

Безусловно, такое стремительное внесение изменений в УК РФ было продиктовано сложной социально-политической обстановкой, сложившейся

на сегодняшний день в международных отношениях Российской Федерации с другими странами, а также участием государства в проведении специальной военной операции (СВО). Сложилась ситуация, в которой на российских военнослужащих оказывается огромное психологическое давление со стороны государства, в отношении которого проводится СВО, что, несомненно, может подорвать их моральный настрой и без того сложной обстановке. Сегодня в открытом доступе можно легко найти так называемые инструкции по добровольной сдаче в плен украинским военнослужащим, СМС-сообщения, создание телеграм-ботов.

Все это диктует острую необходимость в создании некоего противовеса, который не позволял бы российским солдатам сдаваться добровольно в плен, не задумываясь о последствиях. Этим противовесом и стали дополнения, введенные в отечественное законодательство, в частности ст. 352.1 УК РФ.

Такое введение весьма обоснованно и было необходимо в связи с общественной опасностью данного преступления, которая заключается в снижении эффективности выполнения поставленных боевых задач, нанесении ущерба боеспособности воинских частей, а также оказании деморализующего влияния на остальных военнослужащих.

Но пока остается неразрешенным вопрос о том, что же из себя представляет «добровольная сдача в плен» и в каких случаях новая статья подлежит применению. Понятие дает широкую вариативность для трактовок, и вопрос о том, как будет работать правоприменительная практика, остается открытым.

Исходя из этого, наиболее важным считаем в ближайшее время определить понятие «добровольная сдача в плен», а также признаки состава преступления, разъяснить, какие деяния не подпадают под добровольную сдачу в плен и не могут быть квалифицированы по ст. 352.1 УК РФ.

Уместным будет обратиться к истории и выяснить, был ли раньше в законодательстве данный состав преступления. Первое упоминание словосочетания «добровольная сдача в плен» мы находим в Положении о революционных военных трибуналах, утверждённом Декретом ВЦИК 20.11.1919 г. Современное же российское право не знает понятия «добровольная сдача в плен», нельзя найти этого понятия и в международном праве, по простой причине отсутствия необходимости закрепления данного понятия до недавних событий.

Далее целесообразным является перейти к раскрытию состава преступления, закреплённого ст. 352.1 УК РФ.

Объектом преступления является установленный порядок несения воинской службы в районе военных действий.

Объективную сторону составляют действия (бездействие) военнослужащего. Примером бездействия может являться неприменение оружия. Действия могут составить также прекращение сопротивления, сложение оружия и сдача в плен военнослужащего либо другие действия, правильно определить которые будет возможно после того, как рассматриваемое понятие будет раскрыто.

Стоит остановиться на следующем моменте. Действия должны быть именно добровольными, т. е. у военного еще должна быть возможность оказывать вооруженное сопротивление. А вот, к примеру, болезнь, тяжелая рана, отсутствие оружия – все это уже нельзя считать добровольной сдачей в плен и следует рассматривать как вынужденную сдачу при крайней необходимости.

Субъективная сторона рассматриваемого преступления характеризуется прямым умыслом.

Субъект преступления – специальный – им является военнослужащий.

Таким образом, опираясь на все изложенное выше, мы приходим к выводу о необходимости скорейшего дополнения примечания к ст. 352.1 УК РФ еще одним пунктом, который бы раскрывал понятие «добровольная сдача в плен», а также важно закрепить, что именно является состоянием вынужденности сдачи в плен с уточнением, что это следует рассматривать как основание для отсутствия состава преступления и освобождения от уголовной ответственности.

Зенькович В. Д.

НЕСТОРОЖНОЕ СОПРИЧИНЕНИЕ

*Зенькович Виолетта Дмитриевна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минска, Беларусь,
law.zenkovicVD@bsu.by*

Научный руководитель: д-р юрид. наук, профессор Грунтов И. О.

Неосторожное сопричинение кандидат юридических наук А. В. Курсаев определяет как совершение несколькими лицами противоправных, взаимосвязанных и взаимообусловленных между собой действий (бездействий), совершаемых одновременно либо следующих друг за другом, являющихся частью их общего поведения в силу объективно и субъективно существующей связи между ними, повлекших по неосторожности наступление либо создавших угрозу наступления единого для них общественного опасного результата, предусмотренного уголовным законом.

Опираясь на данное определение можно выделить основные признаки неосторожного сопричинения: 1) единое преступление; 2) наличие нескольких лиц; 3) взаимосвязанный и взаимообусловленный характер действий сопричинителей; 4) единый общественно опасный результат; 5) наличие причинной связи между действиями (бездействием) сопричинителей и наступившими последствиями; 6) неосторожная форма вины; 7) противоправность.

Несмотря на исчерпывающий перечень признаков, выделение неосторожного сопричинения в науке все еще спорно. Наибольшие трудности возникают при обособлении преступлений, совершенных путем неосторожного причинения, от преступлений, осуществленных в соучастии, разграничение которых непосредственно влияет на назначение и размер наказания. Критериями отграничения выступают форма вины, особенности

объективной и субъективной взаимосвязи между сопричинителями, их различное социально-правовое предназначение.

Согласно ст. 16 Уголовного кодекса Республики Беларусь 1999 г. (далее – УК) соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления. Следовательно, совершающееся без умысла несколькими лицами преступление не является соучастием. Однако в доктрине существуют разнообразие мнений, в которых часто неосторожное сопричинение переплетается с соучастием, не признается или же исключает соучастие.

А. В. Курсаев при определении границ неосторожного сопричинения был не согласен с предложениями ряда авторов (А. П. Козлов и др.) рассматривать его в рамках соучастия: «Соучастие и неосторожное сопричинение, хотя и входят в единый институт “Множественность лиц в преступлении”, являются самостоятельными видами данного института, характеризующиеся собственными признаками и сферой применения, в связи с чем сводить их одно к другому либо объединять в один институт необоснованно».

Попытки обосновать неосторожное сопричинение не нашли поддержки у большинства ученых и практических работников, таких как П. И. Гришаев, Г. А. Кригер, А. В. Наумов, А. А. Пионтковский, П. Ф. Тельнов, Ф. Г. Бурчак. Белорусский ученый, доктор юридических наук В. М. Хомич, в своей работе писал: «Если преступный результат был причинен, хотя и совместными, но неосторожными действиями двух или нескольких лиц, то каждое из них несет ответственность как за индивидуально совершенное преступление по неосторожности». Опровергалась данная позиция А. Н. Трайниным: по его мнению, «при такой конструкции получаются три убийства и один труп – арифметика, необычная в судебной практике». Но и говорить, что всякие два выстрела, приведшие к смерти, являются соучастием, по нашему мнению, не является истинным.

Как мы можем заметить, уголовное законодательство в основном направлено на борьбу с умышленными преступлениями, другими словами, наиболее опасными посягательствами, поэтому преступная неосторожность не столь точно закреплена в УК. Самостоятельные уголовно-правовые средства регулирования неосторожных преступлений до сих пор не выработаны. Тезис об уголовно-правовом ограничении криминализации неосторожности перенесен на сам механизм уголовно-правового регулирования данного явления, что неприемлемо. Данный пробел является препятствием для привлечения к уголовной ответственности и индивидуализации наказания виновным лицам.

На наш взгляд, в неосторожных совместных преступлениях безусловно общественная опасность посягательства повышается, но не столь значительно: лица не оценивают собственные действия (бездействие) как преступные, они не преследуют цель причинения вреда и объединяются вовсе не для того, чтобы повысить шансы успешного совершения преступления,

потому и усиление ответственности таких лиц не является необходимой мерой.

В целях совершенствования уголовного законодательства мы считаем необходимым внесение в Уголовный кодекс Республики Беларусь специальных норм, регламентирующих определение «неосторожного сопричинения» и вопросы реализации уголовной ответственности за преступную неосторожность.

Необходимо добавить ст. 16¹ «Неосторожное сопричинение»

1. Неосторожным сопричинением признается неосторожное участие двух или более лиц в совершении одного и того же неосторожного преступления.

2. Сопричинители отвечают по статье Особенной части настоящего Кодекса за совершенное ими неосторожное преступление со ссылкой на статью 16¹ настоящего Кодекса».

Калесник Н. А., Савельев М. Д.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

*Калесник Николь Александровна, Савельев Максим Дмитриевич, студенты
2 курса Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь,
kalesnicknikki@gmail.com, alainsorfamb@mail.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Лукашов А. И.

Суть административной преюдиции заключается в том, что лицо, будучи ранее привлеченным к административной ответственности за противоправное деяние, при его повторном совершении уже привлекается к уголовной ответственности. Если говорить об административной преюдиции с позиции выявления ее природы и обоснования местонахождения в уголовном праве, то в данном контексте принципиальное значение имеет вопрос определения ее юридической сущности.

Преступность деяния с административной преюдицией, а также его наказуемость фактически определяются наличием у лица административной ответственности за то же деяние, совершенное менее чем за год.

Административная преюдиция является признаком состава преступления и наряду с этим используется для своеобразного перехода от административной к уголовной ответственности. Учитывая, что административная преюдиция является как бы «мостом», связывающим между собой деяния, являющиеся административными правонарушениями, но переводимые в разряд преступлений ввиду совершения их лицом, ранее подвергавшимся административной ответственности, то характер и степень общественной опасности таких деяний не должны быть высокими, что отражено в ст. 32 УК.

Объектом преступлений с административной преюдицией выступают различные общественные отношения, величина вреда которых возрастает ввиду совершения их лицом, которое ранее в течение года привлекалось к административной ответственности за такие же деяния.

Обязательный признак объективной стороны преступления с административной преюдицией – деяние. Такое деяние, совершенное впервые, не влечет за собой уголовной ответственности, а значит, не является обязательным признаком объективной стороны преступления с административной преюдицией.

Субъективная сторона преступления с административной преюдицией имеет особенности. Предшествующее привлечение лица к административной ответственности, о чем оно знает достоверно, свидетельствует об осознании противоправности совершаемого им деяния и желании его совершить вновь до истечения указанного годичного срока.

Административную преюдицию следует рассматривать как факультативный признак субъекта преступления. Административная преюдиция – признак, характеризующий субъект преступления как лицо, подвергнутое административной ответственности за такое же нарушение, и придающий ему в силу этого качества специального субъекта преступления. Административная преюдиция является признаком субъекта преступления, поскольку повторность совершения деяния указывает на явное осознание лицом фактического характера и общественной опасности своего деяния, равно как и его противоправности.

При выявлении правовой природы административной преюдиции можно сказать, что в уголовном законе Республики Беларусь она используется:

- при криминализации деяния, ранее признававшегося только административным правонарушением;
- при частичной криминализации деяния, ранее не признававшегося ни административным правонарушением, ни преступлением, с одновременным введением административной ответственности за такое деяние;
- при частичной криминализации деяния, ранее признававшегося преступлением только при условии наличия административной преюдиции, а после исключения административной преюдиции получившее статус преступления вне зависимости от этого условия;
- при частичной декриминализации деяния, ранее признававшегося преступлением, которое (деяние) с введением административной преюдиции сохраняет статус преступления только при условии наличия административной преюдиции, а при ее отсутствии приобретает статус административного правонарушения.

Таким образом, следует признать, что административная преюдиция является признаком субъекта преступления. Административная преюдиция представляет собой «мостик» между административно-деликтным и уголовным правом и является обязательным условием наступления уголовной ответственности за некоторые преступления, не представляющие большой общественной опасности.

Каменко Е. О.

**ПРИЗНАКИ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СОВЕРШАЕМЫХ МЕДИЦИНСКИМИ РАБОТНИКАМИ**

Каменко Егор Олегович, студент 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, katenko.egor@gmail.com

Научный руководитель: старший преподаватель Верховодко И. И.

Уголовно-правовая охрана жизни и здоровья человека от преступных посягательств установлена в ряде глав Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), однако наиболее полно право на жизнь охраняется главой 19 УК «Преступления против жизни и здоровья». Одним из видов преступного посягательства, сочетающим в себе общественно опасное поведение и нарушение норм морали, является неоказание помощи.

Среди актуальных проблем законодательства в этой области можно выделить квалификацию неоказания помощи по ст. 159 УК «Оставление в опасности» и ст. 161 УК «Неоказание медицинской помощи больному лицу», в случае совершения данного деяния медицинским работником. Для ее решения необходимо детально рассмотреть такие признаки объективной стороны, как время и местонахождение медицинского работника в момент посягательства.

В рассматриваемых составах сходна объективная сторона, которая выражается в бездействии. Преступное бездействие – форма общественно опасного и противоправного поведения, характеризующаяся тем, что виновный не совершает того общественно полезного действия, которое он мог и должен был совершить в силу закона, своих профессиональных обязанностей или своего предшествующего поведения. В ст. 159 УК это неоказание помощи либо несообщение надлежащим учреждениям или лицам о необходимости оказания помощи. В ст. 161 УК бездействие выражается неоказанием медицинской помощи больному лицом, обязанным оказывать ее в соответствии с законодательством Республики Беларусь, при наличии у него реальной возможности оказания медицинской помощи больному лицу.

Неоказание медицинской помощи больному лицу – специальный вид оставления в опасности, создающий угрозу для жизни и здоровья потерпевшего.

При анализе содержания вышеуказанных статей возникает вопрос квалификации деяния в случае оставления в опасности потерпевшего медицинским работником, когда последний находится вне рабочего места и (или) обнаруживший потерпевшего в нерабочее время.

Основным нормативным актом, регулирующим отношения в области здравоохранения, является Закон Республики Беларусь от 18.06.1993 № 2435-ХІІ «О здравоохранении» (далее – Закон о здравоохранении).

В ст. 51 Закона о здравоохранении содержится обязанность медицинских и фармацевтических работников оказывать скорую медицинскую помощь в пределах своих возможностей нуждающимся в ней

лицам вне организации здравоохранения. Отсутствие такой возможности может быть обусловлено лишь наличием непреодолимой силы, крайней необходимости, отсутствием практических навыков, специального оборудования, инструментов, препаратов и т. п.

Так, при наличии необходимых условий для спасения человека и надлежащей медицинской подготовки, по смыслу ст. 51 Закона о здравоохранении, время и местонахождение медицинского работника, при которых больному не была оказана медицинская помощь, не имеют значения. Содеянное будет квалифицироваться по ст. 161 УК.

Статья 32 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – Закон об основах охраны здоровья граждан) содержит положение, согласно которому медицинская помощь оказывается только медицинскими организациями. Данная норма свидетельствует о том, что медицинскую помощь оказывает не медицинский работник, а организация в целом, а значит, работник, находящийся вне рабочего места, оказывать медицинскую помощь не вправе.

В отличие от белорусского законодательства, в Российской Федерации перечень условий, когда медицинская помощь может оказываться вне медицинской организации, является исчерпывающим (п. 1 ч. 3 Закона об основах охраны здоровья граждан). В остальных случаях, находясь вне организации, работник вправе оказывать лишь первую помощь.

Таким образом, при сравнении белорусского законодательства, регламентирующего права, обязанности и ответственность медицинских и фармацевтических работников, с законодательством Российской Федерации, регулирующим аналогичные вопросы, можно сделать вывод, что на сегодняшний день в Республике Беларусь вопрос об ответственности медицинских работников за оставление в опасности урегулирован иначе. В Беларуси медицинский работник должен быть готов оказать скорую медицинскую помощь в любом месте и в любое время, в то время как в России данную помощь можно оказывать лишь тогда, когда медицинский работник находится на рабочем месте и только в рабочее время.

Клиницкая А. А.

**ДИСЦИПЛИНАРНАЯ ПРЕЮДИЦИЯ КАК ПРИЗНАК СОСТАВА
ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 411 УГОЛОВНОГО
КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Клиницкая Анастасия Александровна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, klinitskaya@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Пухов А. А.

Преюдиция является одним из наиболее неоднозначных вопросов уголовного права, поскольку и в науке, и в законодательстве отсутствует единый подход к пониманию ее правовой природы. Так, одни ученые считают преюдицию самостоятельным институтом, другие – правовым

явлением. Зачастую преюдицию толкуют как совокупность обязательных при рассмотрении дела обстоятельств, не требующих повторного доказывания, поскольку они были ранее установлены судом и нашли отражение во вступившем в законную силу приговоре суда.

Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК) содержит иной подход к преюдиции, закрепляя ее как одно из возможных условий уголовной ответственности. Под преюдицией понимается установленная в нормах уголовного закона связь между несколькими аналогичными правонарушениями, совершенными в течение определенного периода после применения к виновному соответствующих мер взыскания за одно из них, вследствие чего содеянное считается преступлением и виновное лицо привлекается к уголовной ответственности.

Статья 411 является единственной статьей в УК, предусматривающей дисциплинарную преюдицию. Важность преюдиции в этой статье обусловлена субъектом и обстоятельствами совершения данного преступления. Поскольку субъектом преступления в ст. 411 является лицо, уже отбывающее наказание в виде лишения свободы в исправительном учреждении, наказание ему назначается в соответствии со ст. 73 УК, т. е. по совокупности приговоров.

Дисциплинарная преюдиция в ст. 411 представляет собой наложение дисциплинарного взыскания в виде перевода в помещение камерного типа, специализированную палату, одиночную камеру или тюрьму.

Дисциплинарное взыскание должно быть применено уполномоченным должностным лицом в установленные законом сроки, а также являться законным и предусмотренным законодательством.

Согласно ч. 2 ст. 113 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (далее – УИК) взыскание налагается не позднее десяти суток со дня обнаружения нарушения, а если в связи с нарушением проводилась проверка, – со дня ее окончания, но не позднее трех месяцев со дня совершения нарушения.

Применение уголовной ответственности за деяния, предусмотренные ст. 411 УК, ограничено сроком в один год. Началом течения срока является вынесение постановления уполномоченного должностного лица о наложении соответствующего дисциплинарного взыскания, а его окончанием – 0 часов дня, следующего за днем наложения взыскания. Если же срок наложенного дисциплинарного взыскания больше срока действия дисциплинарной преюдиции, то при совершении осужденным противоправного деяния по отбытии дисциплинарного взыскания, он вновь подлежит дисциплинарной ответственности, а не уголовной.

В науке присутствуют споры насчет того, является ли дисциплинарная преюдиция обязательным условием ответственности только по ч. 1 ст. 411 УК или же по обеим частям статьи. Исходя из анализа судебной практики, следует констатировать, что ч. 2 ст. 411 УК также предусматривает дисциплинарную преюдицию.

Дисциплинарная преюдиция имеет профилактическую направленность и призвана декриминализировать определенные действия осужденных. Так,

для признания общественной опасности деяний лица, направленных на выражение злостного неповиновения законным требованиям администрации исправительного учреждения либо иное противодействие администрации, необходимо установить, что такое противодействие является осознанным волеизъявлением лица, совершается им умышленно и имеет постоянную направленность. Именно повторное совершение запрещенных деяний свидетельствует об общественной опасности поведения лица для сотрудников исправительного учреждения.

Дисциплинарная ответственность выражается в виде наложения дисциплинарных взысканий в рамках системы исправительных учреждений и не влечет для осужденного правовых последствий, в отличие от уголовной ответственности. Наличие преюдиции является выражением принципа гуманизма, в соответствии с которым к лицу должны быть применены такие меры ответственности, которые являются необходимыми и достаточными для его исправления. Таким образом, дисциплинарная преюдиция позволяет избегать необоснованного применения мер уголовно-правового принуждения.

Козорез А. Ю.

ВИДЫ НАКАЗАНИЙ, НАЗНАЧАЕМЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ

Козорез Алексей Юрьевич, студент 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, tt8215676@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Шидловский А. В.

В Уголовном кодексе Республики Беларусь 1999 г. (далее – УК) впервые был введен отдельный раздел, посвященный особенностям уголовной ответственности лиц, совершивших преступления в возрасте до восемнадцати лет. Уголовная ответственность несовершеннолетних значительно смягчена по сравнению с ответственностью взрослых граждан. К лицам, совершившим преступления в возрасте до восемнадцати лет, могут быть применены следующие наказания: 1) общественные работы; 2) штраф; 3) лишение права заниматься определенной деятельностью; 4) исправительные работы; 5) арест; 6) ограничение свободы; 7) лишение свободы.

Данный перечень наказаний, расположенных от менее строгого к более строгому, является исчерпывающим и никакие иные наказания, входящие в общую систему наказаний для взрослых, не могут быть применены за совершенные в несовершеннолетнем возрасте преступления независимо от возраста привлечения к уголовной ответственности. В частности, к несовершеннолетним не могут применяться такие наказания, как: лишение права занимать определенные должности, лишение воинского или специального звания, ограничение по военной службе в силу социального, правового и фактического положения несовершеннолетних.

Наказания в виде пожизненного заключения и смертная казнь не применяются к несовершеннолетним и не включены в УК в соответствии с Конвенцией о правах ребенка от 20 ноября 1989 г.

Названные семь видов наказаний, назначаемых как несовершеннолетним, так и взрослым, имеют общие положения, которые действуют независимо от возраста субъекта. Однако каждый из перечисленных видов наказаний применительно к несовершеннолетним имеет свои особенности, что нашло свое отражение в специальных нормах УК.

При назначении несовершеннолетнему наказания в виде *общественных работ* (ст. 110 УК) их общая продолжительность может составлять от тридцати до ста восьмидесяти часов, а ежедневная продолжительность не должна превышать трех часов в день при количестве не больше трех рабочих дней в неделю. Общественные работы должны быть посильными для несовершеннолетнего.

Штраф (ст. 111 УК) назначается лицу, если оно имеет самостоятельный заработок или имущество, в размере от 5 до 50 базовых величин.

Лишение права заниматься определённой деятельностью (ст. 112 УК) назначается лицу на срок от одного года до трех лет.

Исправительные работы (ст. 113 УК) назначаются лицу на срок от двух месяцев до одного года по месту работы. Из заработка осужденного производится удержание в доход государства в пределах от пяти до пятнадцати процентов.

Арест (ст. 114 УК) назначается на срок от одного до двух месяцев.

Ограничение свободы (ст. 114¹ УК) назначается на срок от шести месяцев до трех лет.

Лишение свободы (ст. 115 УК) является самым строгим видом наказания, применяемого к несовершеннолетним. Лицу, впервые совершившему в возрасте до восемнадцати лет преступление, не представляющее большой общественной опасности, наказание в виде лишения свободы не назначается. Срок лишения свободы за совершение менее тяжкого преступления не может превышать трех лет, за тяжкое преступление – семи лет, за особо тяжкое преступление – десяти лет. За особо тяжкое преступление, сопряженное с умышленным посягательством на жизнь человека, либо с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ лишение свободы назначается на срок до 12 лет.

Таким образом, особенностью видов наказаний, назначаемых несовершеннолетним является то, что они определяются возрастными и социально-психологическими условиями формирования личности.

В генезисе преступности несовершеннолетних решающее место занимают недостатки воспитания и влияния среды. Однако это не исключает правомерности возложения на них уголовной ответственности. Во-первых, эта ответственность устанавливается при наличии социально-психологических предпосылок. Во-вторых, она сама как социальный и правовой институт призвана выступать в качестве объективного фактора, противоборствующего преступным проявлениям и способствующего воспитанию подрастающего поколения, привитию ему необходимого правосознания.

Подводя итог сказанному, необходимо отметить, что ограничение наказания несовершеннолетних семью видами из тринадцати, предусмотренных в УК, в меньших пределах, чем для взрослых осужденных, создает необходимые возможности для оптимальной реализации ответственности несовершеннолетних за совершенные ими преступления и для достижения целей наказания.

Комлев Я. С., Хлебникова А. В.

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ХИЩЕНИЯ КРИПТОВАЛЮТЫ

Комлев Ярослав Сергеевич, Хлебникова Александра Валерьевна, студенты 4 курса Санкт-Петербургского государственного Университета, г. Санкт-Петербург, Россия, st076898@student.spbu.ru, st080199@student.spbu.ru

Научный руководитель: д-р юрид. наук, профессор Щепельков В. Ф.

В судебной практике Российской Федерации (далее – РФ) существует правовая неопределенность относительно квалификации преступлений, связанных с оборотом криптовалюты. Несмотря на вступление в силу Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» 01.01.2021 г., квалификационные проблемы не были разрешены полностью. В уголовном законодательстве отсутствуют нормы, признающие цифровую валюту имуществом. Это порождает вынесение противоречивых судебных актов по делам о преступлениях в сфере экономики.

Например, в Апелляционном Определении Санкт-Петербургского городского суда от 23.11.2020 г. № 1-95/2020 было установлено следующее: «Исключая из обвинения указание на хищение криптовалюты ..., суд обоснованно в приговоре сослался на положения ст. 129, 208 ГК РФ, примечание к ст. 158 УК РФ, правильно указав, что криптовалюта в соответствии с законодательством РФ не является объектом гражданских прав, ..., в связи с чем не может выступать предметом хищения».

В то же время в Кассационном Определении Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 01.07.2021 г. по делу № 77-1255/2021, 1-40/2019 сказано: «Наличие запрета в РФ на возможность оплачивать товары, работы и услуги цифровой валютой, не свидетельствует об отсутствии у нее признаков имущества. Законодательство РФ не содержит запрета на владение цифровой валютой, она имеет фактическую стоимость, а Федеральные законы ... № 127-ФЗ и ... № 229-ФЗ признают цифровую валюту имуществом». Аналогичная позиция содержится в Определении Третьего Кассационного суда общей юрисдикции от 02.06.2022 г. по делу № 77-1578/2022.

Суды по-разному решают вопрос о возможности признания криптовалюты предметом хищения. При этом во всех случаях сопоставляется понятие предмета хищения и гражданско-правовое определение объектов гражданских прав. Такой подход видится обоснованным, так как по смыслу Уголовного кодекса РФ предметом хищения выступает лишь имущество.

Относя криптовалюту к объектам гражданских прав, ученые-цивилисты усматривают в ней и признаки вещи, и имущественных прав, и иного имущества, но не приходят к единому мнению.

С другой стороны, необходимо проанализировать доктринальную концепцию «вещественной собственности», где предмет хищения рассматривается с трех «сторон»: физической, экономической и юридической. С физической стороны имущество как предмет хищения должно быть телесным предметом материального, внешнего мира. С экономической – предметом хищения являются только такие предметы, которые обладают экономическим свойством стоимости. С юридической стороны имущество как предмет хищения должно быть: 1) объектом вещного права, 2) не изъятым из свободного гражданского оборота и 3) чужим для виновного.

Исходя из данной концепции, криптовалюту нельзя признать предметом хищения, так как она не обладает достаточными признаками: цифровая валюта не овеществлена, а также пока не выработана единая концепция относительно ее юридического статуса.

Тем не менее в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» указано, что цифровая валюта может быть предметом преступного посягательства в целом, что является аргументом за признание криптовалюты предметом хищения.

Стоит отметить, что в Республике Беларусь правовое регулирование цифровой валюты сделало очередной шаг в его развитии: 14.02.2022 г. был подписан Указ № 48 «О реестре адресов (идентификаторов) виртуальных кошельков и особенностях оборота криптовалюты», который хотя и допускает свободный оборот криптовалюты, но в то же время контролирует правомерность производимых операций.

По нашему мнению, для РФ создание схожего реестра и более глубокого правового регулирования – лишь вопрос времени, поскольку обозначена тенденция признания криптовалюты имуществом не только для целей ряда федеральных законов, но и для уголовного законодательства РФ в целом.

Королёва М. В.

АКТУАЛЬНОСТЬ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

Королёва Мария Витальевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, masha.june26@gmail.com

Научный руководитель: старший преподаватель Верховодко И. И.

Процесс защиты и охраны персональных данных является актуальной темой во всем мире, так как обеспечивает безопасность личности каждого. В связи с этим за последние годы законодательство многих стран пополнилось нормами о правовом регулировании охраны и защиты

персональных данных, учредив в том числе и соответствующие уголовные санкции. Так, например, действующая ранее Директива Европейского союза «О защите прав частных лиц применительно к обработке персональных данных и о свободном движении таких данных» от 24 октября 1995 г. № 95/46/ЕС заложила фундамент в формирование национального законодательства стран – участниц ЕС в сфере персональных данных. На основе указанного акта установлена уголовная ответственность за незаконные действия в сфере персональных данных. Уголовные кодексы Федеративной Республики Германии, Испании, Франции дополнены новыми составами преступлений, касающимися посягательств на персональные данные.

Стоит отметить, что уголовно-правовая охрана персональных данных характерна и для законодательства стран-соседей. Так, ст. 182 Уголовного кодекса Украины от 5 апреля 2001 г. № 2341-III закрепила уголовную ответственность за незаконные действия в отношении конфиденциальной информации о лице, учредив квалифицирующий признак повторности, а также определив понятие существенного вреда охраняемым законом правам, свободам и интересам лица. Под существенным вредом, если он заключается в причинении материальных убытков, в указанной статье понимается такой материальный ущерб, который в сто и более раз превышает необлагаемый минимум доходов граждан. Статья 147 Уголовного кодекса Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V устанавливает уголовную ответственность за несоблюдение мер по защите персональных данных лицом, на которое возложена обязанность принятия таких мер, если это деяние причинило существенный вред правам и законным интересам лиц.

На протяжении долгого времени в отечественном законодательстве наблюдалось уголовно-правовая защита узкого круга правоотношений в сфере приватности. Тем не менее важность и актуальность закрепления уголовно-правовой охраны персональных данных для совершенствования законодательства в этой сфере не раз подчеркивалась. Безусловно, опыт зарубежных стран, как и острая необходимость регулирования вопроса приватности в современном обществе, подтолкнули законодателя к принятию Закона Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных» (далее – Закон) и учреждения составов в Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК), включающих посягательства на персональные данные (ст. 203-1, ст. 203-2).

До появления соответствующих норм в УК Республики Беларусь фигурировала статья о защите информации о частной жизни, включающая личную, а также семейную тайны другого лица (ныне исключенная ст. 179 УК). Стоит отметить, что по официальной статистике в период с 2012 по 2020 г. были лишь единичные случаи привлечения лиц к ответственности по ст. 179 УК, несмотря на то, что утечки персональных данных, которые включали в себя и сведения о частной жизни граждан, были уже широко известны для общества. На данный момент ст. 203-1 обеспечивает охрану и защиту как информации о частной жизни, так и персональных данных, не

закрепляя отграничение указанных понятий в уголовном законе, создавая определенный пробел и тему для дискуссии. Необходимо также заметить, что на данный момент мы можем говорить, что под существенным вредом в ст. 203-1 понимается нарушение конституционных прав, свобод и законных интересов гражданина, но представляется необходимым учитывать и материальный ущерб, который может быть причинен гражданину из-за незаконных действий в отношении персональных данных.

Уголовный закон, включая специальные нормы, касающиеся посягательств на персональные данные, не дает также четкого объяснения, что именно нам следует понимать под термином «персональные данные» в контексте уголовно-правовой науки. В свою очередь, это приводит к тому, что указанные нормы по своему характеру являются бланкетными и отсылают нас к определению из соответствующего нормативного правового акта. Так, Закон в качестве определения персональных данных в первую очередь использует формулировку «любая информация». Такая трактовка, безусловно, позволяет классифицировать слишком широкий перечень данных как персональных. Многие из таких ошибочно отнесенных данных будут уже являться предметами иного посягательства в соответствии с УК, что порождает существенную актуальную проблему и дискуссию.

Законодатель, предприняв попытку усовершенствовать уголовно-правовую охрану персональных данных и привести нормы в соответствие с тенденциями развития информационного общества, не разрешил актуальные вопросы: не определены отграничивающие признаки информации о частной жизни от персональных данных, не определен существенный вред в рамках ст. 203-1 и 203-2. Кроме того, остается открытым вопрос о дефиниции персональных данных как предмета преступления в УК Республики Беларусь. Присутствующие ранее как минимум в трех законах отличающиеся друг от друга понятия персональных данных были сведены к единому определению, закрепленному в Законе «О защите персональных данных» (ст. 4 Закона Республики Беларусь от 10 октября 2022 г. № 209-З «Об изменении законов по вопросам обработки персональных данных»), что все же не решило имеющихся актуальных проблем из-за чрезмерно широкого понимания этого ключевого понятия.

Кошелева А. А.

**УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ЯНТАРНОЙ ОТРАСЛИ:
ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ**

Кошелева Арина Андреевна, магистр 2 курса Высшей школы права Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, г. Калининград, Россия, kingarink007@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Цирит О. А.

Современная политика идет по пути реформирования уголовного закона с использованием довольно гуманных средств, но отличается непродуманностью, асистемностью, нуждаясь в качественной научной и

профессиональной экспертизе. Криминализация незаконного оборота и добычи янтаря, нефрита или иных полудрагоценных камней послужила определенным инструментом предупреждения правонарушений в указанной области, но все еще далека от процессуальной эффективности. В научном сообществе отмечают, что выбор законодателем инструментов уголовно-правовой охраны общественных отношений, направленных на сохранение данных природных ресурсов и организацию законного порядка их оборота, далек от оптимального, их содержание не способствует формированию успешной и стабильной судебной и следственной практики. Проблемы, детерминируемые новыми редакциями ст. 191 и 255 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), проявляются в большинстве элементов составов данных преступлений.

Во-первых, законодатель расположил указанные статьи в разных главах УК РФ, что подразумевает охрану разных объектов. Так, незаконный оборот янтаря, нефрита или иных полудрагоценных камней (ст. 191 УК РФ) расположен в главе 22, следовательно, видовым объектом будут общественные отношения в сфере экономической деятельности. Состав самовольной добычи янтаря, нефрита или иных полудрагоценных камней (ч. 2, 3 ст. 255 УК РФ) расположен в главе 26, где в качестве видового объекта будут общественные отношения в сфере экологии. На практике эти преступления совершаются чаще всего одними и теми же преступными группами, конечная цель которых получение прибыли от продажи указанных предметов. Так, янтарь используют в медицине (препятствует гемолизу – разрушению эритроцитов, применяется как противовоспалительное и антитоксическое средство), в промышленности (является диэлектриком, позволяет изготовить изоляторы в электро и радиотехнике, входит в состав лаков и эмалей, которыми покрывают корабли, музыкальные инструменты и т. д.), что доказывает его ценность на рынке как в России, так и за рубежом. В начале 2022 г. в Калининградской области была задержана организованная преступная группа, незаконно вывозившая янтарь в Литву, стоимость которого оценивается в 20 млн. рублей. Ранее большую известность в Калининграде получила криминальная группа под руководством Виктора Богдана, полностью контролирующая янтарный рынок. В настоящее время правоохранительными органами активно ведется пресечение незаконной деятельности на стадии добычи янтаря в рамках оперативно-розыскных мероприятий. Учитывая криминологический аспект, в янтарной отрасли есть даже определенная классификация преступных сообществ, например, для категории «преступный янтарный синдикат» характерно четкое разделение ролей в процессе добычи янтаря, а затем его сбыта, он занимается легализацией доходов от незаконной добычи янтаря, а также лоббированием преступных целей в государственном секторе.

Таким образом, в рассматриваемых составах преступлений больше прослеживаются экономические отношения, нежели экологические, о чем также утверждает в своих исследованиях А. А. Котова. На наш взгляд,

логичнее было бы расположить вышеуказанные составы в рамках одной главы «Преступления в сфере экономической деятельности».

Во-вторых, немаловажной является проблема подсчета ущерба. В целях применения ч. 4, 5 ст. 191 УК РФ крупный размер составляет 2 млн. 250 тыс., а для ч. 3 ст. 255 УК РФ – 1 млн. рублей. Не совсем понятно, почему такая большая разница, что, на наш взгляд несправедливо, поскольку мы охраняем один объект, как мы выяснили ранее. Считаем, что необходимо привести все к единому знаменателю – 1 млн. рублей в целях применения ч. 4, 5 ст. 191 УК РФ и ч. 3 ст. 255 УК РФ. Вместе с тем рассматриваемые квалифицированные составы почти не применимы, поскольку законодателем определены лишь суммы, но не разработаны методики подсчета, которые, как правило, утверждаются отдельным Постановлением Правительства РФ. Полагаем, что в основу проекта такого Постановления можно положить стандарт по классификации и требованиям к качественным, весовым и размерным характеристикам янтаря, разработанный Калининградским янтарным комбинатом (СТО от 30.09.2022). Для разработки оценочной стоимости привлечь специалистов в области янтарного производства и продажи. Наличие такого документа позволит выработать единые критерии, формирующие правоприменительную практику.

Исходя из вышеизложенного, проведенный нами анализ уголовно-правовых норм в сфере янтарной отрасли позволяет говорить о несовершенстве юридической техники, чем вызвана необходимость внесения дополнительных изменений в ст. 191 и ст. 255 УК РФ. Предложенные нами меры направлены на решение выявленных проблем.

Кукреш А. Г.

КВАЛИФИКАЦИЯ ПОСРЕДНИЧЕСТВА ВО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ

Кукреш Александра Геннадьевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, kukresh.01@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Шидловский А. В.

Понятие «посредничество во взяточничестве» было закреплено еще в советском уголовном законодательстве. Как самостоятельное преступление оно регламентировалось по УК РСФСР 1922 г., УК РСФСР 1926 г., УК БССР 1928 г. В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 23 сентября 1977 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве», заменившем одноименное постановление от 31 июля 1962 г., посредничество толковалось более узко: посредником считалось лицо, которое, действуя по поручению взяткодателя или взяткополучателя, непосредственно передавало предмет взятки. Стоит отметить, что данное определение уже не охватывало различные виды интеллектуального посредничества, которые в соответствии с данным постановлением рассматривались как соучастие во взяточничестве.

Аналогичное разъяснение было закреплено в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 30 марта 1990 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве». Следует отметить, что в данном постановлении возникла

проблема соотношения посредничества и соучастия во взяточничестве, так как в ходе квалификации соучастие во взяточничестве фактически поглощало посредничество. В постановлении было указано, что «лицо, которое организует дачу или получение взятки, подстрекает к этому либо является пособником дачи или получения взятки и одновременно выполняет посреднические функции, несет ответственность за соучастие в даче или получении взятки».

В Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК) самостоятельная уголовно-правовая норма об ответственности за посредничество во взяточничестве была закреплена в первоначальной редакции от 9 июля 1999 г. в ст. 432, которая устанавливает ответственность за непосредственную передачу взятки по поручению взяткодателя или взяткополучателя. Следует отметить, что объективная сторона ст. 432 УК представлена только физическим посредничеством. Физическое посредничество заключается в непосредственной передаче лицом взятки по поручению взяткодателя или взяткополучателя.

В юридической науке до сих пор возникают споры о целесообразности криминализации посредничества во взяточничестве. Составы преступлений дачи и получения взятки и посредничества неразрывно связаны, при дословном толковании диспозиций ст. 430, 431 и 432 УК возникает правовая неопределенность, которая заключается в том, что по сути одинаковые по характеру действия являются признаками объективной стороны разных составов преступления. Таким образом, при физическом посредничестве деяние лица, передающего взятку, по признакам состава соответствует преступлению, предусмотренному ст. 431 УК, и можно полагать, что в соответствии с диспозицией ст. 431 УК лицо фактически является соисполнителем преступления. Однако мы считаем данное суждение не совсем аргументированным, потому как основным признаком, позволяющим отличить посредников от соисполнителей взятки, выступает их заинтересованность в согласии взяткополучателя или взяткодателя.

На наш взгляд, целесообразно было бы дополнить ст. 432 УК интеллектуальным посредничеством, аналогично норме ст. 291.1 УК РФ.

Интеллектуальное посредничество отличается от физического большим количеством способов совершения преступления. Способы можно дифференцировать на две группы: направленные на достижение самого соглашения и направленные на реализацию достигнутого ранее соглашения между взяткодателем и взяткополучателем.

При интеллектуальном посредничестве для осуществления соглашения посредничество заключается в выполнении принятых или принимаемых на себя обязательств по передаче-получению взятки, однако не ограничивается лишь физическим участием. Способами совершения такого вида посредничества могут являться предоставление помещения, автомобиля для передачи взятки, обеспечение личной встречи взяткодателя и получателя, открытие банковского счета на имя получателя взятки, совершение иных финансовых операций по обеспечению наличия предмета взятки и передачи

его другому лицу. Таким образом, деятельность посредника в данном случае нацелена на обеспечение своими действиями нормального «уверенного» процесса передачи предмета взятки.

Предлагаем изложить ч. 1 ст. 432 УК в следующей редакции: «Непосредственная передача взятки по поручению взяткодателя или взяткополучателя либо иное способствование взяткодателю и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки (посредничество во взяточничестве)».

Кухарчик В. В.

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ (ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)

*Кухарчик Валерия Валерьевна, студентка 2 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
valerialuce42@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Пухов А. А.

Определение термина «историко-культурные ценности» закреплено в ст. 1 Закона Республики Беларусь от 09.01.2006 г. № 98 «Аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны Рэспублікі Беларусь» (далее – Закон). Под ними понимаются «материальные объекты (материальные историко-культурные ценности) и нематериальные проявления творчества человечества (нематериальные историко-культурные ценности), которые обладают отличительными духовными, художественными или документальными качествами и которым присвоен статус историко-культурной ценности».

Однако до принятия данного закона охраняемые Уголовным кодексом Республики Беларусь (далее – УК) предметы культурного достояния именовались по-разному: «историко-культурные ценности», «памятники истории и культуры». Надо отметить, что российский законодатель до сих пор не разрешил эту проблему. Не отличается единством понятийного аппарата и международное право.

Уникальность таких предметов обусловила выделение законодателем наиболее опасных деяний в отдельные составы преступлений. В связи с этим следует рассмотреть основные виды и признаки историко-культурных ценностей с точки зрения уголовно-правовой квалификации.

Вопрос о критериях соответствия предмета статусу культурной ценности в юридической науке является дискуссионным. Г. А. Русанов предложил основные и дополнительные критерии. Основными следует считать историческое, художественное или научное значение предмета для мирового сообщества, конкретного государства, административной единицы. Дополнительными критериями являются результат творческой деятельности человека и временной критерий (должны быть созданы более чем 50 (100) лет назад). В российской науке предлагается закрепить, что историко-культурные ценности – предметы, имеющие высокую рыночную стоимость.

Таким образом, основным критерием отнесения предмета к историко-культурной ценности являются его особые художественные свойства, значимость для общественной нравственности.

Историко-культурные ценности подразделяются на материальные и нематериальные. К первым относятся предметы, материальное воплощение которых составляет их содержание. Они в свою очередь делятся на недвижимые и движимые. Согласно ст. 16 Закона, в зависимости от своей значимости материальные историко-культурные ценности могут относиться к четырем категориям: «0», «1», «2», «3».

Нематериальные историко-культурные ценности – это предметы, материальное воплощение которых не оказывает существенного влияния на их содержание. Они делятся на категории «А» и «Б». Дискуссионным является вопрос: можно ли рассматривать нематериальные историко-культурные ценности в качестве предмета преступления? Например, М. М. Богуславский отмечает, что в праве культурными ценностями признаются только материальные предметы. Другие (И. Э. Мартыненко, М. Н. Сатолина) придерживаются идеи об уголовно-правовой защите нематериальных ценностей.

В одних случаях категория историко-культурных ценностей влияет на квалификацию преступления. Например, материальные историко-культурные ценности категории «3» охраняются ч. 1 ст. 346 УК. Особо ценные материальные историко-культурные ценности (категории «0», «1», «2») являются предметом преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 346 УК. Категориальная принадлежность предопределила структуру ст. 344 УК.

В других случаях категория историко-культурных ценностей не влияет на квалификацию деяния (ст. 230 УК предусматривает ответственность за невозвращение на территорию Республики Беларусь историко-культурных ценностей).

Действующий уголовный закон предусматривает, что основу квалификации посягательства на историко-культурные ценности составляет размер причиненного вреда. Установление такого вреда обязательно при принятии решения о возбуждении уголовного дела в случае: хищения культурных ценностей в крупных масштабах во время вооруженного конфликта (п. 8 ст. 136 УК); присвоения клада в особо крупном размере (ст. 215 УК); контрабанды культурных ценностей в крупном размере (ст. 228 УК); уничтожения, повреждения либо утраты историко-культурных ценностей или культурных ценностей, которым может быть придан статус историко-культурной ценности, по неосторожности в крупном и особо крупном размерах (ст. 345 УК).

Таким образом, признание того или иного объекта составной частью культурного достояния представляет в следственно-судебной практике наибольшую сложность. Данная проблема обусловлена неоднозначностью терминологии законодательства, позволяющей расширительно толковать существенные признаки культурных ценностей.

Леута А. С., Митукевич Д. В.

КРИМИНАЛИЗАЦИЯ ЗАВЛАДЕНИЯ МУСОРОМ

*Леута Александра Сергеевна, Митукевич Дарья Витальевна, студентки
3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
alexandra_leuta@mail.ru, dmitukevich@gmail.com*

Научный руководитель: старший преподаватель Верховодко И. И.

Вопросы утилизации мусора и других отходов регулируются Законом Республики Беларусь от 20 июля 2007 г. № 271-З «Об обращении с отходами» (далее – Закон). В соответствии с п. 19 ст. 19 данного Закона, отходами признаются вещества или предметы, образующиеся в процессе осуществления экономической деятельности, жизнедеятельности человека и не имеющие определенного предназначения по месту их образования либо утратившие полностью или частично свои потребительские свойства.

Так кому же принадлежит мусор и будет ли считаться криминальным завладение им? Прежде всего необходимо определить объект, для чего следует расставить все точки над «i» в вопросе собственности. Вопрос, кто является владельцем мусора от начала и до конца процесса его утилизации, в действующем законодательстве не урегулирован, что порождает массу проблем. Любой потребитель, производящий отходы, может считать их своей собственностью и распоряжаться ими по своему усмотрению. Очевидно, что мусор, находящийся в мусорном ведре, например, на кухне у хозяина помещения принадлежит ему. Но как быть с мусором, находящимся в уличном контейнере?

В соответствии с ч. 2 ст. 3 Закона отказ от права собственности на отходы осуществляется в соответствии с гражданским законодательством. Согласно п. 1 ст. 227 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) движимые вещи, брошенные собственником или иным образом оставленные им с целью отказа от права собственности на них, могут быть обращены другими лицами в свою собственность в порядке, установленном п. 2 настоящей статьи.

В соответствии с п. 2 ст. 227 ГК лицо, в собственности, владении или пользовании которого находится земельный участок, водоем или иной объект, где находится брошенная вещь, стоимость которой явно ниже суммы, соответствующей пятикратному размеру базовой величины, либо брошенные лом металлов, бракованная продукция, топляк от сплава, отвалы и сливы, образуемые при добыче полезных ископаемых, отходы производства и другие отходы, имеет право обратить эти вещи в свою собственность, приступив к их использованию или совершив иные действия, свидетельствующие об обращении вещи в собственность. Другие брошенные вещи поступают в собственность лица, вступившего во владение ими, если по заявлению этого лица они признаны судом бесхозными.

Также в соответствии с п. 1 ст. 237 ГК гражданин или юридическое лицо может отказаться от права собственности на принадлежащее ему имущество,

объявив об этом либо совершив другие действия, определенно свидетельствующие о его устранении от владения, пользования и распоряжения имуществом без намерения сохранить какие-либо права на это имущество. На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что, выбрасывая вещи в мусоропровод, лицо отказывается от права собственности.

Таким образом, собственник земельного участка, где находится брошенная вещь, имеет право собственности на нее. Данное положение распространяется и на территории республиканской или коммунальной собственности, где находятся брошенные на улицах, находящиеся в мусорных контейнерах, парках, свалках вещи. Из положений п. 31 ст. 1 Жилищного кодекса Республики Беларусь следует, что мусоропровод и его содержимое является общим имуществом совместного домовладения. На основании п. 19 ст. 19 Закона, мусор, попадающий в мусоропровод, является отходом. Следовательно, права на мусор (вместе с обязанностью его утилизации) принадлежат собственникам совместного домовладения, а в случае специальных контейнеров – перерабатывающим предприятиям, которым и принадлежат такие контейнеры.

Достаточно дискуссионным остается вопрос о криминализации завладения мусором. Так как существует право собственности, следовательно, оно охраняется и от преступных посягательств. Завладение мусором, по нашему мнению, может быть квалифицировано как присвоение найденного чужого имущества или же как хищение.

С субъективной стороны любое хищение характеризуется прямым умыслом. Сознанием виновного охватывается противоправный и безвозмездный характер завладения чужим имуществом. Лицо, которое собирается завладеть такого рода вещами воспринимает их в качестве бесхозных, ненужных. Соответственно, невозможно однозначно утверждать о наличии прямого умысла на завладение чужим имуществом, в связи с тем, что лицо не воспринимает данные предметы в качестве чьих-то.

Ранее нами были приведены доводы в пользу того что, собственник от права собственности на мусор отказался, однако, в свою очередь, право собственности на вещи, попадающие в контейнер, приобретает собственник мусорного контейнера либо земельного участка. Целью существования таких контейнеров является не только поддержание чистоты в населенном пункте, но и переработка отходов, в процессе которой может быть извлечена экономическая выгода. Следовательно, вынимая мусор из контейнера, лицо совершает хищение чужого имущества, а собственник контейнера несет материальный ущерб. Например, нередкой является ситуация, когда лица, обзаведясь специальным оборудованием, совершают так называемые «обходы» в поисках цветных металлов с целью последующей их сдачи в пункты приема за материальное вознаграждение. Среди мусора также может оказаться ценная сама по себе вещь, например, драгоценности, иные предметы роскоши. В момент, когда такая вещь попадает в мусорный

контейнер, она теряет часть своей экономической ценности, но не утрачивает ее полностью.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы. Во-первых, существует право собственности на отходы, выброшенные в мусорные контейнеры, свалки, следовательно, возможно причинение вреда путем незаконного завладения ими, что требует правовой оценки в том числе в целях предотвращения набирающей популярности «мусорной охоты». Во-вторых, деяния такого рода являются менее общественно опасными, в отличие от хищения той же вещи не из мусорного контейнера.

На данный момент, вопрос о привлечении лиц к ответственности за завладение мусором может возникать только в том случае, если лицо обнаружило в отходах ценную вещь и не сообщило в органы внутренних дел о своей находке. В данном случае деяние может быть квалифицировано как присвоение найденного имущества по ст. 215 Уголовного кодекса Республики Беларусь или по ст. 11.4 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях в зависимости от размера причиненного ущерба. В случае завладения выброшенными вещами с использованием специального оборудования (что подтверждает наличие умысла и соответствующей цели) – как хищение имущества.

Ловягина И. С.

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ ПРЕКУРСОРОВ И АНАЛОГОВ

Ловягина Инесса Станиславовна, магистрантка Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, inessa20005@gmail.com

Научный руководитель: д-р юрид. наук, профессор Савенок А. Л.

Расширение масштабов незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов, а также их немедицинского потребления является одной из глобальных проблем человечества и представляет угрозу национальной безопасности Республики Беларусь. Учитывая важность охраняемых Уголовным кодексом Республики Беларусь (далее – УК) общественных отношений в данной сфере, а также необходимость пресечения распространения наркомании как угрозы для демографии и здоровья нации, был принят Декрет Президента Республики Беларусь от 28 декабря 2014 г. № 6 «О неотложных мерах по противодействию незаконному обороту наркотиков». Сформулированные Главой государства требования определили основные направления совершенствования уголовно-правовой политики, что позволило повысить эффективность противодействия преступлениям, связанным с незаконным оборотом этих средств и веществ, а также существенно снизить их количество. Вместе с тем, несмотря на принимаемые меры, число регистрируемых преступлений, предусмотренных ст. 327–332 УК, остается достаточно высоким, а также существуют некоторые проблемы, связанные

с квалификацией преступлений по данным статьям. Предлагаем на этом остановиться подробнее.

Спорным вопросом является при квалификации действий, направленных на сбыт наркотических средств и (или) психотропных веществ, ситуация, когда сбыт осуществляется путем использования закладок. Довольно часто сотрудники правоохранительных органов задерживают по подозрению лиц, которые занимаются именно таким способом сбыта (одно и то же лицо на постоянной основе осуществляет сбыт наркотических средств и (или) психотропных веществ путем закладок). Следствие в большинстве случаев данные действия квалифицирует по ч. 4 ст. 328 УК (незаконный сбыт наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов, совершенный организованной группой). Согласно ст. 18 УК преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено двумя или более лицами, предварительно объединившимися в управляемую устойчивую группу для совместной преступной деятельности.

Можно ли утверждать, что наркокурьеры являются частью этой устойчивой группы? Полагаем, что нет. Будущих наркокурьеров набирают посредством глобальной сети Интернет. В целях сохранения анонимности и скрытности противоправной деятельности заказчики используют браузеры, работающие в теневом сегменте интернета. Они позволяют пользователям не быть замеченными и уязвимыми в сети Интернет. Это система прокси-серверов, устанавливающая анонимное сетевое соединение. С ее помощью можно посещать сайты, заблокированные на территории страны проживания путем замены IP-адреса, оставаясь при этом незамеченным.

Курьеры и заказчики могут быть даже незнакомы. Организаторы не посвящают их в цели и планы организованной группы. К тому же курьеры часто меняются, так как на них довольно быстро выходят правоохранительные органы. Из этого делаем вывод, что курьеры не являются частью такой группы. Они преследуют лишь свою собственную цель (заработать деньги для себя). Следовательно, действия лиц, которые осуществляют незаконный сбыт наркотических средств и (или) психотропных веществ путем использования закладок, следует квалифицировать по ч. 2 ст. 328 УК Республики Беларусь (незаконный сбыт наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров и аналогов).

Рассмотрим еще одну спорную, на наш взгляд, ситуацию. Лицо имело цель приобрести наркотические средства и (или) психотропные вещества. Оно пришло к месту, где должна находиться закладка, но ее на месте не было либо она была, но пошел сильный дождь, и она пришла в негодность, либо лицо достало закладку из тайника, но рассыпало содержимое закладки возле тайника, т. е. цель фактически достигнута не была. На практике такие действия квалифицируются в большинстве своем как оконченные преступления (приобретение наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров и аналогов). Мы же полагаем, что данные действия следует квалифицировать как покушение на преступление, так как оно не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам.

В связи с этим предлагаем внести в постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами и аналогами, сильнодействующими и ядовитыми веществами (ст. 327–334 УК)», следующие дополнения:

«Не могут быть участниками организованной группы лица, которые осуществляют незаконный сбыт наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов путем оставления закладок в тайнике и при этом не поддерживают связь с участниками преступной группы, кроме тех лиц, которые поставляют такие средства и вещества и выплачивают денежные средства;

действия лица, преследующего цель приобретения наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов, но по не зависящим от него обстоятельствам не получившего пригодные к употреблению такие средства и вещества, следует квалифицировать как покушение на незаконное приобретение наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов».

Лукомский Н. С.

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ВОИНСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Лукомский Никита Сергеевич, курсант 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, nik.lukomskiy@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Пухов А. А.

22 марта 1903 г. Николаем II было утверждено Уголовное уложение, содержащее 37 глав и 687 статей. Практически оно просуществовало до октября 1917 г., хотя отдельные главы и статьи были несколько трансформированы в ходе двух буржуазно-демократических революций. Уложение 1903 г. устанавливало, что преступлением признается деяние, «воспрещённое во время его совершения законом под страхом наказания». Воинские преступления были закреплены в 27 статьях главы 35 Уголовного уложения. Выделялись следующие составы воинских преступлений: против порядка подчиненности и соблюдения воинской чести, против порядка отношений субординации между военнослужащими, против порядка уставных взаимоотношений между нижними чинами, против порядка прохождения военной службы, против порядка несения специальных служб, против порядка пользования военным имуществом, против порядка обращения с оружием, боеприпасами, против порядка военного управления, против порядка хранения военной тайны, воинские изменнические преступления, против порядка ведения боевых действий, против законов и обычаев войны. За указанные преступления к военнослужащим применялись следующие виды наказаний: смертная казнь, каторга, ссылка на поселение, заключение в исправительном доме, заключение в тюрьме, арест и взыскание денежной пени.

Самостоятельный этап в истории военно-уголовного законодательства образуется в советский период. Он характеризуется принципиально новым подходом к его конструированию, отказом от военно-уголовного права как самостоятельной отрасли права. Непосредственно после Октябрьской социалистической революции новая власть, стремясь выработать собственную политическую и уголовно-правовую линию в борьбе с преступностью, руководствовалась исключительно классовым подходом. Он реализовывался прежде всего в военной среде, что в условиях Гражданской войны было вынужденным и оправданным. Были созданы ВЧК, революционные военные трибуналы. Уголовная ответственность солдат и матросов определялась главным образом отдельными законодательными актами – декретами советской власти. Первые такие нормативные акты появились уже в конце 1917 – начале 1918 г.: Приказ Полевого штаба Главковерха по Петроградскому военному округу о введении гласных товарищеских судов, декреты и постановления Совета рабочих и крестьянской обороны о дезертирстве, декрет ВЦИК и СНК «О местностях, объявленных на военном положении» и др.

Декретом II Всероссийского съезда Советов 26 октября 1917 г. была отменена смертная казнь на фронте. В Обращении СНК ко всем армейским организациям, военно-революционным комитетам, всем солдатам на фронте от 11 ноября 1917 г. «О борьбе с буржуазией и ее агентами, саботирующими дело продовольствия армии и препятствующими заключению мира» сообщалось, что советская власть делает все для обеспечения солдат фронта необходимыми запасами, и в связи с этим армейские комитеты, которые попытаются поддержать врагов народа в их борьбе против советской власти, «должны быть немедленно распущены, а в случае сопротивления – арестованы».

За отдельные нарушения воинской дисциплины вопросы о наказании решались на местах соответствующими органами военного управления. Так, приказом Главного Верховного командования по Петроградскому военному округу была установлена ответственность за самовольное оставление поста, пьянство при несении караульной службы, совершение проступков, принижающих звание гражданина-воина и т. д., а также за «серьезные проступки по службе и против революции». Меры наказания: от выговора до лишения очередного отпуска, назначения на хозяйственные работы в частях на срок до 4 недель. Основными задачами уголовно-правовых норм, изданных в этот период, были охрана нового революционного правопорядка и воинской дисциплины в армии, борьба с контрреволюционерами, подрывающими безопасность новых воинских формирований.

29 мая 1918 г. был издан декрет «О принудительном наборе в рабоче-крестьянскую Красную Армию». Вскоре V Съезд Советов закрепил всеобщую воинскую повинность. Военно-уголовное законодательство было направлено не только против контрреволюционеров, но и против тех, кто злостно нарушал установленный порядок несения военной службы. Особенно остро в те годы встал вопрос о борьбе с дезертирством

военнослужащих. Постановление Совета рабочей и крестьянской обороны от 25 декабря 1918 г. «О дезертирстве» признавало его «одним из самых тяжких и позорных преступлений». Виновные подвергались наказаниям в пределах от денежных вычетов до расстрела.

Первым актом, содержащим систематизированный перечень воинских преступлений, является Положение о революционных военных трибуналах, принятое 20 ноября 1918 г. К описанным в этом положении преступлениям относятся: превышение власти, бездействие власти, неисполнение боевых приказов, переход на сторону неприятеля и добровольная сдача в плен, самовольное оставление поля сражения, нарушение правил караульной службы в районе боевых действий и др.

Принятый 26 мая 1922 г. первый Уголовный кодекс РСФСР кодифицировал военно-уголовное законодательство, выделив его в самостоятельную главу «Воинские преступления». В ст. 200 кодекса дается определение воинского преступления как деяния, направленного против установленного порядка несения военной службы, которое не может быть совершено гражданами, не состоящими на военной или морской службе.

Начавшаяся в 1925 г. реформа армии, направленная на организационное оформление всех вооруженных сил на основе опыта предыдущих войн, потребовала разработки и принятия нового военного и военно-уголовного законодательства. 27 июля 1927 г. ЦИК СНК СССР приняли новое Положение о воинских преступлениях, действовавшее с некоторыми изменениями и дополнениями до 1959 г. Положение наряду с общей нормой, определявшей понятие воинского преступления, содержало 30 статей, в которых были сформулированы конкретные составы воинских преступлений, в том числе и новые: уклонение от несения обязанностей военной службы под предлогом религиозных и иных убеждений, нарушение уставных правил внутренней службы, самовольное оставление погибающего военного корабля и др.

Существенные изменения в военно-уголовное законодательство были внесены в 1983 г. Указами Президиума Верховного Совета СССР 21 апреля 1983 г. утверждено Положение о дисциплинарном батальоне в Вооруженных Силах СССР, а 15 декабря 1983 г. введены два новых состава воинских преступлений «Нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности» и «Нарушение правил обращения с оружием, а также с веществами и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих».

Анализ истории развития военно-уголовного законодательства свидетельствует о том, что создание военной организации на кадровой основе требует установления в ней определенного порядка прохождения военной службы и принятия уголовно-правовых мер для его защиты от преступных посягательств. Эти меры представляют собой комплекс специальных, адресованных только военнослужащим, норм, предусматривающих ответственность за воинские преступления, т. е. военно-уголовное законодательство.

Лущик И. В.

ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ ДОБРОВОЛЬНОГО ОТКАЗА ОТ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПОКУШЕНИЯ НА ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Лущик Ирина Витальевна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, lushchikg@gmail.com

Научный руководитель: д-р юрид. наук, профессор Савенок А. Л.

Проблема добровольного отказа от совершения преступления в настоящее время актуальна, поскольку в правоприменительной практике сложно определить границу добровольного отказа от совершения преступления и покушения на преступление, и, как правило, суду сложно вынести правильное решение. Для разграничения данных понятий следует выделить основные отличительные особенности добровольного отказа от совершения преступления и покушения. Так, добровольный отказ имеет два основных признака, которые помогают нам различать вышеуказанные понятия. К ним следует отнести: своевременность и добровольность.

Своевременность добровольного отказа от совершения преступления заключается в том, что лицо совершило все необходимые действия, но преступный результат не наступил, поскольку у лица появился добровольный отказ от доведения преступления до конца. При этом важно отметить, что не имеет значение мотив отказа от совершения преступления. Например, лицо отказалось от совершения преступления, поскольку ему стало жалко того, на кого оно посягалось. Важную роль играет и субъективная сторона. Преступление не было доведено до конца не по независящим от лица обстоятельствам, как это можно наблюдать в покушении, а по собственной воле лица. При этом может наблюдаться и инициатива третьих лиц, которая может привести к прекращению преступной деятельности. Например, одно лицо переубедило другое не совершать преступление.

Добровольность, как один из признаков добровольного отказа, характеризуется тем, что лицо сознавало возможность доведения преступления до конца, предвидело возможность наступления неблагоприятных последствий преступления и намеревалось прекратить преступные действия по личным побуждениям и по собственной воле. Следовательно, если имеются объективные признаки отсутствия возможности доведения преступления до конца, то говорить о добровольном отказе мы не можем. В данном случае это будет считаться покушением на преступление, так как умысел у лица довести преступление до конца по-прежнему остался.

Далее обратим внимание на еще один важный элемент добровольного отказа как окончательность. Он характеризуется тем, что у лица преступное посягательство не прерывается обстоятельствами от него не зависящими, а прекращается самим лицом. На практике этот момент трудно определить, поскольку сложно выяснить, имелся ли на самом деле добровольный отказ. Покушение на преступление и добровольный отказ отличаются также тем,

что в покушение на преступление имеется состав преступления, а при добровольном отказе – его нет. Так, в добровольном отказе преступление не доводится до конца за отсутствием умысла у лица, а в покушении он по-прежнему остается.

Таким образом, важной особенностью разграничения добровольного отказа от совершения преступления и покушения на преступление является субъективная сторона. Однако, нередко можно встретить случаи, когда при добровольном отказе лицо отказывается от совершения одного преступления, но совершает другое. В таком случае, будет отсутствовать ответственность за добровольный отказ от совершения одного преступления, но лицо будет нести ответственность за другое преступление, которое оно совершило или на которое покушалось. Сложностью разграничения добровольного отказа и покушения является то, что в покушении выполняется лишь часть объективной стороны преступления, а в добровольном отказе объективная сторона вовсе отсутствует. Сложно определить тот момент, когда лицо отказалось от доведения преступления до конца, а когда объективные обстоятельства препятствовали доведению преступления до конца. Полагаем, что лицо, которое выполнило объективную сторону преступления, а в последующем предотвратило наступление преступного результата или совершило иные действия, которые не привели к преступному результату, считается добровольно отказавшимся от совершения преступления.

Например, в кафе гражданин А (официант) при приготовлении чая гражданину Б, налил ему в чашку яд, а затем принес чай. Гражданин Б выпил чай не сразу. Официант спустя некоторое время понял, что не желает смерти гражданину Б. Гражданин Б вышел на некоторое время. В то время официант подошел к столу и поменял чашку с чаем. В данном случае предусмотрен добровольный отказ. Официант налил в чай яд, но когда он нес его гражданину Б, то его сбил пробегавший рядом мужчина и официант уронил чашку с чаем. В то время гражданину Б позвонил знакомый и попросил его срочно приехать, и, следовательно, гражданин Б уехал к знакомому. Здесь имеется покушение на преступление. В вышеуказанном примере видно, что лицо в первом случае не допустило наступление неблагоприятных последствий, а во втором случае, лицо бы довело преступление до конца, если бы не возникли обстоятельства, от него не зависящие.

На основе вышеизложенного следует заключить, что для установления добровольности отказа от совершения преступления и покушения на преступление следует тщательно исследовать все обстоятельства дела. Проблема добровольного отказа заключается в том, что в Уголовном кодексе не закреплены четкие критерии признаков добровольного отказа, а также нет четко выраженных стадий, на которых возможен добровольный отказ, так как, например, на стадии оконченого покушения добровольный отказ будет иметь место только в том случае, если виновное лицо будет иметь возможность предотвратить наступление неблагоприятных последствий.

Макась Д. А.

ПРИЧИННАЯ СВЯЗЬ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

Макась Дарья Алексеевна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, kaxela@gmail.com

Научный руководитель: д-р юрид.наук, профессор Савенок А. Л.

В современном мире все более интенсивно развиваются общественные отношения, которые напрямую связаны с внедрением в общее пользование новинок научно-технического прогресса. Это связано с высокими темпами развития цифровых технологий, инфраструктуры, повышением эффективности уже используемых в обороте продуктов технической цивилизации. Такие процессы делают общественные отношения гораздо более сложными и проблематичными с точки зрения правового регулирования. Ученые-правоведы пытаются дать оценку каждому такому явлению с правовой стороны, определяя его место в обществе.

Некоторые общественные отношения, в силу того, что являются совершенно новыми и ранее не изученными, еще не подвержены правовой характеристике не только в Республике Беларусь, но и в других государствах. Одним из правовых явлений, с которым еще не сталкивался Уголовный кодекс Республики Беларусь, – искусственный интеллект. Основной вопрос, который может возникнуть у правоприменителя в момент квалификации деяния, «субъектом» которого по каким-то объективным обстоятельствам стал не человек: есть ли причинная связь между деянием данного «субъекта» и наступившими общественно опасными последствиями?

В Указе Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» под искусственным интеллектом понимается комплекс технологических решений, позволяющих имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает: информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений. Чаще всего искусственный интеллект противопоставляется интеллекту человека или других животных организмов, хотя, конечно, это является не совсем корректным. Однако важно заметить, что не каждый робот сам по себе является искусственным интеллектом. Некоторые более примитивные механизмы могут осуществлять какие-либо действия только по заданному алгоритму, не обладая иными навыками, которые присущи непосредственно искусственному интеллекту. Искусственный интеллект существенно отличается своими «умениями»: возможностями обучаться и принимать решения.

Отметим несколько важных отличий человеческого интеллекта от искусственного. К ним относится воля человека и способность к моральной

оценке ситуации. Под волей можно понять то, что человек в различных ситуациях может действовать совершенно спонтанно, если, к примеру, данная ситуация не попадает под общепринятые стандарты или произошла с человеком впервые. Оценивать различные события с моральной точки зрения, конечно же, научить машину невозможно.

Внедряя плоды научно-технического прогресса, человек не всегда может предвидеть наступление соответствующих событий. В марте 2018 г. в городе Темпе в штате Аризона автомобиль Volvo XC90, двигавшийся в автоматизированном режиме, сбил пешехода, который переходил дорогу. Этот случай является первым в истории, когда человек погиб из-за совершения беспилотным автомобилем дорожно-транспортного происшествия. Известным фактом является то, что важнейшее место в создании данного автомобиля занимали различные лица: от разработчиков до испытателей. Тогда возникает логичный вопрос: существует ли причинная связь между действиями таких работников и причинением вреда автомобилем-беспилотником? Также неясно, кто является виновным в причинении такого вреда.

Искусственный интеллект, который, например, находится в беспилотных автомобилях, не в полной мере действует по установленному алгоритму, он, обучившись, может действовать в определенной степени самостоятельно. Именно это обстоятельство затрудняет вопрос о наличии причинной связи между создателями автомобиля и наступившими последствиями, а также вопрос об установлении уголовной ответственности для виновного. По общим правилам, рассматривая ситуацию по признакам причинной связи, причинная связь между действием и его следствием отсутствует. Однако вред, который может быть причинен участникам уголовно-правовых отношений, их законным правам и свободам, все же остается, как и остается нерешенным вопрос о том, какое лицо или лица будут возмещать ущерб.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что данная проблема еще недостаточно разработана в науке уголовного права. Общественные отношения, которые возникли ввиду научно-технического прогресса, значительно опережают право по своему развитию, в силу чего пока еще не поддаются правовому регулированию. Однако для предупреждения возрастающей роли техники в жизни человечества необходимо разработать порядок действий или правила поведения для их безопасного взаимодействия. А. Л. Савенок сформулировал такие правила в следующем виде:

- 1) человек не может передавать технике (роботу) право на осуществление юридически значимых действий;
- 2) человек не может передавать технике (роботу) право на осуществление действий, требующих морального выбора;
- 3) человек не может возлагать на технику (робота) ответственность за вред, причиненный в процессе ее функционирования.

Молчун Ю. С.
**ПРИЗНАКИ СПЕЦИАЛЬНОГО СУБЪЕКТА В ПРЕСТУПЛЕНИИ,
ПРЕДУСМОТРЕННОМ СТАТЬЕЙ 165 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Молчун Юлия Сергеевна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, molchunst@gmail.com

Научный руководитель: старший преподаватель Верховодко И. И.

Конституция Республики Беларусь в ч. 3 ст. 32 закрепила положение, согласно которому родители и лица, их заменяющие, имеют право и обязаны воспитывать детей, заботиться об их здоровье, развитии и обучении. При этом государство устанавливает, в том числе уголовную ответственность родителей и иных обязанных лиц за неисполнение или ненадлежащее исполнение ими своих обязанностей по обеспечению безопасности жизни и здоровья детей (ст. 165 Уголовного кодекса Республики Беларусь, далее – УК).

Субъект данного преступления специальный – физическое, вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста, обязанное обеспечивать безопасность жизни и здоровья малолетнего. Им может быть:

1) лицо, на которое возложены по службе обязанности по обеспечению безопасности жизни и здоровья малолетнего (например, педагог, воспитатель, медицинский работник и др.).

Так, согласно Кодексу Республики Беларусь об образовании, воспитанники детского сада имеют право на охрану жизни и здоровья во время образовательного процесса (подп. 1.8 п. 1 ст. 30). Обязанность создать безопасные условия лежит на учреждении образования, т. е. на его работниках, под контролем и надзором которых находятся дети (подп. 4.5 п. 4 ст. 19). В детском саду это воспитатель дошкольного образования, помощник воспитателя, заведующий детским садом. Заведующий детским садом является должностным лицом и на него возложены обязанности по обеспечению безопасности жизни и здоровья детей. Однако, ответственность должностных лиц, ненадлежаще исполнивших или не исполнивших свои обязанности по обеспечению безопасности жизни и здоровья малолетнего, наступает не по ст. 165, а за преступления против интересов службы, хотя деянием также причиняется физический вред малолетнему разной степени тяжести, и установление специального вида данного преступления подчеркнуло бы специфику охраняемого объекта.

2) лицо, выполняющее такие обязанности по специальному поручению (например, лицо, которому поручено сопровождать детей в туристских и иных походах, поездках).

Так, согласно п. 12 Инструкции об организации участия обучающихся учреждений образования в туристических походах и экскурсиях, от 17.07.2007 № 35а руководителем туристского похода, экскурсии назначается педагогический работник учреждения образования, организующего туристский поход, экскурсию; также назначается заместитель руководителя –

педагогический работник или родитель участвующего в туристском походе. Помощником руководителя может быть обучающийся старших классов, т. е. несовершеннолетний. Однако стоит отметить, что помощник руководителя не будет являться лицом, выполняющим обязанности по обеспечению безопасности жизни и здоровья малолетнего по специальному поручению, так как согласно вышеуказанной Инструкции такие обязанности возложены не на него, а на руководителя туристского похода, экскурсии (п. 16).

3) лицо, добровольно принявшее на себя такие обязанности (например, опекун, няня, сиделка, дедушка, бабушка и др.). Однако в законодательстве не определено, каким образом, например, дедушка или бабушка наделяются обязанностями по обеспечению безопасности жизни и здоровья малолетнего.

Опекун, согласно ч. 2 ст. 151 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье, может быть назначен только с его согласия, следовательно, он добровольно принимает на себя обязанности по обеспечению безопасности жизни и здоровья малолетнего. При этом его статус является легальным только по решению органа опеки и попечительства.

Опекуны юридически не приравниваются к родителям, но решают в основном те же задачи, что и они. Следовательно, обязанность обеспечивать безопасность жизни и здоровья малолетнего лежит как на опекунах, так и на родителях, и нести ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение таких обязанностей должны и опекуны, и родители. Попечитель в данном случае не может быть субъектом анализируемого преступления, так как в качестве потерпевших могут выступать лица, которые на момент совершения преступления не достигли возраста 14 лет. А попечительство, согласно Гражданскому кодексу Республики Беларусь (ст. 33) устанавливается над несовершеннолетними в возрасте от 14 до 18 лет.

В литературе мнения касательно уголовной ответственности родителей за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по обеспечению безопасности жизни и здоровья малолетнего по ст. 165 УК расходятся. Так, Т. Г. Хатеневич отмечает, что предусмотренное ст. 165 УК преступление может быть совершено родителями, иными лицами, принимающими участие в воспитании и содержании детей. Т. Г. Лепина, напротив, утверждает, что родители, как правило, не выступают в качестве субъекта анализируемого состава преступления. Такое расхождение связано с отсутствием закрепления в законодательстве четко определенного круга лиц, которые добровольно принимают на себя обязанность по обеспечению безопасности жизни и здоровья малолетнего.

В УК Российской Федерации закреплена довольно спорная норма ст. 156, схожая с нормой ст. 165 УК Республики Беларусь, где субъектом преступления являются родитель или иное лицо, на которое возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего. Однако объектом данного преступления являются общественные отношения, связанные в первую очередь с воспитанием несовершеннолетнего. В ст. 165 белорусского законодательства охраняются общественные отношения, связанные с безопасностью жизни и здоровья малолетнего, которые имеют более четкие границы, чем воспитание.

Очевидно, что возраст субъекта по ст. 165 в основном минимум с 18 лет, когда возникает возможность принятия на себя обязанностей по обеспечению безопасности жизни и здоровья малолетнего (с момента приобретения полной дееспособности).

Таким образом, следует законодательно урегулировать вопрос о круге лиц, ответственных за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по обеспечению безопасности жизни и здоровья малолетнего, повлекшее причинение по неосторожности вреда малолетнему в виде менее тяжких или тяжких телесных повреждений или смерти, включив, в частности в их круг должностных лиц (возможно, в самостоятельную часть ст. 165 УК), где будет предусматриваться повышенная уголовная ответственность для таких лиц. Следует отметить также достоинства УК Республики Беларусь (в сравнении, например, с УК Российской Федерации) в части уголовно-правовой охраны здоровья и жизни ребенка путем установления уголовной ответственности в ст. 165 за действия (бездействие), связанные с вредом безопасности жизни и здоровья малолетнего, а не за недостатки воспитания.

Нагорная А. Д.

К ВОПРОСУ О ПОНИМАНИИ ТЕРМИНА «МАЛОМЕРНОЕ СУДНО» В УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Нагорная Анастасия Дмитриевна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, 121350minsk@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Пухов А. А.

Уголовный кодекс Республики Беларусь 1999 г. (далее – УК) содержит несколько составов, в которых транспортное средство (далее – ТС) и маломерное судно (далее – МС) в равной мере выступают в качестве предмета и средства совершения преступления. Несмотря на то, что ТС и МС являются однопорядковыми терминами, в УК дана дефиниция ТС, однако отсутствует определение МС. В связи с постоянным появлением новых типов МС в практике применения уголовного закона могут возникнуть определенные вопросы. В частности, вопрос неправомерного завладения МС, а также вопрос управления таким судном в состоянии алкогольного, наркотического или токсического опьянения и т. п. В качестве примера можно привести появление на территории Беларуси такого типа МС, как «дом на воде» или «аквадом». На наш взгляд, данный тип не может выступать в качестве предмета преступления, предусмотренного ст. 214 и 316 УК. В связи с этим считаем обоснованным постановку вопроса о целесообразности закрепления в нормах УК определения МС по аналогии с определением ТС.

В советский период развития уголовного права ни в одном уголовном законе союзных республик не была закреплена ответственность за противоправное завладение водным судном. УК РСФСР 1960 г. и УК БССР 1960 г. не стали исключением. Впервые составы, в которых МС выступало в качестве предмета преступления, появились в УК 1999 г. До принятия Закона Республики Беларусь от 5 января 2016 г. № 356-З «О внесении изменений и

дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь», в УК существовал термин маломерное водное судно. Законодатель устранил очевидную тавтологию и привел наиболее лаконичную формулировку термина — «маломерное судно». В настоящее время УК 1999 г. содержит 4 состава, в которых МС выступает в качестве предмета преступления (ст. 214, 311, 316) и в качестве средства совершения преступления (ст. 371).

В уголовном законодательстве большинства зарубежных стран вовсе отсутствует термин МС, он заменяется термином «речное судно» (УК Германии, УК Франции, УК Италии, УК Украины, УК Российской Федерации и др.). Понятие речного судна включает в себя понятие МС, а также иных судов, относимых к классу река-море. Вместе с тем термин МС присутствует в ст. 358 Уголовного кодекса Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V. Данная норма предусматривает ответственность за управление воздушным, морским, речным или маломерным судном лицом, находящимся в состоянии алкогольного, наркотического и (или) токсического опьянения, передача управления такому лицу или допуск к управлению судном такого лица.

В Законе Республики Казахстан от 6 июля 2004 г. № 574 «О внутреннем водном транспорте» (п. 45 ст. 1) закреплено определение МС, которое по своему содержанию аналогично определению, закрепленному в ст. 2 технического регламента Таможенного союза № 026/2012 «О безопасности маломерных судов», принятого Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 15.06.2012 № 33 «О принятии технического регламента Таможенного союза «О безопасности маломерных судов» (далее – ТР ТС «О безопасности маломерных судов»). В указанном определении закрепляются как технические характеристики судна (максимальная длина и допустимое количество человек), так и техническое назначение таких судов.

Определение МС также закреплено в ст. 1 Кодекса внутреннего водного транспорта Республики Беларусь от 24.06.2002 № 118-3 (далее – КВВТ). В качестве технических характеристик судна указаны: длина не более 20 метров, допустимое количество людей на борту не более 12 человек, возможность наличия подвесного двигателя, также законодатель в качестве ограничивающего признака указал техническое назначение такого судна. При сравнении дефиниций в законодательстве Казахстана, ТР ТС «О безопасности маломерных судов» и КВВТ Республики Беларусь, можно сделать вывод, что, во-первых, по техническим характеристикам данные определения совпадают, во-вторых, в КВВТ закреплено большее количество исключений из данного понятия. Так, согласно КВВТ к МС не относятся судна, принадлежащие организациям внутреннего водного транспорта Республики Беларусь, военные, пограничные и другие суда, находящиеся в государственной собственности. К последним также применяется ограничение в области целевого назначения: использование исключительно в некоммерческих целях. Дополнительные технические характеристики МС закреплены в постановлении Министерства транспорта и коммуникаций Республики Беларусь от 25.10.2005 № 60 «Об утверждении Правил плавания

по внутренним водным путям Республики Беларусь». В частности, мощность главного двигателя менее 55 кВт и валовая вместимость менее 80 регистровых тонн. Следовательно, основные технические характеристики МС совпадают в вышеприведенных нормативных актах, однако, в них присутствуют и существенные отличия. При этом необходимо отметить, что само определение представляет собой весьма разветвленную конструкцию с большим количеством характеристик, которую весьма сложно применять в уголовном законе. По нашему мнению, в определении МС для УК следует установить только основные критерии. Вместе с тем считаем, что применительно к особенностям уголовного законодательства не имеет значения назначение данных судов и их форма собственности. Исходя из вышесказанного, можно привести следующую возможную формулировку определения МС: судно длиной не более 20 метров и допустимым количеством людей на борту не более 12 человек.

Таким образом, в уголовном законодательстве присутствует необходимость закрепления термина МС и такое определение должно содержать основные технические характеристики, по которым возможно отграничить МС от иных типов водных судов.

Нагорнов К. И.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ СОДЕРЖАНИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Нагорнов Кирилл Игоревич, аспирант Волгоградского государственного университета, г. Волгоград, Россия, nagornov_k@inbox.ru

Научный руководитель: д-р юрид. наук, профессор Лобанова Л. В.

Согласно ч. 2 ст. 87 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) к несовершеннолетним, совершившим преступления, могут быть применены принудительные меры воспитательного воздействия (далее – ПМВВ). К числу указанных мер законодателем в ч. 1 ст. 90 УК РФ были отнесены: предупреждение; передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа; возложение обязанности загладить причиненный вред; ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего.

В ст. 91 УК РФ применительно к каждой ПМВВ законодателем было определено присущее ей содержание. Несмотря на то, что каждая мера обладает своими содержательными особенностями, между ними имеются некоторые общие черты. Так, например, возложение обязанности загладить причиненный вред, ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего предусматривают различного рода лишения или ограничения прав и свобод. В частности, возложение обязанности загладить причиненный вред может выражаться в денежном взыскании. При ограничении досуга и установлении особых требований к поведению подросток может временно лишаться права на управление механическим транспортным средством, ограничиваться в свободе

перемещения. С учетом того, что репрессия заключается в предусмотренных уголовным законом лишениях или ограничениях прав и свобод¹, можем заключить, что в содержании указанных выше мер имеется репрессия или репрессивный компонент.

Рассматривая две другие ПМВВ, следует отметить, что предупреждение связано с разъяснением вреда, причиненного преступлением, и правовых последствий последующей криминальной деятельности; передача под надзор заключается в возложении на отдельные субъекты обязанности по воспитательному воздействию и контролю. Как можно заметить, данные меры не предусматривают какие-либо лишения или ограничения прав и свобод. При их применении воздействию подвергается морально-психологическая сфера подростка за счет реализации различных методов и средств воспитания. Следовательно, содержание этих мер образует исключительно воспитательный компонент.

Таким образом, содержание ПМВВ могут образовывать репрессивные и (или) воспитательные компоненты, за счет которых подвергаются воздействию те или иные права и свободы, а также морально-психологическая сфера. Вместе с тем применительно к регламентации указанных выше компонентов, с учетом проведенного анализа положений ст. 90 и 91 УК РФ, возникают некоторые вопросы.

Во-первых, поскольку содержание ПМВВ могут образовывать как минимум два компонента, каковы должны быть допустимые (приемлемые) для уголовного закона варианты их сочетания в содержании ПМВВ? Должна ли каждая мера обладать воспитательным и репрессивным компонентами или все-таки могут быть меры, которые имеют только воспитательный либо только репрессивный компонент? Как мы уже выше отмечали, в перечне ПМВВ имеются меры, содержание которых образуют исключительно воспитательный компонент. Вместе с тем в возложении обязанности загладить причиненный вред, ограничении досуга и установлении особых требований к поведению подростка воспитательный компонент законодателем не был четко определен, хотя в названии мер указывается, что они являются мерами воспитательного воздействия.

Во-вторых, не менее важным является вопрос о допустимых пределах реализации воспитательных и репрессивных компонентов в содержании ПМВВ. Постановка такого вопроса обусловлена следующим:

1) воспитательный компонент в содержании отдельных мер представлен слишком широко, что позволяет им дублировать содержание других ПМВВ. Так, например, содержание передачи под надзор сводится к возложению обязанности по контролю и, собственно, воспитательному воздействию;

2) по репрессивному компоненту отдельные ПМВВ могут дублировать содержание некоторых видов наказаний. Например, при возложении обязанности загладить причиненный вред подросток так же, как и при штрафе, может подвергаться денежному взысканию;

¹ См., например, *Степаншин В. М.* Экономия репрессии как принцип уголовного права и его реализация в назначении мер уголовной ответственности.

3) по репрессивному компоненту отдельные ПМВВ могут оказаться даже строже схожего вида наказания. В частности, если сравнивать ПМВВ в виде ограничения досуга и установления особых требований к поведению несовершеннолетнего и наказание в виде ограничения свободы, то: перечень ограничений у принудительной меры, в отличие от схожего вида наказания, является открытым; принудительная мера может применяться на срок до трех лет, а наказание на срок до двух лет.

Подводя итог вышеизложенному, приходим к выводу о необходимости разработки специальных правил, которые позволят адекватно распределить и отразить в содержании ПМВВ их основные содержательные компоненты.

Павлович К. С., Гринкевич А. Ю.

К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ УЩЕРБЕ, ПРИЧИНЕННОМ В РЕЗУЛЬТАТЕ ГЕНОЦИДА БЕЛОРУССКОГО НАРОДА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

*Павлович Ксения Сергеевна, Гринкевич Александра Юрьевна, студентки
4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
ksenia.pvlvch@gmail.com, law.grinkevIAY@bsu.by*

Научный руководитель: д-р юрид. наук, доцент Швед А. И.

В целях обеспечения национальной безопасности, противодействия фальсификаций исторических событий, в апреле 2021 г. Генеральным прокурором Республики Беларусь возбуждено и расследуется уголовное дело по факту геноцида белорусского народа во время Великой Отечественной войны и в послевоенный период.

Первое нормативное закрепление понятия «геноцид» было отражено в принятой Генеральной Ассамблеей ООН Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него (далее – Конвенция). В ней указывается, что это действия, совершаемые с намерением уничтожить полностью или частично какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую посредством: а) убийства членов такой группы; б) причинения серьезных телесных повреждений или умственного расстройства; в) преднамеренного создания жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение; г) мер, рассчитанных на предотвращение деторождения; д) насильственной передачи детей из одной человеческой группы в другую. Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 96 (I) от 11 декабря 1946 г. геноцид признается преступлением, нарушающим нормы международного права и противоречащим духу и целям ООН, осуждаемым всем цивилизованным миром.

В ходе расследования уголовного дела о геноциде белорусского народа установлены многочисленные разрушения промышленных предприятий, фабрик, заводов, зданий, учреждений культуры, науки и образования, объектов инфраструктуры. Немалый урон нанесен колхозам, совхозам, машинно-тракторным станциям. Подверглись изъятию и вывозу в Германию

картины, рукописи, гравюры, предметы национальной одежды, станочные и технические оборудования. Согласно данным на 1946 г. прямой ущерб, причиненный предприятиям, организациям, учреждениям, колхозам и гражданам составил 74 970,2 млн. рублей. При этом государственным предприятиям и учреждениям – 28 996,8 млн. рублей, колхозам – 19 389,9 млн. рублей, гражданам – 23 600 млн. рублей. Существенный вред причинен организациям железнодорожного транспорта (8118,2 млн. рублей), промышленности (6225,2 млн. рублей) и жилищно-коммунальному хозяйству (4689,7 млн. рублей). По оценкам Генеральной прокуратуры, общая сумма причиненного ущерба, с учетом инфляции, составляет не менее 500 миллиардов долларов США. Данная сумма представляется обоснованной, с учетом характера и размера понесенных потерь.

Резюмируя вышеизложенное, под геноцидом следует понимать не только действия, направленные на физическое уничтожение людей, но и действия, имеющие цель уничтожения экономического, культурного достояния народа. Рассмотренные данные об экономических потерях предоставили объективную возможность поднять вопрос о возмещении ущерба (в разрезе прямых и косвенных финансовых потерь), причиненного немецко-фашистскими захватчиками, и привлечь виновных к материальной ответственности.

Наказание за геноцид, как устанавливает ст. IV Конвенции, несут все виновные лица независимо от того, являются ли они ответственными по конституции правителями, должностными или частными лицами.

В соответствии с Конвенцией о неприменимости сроков давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества 1968 г. геноцид является преступлением, на которое не распространяется срок давности привлечения к ответственности.

В Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 12.12.2001 № 56/83 содержится Проект статей об ответственности государств, где в качестве восстановления нарушенного права указана такая форма как «возмещение». Статья 31 устанавливает, что ответственное государство обязано предоставить полное возмещение ущерба, причиненного международно-противоправным деянием. В соответствии со ст. 35 полное возмещение ущерба принимает форму реституции, компенсации и сатисфакции, либо в одной из указанных форм, либо в их сочетании. Формами материальной ответственности за геноцид выступают – реституция и компенсация. Согласно Конвенции, если одна страна вторглась в другую и совершила там акты геноцида, другая страна может призвать ее к ответу.

Основываясь на положениях международно-правовых документов, следует подчеркнуть, что за совершение такого преступления, как геноцид, сроки давности применяться не могут, следовательно, Республика Беларусь вправе требовать рассмотрения факта признания геноцида, а также возмещение экономического ущерба.

Потоцкий А. В.

ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ЛЕГКОМЫСЛИЕ ИЛИ НЕВИНОВНОЕ ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА

Потоцкий Алексей Валерьевич, курсант 4 курса Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Минск, Беларусь, lewa.prosto@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук Реутская Е. А.

Успешная квалификация совершенного общественно опасного деяния зависит в первую очередь от правильного учета признаков, закрепленных в конкретных составах преступлений. Традиционно признаки состава преступления разделяются на четыре группы: объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона. Отправной точкой определения признаков субъективной стороны является вина в виде психического отношения лица к совершенному общественно опасному деянию, особенно при анализе обстоятельств совершения дорожно-транспортных преступлений, которые занимают значительный удельный вес в структуре преступности.

Субъективная сторона ч. 1–3 ст. 317 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) предполагает неосторожную форму вины, которая представлена в качестве легкомыслия или небрежности. Объективная сторона характеризуется нарушением Правил дорожного движения или эксплуатацией транспортных средств, утвержденных Указом Президента Республики Беларусь от 28 ноября 2005 г. № 551 (далее – ПДД), повлекшим указанные в ч. 1–3 ст. 317 УК последствия. Легкомыслие имеет место, когда субъект, нарушая ПДД, предвидит наступление общественно опасных последствий, но надеется на их предотвращение ввиду предпринятых им действий, а также возможных мер со стороны других участников дорожного движения. Небрежность будет иметь место в случае, когда субъект не предвидит возможности наступления последствий вследствие нарушения ПДД, хотя при надлежащей внимательности имеет возможность предусмотреть и предпринять меры, направленные на их предотвращение. Невинное причинение вреда (случай) по ч. 1–3 ст. 317 УК предполагает, что субъект не имел возможности осознавать или не мог сознавать общественную опасность своих действий (бездействия) или не предвидел наступления общественно опасных последствий, или не мог предусмотреть их наступление.

Анализ законодательства и правоприменительной практики также свидетельствуют о том, что отношение виновного к наступившим последствиям дорожно-транспортного происшествия должно выражаться в виде неосторожности. В случаях, когда лицо использует транспортное средство с целью причинения вреда жизни и здоровью, наступает ответственность по соответствующим статьям главы 19 УК.

Отдельно следует отметить п. 87.2 ПДД, который обязывает водителя при возникновении препятствия или опасности для движения, в случае реальной возможности их обнаружить, предпринять меры к снижению скорости движения, вплоть до остановки. Для того чтобы установить факт

«реальной возможности обнаружения опасности», необходимо проводить соответствующие экспертизы, а также учитывать, что в ПДД закреплена корреспондирующая обязанность у пешеходов (п. 17.3 ПДД), которая, как свидетельствует анализ правоприменительной практики, зачастую не анализируется при установлении обстоятельств уголовного дела.

Так, водитель, соблюдая требования ПДД, движется по проезжей части, которую пересекает пешеход, убедившись в безопасности дорожного движения. Пешеход своими действиями создает препятствие для движения, в результате которого происходит столкновение транспортного средства и пешехода. В описанном случае прежде всего устанавливается возможность водителя снизить скорость транспортного средства вплоть до его остановки, а также неукоснительное соблюдение требований ПДД. Как ранее было отмечено, необходимо всесторонне подходить к исследованию обстоятельств ДТП, в том числе путем установления факта соблюдения предписанной п. 17.3 ПДД обязанности для пешеходов. Если будет установлено, что пешеход не убедился в безопасности и создал ситуацию, в которой водитель не мог и не должен предвидеть наступления последствий, то ответственность водителя исключается в соответствии со ст. 26 УК ввиду того, что водитель может невиновно причинить вред, т. е. не предвидеть наступление общественно опасных последствий либо не должен был их предвидеть.

На наш взгляд, на основании изложенного, необходимо внести пункт в постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств», который будет предусматривать возможность применения нормы о невиновном причинении вреда в отношении водителя транспортного средства при обстоятельствах невозможности предвидеть наступления общественно опасных последствий в случаях несоблюдения пешеходом предписаний п. 17.3 ПДД.

Прудников Т. А.

ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ПСИХИЧЕСКОГО РАССТРОЙСТВА ЛИЦА, НАСТУПИВШЕГО ПОСЛЕ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Прудников Тимофей Александрович, студент 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, law.PrudnikoTA@bsu.by

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Шидловский А. В.

Сознание и воля человека определяют его поведение, которое обуславливает его деяния и то, насколько они осознаются. В связи с этим человек может и обязан нести ответственность, в том числе уголовную, за совершенные им сознательные общественно опасные деяния. На этом принципе построено понятие вменяемости – способности человека сознавать свои действия и руководить ими. Данное понятие не нашло закрепления в Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК), однако законодатель определил понятие невменяемости. В соответствии со ст. 28 УК «не

подлежит уголовной ответственности лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости, т. е. не могло сознавать фактический характер и общественную опасность своего действия (бездействия) или руководить им вследствие психического расстройства (заболевания)».

Главные отличия содержания статей УК 1999 г. от предыдущих, определяющих невменяемость:

1) понятие «душевная болезнь» заменяется более современным понятием «психическое расстройство»;

2) состояние невменяемости, в соответствии со ст. 28 УК, имеет значение только на момент совершения преступления. Данная статья не предусматривает освобождение от уголовного наказания и его замену принудительными мерами безопасности и лечения к лицу, которое приобрело психическое заболевание после совершения деяния.

Важной особенностью нормы ч. 1 ст. 92 УК является то, что время заболевания психическим расстройством должно наступить после вынесения приговора. В данной норме не урегулирован случай, когда психическое расстройство (заболевание) возникает у лица до вынесения приговора, но после совершения преступления. Однако в ст. 101 УК закреплено положение лиц, совершивших общественно опасные деяния в состоянии невменяемости или совершивших преступления, но заболевших до постановления приговора или во время отбывания наказания психическим расстройством (заболеванием), лишаящим их возможности сознавать значение своих действий или руководить ими.

Свое решение проблемы предлагает О. В. Жданова, которая рекомендует закрепить отдельную статью «Наступление психического расстройства после совершения преступления», предусматривающую освобождение от уголовной ответственности лиц, страдающих психическим расстройством, у которых такое расстройство наступило после совершения преступления, но до вступления приговора в законную силу.

С. Н. Шишков полагает, что положение об «освобождении от наказания» лица, которого еще не признали виновным, и вовсе является нарушением презумпции невиновности. Автор предлагает закрепить в УК новую самостоятельную статью, которая носила бы в некоторой степени процессуальный облик – «Психическое расстройство, препятствующее рассмотрению вопроса о виновности» и закрепить в ней положение о том, что лицо, подозреваемое или обвиняемое в преступлении и заболевшее психическим расстройством, в период указанного заболевания, не может признаваться виновным в совершении данного преступления, если при этом психическое расстройство а) возникло после совершения преступления, в котором подозревается или обвиняется заболевший, но до окончания производства по уголовному делу; б) не позволяет заболевшему самостоятельно участвовать в производстве по уголовному делу.

Вместе с тем полагаем возможным согласиться с мнением Е. С. Бородулькиной о целесообразности включения в УК положения о том,

что психическое расстройство (заболевание), наступившее у лица до вынесения приговора, не позволяет лицу привлечь к уголовной ответственности и назначить ему наказание.

Таким образом, можно предложить разграничивать несколько вариантов решения вопроса для лиц, у которых психическое расстройство (заболевание) наступило после совершения преступления:

- невозможность привлечения к уголовной ответственности лица и назначения ему наказания в случае, если психическое расстройство наступило после совершения преступления, но до вынесения приговора;
- освобождение лица от наказания в случае возникновения психического расстройства (заболевания) после вынесения приговора, но до вступления приговора в законную силу и обращения его к исполнению;
- освобождение лица от дальнейшего отбывания наказания, когда психическое расстройство (заболевание) наступило после вынесения приговора в процессе отбывания наказания.

Пыж А. С.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ РАЗМЕРА УЩЕРБА КАК КВАЛИФИЦИРУЮЩИЙ ПРИЗНАК ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО Ч. 3 СТ. 201 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Пыж Артём Сергеевич, студент 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, artemonowi4@mail.ru

Научный руководитель: д-р юрид. наук, профессор Грунтов И. О.

Определение размера ущерба как квалифицирующего признака преступлений против интеллектуальной собственности (ч. 3 ст. 201 УК) является одним из проблемных вопросов правоприменения. Если в Примечании к данной статье доход определен как совокупная сумма выручки от реализации товаров (работ, услуг) с незаконным использованием прав на объекты интеллектуальной собственности, то понятию ущерба не дается прямого определения. Под «ущербом» мы будем понимать убытки правообладателя, возникшие в связи с незаконным использованием объектов интеллектуальной собственности.

В практике уголовного права сложился подход, когда сумма ущерба от нарушения исключительных прав определяется исходя из действующих цен по принципу: одна единица контрафактного товара (услуги) приравнивается к одной единице товара (услуги), не реализованной правообладателем.

Однако, данный подход не лишен недостатков. Во-первых, стоимость оригинальных экземпляров произведений на момент совершения преступления может быть не определена, поскольку в рыночных условиях различные цены неодинаковы. Во-вторых, привлечение к уголовной ответственности зависит от количества контрафактного товара, находящегося в торговой точке, что не всегда объективно. В-третьих, причинно-следственная связь между фактом реализации контрафактной

продукции и ущербом правообладателя достаточно призрачна. Ведь реализация контрафактной продукции сама по себе не означает, что при отсутствии этой продукции правообладатель реализовал бы такой же объем оригинальной продукции. Таким образом, при расчете ущерба учитывается упущенная выгода, но упущенная выгода в большинстве случаев не рассматривается как общественно опасное последствие совершения преступления. Данный подход не обеспечивает защиту и так называемых «дорелизных» объектов, когда их стоимость еще не определена правообладателем и нет привязки к «легальным» экземплярам произведений. В этом случае ущерб может быть установлен только путем проведения экспертизы.

Кроме того, нематериальный характер интеллектуальной собственности затрудняет определение ее стоимости. Нематериальные активы не всегда имеют установленную ценность; они могут приобретать такую ценность в зависимости от результатов их использования на рынке.

В 2021 г. Приказом Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь были утверждены Методические рекомендации, которые предлагают несколько механизмов расчета убытков: реального ущерба и упущенной выгоды. Порядок расчета реального ущерба включает в себя расходы на восстановление нарушенного права, в том числе: расходы на рекламу, размещенную для восстановления спроса, расходы на признание товарных знаков общеизвестными, судебные расходы и т. п. Порядок расчета упущенной выгоды представляет собой неполученный потерпевшим доход, причем упущенная выгода потерпевшего не может быть меньше размера доходов нарушителя. Размер упущенной выгоды определяется через размер доходов нарушителя, т. е. через умножение количества на рыночную стоимость товара (услуги). Для определения размера ущерба предлагается также учитывать стоимость лицензии, которую должен был заключить нарушитель с потерпевшим, если бы действовал добросовестно. Методические рекомендации предусматривают критерии расчета стоимости такой лицензии.

Однако Методические рекомендации применяются в гражданских правоотношениях. Уголовно-правовая категория «причинение ущерба в крупном размере» не соответствует гражданско-правовой категории «ущерб». Ни в Уголовном кодексе, ни в разъяснениях Верховного Суда Республики Беларусь в настоящее время нет методики расчета ущерба, причиненного данным преступлением.

В зарубежном уголовном законодательстве применяются различные подходы для определения ущерба преступлений против интеллектуальной собственности. Причем ущерб от незаконного использования прав промышленной собственности и ущерб от незаконного использования авторских и смежных прав может рассчитываться по-разному. Для расчета ущерба, причиненного в результате нарушения права промышленной собственности, могут учитываться: фактический ущерб и упущенная выгода; доход, полученной нарушителем; цена лицензии. Авторские и смежные

права, как правило, являются и экономическими, и моральными правами. Для расчета экономического ущерба применяется доход, полученный нарушителем, а для расчета морального ущерба учитываются культурный статус автора, ценность оригинального произведения.

Это не лишено смысла, так как «интеллектуальная собственность» представляет собой «совокупность личных неимущественных и имущественных прав на результаты интеллектуальной деятельности». Личные неимущественные права на результаты интеллектуальной деятельности неотделимы от личности автора, неотчуждаемы и непередаваемы. Имущественные права, напротив, могут быть переданы другому лицу по договору, по наследству и в порядке правопреемства, таким образом, имеют экономические характеристики.

На основании вышеизложенного считаем, что при определении размера ущерба по ч. 3 ст. 201 УК должны учитываться:

- при расчете ущерба имущественных прав – реальный ущерб (на основании произведенных трат), неполученный доход (упущенная выгода) или стоимость правомерного использования нарушенного права (цена, которую нарушитель заплатил бы за лицензию);
- при расчете ущерба неимущественных прав общественно-опасный результат должен иметь не материальный, а оценочный характер, как «существенный вред свободе художественного, научного, технического творчества», дополнительными критериями могут служить культурный статус автора, ценность оригинального произведения.

Самусик А. А.

АНАЛИЗ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С САМОУБИЙСТВОМ

Самусик Анна Александровна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь, annsem3456@gmail.com

Научный руководитель: д-р юрид. наук, профессор Савенок А. Л.

В Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК) можно выделить два деяния, связанных с самоубийством.

Необходимо отметить, что регламентация действий, которые могут квалифицироваться как склонение, – в диспозиции ст. 146 УК не раскрываются, законодатель лишь выделил основания для уголовной ответственности: 1) общественно опасное деяние одного человека, направленное на возбуждение у другого лица решимости совершить самоубийство; 2) волевой поступок лица, выраженный в попытке или совершении самоубийства.

Перечень действий, которые могут рассматриваться в качестве провоцирующих желание совершить самоубийство: уговоры, убеждения, угрозы, введение в заблуждение, подкуп родственников, применение насилия и т. д. В отличие от доведения, склонение подразумевает прямой умысел: «лицо должно осознавать, что возбуждает решимость другого лица

покончить жизнь самоубийством». Необходимо заметить, что у лица должны быть суицидальные наклонности или же предпосылки для возможного совершения самоубийства, в ином случае возбуждение решимости затрудняется.

Исходя из вышесказанного, можно заметить пробел в УК, который говорит нам только о том, что посягающий должен возбудить решимость, но методы, средства и способы здесь не указаны, что затрудняет квалификацию преступного деяния.

Доктрина уголовного права трактует объект доведения до самоубийства и склонения к самоубийству как охраняемое право на жизнь другого человека. Мы можем заметить, что доведение до самоубийства является более опасной формой криминального поведения. Различия между склонением и доведением до самоубийства заключаются в регламентации действий посягающего, вида вины и умысла.

Рассмотрим ст. 145 УК: «Доведение лица до самоубийства или покушения на самоубийство путем угрозы применения насилия к нему или его близким, уничтожения, повреждения или изъятия их имущества, распространения клеветнических или оглашения иных сведений, которые они желают сохранить в тайне, жестокого обращения с потерпевшим или систематического унижения его личного достоинства...».

Исходя из диспозиции статьи можно сделать вывод, что законодатель указывает ограниченное количество действий: систематические побои, причинение продолжительной боли, вызывающие особые физические страдания потерпевшего; также речь идет о систематических оскорблениях, злых насмешках, необоснованных придириках, которые могут расцениваться как доведение до самоубийства.

Стоит отметить, что законодатель в диспозиции ст. 145 УК не дает четкой регламентации внутреннего психического отношения лица к совершаемому им общественно опасному деянию, но в учебной литературе субъективная сторона рассматривается лишь в некоторых случаях: вина может быть как неосторожной, так и умышленной, но умысел только косвенный. В случае прямого умысла преступление должно квалифицироваться по ст. 139 УК.

На наш взгляд, данную квалификацию можно рассмотреть с другой стороны: при доведении до самоубийства, в отличие от убийства, виновный не совершает действий, непосредственно приводящих к смерти потерпевшего. Поддерживая в целом позицию профессора Г. Н. Борзенкова, хотелось бы отметить, что именно лицо, которое совершает самоубийство, вне зависимости от умысла доведившего, последнее действие совершает самостоятельно.

Предлагаем несколько аргументов, которые можно учитывать в пользу квалификации доведения до самоубийства с прямым умыслом:

- лицо обладает свободой воли и оставляет последнее решение за собой, даже в случае продолжительного воздействия на психику лица, совершившего самоубийство или посягательство на него;

- разграничение убийства и доведения до самоубийства в доктрине уголовного права базируется лишь на умысле преступника и желании жертвы, но стоит учитывать то, что убийство, характеризуется прямыми действиями по отношению к лицу, в большинстве своем – непосредственно физическими, а опосредованное воздействие на лицо путем навязывания желания смерти не стоит квалифицировать как убийство;

- в случае установления прямого умысла в доведении до самоубийства как убийства стоит рассмотреть вариант квалификации вины в форме неосторожности в доведении до самоубийства по ст. 144 УК «Причинение смерти по неосторожности».

Исходя из вышесказанного, можно заметить некоторые пробелы в нашем законодательстве, которые, на наш взгляд, затрудняют понимание всех элементов состава преступления. При анализе субъективной стороны преступлений, связанных с самоубийством, можно сделать вывод о необходимости дополнений указаниями на субъективную сторону ст. 145 и 146 УК для единообразного понимания и правильной квалификации.

Самущик Д. С.

ОСНОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ АКТОВ ОБ АМНИСТИИ И ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ

*Самущик Дарья Сергеевна, магистрант Гродненского государственного
университета имени Янки Купалы, г. Гродно, Беларусь,
dasha.samushchik@mail.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Мусеева И. А.

Развитие и совершенствование уголовного законодательства предполагают не только применение строгих мер к лицам, совершившим тяжкие преступления, но и тенденцию к гуманизации ответственности и наказания. Одним из проявлений принципа гуманизма уголовной политики являются акты об амнистии, издаваемые законодательными органами государства и содержащие основания освобождения от уголовной ответственности и наказания или смягчения наказания.

Акты об амнистии, содержащие основания освобождения от уголовной ответственности, наказания, смягчения наказания, освобождения от правовых последствий наказания (снятие судимости), обладают нормативностью положений, которая означает, что акт об амнистии распространяется на неопределенное число лиц, подпадающих под указанные в нем признаки.

Акты амнистии имеют также общеобязательный характер как для правоохранительных органов, которые призваны применять акты амнистии, так и для тех лиц, которые попадают под амнистию. Однако есть единственное исключение – лица, которые признают себя невиновными в совершении инкриминируемого преступления и настаивающие на судебном разбирательстве. Так, в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством лицу предоставлено право возражения

против применения к нему акта амнистии, если лицо не считает, что оно совершило преступление, вследствие чего уголовный процесс продолжается обычным порядком и заканчивается вынесением оправдательного или обвинительного приговора.

Можно выделить и то, что акт амнистии создает нормативное основание для освобождения лица, определяет категории лиц, которые подпадают под амнистию, порядок и условия ее применения. Юридическим же основанием освобождения от уголовной ответственности и наказания служит индивидуально определенный акт применения норм права: постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, определение суда о прекращении уголовного дела; обвинительный приговор суда с освобождением от наказания; постановление начальника исправительно-трудового учреждения, санкционированное прокурором и т. д.

Амнистия, как одна из форм проведения государственной уголовно-правовой политики, является актом проявления гуманизма к лицам, совершившим преступление, в отношении которых имеются достаточные социально-правовые основания для освобождения от уголовной ответственности на досудебной стадии либо для смягчения назначенного судом наказания или иных мер уголовной ответственности при условии соблюдения оптимального баланса конституционных ценностей, который выражается, с одной стороны, в обеспечении законности и правопорядка, прав и свобод всех граждан, а с другой – в необходимости осуществления успешной ресоциализации (социальной адаптации) лиц, которые заслуживают прощения, с целью возвращения их к нормальному образу жизни, законопослушному поведению и занятию общественно полезным трудом.

Эффективность амнистии во многом зависит от качества правовой нормы, от деятельности правоприменительных органов, а также от правильной оценки уровня правосознания данной категории лиц. Эффективность амнистии должна быть предсказуемой, и такой прогноз нельзя рассматривать в отрыве от прогнозирования тенденций преступности в масштабах страны, что следует учитывать на правотворческом этапе при разработке проектов амнистий.

Таким образом, для повышения уровня эффективности амнистии в будущем при принятии актов об амнистии следует учитывать следующие факторы:

- социальную необходимость принятия акта об амнистии в конкретный период;
- как амнистия повлияет на криминогенную обстановку в стране и в отдельном регионе;
- как амнистия будет воспринята общественным мнением;
- возможные негативные социальные последствия амнистирования;
- целесообразность освобождения по амнистии определенных категорий граждан;
- каким образом будут обеспечиваться задачи социальной адаптации амнистируемых лиц.

От правильного решения этих вопросов зависит эффективность амнистии, ее воздействие как на амнистируемых лиц, так и на тех лиц, к кому она не применяется, а также на уровень рецидива среди освобожденных по амнистии.

Седельник Е. Д.

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

Седельник Егор Денисович, студент 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, sedelnikegorb@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Шидловский А. В.

Статья 179 Уголовного кодекса Республики Беларусь (УК) карала лишь за незаконные собирание либо распространение сведений о частной жизни, составляющих личную или семейную тайну другого лица, без его согласия, повлекшие причинение вреда правам, свободам и законным интересам потерпевшего. Законом от 26 мая 2021 г. № 112-З УК дополнен двумя новыми статьями: 203-1 «Незаконные действия в отношении информации о частной жизни и персональных данных (далее – ПД)» и 203-2 «Несоблюдение мер обеспечения защиты персональных данных». Статья 179 была из УК исключена, а ст. 203-1 и 203-2 размещены в главе о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (при этом ст. 179 ранее размещалась в главе о преступлениях против уклада семейных отношений и интересов несовершеннолетних).

Зарубежное уголовное законодательство свидетельствует, что уголовная ответственность устанавливается: за несоблюдение мер по защите персональных данных (далее – ПД) обязанным лицом при наличии существенного вреда правам и законным интересам граждан; хищение ПД с использованием технических средств; обработку и использование ПД в целях проведения рекламного или маркетингового исследования, когда владелец ПД заранее возразил против этого; нарушение порядка обезличивания ПД и их передачи в анонимной форме, что повлекло возможность идентификации конкретных физических лиц; несообщение обязанными лицами о незаконном доступе к определенным ПД; сбор и передачу ПД, раскрывающих идеологию, религию, убеждения, здоровье; нарушение срока хранения ПД и непринятие надлежащих мер предосторожности для их защиты, предотвращения искажения или несанкционированного разглашения. Законодательство Казахстана, Германии, Испании, Франции, Швейцарии, Великобритании характеризуется конкретной регламентацией уголовной ответственности за посягательства на ПД. Объективная сторона таких посягательств, заключается в незаконном обороте ПД, непринятии мер по надлежащей их охране, раскрытии «чувствительных» ПД. Составы преступлений имеют материальный характер, заключающийся в наличии ущерба, в том числе морального вреда. Отягчающими вину обстоятельствами являются повторность, использование властных полномочий,

специализированных автоматических систем. Отдельным видом преступления является передача ПД в другие страны, в которых не установлено надлежащее правовое регулирование и уголовная охрана ПД. В белорусском законодательстве ответственность наступает лишь за сбор или предоставление, а также несоблюдение мер обеспечения защиты ПД. К тому же, не сказано, что согласно ст. 203-1 и 203-2 понимается под «существенным вредом» и соответственно «тяжкими последствиями».

Относительно иных пробелов национального законодательства, стоит отметить, что в Законе Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации» под ПД понимаются основные и дополнительные ПД физического лица, подлежащие в соответствии с законодательными актами внесению в регистр населения, а также иные данные, позволяющие идентифицировать такое лицо. Согласно Закону Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. «О защите персональных данных» «персональные данные – любая информация, относящаяся к идентифицированному физическому лицу или физическому лицу, которое может быть идентифицировано». Несмотря на схожесть данных понятий, определение в последнем Законе видится значительно более широким. Кроме того, с учетом развития информационно-коммуникационных технологий ожидается постепенное расширение количества информации, подпадающей под определение ПД.

Разумным считаем выделить институт уголовно-правовых норм об охране ПД. Ведь институционализация учитывает спецификацию и дифференциацию всех сфер общественно-политической и экономической жизни, которые нуждаются в специальном уголовно-правовом регулировании на уровне Общей и Особенной частей уголовного права. К удачным примерам подобной институционализации относится экономическое уголовное право, экологическое уголовное право, международное уголовное право, военно-уголовное право, антикоррупционное уголовное право, уголовное право культурного наследия и др.

Помимо ст. 203-1 и 203-2 УК в институт уголовно-правовой охраны ПД предлагаем отнести: разглашение тайны усыновления (удочерения) (ст. 177 УК), разглашение врачебной тайны (ст. 178 УК), разглашение коммерческой тайны (ст. 255 УК), нарушение тайны голосования (ст. 192 УК), нарушение тайны переписки, телефонных разговоров, телеграфных и иных сообщений (ст. 203 УК), коммерческий шпионаж (ст. 254 УК), умышленное разглашение государственной тайны (ст. 373 УК), умышленное разглашение служебной тайны (ст. 375 УК), хищение путем использования компьютерной техники (ст. 212 УК), несанкционированный доступ к компьютерной информации (ст. 349 УК), уничтожение, блокирование или модификация компьютерной информации (ст. 350 УК), неправомерное завладение компьютерной информацией (ст. 352 УК), что способствует предупреждению посягательств на ПД и развитию УК.

Семенов А. А.

К ВОПРОСУ О ПРЕДМЕРЕ ХИЩЕНИЯ ИМУЩЕСТВА ПУТЕМ МОДИФИКАЦИИ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

*Семенов Антон Александрович, студент 4 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь, anton.semenv@mail.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Свило С. М.

Предмет преступления как уголовно-правовая категория имеет большое теоретическое и практическое значение. Именно определение предмета способствует установлению ряда важных обстоятельств дела, а в дальнейшем позволяет правильно квалифицировать преступное деяние.

Актуальность вопросов, связанных с уголовной ответственностью за хищение имущества путем модификации компьютерной информации, предусмотренной ст. 212 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), обусловлена тем, что в настоящее время преступления, посягающие на собственность, и непосредственно связанные с использованием компьютерных технологий и сети Интернет, получили широкое распространение. Так, на протяжении последних лет в Республике Беларусь наблюдается постоянное увеличение преступлений в сфере компьютерной информации, в том числе по ст. 212 УК: в 2007 г. – 0,5 % от общего количества зарегистрированных преступлений, в 2009 г. – 1,4 %, 2011 г. – 1,6 %, 2013 г. – 2,4 %, 2015 г. – 2,1 %, 2017 г. – 2,7 %, 2018 г. – 4,3 %, 2019 г. – 9,1 %, 2020 г. – 24,7 %, 2021 г. – 16,3 %. Кроме этого, новая редакция ст. 212 УК вызывает необходимость анализа целесообразности и эффективности действующей конструкции нормы с точки зрения ее криминологической обоснованности, технического совершенства и востребованности судебной практикой.

Хищением имущества путем модификации компьютерной информации признается умышленное противоправное безвозмездное завладение чужим имуществом с корыстной целью посредством противоправного изменения компьютерной информации либо внесения в компьютерную систему заведомо ложной компьютерной информации.

В уголовном праве в качестве обязательных признаков имущества как предмета хищения называют его физическое, экономическое и юридическое свойства. Иными словами, предметом хищения может быть только такое имущество, которое отвечает вышеуказанным признакам. Однако в отношении хищений путем модификации компьютерной информации данная позиция нуждается в некотором уточнении.

Анализ следственно-судебной практики свидетельствует, что предметом посягательств по уголовным делам, возбужденным по ст. 212 УК, могут являться безналичные денежные средства, электронные деньги и криптовалюты, использование которых законодательно закреплено в качестве платежных средств в Республике Беларусь. Полагаем, рассматриваемым денежным единицам присущ как экономический, так и юридический признак. Это обусловлено тем, что их оборот и экономические сделки с ними урегулированы нормативными правовыми актами. Определение наличия

юридического признака не вызывает затруднений, так как такие средства являются для виновного чужими. Вместе с тем предметом, который имеет физическую форму, электронные деньги не являются. Соответственно, исходя из положений уголовного закона, электронные деньги, равно как и криптовалюта, к имуществу причислить затруднительно.

Бесспорным является тот факт, что с помощью криптовалют можно осуществлять сделки и различные финансовые операции, так как они имеют определенный эквивалент наличных денежных средств. В частности, законодательством предусмотрены их обмен, приобретение, отчуждение за белорусские рубли, иностранную валюту, электронные деньги. Соответственно, хотя указанный вид денежных единиц по своей природе отличен от иных предметов материального мира (в том числе наличных денег), он является аналогом фиатных денег, которые включаются законодателем в разряд имущества. Следовательно, хищение криптовалюты путем модификации компьютерной информации может повлечь для держателя такой денежной единицы реальный имущественный ущерб. Полагаем, в этом случае предметом рассматриваемого преступления выступает незаконная имущественная выгода в виде наличных или безналичных денег, электронных денежных средств, иного имущества, в том числе цифровых и иных имущественных прав.

Таким образом, во избежание неопределенности в процессе квалификации хищений имущества путем модификации компьютерной информации считаем возможным предложить следующее. Если предметом преступления по ст. 212 УК являются безналичные денежные средства, в том числе электронные денежные средства, то содеянное должно рассматриваться как приобретение права на чужое имущество. В указанных случаях преступление следует считать оконченным с момента списания безналичных денежных средств (например, с банковского счета) независимо от зачисления списанных средств на счет (на банковский счет, оператору электронных денежных средств и др.) виновного или иного лица либо получения указанными лицами реальной возможности распоряжаться поступившими средствами по своему усмотрению (в частности, перечислении, выдачи наличными или совершении иных операций), а равно безотносительно факта причинения имущественного ущерба.

Сергейчик Д. С.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА СОУЧАСТИЯ В СОБОРНОМ УЛОЖЕНИИ 1649 ГОДА

Сергейчик Дмитрий Сергеевич, курсант 3 курса Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь, у_f_mashtaler@mail.ru

Научный руководитель: старший преподаватель Маашталер Ю. Ф.

Изучение истории развития института соучастия в уголовном праве позволяет устранить пробелы в действующем Уголовном кодексе Республики Беларусь, а также усовершенствовать методы борьбы с

преступностью, в том числе организованной, тем самым усилить защиту общественных отношений, охраняемых уголовным законодательством.

Институт соучастия является одним из самых древних. Первые упоминания о нем были зафиксированы еще в Библии (Ветхий завет). На территории Беларуси рассматриваемый институт начал зарождаться с появлением первой государственности. Начало развития данного института было положено в Договорах Олега с Византией (Русско-византийский договор 911 г.) и Русской правде 1016 г. Дальнейшее развитие института соучастия продолжалось в рамках Статутов ВКЛ 1529, 1566 и 1588 гг., которые также действовали в период, когда территория Беларуси находилась в составе Речи Посполитой.

После трех разделов Речи Посполитой 1772, 1793 и 1795 гг. земли современной Беларуси вошли в состав Российской Империи, на основании чего на ее территории стали действовать правовые акты Российской Империи, одним из которых являлось Соборное уложение 1649 г.

Важность изучения института соучастия в рамках Соборного уложения 1649 г. заключается в том, что именно в данном правовом акте более детально, по сравнению со статутами ВКЛ, были раскрыты особенности института соучастия, а также просматривается зарождение института дифференциации наказания за совершение преступления в соучастии. Именно зарождение института дифференциации наказания за совершение преступления в соучастии и более подробное раскрытие его признаков стало особенностью Соборного уложения 1649 г., которая выделяла данный правовой акт среди других предшествующих законов.

Более детальное закрепление, по сравнению с предшествующим законодательством, в Соборном уложении получили виды соучастия, такие как подстрекательство, «отведение следа» (укрывательство) и недоносительство. В соответствии со ст. 19 главы 22 подстрекатель к убийству так же, как и исполнитель, подвергаются смертной казни. Согласно ст. 77–81 главы 21 укрыватель подвергался смертной казни. По данным ст. 18–19 главы 2 люди, уличенные в недоносительстве, наказывались битьем кнутом. Соучастие могло быть физическим и интеллектуальным. В Соборном уложении устанавливались, как правило, одинаковое наказание для всех участников преступления, не требуя определения степени участия и вины каждого из них. Хотя выделялись исполнители и его «товарищи» (соучастники) преступления. Соучастие могло выражаться в содействии, практической помощи в совершении преступных действий (физическое соучастие), а также в подстрекательстве к совершению тех или иных преступных действий (интеллектуальное соучастие).

Интеллектуальные и физические соучастники подвергались одинаковому наказанию. Так, согласно ст. 19 главы 22: «того кто убийство научал и кто убил, казнить». Однако в ст. 198 главы 10 говорится об ответственности за убийство, содеянное на дворе потерпевшего. По данной статье соучастники подвергаются более мягкому наказанию, чем исполнитель. Исполнитель карался смертной казнью, а соучастники – битьем

кнутом. Данная статья была перенесена в Соборное уложение из Литовского законодательства, где за такое же деяние все участники преступления подвергались смертной казни. Данный факт свидетельствует о наличии института дифференциации наказания за совершение преступления в соучастии в Соборном уложении 1649 г. Были сформированы и такие понятия, как первые формы преступного сообщества – «скоп и заговор» (ст. 20–22 гл. 2, ст. 198 гл.10). Одинаковое наказание предусматривалось для всех членов преступлений против близких родственников. За убийство сыном или дочерью своих родителей назначалось наказание в виде смертной казни (ст. 1 гл. 22), смертная казнь также назначалась и «иным» (соучастникам), которые помогали в совершении преступления (ст. 2 гл. 22). Родители, убившие своих детей, подвергались тюремному заключению сроком на 1 год, после чего они должны были прийти в храм и рассказать всем про свой грех (ст. 3 гл. 22).

Проанализировав генезис института соучастия в рамках Соборного уложения 1649 г., мы можем сделать вывод о том, что данный правовой акт являлся своеобразным прорывом в развитии института соучастия. Именно в Соборном уложении 1649 г. впервые появились предпосылки развития дифференциации ответственности за совершение преступления в соучастии, чего не наблюдалось в предшествующих правовых актах.

Солдатов А. А.

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ МОШЕННИЧЕСТВА ПРИ ОКАЗАНИИ ЮРИДИЧЕСКИХ УСЛУГ

Солдатов Антон Алексеевич, студент 4 курса Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) Донского государственного технического университета (ДГТУ), г. Шахты, Россия, demidenko733@bk.ru

Научный руководитель: канд. эконом. наук, доцент Спектор Л. А

Раскрытие такого преступления, как хищение, которое совершено в форме мошенничества, имеет определенные сложности. В настоящее время деяния, которые квалифицируются как мошенничество, отличаются своей динамикой и многообразием, а также возможностью адаптироваться. Развитие института собственности и увеличение договорных отношений способствует увеличению масштабности преступности в данной области.

Анализ правоохранительных органов показывает, что наиболее латентными и сложными в доказывании считаются действия, направленные на хищение денежных средств путем обмана. Такие действия совершаются путем заключения договора об оказании юридических услуг между юристом и гражданами, имеющими низкую юридическую грамотность. Проблемой таких преступлений является установление умысла.

В материалах уголовного дела предметом подобных договоров выступают нечеткие формулировки юриста при оказании правовой помощи, но при этом сумма оплаты данной услуги достаточно высока. Учитывая бездейственность юриста, цена оказанной услуги является завышенной.

Исходя из обращений граждан, юрист при заключении договора обещает решить спорную ситуацию даже в случаях несостоятельности позиции заявителя с целью получить от этого материальную выгоду. В роли потерпевших зачастую выступают социально незащищенные группы граждан. К таким группам относятся пенсионеры.

Чаще всего в решении таких дел суды встают на сторону потерпевших и принимают решение о взыскании денежных средств с недобросовестной организации. Но к тому времени как судебное решение выдвигается, юридические организации ликвидируются, тем самым избегая материальной ответственности.

В настоящее время судебная практика по привлечению к уголовной ответственности лиц, совершивших мошенничество путем заключения договора об оказании юридических услуг, не имеет системного подхода при квалификации действий. Для полноценной защиты граждан от подобных незаконных действий, связанных с хищением денежных средств, необходимо выработать единые правила квалификации и отразить их в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Фролова А. М.

КВАЛИФИКАЦИЯ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПОЛОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПОВЛЕКШИХ ТЯЖКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

*Фролова Анастасия Михайловна, студентка 3 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
nastya.frolova.mi@gmail.com*

Научный руководитель: старший преподаватель Верховодко И. И.

Для рассмотрения вопроса о квалификации насильственных преступлений против половой неприкосновенности или половой свободы, повлекших тяжкие последствия, обратимся к ч. 3 ст. 166, 167 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК). При анализе особо квалифицирующих признаков, указанных в ч. 3 ст. 166, 167 УК, нельзя не обратить внимание на проблемы, возникающие при квалификации деяния по указанным нормам при наличии следующих признаков:

- изнасилование либо насильственные действия сексуального характера, повлекшие по неосторожности смерть;
- повлекшие причинение тяжких телесных повреждений, заражение ВИЧ;
- повлекшие иные тяжкие последствия.

Указанные преступления относительно их основного состава являются умышленными. Зачастую в ряде составов умышленных преступлений присутствуют квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки, которые значительно повышают общественную опасность содеянного. Одни обстоятельства характеризуют деяние, а другие относятся к последствиям, субъекту и другим признакам. В нашем случае рассматриваемые особо квалифицирующие признаки относятся к последствиям, а сами преступления, предусмотренные ч. 3 ст. 166 и 167, характеризуются сложной виной.

Исходя из анализа ч. 3 ст. 166 и 167 и толкования слова «неосторожность» можно сделать вывод, что неосторожными будут все последствия. Это отмечается в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 27 сентября 2012 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности или половой свободы (ст.ст. 166–170 Уголовного кодекса Республики Беларусь)» (далее – Постановление № 7), который гласит, что психическое отношение обвиняемого к наступившим тяжким последствиям, указанным в ч. 3 ст. 166, 167 УК, выражается в форме неосторожности, в то время как психическое отношение обвиняемого по отношению к самому акту изнасилования или насильственным действиям сексуального характера выражается в форме умысла.

Признак причинения смерти по неосторожности не зря выделен отдельно от остальных, указанных в ч. 3 ст. 166, 167. По данному признаку не возникает вопросов и разногласий, так как квалификация изнасилования либо насильственных действий сексуального характера, сопряженных с причинением смерти как по неосторожности, так и умышленно, четко урегулированы в УК, а санкции соответствуют тяжести совершаемого преступления. Однако при применении норм действующего законодательства для квалификации деяний, связанных с причинением тяжких телесных повреждений при изнасиловании или насильственных действиях сексуального характера, возникают определенные трудности.

Так, диспозицией ч. 3 ст. 166, 167 охватывается лишь неосторожное причинение тяжких телесных повреждений. Например, когда такой вред наступает от непосредственных действий виновного лица, толкнувшего потерпевшую, отчего та при падении ударилась головой о лежащий твердый предмет, в результате чего причинена травма. Следовательно, наказание за совершение данных преступлений будет назначаться в виде лишения свободы на срок от 8 до 15 лет.

Вопрос квалификации содеянного, когда у виновного имелся умысел на причинение тяжкого вреда здоровью, остается спорным. Примером причинения такого вреда может послужить причинение тяжких телесных повреждений с целью скрыть совершенное преступление, запугать потерпевшую, чтобы она не заявила о совершенном изнасиловании или насильственных действиях сексуального характера. Предусматривая только неосторожную вину по отношению к последствиям в ч. 3 ст. 166, 167, Верховный Суд предлагает квалифицировать содеянное по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 147 и ч. 1 ст. 166/ч. 1 ст. 167.

В данном случае суд руководствуется правилами назначения наказания, предусмотренными ч. 2 ст. 72 УК, в которой говорится, что окончательное наказание не может превышать максимального срока или размера наказания, предусмотренного за наиболее тяжкое из совершенных преступлений. Соответственно, окончательное наказание по совокупности указанных преступлений не может превышать 8 лет лишения свободы.

Из данной квалификации следует вывод, что законодатель считает изнасилование, насильственные действия сексуального характера, повлекшие по неосторожности причинение тяжких телесных повреждений, более строго

наказуемыми, чем совершение этих же деяний с умышленной формой вины по отношению к причинению таких повреждений.

Аналогична и ситуация, когда изнасилование или насильственные действия сексуального характера сопряжены с умышленным заражением ВИЧ: за заражение ВИЧ по неосторожности предусмотрена санкция в виде лишения свободы на срок от 8 до 15 лет, а за умышленное заражение по совокупности, например, с ч. 2 ст. 157 не будет превышать 7 лет лишения свободы, с ч. 3 ст. 157 – 10 лет лишения свободы.

Квалификация изнасилования, насильственных действий сексуального характера, повлекших по неосторожности иные тяжкие последствия, также является проблемной. Согласно ч. 2 п. 13 Постановления № 7 иными тяжкими последствиями могут признаваться, в частности, психическое расстройство здоровья, венерическое, другое как излечимое, так и неизлечимое заболевание, прерывание беременности, самоубийство, гибель при попытке спастись.

Так, например, изнасилование или насильственные действия сексуального характера, повлекшие по неосторожности заражение венерическим заболеванием, будут наказываться лишением свободы на срок от 8 до 15 лет. Если же при совершении указанных деяний имелся умысел на заражение венерическим заболеванием, то окончательное наказание по правилам ч. 2 ст. 72 не может превышать 7 лет лишения свободы.

Несмотря на многочисленные изменения, вносившиеся в УК, данный закон остается несовершенным. И, возможно, законодателю стоит принять во внимание некоторые предложения уголовно-правовой науки по внесению изменений в УК.

Таким образом, представляется целесообразным дополнить ст. 166, 167 частью 4, которая будет предусматривать повышенную по сравнению с предыдущими частями ответственность за умышленное причинение тяжких телесных повреждений или иных тяжких последствий при совершении указанных выше преступлений, скорректировав санкции ч. 3 ст. 166, 167.

Хаткевич М. Е.

КРИПТОВАЛЮТЫ КАК ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

*Хаткевич Михаил Евгеньевич, студент 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
mihail.hatkevich01@gmail.com*

Научный руководитель: старший преподаватель Верховодко И. И.

Наш мир меняется и вместе с ним необходимо совершенствовать законодательство. Появляются новые особенности, изобретения, требующие уголовно-правовой охраны. Например, таковым является вопрос квалификации криптовалют, получивших распространение в современных экономических отношениях.

Криптовалюты – это виртуальные валюты, не имеющие материального воплощения. Она существует только в рамках блокчейна и хранится на криптокошельках. Транзакции, т. е. все перемещения токенов с одного

криптокошелек на другой должны быть подписаны системой электронным образом и размещены в блоках, образующих блокчейн.

С позиции гражданского права криптовалюта не подпадает ни под один пункт ст. 128 Гражданского кодекса Республики Беларусь (ГК), и их нельзя признать имуществом как таковым, поскольку ГК подразумевает под имуществом нечто материальное, а криптовалюта, как и виртуальное имущество, нематериальна. Ситуация изменилась с принятием Декрета Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики», где дано разъяснение, что такое криптовалюта, но декретом не определяется, к какому виду объектов гражданских прав относятся криптовалюты. Криптовалюта – биткоин, иной цифровой знак (токен), используемый в цифровом обороте в качестве универсального средства обмена.

Пункт 3 Приложения 1 к Декрету № 8 предполагает под владельцем криптовалюты (цифрового знака) субъекта гражданского права, которому криптовалюта принадлежит на праве собственности или ином вещном праве. Поскольку право собственности характерно для имущества и предполагает владение, пользование и распоряжение, то можно говорить о том, что криптовалюты являются имуществом.

Постановление Министерства финансов Республики Беларусь от 16 марта 2018 г. № 16 «Об утверждении национального стандарта бухгалтерского учета и отчетности “Цифровые знаки (токены)” и внесении дополнений и изменений в некоторые постановления Министерства финансов Республики Беларусь»), утверждает Национальный стандарт бухгалтерского учета и отчетности «Цифровые знаки (криптовалюта)», который оперирует понятиями «стоимость токенов», «обязательства, возникшие при размещении собственных токенов», «созданные организацией токены»; в Стандарте раскрываются понятия аудита, бухгалтерского учёта, обязательств, и т. д. через понятие токена.

Исходя из вышесказанного, можем сделать вывод, что законодатель относит криптовалюты к имуществу.

Квалификация преступлений связанных с nezыблемым завладением криптовалютами остается проблематичной. Однако мы можем предположить, что завладение криптовалютами, как и виртуальным имуществом, возможно квалифицировать по ст. 212 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее УК), как хищение путем модификации компьютерной информации, что предполагает умышленное противоправное безвозмездное завладение чужим имуществом с корыстной целью посредством противоправного изменения компьютерной информации либо внесения в компьютерную систему заведомо ложной компьютерной информации (примечание к ст. 208 УК, п. 20 постановления Пленума Верховного Суда от 21 декабря 2001 г. № 15).

Под компьютерной информацией понимается информация, хранящаяся в компьютерной системе, сети или на машинных носителях, обрабатываемая компьютерной системой либо передаваемая в пространстве с помощью любых программно-технических средств (ч. 18 ст. 4 УК).

Для возможности квалификации хищения криптовалют, например по ст. 212 УК, необходимо наличие механизма хищения:

- 1) криптовалюта должна выбыть из обладания владельцем;
- 2) криптовалюта должна перейти в беспрепятственное владение злоумышленника.

Также одним из главных оснований такой квалификации является то, что данное преступление возможно только посредством компьютерных манипуляций. Поскольку криптовалюты это цифровой знак, то никаким другим способом как компьютерными манипуляциями изъять криптовалюты не представляется возможным.

Необходимо упомянуть, что данные деяния тесно связаны с преступлениями против компьютерной безопасности, особенно в частности ст. 349, 350 и 352 УК. Однако, на наш взгляд, квалификация рассматриваемых деяний по совокупности со ст. 212 УК не требуется, так как в диспозиции данной статьи уже предусмотрено подобное деяние как способ завладения имуществом.

Шалегин С. П.

ПРЕДЕЛЫ ДЕЙСТВИЯ СТ. 328 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ МОБИЛИЗАЦИОННЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Шалегин Степан Павлович, студент 2 курса Северо-Западного института (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Вологда, Россия, stepan.shalegin@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Герасимова Е. В.

21 сентября был издан Указ Президента Российской Федерации № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации». 24 сентября Президентом РФ был подписан пакет поправок в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) о мобилизации и военном положении. Однако до настоящего времени обязанность прибыть по повестке есть, а ответственности за уклонение от нее нет. На данный момент составы, предусмотренные главой 33 УК РФ, к уклонистам от мобилизации не могут быть применены. Из названия главы «Преступления против военной службы» следует, что субъектами данного преступления могут быть лишь находящиеся в российской армии военнослужащие, а не граждане, которые пока не в рядах вооруженных сил.

В данный момент ответственность за неявку по повестке в период мобилизации предусмотрена лишь ст. 21.5 «Неисполнение гражданами обязанностей по воинскому учету» и ст. 21.6 «Уклонение от медицинского обследования» Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). Диспозиция ст. 328 УК РФ предусматривает ответственность за уклонение от призыва на военную службу при отсутствии законных оснований для освобождения от этой службы. Однако пунктом 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 3 апреля 2008 г. № 3 «О практике рассмотрения судами уголовных дел об

уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы» предписано, что субъектами этого преступления являются граждане мужского пола, достигшие возраста 18 лет, состоящие или обязанные состоять на воинском учете и не пребывающие в запасе, подлежащие в установленном законом порядке призыву на военную службу. Верховный Суд РФ указывает, что в соответствии с п. 1 ст. 22 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» призыву на военную службу подлежат граждане мужского пола в возрасте от 18 до 27 лет. Поэтому после достижения возраста 27 лет уголовному преследованию за уклонение от призыва на военную службу могут подлежать только лица, совершившие это преступление до указанного возраста, при условии, что не истекли сроки давности привлечения их к уголовной ответственности.

Таким образом, ст. 328 УК РФ предусматривает ответственность за уклонение от срочной службы или альтернативной гражданской. В данный момент нет не только судебной, но и даже следственной практики за неоднократную неявку по повестке в военкомат без уважительных причин находящимся в запасе лицом в период мобилизации. Так, например, постановление о возбуждении первого уголовного дела за уклонение от призыва в период мобилизации было отменено по причине признания его прокуратурой Пензенской области незаконным. Отсутствие ответственности подтвердил и глава комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и госстроительству Андрей Клишас. Он написал: «Вопрос о необходимости внесения каких-либо изменений в законодательство в этой части подлежит детальному обсуждению с Государственной Думой», таким образом подтвердив наличие правового пробела. Сейчас ответственность гражданин может понести лишь в рамках ст. 337 УК РФ, если он прошел медицинскую комиссию, на него был издан приказ о зачислении в ряды армии, но он решил сбежать, тем самым совершив самовольное оставление части или места службы, однако здесь солдат уже прошел этап призыва и потому является не уклонистом от мобилизационных мероприятий. В данный момент власти, успешно завершая частичную мобилизацию, вряд ли будут вносить изменения в УК РФ или даже в вышеуказанное указанное постановление Пленума Верховного Суда РФ. В данный момент единственное, что восполняет данный пробел – вышеуказанный прецедент Пензенской областной прокуратуры, поэтому необходимо внести определенность на уровне закона.

Таким образом, ввиду устоявшейся практики не привлекать к уголовной ответственности по ч. 1 и 2 ст. 328 УК РФ никого, кроме уклонистов от срочной или альтернативной гражданской службы, имеет смысл ввести ответственность отдельной частью статьи или другой статьей за уклонение от мобилизации в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий. Состав преступления в виде уклонения от мобилизации ныне находящегося в запасе человека должен быть разделен с составом уклонения ранее не служившего гражданина от срочной службы в вышеописанной

обстановке для введения разных санкций ввиду разных потенциальных субъектов преступления. Предусмотренное в ст. 328 УК РФ наказание за совершение преступления в данных условиях не отвечает принципу соразмерности. Корректировать Постановление Пленума Верховного Суда РФ 3 апреля 2008 г. № 3 в настоящее время нецелесообразно ввиду мягкого наказания, предусмотренного действующем законодательством, которое не отвечает принципу справедливости и не способно тем самым реализовывать предупредительную задачу. Предполагаем, что у некоторых лиц перспектива понести наказание может восприниматься более привлекательной, нежели принятие участия в военных действиях.

Штемпель М. В.

ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА УБИЙСТВА МАТЕРЬЮ СВОЕГО РЕБЕНКА ПОД ВЛИЯНИЕМ ПОСЛЕРОДОВОЙ ДЕПРЕССИИ

*Штемпель Милана Валерьевна, студентка 3 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
milana280703@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, профессор Барков А. В.

Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК) в ст. 29 разъясняет, что лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии уменьшенной вменяемости, т. е. не могло в полной мере сознавать значение своих действий или руководить ими вследствие психического расстройства (заболевания), не освобождается от уголовной ответственности. Это подтверждает наличие привилегированных составов преступления в национальном уголовном законодательстве.

Одним из таких составов преступления является ст. 140 УК «Убийство матерью новорожденного ребенка». Безусловно, включение данной нормы в УК – огромное достижение для отечественного законодательства, в первую очередь потому, что она рассматривает психическое состояние уже родившей женщины. Однако несмотря на это, существует много проблем с исследованием болезненного состояния психики, одной из которых является послеродовая депрессия и ее влияние на психику женщины.

Послеродовая депрессия – это депрессивное расстройство, возникшее после родов, которое сопровождается психоэмоциональными расстройствами у женщин. Проявление послеродовой депрессии наиболее часто наблюдается в течение 4–6 недель после родов. Длительность расстройства варьируется от 2 недель до 2 лет.

В современных реалиях послеродовая депрессия диагностируется значительно чаще, нежели это было раньше. Это связано с некоторыми факторами. Во-первых, перестраивание сознания людей. Десятилетиями в обществе формировалась мнение, что рождение ребенка – это безоговорочный момент счастья и радости, т. е. роды не могут быть источником чего-либо негативного.

Во-вторых, стремительное развитие «цифрового» общества оказывает прямое воздействие на психику людей, что, в свою очередь, является основой для нарушения психического здоровья. Такое неизбежное явление в отношении беременных женщин еще более губительно ввиду физиологических процессов организма.

По данным Всемирной организации здравоохранения послеродовая депрессия диагностируется у 10–13 % рожениц, тем самым признается одним из наиболее частых послеродовых осложнений. Среди женщин, страдающих послеродовой депрессией, около 1 % страдают наиболее тяжелой формой – послеродовым психозом.

Как следует из вышеизложенного, женщина, страдающая послеродовой депрессией, наиболее склонна к причинению вреда своему ребенку, а в исключительных случаях – его убийству.

В случае совершения женщиной убийства или причинения телесного повреждения своему ребенку, ее действия будут квалифицированы по п. 2 ч. 2 ст. 139 УК или по соответствующим статьям, предусматривающим ответственность за причинение телесных повреждений. Важно отметить то, что в ходе проведения исследования состояния женщины, совершившей детоубийство, будет установлено наличие клинической картины послеродовой депрессии. И такой факт, безусловно, будет учтен судом при вынесении наказания обвиняемой и будет выступать в качестве смягчающего ответственность обстоятельства. Тем не менее в случае убийства наказание будет назначено в пределах санкции ч. 2 ст. 139 УК – лишение свободы на срок от восьми до двадцати пяти лет. Такой прием юридической техники представляется нелогичным при сравнении размера санкций ст. 140 УК, которая также предусматривает наличие у обвиняемого уменьшенной вменяемости. Следует также разъяснить, что пусть ст. 140 УК и предусматривает уменьшенную вменяемость, ее нельзя отождествлять с уменьшенной вменяемостью, вызванной послеродовой депрессией. Психотравмирующая ситуация, вызванная родами, представляется кратковременным психозом, который по своей природе является наиболее тяжелым состоянием психики, нежели послеродовая депрессия, особенностью которой является длительность протекания.

Отсутствие состава преступления, предусматривающего ответственность женщины, страдающей послеродовой депрессией, вызывает трудности для должной квалификации ее действий. Однако следует отметить, что выделение причинения телесных повреждений ребенку в качестве отдельного состава преступления нецелесообразно, так как такие действия в большинстве своем остаются в зоне латентности. Это, с большой вероятностью, породит «мертвую норму» в уголовном законодательстве.

Таким образом, ст. 140 УК, на наш взгляд, стоит переименовать на «Убийство матерью своего ребенка» и представить диспозицию в следующей редакции: «Убийство матерью своего ребенка, совершенное в условиях психотравмирующей ситуации, вызванной родами, или в состоянии послеродовой депрессии, не исключаяющих вменяемости».

Яколцевич Е. С.

**ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ПРАВотВОРЧЕСТВА**

Яколцевич Екатерина Сергеевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, katty.yakoltsevich@mail.ru

Научный руководитель: д-р. юрид. наук, проф. Савенок А. Л.

На сегодняшний день проблема определения предмета преступления широко распространена: в сфере развития информационных технологий общественные отношения трансформируются в цифровую область. Так, предметом преступления все чаще становятся нематериальные блага. Посягательства на данные объекты порождают некоторые проблемы в квалификации.

Во-первых, предмет во многих уголовно-правовых нормах является условием реализации уголовной ответственности. Во-вторых, предмет преступления зачастую влияет на квалификацию содеянного. В-третьих, предмет преступления в соответствии с диспозициями некоторого количества статей Уголовного кодекса Республики Беларусь учитывается как квалифицирующий признак.

В настоящее время наиболее распространена точка зрения, в соответствии с которой предметом преступления является конкретная материальная вещь, в которой проявляются определенные свойства общественных отношений (объекта преступления), путем физического или психического воздействия на который причиняется социально-опасный вред в сфере общественных отношений.

Однако при таком понимании за рамки правового регулирования выходят многие нематериальные объекты (например, такие как имущественные и обязательственные права, безналичные деньги, бездокументарные ценные бумаги, токены, валюта виртуальных многопользовательских онлайн-игр и имущество, приобретаемое в глобальной сети Интернет и т. д.). Рассмотрим на конкретных примерах.

1. Получение взятки путем извлечения выгоды имущественного характера или получение в качестве взятки нематериальных объектов. В соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда Республики Беларусь предметом взятки могут быть выгоды имущественного характера (различного вида услуги, оказываемые безвозмездно либо на льготных основаниях, но подлежащие оплате, производство строительных, ремонтных, иных работ).

В таком случае предмет взятки не обладает признаком материальности. Материальным носителем рассматриваемого предмета преступления являются по своей сущности деньги, которые могли быть выручены от совершения действий, которые явились причиной извлечения выгоды (например, стоимость оказываемой услуги, оказанной строительной, ремонтной или иной работы).

Что касается получения взятки путем получения нематериального объекта, то на сегодняшний день не исключен вариант получения взятки криптовалютой или иным токеном, имущественным правом (например право авторства). Более того, в мировой практике такие случаи встречались и на практике возникали сложности при квалификации подобных действий.

Для устранения возможных коллизий предлагаем закрепить следующее понятие предмета взятки: включенные в легальный гражданский оборот вещи, иное имущество, в том числе имущественные права, выгода имущественного или неимущественного характера, а также результаты интеллектуальной деятельности (интеллектуальная собственность).

2. Хищение нематериальных объектов.

В практике Республики Беларусь есть не один прецедент, когда виновное лицо совершает хищение нематериальных объектов, например, криптовалюты или бездокументарных ценных бумаг, безналичных денег. Судебно-следственная практика идет по пути принятия данных нематериальных объектов имуществом, как предметом хищения, игнорируя материальный признак. Следовательно, такие объекты признаются предметом преступления на практике.

Для устранения данного противоречия нами предлагается добавить следующее разъяснение: «К имуществу по смыслу п. 1 примечания к главе 24 Уголовного кодекса Республики Беларусь также относятся виртуальные объекты, обладающие экономической ценностью и принадлежащие другому лицу (электронные, безналичные деньги, бездокументарные ценные бумаги, токены, криптовалюты, платежные средства веб-сайтов, онлайн-сервисов, виртуальных многопользовательских игр, иные виртуальные объекты, приобретаемые за национальную валюту).

В связи с этим видится необходимым расширить понятие предмета преступления путем включения в данное понятие объектов нематериального мира, поскольку развитие общественных отношений уже диктует такие условия практике применения. Следовательно, имеется необходимость в разработке новых теоретических представлений о предмете преступления с учетом специфики современных общественных отношений.

Исходя из перечисленного, мы предлагаем под предметом преступления понимать как материальные (вещи, деньги, имущество), так и нематериальные блага (имущественные и обязательственные права, информация, честь, достоинство, жизнь, здоровье, деятельность (действия) и т. п.), которые и подвергаются преступному воздействию.

Горенчук А. А.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Горенчук Анна Александровна, студентка 3 курса Гродненского государственного университета, г. Гродно, Беларусь, annerglsj@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Ключко Р. Н.

В настоящее время актуальна проблема преступности, осуществляемой посредством сети Интернет, поскольку наблюдается ее резкий рост в течение последних десятилетий. Вызвано это расширением сфер деятельности с применением сети Интернет, а также широким использованием ее в повседневной жизни современных граждан. Большая часть обработки информации зависит от использования информационно-коммуникационных технологий, поэтому предотвращение и расследование криминальной активности в глобальной сети Интернет жизненно важны для безопасности как отдельных организаций и физических лиц, так и национальной безопасности государств в целом.

Рост преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств, осуществляемый посредством информационно-коммуникационных технологий, представляет собой глобальную мировую проблему, являясь одним из наиболее латентных видов преступности. Особую обеспокоенность вызывает проблема, связанная с тенденцией омоложения лиц, совершающих преступления, связанные с наркотиками. Ряд социально неблагоприятных обстоятельств, проявляющих себя во всех основных сферах жизнедеятельности несовершеннолетних: семье, школе, сфере досуга, оказывают негативное влияние на уровень преступности несовершеннолетних, в том числе и на уровень наркопреступности. Несовершеннолетние, используя интернет-пространство, подвергаются серьезному влиянию «опасного контента», в связи с чем вовлечение их в незаконный оборот наркотических средств вышло на новый уровень. Развитие информационно-коммуникационных технологий отразилось на способах совершения преступлений, что привело к появлению цифровой торговли наркотическими средствами и психотропными веществами. На сегодняшний день Darknet и Telegram-каналы – ведущие элементы сети, способствующие вовлечению несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов. Они обладают хорошим уровнем анонимности, поскольку в данных источниках присутствует функция VPN для всех пользователей мира, в связи с чем IP-адрес и данные лица вычислить практически невозможно.

В связи с вышеизложенным в целях борьбы с привлечением несовершеннолетних к совершению наркопреступлений необходимо

проводить мониторинг интернет-пространства на предмет выявления деструктивных сообществ и порталов, содержащих в себе сведения о наркотических средствах и вовлекающих несовершеннолетних в сферу незаконного оборота наркотиков. При этом внимание необходимо обращать на анализ посредством поисковых систем релевантных ключевых слов, которые могут быть связаны с деятельностью деструктивных информационных ресурсов, пропагандирующих наркопреступность несовершеннолетних. Кроме того, важно проводить просмотр молодежных форумов и социальных сетей, где, с высокой вероятностью, для несовершеннолетних пользователей, может появляться информация о наркотических средствах и их аналогах.

Мощнейшим инструментом, положительно влияющим на молодежь, является активная общественная жизнь подростков. Таким образом, школы должны обеспечивать детей определенным перечнем мероприятий разной направленности: оздоровительной, патриотической, культурной. Это способствует: во-первых, реальным знакомствам школьников друг с другом и так называемому «живому общению», а не общению посредством социальных сетей; во-вторых, обеспечивает полную занятость несовершеннолетних, а значит, и уменьшает проведенное ими в социальных сетях время.

Говоря о самой сети Интернет, стоит отметить следующее: информационный ресурс необходимо использовать грамотно и в своих целях. Деятельность государства в информационном пространстве должна быть направлена на популярное, простое и доступное донесение информации до несовершеннолетней молодежи, касающейся противодействия распространению наркотических средств. Это такие блоки информации, как правовая информация и трудоустройство несовершеннолетних. И если первое играет роль в связи с тем, что незнание закона не освобождает от ответственности, то на второе стоит обратить особое внимание, поскольку участие несовершеннолетних в незаконном обороте наркотических средств – источник хорошего заработка.

Таким образом, вопрос о предупреждении вовлечения в незаконный оборот наркотических средств несовершеннолетних должен быть поставлен на государственном уровне, и работа в информационном пространстве должна проводиться с использованием современных методов посредством сети Интернет, донося до граждан необходимую информацию.

Демчук В. В.

ПЕРСПЕКТИВЫ ЛЕГАЛИЗАЦИИ БЭБИ-БОКСОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Демчук Виктория Викторовна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, vika25052003@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Свило С. М.

Предупреждение преступлений, предусмотренных ст. 140 Уголовного кодекса Республики Беларусь, а именно убийства матерью новорожденного ребенка, становится все более актуальным вопросом в криминологической

практике. Особое внимание привлекает инициатива по созданию бэби-боксов, которые уже десять лет функционируют в России.

Бэби-бокс – это конструкция, чаще всего встроенная в стену роддома, похожая на детскую колыбель с окнами, выходящими с одной стороны на улицу, а с другой в помещение. У матери есть 30 секунд на принятие решения после того, как она поместит ребенка в бокс. По истечении этого времени дверца блокируется, и сигнал об этом поступает на пульт дежурного врача, а также в отдел полиции. Несколько минут спустя ребенок оказывается в руках у медицинских работников. Врачи осматривают малыша и принимают решение, нужна ли ему медицинская помощь, а полиция описывает вещи и обстоятельства, при которых ребенок был обнаружен. Позже новорожденного передают в дом ребенка для дальнейшего жизнеустройства.

Вопрос внедрения такого проекта является достаточно противоречивым. Наиболее распространенным мнением в поддержку создания «окон жизни» является позиция о том, что бэби-боксы нацелены в первую очередь на защиту от гибели детей из неблагополучных семей. Отмечается, что бэби-боксы нужны тем, кто не готов своими руками убить малыша. Такие женщины скорее оставят ребенка в укромном месте в надежде, что его подберут, однако детей не всегда успевают найти живыми. И в таких случаях бэби-бокс представляется не чем иным, как единственным выходом.

Несмотря на весомые аргументы в поддержку легализации бэби-боксов, существует также и большое количество противоположных точек зрения. Во-первых, узаконивание такой деятельности может привести к нарушению права ребенка знать, кто является его биологическими родителями. Такое право закреплено в ст. 7 Конвенции ООН о правах ребенка.

Во-вторых, за счет региональных бюджетов реализовать этот проект будет проблематично, а если и реально, то только в крупных городах, куда многим матерям с маргинальным образом жизни будет сложно добраться.

В-третьих, для матери новорожденного существует опасность помещения ребенка в бэби-бокс ее родственниками или посторонними людьми без ее согласия и даже против ее воли. В последующем права матери будет необходимо восстанавливать через суд по результатам дорогостоящей генетической экспертизы.

Наиболее спорным вопросом в легализации бэби-боксов является аспект информирования. Если бэби-бокс все же будет установлен, потенциальная мать, желающая отказаться от новорожденного, может даже не знать о его существовании. Логичным является вопрос, каким образом государство может обеспечить информирование будущих матерей. Запустив, к примеру, рекламу о введении такого проекта, мы лишь укрепим убежденность матерей, находящихся в подвешенном состоянии, что от ребенка избавиться просто, причем это не повлечет никакой ответственности. Даже если такую рекламу получится создать, вероятность того, что ее просто не увидят женщины, которые, как правило, ведут асоциальный образ жизни, велика.

В Республике Беларусь уже предусмотрено несколько вариантов отказа от ребенка. В роддоме до рождения младенца или уже после можно написать заявление на отказ. Эту информацию передадут в Национальный центр усыновления, после чего начнется поиск приемной или опекунской семьи. В этом случае в отношении женщины не начинаются административный процесс, и она не обязана возмещать средства по содержанию ребенка государству. Кроме того, женщина может прийти в организацию здравоохранения и написать заявление на временное помещение малыша в дом ребенка, там он может находиться до трех лет. Такую маму не лишают родительских прав, и средства государству она также не возмещает.

Таким образом, невозможно категорично заявлять, что необходимость в бэби-боксах отсутствует. Однако, по нашему мнению, наличие «окон жизни» не сможет в полной мере решить рассматриваемую нами проблему, скрывающую множество факторов, – низкий уровень сексуального образования, отсутствие должного медицинского обслуживания на периферии и т. д. На наш взгляд, государству следует делать упор на обеспечение максимального взаимодействия в работе социальных, медицинских и правоохранительных ведомств, которое позволило бы контролировать семьи из группы риска и проводить с ними дополнительную работу по информированию о возможности отказаться от ребенка в роддоме, а также реализацию мер по оказанию специализированной медицинской помощи женщине в период беременности, во время и после родов в учреждениях здравоохранения с обязательной психологической и юридической поддержкой в указанный период.

Жогло К. В.

СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ЖЕНСКОГО ПОЛА: УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Жогло Кристина Владимировна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, krislumos3@gmail.com

Научный руководитель: д-р юрид. наук, профессор Савенок А. Л.

Преступность несовершеннолетних лиц женского пола является частью преступности в целом и имеет ряд качественных особенностей. В 2021 г., по данным официальной судебной статистики, 6049 женщин и 874 несовершеннолетних осуждены за совершение преступления. К сожалению, по несовершеннолетним статистика приводится без разграничения по признаку пола. Научный и практический интерес к этой проблеме обусловлен, с одной стороны, особым местом и ролью женщин в системе общественных отношений, с другой – специфическим правовым положением несовершеннолетних. От того, как эта проблема разрешается в настоящее время, во многом зависит и будущий нравственный климат в обществе. Одним из ключевых вопросов преступности среди несовершеннолетних

женского пола является характеристика личности. Рассмотрение данного вопроса будет включать в себя анализ уголовно-правовых, социально-демографических и нравственно-психологических признаков.

Можно выделить следующие наиболее общие черты преступлений, совершенных несовершеннолетними женского пола: жестокость, дерзость и цинизм; предварительное планирование преступления; объект посягательства – близкие люди, чаще женского пола; место совершения – квартира либо улица недалеко от дома; неоднократность совершения преступления. Лицо характеризуется отставанием от сверстниц по уровню развития, утратой интереса к учебе, повышенной эмоциональностью, впечатлительностью, лабильностью нервной системы, устойчивыми отклонениями в нравственной направленности, выражающимися в отсутствии положительных установок, истеричностью, наиболее уродливыми формами эгоизма и индивидуализма, озлобленностью, чрезмерной грубостью, дерзостью, упрямством, распушенностью, жадностью, легкомысленным отношением к жизни, неразвитостью чувства стыда, ранним началом употребления спиртных напитков и наркотиков, отсутствием нравственно-этической избирательности в сфере интимных отношений. Наибольшее влияние на таких лиц оказывают семейное неблагополучие, недостатки воспитательной работы с несовершеннолетними женского пола в школьном коллективе, неформальные группы по месту жительства.

Преступность несовершеннолетних женского пола существенно отличается от преступности как несовершеннолетних мужского пола, так и совершеннолетних женщин. Она характеризуется направленностью на относительно небольшой круг объектов, охраняемых уголовным законом, что обусловлено недоступностью совершения отдельных преступлений в силу половозрастных особенностей. Основное отличие преступности женщин, достигших 18 лет, от преступности несовершеннолетних женского пола заключается в том, что многие преступления связаны с выполнением профессиональных функций, что требует определенного профессионального и жизненного опыта, которым несовершеннолетние женщины в силу возраста не обладают. Тем не менее большинство совершеннолетних женщин-преступниц первое преступление совершают именно в несовершеннолетнем возрасте.

В отличие от несовершеннолетних лиц мужского пола, у несовершеннолетних женщин отмечается меньший удельный вес групповых преступлений. Как отмечал психолог Э. Шперри, «тяга к объединению, которую мы могли бы назвать тягой к ассоциации, особенно четко выражена у мальчиков, в то время как образование банды только у девочек встречается исключительно редко». Если преступление несовершеннолетними совершено в смешанной группе, лидерами чаще выступают лица мужского пола, а лица женского пола играют второстепенную роль. В ситуации, когда лидером группы является несовершеннолетняя женщина, преступления отличаются необычайной изощренностью и более суровым отношением к жертвам. Чаще встречаются истязания соперниц со злостным хулиганством (заканчиваются

телесными повреждениями и нередко убийством), кражи и вымогательство. Предлагается повысить возраст уголовной ответственности до 16 лет несовершеннолетним лицам женского пола, совершившим преступление в составе разновозрастной смешанной группы, особенно если имелся явный лидер, старше несовершеннолетней женского пола. Это обусловлено тем, что несовершеннолетние женского пола легче поддаются влиянию со стороны других людей, поэтому, даже придерживаясь другой системы ценностей и взглядов, несовершеннолетняя может совершить преступление, приспособившись к групповому решению. Считаем, что именно изоляция от отрицательного влияния криминально настроенной группы способствовала бы сокращению преступности среди несовершеннолетних лиц женского пола.

Полагаем, что комплексная проблема преступлений, совершенных несовершеннолетними женского пола, в отечественной науке исследована неполно: отдельные вопросы характеристик личности рассмотрены в нескольких монографиях зарубежных авторов, в основу которых положены статистических данные, которые на данный момент неактуальны. Затрудняет изучение проблемы и отсутствие точной статистики по половозрастному делению. Изложенные обстоятельства обуславливают необходимость предметного изучения особенностей и тенденций развития преступности несовершеннолетних женского пола, раскрытия специфики ее причинного комплекса и разработки на этой основе конкретных рекомендаций по осуществлению соответствующих профилактических мероприятий, отвечающих современным требованиям.

Загорская А. П.

КУЛЬТ КОЛУМБАЙНА КАК ФАКТОР, ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЙ СКУЛШУТИНГ

Загорская Анастасия Павловна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, law.zagorskaAP@bsu.by

Научный руководитель: старший преподаватель Плетенёва Д. А.

Под скулшутингом следует понимать планирование, организацию, подготовку к совершению вооруженного нападения в или на территории образовательного учреждения любого уровня, совершаемое одним или несколькими лицами, характеризующееся нерациональностью происходящего, отсутствием признаков террористического акта, с направленностью умысла на причинение вреда жизни и здоровью неограниченного круга лиц, совершаемое с использованием огнестрельного оружия, взрывчатых веществ, холодного оружия.

Скулшутинг зародился в США, однако данная проблема давно перестала быть актуальной исключительно для западного общества. Все чаще нападения совершаются в образовательных учреждениях Российской Федерации, Республики Беларусь, стран ближнего зарубежья. Данный феномен остается относительно новым для отечественной науки и не существует единого подхода к его пониманию. Тема не изучена так глубоко,

как в США, где проблемой вооруженных нападений на образовательные учреждения занимаются на уровне министерства образования, национального центра оценки угроз, Федерального бюро расследований.

Данный феномен получил свое распространение после массовой стрельбы в школе Колумбайн в 1999 г. Это не был самый первый и самый массовый инцидент в мировой истории, однако именно это событие стало символом скулшутинга в общественном сознании и примером для подражания во многих последующих атаках. Полагаем, что это связано с распространением интернета и электронного обмена информацией в то время, а также с тем, что события в школе Колумбайн еще несколько лет после трагедии являлись предметом обсуждения многих СМИ. И по сей день отмечается прямое копирование, либо вдохновенность именно Колумбайнерами. Это имеет схожие черты с так называемым Синдромом Вертера – массовой волной подражающих самоубийств, которая возникает после суицида, широко освещаемого в СМИ. Распространение информации о нападениях в СМИ и социальных сетях подкрепляет желание скулшутера копировать совершенные преступления и получить мировую славу.

Феномен имеет возрастающую динамику: преступления совершаются в образовательных учреждениях по всему миру. Уже через неделю после стрельбы в школе Колумбайн, сценарий повторил ученик в канадской школе в г. Тэйбер, в мае подросток открыл стрельбу в школе Джорджии США. С нападениями столкнулась и Российская Федерация. В 2014 г. Сергей Гордеев открыл стрельбу в школе в г. Москве, где внешне подражал подросткам из школы Колумбайн. Михаил Пивнев, нападавший на школу в г. Ивантеевка в 2017 г., проявлял интерес к теме убийств в образовательных учреждениях и оружию. В социальной сети «ВКонтакте» он был зарегистрирован под именем Mike Klebold (имя нападавшего в школе Колумбайн). Владислав Росляков, открывший стрельбу в Керческом политехническом колледже в 2018 г. также подражал нападавшим из школы Колумбайн: был одет в белую майку с надписью, черные брюки, высокие ботинки; стрелял из помпового ружья и использовал самодельные взрывчатые устройства, а также совершил самоубийство в библиотеке образовательного учреждения, подобно Харрису и Клиболду. По версии следствия, Ильназ Галявиев, нападавший в гимназии № 175 г. Казани в 2021 г., также интересовался массовыми убийствами в образовательных учреждениях. Взаимосвязь между интересом к теме Колумбайна отмечается и в случае с нападавшим в Пермском университете 2021 г. В сентябре 2022 г. бывший ученик школы № 88 в г. Ижевске, Артём Казанцев, открыл стрельбу, в результате которой погибли 17 человек. В школу он направился с 39 заряженными обоймами, подписанными словом «ненависть», на пистолетах были нанесены надписи «Колумбайн», «Эрик» и «Дилан».

Таким образом, можно отметить, что частота подобных преступлений увеличивается, а подражание в молодежной среде стало одним из самых распространенных факторов совершения преступлений. Во многих случаях отмечается прямое копирование: внешний вид, сценарий нападения, способ нападения, аналогичное оружие и др.

Сократить количество нападений вполне реально, однако для этого необходим комплексный подход, включающий целенаправленную деятельность правоохранительных органов по предотвращению скулшутинга, обеспечению безопасности в образовательных учреждениях, разработку и внедрение в образовательные учреждения профилактических мероприятий и бесед, которые помогут поддерживать комфортный психологический климат в учебных организациях. А анализ личности скулшутера и его поведения позволит сделать вывод о тех признаках, которые могут стать сигналом о необходимости проведения индивидуальной профилактической работы с целью своевременного предотвращения трагедии.

Казубович А. С.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ БОРЬБЫ С ПЕДОФИЛИЕЙ

Казубович Арина Сергеевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, arina536@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Свило С. М.

Актуальность темы работы обусловлена проблематикой защиты законных прав и интересов несовершеннолетних. Последние годы исследования в области половой безопасности несовершеннолетних привлекают обоснованное внимание международной общественности, а также свидетельствует о том, что дети по всему миру систематически подвергаются преступному воздействию со стороны взрослых.

Для начала следует определить, что понимается под педофилией. По общему правилу, с медицинской точки зрения, страдающим педофилией может быть признан индивид, достигший 16-летнего возраста, на протяжении не менее 6 месяцев страдающий от периодически возникающих фантазий, объектом которых выступает лицо препубертатного или раннего пубертатного периода, и (или) сексуального влечения к данной категории граждан. Следовательно, с позиции медицинского сообщества, лицо признается страдающим педофилией с 16-летнего возраста.

Вместе с тем, с точки зрения отечественной доктрины уголовного права, следует заметить, что наказуемым будет считаться половое сношение, мужеложство, лесбиянство или иные действия сексуального характера, совершенные лицом, достигшим 18-летнего возраста, с лицом, заведомо не достигшим 16-летнего возраста. Так, субъектом вышеуказанного преступления является лицо, достигшее 18 лет, однако педофилия, как психическое расстройство, может сформироваться у него значительно ранее.

Полагаем целесообразным обратить внимание на международный опыт предупреждения сексуальных посягательств в отношении несовершеннолетних. В различных странах мира предусмотрен достаточно широкий спектр наказаний к виновным: тюремное заключение, химическая кастрация, смертная казнь и др. Например, в Соединенных Штатах Америки используется такой вид наказания, как химическая кастрация, которая заключается в приеме препаратов, блокирующих мужские гормоны.

Использование такой терапии подавляет либидо и снижает агрессию. В качестве наказания обязательная химическая кастрация используется не во всех штатах, в настоящее время к ней прибегают Калифорния, Флорида, Айова и др. Однако условия ее применения могут различаться: к примеру, в штате Калифорния химическая кастрация применяется при повторном осуждении лица за сексуальную связь с ребенком до 13 лет; в свою очередь в штате Алабама химическая кастрация применяется, если лицо, вступившее в половую связь с ребенком, не достигшим 13 лет, хочет добиться условно-досрочного освобождения. Принудительную химическую кастрацию педофилов одобрили и Великобритания, Германия, Дания, Норвегия, Швеция. Смертная казнь как вид наказания за половую связь с несовершеннолетними применяется в Саудовской Аравии, Иране, Ираке, Южной Корее.

Кроме этого, одним из способов борьбы с педофилией в зарубежных странах является создание реестров. Так, в Республике Польша существует открытый реестр педофилов, размещенный на сайте Министерства юстиции. Он содержит такие данные о преступнике, как имя, дата рождения, фотография, адреса проживания. Реестр доступен к использованию сотрудникам правоохранительных органов, руководству школ, детских садов, летних лагерей и иных схожих учреждений, в которых приоритетом является защита прав и законных интересов детей.

Полагаем, что ужесточение наказаний за ненасильственные сексуальные посягательства в отношении несовершеннолетних не всегда является эффективным методом борьбы с педофилией. Как психическое заболевание, педофилия подвергается комбинированному лечению с помощью таких методов, как долгосрочная индивидуальная и групповая психотерапия, обучение социальным навыкам, лечение сопутствующих заболеваний, медикаментозное лечение. Педофилия – социально порицаемая девиация, исходя из этого индивид, наблюдая в себе первые признаки данного заболевания, в большинстве случаев не обращается за медицинской помощью. Предшествовать возникновению такого рода заболевания могут различного рода социальные факторы: неблагоприятная ситуация в семье или лично пережитый опыт сексуального насилия, депрессия, а также употребление психоактивных веществ и др.

Таким образом, в зарубежном законодательстве сложились различные подходы к борьбе с педофилией как уголовно-правового, так и криминологического характера. Во-первых, в качестве наиболее строгого метода некоторые страны применяют смертную казнь (Саудовская Аравия, Иран, Ирак, Южная Корея). Во-вторых, лишение свободы виновного остается одним из основных способов противодействия сексуальному преступному воздействию на несовершеннолетних (Франция, Россия и др.). В-третьих, в настоящее время, в качестве альтернативного метода зарубежными странами используется принудительная химическая кастрация (Великобритания, Германия, Дания, Норвегия, Швеция). Полагаем, указанное средство борьбы может быть эффективным в совокупности с психологической и медицинской психиатрической помощью.

Комликов Н. С.

ОСНОВНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ НАРКОТИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ И НАРКОТИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Комликов Никита Сергеевич, студент 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, nikk71460@gmail.com

Научный руководитель: старший преподаватель Плетенёва Д. А.

Определение детерминант преступности – есть ключевая задача криминологии, носящая как практическое, так и теоретическое значение, ведь без этого любая стратегия противодействию преступности не будет иметь каких-либо перспектив и реального воздействия на окружающую действительность.

В данном аспекте не является исключением и преступность, связанная с незаконным оборотом наркотиков, под которой в широком смысле следует понимать совокупность преступлений против здоровья населения, посягающих на установленный законодательством Республики Беларусь порядок оборота наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов, а равно лиц, совершивших указанные противоправные деяния на определенной территории за определенный период времени.

Таким образом, для эффективного противодействия данной преступности, необходимо понимать основные детерминанты наркотической преступности и наркотизации населения в Республике Беларусь. Однако прежде всего стоит разграничить понятия «наркомания» и «наркотизация». «Наркомания» – есть совокупность психических расстройств и расстройств поведения, связанных с употреблением психоактивных веществ. В свою очередь «Наркотизация» – это социально-правовое явление. Формулировки значения данного термина встречаются разные.

Например, «наркотизация – есть детерминированный социумом, личностью и личностно-социальными взаимодействиями социальный процесс массового распространения среди различных социально-демографических групп населения наркотизма как негативного социально-правового явления». Ряд исследователей рассматривает «наркотизацию как процесс интеграции индивида в наркотическую среду, функционирующую в обществе, в результате активизации взаимодействия факторов, способствующих развитию злоупотребления психоактивными веществами и наркотическими средствами двух уровней: личностного и социальной среды. Характеризуется высокой степенью латентности и длительностью протекания».

Рост наркотизации общества обуславливает рост наркотической преступности. Нам видится целесообразным включать в данное понятие не только преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, но и те преступления, на которые идут наркоманы для получения средств на оплату наркотиков. Также не следует забывать и о преступлениях, совершенных в состоянии наркотического опьянения.

Социологические исследования показывают, что основными детерминантами наркотизации населения Беларуси являются следующие:

- деформации в социальном и духовном развитии значительной части населения, выражающиеся в социальной пассивности, ограниченности духовных интересов, неразвитости социальных и духовных потребностей, неумении организовать свой досуг, отсутствии любимых занятий в свободное время;

- доминирование в духовной культуре жизненных ценностей и социальных позиций индивидуалистического, гедонистического, потребительского, корыстного, конформистского, социально безответственного характера;

- затрудненность самореализации, обусловленная неопределенностью жизненных перспектив, несоответствием социальных и личностных возможностей уровню потребностей и интересов значительной части населения;

- нравственно-психологическая неудовлетворенность жизнью, окружающими бытовыми условиями и морально-психологической атмосферой в семье, на работе и учебе;

- незнание и неумение разрешать психологические проблемы и жизненные трудности;

- социально-девиантные особенности повседневного поведения и образа жизни, в частности распространенность бытового пьянства и алкоголизма, насилия в семье, совершение преступлений и других правонарушений, социальная замкнутость и пессимизм;

- недостатки семейного воспитания и семейное неблагополучие;

- влияние девиантной субкультуры, рассматривающей наркотики в качестве атрибута модного образа жизни.

Подводя итог, отметим, наркотизация – это сложное социальное явление, которое обуславливается многочисленными социальными факторами.

Лиан Син Вэй

СОЦИАЛЬНАЯ ОЦЕНКА НАРКОТИЗМА И НАРКОТИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Лиан Син Вэй, студент 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь

Научный руководитель: старший преподаватель Плетенёва Д. А.

Наркотизм – широко распространенное по всему миру явление, борьба с которым с переменным успехом приносит плоды. Но помимо прочего, опасность несет и преступность, связанная с незаконным оборотом наркотиков. В ряде стран эту проблему решают при помощи ужесточения мер наказаний, в других проводят декриминализацию и легализацию легких наркотиков. И те, и другие способы имеют право на существование в зависимости от конкретного государства, осведомленности граждан о наркотической проблеме и менталитете.

Важно знать, как население той или иной страны относится и/или отнеслось бы к переменам в сфере политики по борьбе с наркопреступностью. Важно также понимать, насколько люди понимают проблему, потому что по разным причинам верная информация может не доводиться совсем или доводиться в искаженном виде.

На протяжении многих лет Уругвай играет ключевую роль в формировании новой наркополитики. С 1974 г. было разрешено хранение наркотиков для личного пользования, а в 2013 г. Уругвай стал первой в мире страной, законодательство которой вывело правовое положение марихуаны на легальный уровень. Изначально политику Президента Хосе Мусику не поддерживали 2/3 населения Уругвая, поэтому для полной легализации понадобилось 8 лет постепенного ввода новой политики. И если в 2013 г. против закона о легализации марихуаны были 61 % жителей, то на момент 2018 г. данное число упало до 54 %. Связано это с подавлением черного рынка наркотических средств, разрешением выращивания конопли у себя дома с целью употребления, что позволяет потребителям быть уверенными в чистоте продукта, также снизилось количество преступлений, связанных с наркобизнесом, например, кражи, убийства и пр. Власти Уругвая ведут ежегодный мониторинг ситуации и корректирует объемы поставок и дозировку.

По-другому к либеральной наркополитике относятся жители Нидерландов, широко известных для туристов городом Амстердам, где существует сеть кофеен, в которых можно приобрести марихуану для курения, а также продукты питания, в состав которых входит каннабис.

Большинство населения поддерживает либеральную политику правительства в отношении наркотиков. Согласно опросу 2013 г., проведенному после реформы в Уругвае, 65 % населения Нидерландов поддерживают подобное законное регулирование каннабиса.

Меньше доверия к правительству нидерландцы проявляют к более жесткой политике в отношении кофеен. Проведенный в 2012 г. опрос показал, что 60 % населения считают, что wietpas (система, которая эффективно превращает кофейни в частные клубы с максимум 2000 взрослых членов, которые должны быть резидентами Нидерландов) должна быть остановлена, и 80 % считали, что это увеличит нелегальную торговлю.

В странах, где марихуана легализована в качестве медицинского препарата, также проводились социальные опросы граждан. Так, в 2020 г. в Украине был проведен общенациональный опрос, результаты которого показали широкую поддержку медицинского каннабиса. Почти 65 % респондентов заявили, что поддерживают легализацию медицинского каннабиса для облегчения боли у людей с неизлечимыми заболеваниями, а 29 % выступили против.

В рамках данной работы нами был проведен социальный опрос граждан Беларуси, где был задан ряд вопросов, в том числе о наркополитике. Нами были опрошены 161 человек разных возрастов (от 14 до 46 лет и старше), с разной степенью образования и материального положения, примерно 50 % опрошенных отрицательно относятся к легким наркотикам, а также их

легализации, однако в вопросе о наименее вредном, по мнению респондента, продукте марихуана стоит на четвертом месте, после алкоголя. В качестве медицинского препарата марихуану одобряют 67 % опрошенных.

Как показывает статистика общественного мнения и результаты политических реформ, можно с уверенностью сказать, что общество всегда осведомлено о том или ином аспекте. Легализация медицинского и рекреационного каннабиса, будучи очень серьезным решением, должна в том числе зависеть от того, готово ли население к подобным шагам, осведомлено ли о предмете и насколько хорошо. По нашему мнению, опираясь на собранные статистические данные, можно сказать, что в сфере либерализации наркополитики есть над чем подумать и поработать.

Остриков В. Р.

ПРОБЛЕМА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Остриков Владислав Романович, студент 2 курса Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) Донского государственного технического университета, г. Шахты, Россия, demidenko733@bk.ru

Научный руководитель: канд. экон. наук, доцент Спектор Л. А.

С каждым годом все больше людей становятся жертвами алкогольной зависимости, которая рушит семьи и жизни людей, доводит их до отчаянья. По данным Всемирной организации здравоохранения Россия входит в двадцатку самых «пьющих» стран в мире (ежегодно от алкоголизма умирают 400 тыс. человек). Особо остро стоит проблема алкоголизации среди молодежи. В период с 12 до 22 лет алкоголь употребляют до 82 % (ежедневно употребляют алкоголь 33 % юношей и 20 % девушек). По статистике, 25 % молодых людей в возрасте 20–39 лет погибает от причин, связанных с употреблением алкоголя. Отметим, что на сегодняшний день одной из наиболее актуальных проблем современности является проблема раннего употребления алкоголя среди подростков. Полагаем, что указанный фактор в полной мере способен привести к последующему развитию алкоголизма. Подростковый алкоголизм в значительной степени отличается от взрослого, так как на ранней стадии его принятия происходит полное нарушение всех процессов развития подрастающего поколения, нарушаются умственные способности, замедляется реакция, личность быстро деградирует.

С развитием технического прогресса ученые-химики сумели вывести формулу этилового спирта – основы всех современных алкогольных напитков. Согласно исследованиям ученых доказано, что этиловый спирт является психоактивным веществом. Больше всего из-за алкоголя страдает нервная система и мозг человека. Проблема подросткового алкоголизма усугубляется тем, что в современных условиях наблюдается активная пропаганда алкогольной продукции буквально со всех углов: в телевидении, радио, Интернете и социальных сетях. Во многих семьях отсутствует культура употребления спиртных напитков – зачастую ни один праздник не

обходится без алкоголя, либо родители считают нормальным выпивать в преддверии выходных, не заботясь о том, что дети все это видят. Все это вкупе с широкой доступностью алкоголя и халатного отношения отдельных работников торговли к своим обязанностям в части проверки документов у молодых людей при возникновении сомнений в их возрасте, приводит к росту алкоголизации среди подростков.

Законодательство РФ предусматривает ответственность лица, за продажу алкогольной продукции несовершеннолетним лицам. В то же время проблема алкоголизма среди подростков имеет место быть, так как появляются новые методы для его покупки. Примером такого метода, может выступать просьба (обращение) подростка к лицам совершеннолетнего возраста в приобретении алкогольной продукции.

Подводя итог исследования, считаем целесообразным внести в ст. 151 Уголовного кодекса РФ (УК РФ) изменения, дополнив пунктом 4 следующего содержания: «Содействие в приобретении несовершеннолетним алкогольной продукции, если это деяние совершено неоднократно, – наказывается штрафом в размере от двадцати тысяч до двадцати пяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного до трех месяцев либо исправительными работами на срок до одного года с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двух лет или без такового». Таким образом, в случае повторного правонарушения виновный может быть привлечен к уголовной ответственности по ст. 151.3 УК РФ.

Полагаем, что также необходимо увеличение размера штрафов в ст. 14.16 «Нарушение правил продажи этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции» Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, ст. 14.17 «Нарушение требований к производству или обороту этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции», ст. 14.18 «Использование этилового спирта, произведенного из непищевого сырья, спиртосодержащей непищевой продукции, фармацевтической субстанции спирта этилового (этанола) для производства алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции», ст. 14.19 «Нарушение государственного учета в области производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции».

Паливода Е. В.

КРИМИНАЛЬНАЯ (ПРЕСТУПНАЯ) ИЕРАРХИЯ: ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ

*Паливода Екатерина Владимировна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
katyapalivoda04@yandex.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Пухов А. А.

Вопрос об ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, – сложный и дискуссионный. Однако опыт его законодательного решения имеет место в уголовных законах Грузии и

Российской Федерации (далее – РФ). Несмотря на то, что в обоих случаях одна цель – борьба с организованной преступностью, законодательство обеих стран по-разному формулирует признаки соответствующих уголовно-правовых норм. В Уголовном кодексе Грузии от 22 июля 1999 г. в ч. 2 ст. 223¹ установлена ответственность за пребывание лица в положении «вора в законе». Таким образом, в Грузии пошли по принципу включения в текст уголовного закона терминов активно используемых в криминальном мире («вор в законе»). При этом в Законе Грузии от 20 декабря 2005 г. № 2354 «Об организованной преступности и рэжете» содержится определение термина «вор в законе», под которым понимается лицо, осуществляющее в любой форме управление или (и) организацию «воровского сообщества» или осуществляющее с использованием методов деятельности «воровского сообщества» управление или (и) организацию определенной группы лиц.

В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) от 13 июня 1996 г. в ст. 210¹ установлена ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии. Данная норма содержится в главе 24 УК РФ «Преступления против общественной опасности». Такое расположение объясняется значимостью объекта посягательства. Из анализа статьи можно сделать вывод о наличии специального субъекта – лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, характеризующегося дополнительными признаками, необходимыми для привлечения его к уголовной ответственности.

Российский законодатель не пошел по пути Грузии и использовал более широкое понятие для обозначения «криминального лидера», а именно «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии» (ч. 4 ст. 210 УК РФ). В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)», содержатся характеристики понятия «лицо, занимающее высшее положение». К ним относятся: занимаемое этим лицом положение в преступной иерархии, характер действий такого лица по созданию или по руководству преступным сообществом (преступной организацией) либо по координации преступных действий, созданию устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами, либо по разделу сфер преступного влияния и преступных доходов, а также другие преступные действия, свидетельствующие о его авторитете и лидерстве в преступном сообществе (преступной организации). Но вопрос о раскрытии понятия «преступная иерархия» остается открытым.

Такая категория, как «преступная иерархия» не имеет нормативных дефиниций, в связи с чем уяснение их содержания затруднено.

В толковых словарях, например С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, под иерархией понимается порядок подчинения низших (чинов, должностей) высшим; расположение от низшего к высшему. Таким образом, любая иерархия предполагает некую систему, структуру, в которой отдельные элементы расположены в определенном порядке, по степени их важности,

значимости. Если же говорить о преступной иерархии, то ее можно толковать как минимум в двух смыслах.

Во-первых, данное понятие следует рассматривать с позиции норм уголовного права. В данном случае следует обратиться к УК РФ. Так, наличие преступной иерархии является одним из признаков преступного сообщества или преступной организации, которая в соответствии с ч. 4 ст. 35 УК РФ предполагает структурированную организованную группу или объединение организованных групп, действующих под единым руководством.

Во-вторых, данный термин рассматривается с научной точки зрения, и в таком случае под «преступной иерархией» принято понимать систему, определяющую структуру подчинения и взаимоотношения лиц, придерживающихся принятых в криминальной среде правил и традиций.

Из этого следует, что с криминологической точки зрения понятие преступной иерархии шире, чем с уголовно-правовой. Это связано с тем, что преступную иерархию можно толковать как взаимоотношения подозреваемых, обвиняемых, осужденных между собой в соответствии с определенными нормами субкультуры и традициями преступного мира, при этом не является обязательным наличие между ними реальных преступных связей, участие в одной преступной группе, совершение общего преступления. Отношения подчиненности в данном случае строятся на признании авторитета и наивысшего положения лиц теми, кто занимает более низкий статус.

Следует отметить тот факт, что понятие «криминальная (преступная) иерархия» не тождественно понятию «тюремная» иерархия. В действительности оба понятия имеют схожие криминологические признаки: построены на тюремной субкультуре – совокупности псевдодуховных и квазиморальных ценностей, регламентирующих неофициальную жизнь осужденных в местах отбывания наказания; представляют собой деление на группы в зависимости от выполняемой роли каждого «элемента» преступного сообщества; вертикальные связи доминируют над горизонтальными; руководство осуществляется с опорой на принятые в криминальной среде правила и традиции. По содержанию преступная иерархия шире. Это связано с тем, что представитель преступного мира, который был активным его участником, попадая в пенитенциарные учреждения, может занять место в иерархии, не соответствующее его положению в преступном мире на воле. Все зависит от поведения лица в пенитенциарном учреждении. Из этого следует еще один признак криминальной иерархии, а именно неограниченная территория, в рамках которой существует преступная иерархия.

Преступная иерархия – это система, существующая на неопределенной территории и определяющая структуру подчинения и взаимоотношения лиц, имеющих схожие псевдодуховные и квазиморальные ценности и придерживающихся принятых в криминальной среде правил и традиций.

Рубан А. А.

БУЛЛИНГ КАК ФАКТОР ВИКТИМИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Рубан Анна Александровна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, hannaaruban@mail.ru

Научный руководитель: старший преподаватель Плетенёва Д. А.

Современное общество все чаще сталкивается с таким социально-негативным явлением как буллинг. За годы его существования он изменился не только количественно, но и качественно: растет травля среди школьников, появляются его новые формы – кибербуллинг, моббинг. Следует отметить, что насмешкам и издевательствам прежде всего подвергаются подростки, которые по своим физическим или психическим данным, особенностям культуры, религии, языка, воспитания, интересам, социальному и экономическому положению отличаются от остальных детей. За ними обычно закрепляются ярлыки, например, «ботаник», «помоечник», «больной» и т. д.

В научной литературе выделяются различные подходы к видению детерминации буллинга. Их можно объединить в четыре основные группы.

Представители первой группы рассматривают особенности личности индивида как основополагающий фактор травли. Решение проблемы, по их мнению, заключается в изучении особенностей личности жертвы и агрессора.

По мнению второй группы, причины формирования модели поведения «агрессор – жертва» следует искать в школьной среде. Так, например, большая численность обучающихся не позволяет реализовывать индивидуальный подход в учебном процессе, а поведение членов педагогического состава может способствовать инициации и укреплению буллинга.

Третья группа рассматривает семейные отношения как фактор, формирующий поведенческую модель по типу буллинга. Этот подход появился относительно недавно и требует пристального изучения.

Четвертая группа представляет собой смешение всех вышеперечисленных факторов и включает личностные особенности индивида, факторы микро- и макроситуации, особенности их развития, а также и психолого-педагогические предпосылки.

Особое место буллинг занимает среди детей школьного возраста. Он оказывает негативное влияние на всех участников прямо или косвенно вовлеченных в травлю: жертву, агрессора, защитников, наблюдателей, поддерживающих нападающего, родителей жертвы, родителей агрессора, учителей школы.

Результаты исследований показали, что у агрессоров больше шансов быть вовлеченными в антиобщественное поведение в будущем. Если действия агрессоров не получили обратной негативной социальной реакции, то у них формируется чувство «вседозволенности» и «безнаказанности».

Школьные издевательства, атмосфера страха сказывается и на наблюдателях. Они, в свою очередь, подвергаются вторичной травматизации. В дальнейшем живут в страхе и опасении стать жертвой.

Серьезнейшие травмы буллинг причиняет именно жертве. Последствия буллинга могут носить как кратковременный характер, так и оказать влияние на всю жизнь индивида в целом, т. е. на дальнейшее формирование личности, его отношение к жизни, к людям, к себе и т. д.

Жертвы буллинга более подвержены психическим расстройствам и депрессии. По мнению ученых, они с большей вероятностью могут стать жертвами насилия в будущем, несмотря на изменение окружения.

Жертвы буллинга часто имеют проблемы с учебной деятельностью, так как значительно снижается мотивация, концентрация внимания падает, да и в целом подростки отказываются ходить в школу. У жертв наблюдаются плохой сон, бессонница, кошмары, частые жалобы на головные боли, боли в животе и т. п. Последствия буллинга выражаются в бегстве из дома, желании быть в одиночестве, в появлении вредных привычек, а также суицидальных мыслей. И это далеко не исчерпывающий перечень последствий.

В целях профилактики буллинга необходимо работать с его детерминантами и индивидуально-личностными особенностями жертвы и агрессора. Как уже было упомянуто выше, и школа, и семья оказывают значительное влияние на виктимизацию личности и возможность стать потенциальной жертвой буллинга. Для предотвращения этой ситуации и родители, и школа должны тесно взаимодействовать. Так, родителям необходимо доверительные отношения с детьми, чтобы вовремя увидеть признаки того, что ребенок стал жертвой буллинга, и помочь ему справиться с неприятностями. В свою очередь, учителя, обладая соответствующими знаниями в психологии, должны отслеживать такие ситуации и проводить индивидуальную работу с участниками, стараясь не обострить конфликт. Именно на учителей возлагается обязанность по контролю и поддержанию климата в группе, педагоги не должны с пренебрежением относиться к подросткам, требующим повышенного внимания.

Серпикова П. А.

АДДИКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК ФАКТОР ВИКТИМИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Серпикова Полина Александровна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, p.srpkv@gmail.com

Научный руководитель: старший преподаватель Плетенёва Д. А.

Центральным понятием современной виктимологии является виктимность. Под виктимностью следует понимать совокупность личностных, психофизических, поведенческих характеристик лица, а также его социально-ролевых функций, определяющих предрасположенность к тому, чтобы стать жертвой преступления.

Несмотря на то, что уровень виктимности каждого человека определяется индивидуальным набором личностных качеств, даже при наличии высокого уровня виктимности возможность стать жертвой преступления зависит также от комплекса поведенческих характеристик

лица, отражающих его психическое отношение к объективной обстановке – своего рода субъективную сторону жертвы.

Одним из ключевых критериев, определяющих особенности виктимологической характеристики и соответствующей профилактики, являются поведенческие признаки жертвы, исходя из которых можно выделить категории жертв с отрицательной поведенческой направленностью.

Данные жертвы отличаются социально порицаемым поведением, которое способствует совершению в отношении них преступлений. Поведение указанной категории жертв носит асоциальный характер, а во многих случаях само способно причинить вред, в связи с чем граничит с противоправным поведением или же является таковым.

Жертвы с отрицательной поведенческой характеристикой своими действиями (поведением) могут провоцировать преступника на совершение противоправного деяния или создавать благоприятную обстановку для этого. Виновное поведение таких жертв может выражаться в действиях, не являющихся противоправными, но создающих условия для совершения преступления (например, злоупотребление спиртными напитками может способствовать хищениям, совершенным в отношении имущества жертвы, или спровоцировать членов семьи на насильственные действия).

Учитывая вышесказанное, в криминологии можно выделить направление, изучающее возможность виктимизации личности в связи с ее аддиктивным поведением.

Аддиктивное поведение – один из типов девиантного поведения с формированием стремления человека к уходу от реальности, путем искусственного изменения своего психического состояния, посредством применения некоторых веществ или постоянной фиксации внимания на определенных видах деятельности с целью развития и поддержания интенсивных эмоций.

Склонность к аддиктивному поведению (алкоголизму, наркомании, токсикомании), обуславливающему повышенную уязвимость в конфликтной ситуации, способствует криминальной уязвимости личности.

Состояние алкогольного или наркотического опьянения всегда сопутствует виктимизации, поэтому алкоголизация и наркотизация личности являются не только криминогенными, но и виктимогенными факторами.

Так, например, анализ судебной практики показал, что в состоянии алкогольного опьянения пребывали 58 % жертв убийств, 60 % жертв умышленного причинения вреда здоровью, 44 % жертв изнасилований, 19 % жертв краж, 44 % жертв грабежей, 16 % жертв мошенничества. По фактам ДТП с летальным исходом одной из основных причин является нахождение пешеходов в состоянии алкогольного опьянения.

Очевидно, что состояние опьянения чаще является виктимогенным фактором при совершении насильственных преступлений, это обусловлено такими обстоятельствами, как потеря бдительности и способности противостоять посягательству, повышенная степень конфликтности и конфронтации, нередко провоцирующее поведение потерпевшего.

Данные криминологических исследований свидетельствуют о том, что около 44 % жертв тяжких насильственных преступлений на момент преступления находились в состоянии опьянения, причем две трети таких потерпевших распивали спиртные напитки вместе с преступниками, создавая виктимогенную ситуацию. Таким образом, состояние алкогольного (наркотического) опьянения является значимым фактором, обуславливающим виктимность, поскольку оно снижает способность правильно оценивать виктимологическую ситуацию, контролировать свои действия, оказывать сопротивление преступнику, способствует возникновению случайных досуговых связей с незнакомыми людьми, вызывает необоснованную агрессию и провоцирующее поведение.

Следует отметить, что проявления аддиктивности способствуют более частому возникновению таких виктимогенных ситуаций, при которых потенциальную жертву нельзя заранее отличить от потенциального преступника и когда лишь случай решает, кто из них станет жертвой, а кто – преступником.

Ситник Е. Ю.

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ВЗЯТКИ И «ОБЫЧНОГО ПОДАРКА»

Ситник Екатерина Юрьевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, sitnik253207@gmail.com

Научный руководитель: старший преподаватель Плетенёва Д. А.

Для многих граждан нашей страны сложным и важным является вопрос о том, как не переступить границу закона и при этом отблагодарить человека за его профессиональные качества. На законодательном уровне термин «обычный подарок» не закреплен, однако под ним понимается подарок, дарение которого, как правило, является общепринятой традицией. Такой подарок не должен иметь связь с исполнением обязанностей должностного лица, которому непосредственно вручается подарок, а наоборот, он должен исходить из уважения и личных взаимоотношений, вручаться при отсутствии встречной передачи вещи, права, любого обоюдного обязательства. Если же будет установлено, что под видом подарка передавалась взятка за использование должностным лицом своих служебных полномочий в интересах лица, вручившего подарок, то содеянное квалифицируется как взяточничество независимо от стоимости предмета взятки.

Определение взятки содержится в ст. 430 Уголовного кодекса Республики Беларусь. Взятка – принятие должностным лицом для себя или для близких материальных ценностей либо приобретение выгод имущественного характера, предоставляемых исключительно в связи с занимаемым им должностным положением, за покровительство или попустительство по службе, благоприятное решение вопросов, входящих в его компетенцию, либо за выполнение или невыполнение в интересах дающего взятку или представляемых им лиц какого-либо действия, которое это лицо должно было или могло совершить с использованием своих

служебных полномочий (получение взятки). В отличие от подарка, взятка навязывает взаимные обязательства сторон и тесно связана с должностным поведением в интересах одного или нескольких лиц, т. е. должностное лицо принимает материальные ценности либо выгоды имущественного характера в виде оказания различного рода услуг конкретно в обмен на что-то, связанное с его служебными обязанностями.

Под исключение попадают сувениры, получаемые в качестве подарков на протокольных и иных официальных мероприятиях должностным лицом, занимающим определенную должность и в силу служебных полномочий участвующем в протокольных и иных официальных мероприятиях, но не за совершение каких-либо им действий (бездействие) по службе, а равно подарков по случаю дня рождения и праздников, если они были вручены должностному лицу без какой-либо обусловленности вознаграждения соответствующими действиями по службе. Одно лишь упущение законодательства в данном случае имеется – отсутствие закрепленных определений терминов «сувенир», «протокольное мероприятие» и «иные официальные мероприятия». Обращаясь к ст. 546 Гражданского кодекса Республики Беларусь, необходимо отметить, что стоимость «обычного подарка» не должна превышать 5-кратного размера базовой величины. В случае, когда стоимость подарка свыше 5 базовых величин, он должен быть передан в доход государства по решению специально созданной комиссии по месту работы должностного лица.

О любом подарке, полученном с нарушением законодательства, согласно постановлению Совета Министров от 22.01.2016 № 45, государственные служащие должны письменно сообщить по месту своей работы и безвозмездно сдать полученное либо возместить его стоимость. Имущество, в том числе подарки, полученное государственным должностным лицом с нарушением порядка, установленного законодательными актами Республики Беларусь, в связи с исполнением им своих служебных (трудовых) обязанностей, подлежит безвозмездной сдаче по месту службы (работы) указанного лица. Такое же правило действует и в отношении близких родственников должностного или приравненного к нему лица, проживающие совместно с ним и ведущие общее хозяйство.

С подарками, предназначенными для организации и полученными ее представителем, порядок иной – презент подлежит постановке на учет в этой организации в порядке, установленном законодательстве.

Считаем, что при решении разграничения взятки и «обычного подарка» следует внести определенные корректировки, а именно: 1) снизить стоимость подарка до 3-кратного размера базовой величины, что поспособствует увеличению общественной опасности коррупционного преступления; 2) определить минимальный размер взятки, таким образом сделать единообразную практику суда; 3) закрепить на законодательном уровне понятие «подарок»; 4) определить максимально допустимое количество получаемых сувениров на протокольных мероприятиях и иных официальных мероприятиях, дать им терминологическое значение, закрепленное на законодательном уровне.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР

Байша А. А.

ЗАЩИТА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ КАК НОВОМ СУБЪЕКТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Байша Алина Александровна, магистрант Национально исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия, hse@hse.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук Бардин Л. Н.

Согласно Федеральному конституционному закону от 04.10.2022 № 5-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики», Донецкая Народная Республика (далее – ДНР) была принята в состав Российской Федерации. В вышеуказанном нормативном правовом акте содержится норма права о том, что нормативно-правовые акты Российской Федерации действуют на территории ДНР, однако до конца переходного периода также действует законодательство ДНР.

Регулирование защиты по уголовным делам предусмотрено ст. 33 № 5-ФКЗ. В течение переходного периода должна быть создана палата адвокатов ДНР. Стоит отметить, что законодатель прописал норму права, согласно которой адвокаты ДНР осуществляют адвокатскую деятельность при условии сдачи ими экзамена на знание законодательства Российской Федерации. Данная норма необходима для оказания адвокатами квалифицированной адвокатской помощи на территории нового субъекта Российской Федерации. Однако проблемы будут возникать, так как будет происходить адаптация адвокатов ДНР к законодательству, которое действует в Российской Федерации. Необходимо со стороны Федеральной палаты адвокатов наладить процесс переподготовки и повышения квалификации адвокатов, чтобы это приобрело системный и постоянный характер.

Особое внимание следует обратить на защиту, которую оказывает адвокат по уголовному делу, поскольку на территории ДНР проходит специальная военная операция. Основная масса дел, расследуемых следственным отделом следственного управления Генеральной прокуратуры ДНР, относится к преступлениям против общественной безопасности и общественного порядка. Данная категория преступлений относится к наиболее опасным посягательствам, запрещенным уголовным законом. Следовательно, лица, нуждающиеся в данной квалифицированной юридической помощи, должны получить защитника, который сможет содействовать в обеспечении состязательности на досудебном следствии. Очевидна необходимость в организации Федеральной палатой адвокатов РФ семинаров для коллег из Донецка с соответствующей тематикой.

Актуальной проблемой является предоставление бесплатных адвокатов для военнослужащих, которые были взяты в плен в результате специальной

военной операции. Российская Федерация правовое, социальное государство и в свою очередь Федеральная палата адвокатов должна обеспечить право на квалифицированную юридическую помощь всех военнопленных, в отношении которых будет следствие и суд.

Защита по уголовным делам адвокатами ДНР осложняется еще и различным уголовно-процессуальным законодательством РФ и ДНР. Уголовный процесс в РФ и ДНР отличается, так как в последнем отсутствуют многие институты, такие как суд присяжных, в качестве меры пресечения в ДНР отсутствует домашний арест.

На основе анализа процессуального статуса защитника по ст. 42 УПК РФ и ст. 44 УПК ДНР можно выявить, что различается момент вступления защитника в дело: по законодательству ДНР – на любой стадии, а в российском законодательстве четко перечислены 6 пунктов, когда защитник вправе вступить в дело. Важное различие заключается в том, что в ДНР допускаются в качестве защитника другие специалисты в области права, которые по закону имеют право на предоставление правовой помощи лично или по поручению юридического лица. В российском уголовном процессе только при производстве у мирового судьи может быть допущено лицо без статуса адвоката, в остальных случаях допускается только адвокат.

В российской норме права предусмотрено обязательство адвоката защищать подозреваемого, обвиняемого и факт того, что адвокат не может отказаться от принятой защиты. В УПК ДНР данное положение в норме права отсутствует, однако в ч. 7 ст. 48 есть два основания, по которым адвокат может отказаться от принятой на себя защиты: в случае недостаточных знаний или некомпетентности, если есть обстоятельства, которые исключают его участие в деле.

Баранов А. А.

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ КАПИТАНА МОРСКОГО И РЕЧНОГО СУДНА КАК ОРГАНА ДОЗНАНИЯ

Баранов Алексей Андреевич, курсант 4 Б курса Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь, zbaranow1@gmail.com

Научный руководитель: старший преподаватель Зайцев В. П.

В настоящее время Республика Беларусь активно развивает промышленность в сфере осуществления грузоперевозок с использованием морского транспорта. В связи с этим стоит рассмотреть вопрос о правовом регламентировании порядка реагирования на факты совершения преступлений на борту судов. Поскольку борт судна, приписанный к порту Республики Беларусь и находящийся в открытом море, является ее территорией, в случае совершения там преступления на нем должны быть приняты меры, предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь (далее – УПК).

Таким образом, в случае совершения преступления на борту судна оно должно быть пресечено (выявлено), зарегистрировано, а по его факту должна

быть начата первичная проверка и при необходимости возбуждено и расследовано уголовное дело.

Анализируя закон, в п. 9 ч. 1 ст. 37 УПК можем увидеть, что капитаны морских и речных (далее – капитан судна) судов наделены статусом органа дознания. Согласно УПК орган дознания, являясь органом уголовного преследования, решает задачи, определенные в ч. 2 ст. 37 УПК.

Таким образом, капитаны судов в соответствии с УПК имеют ряд обязанностей в сфере противодействия преступности. Отражение данных положений имеет место в ст. 70 Кодекса торгового мореплавания Республики Беларусь (далее – КТМ), в которой определяется, что при совершении деяния, содержащего признаки преступления, на борту судна, находящегося в плавании вне пределов Республики Беларусь, капитан судна, руководствуясь уголовно-процессуальным законодательством, выполняет функции органа дознания; устанавливает возможность задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы, до передачи его вместе с материалами дознания соответствующим органам на территории Республики Беларусь или консулу Республики Беларусь (дипломатическому представителю) в первом порту захода судна. В случае необходимости установлена также возможность направить это лицо вместе с материалами дознания в Республику Беларусь на другом судне, плавающем под Государственным флагом Республики Беларусь.

Принимая во внимание изложенное, проведя предварительную проверку по факту выявленного преступления, капитан в праве возбудить уголовное дело и расследовать его в 10-дневный срок. В соответствии с УПК данное дело по истечении вышеназванного срока обязано быть передано в орган предварительного следствия. Однако такая возможность, исходя из условий, может отсутствовать (например, при нахождении судна в открытом море или на значительном удалении от суши). В сложившейся ситуации капитан не правомочен проводить дальнейшее предварительное расследование. Срок расследования, начатый с момента возбуждения уголовного дела, приостановить нельзя ввиду отсутствия соответствующих оснований, закрепленных для этого в УПК.

Рассматривая регламентацию полномочий капитана речного судна в Кодексе внутреннего водного транспорта Республики Беларусь (далее – КВВТ) видим отсутствие отсылки к полномочиям капитана как органа дознания. В ч. 2 и 3 ст. 46 КВВТ лишь косвенно указывается на пресечение уголовно наказуемых деяний на борту судна.

Подводя итог, необходимо отметить, что положения КТМ и КВВТ, определяющие полномочия капитанов судов в части обозначения их в качестве органа дознания, являются недостаточно проработанными и требуют отдельного научного внимания.

Проведенный научный анализ указывает на наличие комплекса проблем осуществления предварительного расследования капитанами судов в условиях, исключающих реальную возможность передачи возбужденного

уголовного дела органам предварительного следствия. В связи с этим рациональной видится разработка норм по предоставлению прав проведения полного предварительного расследования силами органов дознания в исключительных случаях. Альтернативой указанного предложения может служить разработка оснований приостановления и (или) продления сроков дознания.

Бобровницкая Э. Б.

К ВОПРОСУ О ПОРЯДКЕ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЁННОГО ДЕЙСТВИЯМИ ОРГАНА, ВЕДУЩЕГО УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Бобровницкая Эльнара Бахтияровна, магистрантка Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, elnabobrovn.28@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Петрова О. В.

В науке уголовно-процессуального права существует дискуссия по поводу вопроса, какой порядок возмещения вреда, причиненного действиями органа, ведущего уголовный процесс, наиболее целесообразно предусмотреть: судебный или инстанционный.

Сторонники инстанционного порядка обосновывают свою позицию тем, что исковой порядок предполагает как материальные затраты (помощь адвокатов, иные издержки), так и временные, несение бремени доказывания.

Представители противоположной точки зрения утверждают, что наиболее объективно способен рассмотреть такой вопрос именно суд.

Интересным представляется дифференцированный подход, который заключается в следующем. Возместить причиненный вред лицу должен орган, ведущий уголовный процесс, решением которого за ним признано право на возмещение вреда. При этом в случае признания такого права судом, рассмотрение вопроса о возмещении вреда необходимо рассматривать в порядке гражданского судопроизводства. Сторонниками такого подхода справедливо представляется необходимым закрепить право гражданина обжаловать постановление органа уголовного преследования в суд в порядке гражданского судопроизводства.

Законом Республики Беларусь от 26.05.2021 № 112-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности», внесшим изменения в главу 48 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК), был избран несколько иной подход к установлению порядка возмещения вреда, причиненного действиями органа, ведущего уголовный процесс, а именно смешанный. Право на возмещение вреда признается за лицом следователем, прокурором или судом, принявшими решение о реабилитации, о чем указывается в резолютивной части соответствующего постановления, приговора, определения (ст. 463 УПК). В соответствии с ч. 2 ст. 461 УПК имущественный вред, денежная компенсация физического и морального вреда могут быть взысканы в порядке гражданского судопроизводства. Согласно ч. 1 ст. 467 УПК иск о возмещении вреда может быть подан в суд в течение трех лет со дня возникновения права на

возмещение вреда. В силу ч. 1 ст. 462 УПК такое право возникает со дня вступления в законную силу принятого органом, ведущим уголовный процесс, решения о реабилитации лица, т. е. «смешанность» такого подхода заключается в том, что признает право на возмещение вреда орган, ведущий уголовный процесс, вынесший решение о реабилитации лица, а взыскать возмещение причиненного вреда можно только в порядке гражданского судопроизводства.

Из этого можно сделать вывод, что такой гражданин может обратиться в суд с требованием возмещения вреда только в том случае, когда такое право признано за ним органом, ведущим уголовный процесс, который вынес соответствующее решение о реабилитации. При этом в главе 48 УПК не предусмотрена возможность обжаловать отказ органа, ведущего уголовный процесс, признать право на возмещение вреда.

По общему правилу можно сделать вывод, что в случае непризнания права на возмещение вреда в решении о реабилитации лица, принятом судом, такое лицо вправе обжаловать в суд вышестоящей инстанции. Однако, вызывают вопрос случаи принятия решения о реабилитации судом апелляционной или надзорной инстанций. На наш взгляд, отсутствие порядка обжалования отказа (точнее отсутствия признания права на возмещение вреда в решении о реабилитации) суда, вынесшего соответствующее решение о реабилитации, существенно ухудшает положение таких граждан и делает практически невозможным добиться предоставления такого права в случаях наличия для этого оснований.

Что касается отсутствия признания права на возмещение вреда в решении о реабилитации органа уголовного преследования, то представляется, что по общему правилу решения о реабилитации органа уголовного преследования можно обжаловать в порядке главы 16 УПК. Вместе с тем полагаем, что такой порядок несколько нецелесообразен, так как при отказе органа, ведущего уголовный процесс, признать право на возмещение вреда, обжалуется не само решение о реабилитации, а именно сам отказ в признании такого права. Белорусскими учеными-процессуалистами обосновывается необходимость отдельного закрепления права обжаловать такой отказ, так как нормы главы 16 УПК не предоставляют участникам процесса возможность обжалования данного решения, принятого органом уголовного преследования, в судебном порядке.

В связи с вышеизложенным, на наш взгляд, в ст. 463 УПК необходимо предусмотреть возможность лиц, указанных в ч. 1 ст. 461 УПК, обжаловать отказ органа уголовного преследования в признании права на возмещение вреда прокурору или в суд в порядке гражданского судопроизводства.

Горшкова К. Н.

**РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА ДОСТУП К ПРАВОСУДИЮ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

*Горшкова Ксения Николаевна, студентка 5 курса Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов, Россия,
enhva.tchenel@yandex.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Спесивов Н. В.

Право человека на доступ к правосудию является одной из важнейших гарантий, обеспечивающих правопорядок в обществе и мире. Данная тема имеет фундаментальное значение для всего уголовного процесса, так как с момента, когда лицо получает доступ к защите своих прав и свобод, фактически для него начинается уголовное судопроизводство. В данной статье будут рассмотрены проблемы, возникающие при регистрации и разрешении сообщений о преступлении.

Статья 52 Конституции РФ закрепляет право на доступ к правосудию, а также компенсацию причиненного ущерба потерпевшим. В Уголовно-процессуальном кодексе РФ (далее – УПК РФ) отсутствует отдельная статья, посвященная принципу доступа к правосудию, однако целый ряд положений, так или иначе, служат его воплощением. В Республике Беларусь право на доступ к правосудию закреплено в ст. 60 Конституции Республики Беларусь. В статье есть указание, что каждому гарантируется защита его интересов судом. В Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь так же, как и в российском, отсутствует закрепленное в отдельной статье право на доступ к правосудию, что показывает сходство российского и белорусского законодательства в регулировании данного вопроса, а соответственно, и проблем, которые возникают при реализации данного права. Проблемы в обеспечении права на доступ к правосудию могут возникнуть уже на первом этапе, а именно при приеме заявления о преступлении. Рассмотрим некоторые из них, а именно сокрытие заявления о преступлении и фальсификация результатов проверки сообщений о преступлении.

Сокрытие заявления о преступлении на практике случается очень часто, что зачастую вызвано нежеланием сотрудников правоохранительных органов браться за преступление, раскрыть которое, по их мнению, сложно. Данное деяние совершается посредством незанесения сведений в книгу учета заявлений и сообщений о преступлениях, либо отказом приема заявления посредством уговоров потерпевшего, угроз и т. д. Сложность регистрации заключается в том, что она полностью осуществляется в бумажном виде.

Такая форма регистрации несовершенна, так как оставляет большое пространство для нарушений. Решением данной проблемы могла бы стать электронная регистрация сообщений о преступлении, параллельно с занесением в бумажные носители. Дублирование – необходимый этап при переходе на электронный документооборот. Благодаря тому, что сведения заносятся в два независимых друг от друга источника, вероятность того, что данные могут быть утеряны, снижается. Примером такой программы может

служить WEB «Надзор», который используется для регистрации и электронного ведения дел в прокуратуре РФ.

Проблема фальсификации проверки сообщений о преступлении так же актуальна и требует своего решения. Сотрудники правоохранительных органов нередко совершают данное нарушение, поскольку не хотят портить показатели статистики нераскрытыми преступлениями. Законодатель в РФ ввел уголовную ответственность за фальсификацию итогов предварительного следствия, но ответственности за фальсификацию результатов проверки нет.

Некоторые ученые считают, что необходимо отменить в РФ стадию возбуждения уголовного дела, как это было сделано в некоторых странах СНГ. На наш взгляд, для российского уголовного процесса отказ от стадии возбуждения уголовного дела послужит поводом для увеличения количества уголовных дел, возбужденных незаконно и необоснованно. Повысить эффективность расследования возможно, если руководство будет обращать больше внимания на качество уголовных дел, поступающих в прокуратуру и суд, а не на их количество, что послужит реализации права на доступ к правосудию.

В Республике Беларусь перечисленные выше проблемы, возникающие при проверке сообщений о преступлении, так же актуальны, в связи с родственными положениями УПК РФ и УПК Беларуси, но присутствуют и свои особенности. Вопрос цифровизации уголовного процесса при подаче заявления имеет большое значение для Беларуси, как и для Российской Федерации, в связи с отсутствием такой возможности в обеих странах. Нашим дружественным странам только предстоит разработать и внедрить электронные ресурсы для подачи и регистрации сообщений о преступлении в уголовном судопроизводстве.

Обобщая все вышесказанное, стоит отметить важность права на доступ к правосудию для каждого человека. Развитие и реализация данного права посредством усовершенствования законодательства России и Беларуси – это задача, требующая приоритетного решения в рамках реализации уголовной политики государств.

Елян Н. Ж.

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОКУРОРА ПО ВЗЫСКАНИЮ В ДОХОД
ГОСУДАРСТВА ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ, В ОТНОШЕНИИ КОТОРЫХ
НЕ ПРЕДСТАВЛЕНЫ СВЕДЕНИЯ, ПОДТВЕРЖДАЮЩИЕ ЗАКОННОСТЬ
ИХ ПОЛУЧЕНИЯ**

Елян Нарек Жирайрович, студент 2 курса магистратуры Института прокуратуры Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия, narek901@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук Маматов М. В.

Федеральным законом от 06.03.2022 № 44-ФЗ «О внесении изменений в ст. 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» и Федеральный закон «О противодействии коррупции» предусмотрена

возможность обращения в доход государства денежных средств, в отношении которых не представлены сведения, подтверждающие законность их получения.

С учетом этих корректировок в настоящее время прокуроры в силу ст. 8² Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» правомочны добиваться в судебном порядке обращения в доход государства денежных сумм в размере, эквивалентном той части денежных средств, в отношении которых не получены достоверные сведения, подтверждающие законность получения этих средств, если размер взыскания превышает 10 тыс. руб.

Информационным письмом первого заместителя Генерального прокурора Российской Федерации от 20 апреля 2022 г. № 86-13-2022/Иф5433-22 «О новых полномочиях прокуроров в сфере контроля за законностью получения денежных средств лицами, представляющими сведения о доходах, их супругами и несовершеннолетними детьми» прокурорам разъяснены особенности реализации соответствующих полномочий, направленных на обращение в доход государства такого рода денежных средств.

Несмотря на непродолжительность действия вышеуказанных новелл, практика активно развивается.

Так, прокурор Прибайкальского района Республики Бурятия обратился в суд с иском к Ч. об обращении в доход государства денежных средств на сумму почти 10 млн руб. как имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством Российской Федерации о противодействии коррупции доказательства о законном его получении (УИД 04RS0019-01-2021-001744-48). Решением Прибайкальского районного суда Республики Бурятия требования прокурора полностью удовлетворены, а судами вышестоящих инстанций подтверждена законность и обоснованность вынесенного судебного акта.

Анализ материалов этого дела позволяет определить ряд аспектов, внимание к которым, на наш взгляд, позволило достичь такого результата.

Во-первых, прокурорами своевременно был инициирован вопрос о применении обеспечительных мер (судом наложены аресты на земельный участок, жилое помещение, банковские счета).

Во-вторых, прокурорами, участвовавшими в процессе в обосновании своей позиции были представлены исчерпывающие доказательства, полученные не только в рамках прокурорской проверки, но и дополнительно истребованные, в том числе из банковских организаций и государственных органов (например, из отдела по профилактике коррупционных и иных правонарушений Комитета специальных программ Администрации Главы Республики Бурятия и Правительства Республики Бурятия).

Дана оценка и доводам ответчика о том, что она не имеет отношения к поступавшим денежным средствам, а указанный доход является доходом ее гражданского супруга – Н., что прокурорами, участвовавшими в деле, было успешно опровергнуто уже на стадии прений. Истец аргументировал свою позицию тем, что у гражданского супруга Ч. была объективная возможность

оформить банковскую карту на себя и пользоваться ею для своей деятельности, что позволило бы достоверным образом представлять сведения, подтверждающие законность получения денежных средств всеми членами их семьи. Относительно довода о том, что полученные на банковскую карту ответчика денежные средства были непосредственно доходами Н. от продажи рыбной продукции, обращено внимание – Н. официально не трудоустроен, в качестве индивидуального предпринимателя или учредителя юридического лица не зарегистрирован и стороной ответчика не представлены сведения о том, какая рыбная продукция реализовывалась Н. и законность приобретения им этой рыбной продукции.

Таким образом, общая система мер по противодействию различным проявлениям коррупции существенно усовершенствована после внесения изменений в Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», согласно которым прокуроры наделены правом добиваться в судебном порядке обращения в доход государства денежных средств в размере, эквивалентном той части суммы, в отношении которой не получены достоверные сведения, подтверждающие законность получения соответствующих средств. Такие нововведения позволяют более точно противодействовать коррупционным проявлениям и более всесторонне отстаивать интересы законности.

Жилук К. М.

ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ КАК ФОРМА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ АДВОКАТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ

Жилук Кристина Михайловна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, law.zhiluk@bsu.by

Научный руководитель: д-р юрид. наук, профессор Бибило В. Н.

Каждое изменение законодательства, касающееся политической, экономической стороны функционирования государства и общества, влечет за собой глобальные преобразования во всех сферах жизни страны. Так, складывается принципиально новая правовая обстановка, требующая оценки эффективности нововведений.

В связи с принятием Закона Республики Беларусь от 27.05.2021 № 113-З «Об изменении законов по вопросам адвокатской деятельности» институт адвокатуры Республики Беларусь подвергся реформированию, в результате которого произошло упразднение адвокатских бюро и индивидуально практикующих адвокатов. На сегодняшний день адвокаты осуществляют свою деятельность в форме юридических консультаций.

Однозначным преимуществом реформы выступает однообразие подходов к оказанию юридической помощи, складывающаяся именно в юридических консультациях. В существовавших ранее адвокатских бюро и у практикующих индивидуально адвокатов довольно часто существенно различались и размеры гонорара и форматы юридического сопровождения, что

вызывало некоторые трудности во взаимодействиях с клиентами. Деятельность же адвокатов в форме юридических консультаций более организована, упорядочена, централизована и структурирована. Зачастую юридические консультации имеют узкую специализацию в соответствующих отраслях права или направлениях деятельности.

В сравнении с работой адвокатов, осуществлявших свою деятельность индивидуально, для клиентов стало проще выходить из непредвиденных ситуаций, когда из-за накладок в расписании или иных чрезвычайных обстоятельств адвокат не может присутствовать в процессе. Достаточно лишь заключить договор с другим адвокатом в этой же юридической консультации. Таким образом, вопрос замены адвоката решается оперативно.

Решение вопросов найма секретарей и рабочего персонала, аренды помещений после реформы стало задачей территориальных коллегий адвокатов. При таком положении для адвоката нет необходимости брать на себя организационные моменты, что позволяет всецело заняться работой с клиентами. Организацией деятельности занимается непосредственно территориальная коллегия адвокатов.

Однако с принятием изменений стало затруднительнее обеспечивать адвокатскую тайну, так как теперь адвокаты самостоятельно не выбирают помещения для работы с клиентами. Нормальной считается практика, когда в одном небольшом кабинете могут осуществлять свою деятельность 3–4 адвоката.

Адвокаты столкнулись с проблемой, касающейся налоговых вычетов. Существуют расходы, которые адвокаты несут ежедневно самостоятельно – оплата звонков, топлива и содержания автомобиля. Ранее такие расходы можно было вычесть, рассчитывая подоходный налог, а на сегодняшний день вычесть можно лишь взносы в территориальную коллегия.

Определенные изменения коснулись и численности адвокатского сообщества. По состоянию на 27 октября 2021 г. (согласно статистике перед вступлением в силу нормы об изменении законодательства) в Республике Беларусь насчитывался 2031 адвокат. В настоящий момент (численность от конца весны 2022 г.) – 1815.

Такое уменьшение является существенной проблемой. Учитывая тот факт, что на территории государства проживает 9,3 млн человек, на 5000 граждан приходится один адвокат.

Адвокатское сообщество уже несколько месяцев осуществляет свою деятельность в соответствии с новыми правилами. В общем и целом, доступность юридической помощи не пострадала. Однако законодательство об адвокатуре и адвокатской деятельности все еще нуждается в совершенствовании, поскольку создание оптимальных условий для получения качественной правовой помощи – задача, стоящая перед адвокатами неизменно.

Жойдь А. Д.
ОСМОТР В БЕЛАРУСИ И США

Жойдь Анна Денисовна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, annasakamaki@mail.ru

Научный руководитель: старший преподаватель Вашкель Д. Н.

Осмотр в белорусском законодательстве является следственным действием по восприятию места происшествия, трупа, местности, помещения, жилища и иного законного владения, предметов, документов и компьютерной информации при наличии достаточных данных полагать, что в ходе этих следственных действий могут быть обнаружены следы преступления и иные материальные объекты, выяснены другие обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела. В английском языке переводом осмотра являются понятия «examination, inspection, screening» в зависимости от реферируемой литературы. Исходя из многогранности лингвистической окраски данных слов, мы можем выделить такие переводы для «examination», применительно к специфике рассматриваемой темы, – «рассмотрение, изучение, проверка, анализ, освидетельствование, расследование» и др. «Inspection» в данном случае может означать «проверка, осмотр, обследование, освидетельствование» и др. При переводе слова «screening» мы обращаемся к таким понятиям, как «скрининг, обследование, осмотр» и др. Толковый словарь Ожегова содержит понятие «осматривать» – «посмотреть на кого-что-н. с разных сторон, обозреть полностью, оглядеть сооружение со всех сторон. выставку; обследовать с какой-н. целью».

Исходя из общего определения значений слов, мы можем прийти к первоначальному выводу, что с точки зрения толкования, осмотр в США является более широким понятием, чем осмотр в Беларуси. Делаем такие выводы, поскольку точной дифференциации, а тем более точной аналогии белорусскому осмотру мы привести не можем. Однако мы должны понимать, что и в белорусском, и в американском законодательстве существуют определенные ограничения проведения осмотра, разграничивающие эти два явления не по этимологическому критерию, а по процессуально-правовому.

В Республике Беларусь позиция насчет осмотра определена в Уголовно-процессуальном кодексе (далее – УПК). Данному следственному действию отведен ряд статей, находящихся в гл. 23 УПК. Оно производится следователем или лицом, производящим дознание. В особых случаях, например, при производстве осмотра в жилище и ином законном владении к данному следственному действию косвенно привлекается прокурор или его заместитель. Это участие выражается в выдаче санкции на осмотр.

Что же касается США, то на стадии производства следственных действий имеются также особые ограничения. Эту связь можно проследить на основании сравнения санкции прокурора в белорусском законодательстве и процедуры выдачи ордера на осмотр в США. Особую роль здесь играет Четвертая поправка в Конституцию США, запрещающая любое незаконное вторжение на частную территорию гражданина. Однако, если исходить из

природы совершения преступления, вторжение на частную территорию преступника не должно являться незаконным, поскольку в таком случае лица, проводящие данное следственное действие, действуют в интересах государства, исполняя его правоохранительную функцию. Но если исходить из этой позиции, можно прийти к выводу, что в таком случае подозреваемые в совершении преступления лица обладают меньшим набором конституционных прав, чем правопослушные граждане. Национальное законодательство федерального уровня в этом вопросе не ставит точку, но значительно ограничивает полномочия лица, производящего осмотр в жилище и ином законном владении. И возникает новое понятие – «достаточные основания». Ордер выдается уполномоченному лицу специальным органом – магистратом – только в том случае, если это лицо письменно или устно подтвердит эти основания. Магистрат, или мировой судья, работает при окружном суде.

В рассматриваемом случае у правоприменителя возникает соответствующий вопрос: «Как разграничить достаточные основания от недостаточных?» С теоретической точки зрения, можно принять во внимание особенности характера англо-саксонской правовой семьи, где источником права является судебный прецедент и правовой обычай. Считаем, что каким бы ни было регулирование, у магистрата не должно оставаться сомнений по поводу необходимости проведения осмотра частной территории.

Однако вызывает интерес не только подготовка к осмотру в целом, но и отдельные процедуры. Как упоминалось ранее, основным этапом при подготовке к осмотру является получение ордера на проведение осмотра в частном помещении. В заявлении уполномоченное лицо, наряду с описанием лица и места, которое подлежит осмотру, упоминает объекты, которые являются целью осмотра жилища (законного владения). В отечественной теории возникает параллель между американским осмотром частной территории и белорусской выемкой. Выемка ставит перед собой цель найти уже известное лицо, проводящему данное мероприятие, предмет (вещество, объект). Такая параллель показывает нам широту применения обыска в США. Поскольку белорусское законодательство предусматривает и осмотр, и обыск, и выемку как самостоятельные следственные действия, американское право регламентирует одно следственное действие, включающее в себя комплекс мероприятий.

Оба подхода к определению и реализации осмотра имеют свои плюсы и минусы. С нашей точки зрения, существенным является не только правовая регламентация этих понятий, но и сущностное разграничение. В Беларуси вариант с дифференциацией таких понятий, как «осмотр», «обыск» и «выемка» наиболее выигрышный, поскольку частное регулирование одного комплексного явления может быть не так эффективно, как деление его на 3 сегмента, которые сами по себе имеют различную природу. Это помогает разрабатывать различные тактические подходы, новое правовое разрешение коллизионных вопросов в сфере проведения следственных действий, а также разработки наиболее эффективных методов и методик, техник и приёмов при проведении данных мероприятий.

Жученко А. А., Степанов Д. С.
К ВОПРОСУ ОБ ЭЛЕКТРОННОМ УГОЛОВНОМ ДЕЛЕ

*Жученко Анастасия Алексеевна, Степанов Денис Сергеевич студенты
4 курса Сибирского федерального университета, г. Красноярск, Россия,
anastasiya-zhuchenko@mail.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Дубынин Е. А.

В настоящее время не осталось ни одной сферы общественной жизни, на которую не оказывали бы влияние информационные технологии. Не обошла вниманием цифровизация и правовую сферу деятельности.

Электронно-цифровые комплексы стали активно использоваться не только в сфере следственных, оперативных и экспертных работ, но и в судопроизводстве. Во всех случаях использование информационных технологий направлено на оптимизацию уголовного процесса и повышение эффективности отдельных его составляющих институтов. Однако, на сегодняшний день в Российской Федерации все уголовно-процессуальное производство ведется на бумажных носителях, хоть и выполненных в основной своей массе с использованием ЭВМ. Основной причиной перехода к электронному формату документооборота можно считать задержки, которые возникают при работе у должностных лиц. Проблемы в первую очередь складываются из-за затрат времени и средств, поскольку требуются внушительные вложения государственного бюджета.

Следует отдельно отметить, что применение инновационных технологий – это только первая ступень по направлению к цифровизации сферы уголовного права, т. е. внедрении такого проекта, как «Электронное уголовное дело» (далее – ЭУД). Содержание проекта «ЭУД» представляет собой не только регистрацию и учет всех без исключения материалов и документов, но и создание и формирование электронных дел от возбуждения и до принятия итогового решения судом.

Электронная система, требующая модернизации бумажного формата документации в электронный вид, рассматривается в качестве инструмента управленческого и административного характера, который помогает проводить функционирование электронного варианта материалов уголовного дела. При грамотной работе системы все материалы можно передавать сторонам, принимающим непосредственное участие на досудебной фазе формирования уголовного дела, в режиме онлайн, чтобы ознакомиться с ними и составить оценку. И самое главное, что вся документация может быть передана в электронном формате.

В настоящее время, на наш взгляд, главная проблема заключается в отсутствии легального определения понятия и содержания термина «электронное уголовное дело». Хотя в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (УПК РФ) уже введено понятие электронного документа и определен порядок его использования, в том числе возможность заверения документа «усиленной квалифицированной электронной подписью» (ст. 474, 474.1 УПК РФ), однако этого недостаточно.

Проанализировав различные научные подходы, мы предлагаем свое определение ЭУД, под которым понимается зафиксированная информация при помощи аппаратно-технических устройств и программных средств в электронном виде, выраженная в установленном формате, отражающая ход и результаты расследования и формируемая уполномоченными должностными лицами с целью осуществления расследования по уголовному делу, контролем за законностью расследования, а также для осуществления правосудия. Считаем необходимым понятие ЭУД внести в ст. 5 УПК РФ.

По нашему мнению, необходимо выделить важные характеристики ЭУД, такие как: ЭУД суть электронный источник уголовно-процессуальной информации по делу, в котором собраны процессуальные и иные документы; электронное уголовное дело формируется с помощью специальных устройств и программного обеспечения, надлежащим субъектом (должностное лицо, уполномоченное уголовно-процессуальным законом), отражает ход и результаты процессуальной деятельности должностных лиц и лиц, вовлеченных в производство по делу, не только предварительного расследования, но и деятельности прокурора и суда.

Следует понимать, что инновационные проекты, которые помогают использовать данные, могут, с одной стороны, повышать уровень общедоступности информации, что открывает все материалы для противоправных действий с помощью компьютерных технологий, но с другой – можно вместе с внедрением проекта вводить эффективные методы борьбы с противоправным использованием данных и информации, которые могут служить объектом посягательств преступников и обозначаться в качестве материалов уголовного дела как часть информации, которая значима для криминалистической сферы.

Таким образом, бесспорно, что электронный документ должен отвечать «классическим» требованиям доказательства через призму его относимости, допустимости и достоверности.

Минец А. Р.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИНСТИТУТА ОБЖАЛОВАНИЯ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Минец Алексей Русланович, студент 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, law.minec@bsu.by

Научный руководитель: старший преподаватель Вашкель Д. Н.

В процессуальном праве исторически сложились две формы обжалования и проверки решений суда первой инстанции: апелляция и кассация. Каждая из этих форм имеет свое предназначение и характерные черты, которые необходимо учитывать при реформировании законодательства в данной сфере.

Апелляция в классическом понимании – это пересмотр приговора суда, не вступившего в законную силу, вышестоящим органом судебной власти

в пределах жалоб сторон, через повторное рассмотрение дела по существу с соблюдением принципов состязательности и непосредственного исследования всех необходимых доказательств с постановлением нового приговора, который заменяет приговор нижестоящего суда.

Традиционное кассационное производство – это опять же пересмотр вышестоящим судом решений, но несколько другим путем. Проводится проверка, не связанная с оценкой доказательств по делу, с правильностью установления фактов, а охватывающая лишь выявление нарушений закона в деятельности суда первой инстанции. По итогам приговор подлежит отмене с передачей дела на новое рассмотрение в нижестоящий суд.

Принимая во внимание законодательный опыт многих стран, можно заключить, что указанные подходы к определению инстанций для обжалования приговоров применяются чрезвычайно редко, поскольку государства зачастую избирают в качестве института пересмотра судебных решений апелляцию с элементами кассации либо кассацию с элементами апелляции, или вовсе используют оба варианта проверки приговоров. В связи с этим название данного правового института само по себе еще не отражает особенностей, присущих ему в конкретном государстве.

До 27 февраля 2016 г. в Республике Беларусь действовала кассационная форма обжалования и проверки постановлений суда первой инстанции. Однако со вступлением в силу изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь произошла замена института обжалования апелляционной формой. Безусловно, такая реформа содержала положительные последствия, среди которых отмечается исключение в большинстве случаев возвращения дела в нижестоящий суд для повторного рассмотрения ввиду принятия нового решения непосредственно во второй инстанции; отпадение необходимости повторной явки участников процесса.

На современном этапе совершенствования гарантий реализации конституционного права граждан на судебную защиту Законом Республики Беларусь от 20 июля 2022 г. № 199-З «Об изменении Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь» предусмотрено возобновление стадии обжалования приговоров, вступивших в законную силу. Введение этого института пересмотра судебных решений обусловлено необходимостью обеспечения более широкого доступа к инструментам обжалования лиц, не согласных с состоявшимися судебными постановлениями. В результате изучения международной мировой юридической практики разработчиками предлагается использование в национальном уголовном процессе термина «кассационное производство»¹.

Рассмотрение дел в кассационном порядке предлагается отнести к компетенции президиумов областного, Минского городского судов и судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда.

¹ Депутаты одобрили в первом чтении изменения УПК по вопросам апелляционного и надзорного производства [Электронный ресурс] // НОРМАТИВКА.by. URL: <https://normativka.by/lib/news/50281> (дата обращения: 12.10.2022).

Для кассационного обжалования судебных постановлений законопроектom предусмотрено установление некоторых ограничений для уголовных дел: исключение возможности обжалования в кассационном порядке приговоров, определений и постановлений областных, Минского городского судов, а также судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда, если они являлись предметом апелляционного рассмотрения в Верховном Суде. Более того, проектом предусматривается установление более узких оснований к пересмотру в кассационном и надзорном порядке: только по вопросам правильности применения материального и (или) процессуального права. Также закрепляется возможность лишь однократного обжалования судебного постановления (обращение в суд кассационной инстанции с повторной жалобой или протестом не допускается). Принципиальным отличием от ныне действующего порядка подачи надзорных жалоб является предусмотренная проектом возможность обращения с жалобой на вступившее в законную силу судебное решение только в суд кассационной инстанции.

Председатель Верховного Суда Республики Беларусь Валентин Олегович Сукало полагает, что такая реформа ведет к синхронизации судебных процедур Республики Беларусь со странами ЕАЭС и другими государствами постсоветского пространства, что безусловно является шагом вперед к повышению качества и уровня судебной защиты.

Пирштук А. И.

**ПРАВО ОБВИНЯЕМОГО ПРЕДСТАВЛЯТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА:
ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ**

*Пирштук Александра Игоревна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
alexandra_pirshtuk@mail.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Зайцева Л. Л.

Основополагающим механизмом реализации задачи уголовного процесса, указанной в ст. 7 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-3 (далее – УПК 1999 г.), по защите личности, ее прав и свобод в рамках расследования преступлений и общественно опасных деяний невменяемых является закрепление и регламентация в законе комплекса процессуальных прав обвиняемого как участника уголовного процесса.

Анализ положений ст. 43 УПК позволяет сделать вывод о том, что в целях обеспечения права обвиняемого защищаться от обвинения данному участнику уголовного процесса предоставляется ряд прав, которые он может реализовывать как самостоятельно, так и посредством деятельности защитника, а также иными установленными законом способами.

Теоретический и практический интерес представляет право обвиняемого «представлять доказательства», закрепленное в п. 9 ч. 2 ст. 43 УПК 1999 г.

Идентичный вариант изложения данного права обвиняемого находит свое отражение и в ст. 48 Уголовно-процессуального кодекса Белорусской ССР от 29 декабря 1960 г. (далее – УПК БССР 1960 г.). Однако ни в первом, ни во втором случае механизм реализации указанного права не получил правовой регламентации.

Прежде чем перейти к анализу проблемных аспектов реализации права обвиняемого «представлять доказательства», следует выяснить, что понимается под термином «доказательства» в уголовном процессе. Так, согласно ч. 1 ст. 88 УПК 1999 г., доказательствами являются любые фактические данные, полученные в предусмотренном законом порядке, на основе которых орган, ведущий уголовный процесс, устанавливает наличие или отсутствие общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, виновность лица, совершившего это деяние, либо его невиновность и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения уголовного дела. Исходя из данного положения, представляется возможным сделать вывод о том, что принятие решения о признании тех или иных фактических данных доказательствами отнесено непосредственно к компетенции органа (должностного лица), в производстве которого находится уголовное дело.

В связи с вышеуказанным констатируем факт, что обвиняемый не может представить фактические данные в подобном виде. Данный участник уголовного процесса реализует право «представлять доказательства» путем заявления ходатайств: об истребовании предметов; производстве осмотра, допроса, вызова специалиста, назначения и производства экспертизы и других следственных, процессуальных действий. Таким образом, обвиняемый не наделен возможностью в прямом смысле представлять доказательства, ведь с помощью ходатайства он лишь выражает просьбу о приобщении к делу находящегося у него предмета или документа.

Необходимо отметить, что другие участники уголовного процесса, в частности защитник и потерпевший, реализуют право на «представление доказательств» подобным образом. П. В. Мытник, анализируя процессуальный статус потерпевшего, под правом «представлять доказательства» понимает то, что потерпевший вправе заявлять ходатайства о приобщении к делу предметов, документов, производства экспертизы, а также требовать допроса лиц, которые, по его мнению, обладают информацией, имеющей значение для дела. В свою очередь, Л. В. Макаров, уточняя правовое положение защитника, подчеркивает, что право защитника собирать доказательства не вполне корректно, так как в итоге все представленные сведения будут проверяться лицом, ведущим расследование.

Возвращаясь к анализу механизма реализации обвиняемым права «представлять доказательства», обратимся к идеям Н. В. Жогина. Так, по мнению автора, одна из форм участия обвиняемого в доказывании может выразиться в представлении доказательств, которое осуществляется в форме ходатайства о приобщении к делу предметов и документов, имеющихся в распоряжении обвиняемого. При этом, представляя соответствующий

предмет или документ в суд, обвиняемый ходатайствует о приобщении его к делу в качестве доказательства. В развитии своей позиции Н. В. Жогин подчеркивает, что представленный обвиняемым предмет или документ осматривается судом, который, в свою очередь, выясняет, может ли он быть использован в качестве доказательства, после чего передает этот предмет или документ для ознакомления участникам судебного разбирательства и выслушивает их мнение.

Таким образом, обвиняемый не может фактически «представлять доказательства» в том контексте, в котором сформулировано это право в действующем уголовно-процессуальном законе.

Считаем, что в целях преодоления проблем реализации обвиняемым права «представлять доказательства», следует предусмотреть иную формулировку и изложить его как «право обвиняемого представлять находящиеся у него сведения, предметы или документы, имеющие значение для разрешения уголовного дела».

Стальмаков Е. Н.

К АКТУАЛЬНОМУ ВОПРОСУ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

*Стальмаков Егор Николаевич, курсант 3 курса Академии Министерства
внутренних дел Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь,
stalnikov2015849@gmail.com*

Научный руководитель: старший преподаватель Зайцев В. П.

Развитие правового регулирования в современном законодательстве Республики Беларусь осуществляется с учетом иностранных институтов и их приспособления к отечественным реалиям. Применение зарубежного правового института, который успешно используется в иностранных государствах, не означает отсутствие проблем. Примером подобного можно назвать заимствованный национальным законодателем правовой институт досудебного соглашения о сотрудничестве.

Досудебное соглашение о сотрудничестве введено в отечественный уголовный процесс Законом Республики Беларусь от 05.01.2015 № 241-З «О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях», который вступил в силу 28.01.2015 в целях повышения эффективности борьбы с преступностью, улучшения качества предварительного следствия и расширения возможностей по возмещению ущерба, причиненного преступлением.

Досудебное соглашение о сотрудничестве – соглашение, заключаемое в письменном виде между подозреваемым (обвиняемым) и прокурором, в

котором определяются обязательства подозреваемого (обвиняемого) по оказанию содействия предварительному следствию и условия наступления ответственности подозреваемого (обвиняемого) при выполнении им указанных обязательств (п. 4¹ ст. 6 УПК Республики Беларусь).

Досудебное соглашение о сотрудничестве является заимствованным институтом, который ранее отечественному уголовному процессу знаком не был. Принято считать, что институт досудебного соглашения о сотрудничестве появился в результате заимствования некоторых признаков «сделки о признании вины», существующей в уголовном судопроизводстве США. Сходство заключается в том, что лицо, которое совершило преступление, оказывает содействие правоохранительным органам в расследовании преступления взамен на назначение менее строгого наказания. Тем не менее существует существенная разница между досудебным соглашением о сотрудничестве и «сделкой о признании вины». Выполнение обвиняемым условий соглашения о сотрудничестве влечет ощутимое смягчение наказания, но не влияет на изменение квалификации предъявленного обвинения (как это происходит в США). В Республике Беларусь на законодательном уровне закреплены также те действия, которые должен выполнить подозреваемый (обвиняемый) по такому соглашению, а в США это определяется индивидуально прокурором.

Как и любой другой правовой институт досудебное соглашение о сотрудничестве имеет не только положительные стороны, но и свои недостатки, на которые стоит обратить внимание. Один из самых важных заключается в том, что отказ в заключении досудебного соглашения нельзя обжаловать (для сравнения – согласно ч. 4 ст. 317.1 УПК Российской Федерации постановление следователя об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве может быть обжаловано подозреваемым или обвиняемым, его защитником руководителю следственного органа). Стоит отметить, что несмотря на двусторонний характер соглашения, обязательства прокурора по отношению к подозреваемому (обвиняемому) не закреплены, так как возможность назначения более мягкого наказания остается прерогативой суда.

Исходя из вышеизложенного полагаем, что данные проблемы могут быть решены путем:

1) включения в Уголовно-процессуальный кодекс положения о возможности обжалования постановления об отказе заключения досудебного соглашения о сотрудничестве;

2) закрепления обязательства прокурора по отношению к подозреваемому (обвиняемому), что поспособствует улучшению качества предварительного следствия.

Представляется, что данные изменения позволят оптимизировать действующее уголовно-процессуальное законодательство, а также повысить степень защиты прав и законных интересов отдельных граждан, общества и государства.

Шурыгин А. А.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ТРАНСФОРМАЦИИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Шурыгин Александр Александрович, студент 5 курса Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов, Россия, shurygin.aleksandr.2006@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Спесивов Н. В.

Актуальность темы обусловлена развитием цифровизации в различных сферах общества, в том числе уголовный процесс не стал исключением. В связи с этим представляет интерес компаративистский анализ уголовно-процессуального законодательства и практики близких в правовом смысле стран: России и Беларуси. В связи с тем, что Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ) и Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (УПК Беларуси) имеют общие точки соприкосновения, целесообразно сформировать теоретическое понимание о том, насколько цифровые технологии «вписываются» в содержание предмета уголовно-процессуального права. Важно отметить, что аспект по внедрению электронного уголовного дела в Республике Беларусь был обозначен в стратегии развития информатизации в Республике Беларусь.

Как следует из ст. 6 УПК РФ и ст. 7 УПК Беларуси, задачами уголовного судопроизводства являются: защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления; защита лиц от незаконного необоснованного обвинения, осуждения, ограничения их прав и свобод. Тем самым нужно отметить, чтобы данные задачи были реализованы в плоскости уголовного судопроизводства, нужны эффективные приемы, способы, а также средства получения и обработки информации о расследуемом и рассматриваемом событии преступления и лице, предположительно его совершившем. Нами делается вывод о том, что цифровые технологии служат вспомогательным инструментом для реализации поставленных задач уголовным процессуальным законодательством.

Цифровые технологии в уголовном процессе – это основанные на работе цифровых устройств приемы, способы, средства получения, обработки, хранения и передачи полученной информации о расследуемом, рассматриваемом событии преступления, с помощью которых компетентные государственные органы и должностные лица получают информацию по уголовному делу. Для полного понимания нужно определить, входят ли общественные отношения, которые связаны с цифровизацией, в содержание предмета уголовно-процессуального права.

Так, на многих этапах уголовного процесса применяются информационные технологии, тем самым они тесно взаимосвязаны с процессуальными действиями участников, которые определенным образом затрагивают права и свободы личности.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что цифровые технологии в уголовно-процессуальных отношениях составляют предмет уголовно-процессуального регулирования.

Цифровизация сформировала несколько видов правоотношений: по уголовно-процессуальной форме собирания и оценки доказательств в уголовном процессе (электронный документ, как вещественное доказательство в ст. 100 УПК Беларуси и ст. 84 УПК РФ); уголовно-процессуальную форму для обеспечения контроля должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование.

Однако важно отметить, что некоторые цифровые технологии устарели по своей сущности, например, киносъемка.

Любое правовое нововведение в уголовном процессе должно удовлетворять общеотраслевым принципам, заложенным в УПК данных стран. Кроме того, важность заключается и в формировании специализированных принципов, которые затрагивают правоотношения с применением именно цифровых технологий. На наш взгляд, такие принципы должны затрагивать техническую составляющую, например, принцип информационной безопасности, оптимизация, единая система данных и т. д. Важно сказать, что технические принципы отражены в Приказе Генеральной прокуратуры РФ от 14.09.2017 г. № 627 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года». Аналогично следует отобразить данные принципы в Приказе Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь от 20.02.2020 г. № 66.

Таким образом, можно сделать вывод, что цифровизация активно проникает в уголовно-процессуальную плоскость в УПК РФ и в УПК Беларуси. Главным моментом является то, как встроится цифровизация в теоретическую основу и базовые постулаты построения уголовного процесса двух стран. Отметим, что цифровая революция не должна навредить уголовному судопроизводству, а наоборот, усовершенствовать его, при этом сохранить на должном уровне обеспечение прав и свобод личности.

Байтрукевич Е. С., Марченкова Е. А.

ТАКТИКА ДОПРОСА В КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЯХ

*Байтрукевич Елизавета Сергеевна, Марченкова Елизавета Андреевна,
студентки 4 курса Калужского государственного университета имени
К. Э. Циолковского, г. Калуга, Россия, bajtrukeviches@studklg.ru,
marchenkovaea@studklg.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Дроздов Д. Е.

Одним из актуальных вопросов раздела криминалистической тактики является исследование приемов, способов проведения допроса в условиях конфликтной ситуации. В процессе установления истины, обстоятельств совершенного преступления, оценки действий (бездействий) конкретных лиц уполномоченное лицо реализует совокупность процессуальных действий, одним из которых выступает допрос. Допрос – разновидность следственного действия, в процессе которого допрашивающий получает от допрашиваемого необходимую информацию, касающуюся существа совершенного преступления. Полученная информация позволит установить обстоятельства совершенного преступления и иные данные, имеющие значение для расследуемого дела. Проведение допроса закреплено уголовно-процессуальным законом в главе 26 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ).

Проведение допроса можно охарактеризовать как беседу уполномоченного лица с подозреваемым или обвиняемым лицом. Целью допроса является получение исчерпывающих, достоверных сведений о существе совершенного преступления. Для следствия особую сложность представляет лицо, нежелающее сотрудничать с правоохранительными органами в силу различных причин. В связи с этим допрос, как следственное мероприятие, отличается повышенным уровнем сложности, так как для получения результатов важен не только профессионализм и компетентность следователя, но и его умения оперировать психологическими приемами и навыками, необходимыми для создания благоприятной, доверительной эмоциональной обстановки. Тактика допроса в условиях, когда подозреваемый противодействует закону, должна основываться не только на принимаемых тактических приемах, но и на специфике состава совершенного преступления. Так, допрос лица относительно преступления, совершенного группой лиц, следователь должен проводить с учетом следующих факторов:

- лицо может давать ложные сведения потому, что испытывает привязанность к кому-либо из группы;
- лицо вводит следствие в заблуждение в силу страха понести наказание со стороны соучастников;
- лицо может не иметь необходимой для следствия информации в силу иерархической подчиненности (его низкое положение в преступной

организованной группе (или организованной группе) не наделяло его определенными полномочиями, при наличии которых он мог бы владеть необходимыми сведениями). Следовательно рекомендуется опираться на всю специфику расследуемого преступления, а также использовать совокупность тактических приемов, так как это поможет предугадать дальнейшие действия преступников и уличить в содеянном виновных в кратчайшие сроки. А. А. Файзуллина отмечает, что спецификой тактики допроса обвиняемого в условиях конфликтной ситуации является применение тактических приемов, основанных на предъявлении собранных по делу доказательств и более широкое применение приемов психологического воздействия (активизация положительных качеств лица, разъяснение правовых последствий деятельного раскаяния).

Тактический прием можно представить как наиболее эффективный способ действия следователя, наиболее целесообразную и научно обоснованную линию его поведения в конкретной ситуации, который позволит получить наиболее полные и достоверные показания. Проблемой для следователя становится выбор подходящей тактики для урегулирования конфликта. На наш взгляд, тактические приемы можно классифицировать на две группы:

1) логические тактические приемы, характеризующиеся использованием следователем логических приемов мышления, которые позволят выстроить диалог с допрашиваемым в нужном контексте и направлении;

2) эмоциональные тактические приемы, основанные на воздействии на чувства, эмоции в отношении лица к самому себе и окружающим.

Таким образом, допрос является одним из самых сложных следственных действий; его проведение требует от следователя высокой общей и профессиональной культуры, глубокого знания психологических особенностей личности, а также соблюдения процессуальных гарантий и сроков.

Белов Д. Н.

**ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЭТАПА
РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА В ОТНОШЕНИИ ЛИЧНОГО
ИМУЩЕСТВА ГРАЖДАН**

*Белов Денис Николаевич, студент магистратуры юридического факультета
Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
below_01@mail.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Пацкевич А. П.

В современном мире в условиях цифровой трансформации общества мошенничество можно признать одним из самых опасных видов хищений, что объясняется не только высоким интеллектуальным развитием лиц, его совершающих, но и появлением новых способов его совершения, к которым можно отнести, в том числе «фишинг», «вишинг» и другие, связанные с использованием информационных технологий (далее – ИТ). Это

подразумевает и необходимость корректировки «классических» мероприятий, проводимых на первоначальном этапе расследования данного вида преступлений. В связи с этим возникает и ряд теоретико-прикладных проблем в процессе раскрытия и расследования мошенничества. Рассмотрим некоторые из имеющихся проблем.

Стоит отметить, во-первых, что проблема возникает уже на этапе возбуждения уголовного дела при проверке поводов и оснований, так как при поступлении заявления потерпевшего или получении информации из других источников возникает потребность в ее проверке, определении достаточности и достоверности для принятия того или иного конкретного решения, что в условиях дефицита этой информации представляется малоосуществимым.

Во-вторых, достаточно сложным на практике является установление обстоятельств, подлежащих доказыванию при расследовании данного вида преступлений, в частности времени и места совершения преступления.

Вопросы определения места совершения преступления возникают по той причине, что мошенничество с использованием ИТ может совершаться одновременно как с различных электронных устройств (компьютеров, телефонов и др.), так и с территории одного или нескольких государств.

Трудность установления такого юридически значимого обстоятельства, как время совершения преступления, заключается в том, что зачастую между совершением мошенничества и его обнаружением проходит значительный промежуток времени. Объяснить это можно действием различных факторов, например, нежеланием потерпевших сообщать о событии преступления, недостатками работы оперативных структур компетентных органов по выявлению таких преступлений и т. д.

В-третьих, остро встает вопрос относительно возможности и целесообразности определения той следственной ситуации, в которой будет работать следователь, а также построения тех или иных криминалистических версий (как общих, так и частных), так как в большинстве случаев информация о лице (лицах), совершившем(их) мошенничество, а также об иных юридически значимых обстоятельствах (время, место) практически полностью отсутствует.

В-четвертых, сложным является и вопрос о необходимости проведения некоторых следственных действий. Так, осмотр места происшествия (далее – ОМП) проводится на месте преступления, в том числе с целью установления обстоятельств произошедшего и обнаружения следов преступления. Однако, для качественного проведения ОМП необходимо знать точное место совершения преступления, а также отчасти и то, ради чего он будет проводиться (для обнаружения тех или иных следов, подтверждающих факт совершения преступления или дающих основание полагать, что преступление совершило конкретное лицо или группа лиц). В ситуации, когда мошенничество совершено путем так называемого «фишинга» или «вишинга» необходимо констатировать, что проведение ОМП нецелесообразно, так как уголовно-процессуальный закон предусматривает и другие менее затратные способы обнаружения и закрепления следов

преступления, например проведение осмотра мобильного устройства потерпевшего, по которому он общался в мошенником, или на котором он переходил на сайт по фишинговой ссылке.

В-пятых, следует отметить, что существенной проблемой является почти полное отсутствие так называемых «материальных» следов мошенничества с использованием ИТ, т. е. следов, закрепленных на каких-либо материальных носителях, которые могут указывать на факты приготовления или совершения данного вида преступлений. Это, в свою очередь порождает проблемы высокой латентности данного вида преступлений, увеличения их количества в структуре преступности, а также низкого уровня их раскрываемости.

Таким образом, вышеизложенное свидетельствует о необходимости дальнейшего исследования данной проблемы, выработки эффективных рекомендаций по снижению уровня латентности, увеличению раскрываемости, а также корректировке подходов к проведению тех или иных мероприятий как в целом в методике расследования мошенничеств, так и конкретно на его первоначальном этапе.

Блошкина Е. А., Хазикова М. О.
КОМПЛЕКСНЫЙ ПОРТРЕТ СЕРИЙНОГО УБИЙЦЫ КАК ОБЪЕКТ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

*Блошкина Екатерина Александровна, Хазикова Мария Олеговна, студентки
4 курса Санкт-Петербургского государственного университета,
г. Санкт-Петербург, Россия, bbest.kate@yandex.ru, khazikovam@mail.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Кушниренко С. П.

Феномен существования серийных маньяков-убийц всегда волновал общественность. Одной из причин такого внимания является вопрос мотивации таких преступников в совершении того или иного преступления. Так, если большинство преступников совершает преступления из корыстных побуждений либо мести, то серийные убийцы, как правило, руководствуются своим болезненным пристрастием, поэтому их сложнее выявить. Примечательно, что действующее российское уголовное законодательство не содержит легальной дефиниции понятия «маньяк», более того, данный термин нельзя отнести к научному. В юридической энциклопедии данное понятие толкуется больше как психологическое, нежели уголовно-правовое. Так, серийный убийца представляет собой человека, одержимого манией и испытывающего сильное болезненное пристрастие к чему-либо. Некоторые ученые считают, что для признания преступника таким убийцей необходимо совершение им трех и более убийств. Таким образом, представляется, что «маньяки» совершают преступления для удовлетворения потребности психологического характера и руководствуясь своими болезненными пристрастиями.

В научном сообществе до сих пор идут споры: хладнокровными преступниками рождаются или все же становятся? Однако принято придерживаться версии, согласно которой личность серийного убийцы

формируется под воздействием как биологического, так и социального факторов. При этом под биологическими факторами можно понимать различные психические патологии, возникшие вследствие негативной наследственности и поспособствовавшие развитию мании. На процесс становления преступника влияет большое количество факторов, например, тяжелое течение беременности у матери, что влияет на развитие мозга плода. Большое значение имеет и наследственность. Например, Ломброзо провел эксперимент, в ходе которого было выявлено, что 71 из 104 преступников имели признак наследственности. Помимо этого, были выявлены семьи, в которых психические отклонения генетически закреплялись за потомками и далее преступниками становились из поколения в поколение.

Однако нельзя недооценивать и социальный фактор, влияющий на становление личности серийного убийцы. Так, если наследственность может лишь заложить в психику человека те или иные девиации, то под влиянием социальных факторов происходит процесс необратимой деформации сознания будущего «маньяка». К таким факторам можно отнести обстановку, в которой растет человек; школьные годы, в которые могло происходить насилие и унижение достоинства личности; и другие эпизоды, которые могли развить озлобленность к окружающим людям. Таким образом, личность серийного убийцы формируется посредством факторов, обусловленных биосоциальной природой. Примечательно, что человек, совершивший серийные преступления зачастую не раскаивается.

Феномен серийного преступника был описан благодаря исследованиям его психологического портрета. Например, такие исследования проводились А. О. Бухановским. В результате такого изучения был сформулирован вывод, что феномен серийного преступника состоит в том, что он представляет собой некий вариант «криминальной личности», планомерное и отклоняющееся развитие которой обуславливает возникновение, закрепление и трансформацию потребностей в совершении повторных преступлений, направленных против жизни людей. Профессор А. О. Бухановский отмечает, что люди предрасположены к совершению серийных преступлений в силу определенных биологических, психосексуальных, психологических особенностей. Им выделяется ряд важных факторов, ключевым из которых является мозговой. Ученые доказали, что структура головного мозга может иметь своеобразное состояние, которое влияет на возникновение и развитие этого криминально-психиатрического феномена. Исследования выявили два своеобразных изменения мозга. Первое изменение, обнаруженное с помощью магнитно-резонансной томографии, произошло в желудочках мозга. Наблюдалось их резкое увеличение, что свидетельствует о том, что количество мозгового вещества вокруг них сократилось. Было доказано, что такие изменения возникают еще до рождения человека, в результате ребенок рождается с характерными особенностями строения черепа: увеличенной лобной долей и лобной костью, формирующей надбровные дуги. Во втором случае были поражены лобные и височные образования, которые отвечают за высшую психическую деятельность.

Вторым важным фактором стала тяжелая беременность, протекающая в условиях сильного хронического стресса и неудовлетворительной экологической обстановки. Исследования показали, что почти все серийные преступники получили повреждения мозга во время родов. Эта информация была получена в ходе бесед с матерями и родственниками многих опасных серийных преступников.

Заключительным фактором, влияющим на предрасположенность к совершению серийных преступлений, является специфическое воспитание. Многие будущие серийные убийцы выросли в семьях, которые были асоциальными и неполноценными. Ключевое значение в воспитании детей обычно играла мать, а отец практически не принимал участия в воспитании. Помимо этого, зачастую такие дети подвергались жестокому обращению как со стороны взрослых, так и со стороны сверстников. Дети, подвергавшиеся насилию, компенсировали признаки детской дезадаптации, воображая себя очень сильными и способными к самозащите. Крайней формой компенсации становилось садистское поведение. Важно отметить, что самые известные серийные преступники, с которыми работал А. О. Бухановский, такие как А. Чикатило, А. Сливко, Ю. Цюман, столкнулись с вышеперечисленными проблемами в детстве.

Примечательно, что во взрослой жизни многие серийные убийцы прекрасным образом интегрируются в общество и даже выбирают профессии, связанные с социумом. Это одна из причин, по которой таких преступников сложно выявить. Скрываясь за маской порядочного гражданина (например, полицейского или школьного учителя), серийные убийцы не привлекают к себе особого внимания и, как правило, продолжительное время могут оставаться незамеченными.

Стоит также отметить, что серийные преступники, как правило, тиражируют свой способ совершения преступления, и поэтому следы, оставленные ими при совершении преступлений, также должны ложиться в основу их психологических и социальных портретов.

Таким образом, на формирование личности серийного убийцы, по-видимому, в равной степени влияют биологические и социальные факторы. Опасность серийных маньяков-убийц в главной степени заключается в том, что они имеют исключительные умственные способности, которые позволяют им заранее просчитывать алгоритм совершения преступления и оставаться незамеченными. Именно поэтому правоохранным органам не всегда удается своевременно выявить такое лицо, что впоследствии приводит к большому числу жертв.

Представляется, что разработка психологических портретов серийных преступников в настоящий момент является одним из самых перспективных методов по обнаружению таких личностей. Так, данный способ позволяет облегчить процесс расследования преступлений, а также дает возможность правоохранным органам детально понимать специфику ценностно-смыслового образа мира преступника.

Войницкий А. А.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ГРАФИЧЕСКИХ РЕДАКТОРОВ ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ СОДЕРЖАНИЯ УГАСШИХ ЗАПИСЕЙ В ДОКУМЕНТАХ

*Войницкий Андрей Александрович, курсант 2 курса Академии Министерства
внутренних дел Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь,
andrey16091@gmail.com*

Научный руководитель: старший преподаватель Лосева В. Г.

В следственной практике часто необходимо установить содержание текстов, штрихи которых залиты красителем, зачеркнуты либо обесцвечены в результате умышленного воздействия, длительного хранения или влияния каких-то других неблагоприятных факторов.

Определенную сложность представляет выявление угасших записей, в последнее время все чаще направляемых для исследования судебным экспертам в связи с возбуждением в 2021 г. уголовного дела по ч. 1 ст. 130² Уголовного кодекса Республики Беларусь «Отрицание геноцида белорусского народа» и проводимыми в рамках расследования дела многочисленными раскопками мест захоронений жертв немецко-фашистских захватчиков. В рамках расследования данного уголовного дела сотрудники прокуратуры обращаются к содержащим необходимую информацию архивным документам. К таким документам относятся различные письменные свидетельства о преступлениях нацистского режима, а также удостоверяющие личность граждан документы. Чаще всего все найденные документы плохо читаемы или практически не читаемы (т. е. содержат угасшие записи), а установление содержания данных записей критически важно для всего расследования. В таких случаях назначаются судебные технические экспертизы документов, в рамках которых документы направляются для исследования судебным экспертам Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь.

Эксперты в рамках решения вопроса об установлении содержания угасших записей имеют в наличии большой спектр методов, к числу которых относятся: фотосъемка в косопадающем освещении, видимой люминесценции, фотосъемка со светофильтрами, обработка штрихов химическими веществами и пр. К современным методам, позволяющим успешно выявлять угасшие записи, можно отнести и метод цифровой обработки изображений. Суть метода заключается в исследовании слабовидимых текстов посредством разделения полезного сигнала и фона на яркостные и цветностные составляющие в первоначальном массиве изобразительной информации с использованием программного обеспечения и компьютерных алгоритмов для обработки цифровых изображений. Реализация указанного метода может осуществляться с использованием различного программного обеспечения, поддерживающего рассмотренные цветовые системы. Наиболее эффективными и распространенными являются графические редакторы Adobe Photoshop, Amped FIVE Professional. Есть и другие, такие как GIMP, Fotor, Gravit Designer, Vectr, SVG-Edit, Inkscape, BoxySVG, Photo Pos Pro, Krita, RawTherapee.

Adobe Photoshop является самым крупным графическим редактором по своим возможностям. Это профессиональная версия, в которой можно неимоверно преобразовывать изображения. Редактор обладает огромной базой инструментов и большим функционалом, поддерживает множество форматов изображений, повсеместно распространен среди широкого круга пользователей, в связи с чем применение метода цифровой обработки изображений на его базе позволяет достичь наибольших результатов по установлению содержания угасших записей.

Одним из лучших профессиональных графических редакторов можно с уверенностью назвать и программный комплекс Amped FIVE Professional, предназначенный для криминалистической обработки и улучшения фото и видео. Amped FIVE Professional представляет собой редактор, позволяющий обрабатывать и восстанавливать, уточнять и анализировать изображения и видео простым, быстрым и точным способом с полным научным обоснованием проведенных действий. Данный специализированный комплекс обеспечивает пользователю возможность улучшать и обрабатывать изображения и видеофайлы с помощью не менее 130 различных фильтров и инструментов.

Работа в графическом редакторе заключается в применении его возможностей и их комбинировании для обработки исследуемых угасших изображений в документе. Итогом такой обработки будет являться максимальная визуализация слабовидимых или невидимых записей.

Таким образом, знание современных возможностей профессиональных графических редакторов позволяет успешно выявлять угасшие записи, что значительно упрощает расследование уголовных дел и делает более точным заключения судебных экспертов.

Воробей А. В.

ОБНАРУЖЕНИЕ И ВЫЯВЛЕНИЕ СЛЕДОВ РУК: СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ДАЛЬНЕЙШИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Воробей Анна Валерьевна, курсант 3 курса Академии Министерства внутренних дел Республика Беларусь, г. Минск, Беларусь, vorobey.anna0801@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Чванкин В. А.

След представляет собой материально зафиксированное отображение внешнего строения одного объекта (следообразующего) на другом (следовоспринимающем). В дактилоскопии следами рук принято называть отображение папиллярных узоров, которые остаются при соприкосновении рук с какими-либо предметами. Приемы и средства, применяемые для обнаружения следов, различны и зависят от характера следов и свойств следовоспринимающей поверхности. По возможности визуального восприятия следы подразделяются на: видимые, слабовидимые, невидимые.

Верно подобранные методы выявления следов рук как при осмотре места происшествия, так и в лабораторных условиях при проведении экспертиз дают возможность раскрыть преступление даже по истечении длительного

времени с момента его совершения, что не всегда возможно по другим видам следов вследствие изменения следообразующей поверхности объекта.

В криминалистике выделяют следующие методы обнаружения и выявления следов рук: визуально-оптические, физические, химические, физико-химические и микробиологические. Визуально-оптические методы выражаются в осмотре объекта невооруженным глазом, с применением различных средств и методов освещения. Сущность физических методов состоит в окрашивании бесцветных или слабовидимых потожировых следов различными порошками и их смесями, копотью пламени, жидкими красителями, физическими проявителями, а также выявлении следов рук применением ультрафиолетовых, инфракрасных и лазерных лучей. Химические методы выявления следов рук основаны на способности реактивов вступать в реакции взаимодействия с компонентами потожирового вещества и окрашивать их в тот или иной цвет. Физико-химические методы основаны на комплексном воздействии реагентов с потожировым веществом следов на основе как физических свойств, так и химических реакций.

Хотелось бы обратить внимание на физический и химический методы обнаружения и выявления следов рук как на наиболее часто применяемые в судебно-экспертной деятельности. Значительный интерес, с практической точки зрения, представляют растворы, которые позволяют выявлять следы рук на клеевых поверхностях объектов, а также на объектах, подвергшихся воздействию влаги, грязи, жира. Экспертами Государственного комитета судебных экспертиз для указанных объектов успешно используются физические методы выявления следов рук, основанные прежде всего на свойствах адгезии – окрашивание следа происходит за счет осаждения на его веществе мельчайших частиц красителя, и адсорбции – окрашивание за счет внедрения их в вещество следа.

В настоящее время в распоряжении экспертов Государственного комитета судебных экспертиз для выявления следов рук на клеевых поверхностях используются готовые суспензии черного (на основе углерода) и белого (на основе диоксида титана) цветов. Указанные суспензии в практической деятельности экспертов могут использоваться в отношении клеевых поверхностей изоляционных полимерных лент, клейких лент («скотч»), бумажных либо полимерных наклеек.

Для выявления следов рук на влажных и жирных поверхностях в настоящее время в распоряжении экспертов имеются мелкодисперсные реагенты. Указанные мелкодисперсные реагенты в практической деятельности экспертов используются в отношении поверхностей, «трудных» для порошков – влажных, поверхностей, покрытых осадками, солью, грязью, жиром, восковых покрытий. Применение для указанных поверхностей дактилоскопических порошков и кистей может испортить след. Реагенты применимы лишь для непористых поверхностей.

В процессе химического воздействия с реактивами окрашивается не все следообразующее вещество, а лишь некоторые его составные части, с которыми химическое вещество взаимодействует. В Беларуси имеющиеся в

наличии растворы позволяют использовать следующие химические методы: выявление следов рук нингидрином, ДФО, черным амидом.

Дактилоскопия, как область научных знаний, насчитывает более чем вековую историю и отличается высоким уровнем проработки теоретических и практических проблем криминалистического исследования следов рук, идентификации и регистрации лиц по отображениям папиллярных узоров. Несмотря на это, не теряют своей актуальности вопросы повышения экспертных методик обнаружения и выявления следов рук.

Изучая и создавая новые методы выявления потожировых следов рук, не следует забывать совершенствовать уже известные методы, которые проверены практикой. В свое время они также были прорывом и открытием в криминалистической науке, однако прогресс не стоит на месте и современные технологии могут существенно повысить эффективность методов, проверенных временем и не одним поколением криминалистов.

Гизовский Н. И.

СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПОРТРЕТНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Гизовский Никита Ильич, курсант Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь, nikitaxdxdxdx@gmail.com

Научный руководитель: старший преподаватель Лужинская Е. Л.

В настоящее время портретная экспертиза имеет множество возможностей, позволяющих решать вопросы о тождестве лиц как в рамках уголовного процесса, так и в частном порядке по заявлению граждан. Наиболее часто встречаемыми объектами портретной экспертизы в течение последних двух лет являются: видеозаписи с камер наружного наблюдения, на которых зафиксированы лица, совершающие преступления; видеоролики в интернет-ресурсах, запечатлившие процессы совершения правонарушений и преступлений; «скрин-шоты» страниц социальных сетей, содержащих изображений лиц и др. Основной целью портретной экспертизы является идентификация лица, запечатленного на изображениях (видеозаписях) по признакам внешности.

Современные возможности портретной экспертизы обусловлены внедрением новых программных продуктов, позволяющих автоматизировать деятельность судебных экспертов и оптимизировать временные затраты на проведение экспертиз. В связи с этим рассмотрим программные комплексы, используемые в Российской Федерации, в целях рассмотрения возможности их внедрения в судебно-экспертную деятельность Республики Беларусь.

Достаточно новым продуктом в настоящее время является автоматизированная информационная система «Портретная экспертиза». Программа обладает следующими возможностями: загрузка изображений человека с возможностью ручной корректировки (корректировка контрастности, цветности и яркости); автоматизированное масштабирование сравниваемых изображений по опорным точкам; совмещение репродукций

сравниваемых изображений посредством сечений; наложение сравниваемых изображений; автоматическое формирование отчета по результатам экспертиз. «Портретная экспертиза» является своего рода инструментом для проведения экспертиз, позволяющим упростить ряд манипуляций с изображениями, которые эксперт производил в различных графических редакторах в «ручном режиме», что было достаточно трудоемкими и времязатратным процессом.

Следующим актуальным продуктом является специализированное программное обеспечение «Visosoft», которое предназначено для проведения комплексного исследования объектов портретной экспертизы. Программа обладает способностью определения анатомических характеристик, функциями отдельного исследования и проверки на биологическую симметрию (преобладание правой либо левой половины лица), позволяет проводить оценку ракурсного положения головы. Все процедуры и манипуляции, выполняемые с изображениями, автоматически фиксируются в протоколе обработки. Также данный комплекс оснащен функциями 3D-моделирования лица человека с использованием сеточных функций и нейронных сетей. Данные функции в настоящий момент работают в тестовом режиме. Такие возможности позволяют эксперту смоделировать разнообразные дефекты лица, дотраивать изображения, получать разноракурсные изображения без искажения лица.

Подводя итог вышеизложенному, нами полагается, что рассмотренные выше программные продукты соответствуют современному состоянию методического обеспечения проведения портретных экспертиз, а их возможное использование в судебно-экспертной деятельности Республики Беларусь позволит оптимизировать процесс сравнительного исследования внешнего облика человека.

В заключение хотелось бы отметить, что в связи с цифровизацией во всех сферах жизнедеятельности общества, очень остро чувствуется необходимость в дальнейшей разработке и внедрении новейших технологий в экспертную деятельность, создании методических рекомендаций их использования и повышении квалификации самих экспертов.

Замаро Н. С.

ОСМОТР, ОБЫСК ИЛИ СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ПРОБЛЕМА ВЫБОРА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИЙ

*Замаро Наталия Сергеевна, студентка 4 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь, n.zamaro@mail.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Хлус А. М.

Расследование преступлений, совершаемых с использованием интернет-технологий предполагает деятельность следователя по сбору доказательств путем проведения действий, установленных уголовно-процессуальным законом. Эффективными и подчас незаменимыми следственными

действиями выступают осмотр, обыск и назначение компьютерной экспертизы. Их производство регламентировано нормами уголовно-процессуального законодательства. Данное обстоятельство, казалось бы, исходя из ст. 203, 208 и 226 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК), позволяет следователю без затруднений принять решение о применении любого из названных действий в своей практике.

Однако, несмотря на регулирующее воздействие уголовно-процессуального законодательства на рассматриваемые следственные действия, правоприменительная практика складывается не единообразно. Во-первых, следственные подразделения обнаруживают и исследуют электронно-цифровые следы преступлений нередко в ходе осмотра (ст. 204-1 УПК), либо с привлечением специалиста, обладающего знаниями в области реализации интернет-технологий, во-вторых, как правило, посредством назначения компьютерной экспертизы.

Что же касается выбора между осмотром и обыском (или осмотром и компьютерной экспертизой), то его проблемный характер не столь очевиден, поскольку количество правоприменителей, обладающих достаточными знаниями в области оборота компьютерной информации, в том числе реализации интернет-технологий, невелико, а правоприменитель настроен лишь на обнаружение и изъятие аппаратных компьютерных средств, их последующий осмотр или передачу эксперту для производства компьютерной экспертизы. Обозначенное обстоятельство обуславливают сокрытие от несведущих лиц проблемного характера выбора обыска по преступлениям, совершаемым с использованием интернет-технологий.

Принимая решение о производстве осмотра, обыска или назначении компьютерной экспертизы, следователь должен иметь представление о том, что необходимо осуществить (целевой критерий). Речь идет о постановке целей и задач. Отсутствие понимания следователем целей и задач следственного действия может привести к фактическому проведению другого следственного действия (например, обыска вместо осмотра) и последующему признанию протокола следственного действия недопустимым в силу требований ст. 88 и 105 УПК, а также может повлечь неполноту обследования (исследования) объекта и затруднить реагирование следователя на изменения ситуации в ходе его осуществления.

Снятию проблемы выбора между осмотром, обыском и судебной экспертизой по преступлениям, совершаемым с использованием интернет-технологий, будет способствовать четкое разграничение частных задач, решаемых указанными следственными действиями.

Задачами осмотра являются: 1) обнаружение, фиксация, изъятие, исследование и оценка материальных, в том числе электронно-цифровых, следов преступления (и получение тактической информации как результат отражения указанных следов в сознании следователя); 2) фиксация материальных признаков обследуемого объекта (и получение тактической информации как результат отражения указанных признаков в сознании следователя).

В качестве задач названной экспертизы отметим: 1) установление тождества или его отсутствия между идентифицирующим и идентифицируемым объектом (и получение тактической информации как результат отражения итогов процесса установления данного тождества или его отсутствия в сознании следователя); 2) диагностику представленного объекта и получение тактической информации как результат отражения итогов процесса диагностики в сознании следователя (конкретного явления на основе абстрактного знания о нем и в этом смысле соприкасается с обнаружением и фиксацией очевидных свойств объекта, его связей).

Задачи обыска видятся в отыскании, обнаружении (в смысле выделения объекта, найденного в процессе обыска), фиксации, изъятии, исследовании и оценке материальных, в том числе электронно-цифровых, следов преступления (и получение тактической информации как результат отражения указанных следов в сознании следователя).

Проблемный характер выбора между названными конкурирующими следственными действиями применительно к преступлениям, совершаемым с использованием интернет-технологий, обусловлен полным совпадением процессуальных и тактических целей данных следственных действий (получение и проверка доказательств, получение сведений для выдвижения и проверки криминалистических версий), а равно получением тактически значимой информации в результате постановки и решения любой из задач, стоящих перед обозначенными следственными действиями. В отдельных случаях имеет место частичное совпадение задач, стоящих перед обыском и осмотром (в части обнаружения, фиксации, изъятия, исследования и оценки материальных, в том числе электронно-цифровых, следов преступления), осмотром и судебной экспертизой (в части выделения очевидных свойств объекта, его связей).

Козелецкая Е. В.

СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ФОТОТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

*Козелецкая Елизавета Владимировна, курсант 2 курса Академии
Министерства внутренних дел Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь,
kozeleckaya14@gmail.com*

Научный руководитель: старший преподаватель Лужинская Е. Л.

Анализ экспертной практики в Республике Беларусь, показывает что за последние годы значительно увеличилось количество судебных фототехнических экспертиз, и если ранее это был довольно редкий вид исследования, то в связи с цифровизацией практически всех сфер жизнедеятельности данная экспертиза «набрала обороты» и требует как разработки новых методических материалов, так и подготовленных экспертов в данной области. В связи с этим данное направление представляется актуальным и требующим дополнительного изучения.

Для рассмотрения современных тенденций в данном виде исследования, необходимо уяснить, какие классические задачи решает судебная

фототехническая экспертиза. Так, к наиболее распространенным относят: отождествление фото- и видеоаппаратуры; участков местности, помещений, предметов, по негативам и позитивам (для аналоговой фотографии); выявление фотографического монтажа и ретуши; установление размеров объекта и расстояний между ними и др.

Как правило, фототехническую экспертизу назначают в тех случаях, когда необходимо установить данные, которые зафиксированы на фотоизображениях в латентном (неявном) виде. К примеру, когда необходимо установить по слабовидимому изображению содержание регистрационных знаков, воспроизвести материальную обстановку места происшествия, определить расстояние между зафиксированными на изображениях предметами. Во всех случаях объектом исследования являются фотографии, фотоматериалы и, конечно же, технические средства, которые применялись.

Современные цифровые средства фотосъемки позволяют оперативно получать фотоснимки без «мокрого» фотопроцесса. Распространенная до недавнего времени фототехнология, которая основывалась на использовании свойств галогенидов серебра, в настоящее время имеет ограниченную сферу деятельности, что непосредственно связано с внедрением в нашу жизнь цифровых фотографических технологий, разработанных для обеспечения высокого качества изображений. В качестве объектов фототехнической экспертизы в настоящее время в основном поступают графические файлы, содержащие изображения, и цифровые видеозаписи (кадры видеозаписей).

Для исследования современных объектов, эксперту необходимо помимо специальных познаний в области фототехнической экспертизы обладать глубокими навыками работы с программными продуктами, такими как Adobe Photoshop, Adobe Primer, Mask Pro, Picasa, PhotoZoom Pro и пр. Практика показывает, что бывают случаи, когда эксперты-фототехники прибегают к комплексному подходу решения задач фототехнической экспертизы. Так, для определения наличия либо отсутствия монтажа цифровых изображений применяют формальные методы (использующие математический аппарат программного обеспечения), аналитические (анализ содержащихся данных в файлах) и эмпирические (визуальный анализ). Эксперты в области компьютерно-технических экспертиз исследуют графические файлы при помощи формальных и аналитических методов, эксперт-фототехник проводит визуальный анализ, в ходе которого оценивает: естественность композиции изображения, пропорциональность частей изображений, перспективное соответствие и одинаковый ракурс всех деталей изображения, одинаковые условия освещения объектов, распределение теней и световых бликов, одинаковую степень резкости и др.

Подводя итог вышеизложенному, необходимо отметить, что судебная фототехническая экспертиза является перспективным направлением в Республике Беларусь и требует наполнения ее новым содержанием в условиях фототехнологического прогресса, разработки новых методических рекомендаций и повышения квалификации экспертов-фототехников с ориентированием на исследование изображений программно-аппаратными методами.

Кривицкая А. А.
НОВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ЗАЩИТЫ ОТ ПОДДЕЛКИ БИОМЕТРИЧЕСКОГО
ПАСПОРТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

*Кривицкая Алеся Андреевна, курсант 3 курса Академии Министерства
внутренних дел Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь,
akrivickaa254@gmail.com*

Научный руководитель: старший преподаватель Лосева В. Г.

С развитием современных технологий все большее количество стран стало переходить на биометрические документы, содержащие в своем составе микрочип, в который внедряется информация о владельце документа, а также его биометрические характеристики, такие как отпечаток пальца или изображение сетчатки глаза, например.

Внедрение биометрических технологий в Республике Беларусь вышло на принципиально новый уровень после введения в обращение с 1 сентября 2021 г. в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 16.03.2021 г. № 107 биометрических документов, удостоверяющих личность, и биометрических документов для выезда из Республики Беларусь и (или) въезда в Республику Беларусь. Таким образом, на сегодняшний день, в Республике Беларусь в соответствии с изменениями и дополнениями, внесенными в Указ Президента Республики Беларусь от 03.06.2008 г. № 294 «О документировании населения Республики Беларусь» имеются следующие биометрические документы: идентификационная карта гражданина Республики Беларусь, биометрический вид на жительство в Республике Беларусь иностранного гражданина, биометрический вид на жительство в Республике Беларусь лица без гражданства, биометрический паспорт гражданина Республики Беларусь, биометрический дипломатический паспорт гражданина Республики Беларусь, биометрический служебный паспорт гражданина Республики Беларусь, биометрический проездной документ.

Новый документ Республики Беларусь, который будет применяться для пересечения государственной границы, обладает большим количеством новых средств и элементов защиты в целях предотвращения его возможной подделки. К таковым относятся:

1) наличие в паспорте поликарбонатной страницы с установочными данными;

2) применение технологии лазерного гравирования одновременно со струйной печатью для воспроизведения персональных данных владельца документа. При использовании метода лазерного гравирования персональная информация не печатается на поверхности поликарбоната, а внедряется внутрь материала в результате воздействия лазерного луча на слои поликарбоната, в которых имеются частички черного пигмента (сажи). Таким образом, прозрачные слои без частичек черного пигмента остаются прозрачными, в то время как в слое с пигментом в результате воздействия лазерного луча происходит карбонизация (обугливание);

- 3) вместо механической перфорации номер паспорта на страницах будет воспроизводиться способом лазерной перфорации (лазерным лучом);
- 4) внедрение новой, усовершенствованной УФ-защиты страниц и нити сшива;
- 5) применение OVI-краски (краски, изменяющей свой цвет в зависимости от перемены угла зрения) для нанесения знака микрочипа в паспорте;
- 6) УФ-отверждаемые чернила, которыми наносится многократно повторяющийся бесцветный микротекст «BLR», фамилия и имя владельца документа на верхнем слое поликарбонатного листа-вставки с установочными данными и другие (рис. 1).

Рис. 1. Вид защитных элементов биометрического паспорта Республики Беларусь

Вышеописанные средства защиты призваны повысить степень защиты нового биометрического паспорта от подделок и уменьшить, таким образом, количество преступлений, связанных с его незаконным изготовлением.

Крюковская А. А.

НАСТУПЛЕНИЕ СМЕРТИ ПРИ НЕОКАЗАНИИ ИЛИ НЕНАДЛЕЖАЩЕМ ОКАЗАНИИ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ

*Крюковская Анна Александровна, студентка 4 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
anna.krukovskaya.00@inbox.ru*

Научный руководитель: канд. мед. наук, доцент Кухарьков Ю. В.

Сущность медицинской помощи (далее – МП) заключается в действиях, направленных на сохранение, укрепление и восстановление здоровья человека, сохранение его жизни. Неоказание медицинской помощи нуждающемуся в ней человеку, а также недостатки (дефекты) при оказании МП могут повлечь за собой смерть человека. Признается, что правовая оценка и проведение расследования в случаях такого неблагоприятного исхода представляет собой определенную сложность. Это связано с необходимостью анализа содержания действий медицинского работника, выделения причинной связи,

когда бездействие или ненадлежащие действия медицинского работника могли повлечь смерть лица, нуждающегося в медицинской помощи.

Рассмотрим возможные ситуации (модели), когда неоказание МП либо ее ненадлежащее оказание находится в связи с наступлением смерти человека.

Неоказание МП, в соответствии со ст.161 Уголовного кодекса Республики Беларусь, определяется как бездействие без уважительных причин медицинского работника (иного лица, обязанного оказывать МП в соответствии с законодательством) в отношении лица, которое очевидно нуждается в оказании МП, т.е. явно имеет травму или заболевание. Требуется учитывать, что МП представляет собой не только лечение, но и диагностику, профилактику, протезирование, реабилитацию (в соответствии с Законом Республики Беларусь «О здравоохранении»). Это означает, что если врач осмотрел пациента или даже только спросил о самочувствии и далее не проводил никаких необходимых мероприятий для сохранения жизни, то в этом случае МП уже оказана, пусть даже ненадлежащим образом. Исходя из этого, полагаем, что как исчерпывающие примеры ситуаций (моделей) неоказания МП может быть неявка медицинского работника по вызову или отказ от общения с больным.

Ненадлежащее оказание МП, повлекшее смерть пациента, следует рассматривать как ненадлежащее выполнение профессиональных обязанностей медицинским работником по ст. 162 УК Республики Беларусь. Полагаем, что возможно выделить несколько моделей, когда дефекты МП влекут смерть пациента: 1) при наличии у пациента травмы или заболевания хирургическое вмешательство выходит за пределы необходимого и вызывает ненужное для лечения повреждение, приводящее к смерти (например, вследствие хирургических манипуляций происходит случайное повреждение кровеносных сосудов, приводящие к кровотечению и наступлению из-за этого смерти пациента); 2) дефекты МП провоцируют новое заболевание, влекущее за собой смерть пациента (например, возникновение сепсиса (заражения крови) при нарушении правил асептики); 3) когда имеются все условия для установления правильного диагноза, однако не выявлен патологический процесс, вследствие которого наступает смерть, а оказание МП осуществлялось по поводу другого заболевания (например, не установлен диагноз острого аппендицита, при имеющихся у пациента признаках пневмонии, вследствие этого наступление смерти от перитонита); 4) должное наблюдение за состоянием пациента отсутствует, вследствие чего течение имеющегося патологического процесса утяжеляется и возникают патологические осложнения, что приводит к смерти пациента. Как вариант, пациенту, находящемуся в тяжелом состоянии установлен правильный диагноз, однако не выполняется профилактика и лечение обострений или осложнений заболевания, вследствие которых наступает смерть. Например, за пациентом с артериальной гипертензией не осуществляется регулярный контроль за изменениями артериального давления, его резкое повышение привело к кровоизлиянию в вещество головного мозга, от чего и наступила смерть; 5) к смерти пациента приводят неправильные действия медицинского

работника по контролю за поведением пациента при оказании МП (например, длительной фиксации пациента с психическим расстройством привела к развитию сердечно-сосудистой недостаточности); б) отсутствует надлежащий контроль за поведением пациента при оказании МП, когда смерть наступает от несчастного случая. Например, врач, изучая результаты рентгенографии, не замечает, что пациент, изначально находившейся в бессознательном состоянии, начал шевелиться, упал с каталки и получил смертельную черепно-мозговую травму.

Таким образом, в случае смерти лица, нуждающегося в МП, при проведении предварительного расследования следует выделять модели:

при неоказании медицинской помощи: 1) неявка медицинского работника по вызову; 2) отказ медработника от общения с больным;

при ненадлежащем оказании МП: 1) причиняются повреждения сверх необходимых; 2) возникают приводящие к смерти осложнения; 3) не выявлено заболевание (травма), приведшее к смерти; 4) отсутствует контроль за состоянием или поведением пациента, либо такой контроль проводится ненадлежащим образом.

Кузнецова Е. Н.

ЦИФРОВЫЕ СЛЕДЫ В КРИМИНАЛИСТИКЕ

Кузнецова Елизавета Николаевна, студентка 3 курса Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева, г. Екатеринбург, Россия, kuznetsova.elizaveta.nikolaevna@gmail.com

Научный руководитель: старший преподаватель Матвеев М. М.

Современное общество не может существовать без «цифры»: мы все время находимся в цифровом пространстве. Именно это неосознанное цифровое пространство в XXI в. для криминалистики и для борьбы с преступностью в целом является основным источником «следовой картины» последствий преступного деяния. При совершении преступлений в сети Интернет непосредственный контакт преступника и потерпевшего в большинстве случаев исключается. Полностью уничтожить следы пребывания в коммуникационной сети невозможно, но существуют современные новые способы маскировки, поэтому каждый год растет преступность в информационной сфере. Согласно статистике МВД о состоянии преступности за январь–август 2022 г. зарегистрировано 334,1 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации. К таким преступлениям относятся распространение экстремистской и иной запрещенной информации посредством сети Интернет, участие в схемах кражи электронных денег, Интернет и SMS-мошенничества, участие в группах смерти и т. д. Однако криминалистика не стоит на месте и находит новые приемы и способы раскрытия преступлений.

Новые объекты экспертного исследования возникли в связи с развитием цифровых технологий, поскольку информация об объектах сохраняется в

компьютерных средствах и системах в неявном виде, и для обеспечения возможности ее восприятия необходимо использовать специальные средства.

Соответственно, перед следователем в процессе операций по обнаружению, фиксации и изъятию цифровой информации возникает дополнительная задача, т. е. ему необходимо определить распространение потенциальной доказательственной информации, что предполагает идентификацию ее источника.

Поисковая деятельность следователя заключается в собирании доказательственной и ориентирующей криминалистически значимой информации, получить которую можно следующими способами:

- с использованием технических средств (таких как ПК, ноутбук, электронный планшет и др.) осуществляется поиск информации для посещения страницы пользователя социальной сети (в данном случае следствие интересуется ID);

- в соответствии с ч. 7 ст. 185 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК) следователь по решению суда вправе провести осмотр и выемку сведений, которые могут содержаться в электронных сообщениях или иных передаваемых по сетям электросвязи сообщениях; однако ст. 186.1 УПК позволяет лишь получить информацию о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, поэтому актуальным становится так называемое электронное «наблюдение» – производство, которое в настоящее время недостаточно регламентировано законодателем.

- поиск информации о пользователях социальной сети и (или) мессенджеров осуществляется с помощью электронно-вычислительных мощностей.

Таким образом, цифровой след представляет собой криминалистически значимую компьютерную информацию о событиях или действиях, отраженную в материальной среде в процессе ее возникновения, обработки, хранения и передачи. Говоря о проблемных вопросах изъятия цифровых следов, стоит отметить, что процедура фиксации и изъятия таких следов из социальных сетей и мессенджеров требует определенного порядка, связанного со спецификой данных объектов. Несоблюдение правил работы с такими доказательствами может привести к признанию полученных цифровых данных из сети Интернет или электронных носителей информации недостоверными и, как следствие, недопустимыми доказательствами по делу.

Ломако В. А.

ГРАФОЛОГИЯ: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ломако Валерия Александровна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, lerslomako20@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Хлус А. М.

Графология в широком понимании является областью знаний, изучающей личность, ее характер на основе почерка, его особенностей и закономерностей развития. Графология в криминалистическом понимании

представляет собой отрасль криминалистического знания, которая изучает личность и характер лица по его почерку для противодействия преступной деятельности. Графология как отрасль знаний впервые появилась в XVII в. и закрепилась благодаря первой исследовательской работе итальянского врача К. Бальди в 1622 г. Однако основателем графологии как науки считается французский аббат Жан-Ипполит Мишон, который ввел сам термин «графология». Можно ошибиться, предположив, что графология и криминалистическое исследование почерка представляют собой схожие учения.

Криминалистическое исследование почерка представляет собой отрасль криминалистической техники, основанную на научных положениях, которая позволяет с помощью анализа почерка установить принадлежность исследуемого объекта лицу, которое оставило на нем след в виде рукописного текста с целью расследования и раскрытия преступного деяния. Графология в криминалистике не признается наукой, а лишь совокупностью знаний о связи личности и почерка. Исследователи до сих пор не могут разрешить споры о ее полезности.

Криминалистическое исследование почерка как системный элемент криминалистической науки закрепился не только благодаря категорийному аппарату понятий, связанных с почерком (общие признаки почерка: направление линии, форма линии, размер интервалов, наклон, размер почерка; частные признаки почерка: сложность движений, относительное размещение движений и т. д.), но и благодаря широкому практическому применению данного явления для расследования и раскрытия преступлений. Такая техника требует небольших ресурсов, что повышает ее актуальность при работе с доказательствами.

Графология как отрасль знаний об особенностях личности, которые могут отражаться в почерке (анализ наклона линии, размера почерка, его разгона, степени связности и т. д.) вызывает множество споров и дискуссий среди различных исследовательских учреждений. Возникает вопрос: можно ли применять графологию в качестве одного из способов криминалистического анализа личности?

Криминалистическое исследование почерка применяется с начала XX в. На основе научных положений исследователи почерка на протяжении ста лет анализируют почерк с целью расследования и раскрытия преступлений. В основном данной отраслью криминалистической техники занимаются государственные организации. Например, в США криминалистическим исследованием почерка занимается специальный отдел ФБР, в Республике Беларусь – Государственный комитет судебных экспертиз. Графологическое исследование почерка не проводится в данных учреждениях, однако, исследованием качеств личности по почерку занимаются многие зарубежные коммерческие организации, в которых исследователи зачастую имеют образование психолога.

Такие ученые-психологи распространяют учение о графологии как о науке, изучающей связь почерка и личности лица (Т. Вальнер, В. Мюллер, Х. Хоффман), утверждая, что графология является сформированной

отраслью знания, которая доказала свою практическую ценность и может быть использована для эффективного применения в различных сферах.

Другие исследователи в области криминалистики (Е. Ф. Буринский) отрицают возможность применения графологии для определения точного психологического анализа лица, совершившего преступление, но подчеркивают полезность науки в качестве популистского движения для «лиц, желающих изучить свойство почерка». Практическое применение графологии нашла в сфере подбора персонала. При исследовании эффективности ее применения выяснилось, что графологи присутствуют в штате международных компаний в отделах кадров и используют свои знания о взаимосвязи личности и почерка для найма персонала, соответствующего критериям, которые предъявляются руководителем организации.

Исследованием установлено, что графология как совокупность знаний о связи почерка и свойствах личности лица находится на стыке между психологией и криминалистикой. Вопрос о возможности ее применения для борьбы с преступностью не может быть разрешен, так как отсутствуют научные доказательства о том, что графология не является псевдонаукой. Ввиду данного положения мы видим неэффективным применение графологии в практической деятельности правоохранительных органов, однако, думаем, что ее использование при изучении учебной дисциплины «Криминалистика» может быть полезным для популяризации криминалистического исследования почерка.

Лузгин И. И., Серeda А. Е.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕЙРОННЫХ СЕТЕЙ В КРИМИНАЛИСТИКЕ

Лузгин Иван Иванович, аспирант кафедры криминалистики Белорусского государственного университета, luzgin@bsu.by

Серeda Александр Евгеньевич, студент 3 курса Белорусского государственного университета, sereda1993law-minsk@yandex.by

Научный руководитель: канд. юрид.н, доцент Хлус А. М.

Специализированные типы человеческого мышления и криминалистическое в частности как имеющие под собой биологическую основу базируются на электромагнитном и химическом ионном синапсическом взаимодействии точек нейронов головного мозга. Организация искусственного интеллекта базируется не на биологической основе и не вполне на тех же физических принципах, что и человеческий мозг, а исходит из копирования лишь системы его функциональных свойств. Это позволяет искусственному интеллекту осуществлять обработку информации на основе сходных принципов обработки информации. В силу этого создание искусственных нейронных сетей – это не только начальный этап развития искусственного интеллекта и эффективный способ его организации, но и оптимизация внедренческих констант, отражающих достигаемое качество решений в соотношении с уровнем затрат. Для отраслей знания, связанных с правом, как и для криминалистики,

искусственные нейронные сети есть не что иное как программные и аппаратные комплексы различных уровней обработки и обмена данными в условиях развитой структуры и логики взаимодействия, обеспечивающих решение тех или иных задач.

Надежность и выбор именно такого рода внутренней архитектуры искусственного интеллекта и искусственных нейронных сетей обуславливают простота элементов (искусственных нейронов), их взаимозаменяемость и взаимосвязь. Любой кластер информации, полученный и уходящий в сеть, сопоставляется с другими, генерируя решение задач. Искусственная сеть, работая таким образом, относительно проста и множество ее уровней и слоев (уровней оценки, проверки и контроля), обеспечивает многофакторный учет любых факторов и их аспектов, позволяя оптимизировать процессы решения задачи по автоматизации криминалистического обеспечения расследования преступлений.

Основным качеством искусственных нейронных сетей является их способность к адаптивному ситуационному обучению. Это выражается в выдаче общих принципов и правил анализа данных и предоставления данных для обучения. Работа искусственной нейронной сети основана на интеллектуальном эвристическом анализе данных, более эффективном, чем методы математической статистики в большинстве криминалистических программных комплексов. В этом плане искусственные нейронные сети аналогичны по характеру действий человеку, так как позволяют выявлять скрытые, неочевидные связи и закономерности. Значимым качеством искусственных нейронных сетей является и их устойчивость к информационным шумам, к дезинформации, на основе реализации эвристических операций при обработке входящей информации. Этим обусловлено и низкое число ошибок и их дальнейшее снижение при увеличении объема сетевой информации на основе перекрестного контроля алгоритмов обучения и извлечения неочевидных связей и скрытых данных. При этом обучаемость как процесс есть и достоинство, и недостаток искусственных нейронных сетей, так как поступательное снижение ошибок и накапливание сетью опыта решений разнообразных задач влекут за собой снижение как скорости обучения так и необходимости увеличения объема информации, входящей в сеть. Тем не менее потенциал искусственных нейронных сетей достаточен для того, чтобы он мог быть реализован в следующих направлениях решения правоохранительных задач: оценка исходной информации и следственных ситуаций по уголовным делам в целях выдвижения следственных версий, направлений их проверки; моделирование ситуационных следовых картин преступлений на основе неполных данных и базы, данных массива ранее расследованных уголовных дел; выявление признаков серийности в условиях информационной недостаточности и предложение вариантов действий следователя по проверке следственных версий; увеличение эффективности почерковедческих и габитоскопических исследований на основе распознавания образов, позволяющих автоматизацию выявления признаков подлога и подделки; поиск недоступных

криминалистическому программному обеспечению компьютерных файлов, скрытых, например, при помощи стеганографии или альтернативных потоков данных, установление первичного источника информации в сети; дополнительная оценка достоверности и полноты собранных доказательств для предъявления обвинения; прогнозирование преступлений, на основе анализа признаков совершенных преступлений с точки зрения их локализации, социальных характеристик участвующих лиц и данных средств массовой информации; стратегическое планирование, отражающее развитие региональной оперативной обстановки; характер формирования каналов незаконной поставки объектов, изъятых из гражданского оборота и др.

Искусственные нейронные сети могут быть интегрированы в форме технологий в непосредственную криминалистическую практику системы технико-криминалистического обеспечения расследования на основе актуальных технологий при использовании их возможностей на основе активизации процесса участия в становлении этого как практиков, так и ученых-криминалистов.

Мешечко Л. А.

ЛИНИЯ ПОВЕДЕНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТАКТИКИ

*Мешечко Любовь Александровна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
lyubovmeshechko301@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Красиков В. С.

В качестве одного из элементов криминалистической тактики Р. С. Белкин выделяет линию поведения. Существуют различные позиции относительно определения данного понятия, однако единство в данном вопросе достигнуто не было. Так, О. Я. Баев отождествляет линию поведения с тактическим приемом. Недостаток этой позиции заключается в том, что ее сторонники не разъясняют сущность линии поведения как формы тактического приема и ее отличие от способа действия.

В толковом словаре под линией понимается направление, образ действий, взглядов. Поведение определяется как система взаимосвязанных действий, осуществляемых субъектом с целью реализации определенной функции и требующих его взаимодействия со средой. Способ действия – это тот или иной порядок, метод в исполнении какой-нибудь работы, в достижении какой-нибудь цели.

Л. Е. Чистова определяет линию поведения как возможность держать себя в общении с участниками уголовного производства, быть вежливым, корректным, тактичным и проявлять участие к его судьбе. Безусловно, все вышеперечисленное позволит установить психологический контакт, однако эти вопросы относятся к этике и воспитанности. В данном случае речь идет о манере поведения, но никак не о линии поведения.

А. С. Князьков разграничивает линию поведения и способ действия лишь по объему. Для линии поведения характерна совокупность поведенческих актов, в то время как способ поведения (действия) выступает как отдельный поведенческий акт. Исходя из изложенного, линия поведения и способ действия рассматриваются как целое и часть. В связи с этим возникает противоречие в определении тактического приема как целесообразного способа действия или линии поведения.

По нашему мнению, исследование линии поведения должно осуществляться комплексно. В самом общем виде линию поведения, на наш взгляд, можно представить как определенные алгоритмы взаимодействия с целью установления и поддержания межличностных отношений с интересующим субъектом. Использование той или иной линии поведения позволяет сформировать у участника уголовного процесса такое состояние, при котором лицо воспринимает информацию, предоставляемую следователем, лицом, производящим дознание, например, о ходе расследования, наличии доказательств виновности, как правду. При этом в отношении участника уголовного процесса применяется психологическое, интеллектуальное, волевое, организационное воздействие, не запрещенное законодательством.

Линия поведения проявляется в поведении лица, ведущего уголовный процесс, в процессе взаимодействия с иным участником уголовного процесса. Выбор правильной линии поведения позволяет установить психологический контакт с допрашиваемым. Например, линией поведения можно считать демонстрацию осведомленности (неосведомленности) об обстоятельствах расследования в процессе производства следственных действий или проведения оперативно-розыскных мероприятий. Целями избрания линии поведения является убеждение к необходимости сотрудничества с должностным лицом государственного органа либо дезориентации его относительно возможностей, направлений и аргументации расследования.

Для формирования единого подхода к определению линии поведения следует использовать системный подход в рамках криминалистической и оперативно-розыскной тактики.

Миронюк Е. А.

ИНТЕРНЕТ КАК СРЕДСТВО ВЛИЯНИЯ НА ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИКОВ

*Миронюк Егор Александрович, курсант 2 курса Академии Министерства
внутренних дел Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь,
mironukegor@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Шаматульский И. А.

Проблема нелегального оборота наркотиков в сети Интернет является довольно актуальной, учитывая большой спрос на наркотические средства во всем мире и соответствующее данному спросу предложение, обусловленное

огромными прибылями наркоторговцев. Эта проблема имеет место и в Республике Беларусь. В настоящий момент в Республике Беларусь около 95 % сбыта наркотиков осуществляется через Интернет. Если в период 2016–2017 гг. через виртуальное пространство осуществлялось порядка 60 % сбыта наркотиков, то в 2021–2022 гг. этот показатель приблизился к максимальному. Данное обстоятельство увеличивает латентность таких преступлений. За последнее время органами внутренних дел была пересечена деятельность 11 интернет-магазинов, размещавшихся в теневом сегменте сети Интернет и занимавшихся сбытом наркотиков преимущественно на территории города Минска и Минской области.

Сеть Интернет является мощным средством воздействия на потребление наркотических средств и их аналогов. Свободный и практически неконтролируемый доступ к информации пронаркотического и антинаркотического типа является существенной особенностью сети. Учитывая, что на сегодняшний день такая система нелегальных сделок уже давно приобрела глобальный масштаб, говорить об онлайн-торговле наркотиками в рамках одного конкретного государства не представляется возможным. Дилеры, используя возможности сети Интернет, организовали интернациональную доставку наркотиков (их аналогов) почтой или курьерской службой. Люди, которые торгуют нелегальными товарами, являются отличными конспираторами. Именно поэтому их сайт едва ли можно найти в поисковой выдаче Google и Yandex. Помимо своего интернета, они создают свои порталы и магазины по незаконному сбыту наркотиков. Они уже давно обосновались в анонимной сети Tor (The onion router, «Луковая маршрутизация»), которая позволяет пользователям сохранять анонимность в интернете при посещении запрещенных в разных странах сайтов, при публикации материалов и отправке сообщений. Используя различные торговые площадки, пользователи могут легко найти практически любой наркотик, зайдя в сеть Интернет. На сайте в сети Интернет размещается вся информация о предлагаемом наркотике, а также способах связи и оплаты. Передача наркотиков осуществляется через системы тайников («закладок»), расчеты за сделку посредством различных электронных платежных систем («Яндекс. Деньги», «WebMoney», «E-port») с использованием виртуальных денег. Система вербовки и проверки их новых участников, зарекомендовавших себя на различных интернет-форумах, а также незнание нижестоящими участниками вышестоящих является особенностью таких сетей сбыта наркотиков. Это обуславливается не только рекламой в сети Интернет, но и желанием людей быстро и легко получить деньги. Особенно причастна к этому молодежь, которая еще полностью не осознает серьезность данной проблемы и ведется на уловки наркоторговцев. Кроме того, участие молодых людей в подобном наркобизнесе связано еще и с трудным финансовым положением, отсутствием постоянного заработка.

В данных системах есть своя иерархия, где у каждого участника преступной деятельности есть своя функция, детально продумана система безопасности. В таких преступных структурах, как правило, есть

«закладчики» («дропы»), «вербовщики», «мини-кладовщики», «кладовщики», «курьеры», «операторы» («дроповоды»), «кураторы», «финансовый директор», «хакер», «старший». Все вышеперечисленные участники данной системы общаются между собой при помощи различных интернет-приложений, таких как «Whatsapp», «Viber», «Skype», «ICQ», «Telegram», «Discord» и др. Каждый участник знает как правильно фасовать, хранить и перевозить наркотические средства, делать «закладки», общаться с потребителями наркотиков, безопасно пользоваться электронными счетами и обналичивать денежные средства, как вести себя в случае задержания сотрудниками правоохранительных органов. Ряды нижестоящих звеньев постоянно пополняются посредством ведения грамотной «вербовочной» работы в сети Интернет различными способами, например, обещанием высокого дохода.

Таким образом, учитывая наибольшую подверженность молодежи вовлечению в наркоманию, следует уделить этому большое внимание: активизировать мероприятия по организации действенной государственной поддержки массовых видов спорта и созданию условий для вовлечения детей и подростков в систематические занятия спортом и физической культурой по месту жительства; пропагандировать здоровый образ жизни, в том числе в средствах массовой информации, проводить профилактические мероприятия о вреде наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов.

Орочко Е. Д.

БРЕНД-СКВОТТИНГ КАК НЕИЗУЧЕННОЕ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЕ

Орочко Екатерина Дмитриевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, kateorochko@icloud.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Красиков В. С.

С развитием информационно-коммуникационных технологий на территории Республики Беларусь возросло число киберпреступлений. Несмотря на то, что государством проводится целый ряд мер по предупреждению преступлений с использованием информационных технологий, мошенники находят новые сферы и способы посягнуть на права и законные интересы граждан. На сегодняшний день одной из таких сфер является интеллектуальная собственность, а также результаты интеллектуальной деятельности. Так, новым преступлением для Республики Беларусь стал бренд-сквоттинг или патентный троллинг, представляющий собой деятельность по противоправному завладению чужими товарными знаками, получению патентов или доменных имен. Целью данных противоправных действий является не организация и развитие собственного бизнеса, а возможность через юридические инструменты запрещать использование зарегистрированного товарного знака и/или запатентованного решения третьим лицам, а в последующем и требования вознаграждения. Так, бренд-сквоттеры выбирая цель, как правило, это известный и хорошо узнаваемый среди населения товарный знак, регистрируют его в патентном

органа своего государства и далее требуют от законного владельца товарного знака вознаграждение за использование фактически чужого результата интеллектуальной деятельности. С патентами схема действий отличается по сравнению с незаконным завладением товарными знаками или доменными именами. Так, зарегистрировав патент, удостоверяющий исключительное право, авторство и приоритет изобретения, правонарушители предъявляют письменные претензии истинным производителям с требованиями о прекращении незаконного использования запатентованного изделия с выплатой возмещения ущерба (вреда), нанесенного законному патентообладателю. Далее, правонарушители предъявляют предложения по оформлению лицензионного соглашения для дальнейшего использования патента или о выкупе патента.

Бренд-сквоттинг, посягающий на объекты интеллектуальной собственности, влечет в настоящее время несколько видов ответственности: гражданско-правовую, административную и уголовную. На сегодняшний день законодателем Беларуси закреплена административная преюдиция за данный вид посягательства на права владельца того или иного объекта интеллектуальной собственности. С одной стороны, законодатель Республики Беларусь предусмотрел все возможные варианты по защите прав владельцев объектов интеллектуальной собственности, но с другой, данный вид противоправной деятельности в сфере интеллектуальной собственности очень сложно доказывается в процессуальном отношении. В связи этим потерпевшей стороне зачастую легче заплатить сквоттеру требуемое вознаграждение, нежели прибегать к помощи правоохранительных органов, а позже и к судебным тяжбам. Такое поведение, зачастую усложняют процесс расследования преступления, а в последующем и привлечения виновного к ответственности.

В рамках криминалистического предупреждения такого рода правонарушений в сферах высоких технологий (в Интернет-пространстве и с использованием компьютерной техники), а также интеллектуальной собственности, полагаем необходимым:

1) изучение и принятие процессуальных решений по материалам относительно бренд-сквоттинга, связанным с использованием товарных знаков в Интернете, разрешать во взаимодействии с Всемирной организацией интеллектуальной собственности (ВОИС), позиция которой основывается на защите реального обладателя интеллектуального продукта;

2) представляется целесообразным разработать в уголовном законодательстве Республики Беларусь четкое регламентирование ответственности за такой вид преступной деятельности (мошенничество или вымогательство, или др.), а также за неправомерное завладение объектами интеллектуальной собственности и их способами;

3) представляется целесообразным разработать особую отрасль криминалистики (компьютерную), в сфере которой разработать общую методику расследования данной категории преступлений исходя из особенностей следообразования в механизме преступной деятельности.

Павловская Д. А.

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ
С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ ПОРНОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ
В ГЛОБАЛЬНОЙ КОМПЬЮТЕРНОЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ**

*Павловская Дарья Андреевна, студентка 4 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
pavlovskayaadarya2001@mail.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Абдурахманов А.А.

В настоящее время примерно 61 % мирового населения имеет регулярный доступ к глобальной компьютерной сети Интернет (далее – Интернет). При этом подавляющее большинство людей является обладателями смартфона, а некоторые имеют также планшет или компьютер. Ежедневно мы обмениваемся десятками изображений, видеороликов, ссылок. Но как часто мы задумываемся о том, каково содержание передаваемых нами объектов? Размещая на своих страницах в социальных сетях и распространяя те или иные материалы, люди зачастую не задумываются, что их действия могут являться противоправными и, соответственно, влечь за собой предусмотренные законодательством меры юридической ответственности. В частности, это касается случаев, когда такие материалы содержат те или иные элементы порнографии. В связи с этим необходимо раскрыть, что под распространением порнографических материалов законодателем понимается доведение любым способом до сведения хотя бы одного лица порнографических материалов с нарушением установленных правил.

С учетом развития информационных технологий в целом и Интернета в частности способы распространения порнографических материалов могут быть различными: размещение их на сайтах, отправка, пересылка с использованием Интернета и др. Например, гражданин с использованием компьютера в одной из социальных сетей осуществляет пересылку картинки, содержащей элементы порнографии, своему другу и таким образом осуществляет распространение порнографических материалов. В том случае, если лицо осуществляет так называемый «репост» в социальной сети, это можно расценивать в качестве распространения, поскольку алгоритм работы социальных сетей предусматривает демонстрацию «репоста» иным сетевым пользователям. В связи с этим, чем больше «репостов» на записи в социальной сети, тем больше пользователей ее увидит. Необходимо подчеркнуть, что особую опасность представляет распространение в Интернете порнографических материалов с участием несовершеннолетних лиц, поскольку порнография с участием несовершеннолетних незаконна в любом случае, что является отличным от взрослой порнографии, которая может быть ограничена, но не запрещена в некоторых странах (Дания, Норвегия и др.).

Расследование преступлений, связанных с распространением порнографических материалов в Интернете, имеет особенности ввиду

особого характера компьютерной информации. Интернет является благоприятной средой для совершения преступлений. Использование Интернета облегчает обмен порнографическими материалами и их распространение, так как спектр действий, совершаемых пользователем в отношении каждого объекта, достаточно широк (загрузка, пересылка, удаление и т. д.). При этом все то, что однажды попадает в Интернет, навсегда остается в Интернете. Это способствует выявлению преступлений, связанных с распространением порнографии. Следует отметить, что при расследовании данной категории преступлений необходимо обязательное участие специалиста. Успешный исход в расследовании и раскрытии рассматриваемых преступлений зависит от уровня технического оснащения и подготовки оперативных сотрудников в части информационных технологий.

При расследовании таких преступлений могут проводиться различные следственные действия, но наиболее важное значение для данной категории дел имеют осмотр, обыск, выемка, назначение экспертизы и следственный эксперимент. В свою очередь, криминалистически значимая информация может находить свое отражение в различных формах: сообщение (скриншот сообщения), сайт, страница в социальной сети в Интернете, что порождает вопрос о том, к какому виду доказательств информацию такого рода следует отнести? Необходимо подчеркнуть, что было бы целесообразно урегулировать детальный порядок изъятия электронной информации.

В завершение следует отметить, что распространение порнографических материалов в Интернете стало проблемой не только национального уровня, но и международного масштаба, а ее решение требует постоянного совершенствования форм и методов выявления таких преступлений. Эффективность расследования и раскрытия преступлений в данной сфере во многом зависит от наличия полноценно выстроенной системы оперативно-розыскных мероприятий. Важную роль играет и криминалистическая методика, избираемая для расследования преступлений, связанных с распространением материалов порнографического характера.

Пархомцева А. И.

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОИЗВОДСТВА ДОПРОСА МАЛОЛЕТНИХ, ПОТЕРПЕВШИХ ОТ НАСИЛИЯ

*Пархомцева Анна Ивановна, студентка 5 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь, annik_1997@mail.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Красиков В. С.

Допрос остается важнейшим процессуальным действием, которое имеет весомое значение для выяснения обстоятельств совершенного преступления и изобличения виновной стороны. Один из актуальных серьезных вопросов, который относится к данному процессуальному мероприятию, – допрос несовершеннолетних, в отношении которых применяется насилие, в том числе при совершении преступлений против половой неприкосновенности и свободы.

Любое насилие в жизни ребенка несет колоссальную опасность в его дальнейшем психоэмоциональном становлении личности и адаптации в социуме. По этой причине в рамках уголовного процесса необходимо решать три проблемы: 1) получить достоверную информацию относительно криминального события; 2) установить обстоятельства поведения и воспитания до криминального события; 3) оказать необходимую психологическую помощь, в том числе с привлечением к процессу педагогов и психологов, так как несовершеннолетний, ставший жертвой насилия, нуждается в защите и реабилитации в процессе предварительного следствия и в суде.

Исходя из определенных особенностей данной категории преступлений, возник ряд немаловажных вопросов, суть которых заключалась в том, чтобы минимизировать количество контактов несовершеннолетних жертв и свидетелей насилия, как с системой органов уголовного преследования, так и с иными субъектами, вовлеченными в процесс по выявлению признаков насилия несовершеннолетних, особенно на сексуальной почве.

Обращая внимание на специфичность расследования преступлений против половой свободы и неприкосновенности, в случае которых чаще всего единственным источником доказательств являются показания потерпевшего, особенно в тех случаях, когда речь идет о малолетнем, процесс получения и оценки показаний, будучи обусловленным множеством факторов: возрастными и индивидуальными психологическими особенностями допрашиваемого, силой психотравмирующего воздействия сексуального насилия на личность потерпевшего и т. д., представляет особую сложность.

Исходя из данной ситуации, классический алгоритм производства допроса будет малоэффективен и принесет ряд дополнительных трудностей при расследовании данной категории уголовных дел. В связи с этим повторный (дополнительный) допрос несовершеннолетних нежелателен, а нередко и недопустим, поэтому целесообразно правильно организовать психологическое взаимодействие с потерпевшим таким образом, чтобы процесс максимально полных, развернутых показаний был осуществлен в ходе одного контакта. Для того чтобы создать данного рода взаимодействие с потерпевшим необходимо собрать и изучить информацию об обстоятельствах произошедшего и уделить особое внимание изучению личности пострадавшего ребенка, для дальнейшего решения при выборе тактики организации и производства допроса. В этом отношении важны профессиональная компетентность должностных лиц, осуществляющих уголовный процесс, а также педагогов и психологов, привлекаемых для производства допроса, так как, по сути, следователь задает вопросы для малолетнего через психолога (педагога).

При принятии решения о проведении допроса малолетнего (несовершеннолетнего) потерпевшего, либо об организации его опроса психологом (педагогом), необходимо продумать обстановку, в которой потерпевшим будет удобно давать показания. В каждом конкретном случае данный допрос может быть исчерпывающим источником доказательств,

однако следователь получает тактическую возможность производства допроса и специалиста (психолога и педагога) для получения нового источника доказательств. В этом аспекте следователь должен продумать систему вопросов для потерпевшего, передаваемых через специалиста, а также вопросы, задаваемые для специалиста при его допросе.

Перспектива дальнейшего развития данного подхода к производству допроса несовершеннолетнего субъекта, пережившего сексуальное насилие позволит минимизировать психоэмоциональное потрясение пострадавшего ребенка, грамотно оказать ему необходимую помощь и реабилитацию и в конечном итоге получить доказательственную информацию для использования в уголовном процессе.

Пекарская К. Л.

ОСОБЕННОСТИ СОСТАВЛЕНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ВНЕШНОСТИ И ИСПОЛЬЗУЕМОЕ ПРОГРАММНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Пекарская Ксения Людвиговна, курсант 3 курса Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, г. Минск, kseniyapek@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Чванкин В. А

Составление криминалистического описания внешности является достаточно распространенным средством, позволяющим зафиксировать информацию о внешнем облике человека. Полученные сведения имеют огромное значение в процессе раскрытия и расследования преступления. Именно информация, полученная при составлении такого описания, ложится в основу розыска лиц и является в деятельности правоохранительных органов одной из наиболее ценных и значимых.

Особую специфику имеет описание внешнего облика человека, составляемое при проведении оперативно-розыскных мероприятий. В данном случае необходимо указывать лишь те признаки, которые помогут выделить конкретного человека из большой группы людей. Данные признаки должны быть видны со значительного расстояния, а также не должны зависеть от условий наблюдения.

Криминалистического описания внешности достаточно часто применяется при составлении информационно-розыскных ориентировок. Сложность составления словесного описания в данном случае обусловлена, во-первых, тем, что в результате данного описания у лица, воспринимающего данные сведения должна четко сформироваться внешность розыскиваемого, а во-вторых, тем, что в последующем на основе данного криминалистического описания будет проводиться сравнение человека по изображениям и (или) другим словесными описаниями. В связи с этим описание признаков внешности должно проводиться системно, иначе розыскной текст становится сложным, а иногда и невозможным для использования.

В связи с вышеперечисленными обстоятельствами габитоскопия и судебная портретная экспертиза находятся в поле зрения ученых, которые постоянно совершенствуют приемы и методы, применяемые при описании внешности. В частности, при проведении судебной портретной экспертизы описывать признаки внешности необходимо настолько подробно, насколько это позволяют сделать представленные в распоряжения эксперта изображения. Следует учитывать, что при экспертной портретной идентификации используются не все элементы и признаки внешности, а только получившие достоверное отображение на портретах.

Развитие цифровых технологий и их активное внедрение в криминалистику для описания внешности предоставляет возможность использовать разные программы: текстовые процессоры (Microsoft Word, LibreOffice Writer и др.), растровые и векторные графические редакторы (Microsoft Office Picture Manager, Adobe Photoshop, Corel Photo-Paint, CorelDRAW, Adobe Illustrator и др.), графические редакторы специального назначения (ExpertProf, Anaglyf Macker и др.).

В настоящее время в Республике Беларусь нет четкого закрепления перечня программ, которые могут использоваться для криминалистического описания внешности и проведения сравнительных исследований. Данное обстоятельство приводит к тому, что при проведении оперативно-розыскных мероприятий и судебной портретной экспертизы выбираются программы, исходя из личного опыта специалиста и эксперта. В результате могут возникнуть некоторые разночтения тех или иных фактов.

С учетом изложенного в Республике Беларусь необходимо осуществить изучение и апробирование программного обеспечения, которое в большей степени будет отвечать задачам как при оперативно-розыскных мероприятиях, так и при проведении судебной портретной экспертизы.

Подводя итог, необходимо подчеркнуть, что словесное описание внешнего облика человека находит широкое применение в деятельности правоохранительных органов. Чаще всего данное описание используется при проведении следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий и иных процессуальных действий. Но наибольшее значение криминалистическое описание имеет при проведении судебных экспертиз и для того, чтобы составленные при различных обстоятельствах криминалистические описания внешнего облика человека имели одинаковый смысл для всех лиц, воспринимающих данное описание, каждый сотрудник правоохранительных органов должен владеть и правильно использовать правила криминалистического описания внешности человека (описание по «методу словесного портрета»).

Рыбак А. В.
ОБ ЭКСПЕРТНЫХ ОШИБКАХ В ОТДЕЛЬНЫХ ВИДАХ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭКСПЕРТА

Рыбак Анастасия Владимировна, адъюнкт 1 года обучения научно-педагогического факультета Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь, zubrya.by@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Анищенко И. А.

Проблема экспертных ошибок изучалась Г. Л. Грановским, Р. С. Белкиным, А. А. Аубакировой, Е. Р. Россинской, И. Я. Моисеенко, Н. А. Палиашвили, Н. П. Майлис, И. Н. Сорокотягиным, В. В. Бушуевым и другими учеными. В работах большинства авторов экспертные ошибки изучены в рамках ошибок, допускаемых экспертами при проведении экспертных исследований – одним из видов профессиональной деятельности эксперта. Ошибки, допускаемые экспертами при осуществлении иных направлений профессиональной деятельности рассмотрены в значительно меньшей степени, несмотря на актуальность и необходимость изучения данных ошибок.

Основной вид профессиональной деятельности эксперта как должностного лица – судебно-экспертная деятельность. В соответствии со ст. 2 Закона Республики Беларусь «О судебно-экспертной деятельности» судебно-экспертной деятельностью являются деятельность по организации проведения, контролю за проведением, проведению судебных экспертиз и деятельность по ведению криминалистических учетов и коллекций, осуществляемые судебно-экспертными организациями и судебными экспертами. Исходя из определения судебно-экспертной деятельности, экспертные ошибки, допускаемые в судебно-экспертной деятельности, недостаточно рассматривать исключительно в рамках проведения экспертиз, их следует изучать в том числе в рамках деятельности по ведению криминалистических учетов и коллекций.

Необходимо отметить, что эксперты осуществляют и иные виды профессиональной деятельности: участие в качестве специалиста в следственных и других процессуальных действиях и оперативно-розыскных мероприятиях, в проведении органами внутренних дел добровольной и обязательной государственной дактилоскопической регистрации, проведении экспертиз по заявлению физических лиц, а также осуществляет прочую деятельность в соответствии со своими должностными обязанностями.

Ошибки в деятельности эксперта как должностного лица возможны во всех вышеуказанных направлениях деятельности. При этом последствия ошибок, допускаемых специалистами при проведении осмотров мест происшествий, формировании и ведении криминалистических учетов и коллекций являются значительными, наравне с ошибками, допускаемыми при проведении экспертиз, и могут отрицательно повлиять на цели работы и результаты будущего экспертного исследования.

Отметим, что проблемы, касающиеся ошибок, допускаемых специалистами при их участии в осмотрах места происшествия, частично рассматривались Е. Р. Россинской, А. А. Аубакировой, Э. В. Лантухом, А. В. Репиным, Е. Б. Мельниковым. Тем не менее количество публикаций на тему данных ошибок значительно меньше количества работ, касающихся экспертных ошибок, допускаемых при проведении экспертиз. Ошибки криминалистических учетов и коллекций изучены в меньшей степени.

Анализ деятельности экспертов при участии в качестве специалистов в осмотрах мест происшествий показывает, что ими допускаются ошибки, касающиеся неизъятия объектов, находившихся в непосредственном контакте с преступником, качества фотосъемки, оформления таблиц фотоснимков, полноты и правильности фиксации в протоколе информации, сообщаемой следователю специалистом.

Анализом судебно-экспертной деятельности установлено, что сотрудники, осуществляющие ведение криминалистических учетов, не в полной мере владеют либо неправильно применяют на практике отдельные положения нормативных правовых актов, регламентирующих ведение криминалистических учетов. Также экспертами допускаются описки, орфографические ошибки, ошибки в расстановке и указании признаков объектов криминалистических учетов, неверное заполнение полей электронных форм при формировании криминалистических учетов.

С целью недопущения ошибок экспертами при их участии в качестве специалиста в осмотре места происшествия и других процессуальных действиях и оперативно-розыскных мероприятиях, а также при ведении криминалистических учетов и коллекций, необходимо углубленно изучить сущность данных ошибок, причины их допущения, рассмотреть вопросы их классификации и предупреждения, основываясь на существующих исследованиях, касающихся вопросов экспертных ошибок, и современной практике отдельных видов деятельности эксперта. Таким образом, ошибки, допускаемые экспертами в отдельных видах деятельности, требуют дополнительного внимания и, соответственно, всестороннего исследования.

Сотникова Е. А.

МЕХАНИЗМ СЛЕДОБРАЗОВАНИЯ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ

Сотникова Евгения Алексеевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, bakugafa@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Хлус А. М.

Специфичность совершения преступлений и, соответственно, механизма слепообразования связана в первую очередь с особенностями киберпространства как нового пространства совершения преступлений.

Законодатель не дает определение понятия «киберпространство», однако в постановлении Совета Министров от 18 марта 2019 г. № 1 «О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь» закреплено

определение информационного пространства (область деятельности, связанная с созданием, преобразованием, передачей, использованием, хранением информации, оказывающая воздействие в том числе на индивидуальное и общественное сознание и собственно информацию). Киберпространство неразрывно связано с информационной составляющей. Внутри киберпространства происходит огромное количество информационных потоков, поэтому вполне целесообразно при понимании сущности киберпространства учитывать дефиницию информационного пространства.

Киберпространство не имеет географической определенности. Это связано с тем, что любой объект киберпространства занимает определенный объем, который, в свою очередь, не снижает скорости перехода к другим объектам, следовательно, объекты не отделены между собой физическим расстоянием.

Функционирование киберпространства опирается на определенную технологическую инфраструктуру (хабы, серверы, компьютеры и другое), однако местом обнаружения следов могут быть и нематериальные объекты (например, профили пользователей в социальных сетях, электронные платежные системы («Qіwі-кошелек», «Когонарау»)) и т. д.).

Обязательным субъектом киберпространства является человек-пользователь. Именно человек выполняет те или иные действия (например, запуск вредоносной программы), которые осуществляются в киберпространстве, и итоговая цель их функционирования совпадает с целью лица. Любые действия пользователя отражаются в киберпространстве, образуя специфическую группу следов. Подобная группа следов не относится ни к идеальным следам, ни к материальным, так как эти следы образовались в киберпространстве, доступ к которому возможен через техническую инфраструктуру. А сами следы являются результатом изменений информации и логических и математических операций с двоичным кодом, что говорит о цифровом характере следов. Соответственно, целесообразно называть подобные следы цифровыми. Ввиду своего цифрового характера возникает особая сложность образования следов: при совершении каких-либо действий в киберпространстве преобразовывается не только информация, но и код (преобразование, которое приводит к изменению формы информации в отражательном процессе при неизменности ее содержания).

Как уже было выше отмечено, при совершении определенных действий в киберпространстве необходим пользователь, само пространство и конечный объект, на который направлена цель пользователя. Пользователь, используя свой компьютер, запускает, например, вредоносную программу; в этом случае механизм следообразования носит материальный характер. Далее действие, осуществленное с компьютера лица, взламывает защиту. Это действие направлено на получение информации и представляет собой цифровое следообразование. Компьютер лица, запустившего программу, и конечный объект (компьютер жертвы) связаны информационно, т. е.

задействован код преобразования информации. Конечный объект будет содержать всю информацию о проникновении в систему, а компьютер лица, запустившего программу, – всю информацию о проникновении. Таким образом, образуются две группы следов – материальные и цифровые следы.

Согласно разработанным криминалистикой правилам следы должны изыматься вместе с объектами, на которых они расположены или их фрагментами (частями). Цифровые следы, находясь в киберпространстве, одновременно расположены в пространстве и на любом объекте технической инфраструктуры ввиду того, что доступ (независимо от того, санкционированный или нет) к подобным следам можно получить с любого устройства технической инфраструктуры (например, компьютера). Следовательно, у цифровых следов нет конкретного объекта – следоносителя, и цифровые следы могут находиться одновременно на разных устройствах, что говорит об отсутствии связи между местом совершения определенных действий и местом образования следов.

Таким образом, механизм цифрового следообразования неразрывно связан с особенностями самого киберпространства. Например, цифровой след имеет информационный и дискретный характер. В процессе следообразования в киберпространстве образуется две группы следов – материальные и цифровые. Первые возникают в связи с использованием технической инфраструктуры, вторые – в связи с информационными и кодовыми преобразованиями. Для образования цифровых следов необходимо три участника: пользователь (преступник) – киберпространство – пользователь (жертва). Цифровые следы не имеют привязки к объекту – следоносителю, следовательно и отсутствует конкретное физическое местонахождение подобных следов.

Стариков Е. В.

ЭТИКО-ПРАВОВОЙ ПОДХОД К СМЕРТНОЙ КАЗНИ

Стариков Егор Вячеславович, студент 1 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, starjow@yandex.by

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Орехова Е. П.

Исторически смертная казнь эволюционировала из “принципа Талиона”, который в свою очередь подразумевал “ока за ока, зуб за зуб”. В те времена, если человек не отомстил за совершенный ему вред, не восстановил справедливость, считалось позором для пострадавшего или родственника. С усилением роли государства функция наказания перешла к специальному государственному аппарату. Убийение (смертная казнь) стало публичным и обрело уголовный характер, исполнялось от имени государственной власти.

В Уголовном кодексе Республики Беларусь смертная казнь как одно из видов наказания предусмотрена в 13 статьях. Однако суды предпочитают назначать альтернативные варианты наказания, предусмотренные в данных статьях. Таким образом, смертная казнь как наказание существует еще с

древних времен, и она изменялась и дополнялась в течение всех этапов развития общества.

Этико-правовой анализ смертной казни предполагает выделение как положительных, так и отрицательных черт.

Одним из главных преимуществ смертной казни является быстрое избавление от общественно опасного человека. Ведь в случае замены смертной казни пожизненным заключением на содержание заключенных будут выделяться бюджетные средства государства из доходов налогоплательщиков, хотя эти деньги могли бы пойти, в другом направлении: на медицину, пенсии или социальные выплаты малоимущим. Помимо обеспечения едой и одеждой, нужно предоставить место для заключения преступников, а также людей, которые будут выполнять обязанности по охране заключенных. Лица, приговоренные к пожизненному заключению, не привлекаются к труду, а значит, не отработывают хотя бы в какой-то мере свое содержание в тюрьме.

Еще одним преимуществом смертной казни как наказания является то, что она служит сдерживающим обстоятельством других людей от совершения особо тяжких преступлений. Иными словами, смертная казнь приобретает устрашающий характер. Смысл в том, что сохранение смертной казни не направлено на развитие моральных чувств, а предполагает изменение сознания людей так, чтобы не возникало мыслей совершать особо тяжкие преступления. Если в Уголовном кодексе предусмотрена смертная казнь за убийство, то есть шанс, что это может остановить людей в совершении такого преступления.

Главным аргументом против смертной казни является развращение сознания людей. В средневековье люди собирались на площадях и смотрели, как казнили преступников. Эта жестокость не отпугивала людей, а наоборот, завораживала их и с каждым разом возрастало желание крови. Чем больше росло это желание, тем больше росло количество преступлений в государстве.

В настоящее время смертную казнь сохранили в 56 государствах. Анализ докладов ООН о смертной казни демонстрирует, что в странах, где есть смертная казнь, особо тяжкие преступления против жизни человека совершаются не в меньшем количестве, чем в государствах, отменивших смертную казнь. Это указывает на то, что совершение преступлений против жизни человека может рассматриваться как отражение морально-этической зрелости общества, а устрашающий характер смертной казни не выполняет свою функцию в полной мере по предотвращению совершения такого рода преступлений.

Следующим минусом является то, что нельзя компенсировать жизнь человека, которого приговорили к смертной казни по ошибке. Одним из таких примеров является дело витебского душителя Г. М. Михасевича, который совершил 43 убийства (смертный приговор ему был вынесен в 1987 г.). За время расследования этих преступлений невинно были приговорены к различным видам наказания 14 человек. Один из невинных в совершении

этих преступлений был казнен. За невиновное отбывание наказания законодательством предусмотрена материальная компенсация. Однако никакое денежное возмещение родственникам не может заменить человека.

Еще одной из отрицательных черт смертной казни является появление в обществе палачей, а именно людей, которые приводят приговор в исполнение. Иными словами, они тоже убивают, но в отличие от тех же преступников, для них это является работой.

Таким образом, сохранение смертной казни имеет место быть, поскольку ее назначают людям, совершившим преступления с особой жестокостью. Люди, которые совершили такого рода преступления, не должны находиться в обществе, так как являются угрозой стабильности и безопасности в обществе.

Ходасевич А. В.

ВИРТУАЛЬНОЕ ИГРОВОЕ ИМУЩЕСТВО КАК ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПНОГО ПОСЯГАТЕЛЬСТВА ПО ДЕЛАМ О ХИЩЕНИЯХ ИМУЩЕСТВА ПУТЕМ МОДИФИКАЦИИ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

*Ходасевич Анна Вячеславовна, аспирант юридического факультета
Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
khodasevich_a@mail.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Григорович В. Л.

В настоящее время – в эпоху развития информационных технологий, такой состав преступления, как хищение имущества путем модификации компьютерной информации, получил распространение и не теряет своей актуальности у злоумышленников. При совершении указанных хищений предметом преступления, как отмечает белорусский законодатель, может являться как имущество, так и право на имущество. Однако при цифровизации процессов, происходящих в обществе, экономике, появляются предметы имущественного оборота, которые обладают экономической ценностью, но в связи с особенностью их характеристик не имеют должного правового регулирования.

В сложившейся практике сотрудников органов внутренних дел, Следственного комитета появились случаи обращения физических лиц с заявлением о совершении противоправных действий, когда предметом разбирательства становится виртуальное игровое имущество – танки, оружие, снаряжение персонажей, а именно: хищение указанных цифровых предметов. Последние похищаются у своих владельцев при совершении тех либо иных действий в компьютерной игре, а затем противоправно используются другими пользователями. При рассмотрении вышеуказанных обращений нередко возникает вопрос, может ли виртуальное игровое имущество быть предметом хищения имущества путем модификации компьютерной информации и можно ли квалифицировать так называемое

противоправное «завладение» данными предметами по ст. 212 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК)?

Так, в уголовном праве для определения понятия «имущество» как предмета посягательства против собственности принято выделять три признака имущества: физический признак (включает себя такую характеристику предмета, как материальность, т. е. вещи, деньги, ценные бумаги и иные предметы материального мира, не лишенные своей вещной субстанции), экономический признак (вещь должна иметь стоимостной эквивалент), юридический признак (имущество должно быть чужое – принадлежать иному лицу, которое, соответственно, приобрело его и является собственником). Под правом на имущество белорусский законодатель отражает полномочия собственника по владению, пользованию и распоряжению имуществом.

Исходя из вышеизложенного следует, что к категории «имущество» виртуальное игровое имущество не относимо в связи с отсутствием у последнего вещной составляющей, т. е. физического признака. Однако у собственника такого имущества есть как право владения, так и право пользования и распоряжения последним.

Важно отметить, что универсальное определение понятия «имущество» в белорусском законодательстве отсутствует: его содержание и объем отличаются в зависимости от конкретной отрасли права. Это обстоятельство порождает возникновение множества концепций насчет самого понятия «имущество» и его признаков.

Относительно квалификации подобного рода деяний в Республике Беларусь сложилась практика, при которой ответственность злоумышленника за хищение виртуального игрового имущества путем модификации компьютерной информации наступает по ст. 212 УК. Данная практика, на наш взгляд, является верной в силу того, что виртуальное игровое имущество не может рассматриваться исключительно как средство развлечения, если приобретает усилиями пользователя и имеет реальный денежный эквивалент. Такое имущество обладает экономической ценностью и способно обращаться на рынке.

На основании изложенного стоит отметить, что белорусским законодателем не в полной мере учтена специфика предмета посягательства по делам о хищениях имущества, в том числе хищениях имущества путем модификации компьютерной информации, подверженного изменению вследствие развития компьютерных технологий. Существующий подход, который приравнивает понятия «имущество» и «вещь» не соответствует реалиям и требует внесения изменений, направленных в первую очередь на закрепление понятия «имущество» в уголовном законодательстве Республики Беларусь.

Хомутовская Е. Ю.
ИЗУЧЕНИЕ ЛИЧНОСТИ ОБВИНЯЕМОГО
В ХОДЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

*Хомутовская Елизавета Юрьевна, студентка 4 курса Гродненского
государственного университета, г. Гродно, Беларусь,
lisahomutovskaua@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент И. А. Моисеева

Изучение личности обвиняемого является одной из ключевых задач следствия. Вопрос о необходимости изучения его личности представляет собой актуальную тему и постоянно привлекает к себе внимание. Обвиняемый, как центральная фигура всего следственного процесса, обладает рядом характеризующих его черт. Личность обвиняемого представляет собой совокупность социально-психологических свойств и качеств человека, которые являются причинами и условиями совершения преступления, соответственно, отсутствие полной информации о его личности существенно усложняет установление мотивов преступной деятельности, его организаторских и лидерских качеств.

Для документального подтверждения так называемого основного факта и избрания в отношении обвиняемого справедливой меры пресечения необходимы сведения, характеризующие его личность. Рекомендуется также собрать исчерпывающую информацию о фактах его личной жизни, бытовых привычках и профессиональных навыках, выяснить наличие/отсутствие судимостей, склонность к общему или специальному рецидиву, проверить учетные записи в картотеке РОВД, необходимо технически зафиксировать и процессуально оформить любые сведения о материальных и идеальных следах преступления, свидетельствующих о наличии криминального «почерка» и т. д.

Тактика, направленная на разоблачение лиц, совершивших преступление, требует полного учета психологической характеристики их действий и поступков, связанных с совершением и расследованием преступлений. Учет психологических особенностей личности, в свою очередь, позволяет прогнозировать поведение индивида в конкретных ситуациях, к примеру, как он будет реагировать на вопросы и какую тактику в отношении него следует применять.

В процессе личного контакта следователя с обвиняемым способы воздействия на него должны определяться на основе индивидуального подхода к каждому гражданину, обращая внимание на следующие факторы:

- индивидуально-психологические особенности допрашиваемого;
- установление психологического контакта с ним;
- особенности конкретной следственной ситуации;
- наличие необходимых профессиональных и личностных качеств следователя (тактико-психологическая компетентность).

В теории криминалистики выделяют несколько способов получения следователем необходимой информации о личности обвиняемого. Среди

наиболее распространенных можно выделить следующие: наблюдение, речевая коммуникация (беседа), метод независимых характеристик, анализ следов преступления, изучение жизненного пути допрашиваемого, использование специальных познаний, метод автобиографии.

На наш взгляд, наиболее эффективным методом является беседа и непосредственное наблюдение за обвиняемым. Данный метод имеет свои преимущества: это исследование непосредственное. Кроме того, получаемая информация является объективной и беспристрастной.

Способы получения следователем необходимой информации о личности обвиняемого могут быть положены в основу методики изучения последнего. Они позволяют последовательно форматировать данные, характеризующие личность обвиняемого в различных сферах человеческой деятельности, что способствует составлению полного представления о ней и определяет пределы исследования его личности, учитывая, из каких источников и каким образом были получены сведения о нем, в каких оперативно-служебных и процессуальных документах зафиксированы.

Поскольку целью допроса подозреваемого (обвиняемого) является получение от него правдивых показаний, она определяется рядом тактико-психологических факторов. При этом важно на начальном этапе следствия расположить подозреваемого (обвиняемого) к себе.

Таким образом, личность обвиняемого должна быть исследована в целях раскрытия преступления и установления его личности, если она неизвестна, избрания ему меры пресечения, выбора тактики проведения следственных мероприятий, в том числе правильной тактики допроса обвиняемого, правильной оценки и проверки доказательств, оказания воспитательного воздействия, избрания вида и размера наказания, установления причин преступления и вынесения предписаний по их предотвращению.

Храмцевич К. В.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОВЕДЕНИЯ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

*Храмцевич Ксения Вадимовна, студентка I курса Академии управления
при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь,
ksjushakhramcevichgmail.com@internet.ru*

Научный руководитель: ст. преподаватель, маг. юрид. наук Нагорная Н. А.

Судебно-медицинская экспертиза предназначена для сбора улик по судебному делу с целью получения наибольшего количества доказательств. Для таких исследований используются различные методологии, относящиеся к наукам, среди которых: трасология (раздел криминалистики о следах); одорология (наука, изучающая запахи); баллистика (наука, об оружии); танатология (изучает смерть, как биологическое явление); деонтология (причины неблагоприятных исходов в медицинской практике); криминалистика (исследование вещественных доказательств биологического

происхождения); антропология (имеет дело с идентификацией скелетированных останков, принадлежащих человеку), и др.

Рассмотрим некоторые вопросы об актуальности антропологии для судебных процессов, происходящих в том числе и в судах Республики Беларусь. Антропология позволяет ответить на вопросы о принадлежности останков человеку или иному живому существу, принадлежности обнаруженных останков одному человеку или нескольким, давности наступления смерти, возрасте погибшего человека, присутствуют ли аномалии или проявления болезней, отражающиеся на костях, причину и характер смерти, определить пол и расу человека, его внешний облик, рост и иные антропометрические характеристики. В случае принадлежности останков женщине можно выявить факт рождения у нее ребенка.

Тем самым знания из области антропологии, а также привлечение в судебный процесс специалиста-антрополога, позволяют судье выносить приговор по делам прошлых лет. Основным условием в этом случае является правильное и бережное хранение вещественных доказательств. В странах Запада, например, во Франции, в Канаде, США, а также в России, на наш взгляд, к процессу антропологических исследований подходят более обдуманно, чем в нашей стране. Так, в США и Российской Федерации существуют ассоциации медицинских антропологов, которые способствуют развитию антропологической науки и повышению квалификации экспертов в этой области. Ассоциации также поддерживают начинающих специалистов и предоставляют возможности для реализации их потенциала. В Беларуси судебно-медицинская экспертиза (и антропология, как ее составляющая) регулируется Законом Республики Беларусь от 18.12.2019 г. № 281-З «О судебно-экспертной деятельности», однако не на достаточном уровне.

На наш взгляд, знания в области антропологии, а также ее отдельных подотраслей следует развивать для повышения качества судопроизводства по уголовным делам и, как следствие, для вынесения законного и обоснованного судебного постановления. С этой целью видится необходимым создание в нескольких вузах нашей страны отдельных кафедр антропологии и введение соответствующей специальности для подготовки специалистов данного профиля.

Шнейдерова Д. И.

**ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ УЧАСТИЯ СПЕЦИАЛИСТА
ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОСМОТРА ПО ДЕЛАМ О ХИЩЕНИЯХ
В СФЕРЕ ОБОРОТА КРИПТОВАЛЮТ**

Шнейдерова Дарья Игоревна, аспирант Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, galuzodi@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Красиков В. С.

Выявление и расследование хищений в сфере оборота криптовалют – современная проблема, обусловленная необходимостью обладания следователями (лицами, производящими дознание) знаниями в сфере

высоких технологий. В соответствии с положениями ст. 62, ст. 200, ст. 204 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь следователь (лицо, производящее дознание) вправе воспользоваться профессиональными знаниями специалиста.

При расследовании хищений в сфере оборота криптовалют в процессе проведения различных видов осмотра перед специалистом могут ставиться следующие задачи: обнаружить и оказать помощь в осмотре информации, относящейся к хищению; обнаружить и изъять технические устройства – носители цифровых следов, либо при невозможности или нецелесообразности изъятия устройства – обнаружить и произвести копирование необходимой компьютерной информации, в том числе при помощи специализированных программ (Мобильный криминалист, Belkasoft, Passware Kit Forensic, UFED 4PC и др). Эти правовые положения обуславливают необходимость высоких профессиональных качеств должностных лиц органов предварительного расследования, так как осмотр таких технических устройств, как аппаратный криптокошелек, флеш-накопитель, умные часы, мобильный телефон, планшет, персональный компьютер, остановка процесса работы которых не угрожает сохранению данных, может быть произведено лицом, производящим осмотр, самостоятельно.

Тем не менее способ и средства совершения хищений в сфере оборота криптовалют выступают тем фактором, который влияет на необходимость привлечения специалиста к осмотру. Так, если следователю предстоит изымать в ходе осмотра техническое устройство, на котором запущен процесс работы вирусной программы-блокиратора, программы удаленного доступа, утилиты по созданию безопасной среды работы компьютера (при перезагрузке уничтожает все внесенные изменения, что требует копирования файлов до отключения устройства) или проводить его осмотр на месте, то в целях безопасного изъятия и сохранения криминалистически значимой информации целесообразно привлечь специалиста. В то же время осмотр общедоступных непораженных файлов и программ (истории браузера, текстовые заметки, локальные криптокошельки, распределительный реестр), ресурсов сети Интернет (онлайн криптокошельки, сайты бирж и обменников, фишинговые сайты, блокчейн-обозреватели, электронные письма, чаты в социальных сетях и мессенджерах, на форумах, кабинеты банкинга) может быть произведен следователем или лицом, производящим дознание, самостоятельно, поскольку не требует определенного комплекса специальных знаний и доступно для базового пользовательского уровня. При необходимости поиска и копирования информации в ходе осмотра следует исходить из ее особенностей, вида, степени доступности, целесообразности копирования. Помощь специалиста потребует при отыскании и копировании скрытых, закодированных, пораженных и удаленных файлов, массива данных, тогда как копирование текстовых и графических файлов, изъятие архива учетной записи социальной сети или мессенджера и иных данных следует проводить самостоятельно.

Эти вопросы и особенности работы технических средств коммуникации следователь обязан знать и задавать специалисту, чтобы грамотно воспользоваться его профессиональными знаниями. Практика показывает, что следователи, опасаясь потери данных, прибегают к изъятию технических устройств, направлению их на компьютерно-техническую или экспертизу радиоэлектронных устройств с целью извлечения информации, которую в последующем осматривают либо самостоятельно, либо поручают проведение осмотра сотрудникам криминалистических отделов Следственного комитета или сотрудникам управлений по противодействию киберпреступности УВД. В таких случаях проведение экспертизы сводится к копированию данных с одного носителя на другой, что может быть произведено и в условиях осмотра при участии специалиста, обладающего специализированным техническим и программным оснащением, позволив сэкономить время, потраченное на назначение и проведение экспертиз, уменьшить документооборот.

Таким образом, привлечение специалиста к участию в осмотре должно быть обеспечено кадрами и ресурсами в системе оперативных подразделений государственных органов и органов предварительного расследования. Также усматривается необходимость в повышении квалификации действующих и подготовке новых сотрудников следственных подразделений и органов дознания по линии расследования киберпреступлений, совмещающих знания юридического и технического профиля, что позволит им в большинстве случаев самостоятельно проводить осмотр в условиях соблюдения безопасности, а также использовать программные комплексы для обнаружения, копирования информации или получения доступа к ней.

Бобровская А. Г.

КОНТРОЛЬ И НАДЗОР В СФЕРЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ

*Бобровская Ангелина Геннадьевна, студентка 4 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
bobrovskaya.angelina@mail.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Шахрай И. С.

Проблемам государственного контроля и надзора в сфере земельных отношений традиционно уделяется немало внимания в правовой науке Республики Беларусь и иных государств постсоветского пространства. Названные правовые институты призваны обеспечить соблюдение законодательства всеми субъектами земельных отношений.

Согласно ст. 1 Кодекса Республики Беларусь о земле от 23 июля 2008 г. № 425-З в редакции от 18 июля 2022 г. (далее – КоЗ) государственный контроль за использованием и охраной земель – деятельность государственных органов, направленная на предотвращение, выявление и устранение нарушений законодательства об охране и использовании земель, осуществляемая в соответствии с законодательными актами.

Пунктом 2 ст. 107 новой редакции КоЗ закрепляется перечень государственных органов, обладающих контрольными полномочиями в рассматриваемой области: областные, Минский городской, городской, районные исполнительный комитеты, иные государственные органы в соответствии с их компетенцией, а также Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды, его территориальные органы – на предмет деградации земель в части загрязнения (засорения) земель (включая почвы) отходами, химическими и радиоактивными веществами.

Целью государственного контроля, согласно ч. 1 ст. 107 КоЗ, является соблюдение всеми гражданами, индивидуальными предпринимателями и юридическими лицами установленного порядка пользования землями, земельными участками, а также иных предусмотренных земельным законодательством правил и норм.

Обратим внимание, что п. 3 ст. 107 КоЗ, определяя полномочия Комитета государственного контроля, областных, Минского городского исполнительных комитетов в части контроля за соблюдением порядка изъятия и предоставления земельных участков, перевода земельных участков из одних категорий и видов в другие, не использует слово «государственный», что является недостатком, так как в данной норме отражается деятельность именно государственных органов.

В отличие от государственного контроля, понятие надзора в КоЗ не закреплено. Следует отметить, что в п. 5. ст. 107 КоЗ направления надзора за

земельными отношениями определяются достаточно узко: надзор за точным и единообразным исполнением законодательства, регулирующего порядок изъятия и предоставления земельных участков, осуществляемый Генеральным прокурором и подчиненными ему прокурорами. Кроме того, нормы о надзоре располагаются в гл. 10 КоЗ, имеющей название «Охрана земель. Государственный контроль за использованием и охраной земель». Целесообразно закрепление понятия надзора в сфере земельных отношений в КоЗ, а также отражение этого направления деятельности в названии упомянутой главы.

Указ Президента Республики Беларусь от 16 октября 2009 г. № 510 «О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь» (далее – Указ № 510) не разграничивает понятия «контроль» и «надзор», «контрольная и надзорная деятельность», в результате чего создается неопределенность, поскольку данные понятия не являются идентичными.

На наш взгляд, «государственный контроль в области земельных отношений» следует рассматривать как деятельность государственных органов, направленную на недопущение нарушения земельного законодательства.

Интерпретация ст. 26 Закона Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь» позволяет отнести к целям надзора за соблюдением земельного законодательства точное и единообразное его исполнение республиканскими органами государственного управления, иными государственными организациями, подчиненными Совету Министров Республики Беларусь, местными представительными, исполнительными и распорядительными органами, общественными объединениями, религиозными организациями и другими организациями, должностными лицами и иными гражданами, в том числе индивидуальными предпринимателями.

Таким образом, понятие «надзор за земельным законодательством» является шире понятия «контроль в сфере земельных отношений», исходя из состава проверяемых субъектов, так как «надзор» предполагает обеспечение исполнения законодательства всеми субъектами земельных отношений. В свою очередь «контроль в сфере земельных отношений» в качестве субъектов называет лишь «граждан, индивидуальных предпринимателей и юридических лица установленного порядка пользования землями, земельными участками». Как следует из новой редакции КоЗ и Указа № 510, перечень государственных органов, осуществляющих контроль шире перечня надзорных органов.

Исходя из приведенного анализа соотношения целей и органов, осуществляющих контроль и надзор за соблюдением земельного законодательства, представляется наиболее правильным разграничивать данные понятия. Отсутствие достаточно четкой регламентации сущности понятий «контроль» и «надзор» на законодательном уровне обуславливает наличие различных подходов в понимании их правовой сущности.

Грицевич Н. С.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ТРЕБОВАНИЙ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ О ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Грицевич Никита Сергеевич, студент 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, nikita_gritsevich@mail.ru

Научный руководитель: д-р юрид. наук, профессор Макарова Т. И.

Под требованиями в области охраны окружающей среды (природоохранными требованиями, требованиями экологической безопасности) Закон Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-ХІІ «Об охране окружающей среды» (далее – Закон) в ст. 1 предлагает понимать предъявляемые к хозяйственной и иной деятельности обязательные условия, ограничения или их совокупность, установленные законами, иными нормативными правовыми актами, в том числе обязательными для соблюдения техническими нормативными правовыми актами и нормативами в области охраны окружающей среды.

Требованиям в области охраны окружающей среды посвящена гл. 6 Закона, в которой содержатся условия и (или) ограничения, предъявляемые к определенным видам хозяйственной и иной деятельности, которые составляют основные направления экономической деятельности, в частности к архитектурной, градостроительной и иной строительной деятельности; эксплуатации объектов энергетики; использованию военных и оборонных объектов, вооружения и военной техники; сельскохозяйственной деятельности; добыче, переработке, транспортировке нефти и газа; обращению с отходами и с источниками радиоактивного излучения и др.

Несмотря на большое количество требований, предъявляемых к хозяйственной и иной деятельности, в Законе отсутствует системность, что затрудняет их детализацию на уровне отраслевых нормативных правовых актов, т. е. актов, регулирующих ведение самой хозяйственной деятельности.

А. И. Малиновская предлагает представить систему требований в области охраны окружающей среды в виде экологических условий, предъявляемых к отдельным отраслям экономики, выдвигая как критерии систематизации экологических требований виды экономической деятельности, установленные общегосударственным классификатором Республики Беларусь ОКРБ 005-2011; экологически-опасные виды деятельности, закрепленные в Указе Президента Республики Беларусь № 349 «О критериях отнесения хозяйственной и иной деятельности, которая оказывает вредное воздействие на окружающую среду, к экологически опасной деятельности»; деятельность по использованию природных ресурсов, регламентированную природоресурсным законодательством. При этом автор обоснованно предлагает исключить ряд требований из гл. 6 Закона, как по сути не являющихся таковыми, а выступающими в качестве нормативов допустимого вредного воздействия на окружающую среду (например, требования к источникам, оказывающим вредное физическое воздействие, требования при

ликвидации юридического лица или прекращении деятельности индивидуального предпринимателя), с переносом их в гл. 5 Закона, посвященную нормированию в области охраны окружающей среды.

Анализ положений гл. 6 Закона демонстрирует отсутствие в ней экологических требований, предъявляемых к некоторым видам деятельности, например, в сфере природопользования. Обязанности природопользователей, выступающие в качестве своеобразных требований, содержатся в актах природоресурсного законодательства, что позволяет рекомендовать закрепить такого рода общие требования в отношении использования природных ресурсов в гл. 6 Закона, а на уровне актов природоресурсного законодательства, являющегося специальным по отношению к Закону, осуществить детализацию данных требований, как это реализовано в части иных экологических требований. Данный подход дополнит правовую основу соотношений природоохранного и природоресурсного законодательства. И если вопрос взаимодействия этих подотраслей экологического права решаем, по крайней мере, с применением ст. 2 Закона, то соотношение положений гл. 6 Закона и актов законодательства, регулирующих осуществление видов хозяйственной и иной деятельности, в отношении которых природоохранные требования установлены, проблема, решаемая не просто. За небольшим исключением – Закон Республики Беларусь от 9 января 2002 г. № 87-З «О магистральном трубопроводном транспорте» (в редакции от 17.07.2018), нормативные правовые акты хозяйственного законодательства не содержат норм, закрепляющих обязанность соблюдения экологических предписаний или содержат их в крайне усеченном виде.

Юридическая наука рассматривает экологическое право как комплексную отрасль права и законодательства. Такой взгляд на систему нормативного правового обеспечения охраны окружающей среды позволяет предложить обязательное включение в акты законодательства, регулирующего хозяйственную и иную деятельность, норм, которые составят правовую основу обеспечения соблюдения экологических требований, установленных в Законе «Об охране окружающей среды».

Жогло П. А.

НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ЛЕСОВ

Жогло Полина Андреевна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, zhoglo.polly@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Самусенко Л. А

На сегодняшний день проблемы, связанные с нерациональным потреблением и чрезмерным использованием природных ресурсов, являются особо актуальными. В рамках реализации Цели устойчивого развития № 15 «Защита и восстановление экосистем суши» (далее – ЦУР № 15), впервые закрепленной в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Повестка дня на период до 2030», в Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 года одной из приоритетных задач

было обозначено обеспечение воспроизводства, повышение продуктивности и качества, улучшение охраны и защиты лесов.

По данным основного отчета «Глобальная оценка лесных ресурсов 2020 года» Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций, доля общих площадей плантационных лесных культур в Республике Беларусь незначительна. Именно минимальное количество лесных плантаций на сегодняшний день является проблемой в белорусском лесном хозяйстве. По данным современных экологических исследований, наиболее эффективным путем решения данной проблемы является плантационное лесоводство, которое позволит в значительной степени снизить давление лесозаготовок на естественные леса.

В настоящее время в Лесном кодексе Республики Беларусь от 24 декабря 2015 г. № 332-3 содержатся определения: «плантационные лесные культуры» – лесные культуры с особым режимом ведения лесного хозяйства, создаваемые в целях получения крупномерной, балансовой, топливной древесины с заданными характеристиками; «лесосеменные плантации» – специально создаваемые (формируемые) лесные насаждения, предназначенные для получения в течение длительного времени ценных по наследственным свойствам семян лесных растений; «маточные плантации» – лесные насаждения, создаваемые в целях получения черенков плюсовых деревьев.

Проанализировав названные определения, мы видим, что выращенные на лесосеменных и маточных плантациях лесные насаждения не предназначены для их последующего использования в экономической деятельности.

В Лесном кодексе Российской Федерации от 4 декабря 2006 г. № 200-ФЗ закреплена ст. 42, регулирующая создание лесных плантаций и их эксплуатацию. В ч. 1 данной статьи обозначено, что создание лесных плантаций и их эксплуатация представляет собой предпринимательскую деятельность, связанную с выращиванием лесных насаждений определенных пород (целевых пород), а в ч. 2 к лесным насаждениям определенных пород (целевых пород) относятся лесные насаждения искусственного происхождения, за счет которых обеспечивается получение древесины с заданными характеристиками.

В Лесном кодексе Республики Казахстан от 8 июля 2003 г. № 477 (п. 50 ст. 1) содержится определение «плантационные насаждения специального назначения», под которыми следует понимать искусственные насаждения, выращиваемые в промышленных, энергетических, пищевых и иных целях.

Таким образом, в целях реализации ЦУР № 15 и сохранения естественно возобновляемых лесов Республики Беларусь предлагается внести в Лесной кодекс Республики Беларусь следующие термины:

1) хозяйственные лесные плантации – плантационные лесные культуры, предназначенные для использования в экономической деятельности в промышленных, энергетических, пищевых и иных целях;

2) создание хозяйственных лесных плантаций и их эксплуатация – предпринимательская деятельность, связанная с выращиванием плантационных лесных культур.

Зайцева И. П.

УГЛЕРОДНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Зайцева Ирина Павловна, студентка 5 курса Удмуртского государственного университета, г. Ижевск, Россия, zaitsevairinar@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Белокрылова Е. А.

На сегодняшний день изменение климата является одной из глобальных проблем, решение которой требует согласованных действий всех государств при международном сотрудничестве. В целях борьбы с изменением климата в 2015 г. принято Парижское соглашение, направленное на сокращение выбросов парниковых газов и ограничение повышения глобальной температуры. Несмотря на то, что процесс декарбонизации дорогой и сложный, в ряде стран уже приняты меры по снижению выбросов углеродного газа.

В 2021 г. в Российской Федерации принят Федеральный закон «Об ограничении выбросов парниковых газов», согласно которому с 1 января 2023 г. предприятия, которые выбрасывают более 150 тыс. т. углекислого газа, должны будут предоставить об этом соответствующий отчет. Кроме того, в некоторых регионах разрабатываются проекты карбонового полигона (территории, где будет создана уникальная экосистема для контроля выбросов углекислого газа). В 2022 г. в РФ принят Федеральный закон «О проведении эксперимента по ограничению выбросов парниковых газов в отдельных субъектах Российской Федерации».

Часть представителей бизнеса не заинтересованы в проведении эксперимента на территории РФ, настаивая на отказе от нее. Они предлагают не подключать другие регионы до тех пор, пока эксперимент на Сахалине не покажет явных результатов до 31 декабря 2025 г.

Кроме того, Россия выбрала путь торговли квотами на выбросы парниковых газов. В связи с этим в 2021 г. была утверждена Стратегия социально-экономического развития с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года, которая определила меры по обеспечению сокращения выбросов парниковых газов до 70 % к 2030 г. относительно уровня 1990 г., а также направления и меры развития до 2050 г. Данные показатели можно назвать достаточно высокими, однако едва ли они достигают цели, поставленной ООН.

В Республике Беларусь на пути к декарбонизации экономики важное место занимает атомная энергетика. Беларусь обязуется сократить выбросы парниковых газов на 28 % к 2030 г. по сравнению с 1990 г. Поскольку выбросы парниковых газов сократились почти на 50 % в период между 1990 и 2002 гг., то 28-процентное сокращение для периода 1990–2030 гг. на деле означает двукратное увеличение выбросов в период 2002–2030 гг. Однако, по данным статистики, еще в 2019 г. основным источником энергии были нефть, газ и уголь, страна находится на пути к снижению выбросов углекислого газа.

С учетом того, что население планеты, как ожидается, достигнет 10 млрд в 2060 г., и растущей электрификацией общества, спрос на электроэнергию

будет расти, поэтому сокращение выбросов на единицу произведенной электроэнергии имеет важное значение. Производство электроэнергии, включая производство электроэнергии и тепла, является причиной 30 % от глобальных выбросов CO₂ из-за использования ископаемого топлива, которое должно быть заменено возобновляемыми источниками энергии.

В странах наблюдается рост количества личных автомобилей, увеличивается численность автобусов с электродвигателем, электрическим становится грузовой и погрузочный спецтранспорт. Декарбонизация транспорта является одним из значимых шагов для реализации Беларусью обязательств в рамках Парижского соглашения по климату по снижению объема выбросов парниковых газов. Кроме того, Россия принимает действия по расширению применения электродвигателей в военной технике.

Однако есть сектор экономики, переход которого является одним из самых сложных для декарбонизации, поскольку для производства стали, цемента и химических веществ могут потребоваться температуры 1600° С и более, которые легко получить при сжигании ископаемого топлива, но трудно достичь с помощью электрификации. Для электрификации такого интенсивного тепловыделения потребовались бы значительные изменения в печах и столько энергии, что это, вероятно, было бы экономически нецелесообразно.

Предполагается, что переход к электромобилям значительно улучшит ситуацию с выбросом углекислого газа, однако исследования И. В. Юсуповой, А. Г. Арзамасовой, а также Д. К. Селенева показали, что по сравнению с традиционным автомобилем, производство электромобиля выделяет на 32 % больше углекислого газа, где почти половина приходится на производство батарей.

Проведенный анализ показывает, что несмотря на все попытки стран указанная проблема ощущается все острее и острее. Представители бизнеса и население будут вынуждены адаптироваться к текущим реалиям. Представители мирового сообщества должны делиться опытом достижения углеродной нейтральности для решения общей цели, поставленной Парижским соглашением.

Зарецэр Д. Б.

ИНСТИТУТ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СТРАХОВАНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Зарецэр Дарья Борисовна, учащаяся филиала Белорусского государственного экономического университета «Минский торговый колледж», г. Минск, Беларусь, dzaretser@gmail.com

Научный руководитель: преподаватель Гребенко А. В.

В развивающемся мире, где страхование жизни и имущества стало обыденной нормой, в сфере страхования появилось такое направление, как экологическое страхование. Его цель заключается в образовании страховых

фондов для предупреждения экологических аварий и катастроф, а также возмещения убытков, причиненных юридическим и физическим лицам вследствие загрязнения окружающей среды. Субъектами экологического страхования могут быть как физические, так и юридические лица, а в качестве объекта экологического страхования рассматривается любой экологический риск загрязнения окружающей среды и потенциального экономического ущерба, причиняемого загрязнением производственными, бытовыми и другими отходами, транспортными средствами. Экологическое страхование является передовым элементом экономико-правового механизма обеспечения экологической безопасности, позволяющим сформировать финансовые резервы для ликвидации последствий загрязнения окружающей среды. Экологическое страхование было впервые введено в 1978 г., а первая компания, что его предоставила, была международная страховая компания AIG, с тех пор экологическое страхование постоянно развивается. В настоящее время в Республике Беларусь экологическое страхование только зарождается, не все страховые компании предоставляют возможность заключить такой договор.

При исследовании данного вопроса с помощью социальной сети Инстаграм нами был проведен опрос таких страховых компаний, как ЗАО «Promtransinvest», ООО «Асоба», ЗАО «Кентавр», СБА ЗАО «Купала», БРУП «Белэксимгарант». Было выявлено, что только 2 компании предоставляют услугу добровольного экологического страхования: ООО «Асоба» и ЗАО «Promtransinvest». Почему большинство страховых компаний еще не осуществляют данный вид страхования? Одной из главных причин является то, что для этого компании нужен большой денежный фонд для покрытия ущерба, нанесенного окружающей среде, а второй – что этот вид страхования носит добровольный характер и в данный момент не пользуется спросом. В сравнении с Республикой Беларусь в Российской Федерации с 2021 г. активно прорабатывается вопрос о введении обязательного экологического страхования для промышленных компаний за причинение вреда окружающей среде. Это помогло бы им избежать таких крупных штрафов, как заплатил «Норникель» из-за аварии под Норильском в 2020 г. Закон РФ «Об охране окружающей среды», принятый в 2002 г., допускает осуществление обязательного экологического страхования. Однако российские страховые компании используют это понятие в основном как страхование экологической ответственности, т. е. компенсация вреда для жизни, здоровья людей.

Таким образом, в Республике Беларусь необходимо развивать рассматриваемый вид страхования. Экологическое страхование сегодня является добровольным, но в будущем может стать и обязательным для компаний, которые наносят вред окружающей среде и работают с повышенным риском его причинения.

Михалкевич И. С.

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ОБ ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

*Михалкевич Ирина Сергеевна, студентка 4 курса юридического факультета
Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
soboleki@yandex.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Лизгаро В. Е.

Общую правовую основу в области сохранения природных территорий, обладающих особыми свойствами и ценностью, составляет Закон Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. «Об охране окружающей среды», который определяет особо охраняемые природные территории (далее – ООПТ) в качестве объекта экологических отношений, закрепляет принцип учета режима ООПТ как самостоятельный принцип охраны окружающей среды (ст. 4); определяет основы управления в рассматриваемой сфере (ст. 8-1; 10); содержит специальную структурную часть, посвященную режиму таких территорий (гл. 9) и дополнительные требования, направленные на их охрану (ст. 39, 41–43, 47, 48, 53).

Правовой режим ООПТ установлен Законом Республики Беларусь от 15 ноября 2018 г. «Об особо охраняемых природных территориях», который направлен на сохранение и воспроизводство ценных природных комплексов и объектов, содержит категориальную классификацию названных территорий, а также понятие «ООПТ международного значения» с соответствующими критериями данного статуса. Ранее действовал Закон от 20 октября 1994 г. с аналогичным названием, впервые закрепивший понятие «особо охраняемые природные территории» в законодательстве Республики Беларусь, излагавшийся в 2000 г. в новой редакции в связи с изменением подходов к правовому регулированию отношений в данной области.

В свою очередь режим определенной ООПТ (Березинского биосферного заповедника, каждого из четырех национальных парков, отдельного заказника) регулируется специальными Положениями, утверждаемыми нормативными правовыми актами различного вида и юридической силы. Это может быть Указ Президента Республики Беларусь, постановление Совета Министров Республики Беларусь, решения местных исполнительных и распорядительных органов, что зависит от категории ООПТ и уровня (республиканский или местный), на котором они объявляются. В качестве примера можно привести: Указ Президента Республики Беларусь от 9 февраля 2012 г. № 59 «О некоторых вопросах развития особо охраняемых природных территорий», которым утверждено Положение о Березинском биосферном заповеднике и отдельные положения о каждом национальном парке; постановление Совета Министров Республики Беларусь от 26 января 2022 г. № 43 «О преобразовании республиканского заказника “Липичанская пуца”», которым утверждено Положение о данном заказнике; решение Борисовского районного исполнительного комитета от 22 апреля 2013 г.

№ 500, утвердившее Положение о водно-болотном заказнике местного значения «Гайна» и др.

Памятники природы республиканского значения объявляются Министерством природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь, в соответствующих постановлениях которого могут закрепляться отдельные требования к охране данной категории ООПТ. Например, постановление Минприроды от 5 апреля 2021 г. № 7 «Об объявлении ботанического памятника природы республиканского значения “Вяз-старожил в д. Талуи”» содержит запрет на выпас скота, сброс сточных вод и др. на территории охранной зоны этого памятника природы.

Следует отметить, что существует также большое количество нормативных правовых актов, относящихся к техническому нормированию в области ООПТ, которые регулируют, к примеру, порядок подготовки научного и технико-экономического обоснования объявления, преобразования и прекращения функционирования ООПТ (ТКП 17.12-10-2021 (33140)); содержат правила разработки и обустройства зеленых маршрутов и их частей – экологических троп, в том числе на ООПТ (ТКП 17.12-05-2014 (02120)); описания границ объявляемой или преобразуемой ООПТ и ее охранной зоны (ТКП 17.12-11-2015 (33140)) и т. д.

В план подготовки проектов законодательных актов на 2022 год, утвержденный Указом Президента Республики Беларусь от 23 декабря 2021 г. № 508, включена подготовка проекта Закона «Об изменении Закона Республики Беларусь “Об охране окружающей среды”». Среди существенных нововведений, касающихся режима ООПТ, – добавление нормы о природных комплексах и объектах международного значения. Полагаем, что в силу рассмотрения законопроектом ООПТ в качестве объекта отношений в области охраны окружающей среды и наличия определенного количества норм, использующих данное понятие, представляется возможным закрепление дефиниции ООПТ в статье проекта «Основные термины и их определения».

Таким образом, при наличии в Республике Беларусь сформированной правовой основы для устойчивого и стабильного функционирования системы ООПТ, законодательство в данной сфере продолжает совершенствоваться и развиваться. В качестве головного акта, устанавливающего основополагающие нормы, следует рассматривать Закон «Об охране окружающей среды», положения которого конкретизированы в специальном Законе «Об особо охраняемых природных территориях». Режим охраны и использования категорий ООПТ устанавливается нормативными правовыми актами различного вида и юридической силы.

Москвина В. И.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ МОНИТОРИНГА ПОДЗЕМНЫХ ВОД В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Москвина Валерия Игоревна, аспирант (2 г. об.) Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, lerkalmoskva@yandex.by

Научный руководитель: д-р юрид. наук, профессор Балащенко С. А.

Осуществление мониторинга подземных вод в современных условиях является актуальным. Например, по данным Национальной системы мониторинга окружающей среды из 337 сетей наблюдательных скважин в 20 выявлено превышения предельно допустимых концентраций загрязняющих веществ в подземных водах. Как отмечается в отчете, локальные загрязнения формируются в основном из-за хозяйственной деятельности человека (сельскохозяйственная, коммунально-бытового и промышленного генезиса).

Для обеспечения закрепленных в Конституции Республики Беларусь прав граждан на чистую питьевую воду, государство проводит мероприятия по наблюдению за состоянием водных ресурсов. Для этого сформулирован механизм государственного управления как мониторинг подземных вод. «Мониторинг подземных вод представляет собой систему регулярных наблюдений за состоянием подземных вод по гидрологическим и гидрохимическим показателям, оценки и прогноза его изменения» (ст. 55 Водного кодекса Республики Беларусь).

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28 апреля 2004 г. № 482 «О проведении отдельных видов мониторинга окружающей среды и использовании их данных» утверждено Положение о порядке проведения в составе Национальной системы мониторинга окружающей среды Республики Беларусь мониторинга подземных вод и использования его данных (далее – Положение). В данном Положении содержится более широкое понятие мониторинга подземных вод: «Мониторинг подземных вод представляет собой систему регулярных наблюдений за гидрогеологическими и гидрохимическими показателями состояния подземных вод, обеспечивающую сбор, передачу и обработку полученной информации в целях своевременного выявления негативных процессов, прогнозирования их развития, предотвращения вредных последствий и определения степени эффективности мероприятий, направленных на рациональное использование и охрану подземных вод» (п. 4 Положения).

Таким образом, можно выделить пять направлений мониторинга подземных вод: наблюдение за качественным состоянием подземных вод; сбор, передача и обработка данных о состоянии подземных вод; прогноз состояния подземных вод; предотвращение вредных последствий; определение эффективных мероприятий по охране и рациональному использованию подземных вод.

Объектами наблюдения при проведении мониторинга подземных вод являются: грунтовые воды и артезианские подземные воды (п. 3 Положения).

Мониторинг подземных вод является одним из видов мониторинга окружающей среды, проводимых в составе Национальной системы мониторинга окружающей среды Республики Беларусь, и осуществляется в пунктах наблюдений государственной сети за состоянием подземных вод. Охрану пунктов наблюдений осуществляют: землепользователи (в случаях, когда пункты наблюдения расположены в границах земельных участков); местные исполнительные и распорядительные органы (в случаях, когда пункты наблюдения расположены к границам земельных участков, отнесенных к землям общего пользования, землям запаса) (п. 2 Положения, п. 5 ст. 55 Водного кодекса Республики Беларусь).

Таким образом, можно сделать вывод, что проведение мониторинга подземных вод позволяет получать объективную информацию о состоянии подземных вод, а также разработать прогноз и мероприятия по своевременному выявлению предельно допустимых концентраций загрязняющих веществ и их ликвидации.

Оразалиев К. У.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ УПРАВЛЕНИЯ ВОДНЫМИ РЕСУРСАМИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

*Оразалиев Кайырбек, докторант Евразийского национального университета
имени Л. Н. Гумилева, г. Астана, Республика Казахстан,
orazali.bekosh2017@yandex.kz*

Научный консультант: д-р юрид. наук, профессор Макарова Т. И.

Одной из главных экологических проблем Казахстана является дефицит водных ресурсов. По данным Комитета по водным ресурсам Министерства экологии, геологии и природных ресурсов в средний по водности год их объем оценивается в 100,5 км³, из которого только около половины (44,0 км³) может быть использована в хозяйственных целях.

Согласно прогнозам, приведенным в Концепции по переходу Республики Казахстан к «зеленой экономике», утвержденной Указом Президента Республики Казахстан от 30 мая 2013 г. № 577 (далее – Концепция), к 2030 г. прогнозируется дефицит в размере 13–14 млрд. м³ устойчивых водных ресурсов, необходимых для удовлетворения потребностей экономики. Создание благоприятных условий для рационального, эффективного и безопасного управления водами становится приоритетной задачей, решать которую предлагается: 1) через повышение эффективности использования ресурсов (водных, земельных, биологических и др.) и управления ими; 2) модернизацию существующей и строительство новой инфраструктуры; 3) повышение благополучия населения через рентабельные пути смягчения давления на окружающую среду; 4) повышение экологической безопасности.

В качестве одной из внешних причин уязвимости устойчивости водных ресурсов Концепция называет зависимость от трансграничных рек, протекающих из Китая, России, Узбекистана и Кыргызстана, что составляет

44 % притока поверхностных вод, который быстро сокращается вследствие ускорения экономического и социального развития соседних стран. Однако следует отметить, что в значительной степени на состояние устойчивости водных ресурсов в Казахстане влияют и внутренние факторы, такие как недостаточный контроль водозабора, плохое состояние инфраструктуры, нерациональное использование воды предприятиями и населением, бесконтрольное и систематическое загрязнение.

Основным нормативным правовым актом в сфере регулирования водных отношений является Водный кодекс Республики Казахстан от 9 июля 2003 г. № 481, который ориентирован на хозяйственное использование водных ресурсов, а вопросы их рационального и бережного использования в достаточной мере не урегулированы. В целях совершенствования водного законодательства Правительством Казахстана принято решение о внедрении системных подходов, побуждающих к эффективному водопотреблению, стимулированию замкнутого цикла водопользования и очистки на предприятиях и в жилищно-коммунальной сфере.

Благодаря изучению зарубежного опыта кардинально меняется подход к управлению водными ресурсами, в основу которого положен принцип интегрированного управления водными ресурсами (ИУВР). Условно его можно разделить на три уровня: 1) систематический мониторинг вод в различных измерениях – поверхностная и подземная, ее количество и качество, что позволяет комплексно решать задачи, связанные с безопасностью и качеством воды; 2) изучение воды в составе экологической системы, что позволяет решать вопросы управления экосистемами пойм рек, смягчения последствий засух, борьбы с эрозией, проведения ирригации, охраны заболоченных территорий и использования ареалов обитания рыбы или живой природы в рекреационных целях; 3) взаимодействие между экономикой, обществом и окружающей средой в первую очередь в части эффективного использования степных территорий, в которых вода является фактором развития экономики, снижения уровня бедности, улучшения здоровья, сохранения культурного наследия. Основными чертами ИУВР является применение ориентированного на достижение результатов подхода, партнерские отношения и наличие заинтересованных сторон.

Анализ проблем, сложившихся в сфере охраны и рационального использования водного фонда Республики Казахстан, показывает, что их эффективное решение не может быть обеспечено без кардинального обновления действующего правового регулирования вопросов управления водными ресурсами, которое бы устанавливало правовые, экономические и организационные отношения между государством, его административно-территориальными единицами, государственными органами и организациями, субъектами квазигосударственного сектора, физическими и юридическими лицами для обеспечения водной безопасности Республики Казахстан, обеспечения водными ресурсами населения, окружающей среды и отраслей экономики республики.

Пашкова А. В.

**ЮРИДИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ ПРОИЗВОДСТВА
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ОРГАНИЧЕСКОЙ ПРОДУКЦИИ И ЕГО
ОСОБЕННОСТИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Пашкова Алеся Владимировна, аспирант Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, alesia.pashkova@gmail.com

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Саскевич В. В.

Производство сельскохозяйственной органической продукции является перспективным направлением в сельском хозяйстве как с позиции экологизации этой отрасли экономики, так и в плане обеспечения населения качественными продуктами питания, реализации данной продукции на экспорт. Необходимым условием развития рассматриваемого направления производства является наличие соответствующего правового регулирования, законодательные основы которого закреплены Законом Республики Беларусь от 9 ноября 2018 г. № 144-З «О производстве и обращении органической продукции» (далее – Закон), в числе прочего определившим ключевые правовые категории в данной области.

В соответствии со ст. 1 Закона производство органической продукции представляет собой деятельность по созданию, переработке органической продукции с соблюдением требований к процессам производства органической продукции, установленных настоящим Законом, техническими нормативными правовыми актами, международными договорами Республики Беларусь, а также международно-правовыми актами, составляющими право Евразийского экономического союза. Данный термин относится и к производству сельскохозяйственной органической продукции.

Общие требования к процессам производства содержатся в ст. 14 Закона. К производству сельскохозяйственной органической продукции будет относиться деятельность по созданию такой продукции, а также ее переработки. Важно отметить, что сельскохозяйственная органическая продукция должна быть отделена на всех этапах производства от неорганической продукции, но возможно параллельное производство без допущения контакта и смешивания данных видов продукции. Процессы производства сельскохозяйственной органической продукции должны соответствовать определенным требованиям, что предусмотрено в дефиниции статьи. Требования закреплены в Законе, а также детализированы и дополнены техническими нормативными правовыми актами, в частности, Техническим кодексом установившейся практики 635-2019 «Общие правила производства», дата введения 18.11.2019 (далее – ТКП 635-2019), Межгосударственным стандартом 33980-2016 «Продукция органического производства. Правила производства, переработки, маркировки и реализации» (далее – ГОСТ 33980-2016), где предусмотрены правила производства.

Особенностью производства, содержащегося в национальном законодательстве, а именно в технических нормативных правовых актах,

является применение различных удобрений в процессе производства сельскохозяйственной органической продукции. ГОСТ 33980-2016 содержит в Приложении А перечень допустимых удобрений и почвоулучшающих веществ, разрешенных при производстве органической продукции, а также приводит перечень веществ, которые запрещены в применении, например, минеральные азотные удобрения. В ТКП 635-2019 предусмотрено, что при производстве органической продукции не допускается использование минеральных удобрений на основе азота, а при использовании органических удобрений следует обратить внимание, что количество содержащегося в них азота не должно превышать 170 кг в год на гектар используемых сельскохозяйственных угодий. В Законе в свою очередь, устанавливается запрет использования химических удобрений.

Следует отметить, что определение понятия производства органической продукции сформулировано на перспективу и учитывает тенденции развития правового регулирования и связанных с ним отношений в Евразийском экономическом союзе. Коллегия Евразийской экономической комиссии одобрила «дорожную карту» по формированию рынка органической сельскохозяйственной продукции в рамках ЕАЭС, где предусмотрена разработка международного договора, направленного на обеспечение свободного (беспрепятственного) перемещения в рамках ЕАЭС органической сельскохозяйственной продукции.

Примакова Н. А.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ ПОНЯТИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ВРЕДА

Примакова Наталия Алексеевна, студентка магистратуры Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, primakovanatalia@tut.by

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Мороз О. В.

В соответствии с Законом Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-ХІІ «Об охране окружающей среды» экологический вред включает в себя вред, причиненный окружающей среде, и вред, причиненный жизни, здоровью и имуществу граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, имуществу юридических лиц и имуществу, находящемуся в собственности государства, в результате вредного воздействия на окружающую среду. Отметим, что на практике данные виды вреда тесно связаны между собой. Вред, причиненный жизни и здоровью граждан, заключается в том, что происходит вредное воздействие на здоровье человека в результате вредного воздействия на окружающую среду. Имущественный вред, причиняемый экономическим интересам природопользователя, должен иметь экономическую оценку и часто связан с вредом, причиненным окружающей среде.

Тем не менее считаем целесообразным исключить вред, причиненный жизни, здоровью и имуществу граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, имуществу юридических лиц и имуществу, находящемуся

в собственности государства, из понятия экологического вреда, так как данный вид вреда опосредуется вредом, причиненным окружающей среде и не имеет выраженной экологической специфики. Отсутствуют специальные нормы, закрепляющие механизм возмещения данного вида вреда. Законодательство об охране окружающей среды содержит отсылку к гражданскому законодательству по данному вопросу. Кроме того, такой подход будет соответствовать пониманию предмета экологического права.

Дискуссионным является вопрос о разграничении возмещения вреда, причиненного окружающей среде в случае нарушения законодательства и в случае, когда такое нарушение отсутствует. Согласно легальному подходу вред, причиненный окружающей среде, может быть только неправомерным. Однако распространен научный подход, согласно которому такой вред следует рассматривать в широком смысле – как любое воздействие, которое ухудшает состояние окружающей среды. Национальным законодательством предусмотрен ряд мер восстановительного характера при негативном воздействии на окружающую среду в результате правомерной деятельности, в том числе возмещение потерь лесохозяйственного и сельскохозяйственного производства, осуществление компенсационных выплат за вредное воздействие на объекты животного мира и среду их обитания или представляющее потенциальную опасность для них, а также компенсационные мероприятия за удаление объектов растительного мира.

Предлагаем расширить правовое понимание экологического вреда, включив в него вред, причиненный окружающей среде, не связанный с нарушением законодательства, с отражением в ст. 1 Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды». Такой подход будет способствовать систематизации правового регулирования соответствующих отношений. В настоящее время в основном природоохранном акте отсутствуют общие положения, регламентирующие вред, причиненный окружающей среде в результате правомерной деятельности.

Хотенко П. Г.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ЭКОЛОГИЧЕСКОМ АУДИТЕ

Хотенко Полина Геннадьевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, Hpolina@tut.by

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Мороз О. В.

Формирование экологического права в качестве самостоятельной отрасли в системе права Республики Беларусь началось в 90-х гг. XX в. с обретением государством суверенитета. Принятие Закона Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-ХІІ «Об охране окружающей среды», а также закрепление в Конституции Республики Беларусь права каждого на благоприятную окружающую среду способствовало установлению природоохранных механизмов, одним из которых является экологический аудит.

Можно выделить ряд этапов развития законодательства об экологическом аудите. Первоначально экологический аудит регламентировался такими государственными стандартами, как СТБ ИСО 14010-99 «Руководящие указания по экологическому аудиту. Основные принципы»; СТБ ИСО 14012-99 «Руководящие указания по экологическому аудиту. Квалификационные критерии для аудиторов в области экологии»; СТБ ИСО 14011-2000 «Руководящие указания по экологическому аудиту. Процедуры аудита. Проведение аудита систем управления окружающей средой», которые были разработаны на основе международной системы стандартов Международной организации стандартизации. В Законе Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» данная природоохранная мера впервые нашла отражение в его новой редакции от 17 июля 2002 г. Так, были закреплены определение правового понятия, цели, субъекты и случаи добровольного и обязательного проведения экологического аудита.

Постановлением Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь от 27 марта 2006 г. № 19 «О некоторых вопросах проведения экологического аудита» утверждались Правила проведения экологического аудита, Правила аттестации экологического аудитора, Правила представления заключения о проведении экологического аудита и Правила представления отчетности о проведении экологического аудита. Во многом они заменили указанные выше государственные стандарты. Тем самым экологический аудит получил комплексное правовое регулирование в специальном законодательстве об охране окружающей среды. Тем не менее на данном этапе действовал государственный стандарт СТБ ИСО 19011-2003 «Руководящие указания по аудиту систем менеджмента качества и (или) систем экологического менеджмента».

Современный этап развития экологического аудита связан с действующим Положением о порядке проведения экологического аудита, утвержденным постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 26 мая 2016 г. № 412. Кроме того, действует ГОСТ ISO 19011-2013 «Руководящие указания по аудиту систем менеджмента». Как видим, повышен уровень детального правового регулирования соответствующих отношений.

Перспектива развития соответствующего законодательства также определяется местом экологического аудита в организационно-правовом механизме охраны окружающей среды. В юридической литературе экологический аудит соотносят с рядом иных природоохранных механизмов. Рассматривая различные точки зрения, можно прийти к выводу, что он носит оценочный, контрольный и стимулирующий характер. С одной стороны, задачей экологического аудита является оценка воздействий на окружающую среду, которые могут иметь место в деятельности субъектов хозяйствования, с другой – это специфический вид контроля в широком понимании. Следует отметить, что нормы об экологическом аудите излагаются в гл. 15 «Контроль в области охраны окружающей среды, рационального использования природных ресурсов. Организация работы по охране окружающей среды при

осуществлении хозяйственной деятельности» Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды». Кроме того, экологический аудит стимулирует субъекты хозяйствования соблюдать природоохранные требования в пределах своего предприятия, что позволяет также относить его к экономическому механизму охраны окружающей среды. В силу этого будет оставаться актуальным вопрос отнесения правовых норм, регулирующих экологический аудит, к тому или иному более комплексному институту экологического права, что может влиять на систематизацию правовых норм.

Тем не менее специфика экологического аудита позволяет обособить правовые нормы в отдельную главу указанного закона. При этом потребуются более комплексное и детальное изложение в данном нормативном правовом акте соответствующих норм, в том числе о порядке проведения экологического аудита. Принятие Закона Республики Беларусь «Об экологическом аудите» также предлагаем рассматривать как перспективный вариант дальнейшего совершенствования законодательства в данной сфере.

Шалатон Е. В.

РЕФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА ОГРАНИЧЕННЫХ ВЕЩНЫХ ПРАВ НА ЗЕМЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ: VIAM SUPERVADET VADENS

Шалатон Елена Викторовна, студент 2 курса магистратуры Северо-Западного института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Вологда, Россия, evshalaton@gmail.com

Научный руководитель: д-р юрид. наук, доцент Воронина Н. П.

Проблема трансформации ограниченных вещных прав на земельные участки в Российской Федерации на настоящий момент приобретает особое значение в связи с модернизацией гражданского и земельного законодательства. Законодательный и правоприменительный процесс в части законодательства о недвижимости по-прежнему является одним из самых актуальных и насущных вопросов в связи с реформированием гражданского законодательства. Особое значение имеет и развитие законодательства о вещных правах. Где недвижимость – там вещные права.

В апреле 2012 г. в Государственную Думу РФ был внесен единый проект федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса РФ, а также в отдельные законодательные акты РФ». Он был принят в первом чтении, но в части раздела, касающегося недвижимости и нового раздела «Вещные права», остался законопроектом в первом чтении, и в основном остается таковым по настоящее время. Произошли лишь единичные изменения, а должна быть системная модернизация гражданского законодательства.

В 2017 г. Советом по кодификации совершенствования гражданского законодательства при Президенте РФ (занимается экспертизой законопроектов по внесению изменений в Гражданский кодекс Российской

Федерации, далее – ГК РФ) была создана рабочая группа по подготовке ко второму чтению части, которая отвечает за вещные права и недвижимость. Планировалось часть из законопроекта преобразовать в отдельный законопроект, который будет принят в дальнейших чтениях, и в итоге станет полноценным законом.

В 2019 г. к этой части были подготовлены изменения ко второму чтению рабочей группой, возглавляемой В. В. Витрянским. Они касались определенных подходов и совершенствования понятий недвижимости (ст. 130 и далее части первой ГК РФ), а также расширенного углубленного подхода относительно институт вещных прав.

Основной задачей была попытка возврата подхода к понятию недвижимости как к единому объекту – земельному участку с его непосредственными существенными составными частями (здания, сооружения). Такой подход можно наблюдать в римском или немецком праве. В РФ в данный момент понятие недвижимости отражено в ст. 130 ГК РФ и представляет собой несколько самостоятельных объектов: земельный участок, здания, сооружения.

Комитетом Государственной Думы по государственному строительству и законодательству было принято решение о делении этого законопроекта (№ 47538-6/5), опубликованного в 2019 г., на отдельные части с дальнейшей доработкой этих частей до состояния закона.

Так, законопроект № 47538-6/5 стал Федеральным законом № 430-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» от 21 декабря 2021 г. Данный закон ввел в ГК РФ самостоятельный раздел 6.1 «Недвижимые вещи», а также самостоятельную новую главу 17.1 «Право собственности и другие вещные права на здания, сооружения, объекты незавершенного строительства, помещения и машиноместа».

В проекте федерального закона № 47538-6 вынесен и установлен перечень ограниченных вещных прав, модификация которых назрела давно. Предложены новые виды ограниченных вещных прав на земельные участки и иное недвижимое имущество: право постоянного владения и пользования земельным участком (гл. 20); право застройки земельного участка (гл. 20.1); сервитут (гл. 20.2); право личного пользования – узуфрукт (гл. 20.3); ипотека (гл. 20.4); право приобретения чужой недвижимой вещи (гл. 20.5); право вещной выдачи (гл. 20.6); право оперативного управления имуществом, относящимся к государственной или муниципальной собственности (гл. 20.7).

В настоящее время право собственности и другие вещные права на земельные участки регламентируются гл. 17 ГК РФ (ст. 260–287). Кроме того, действует ст. 216 ГК РФ, которая регламентирует «Вещные права лиц, не являющихся собственниками». В ней отражены виды ограниченных вещных прав на земельные участки: право пожизненного наследуемого владения земельным участком, сервитут, право постоянного (бессрочного) пользования земельным участком.

На наш взгляд, в ГК РФ ограниченные вещные права (права на чужие вещи) регулируются по остаточному принципу. Вместе с тем уже сложилась объективная необходимость в изменении системы ограниченных вещных прав на земельные участки. В конце 2021 г. изменениями в ГК РФ было охвачено (и то довольно поверхностно) лишь право застройки. Полагаем, что экономические и социальные условия требуются более кардинальной модернизации системы ограниченных прав на земельные участки.

Шестовская С. А.

ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ В ОБЛАСТИ ОБРАЩЕНИЯ С ОТХОДАМИ АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ

Шестовская Светлана Алексеевна, соискатель Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, beatlesveta@gmail.com

Научный руководитель: д-р юрид. наук, профессор Карнович Н. А.

В настоящее время вопросы обращения с радиоактивными отходами в Республике Беларусь активно обсуждаются. Данный интерес вызван необходимостью принятия регулирующих, организационно-управленческих, технических решений, направленных на обеспечение экологической, ядерной и радиационной безопасности при обращении с радиоактивными отходами, подавляющее большинство из которых будут составлять отходы атомной энергетики.

Развитие ядерной энергетической программы в Республике Беларусь повлекло интенсивное совершенствование законодательства о ядерной и радиационной безопасности, включая область обращения с отходами атомной энергетики. Указом Президента Республики Беларусь от 5 апреля 2021 г. № 137 «О регулировании деятельности в области использования атомной энергии и источников ионизирующего излучения» внесены изменения в Единый правовой классификатор, предусматривающие закрепление новой отрасли законодательства – «законодательство о ядерной и радиационной безопасности», которая содержит самостоятельную подотрасль – «обращение с радиоактивными отходами».

В целях укрепления и поддержания должного уровня ядерной и радиационной безопасности при использовании атомной энергии принят новый Закон Республики Беларусь от 10 октября 2022 г. № 208-З «О регулировании безопасности при использовании атомной энергии» (далее – Закон), который устанавливает нововведения в области обращения с радиоактивными отходами, образующимися в результате деятельности по использованию атомной энергии.

В частности, Законом закреплены определения «жизненный цикл ядерной установки и (или) пункта хранения, пункта захоронения», «проект на ядерную установку и (или) пункт хранения, пункт захоронения», «проектирование», «сооружение ядерной установки и (или) пункта хранения, пункта захоронения» и иные термины, что позволит обеспечить

единообразное применение законодательства всеми субъектами правоотношений, осуществляющими деятельность в области использования атомной энергии.

Правовое понятие «эксплуатационные радиоактивные отходы», установленное Законом Республики Беларусь от 30 июля 2008 г. № 426-З «Об использовании атомной энергии» (утрачивает силу 13.10.2023), трансформируется в понятие «радиоактивные отходы, образующиеся (размещаемые) в результате эксплуатации ядерной установки и (или) пункта хранения, пункта захоронения». В соответствии со ст. 2 Закона отношения, связанные с обращением с ядерными материалами и радиоактивными отходами, не урегулированные Законом, регулируются законодательством о радиационной безопасности. Статья 7 Закона относит обеспечение безопасности на всех этапах обращения с радиоактивными отходами к элементам обеспечения безопасности при использовании атомной энергии.

Наряду с указанным отметим, что важным шагом на пути комплексного, всестороннего регулирования вопросов обращения с отходами атомной энергетики, на наш взгляд, является разграничение понятий «хранение» и «захоронение» радиоактивных отходов, а также установление в связи с этим требований, которые ранее законодателем не вводились. Данные определения, а также технические требования безопасности к хранению и захоронению радиоактивных отходов, устанавливались в технических нормативных правовых актах в зависимости от класса радиационной опасности. Закрепление в Законе юридической терминологии и установление в соответствии с ней регулирующих требований позволит консолидировать нормативные предписания на основе системообразующего законодательного акта с учетом дифференцированного уровня опасности влияния радиоактивных отходов и их последствий на окружающую среду, жизнь и здоровье человека.

Барсуков Р. А.
КИТАЙ КАК НОВЫЙ ЦЕНТР СИЛЫ
ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ СО СТРАНАМИ АФРИКИ

*Барсуков Роман Александрович, студент 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
barsukovroman820@gmail.com*

Научный руководитель: канд. полит. наук, доцент Побережная О. Е.

Новые центры силы – это полупериферийные государства, играющие решающую роль в политических, экономических и культурных сферах в рамках отдельного региона, стремящиеся выйти на глобальный уровень.

XXI в. стал рубежом в результате которого возникли новые центры силы: Китай, Россия, Индия, Турция и др. Как итог, возникло стремление распространить свое экономическое, политическое влияние. Африканские страны ввиду их сырьевого положения, а также демографического потенциала стали привлекательными для полупериферийных государств.

Африканский континент исторически являлся зоной влияния государств Запада. Но с момента расширения мир-системы путем включения в нее Африканского континента, Западные игроки оказались в шатком положении, вызванном постколониальной неустойчивостью новых субъектов мировой политики. Активно этим пользовался СССР в ходе холодной войны, укрепляя свое присутствие в этом регионе, на данный момент подобную позицию занимает Китай.

Китай является наиважнейшим стратегическим партнером африканских государств. Так, в 2011 г. КНР стала крупнейшим торговым партнером Африки, обогнав США, оборот составил 166,3 млрд. долл. Стратегически Китай стремится к усилению своего положения на мировой арене, созданию «китайской мечты». Инициатива «Один пояс – один путь» является ключевой в планах Пекина по достижению глобального превосходства, стимулированию экономического роста в условиях санкционного давления, а также попытке выхода из кризиса перенакопления капитала.

Африка участвует в Морском шелковом пути, что увеличивает инвестиционную вовлеченность Китая в строительство транспортных инфраструктурных проектов. В связи с недостатком собственных средств для строительства развитой инфраструктуры и отсутствием доступа к международным рынкам капитала и банкам африканские государства вынуждены обращаться к китайским инвестиционным банкам.

Китай подхватывает общеафриканские тренды на консолидацию континента, тем самым утверждая свою ведущую роль. Внимание Китая к африканской инфраструктуре отвечает задачам «Повестки 2063», принятой Африканским союзом. «Африканская мечта» – соединить страны континента сетью дорог и воздушных путей, портов, электропередач, телекоммуникаций.

Заинтересованность африканских государств в китайских инвестициях прежде всего обусловлена отсутствием требований политического характера, поддержкой независимого выбора развития, в отличие от западных инвестиционных стратегий. Но в то же время это позволяет китайским банкам ужесточать обслуживание этого кредита для развивающихся стран Африки. Последствия COVID-19 вскрыли явный итог закрежденности Африки, а именно выбор между погашением внешнего долга или борьбой с пандемией и вызванным ею экономическим спадом. Примерно 60 % от всех кредитов, предоставляемых для развивающихся стран, обеспечены залогом, что позволит китайским компаниям овладеть объектами критической инфраструктуры в перспективе.

Развитая инфраструктурная сеть облегчает вывоз ресурсов из этих стран, из этого усматривается, что такие проекты закрепляют привилегированное положение Китая в этих странах.

Китаю требуется внешняя поддержка для отстаивания государственных интересов на международной арене. Поднебесная стремится путем усиления экономического влияния переориентировать африканскую политическую элиту на принятие ключевых решений в свою пользу.

Военное партнерство Китая с африканскими государствами имеет тенденцию к расширению, в частности, это связано с ослаблением Франции в таких странах, как Мали, Буркина-Фасо и др. Африканские правительства вынуждены диверсифицировать свое военное сотрудничество вслед за изменением своей экономической ориентации в сторону Пекина. Китай вследствие своих геополитических амбиций защищает вложенные капиталы. Усиление экономического влияния ведет к наращиванию военного присутствия в африканском регионе.

Таким образом, Китай, используя методы мягкой силы, расширяет свою сферу влияния, играющую роль энергетической базы растущей китайской экономики.

Глушакова Е. А.

**ПОЛИНАРРАТИВНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ КАК
ДЕТЕРМИНАНТА МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТИ
В ПОЛИТОЛОГИИ**

Глушакова Елизавета Александровна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, lizaveta0320@gmail.com

Научный руководитель: д-р полит.наук, профессор Антанович Н. А.

Специфика политологии как системы научного знания, науки и дисциплины концентрируется в том, что она включает в себя как идеи, идеалы, символы, моральные категории, так и эмпирические данные, закономерности, законы и статистику. Обозначенный перечень нельзя назвать исчерпывающим: в политологии находят место сознание, психика, поведение политических/неполитических акторов. Такой конгломерат,

формирующий исследовательское поле политологии, есть основание для утверждения факта полинарративности политического знания.

Под полинарративным осмыслением политического знания мы понимаем подход к восприятию, а также дальнейшей обработке и использованию политического знания на трех уровнях наррации: эмпирический и нормативный уровни, а также теории /обобщения среднего уровня.

Уровень эмпирики (эмпирический уровень) определяется как базовый «пласт» политического знания, представляющий реальные данные или описания, получаемые посредством применения позитивистского (количественного) методологического аппарата (например, эксперимент, наблюдение, материальное моделирование, применение статистики, опросы, анкетирование, контент-анализ и др.). На указанном уровне формируются следующие субдисциплинарные системы (направления): политическая социология, политическая статистика, политическая психология.

Следующий уровень является в некотором смысле «переходным» и отражает возможность построения взаимосвязи между эмпирическим и нормативным уровнями. Теории среднего уровня есть концепт, в рамках которого выстраиваются казуальные связи, взаимозависимости и детерминации между полученными на начальном уровне данными. Так, теории среднего уровня можно определить как «транзит», с помощью которого аккумулярованные в теоретическое оформление данные на следующем уровне могут быть помещены в установленные нормативные рамки. Здесь следует отметить, что теории среднего уровня способствовали развитию и поддержанию новыми идеями политической элитологии («циркуляция элит» В. Парето; закон «железной олигархии» Р. Михельса; теория передачи властных полномочий в демократической системе К. Якобсена), политической конфликтологии (закономерность Дж. Дэвиса; теория перекрестного давления).

Говоря о нормативном уровне, мы подразумеваем более высокий уровень абстракции. На указанном уровне наррации происходит «помещение» полученных данных, теорий в формат морально-критического осмысления. Используется герменевтическая методологическая рамка, подразумевающая применение методов качественного интерпретирующего познания (например, идеализация, мыслительный эксперимент, метод восхождения от абстрактного к конкретному, экстраполяция и др.). Наиболее значимым примером, отражающим как данный уровень наррации, поддерживающим междисциплинарную интенциональность, выступает политическая философия. В рамках политической философии рассматриваются вопросы наилучшего устройства системы общественных отношений, государственного устройства; вопросы морали и нравственности в политике; всесторонне рассматриваются категории блага и справедливости.

Развитие первого (эмпирического) и третьего (нормативного) уровней должно идти параллельно. Это обусловливается тем, что при наличии эмпирической фактологической базы нам необходимо иметь нормативные

конструкты, с помощью которых измеренная действительность может быть подвергнута критической оценке через сопоставление (противопоставление). При этом важно отметить следующее: нормативный уровень утверждается в своей значимости еще в начале процедурного ряда эмпирического уровня (выборка понятий для операционализации и квантификации происходит в рамках определенного нормативного направления; сами понятия есть имманентный результат функционирования нормативного уровня).

Таким образом, выявлено, что полинарративность политического знания проявляется в функционировании политологии на трех уровнях наррации и ведет к укреплению междисциплинарной тенденции в политологии через формирование субдисциплинарных систем знания.

Ивашкина Д. А.

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Ивашкина Дарья Александровна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, iwashkinadaria@gmail.com

Научный руководитель: канд. полит. наук, доцент Ильина Е. М.

Обеспечение информационной безопасности – состояние защищенности информационного поля от различных внешних и внутренних информационных воздействий – приобретает особую актуальность на современном этапе. В современном информационном обществе возрастает значение процесса трансляции и интерпретации информации, которые оказывают существенное влияние на формирование общественно-политического сознания населения. В медиапространстве разворачивается информационная «борьба за умы» людей, которая характеризуется особым механизмом трансляции новостей, придающим им полярное по содержанию значение, чтобы определенным образом воздействовать на массы и навязывать им конкретную точку зрения на те или иные политические процессы. В сложившихся геополитических условиях информационное противоборство усиливается и перерастает в информационную войну, что актуализирует проблемы обеспечения информационной безопасности в системе национальной безопасности Республики Беларусь.

Существенный вклад в исследование проблематики информационной безопасности Республики Беларусь внесли такие отечественные ученые, как: А. П. Арчаков, А. Л. Баньковский, А. В. Ивановский, О. С. Макаров, А. П. Мельников, Н. О. Мороз, С. В. Решетников и др. В 2021 г. в Беларуси впервые издано пособие для педагогов «Актуальные вопросы обеспечения информационной безопасности» как превентивная мера по защите информационного пространства и средство повышения информационной грамотности и культуры молодежи.

Законодательные и концептуальные основы обеспечения безопасности в информационной сфере закреплены в Конституции Республики Беларусь,

Законе Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации», Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, Концепции информационной безопасности Республики Беларусь и других актах отечественной нормативной правовой базы.

В Республике Беларусь функционирует государственная система обеспечения информационной безопасности как совокупность сил, осуществляющих спланированную и скоординированную деятельность по обеспечению безопасности в информационной сфере.

Таким образом в условиях информационного противоборства и современных тенденций гибридной войны представляется целесообразным совершенствование правового регулирования обеспечения национальной безопасности в информационной сфере, разработка направлений эффективной контрпропаганды как механизма противодействия деструктивному информационному воздействию на личность, общество и государственные интересы, а также формирование общего информационного пространства Беларуси и России.

Кебец В. В.

«БЕЛОВЕЖКАЯ СИСТЕМА»: ОСОБЕННОСТИ И МЕСТО В ИСТОРИИ ГЕОПОЛИТИКИ

Кебец Владислав Валерьевич, студент 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, kebec@bsu.by

Научный руководитель: канд. полит. наук, доцент Абраменко Е. Г.

После краха Советского Союза и всей социалистической системы в целом стали говорить об окончании Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений. Эпоха биполярного мира, лежавшего в основе данной системы, закончилась. В более широком смысле, закончился XX в. – век идеологического противостояния, которое за полвека до краха социализма фактически похоронило предыдущую, Версальско-Вашингтонскую систему. Но в начале 1990-х вышло что прекращение холодной войны стало поводом для признания Ялтинско-Потсдамской системы утратившей силу.

Современную систему международных отношений иногда называют Беловежской. Достаточно необычно, ведь конкретные наименования в теории международных отношений, да и в целом в истории, давали полноценным, устоявшимся системам, базировавшимся на определенных принципах, геополитических реалиях, определенных международных акторах, которые играли ведущие роли на протяжении всего существования Вестфальской, Венской, Версальско-Вашингтонской, Ялтинско-Потсдамской систем. Будет ошибочным сказать о ней как о самостоятельной полноценной системе международных отношений.

Во-первых, каждая новая система базировалась на определенных, в большинстве своем новых принципах построения межгосударственных

отношений. Разумеется, некоторые принципы заимствовались из предшествующих эпох или же одни становились приоритетнее других. В случае так называемой Беловежской системы – все принципы являются наследием Ялтинской системы, а именно принципы, которые именуются принципами международного права, которые изложены в Уставе ООН, в частности, и в ряде иных международных документов.

Во-вторых, универсальные международные институты во главе с ООН существуют по сей день и также являются наследием послевоенного миропорядка. ООН фактически определяет круг великих держав в лице государств – постоянных членов Совета Безопасности: США, Россия, Китай, Великобритания и Франция. Однако в последние годы данный состав, сложившийся еще в середине 1940-х гг., неустанно критикуется государствами и отдельными лицами.

В-третьих, неопределенным остается состав ключевых геополитических игроков. Ранее состав государств определявших дальнейшую судьбу миропорядка, в основе своей определялся кругом государств, стоявших у истоков формирования новых систем, участвовавших в Венском конгрессе, подписывавших Версальский, Вашингтонский договоры, участвовавшие в Ялтинской и Потсдамской конференции. Разумеется, этот круг часто менялся, но не кардинально, а появление новых центров силы скорее говорило о «трещинах» в системе. Сегодня великими державами признаются не все 3 государства, представители которых подписывали соглашение в Беловежской пуще. К тому же за 30 лет постепенно все больше государств проявляли свои амбиции. А именно на «стыке амбиций» формировались все предыдущие системы международных отношений. В Вискулях у представителей России, Украины и Беларуси были скорее общие интересы.

В то же время так называемая Беловежская система, если ее считать промежуточным этапом между Ялтинско-Потсдамской и следующей полноценной системой международных отношений, отличается определенной уникальностью. Дело в том, что согласно с традиционно принятой периодизацией истории международных отношений, между предыдущими моделями также существовали промежуточные этапы. И все они прерывались, как правило, либо одним крупным военным конфликтом (Первая и Вторая мировая война), либо серией однородных конфликтов (войны антиреволюционных-антинаполеоновских коалиций). В данном же случае предыдущая система не разбилась о новый крупномасштабный конфликт, а ушла вместе с противостоянием (пускай и холодным), а новая модель международных отношений стала эпохой неопределенности, как в свое время подобным образом характеризовалось время на заре холодной войны.

Таким образом, современную модель международных отношений, которую часто именуют Беловежской системой, нельзя охарактеризовать как полноценную систему международных отношений на подобии Венской или Ялтинско-Потсдамской. С точки зрения геополитической обстановки она значительно отличается от предыдущей модели, но она во многом не обрела своей самостоятельности, в особенности в институциональном плане.

Клочкова А. С.
СПЕЦИФИКА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ В КИТАЙСКОЙ
НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

*Клочкова Алина Сергеевна, студентка 1 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
klochkovaalinka2003@mail.ru*

Научный руководитель: д-р полит. наук, профессор Антанович Н. А.

Китайская Народная Республика совершила скачок в своем социальном и экономическом развитии, обеспеченный эффективной системой государственного управления, приводимой в действие гражданскими государственными служащими. На систему государственной службы Китая повлияли как современные новации, так и традиции, сложившиеся на протяжении столетий развития китайского государства.

Государственные служащие Китая – это персонал, который осуществляет исполнение публичных обязанностей согласно требованиям законодательства, включен в систему кадров государственной администрации и получает заработную плату, а также пособия за счет государственных средств.

Правовую основу государственной службы в Китае составляют Конституция страны, принятая в 1982 г., Закон о государственной гражданской службе, вступивший в силу в 2005 г., система иных нормативных правовых актов, регулирующих отдельные вопросы государственной службы. Китайское законодательство закрепляет порядок поступления на госслужбу. Всю совокупность должностей государственной службы можно разделить на две группы: не руководящие и руководящие должности.

Система руководящих должностей государственной службы Китая подразделяется на следующие уровни: государственный; министерский; провинциальный; ведомственный; уездный; городской уровни и т. д.

Каждому уровню руководящих должностей государственной службы присваивается определенный ранг. Руководители государственного значения имеют первый ранг государственной службы, заместители руководителей государственного значения имеют 2–4 ранги, руководители министерского и провинциального уровня – 4–8 ранги, заместители руководителей министерского и провинциального уровней – 6–10 ранги, руководители департаментов – 8–13 ранги, их заместители – 10–15 ранги, руководители местного и уездного уровня – 12–18 ранги, их заместители – 14–20 ранги, руководители областей – 16–22 ранги, их заместители – 17–24 ранги.

Система рангов не руководящих должностей государственной службы включает в себя инспекторов, которым присваиваются 8–13 ранги, их заместителей, имеющих 10–15 ранги, консультантов, наделяемых 12–18 рангами, их заместителей, имеющих 14–20 ранги, заведующих отделов 16–22 ранги, заместителей заведующих отделами, имеющих 17–24 ранги, референтов 18–26 ранга, клерков 19–27 ранга.

Поступление в систему государственной службы на не руководящие должности осуществляется в соответствии с открытым экзаменом, который проводится на конкурсной основе. Законодательство предусматривает приоритетность принятия на государственную службу представителей национальных меньшинств при прочих равных условиях в рамках автономного региона. Проведение экзамена обеспечивает Государственная администрация гражданской службы Китая. Информирование населения о наличии вакансий осуществляется с помощью объявлений. Прохождение экзамена обеспечивает начало проверки документации, подаваемой претендентом на должность, на предмет выяснения соответствия требованиям.

К государственным служащим Китая предъявляются такие требования: наличие гражданства, достижение 18-летнего возраста, поддержка китайской Конституции, наличие высоких моральных качеств, здоровье и образование, отсутствие судимости. Государственные служащие также проходят медицинский осмотр.

В системе государственной службы Китая предусматривается обучение государственных служащих и прохождение стажировки с целью расширения кругозора и повышения компетенций государственного служащего.

Таким образом, можно сделать вывод, что руководство Китая серьезно подходит к проблеме модернизации государственно аппарата. На данную группу людей возлагается задача служения народу.

Козловский В. А.

ИССЛЕДОВАНИЯ ПОДХОДОВ К ПОНЯТИЮ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Козловский Владислав Андреевич, аспирант 2 года обучения Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, ul.kazlouski@gmail.com

Научный руководитель: канд. полит. наук, доцент Паречина С. Г.

Формирование современной цифровой реальности не обходит стороной и систему государственного управления. Под давлением объективных обстоятельств, таких как развитие науки и техники, изменение общественного запроса и глобальные вызовы, система государственного управления трансформируется, чтобы соответствовать структурным изменениям в обществе и сохранять традиционные нормы общественного договора.

Возникшая в 70-х гг. прошлого столетия в США концепция «теледемократии» стала ответом на широкое распространение кабельного телевидения и телефонных линий, которые открыли новые возможности для взаимодействия с широкими слоями населения. Эта концепция впоследствии стала основой для развития концепции «электронной демократии».

Уже начиная с 80-х гг. XX в. многие исследователи в среде социально-гуманитарных наук стали проводить исследования в сфере становления и развития электронной демократии. Появление понятий электронного

правительства, цифрового правительства, цифрового государства, информационного взаимодействия, киберпространства и других стало возможным благодаря усилиям широкого числа исследователей.

Подходы к изучению концепции электронного правительства и цифровой трансформации государственного управления в своих работах исследовали зарубежные авторы Ю. Хабермас, Ф. Фукуяма, Д. Холмс, М. Бонэм, Д. Уэст, Л. Делкамбри и др. Среди российских авторов особо следует отметить исследования Р. Ф. Азизова, А. В. Короткова, И. Ю. Богдановской, В. В. Солодова и др. Из белорусских ученых исследования по данной теме проводят Н. А. Антанович, С. В. Решетников, Е. М. Ильина и др.

Существует большое количество литературы, опубликованной исследовательскими и научными организациями, аналитическими центрами и консалтинговыми компаниями, которые достаточно полно описывают историю и этапы развития электронного правительства. Но среди всех следует особо отметить Департамент по экономическим и социальным вопросам Организации Объединенных Наций (ООН), который с 2001 г. выпускает глубокое и детальное исследование по развитию электронного правительства в мире. Каждые два года публикуется самый полный набор сравнительных характеристик и оценок. В исследовании ООН индекс развития электронного правительства рассчитывается исходя из трех показателей: доступность интернет-услуг, телекоммуникационная инфраструктура и человеческий капитал всех 193 стран – членов ООН (на данный момент). По данным исследования за 2022 г., Республика Беларусь занимает 58 место в рейтинге.

В исследовании понятия электронного правительства выделяется несколько подходов. В одном случае электронное правительство определяют как совокупность электронных ресурсов государственных органов, позволяющих оказывать оперативные и качественные административные услуги в электронном формате для бизнеса и граждан. В другом варианте электронное правительство отмечают как одну из стадий в процессе формирования электронной демократии. Также среди исследователей нет единого консенсуса относительно дифференциации понятий электронного правительства и цифрового правительства, определяя их либо как тождественные понятия, либо как последовательные стадии единого процесса трансформации системы государственного управления.

В исследованиях выделяют также «радикальное» и «умеренное» направления в истолковании электронного правительства. В соответствии с первым направлением считается, что посредством создания электронного правительства внутриорганизационные отношения приобретают иной характер, а также происходит трансформация всего комплекса отношений органов государственного управления с гражданами. Второе направление предполагает, что это понятие отражает модернизацию деятельности государственного управления путем применения информационных

технологий, что в итоге позволяет повысить его эффективность в предоставлении услуг гражданам.

Таким образом, формирование теоретико-методологической базы концепции электронного правительства осуществляется разными подходами к определению понятия названной концепции. Исследования как зарубежных, так и отечественных авторов демонстрируют высокий уровень интереса академического сообщества к данной проблематике. Однако, как отмечается в исследованиях Индекса развития электронного правительства (EGDI), проводимых Организацией объединенных наций, отсутствие единого подхода к определению понятия электронного правительства создает определенные преграды для консолидации усилий научных школ по дальнейшей разработке проблемного поля.

Краско С. Г.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ США СТРАТЕГИИ «SMART POWER» В ОТНОШЕНИИ СССР

Краско Станислав Геннадьевич, студент 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, stanislaukrasko@gmail.com

Научный руководитель: канд. филос. наук, доцент Денисюк Н. П.

Как продукт американской политической мысли, умная сила как стратегия была разработана Центром стратегических и международных исследований (Centre for Strategic and International Studies, CSIS) эксклюзивно для практики США в качестве рамок для инвестирования в глобальное развитие, общественную дипломатию и экономическую интеграцию. Однако умная сила – это прежде всего теория, а уже затем стратегия.

Джозеф Най в своей книге «In Mideast, the goal is 'smart power'» определил «умную силу» (smart power) как способность сочетать жесткую (силовое или экономическое принуждение) и мягкую силу для формирования выигрышной стратегии. Для того чтобы понять, что такое умная сила, необходимо тщательно проанализировать определения профессора Джозефа С. Наю. По Наю, умная сила является «ни мягкой, ни жесткой», а скорее это «умелое сочетание и того, и другого. Это означает разработку комплексной стратегии, ресурсной базы и инструментария, чтобы достичь американские цели, опираясь как на жесткую, так и на мягкую силу». Най затем уточняет, что умная сила – это «подход, который подчеркивает необходимость сильной военной составляющей, но вкладывает значительные средства в альянсы, партнерства и институты на всех уровнях, чтобы расширить американское влияние и установить легитимность американских действий». В заключении он провозглашает одну из задач, которую умная сила должна попытаться выполнить: обеспечение мирового блага. Оно занимает центральное положение в теории, так как, по Наю, оно помогает Америке «согласовывать свою подавляющую власть с остальным миром».

Как пример использования США «умной силы» можно привести Директиву Совета Национальной Безопасности США 20/1 от 18 августа 1948 г., которая гласит следующее: «...можно констатировать, что наша первая цель в отношении России в мирное время состоит в том, чтобы содействовать и поощрять невоенными средствами постепенное сокращение несоразмерной российской мощи и влияния в нынешней зоне сателлитов и выхода восточноевропейских стран на международную сцену в качестве независимого фактора»;

«...первая из наших военных целей естественно должна заключаться в ликвидации российского военного влияния и господства в районах, прилегающих к любому российскому государству, но находящихся за его пределами».

Рассекреченные на данный момент документы ЦРУ США содержат также перечень следующих программ и операций 1949 – начала 1960-х гг., направленных на подрыв военного, экономического и морально-политического потенциалов и ослабление Советского Союза:

1949–1955 гг. – программа SPAIN – создание агентурных сетей для ведения разведывательно-подрывной работы против групп советских войск за границей;

1950–1960 гг. – программа поддержки националистических движений в Прибалтике AEFREEMAN, включавшая подпрограммы AEFLAG – работа против Латвийской ССР, AEPOLE и AEBASIN – против Литовской и Эстонской ССР. В 1962 г. они были заменены программой AEBALCONY – использованием акций проживающих за рубежом этнических выходцев из этих республик, бегло владеющих национальными языками для проведения разведывательных операций;

1949–1970 гг. – программа «Картель» – поддержка ЦРУ Зарубежного представительства Украинской головной вызволийной рады (ЗП УГВР);

1952–1964 гг. – программа AEACRE (как составная часть программы REDSOX) – планирование, вербовка и обучение агентов на оперативных базах ЦРУ в Европе и Азии, их засылка в СССР, последующие анализ и оценка поступающей от них информации;

1954–1960 гг. – REDSOX – программа использования краткосрочных легальных поездок иностранцев в СССР.

Таким образом, в современном мире технологии экспорта нестабильности выходят за рамки ранее устоявшихся представлений о формах и методах дестабилизации общественно-политической обстановки в отдельно взятой стране или регионе. Мы наблюдаем, что США уже не один десяток лет использовали как жесткую, так и мягкую силу по отношению к странам советского, постсоветского пространства. На сегодняшний день они используют в том числе и «умную силу» против Республики Беларусь. В связи с этим актуализируется вопрос противодействия данным силовым, экономическим, психологическим и иным формам агрессии, являющимся угрозой национальной безопасности Беларуси, выработки единой стратегии по противодействию вышеуказанным угрозам на территории СНГ, а также создание и поддержка своих центров «мягкой и умной силы».

Марчик А. О.
**ТЕЛЕСНОСТЬ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

*Марчик Артём Олегович студент 4 курса Белорусского государственного
университета, г. Минск, Беларусь, marcikartem1@gmail.com*

Научный руководитель: канд. полит. наук, доцент Ильина Е. М.

Одним из основных исследовательских направлений изучения политической реальности является вопрос соотношения власти и индивида. В рамках классической политологии целостность и рациональность индивида постулируется как методологическая данность, однако новые теоретические наработки, анализирующие трансформацию индивида в контексте перехода к постиндустриальному типу производства и эпохе постмодерна, ставят под сомнение привычную модель человеческой личности. Французский психоаналитик Жак Лакан, анализируя человека, вводит понятие «дивида» – радикально расщепленного, фрагментированного субъекта, сотканного из череды идентичностей и дискурсов.

Данная теоретическая наработка по-новому раскрывает проблематику отношений «власть-индивид». На смену анализа роли индивида в политике приходит анализ разных модусов и идентичностей децентрированного субъекта. Одной из центральных тем новой концепции субъекта становится понятие «телесности», попадающее в объектив политических исследований в качестве предмета властных отношений.

В рамках социальных и гуманитарных наук понятие «телесность» представляет собой комплексный набор характеристик человека, связанных с его биологической составляющей, которые формируют представление субъекта о себе как о физическом теле.

С вступлением человечества в Новое время тело стало трактоваться как саморегулирующаяся, самозаводящаяся сложная машина. Душа становится движущим началом или чувствующей материальной частью мозга. Окончательно дуализм мыслящего и физического начала в человеческой природе утверждается в философии Рене Декарта. Именно картезианский образ целостного индивида доминировал в эпоху Нового времени. Критика картезианской философии, в свою очередь, определила понимание не только индивида, но и телесности как модуса человеческого существования на современном этапе. Основным исследователям данного критического направления, таким как Ж.-Л. Нанси, М. Фуко, М. Мерло-Понти, телесность представлялась как набор характеристик человеческого тела, конструированных властью или социумом.

Третья волна феминизма задала теоретический контекст исследованиям в рамках гендерной проблематики, который непосредственно примыкает к вопросам человеческой телесности. В рамках феминистической теории, можно заключить, что телесность рассматривается через ее опосредованность специфическими социокультурными и физическими контекстами. Для таких теоретиков феминизма, как Дж. Батлер, основным

политическим и социальным фактором конструирования телесности является власть патриархата. Патриархальная система предписывает определенные телесные практики и модели поведения как для контроля и регламентации общественных отношений, так и для формирования определенного образа тела индивида. Из данного тезиса представителями феминистической теории делается закономерный вывод: необходимо упразднение репрессивной патриархальной системы.

Второе направление исследований в области телесного связано с концепцией биополитики М. Фуко. Под биополитикой Фуко понимал новую властную технологию, которая осуществляет контроль не над индивидом или единичным субъектом, а над жизнью человеческой популяции в целом. С позиций биополитики телесность выступает как поле политического властвования над телом. Биополитика оказалась востребованной в последние десятилетия не только с теоретической точки зрения, но и в практическом плане: такие вопросы биополитики, как глобальный кризис, вызванный эпидемиями, генная инженерия, соматические права человека – задают актуальность данной области исследований.

Третий контекст связан с переходом к постиндустриальному типу производства. Новые модели управления трудовыми ресурсами выстраиваются на основе учета дорациональных потребностей субъекта. Телесность стала одновременно рассматриваться как один из видов капитала и как производственная единица. Телесные, бессознательные основания человека превращаются в механизм воспроизводства потребительского спроса, подпитывающий современное постиндустриальное общество. Эти факторы отразились на новых форматах государственного управления и политического маркетинга, эксплуатирующих бессознательные элементы психики человека как инструмент достижения своих целей.

Общим тезисом для указанных выше векторов социально-политических исследований является анализ телесного как области эксплуатации разными властными силами. Однако субъекты, исполняющие властные функции по отношению к телу, в данных теориях будут отличны друг от друга.

Машинская Я. Ю.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ КОМИССИИ И ЛОББИСТСКИХ ГРУПП

Машинская Яна Юрьевна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, yanamashinskaya@gmail.com

Научный руководитель: канд. истор. наук, доцент Слуцкая Л. В.

Лоббизм как политическое явление играет значительную роль в процессе выработки и принятия решений государством. В Европейском союзе лоббистские группы выступают как посредники между гражданским обществом и государством, а лоббистская деятельность обретает консультативный характер. В Европейском союзе нет жесткого правового

регулирования лоббистской деятельности. В 2011 г. по соглашению между Еврокомиссией и Европарламентом был создан Единый реестр прозрачности – база данных всех групп интересов, взаимодействующих с институтами ЕС. Важно отметить, что хотя регистрация в данном реестре и дает дополнительные возможности лоббистам, она не является для них обязательной.

В ЕС существуют и кодексы поведения лоббистов, которые они создают для себя сами внутри своих объединений, и кодексы поведения для членов Еврокомиссии и Европарламента, нацеленные в основном на декларирование доходов госслужащих. Европейская комиссия, как наднациональный орган с правом законодательной инициативы является главным объектом для лоббистской деятельности. Сама же комиссия не только не препятствует, но и содействует развитию взаимоотношений с лоббистскими группами. Исходя из своих функций, Еврокомиссия должна принимать множество решений по различным вопросам, обладая при этом ограниченными ресурсами и персоналом. Из-за своей загруженности, а также для поддержания легитимности Европейская комиссия нуждается во внешних экспертных консультациях. В этом ей и помогают лоббистские группы.

Так, с самой первой стадии законотворческого процесса в Совецательном комитете начинаются процедуры внешних консультаций, в которых активное участие принимают лоббистские группы. Здесь лоббисты выступают как группы экспертов, созданные для консультаций по узким профессиональным темам. Для привлечения экспертных групп к обсуждению какого-либо вопроса Еврокомиссия выпускает Зеленую книгу, в которой описывает общие идеи и положения. После обсуждений, с учетом поправок и дополнений от экспертных групп, комиссия выпускает Белую книгу, которая после одобрения Советом ЕС может стать программой действий в определенной сфере.

Таким образом, Европейская комиссия, нуждаясь в экспертной информации при принятии важных политических решений, выступает как открытый для взаимодействия с лоббистскими группами орган Европейского союза. Лоббисты же в свою очередь активно используют данную возможность для продвижения своих интересов.

Миканович В. А.

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА КОРПОРАТИВИЗМА:
ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

*Миканович Владислав Андреевич, студент 2 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
vladislavmikanovic@gmail.com*

Научный руководитель: канд. полит. наук, доцент Ильина Е. М.

Проблема взаимодействия государства и общества приобрела особую актуальность на постсоветском пространстве, когда ряд республик бывшего СССР в поиске альтернатив социалистическим и либеральным идеям встали на путь корпоративизма. В научной литературе отсутствует универсальная

трактовка термина «корпоративизм» (от лат. *corpus* – тело), под которым, как правило, понимают форму взаимодействия общества и государства, одну из форм представительства групповых интересов, осуществляемую корпорациями – институционализированными группами, которые отстаивают специфические коллективные интересы и монопольно распоряжаются определенными ресурсами.

Существенный вклад в разработку избранной темы исследования внесли западные ученые Ф. Шмиттер, Ф. Нортон, В. Брус, Дж. Эхолса и др. Ряд аспектов данной проблематики получил отражение в трудах таких отечественных ученых и аналитиков, как И. Н. Шапкин, П. С. Каневский, П. Я. Фельдман, Е. М. Галицкая, А. А. Галкин и др.

Следует отметить, что корпоративизм зародился еще в средневековье. Тогда любой индивид являлся представителем определенного сословия, цеха, гильдии и других корпораций, которые стояли на защите профессиональных интересов своих членов, а также имели свои права и обязанности.

Выделяют следующие основные истоки формирования идей корпоративизма: светские, христианские, синдикализм и «третий путь». Ключевой идеей, продвигаемой сторонниками корпоративизма, является солидаризм народа как механизм предотвращения классовой вражды. Корпоративное государство обязано обеспечить взаимодействие между всеми классами для поддержания общего блага. Для реализации данных замыслов некоторые теоретики корпоративизма предлагали создавать по профессиональному принципу институты представительства корпораций, где бы они отстаивали свои интересы, что в свою очередь сделало невозможным представительство интересов малочисленных организаций и поставило под сомнение плюралистичность данных идей.

В XXI в. органы корпоративного представительства мы можем наблюдать в некоторых странах Европы. Так, в Италии существует Национальный совет экономики и труда, куда входят 46 представителей профсоюзов и предпринимательских объединений, а также ряд экспертов и общественных деятелей. В Швеции взаимодействие между крупными предпринимателями и рабочими осуществляется в рамках двух организаций: Федерации профсоюзов и Конфедерации работодателей.

По мнению ряда исследователей, в Российской Федерации сложился уникальный тип корпоративизма – олигархический, отличительной чертой которого является представительство интересов олигархии страны в органах власти. По нашему мнению, Республика Беларусь движется по пути построения корпоративистской модели взаимодействия власти и общества. В качестве примера корпоративной структуры отечественные ученые выделяют Парк высоких технологий, который представляет интересы ИТ-сектора.

Таким образом, несмотря на то, что на современном этапе идеи корпоративизма не нашли широкого применения в обществе, мы можем предположить, что в связи с кризисом либеральных ценностей правительства государств возможно снова обратятся к практике корпоративизма для сохранения социальной стабильности.

Орленко С. С.
ТЕХНОЛОГИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ
ЛЕВОРАДИКАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ

Орленко Софья Сергеевна, студентка 1 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, orlenoksofa22@gmail.com

Научный руководитель: канд. полит. наук, доцент Писарчик А. С.

Левый радикализм – идейные течения, критикующие капиталистическую систему и предполагающие формирование революционным или эволюционным путем новых общественных отношений и политических институтов. Чаще всего представлен социал-демократизмом, социализмом, марксизмом и анархизмом.

Остановимся на одном из последних проявлений левого радикализма – движении «Желтых жилетов» во Франции.

Желтые жилеты – протестное движение горизонтального типа, которое не имеет единого лидера, программы или организационной структуры, и координирует свою деятельность через социальные сети. Движение сформировалось в ноябре 2018 г. во Франции.

Предпосылками данного движения зарубежные и русскоязычные исследователи называют, во-первых, «новые вызовы и угрозы, связанные с глобализацией, кризисом европейской идентичности, миграционным кризисом и информационной революцией»¹; во-вторых, «дискредитацию традиционных партий, падение доверия к большинству системных институтов, общий рост разнообразных протестных настроений» во многих западных странах; в-третьих, непосредственно политический курс Э. Макрона, направленный на уменьшение бюджетного дефицита и повышение инвестиционной привлекательности Франции, а значит, на сокращение социальных расходов государства. Так, политика Э. Макрона была связана: 1) с увеличением косвенных налогов; 2) снижением налогового бремени для крупного бизнеса; 3) уменьшением социальных трансферов в пользу нуждающихся. Данные меры больше всего сказались на положении нижней категории налогоплательщиков.

Непосредственно катализатором движения стало стремительное повышение цен на топливо в течение 2018 г., а также введение «экологического» сбора с его продажи и ужесточение требований техосмотра. В мае 2018 г. на платформе Change.org была размещена петиция с требованием снизить цены на топливо и упразднить «экологический» сбор, которая к концу ноября собрала более 1 млн. подписей.

Далее были проведены несколько акций, например, «Бесплатный проезд», когда автомобилисты блокировали подъезд к пунктам оплаты проезда по платным магистралям, или «Улитка», заключавшийся в

¹ Обичкина Е. О. Социально-политический кризис во Франции: «Желтые жилеты» и завершение «первой фазы» правления Э. Макрона // Вестник МГИМО-Университета. 2019. № 2. С. 102.

умышленном снижении скорости движения на крупных автодорогах и дорожных развязках с круговым движением. С 17 ноября 2018 г. начались еженедельные субботние «мобилизации» движения, которые координировались через социальные сети (первоначально через Facebook).

Отличительным признаком участников движения стали желтые светоотражающие жилеты, которые по французскому законодательству обязаны иметь все автомобилисты.

Если попытаться выделить основные особенности и коммуникационные технологии движения «желтых жилетов», то следует отметить следующее:

1) сетевой характер движения. Распространение информации и мобилизация участников происходит через социальные сети, более того, движение не стремится приобрести вертикальную структуру с единым центром управления;

2) участники движения не относят себя ни к левым, ни к правым. Несмотря на это, во множестве выдвигаемых требований преобладают те, что характерны для левой риторики, т. е. связанные с интересами низшей части среднего класса и вопросами социальной справедливости. Тем не менее часть требований можно отнести и к правым, например, «прекратить поток иммигрантов»

3) основной формой деятельности движения стали многочисленные манифестации, шествия, пикеты и иные формы прямого действия в Париже и других крупных городах. Многие из них сопровождались столкновениями с полицией и погромами. Более того, практически каждая мобилизация сопровождалась попытками прорваться в Елисейский дворец. Тем не менее, как отмечают исследователи движения, присоединение членов различных радикальных группировок и проведение ими насильственных действий происходит вопреки желанию большинства «желтых жилетов»;

4) лозунги, используемые участниками движения, подчеркивают разрыв между «бедными» и «богатыми», «народом» и «государством»: «Мы на грани», «Хватит!», «Достали!», «Народный гнев!», «Мы не хотим такого общества!», а также «Макрон в отставку!»;

5) представители движения отказываются от любого представительства, закрытых переговоров, и требуют введения форм прямой демократии. Так, одним из важнейших политических требований является внесение в конституцию права на «общие референдумы по народной инициативе».

6) использование информационных поводов (например, выступлений президента или главы правительства) и сезонных факторов (например, новогодних праздников) для активизации движения.

Результатом движения стало принятие правительством Франции ряда социально-экономических «примирительных мер», которые, тем не менее, не ликвидировали ни движение, ни проблемы, с которыми боролись участники. На данный момент (2022 г.) движение «Желтых жилетов» продолжает существовать даже после существенного перерыва в его активности после пандемии Covid-19.

Парфёнова В. О.

ПРИЁМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ В ХОДЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЙ

*Парфёнова Варвара Олеговна, студентка 1 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
varvara.parfionava@gmail.com*

Научный руководитель: канд. полит. наук, доцент Паречина С. Г.

Политическое манипулирование – это процесс воздействия на общественное мнение и политическое поведение, скрытое управление политическим сознанием и поступками людей для того, чтобы направить их в нужное властным или определенным общественным силам русло. Цель политического манипулирования – получение, реализация и сохранения власти. В работе Автандила Цуладзе «Политические манипуляции или Покорение толпы», автор говорит о том, что манипулятивные приемы не представляют собой серьезного оружия, если не являются частью определенной технологии. Сами же политические манипуляции рассматриваются в коммуникативном (публичные отношения, политическая реклама и пропаганда) и системном (политические манипуляции в политической системе и в политическом процессе в целом) аспектах. Соответствие образу является элементом скрытого управления: людям нравится все, что отвечает их взглядам. Далее приведем несколько примеров политических приемов и уловок, связанных с ходом избирательных кампаний.

Первый пример. Президент Клинтон, выступая перед избирателями накануне выборов 1998 г. в конгресс США, сказал: «Если вы придете на выборы, то ваш голос будет равен голосу президента этой страны» (исход выборов в значительной степени зависел от явки избирателей, поддерживающих ту или иную партию). Благодаря такой постановке вопроса пришедший к урне как бы приравнивался к президенту. Это, безусловно, льстило самолюбию избирателя. Опросы общественного мнения показали, что именно после этого выступления количество желающих проголосовать ощутимо возросло. Кстати, именно более удачные для демократической партии, к которой принадлежит Клинтон, результаты тех выборов в конгресс, возможно, уберегли президента от импичмента по делу о Монике Левински – у республиканцев не хватило 2/3 голосов, необходимых для отстранения президента от должности.

Второй пример. В 1989 г. японский премьер-министр Кайфу Тосики попал под подозрение во взяточничестве. Было следствие, которое так и не смогло доказать его прямую вину. Однако репутация была подмочена, и его сместили. Пострадал и авторитет возглавляемой им партии. Но впереди были новые выборы в парламент, и нужно было что-то делать в этой почти безвыходной ситуации. Но что? И тогда бывший премьер-министр обошел всех своих (двадцать тысяч!) избирателей и перед каждым лично извинился. И каков результат? Его переизбрали в парламент на новый срок! Мишенью

воздействия на избирателей была их потребность в уважении, вовлечением – поступок политика.

Проблема манипуляций сознанием людей в ходе избирательных кампаний становится все более актуальной с каждым годом. Политические партии и кандидаты на избираемые должности будут «бороться» за каждый голос избирателя, прибегая к различным методам и приемам манипулирования сознанием с целью повлиять на решение электората. Избиратель может поддаться на различные манипуляции и уловки, и в этом случае цена ошибки будет велика. Каким же образом противостоять политическим манипуляциям, не дать политическим партиям и кандидатам ввести нас в заблуждение?

Поскольку первым шагом скрытого управления в политическом процессе в целом является получение информации о человеке, избирателе и др., то ясно, что прежде всего необходимо по возможности не дать инициатору информации. Чтобы сделать рациональный и осознанный выбор, избирателю следует ознакомиться с программой, предлагаемой политической партией или кандидатом на избираемую должность. Далее избиратель должен провести индивидуальный анализ конкретной партии или кандидата, в случае кандидата – изучить дополнительно его биографию. Если все действия по изучению и анализу будут выполнены, избиратель будет обладать всеми знаниями и информацией, необходимыми для осознанного выбора.

Ружьин И. С.

СПОСОБЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ «ЦВЕТНЫМ РЕВОЛЮЦИЯМ» НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В 2020 г.

Ружьин Иван Сергеевич, студент 2 курса, Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, ruskefir@gmail.com

Научный руководитель: канд. полит. наук, доцент Абраменко Е. Г.

Актуальность данной темы связана с поиском решений противодействия технологиям «цветных революций» с целью недопущения государственной дестабилизации в Республике Беларусь и подтверждается словами Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко в интервью БЕЛТА 13 ноября 2021 г.: «Любая “цветная революция” делает государство слабее, а народ – беднее. Нигде лучше после этих мятежей люди жить не стали. На постсоветском пространстве многие страны прозрели и осознали, что в альтернативных интеграционных проектах нам отведена роль доноров сырья, дешевой рабочей силы и рынка сбыта товара. Странам постсоветского пространства нужно сплотиться и выступать единым фронтом и на международной арене».

«Цветные революции» представляют собой процесс смены политического руководства государства, преимущественно ненасильственными методами политической борьбы, как правило, в ходе массовых уличных акций протестов, при поддержке и в интересах «коллективного Запада». Такие процессы имеют слабую идейную базу и происходят без революционной ситуации, что подтверждает искусственный характер

«цветных революций». Технологии «цветных революций» нашли применение в ряде стран постсоветского пространства: Грузии в 2003, Украине в 2004, Кыргызстане в 2005, Армении в 2008. Предпринимались попытки осуществления «цветных революций» в Беларуси в 2006 и 2020 гг.

Основная фаза протестов началась 9 августа 2020 г. сразу после подсчета голосов на президентских выборах. После появления первых результатов подсчета голосов оппозиция моментально заявила, что выборы являются «незаконными», и стала призывать своих сторонников к выходу на улицы городов. Минск и другие крупные города охватила волна протестов, фокусом которой являлось вымещение агрессии на органы правопорядка. Но основным местом сражений стали скорее не улицы городов, а средства массовой информации и мессенджеры, такие как Telegram и WhatsApp. В различных telegram-каналах и группах WhatsApp стала разворачиваться настоящая экстремистская деятельность. Именно в этих мессенджерах координировались протесты, стали создаваться локальные группы (районов, улиц, домов), лидеры которых открыто призывали граждан продолжать протестные движения. Стоит отметить и коллективное влияние стран Запада для дестабилизации ситуации в стране. Были введены множественные санкции в отношении руководящих лиц Республики Беларусь, использовались наднациональные институты (ООН) и новые политические технологии, которые были специально смоделированы для осуществления именно на территории нашего государства (тактика «роя»).

Полагаем, что данная попытка «цветной революции» в Республике Беларусь провалилась в первую очередь из-за сохранения политической воли А. Г. Лукашенко и остального руководства страны. Президент поднял все дополнительные ресурсы милиции и спецназа и путем жесткого подавления протестных масс (в августе 2020 г.) полностью предотвратил сценарий украинского майдана, когда силы правопорядка не выдержали давления протестов. Глава государства смог мобилизовать и свою собственную базу поддержки. Встречался и не только со своими сторонниками, выезжал на бастующие заводы и предприятия, посещал митинги, организованные против него самого. Руководство страны смогло доказать свое превосходство над оппозицией не только ответными действиями силовых структур и идеологов, но и правовыми механизмами, путем проведения конституционных преобразований 27 февраля 2022 г. Основным отличием этих акций протестов в Беларуси стало то, что оппозиция и страны Запада пренебрегли фактором устойчивости и стабильности политической системы Республики Беларусь, что явилось основной причиной несостоятельности применения новых тактик по осуществлению «цветных революций» в белорусских реалиях. Введенные европейскими государствами и США санкции не помешали непрерывному росту доверия населения к руководству страны и дальнейшим его действиям. Даже при наличии некоторого спада доверия во время протестов, люди со временем начинают понимать, что действия главы государства и других органов являются верными, и что самый правильный путь к переменам – это путь эволюционный и, что немаловажно, легальный.

Сергеенко А. И.

КРИТЕРИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

Сергеенко Анна Игоревна, студентка 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, ann-sergeenko_04@mail.ru

Научный руководитель: канд. полит. наук, доцент Михайловский В. С.

Актуальность темы информационной войны обусловлена злободневностью, значимостью и важностью этого феномена для современного политического процесса. Информация и процесс ее эффективного применения (информатизация) стали атрибутом функционирования современных обществ. Информатизация стала следствием «кибернетической революции», которая повлекла массовое внедрение во все сферы жизни различных информационных систем, основанных на применении электронных устройств. Польза информатизации для эффективного воспроизводства человечества очевидна; она положительно влияет на национальное и международное развитие. Однако информация также является ресурсом власти, который может использоваться в групповых политических интересах. Информация как ресурс особенно актуальна для реализации такой формы власти, как манипуляция. Информация окружает людей повсюду: в телефонах, газетах, телевидении и радио, в общении. Информационное пространство становится не только пространством передачи и хранения данных, но и пространством идеологического обеспечения сознания масс. Информация охватывает огромные массы людей, которые будучи лишены критического сознания довольно легко поддаются манипулированию. В результате в современном обществе именно информация является средством, которое может побудить человека к различными политическим действиям. Информационное пространство становится объектом политической борьбы, а информационные войны – атрибутом современной политики.

Необходимость изучения информационных войн определена значимостью знания об этом феномене для сохранения национального суверенитета. Так, согласно Концепции о информационной безопасности Республики Беларусь информационный суверенитет Республики Беларусь – это «неотъемлемое и исключительное верховенство права государства самостоятельно определять правила владения, пользования и распоряжения национальными информационными ресурсами, осуществлять независимую внешнюю и внутреннюю государственную информационную политику, формировать национальную информационную инфраструктуру, обеспечивать информационную безопасность».

Информационная война является популярным объектом современных исследований. Исходя из анализа работ, посвященных изучению информационных войн, можно сделать следующий вывод. Во-первых, основной задачей информационной войны является получение какого-либо преимущества. При этом в процессе информационной войны одни участники противоборства эти преимущества получают, а другие их теряют. Во-вторых,

информационная война осуществляется в результате использования открытых и скрытых информационных воздействий.

Анализ литературы (В. В. Барабаш, Е. А. Котеленец, М. Ю. Лаврентьева, И. Н. Панарин и др.) позволяет сделать вывод, что при изучении информационных войн авторы уделяют преимущественное внимание таким вопросам, как сущность, цели, методы информационных войн. Недостаточное внимание уделяется вопросу критериев эффективности информационных войн. Отсюда, цель исследования – выявить критерии эффективности информационных войн. Метод исследования – комплексный абстрактно-логический метод.

С помощью метода дедуктивного построения можно выявить критерии эффективности информационных войн путем логического рассуждения (выведения) от общего критерия эффективности любой деятельности до его частного проявления в информационной войне как политической деятельности. Критерий эффективности любой деятельности – это степень достижения цели деятельности. В этом случае критерий эффективности информационной войны выражается в соотношении ее цели и результата. При применении этого критерия можно говорить о высокой, средней и низкой степени достижения цели информационной войны, а следовательно, о высокоэффективной, среднеэффективной и низкоэффективной информационной войне.

С помощью метода аналогии критерии эффективности информационных войн могут быть выявлены путем сопоставления с критериями эффективности пропагандистской деятельности, которые лучше изучены в современной науке. В этом случае можно обратиться, например, к классической схеме Г. Лассуэлла – «Who says what in which channel to whom with what effects?». Применительно к информационной войне это будет означать следующее. Во-первых, критерий профессионализма субъектов информационной войны: степень институционализация субъекта информационного воздействия и человеческий капитал исполнителей. Во-вторых, критерий качества информационного продукта и качества канала его передачи: степень индоктринации информации. В-третьих, критерий адаптивности объекта информационного воздействия: степень анализа аудитории. В-четвертых, критерий произведенного эффекта: степень изменения сознания или поведения объекта информационного воздействия. Эти критерии в совокупности отражают результаты нашего исследования.

Информационная война – это новое явление, которое во многом будет определять политическую ситуацию в мире и регионах. Перспективным видится развитие этой темы в рамках юридического подхода и правового регулирования. В рамках междисциплинарного синтеза политологии и юриспруденции возможно сформировать комплексное научное представление о феномене информационных войн и выработать дополнительные практические рекомендации для белорусских государственных органов по противодействию посягательству на национальный информационный суверенитет.

Соколовский И. П.

РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ: ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

*Соколовский Иван Павлович, студент 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
ivan.sokolovsky888@gmail.com*

Научный руководитель: канд. полит. наук, доцент Ильина Е. М.

Многие политические проблемы приобретают социальный резонанс только вследствие наделения их религиозными смыслами. Экстремизм в обобщенном виде представляет собой приверженность к радикальным взглядам и действиям, которые отрицают существующие в обществе нормы и правила. Борьба с религиозным экстремизмом, его формами и причинами является важной задачей для мирового сообщества, поскольку эта проблема носит глобальный характер, ее негативное развитие угрожает разобщить человечество, приведя к «столкновению цивилизаций», как об этом говорил американский политолог С. Хантингтон. Данная тема актуальна, поскольку религиозный экстремизм сегодня сливается с политическим и ведет к распространению радикальных идеологий, нарастанию конфликтов в обществе, представляя угрозу национальной безопасности в планетарном масштабе. Религиозный экстремизм отличается от других видов экстремизма тем, что несет за собой насильственное изменение государственного строя и захват власти, нарушение суверенитета и территориальной целостности государства, используя религиозное учение и символы как важный фактор привлечения людей, мобилизуя их на бескомпромиссную и самоотверженную борьбу за веру и религиозные убеждения.

Понятие «религиозный экстремизм» описывает те действия и тот тип поведения, который основан на вере и при этом выражается в причинении вреда жизни и здоровью другим людям. В современном научном дискурсе существует также подход, сторонники которого полагают, что религиозного экстремизма, терроризма как таковых не существует в природе, при этом они имеют абсолютно точно политические мотивы, которые специально заведомо ложно «обличены» в религиозные одежды и тем самым прикрываются религиозными чувствами сотен тысяч, а то и миллионов людей ради достижения собственной выгоды.

Борьба с терроризмом и религиозно-политическим экстремизмом, которые приобрели уже транснациональный характер, стала глобальной международной проблемой и требует координации усилий всех стран мира, а не только пострадавших от него государств. В первую очередь это относится к совершенствованию нормативной правовой базы в области как противодействия, так и пресечения разжигания национальной и религиозной вражды, выработке разнообразных эффективных правовых механизмов профилактики всех видов экстремизма, а также по планированию и осуществлению антитеррористических мероприятий. В нашей стране в эту правовую базу входят Конституция Республики Беларусь, Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, Закон Республики

Беларусь от 4 января 2007 г. № 203-З «О противодействии экстремизму», Закон Республики Беларусь от 31 октября 2002 г. № 137-З «О свободе совести и религиозных организациях», Уголовный кодекс Республики Беларусь и иные акты национального законодательства.

Помимо этого, Республика Беларусь, являясь страной – участницей СНГ, координирует свои усилия в борьбе с экстремизмом и терроризмом, в том числе религиозным, с другими государствами этого объединения. Главным положительным результатом взаимодействия стран СНГ является разработка и подписание ряда документов, которые создают необходимую юридическую базу для практической работы по противодействию терроризму, разработке сопряженного законодательства стран в борьбе с экстремизмом. Так, государства – участники СНГ 4 июня 1999 г. подписали Договор о сотрудничестве в борьбе с терроризмом. Для обеспечения координации и взаимодействия своих действий в вопросах предупреждения, выявления, пресечения и расследования актов терроризма и иных проявлений экстремизма в 2000 г. было принято Решение о создании Антитеррористического центра государств – участников СНГ.

Таким образом, выступая в виде радикальной формы социального деструктивного действия, религиозный экстремизм создает угрозу безопасности государства и общества. Подчиняя себе достаточно большие группы людей, он оказывает негативное воздействие на их психику и сознание, превращая их в организованные преступные группы, совершающие насильственные действия.

Наше законодательство и международные договоры в области противодействия религиозному экстремизму являются эффективным правовым механизмом пресечения и профилактики этого рода преступлений. При этом важнейшим условием его совершенствования выступает разработка комплексной программы, которая включала бы не только правоохранный, но и политический, социальный, экономический, правовой, пропагандистский, силовой аспекты по устранению условий, способствующих появлению угроз, связанных с религиозным экстремизмом.

Фицнер В. Д.

МОЛОДЁЖНАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

*Фицнер Валерия Дмитриевна, студентка 2 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
valeriaficner342@gmail.com*

Научный руководитель: канд. филос. наук, доцент Симановский С. И.

Молодежная политика в Республике Беларусь – одно из наиболее важных направлений государственной политики. Она является составной частью государственной политики в области социально-экономического, культурного и национального развития республики и представляет собой целостную систему мер правового, организационно-управленческого, финансово-экономического, научного, информационного, кадрового характера,

направленных на создание необходимых условий для выбора молодыми гражданами в возрасте от 14 до 31 года своего жизненного пути, развития потенциала для их самореализации и ответственного активного участия в создании сильной и процветающей Беларуси. Это существенная часть избирательного корпуса и значительная часть трудового потенциала страны.

Молодежная политика формируется и реализуется органами государственной власти при участии молодежных и детских общественных объединений. На сегодняшний день нормативная правовая основа взаимодействия государства и молодежи в Республике Беларусь является одной из наиболее полных среди аналогичного законодательства стран СНГ.

Стратегическими документами, определяющими цели и направления в сфере государственной молодежной политики, являются Закон «Об основах государственной молодежной политики» и Кодекс Республики Беларусь об образовании.

Сегодня ценности молодежи, ее взгляды и нравственный облик оказывают все более значимое влияние на общество, его духовное состояние, политические и экономические процессы. Вместе с тем у молодежи изменилось отношение к религиозным и семейным ценностям.

Выделение молодежной политики в самостоятельное направление деятельности государства и общественных организаций в индустриальных странах отражает одну из объективных закономерностей современного этапа мирового развития. Государство, ранее отстранявшееся от целенаправленного решения молодежных проблем, начинает более активно влиять на жизнь молодых людей, что способствует развитию молодежной политики как важнейшей части единой политики государства.

В Республике Беларусь формирование государственной молодежной политики начинается с конца 80-х – начала 90-х гг. XX в. Молодежь является главным ресурсом любого общества, так как это его будущее. Но свое социальное предназначение она выполнить не сможет, если общество и государственная власть оставят молодое поколение без своей особой поддержки и внимания.

Молодежь как социальная группа отличается тем, что она испытывает особые трудности на этапе своего жизненного старта, в первую очередь с трудоустройством, у молодежи в приоритете стоят жилищные и материальные проблемы. Во многих международных документах, докладах и научных исследованиях подчеркивается, что практически во всех странах мира молодежь является наиболее уязвимой социальной группой общества.

Молодежь – это такая социально-демографическая группа, которая не является однородной. Внутри нее есть группы со специфически характерными для них возрастными, социально-психологическими, профессиональными и региональными особенностями, социальными ценностями и интересами. Сегодня молодежь имеет необходимые социально-экономические гарантии в области образования, трудоустройства, самоопределения и самоутверждения. Она стремится к самостоятельности, практичности и мобильности, заинтересована в получении качественного

образования и профессиональной подготовки, влияющей на дальнейшее трудоустройство и карьеру. Перед органами государственной власти, общественными объединениями стоит задача по сохранению достигнутой динамики в сфере осуществления государственной молодежной политики и оперативному решению возникающих проблемных вопросов в данной области. Совместная деятельность всех заинтересованных по дальнейшей реализации вышеуказанных направлений будет способствовать развитию позитивных тенденций в молодежной среде, усилению степени противодействия негативным проявлениям, развитию духовно-нравственного, интеллектуального и трудового потенциалов молодежи, предпринимательской и творческой инициативы молодых людей.

Яворец Е. А.

КОНЦЕПТЫ ГЕОЮРИСПРУДЕНЦИИ И НОМОСА В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ КАРЛА ШМИТТА

Яворец Егор Анатольевич, студент 1 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, yevorets@gmail.com

Научный руководитель: д-р полит. наук, профессор Антанович Н. А.

Первичность пространства по отношению к праву у Шмитта воплотилась в концепции *геоюриспруденции*. Общественное бытие, государство и право проистекают из качественной организации пространства. Геоюриспруденция основывается на идее о правах народов. Шмитт утверждал, что любой народ имеет право на культурную суверенность, на сохранение собственной духовной, исторической идентичности. В чем-то подобная формулировка схожа с ленинской трактовкой права наций на самоопределение.

Основополагающим элементом своей геополитической концепции Шмитт избрал древнегреческий термин «*номос*» (от греч. обычай, порядок), означающий предписанный законом порядок. Номос земли обозначает синтез общества и материальной действительности (пространства), соединение объективных и субъективных факторов. В номосе выкристаллизовываются природные и культурные особенности взаимодействия человека с его средой обитания. Номос являет собой общность родственных цивилизаций.

По Шмитту, антагонизм моральных категорий «добро-зло» уступает место правовым дихотомиям «легально-нелегально», «честно-нечестно». Над дихотомией правовых категорий возвышается политическая сфера с экзистенциальным противопоставлением «друг-враг». Дихотомия «друг-враг» лежит в основе вражды номосов «Суши» и «Моря», отрицая возможность консенсуса между ними. Основное политическое разделение Шмитта дополняется понятиями децизионизма и суверена. Децизионизм ставит решение политического актора над правом и моралью. Согласно децизионистскому учению, субъект политики первичен по отношению к праву. «Децизионист личным решением реализует подлинное право

правильно осознанной политической ситуации» [Шмитт К. Политическая теология. М., 2016. С. 7]. Государство демонстрирует свой суверенитет в момент принятия судьбоносных решений вне правовых норм, отменяя или изменяя их. Подобное действие необходимо для дальнейшего существования государства и права в нем. Иными словами, только суверенное государство может ввести чрезвычайное положение на определенной территории (как писал Шмитт, суверенен – «тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении») [Шмитт К. Понятие политического. С. 10].

Первый номос – «Номос суши» – теллуократия или сухопутное могущество. Символ сухопутного могущества у Шмитта – ветхозаветный Бегемот, который воплощает в себе силу обитателей суши. Номос Суши существует с самого зарождения человечества. Вплоть до XVI в. человечество существовало в рамках цивилизации суши. Совокупность версий Номоса Суши составляет историю традиционного общества. Связь с Землей, обусловленная стабильностью суши, есть основа консерватизма во всех сферах.

С началом освоения Мирового Океана зарождается морское могущество – телассократия. Второй номос – «Номос Моря» является европоцентристским. Символ «Номоса Моря» – ветхозаветный Левиафан, олицетворяющий мощь существ моря. В Новое Время человечество свыкается с появлением нового номоса и начинает отождествлять себя со своего рода ковчегом. В связи с освоением водного пространства планеты сознание человека претерпевает метаморфозы. Динамизм и текучесть теперь присущи общественным нормам. Оформление принципиально нового типа цивилизаций стало точкой бифуркации для всего мира, началом экзистенциального противостояния «Суши», стремящейся к освоению «*Большого пространства*», и «Моря», жаждущего «*Сверхбольшого пространства*» на пути к мировому господству. Черты «Большого пространства» у Шмитта: культурный и этнический плюрализм, автономия субъектов, ограниченность стратегическим централизмом и тотальной лояльностью к высшей властной инстанции. Политическая воля выявляет историческую необходимость и претворяет в жизнь всякое политическое решение. «Тотальное государство» является апогеем развития государств «Номоса Суши». Принцип «тотального врага» и «тотальной войны» в государствах такого типа отсутствует.

Для третьего номоса характерным стало противостояние теллуократического «Востока», оформившегося как блок ОВД в союзе с Азиатскими государствами социалистической направленности, и телассократического «Запада», представленным государствами Североатлантического Альянса. Из этого противостояния победителем вышел «Номос Моря», который стал реализовывать политику глобализации с уклоном в вестернизацию. Реакцией стало движение деглобализации, проявления которого Шмитт описал в книге «Теория партизана». Шмитт также описывал «номоса воздуха», признавая его продолжением «номоса моря». Кроме того, немецкий мыслитель прогнозировал открытие «номоса новой планеты», связанного с информационным пространством.

ЮРИДИЧЕСКОЕ КЛИНИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Бирюкова В. А.

ЮРИДИЧЕСКАЯ КЛИНИКА КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА БЕСПЛАТНУЮ ЮРИДИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ

*Бирюкова Вероника Александровна, студентка 4 курса Казанского филиала
Российского государственного университета правосудия,
г. Казань, Республика Татарстан, Россия, biryukovav@mail.ru*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Ковалькова Е. Ю.

В современном мире крылатое выражение «незнание законов не освобождает от ответственности» приобрело особую актуальность. В настоящий момент в мире и в Российской Федерации существует большое количество норм, регулирующих самые различные ситуации. Это позволяет ощущать безопасность, стабильность, подавляет в людях чувство вседозволенности и т. д. Но в этом есть ряд и отрицательных моментов.

Например, гражданин, совершая то или иное действие, буквально, может даже и не подозревать о его противоправности. Более того, далеко не каждый человек обладает юридической грамотностью, которая необходима для защиты своих прав и законных интересов. Одной из причин является то, что граждане просто не могут найти систематизированный правовой источник, который бы легко воспринимался гражданами без юридического образования.

Для решения этой проблемы Конституция Российской Федерации закрепляет право на получение квалифицированной юридической помощи. Однако, услуги юриста, по общему правилу, возмездны, информационные порталы для расширенного доступа также требуют подключения платного пакета, а библиотеки зачастую не имеют возможности своевременно заполнять книжные полки актуальными документами.

Однако, Федеральным законом от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» закреплена политика государства, направленная на реализацию гражданами права на бесплатную юридическую помощь. Она может оказываться в следующих видах:

- 1) оказание юридических консультаций в устной и письменной форме;
- 2) помощь в составлении юридических документов;
- 3) защита интересов граждан посредством их представления в судах и иных государственных и муниципальных органах;

Существует несколько видов органов, оказывающих бесплатную юридическую помощь. Например, в Республике Татарстан ее может оказать Министерство юстиции Республики Татарстан.

Но данный способ защиты не является исчерпывающим. Граждане могут обратиться в юридическую клинику – негосударственную систему

оказания бесплатной юридической помощи студентами-практикантами и преподавателями-кураторами.

Уникальность юридической клиники заключается в том, что она одновременно относится к институту защиты прав человека и к системе юридического образования. Юридические клиники способствуют реализации права на получение квалифицированной юридической помощи. Однако в их работе есть некоторые особенности.

Прежде всего это то, что юридическая помощь ограничивается консультированием в устной или письменной форме, составлением юридических документов, разъяснением правовых норм. Вместе с тем не решен вопрос о возможности представления интересов обратившихся граждан в суде: в законодательстве нет запрета на представление сотрудниками юридических клиник интересов в суде, однако у студентов еще нет диплома о высшем образовании.

К особенностям работы юридической клиники также относится то, что гражданин не может предъявить требования к сотруднику такой клиники за оказание некачественной помощи. Подобная юридическая помощь оказывается на добровольной безвозмездной основе нуждающимся гражданам.

На основании данных Министерства образования и науки на начало 2021 г. наибольшее количество зарегистрированных клиник существует в Приволжском Федеральном округе – 66 организаций и оказана юридическая помощь 5950 гражданам, 5521 обращение были рассмотрены юридическими клиниками в Центральном Федеральном округе – 66. в Сибирском Федеральном округе зарегистрировано 55 клиник, которые оказали бесплатную юридическую помощь 3105 посетителей. Наименьшее количество юридических клиник зарегистрировано в Крымском Федеральном округе – 2 и 244 обращения граждан, что объясняется недавним переходом на федеральный образовательный стандарт РФ.

К сожалению, обращение граждан за помощью в юридические клиники очень неразвито. Они осуществляют свою деятельность во многих городах. Однако в Москве существует 14 юридических клиник, в которые не было ни одного обращения. Причинами такого низкого количество обращений могут являться: низкий уровень популяризации данного института, низкая доступность юридических клиник и др.

Таким образом, на данный момент гражданам недостаточно известно о существовании студенческих юридических клиниках, поэтому спрос на них недостаточно высок. Для увеличения охвата граждан, желающих получить бесплатную юридическую помощь, необходимо провести соответствующую информационную кампанию о студенческих юридических клиниках, что позволит снизить нагрузку на судебную систему Российской Федерации.

Генюш В. В.

**ОПЫТ СТУДЕНТОВ ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ИПС «ЭТАЛОН»
ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ЮРИДИЧЕСКОЙ КЛИНИКИ ГРГУ ИМЕНИ ЯНКИ КУПАЛЫ**

*Генюш Вероника Викторовна, студентка 4 курса Гродненского
государственного университета имени Янки Купалы, г. Гродно, Беларусь,
veronika.genyush@mail.ru*

Научный руководитель: старший преподаватель Рамульт Н. А.

Применение юристом в работе актуальной правовой информации является одной из его первостепенных задач. Однако мозг человека не может удержать огромный массив нормативно-правовой базы с учетом принимаемых в законодательстве изменений и дополнений. Благодаря распространению цифровых технологий, оптимизирующих производительность работы юриста, сегодня отследить недавние корректировки законодательства стало легче и проще. Как усовершенствовать свою профессиональную практику и выработать новые Soft skills, используя информационно-поисковую систему «Эталон» (далее – Эталон), расскажем на примере деятельности Юридической клиники ГрГУ имени Янки Купалы (далее – ЮК).

В 2021/2022 учебном году студенты ЮК имели бесплатный доступ к Эталону как поощрение со стороны факультета совместно с Региональным центром правовой информации Гродненской области за активную клиническую деятельность. Помимо того, что Эталон представляет собой эффективный и доступный инструмент для работы с любой правовой информацией, это еще и надежная технология, которая гарантирует отсутствие технических рисков для компьютера/мобильного устройства пользователя. Благодаря своим единым стандартам обслуживания, оперативный поиск нормативного правового акта или же судебной практики студентом ЮК возможен как с компьютера, так и с телефона. Такая возможность благоприятно сказалась на эффективности работы клиницистов в рамках реализации основных направлений деятельности ЮК: правового консультирования граждан, правового просвещения и специального направления – паллиативной юридической помощи.

Среди основных возможностей Эталона хотелось бы выделить поиск информации по тематическим классификаторам и текстам документов, который позволяет существенно экономить время. Найти необходимый юридический документ можно, зная, к примеру, только ключевые термины из него.

Важно отметить, что разработчики Эталона гарантируют достоверность и содержательную актуальность нормативных документов, так как получают их тексты на основе оперативного информационного сотрудничества с органами всех ветвей власти. В связи с этим удается не допускать профессиональные ошибки при анализе дела ввиду утраты юридической силы нормативного документа.

Особое внимание следует обратить на такую дополнительную функцию Эталона, как сравнение редакций нормативного документа. Она позволяет студентам-клиницистам рассмотреть хронологические изменения правовой нормы, что является удобным при подготовке правовых консультаций, когда необходимо установить: как ранее регулировались те или иные правоотношения применительно к определенному временному периоду. Временной сравнительный критерий по сопоставлению различных правовых норм, правоприменительной/судебной практики способствует формированию у клиницистов юридического аналитического мышления.

Можно отметить еще одну возможность Эталона. Включаемые в информационно-поисковую систему документы проходят специальную юридическую обработку, в процессе которой взаимосвязанные документы объединяются гиперссылками, что является практичным при совместной подготовке командой клиницистов правовых консультаций, так как большинство вопросов клиентов включают межотраслевые правовые аспекты. Такая функция Эталона позволяет объективно полно исследовать различные правовые вопросы в пределах одной задачи.

Новационной опцией Эталона является «конструктор договоров и исковых заявлений», который позволяет пользователям составлять проекты данных документов с учетом конкретных целей клиента, что повышает качество правовых консультаций, включая возможность безошибочно определить размер госпошлины при подаче иска с учетом использования функции калькулятора.

Получить ответ на практический правовой вопрос и упростить поиск законодательства помогают подготовленные экспертами Эталона и представителями профильных государственных структур специальные аналитические материалы, обзоры правоприменительной/судебной практики, справочная информация о нововведениях в законодательстве, статьи, комментарии, посвященные толкованию терминологии и решению правовых вопросов.

Использование системы «Эталон» в работе ЮК позволяет эффективно формировать профессиональные компетенции будущих юристов, в частности ими приобретаются навыки: поиска необходимой информации, ее систематизации, анализа и обработки. Применение функциональных возможностей Эталона студентами-клиницистами при реализации задач ЮК способствует их профессиональному развитию и повышению уровня академической успеваемости.

Годун А. В., Дементей А. И.
CASE-STUDY КАК САМЫЙ ПРОГРЕССИВНЫЙ МЕТОД ОБУЧЕНИЯ
ПРАКТИЧЕСКИМ НАВЫКАМ ЮРИСТА

*Годун Анна Валерьевна, Дементей Александра Игоревна, студентки 2 курса
Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
avastra2019@gmail.com, sahsaigorevna@gmail.com*

*Научный руководитель: начальник отдела «Юридическая клиника» БГУ,
старший преподаватель Наумович Т. В.*

Суть метода case-study заключается в том, что студенту кратко излагается правовая норма по решенному делу из судебной практики, после чего она подтверждается судебным случаем (кейсом). Критический анализ судебного кейса помогает студенту сконцентрироваться на основных идеях прецедента, самостоятельно выработать и обосновать судебное решение. Его использование позволяет повысить познавательный интерес к изучению права, улучшить понимание законов, способствует развитию исследовательских, коммуникативных и творческих навыков студентов-юристов при принятии ими в дальнейшем профессиональных решений. Более того, занятия, основанные на использовании кейс-метода, ориентированы на практическое применение знаний и умений, полученных в период теоретической подготовки не только будущих юристов и специалистов в области права, но и студентов неюридических специальностей (будущих дипломатов и политологов), поскольку кейс-метод способствует развитию аналитического мышления обучающихся вне зависимости от приобретаемой ими специальности.

На юридическом факультете БГУ активно используется методика case-study, что подтверждается результатами социологического опроса среди обучающихся 1–4 курсов. Исходя из результатов нашего исследования, 20 % из 100 опрошенных считают метод case-study наиболее эффективным в обучении, еще 35 % оценивают его как среднеэффективный. Возникает вопрос: почему же остальные 45 % считают его нерабочим?

Большинство опрошенных, считающих методику неэффективной, полагают, что главную роль в ходе решения задач методом case-study, все же играет преподаватель и его субъективное мнение относительно кейса. От предъявляемых им требований зависит как ход решения, так и конечный ответ. Следующим минусом, который чаще всего называют респонденты, является недостаток теоретической подготовки. Зачастую мы переходим к практическим заданиям, не разобравшись до конца с теорией. Отдельной проблемой является и то, что преподаватели не всегда объясняют конечный верный ответ и не отвечают на вопросы, возникающие при рассмотрении кейса. Также 10 % опрошенных считают использование данного метода бесполезным на начальной стадии изучения предмета, так как у обучающихся на данном этапе отсутствует глубокое понимание дисциплины.

Для решения проблем, возникающие при использовании кейс-метода, предлагаем следующее:

- выработать универсальную систему решения юридических кейсов, где одинаково учитывалось бы мнение как преподавателя, так и студента;
- высылать студентам именно ту литературу, которая была бы связана с теорией, необходимой для решения кейсов по соответствующей теме;
- не оставлять без внимания вопросы студентов, возникающие у них при решении кейсов;
- несмотря на наличие различных вариантов решения, предлагать студентам один, наиболее близкий к фактическим условиям кейса, ответ;
- внедрить case-study в проведение лекционных занятий для более простого восприятия материала с использованием методов анализа и сравнения.

Несмотря на ряд перечисленных проблем, возникающих при использовании case-study, 55 % респондентов считают его эффективным, так как данный метод имеет массу преимуществ перед традиционными методами обучения: наглядность, изучение реальных ситуаций, возможность усваивать терминологию и правовую теорию посредством решения кейсов. Опрошенные также отметили, что получили наиболее глубокие знания именно по тем дисциплинам, где был задействован рассматриваемый метод.

Почему же case-study самый прогрессивный метод обучения практическим навыкам юриста? Он помогает в развитии разных soft skills, среди которых не только аналитические и практические, но и творческие, коммуникативные, социальные навыки. Наши респонденты говорят, что благодаря case-study они развили память (40 %), умение отстаивать свою позицию и быстро решать поставленные задачи (25 %), приобрели навыки правильной квалификации и интерпретации норм законодательства (20 %), выработали свою стратегию решения кейсов по дисциплинам, где был задействован рассматриваемый метод (12 %). Все эти навыки безусловно будут полезны студентам-юристам.

Таким образом мы считаем метод case-study эффективным в обучении как студентов юридических факультетов, так и иных гуманитарных специальностей, поскольку он способствует развитию навыков soft skills, без которых невозможно обойтись как в повседневной жизни, так и в профессиональных сферах деятельности.

Даниленко Д. Д.

ОКАЗАНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ НАСЕЛЕНИЮ ЮРИДИЧЕСКИМИ КЛИНИКАМИ В РОССИИ (РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ)

Даниленко Дмитрий Денисович, курсант 4 курса Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, г. Рязань, Россия, dima.danilenko.01danilenko@yandex.ru

Научный руководитель: старший преподаватель Мотина Е. А.

Задача всех правоохранительных органов поддерживать порядок в стране. Оказание юридической помощи населению – один из путей выполнения поставленной задачи. В связи с высокой стоимостью

юридических услуг и растущим с каждым годом спросом на них населения на помощь правоохранительным органам в данном вопросе приходят так называемые «юридические клиники».

Юридические клиники образуются, как правило, на базе российских вузов. Основной их задачей является оказание бесплатной юридической помощи нуждающимся в ней слоям населения. Такие центры одинаково полезны для обеих сторон – как для потребителей юридических услуг, так и для студентов. Граждане получают юридическую помощь на безвозмездной основе, а студенты – практических навыки по разрешению юридических вопросов широкого спектра и разного уровня сложности.

В России в городе Рязани на базе таких юридических институтов, как Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказания и Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина, при поддержке Рязанской областной универсальной научной библиотеки имени Горького создан «Центр правовой помощи населению».

В данном центре курсанты и студенты перечисленных образовательных учреждений под кураторством преподавателей оказывают бесплатную юридическую помощь населению по вопросам гражданского, семейного, налогового и иного права, помогают населению в составлении необходимых: запросов, заявлений и иных документов.

При этом перечисленные выше учреждения организуют единые дни оказания бесплатной правовой помощи населению, куда приглашаются специалисты по разным областям права, в том числе и сотрудники налоговой инспекции, кадастровой службы, прокуратуры и иных правоохранительных органов. Большая посещаемость населением данных мероприятий показывает востребованность такого рода «центров». При этом данные центры не только помогают населению, но и учат будущих специалистов работе с населением, учат применять их полученные знания на практике, все это в будущем будет отражаться в благоприятную сторону при оказании юридической помощи населению будущими юристами.

Данный региональный опыт Рязани может помочь иным регионам и странам в создании эффективных и бесплатных центров и клиник по оказанию юридической помощи населению.

Ковалев Я. К.

ЮРИДИЧЕСКИЕ КЛИНИКИ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Ковалев Ян Константинович, студент 2 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, yan.kovaliov1709@gmail.com

Научный руководитель: начальник отдела «Юридическая клиника» БГУ, старший преподаватель Наумович Т. В.

Юридические клиники в Великобритании берут свое начало в 70-х гг. XX в. в престижных университетах Кента, Ворвика и Саут-Бэнка как отражение ультралиберальных взглядов молодого поколения.

Первая клиника в Великобритании была создана в Кентском университете. Университет обеспечивает клинику двумя помещениями, а также одним преподавателем, который работает юристом клиники на полной ставке. Два других преподавателя работают на полставки в качестве директора клиники и директора указанного отдела. Кроме того, к работе на добровольной основе привлекается более десяти местных практикующих юристов.

Первые юридические консультации носили неформальный характер. В них участвовали в основном студенты, сами изъявившие желание оказывать юридическую помощь при слабом содействии преподавательского коллектива. Таким образом, говорить о создании клинических методик преподавания не приходится. Только под конец 1990-х было официально внедрено 8 программ в рамках базового курса юридических факультетов, при этом лишь две из них основывались на регулярном приеме граждан.

Причин такого промедления в сфере юридических консультаций крайне много, однако необходимо отметить, что клиники никогда не рассматривались как отдельный институт, который смог бы исправить проблему недостатка юридической помощи. В связи с описанными выше особенностями системы юридического образования в Великобритании студенты английских юридических вузов сравнительно молоды и неопытны. Возможно, именно поэтому основной акцент юридических клиник был именно на образование студентов, в частности обучение студентов практическим навыкам в сфере материального и процессуального права.

Необходимо отметить, что не все вузы Великобритании создают юридические клиники. Способ формирования, сфера деятельности, а также другие вопросы определяются университетом самостоятельно. Некоторые клиники работают на базе или совместно с иными организациями. Клиники могут называться по-разному: «law clinic» (юридическая клиника), «pro bono center (clinic)» и др. В частности, юридические клиники созданы: в University of Leicester Pro Bono Clinic, De Montfort University Law School, Kent Law Clinic, Nottingham Law School и др.

На наш взгляд, отдельного внимания заслуживает Юридическая клиника, отмеченная специальным стандартом качества предоставления образовательных услуг, а именно клиника Университета Шеффилд Халлам (Sheffield Hallam University).

Основной задачей создания Юридической клиники Университета Шеффилд Халлам являлось оказание бесплатной юридической помощи для трех категорий обращающихся:

- 1) работники Университета (любой штатный сотрудник Университета вправе обратиться за юридической помощью в Юридическую клинику);
- 2) студенты Университета;
- 3) социально незащищенные категории населения города Шеффилда.

Юридическая клиника Университета Шеффилд Халлам занимается, как правило, рассмотрением малозначительных споров, например, дела, связанные с защитой прав потребителей, наследственным правом и т. д.

Одним из ограничений для Юридической клиники Университета является отказ от дел, направленных против Университета Шеффилд Халлам. Таким образом, если требование о защите прав или законных интересов направлено против Университета Шеффилд Халлам, попечителей, администрации или работников, а также студентов Университета, лицу, обратившемуся с подобной просьбой в Клинику, будет отказано в оказании юридических услуг

Кроме того, существуют и иные требования, касающиеся критериев обращения в Юридическую клинику, так, например, может быть отказано в юридических услугах, в случае если обращение не соответствует целям создания Юридической клиники и особенностям образовательного процесса. При оказании правовой помощи строго соблюдаются следующие правила:

- направленность Юридической клиники на обеспечение опыта практической деятельности студентов Университета, обучающихся праву;
- оказание помощи социально незащищенным категориям граждан студентами под руководством кураторов клиники (квалифицированных преподавателей Университета, у которых есть квалификация барристера или солиситора);
- конфиденциальность;
- безвозмездность.

Митькова Д. А.

ОБУЧЕНИЕ СТУДЕНТОВ-КОНСУЛЬТАНТОВ ЮРИДИЧЕСКОЙ КЛИНИКИ НАВЫКАМ ОБЩЕНИЯ С ГРАЖДАНАМИ

Митькова Дарья Андреевна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, dariamitskova@inbox.ru

*Научный руководитель: начальник отдела «Юридическая клиника» БГУ,
старший преподаватель Наумович Т. В.*

Проведение консультаций – ключевая составляющая работы студентов, принимающих участие в деятельности юридической клиники. С. Макаров определяет консультирование как вид юридической помощи, состоящий в разъяснении доверителям способов защиты и реализации их прав на основании действующего законодательства путем формулирования рекомендаций по разрешению имеющихся у них правовых проблем. Студенты-консультанты юридической клиники осуществляют как письменное, так и устное консультирование.

Устное консультирование предполагает непосредственное общение студента-консультанта с обратившимся гражданином и является психологизированной деятельностью, требующей особых умений и навыков. Профиль каждой личности – уникальная мозаика из различных характеристик. Одна из основных задач студента-клинициста на начальных этапах консультирования – проанализировав поведение обратившегося гражданина, определить некоторые из характеристик его личности, чтобы с

их учетом налаживать взаимодействие. В науке юридической психологии разработаны различные типологизации клиентов. Возраст, пол, профессия, социальное положение, темперамент, тип восприятия информации – лишь часть характеристик клиента, которые могут иметь значение для определения линии выстраивания коммуникации с ним. Л. Скабеева предлагает определять потребности и мотивы, которые актуализируются у гражданина, обращающегося за консультацией в юридическую клинику. Например, к числу наиболее распространенных потребностей относится потребность в безопасности. Клиента с преобладающей потребностью в безопасности характеризует желание остаться анонимным, скрытность. Для того чтобы построить эффективную коммуникацию с таким клиентом, консультанту необходимо поднять в его глазах авторитет, рассказав о своем опыте в оказании юридической помощи, а также напомнить о принципе конфиденциальности, на котором базируется деятельность юридической клиники. Некоторые из наиболее распространенных потребностей: потребность в общении, потребность в информации, потребность в справедливости, потребность во власти, потребность в уважении. Студенту-консультанту необходимо владеть арсеналом психотехник общения и применять их в профессиональной коммуникации в зависимости от особенностей клиента и ситуации в целом.

Сегодня, когда деятельность юридических клиник развивается, создаются пособия для обучения студентов-клиницистов, приобретение теоретических знаний о профессиональной коммуникации юриста не является проблемой. Однако для получения и совершенствования навыков общения с гражданами необходима практика такого общения.

Студент-консультант, проводя консультацию впервые, может нуждаться в помощи и поддержке более опытных коллег, поэтому значительную роль в обучении студентов-консультантов навыкам общения с гражданами играет институт менторства. Студенты, имеющие опыт проведения эффективных консультаций, могут сопровождать начинающих студентов-консультантов как на протяжении подготовки к консультации, так и во время ее проведения.

Для улучшения навыка общения с клиентами также необходима рефлексия проведенных консультаций. В рамках «работы над ошибками» стоит фокусироваться не только на ситуациях, вызвавших у студента-консультанта затруднения, но и на коммуникации в целом, выделяя моменты, в которых клиницист чувствовал себя уверенно благодаря усвоенным ранее знаниям.

Умение устанавливать и развивать контакт с клиентом, предупреждать конфликты, снижать стрессогенность ситуации – навыки, которые приобретает студент-клиницист, осуществляя консультирование граждан. Обучение студентов-консультантов навыкам общения с гражданами не только повышает качество оказываемой юридической клиникой правовой помощи, но и формирует у студентов как будущих юристов незаменимые профессиональные компетенции.

Погорелова Ю. А.
ИНТЕГРАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ КЛИНИКИ
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

Погорелова Юлия Алексеевна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, rogorelova.juli@gmail.com

*Научный руководитель: начальник отдела «Юридическая клиника» БГУ,
старший преподаватель Наумович Т. В.*

Хорошего специалиста определяет уровень его теоретических и практических знаний и навыков, причем не по отдельности, а в совокупности. Недостаточно знать теорию, чтобы в дальнейшем грамотно разбираться в профессиональных задачах. Необходимость практических навыков также обусловлена тем, что в нынешнее время от молодых дипломированных специалистов ожидают не только высокого уровня академических знаний, но и практического опыта, что по своей сути означает готовность к практической деятельности, умение применять «теорию на практике». Таким образом, студент, окончивший высшее учебное заведение, должен обладать не только определенным запасом теоретических знаний, но и быть компетентным в осуществлении профессиональной юридической деятельности.

На базе юридического образования студентам дают теоретические знания и практические навыки. Данные навыки приобретаются на таких дисциплинах, как «Профессиональная коммуникация юриста», «Искусство ведения деловых переговоров», «Техника юридического письма», «Основы практической деятельности юриста», «Делопроизводство» и др. Также преподаватели в рамках практических занятий помимо решения задач могут давать различные задания, подразумевающие развитие практических навыков. Это могут быть, например, составление исков, протоколов, других юридических документов, имитация судебного разбирательства и др. Кроме того, в программе обучения студентов на юридическом факультете предусмотрена учебная практика в организациях, исполнительных комитетах, прокуратуре и др.

Однако, по нашему мнению, все эти способы приобретения практических навыков частично затрагивают определенные аспекты юридической деятельности и недостаточны для формирования качественных навыков и умений студентов. Дополнительным инструментом получения практического опыта является клиническое юридическое образование, которое позволяет студентам познакомиться с реальными проблемами практики юриста, попробовать применять полученные академические знания и т. д. Помимо образовательной цели, клиническое юридическое образование преследует и социальную, которая подразумевает бесплатное правовое информирование и консультирование малообеспеченных и социально незащищенных категорий граждан.

На данный момент клиническое образование не является императивным и рассматривается лишь как вспомогательный компонент получения

практических навыков, часть которых организована в форме работы учебной лаборатории отдела «Юридическая клиника». Однако постепенно ввиду работы клиницистов роль и место клиник меняются. Следует отметить, что юридические клиники включены в проект Концепции развития юридического образования в Республике Беларусь на период до 2025 г., где авторы указывают на факт, что наличие юридических клиник на юридических факультетах учреждений высшего образования обеспечивает комплексный практико-ориентированный подход при подготовке юридических кадров.

Членство в юридической клинике является добровольным, т. е. студенты вступают по собственной инициативе. Работой в клинике они занимаются в свободное от учебы время. Преподаватели, которые являются по совместительству кураторами клиники, зачастую работают на безвозмездной основе, а также по собственной инициативе. Количество же студентов-клиницистов и преподавателей-кураторов может различаться в юридических клиниках. Также следует отметить актуальный вопрос качества подготовки студентов-клиницистов в клинике, который зависит непосредственно от квалификации преподавателей-кураторов. Именно на них лежит роль обучить студентов и организовать процесс работы в клинике.

Как отмечалось выше, студенты уже изучают на базе факультета практические навыки на различных дисциплинах. Некоторые из них входят в модуль под названием «Юридическая клиника». Таким образом, затрагиваются определенные аспекты практической деятельности, а именно интервьюирование, консультирование, типы клиентов, техники юридического письма и др. Однако, по нашему мнению, непосредственное участие каждого студента в юридической клинике помогает закрепить полученные на академических дисциплинах знания, на практике более детально понять пройденный материал.

Подводя итог, мы хотим сказать о необходимости увеличения внимания к практико-ориентированному обучению, как наиболее эффективному при подготовке молодых специалистов.

Соколовская Д. В.

ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ: МЕСТО ЮРИДИЧЕСКИХ КЛИНИК В РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА

*Соколовская Дарья Викторовна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь,
darya_sokolovskaya02@mail.ru*

*Научный руководитель: начальник отдела «Юридическая клиника» БГУ,
старший преподаватель Наумович Т. В.*

Согласно Конституции Республика Беларусь – унитарное демократическое социальное правовое государство. Главная цель социальной политики государства состоит в повышении уровня и качества жизни

граждан. Одним из признаков социального государства является развитая правовая система, при которой осуществлено разделение властей и на достаточном уровне развита система законодательства в области социальной помощи и поддержки граждан, а также предоставление возможности получения бесплатной юридической помощи.

Каждый имеет право на защиту своих прав и законных интересов, однако у всех разное финансовое положение, поэтому не каждый может себе позволить обратиться к адвокату для защиты своих прав. Таким образом, юридические клиники становятся для граждан более доступной формой получения бесплатной квалифицированной юридической помощи.

В Республике Беларусь функционируют двенадцать юридических клиник, которые не только активно оказывают правовую помощь, но и повышают уровень правовой культуры населения. Одной из целей, которую преследуют клиники, является социальная функция, которая заключается в безвозмездности оказания юридической помощи малообеспеченным и социально незащищенным слоям населения. В связи с тем, что помощь оказывается бесплатно, то определяется круг граждан, которые могут получить консультирование по возникшим у них юридическим вопросам. Чаще всего клиентами юридических клиник являются граждане, достигшие общеустановленного пенсионного возраста, малообеспеченные граждане, студенты, инвалиды I и II группы, а также лица, отбывающие наказание в исправительных учреждениях. Исходя из сложившейся практики, граждане обращаются за консультациями по схожему и ограниченному кругу вопросов: защита прав потребителей, семейное право, право социального обеспечения, жилищное право, уголовное право, трудовое право.

Не у всех граждан есть возможность лично рассказать о проблеме, с которой они столкнулись, поэтому, на наш взгляд, при консультировании целесообразно использовать информационно-коммуникативные технологии, например, сеть Интернет и электронную почту. Таким образом, современные информационные технологии существенно расширят перспективы и возможности юридических клиник в оказании бесплатной юридической помощи.

Далеко не всегда граждане знают о том, какие права они имеют и как их можно защитить. По нашему мнению, небольшой процент граждан знает о существовании юридических клиник, и что они могут обратиться за бесплатной юридической помощью. Для популяризации данного направления необходимо активно сотрудничать со средствами массовой информации, государственными органами. В наше время активно используются социальные сети, в связи с чем можно говорить о развитии страниц клиник в социальных сетях для информирования граждан.

Сегодня с уверенностью можно сказать, что в системе оказания бесплатной юридической помощи юридическая клиника занимает важное место. Необходимо добавить, что функционирование юридических клиник является неотъемлемой частью социальной функции государства.

Стренькова Я. Л.

ЮРИДИЧЕСКИЕ КЛИНИКИ В СИСТЕМЕ ОКАЗАНИЯ БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ

Стренькова Янина Леонидовна, студентка 3 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, strenkova@tut.by

Научный руководитель: начальник отдела «Юридическая клиника» БГУ, старший преподаватель Наумович Т. В.

Статья 62 Конституции Республики Беларусь гарантирует право на юридическую помощь.

В соответствии со ст. 1 Закона Республики Беларусь от 30.12.2011 г. «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь», юридическая помощь – деятельность по оказанию содействия клиентам в понимании, правильном использовании и соблюдении законодательства, которая направлена на осуществление и защиту прав, свобод и интересов клиентов, а также представительство клиентов в судах, государственных органах, иных организациях и перед физическими лицами.

В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается за счет государственных средств (за счет средств коллегий адвокатов, республиканского и (или) местного бюджетов).

В рамках бесплатной юридической помощи адвокаты Республики Беларусь дают предварительное разъяснение норм законодательства Республики Беларусь по вопросам, не требующим ознакомления с документами и иными материалами в виде онлайн-консультаций.

Другие случаи, когда юридическая помощь предоставляется бесплатно, перечислены в ст. 28 Закона «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь». Так, например, юридическая помощь предоставляется бесплатно участникам и инвалидам Великой Отечественной войны, инвалидам I и II группы, малообеспеченному родителю в неполной семье, воспитывающему ребенка в возрасте до восемнадцати лет; родителям (усыновителям, удочерителям) в многодетных семьях, несовершеннолетним, а также иным категориям граждан.

Юридическая помощь по вопросам социальной защиты и реабилитации жертвам торговли людьми, а в случае недостижения ими четырнадцатилетнего возраста – их законным представителям, лицам, пострадавшим в результате акта терроризма, оказывается за счет средств республиканского бюджета. Юридическая помощь подозреваемому или обвиняемому по уголовному делу оплачивается из средств местного бюджета в случае участия адвоката в уголовном процессе по требованию органа, ведущего уголовный процесс (т. е. в порядке ст. 46 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь).

Важное место в системе оказания бесплатной юридической помощи принадлежит юридическим клиникам. В настоящее время в Республике Беларусь происходит увеличение количества юридических клиник.

В Белорусском государственном университете функционирует отдел «Юридическая клиника», который является структурным подразделением Центра образовательных инноваций юридического факультета БГУ.

В соответствии с Положением об отделе назначением Юридической клиники является содействие получению студентами юридического факультета практических навыков юриста и правовое просвещение населения, популяризация правовых знаний.

Для обеспечения данных задач отдел «Юридическая клиника» выполняет следующие функции:

развитие у студентов профессиональных навыков: проведение студентами бесплатного устного интервьюирования и консультирования граждан, подготовка образцов правовых документов для граждан;

бесплатное правовое информирование малоимущих граждан (пенсионеров, инвалидов, студентов, многодетных семей, лиц, оставшихся без работы) по гражданскому, жилищному, семейному, экологическому, трудовому праву и праву социального обеспечения посредством устного консультирования;

разъяснение уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права лицам, отбывающим наказание в исправительных учреждениях посредством ответов на письма.

Несмотря на распространенность юридических клиник, законодательное регулирование их деятельности практически отсутствует.

В настоящее время действует приказ Министерства образования Республики Беларусь «О создании общественной приемной при юридическом факультете вуза». Однако данный документ лишь закрепляет необходимость создания общественной приемной для оказания юридической помощи. Порядок же деятельности юридических клиник урегулирован локальными актами.

В соответствии с законодательством Российской Федерации юридические клиники являются участниками негосударственной системы бесплатной юридической помощи. В некоторой степени урегулирован также порядок их образования и деятельности. Такое регулирование осуществляется на основании Федерального закона от 21.11.2011 «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации».

Таким образом, в связи с возрастанием значения юридических клиник в системе оказания бесплатной юридической помощи, представляется возможным и необходимым более детальное законодательное регулирование их деятельности, а также оказание государственной финансовой поддержки такой деятельности.

Филимонов Д. В.

МЕТОДОЛОГИЯ ПРОВЕДЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ КОНСУЛЬТАЦИИ НА ОСНОВЕ ОПЫТА, ПРИОБРЕТЕННОГО СТУДЕНТОМ-КЛИНИЦИСТОМ

*Филимонов Даниил Владимирович, студент 3 курса Гродненского
государственного университета имени Янки Купалы, г. Гродно, Беларусь,
daniilfilimonov178@gmail.com*

Научный руководитель: старший преподаватель Рамульт Н. А.

Гражданин, обратившийся за юридической помощью в юридическую клинику изначально заинтересован в том, чтобы быть услышанным в части интересующего вопроса и достичь той цели, которая является для него первостепенной. В свою очередь задача студента-клинициста, выслушав клиента, понять цель его обращения и предоставить ему юридическую консультацию, т. е. разъяснить правовые аспекты интересующих его вопросов и возможные варианты их разрешений.

Представим следующую ситуацию, в юридическую клинику обратилась гражданка К. по вопросу полученного отказа местного исполнительного органа в выдаче акта приемки в эксплуатацию реконструированного жилого дома. Основанием отказа было установленное нарушение одного из пунктов правил электроснабжения, и гражданину предлагалось устранить выявленные нарушения и повторно предъявить объект к приемке в эксплуатацию. Клиентка хотела выяснить, есть ли смысл обжаловать данный отказ, признав его незаконным и необоснованным.

Чтобы студент-клиницист под руководством куратора смог предложить способы разрешения указанной выше проблемы, тем самым оказать содействие в реализации наиболее оптимального варианта в интересах клиента, студент-клиницист должен провести анализ дела. Для этого первоначально необходимо провести интервьюирование клиента, направленное на получение от него максимально полной и достоверной информации для последующей объективной правовой оценки имеющих место юридических фактов. Эффективность интервьюирования значительно повышается, если студенту-клиницисту изначально известна область спорного вопроса, по поводу которого ему предстоит собеседование с клиентом. Если рассматривать данное в контексте деятельности юридических клиник, то правила предусматривают запись клиента на прием. Это позволяет студентам в ходе подготовки к интервьюированию предварительно ознакомиться и проанализировать определенные нормативные документы, подготовить список предварительных вопросов, которые следует задать в ходе встречи с клиентом и сформулировать в ходе беседы дополнительные уточняющие вопросы.

После интервьюирования клиентки К., проанализировав фактическую информацию, выделив в ней юридически значимые обстоятельства, студент-клиницист под руководством куратора анализирует обстоятельства и осуществляет поиск оптимальных вариантов решения правовых вопросов клиентки с обязательной проработкой юридических документов

(нормативных, правоприменительных, судебных) для подготовки устной юридической консультации.

Консультирование является специфической формой делового общения в юридической практике. Деятельность студента-клинициста по консультированию складывается из нескольких этапов:

1) подготовка к консультированию. Это обязательный переходный этап между интервьюированием и консультированием. По времени он может занимать от нескольких минут до нескольких дней, недель; различаться объемом необходимой работы, например, воспроизвести в памяти текст закона или изучить множество фактов, документов, нормативных актов;

2) встреча с клиентом и разъяснение порядка проведения консультации. С учетом полученного в ходе интервьюирования представления о клиенте, его психологических особенностях, интеллектуальном уровне и должна строиться встреча;

3) разъяснение клиенту возможных вариантов решений и прогноз возможных последствий каждого из них. Безусловно, это наиболее важный этап консультирования.

На данном этапе клиентке К. было дано разъяснение о возможном признании отказа в силу исследованных обстоятельств;

4) помощь клиенту в выборе оптимального решения. Как правило, на данной стадии клиент пассивен и слушает монолог студента-клинициста, поэтому очень важно эту часть консультации проводить в форме диалога.

5) определение стратегии и тактики реализации принятого решения.

После выбора самого решения студент-клиницист и клиент продолжают обсуждение конкретных действий по реализации его целей. Так как клиентка К. отказалась следовать рекомендациям и решила обжаловать данный отказ, признав его необоснованным, с ней состоялось обсуждение следующих вопросов: когда лучше подавать заявление, какие документы необходимо приложить к нему, в какую инстанцию обратиться и т. д.

Сотрудничество, которого студент-клиницист сумел добиться в начале консультации (а может быть, еще раньше, в процессе интервьюирования), поможет ему успешно завершить ее, а в последующем будет залогом успеха и в реализации проработанного варианта решения.

Шкут Ю. В.

ПРЕИМУЩЕСТВА И ОСОБЕННОСТИ КОМАНДНОЙ РАБОТЫ ПРИ ПОДГОТОВКЕ УСТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ КОНСУЛЬТАЦИИ

*Шкут Юлия Вячеславовна, студентка 3 курса Гродненского
государственного университета имени Янки Купалы, г. Гродно, Беларусь,
us0611057@gmail.com*

Научный руководитель: старший преподаватель Рамуль Н. А.

Выработка стратегии эффективной работы в команде предполагает общность поставленных задач, построение индивидуальных векторов развития в одном направлении, абсолютная сплоченность при решении

совместных командных проблем. Цели командной работы обосновывают направленность ее деятельности и должны быть декомпозированы до уровня конкретных и понятных членам команды задач.

Фактор командной работы безусловно является важным, поскольку он вытекает из основных целей деятельности юридической клиники. К таким целям можно отнести образовательную и социальную.

В каком контексте? Образовательная цель является многоплановой и под ней подразумевается прежде всего то, что под руководством кураторов-преподавателей у студентов-клиницистов формировались определенные профессиональные, личностные компетенции, т. е. происходит формирование практических навыков с одновременным применением полученных теоретических знаний. Командная форма работы при этом позволяет участникам – клиницистам под руководством кураторов юридической клиники обмениваться теоретическими знаниями по конкретным отраслям при анализе дел и обсуждениях стратегий по подготовке вариантов возможных решений.

Социальная направленность деятельности юридической клиники включает социальную адресность работы, которая выстраивается относительно граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации. При этом в полной мере реализуются принципы осуществления бесплатной юридической помощи, которые предусматривают: обеспечение реализации и защиты прав, свобод и законных интересов граждан; социальную справедливость и социальную ориентированность при оказании бесплатной юридической помощи; доступность бесплатной юридической помощи для граждан в установленных законодательством рамках.

При этом командная работа предполагает концентрированную слаженность и взаимодействие участников юридической клиники в процессе подготовки юридической консультации. Хотелось бы обратить отдельное внимание на организацию командной работы в процессе подготовки консультации для клиента. В ходе подготовки юридической консультации устанавливается определенная хронология фактов, полученных от клиента в ходе интервьюирования, на основании чего студенты-клиницисты формируют несколько вариантов правовых решений по делу клиента. На этом этапе подготовки юридической консультации можно отметить одно из преимуществ командной работы – взаимодействие каждого из участников команды с фокусировкой на деле клиента. Однако здесь возможны разногласия, спорность при обсуждениях в силу использования участниками различных подходов при анализе дела, наличия личностных особенностей характера и многое другое. В этом случае важна скоординированность работы внутри команды лидером (например, старшекурсником), извне куратором. При проработке юридической консультации куратор выполняет контролирующую функцию, основу же работы составляют студенты-клиницисты.

Командная работа – это ряд компетенций, требующих наличия определенных знаний и навыков, включая те сферы деятельности, в которых

ранее работа выполнялась за счет индивидуальных усилий. Постановка целей, командный поиск и коллективное принятие решений требуют дополнительной подготовки. При возможной ротации членов команды необходимо перераспределять роли каждого из участников. Перераспределение ролевого участия в работе – важный аспект, поскольку от этого зависит слаженность, темп работы.

Условно можно выделить несколько участников командной работы: 1) лидер, который распределяет часть работы среди участников команды, устанавливает условия дедлайна; 2) исполнитель, тот, кто четко выполняет вверенную часть работы и конкретно прорабатывает определенную версию юридической консультации; его интерес и весомый удел больше в самом процессе проработки этой версии, а не в работе по предоставлению консультации клиенту.

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что командная работа может рассматриваться как один из методов повышения эффективности и качества подготовки устной юридической консультации, основанный на оптимальном сочетании коллективной заинтересованности и личной ответственности каждого клинициста в деятельности команды.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ	3
<i>Сухопаров В. П.</i> КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВСЕБЕЛОРУССКОГО НАРОДНОГО СОБРАНИЯ	3
<i>Станкевич В. С.</i> САСЛОЎЕ ШЛЯХТЫ І РАСІЙСКАЕ ДВАРАНСТВА: ПАРАЎНАЛЬНЫ АСПЕКТ	5
<i>Надольская А. И.</i> ФОРМА ЭЛЕКТРОННЫХ СДЕЛОК КАК УСЛОВИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ.....	7
<i>Аверина Е. А.</i> ФУНКЦИИ И ФОРМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРА ПО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫМ ЗАКОНАМ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	9
<i>Ласкин Г. К.</i> АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРЕЮДИЦИЯ И УГОЛОВНЫЙ ПРОСТУПОК: ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ	11
ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПРАВА	13
<i>Агафонов А. С.</i> ПРАВО И ЦИФРА	13
<i>Бернацкая Е. А.</i> ПРИНЦИП СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В НОРМОТВОРЧЕСТВЕ.....	14
<i>Бодров К. А.</i> НОРМЫ ПРАВА И ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА.....	16
<i>Борисовец М. Д.</i> ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ВО ФРАНЦИИ В XIX в.	18
<i>Веремьев Н. П.</i> ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ.....	19
<i>Вертинский А. С.</i> СОВРЕМЕННОЕ ПРАВОПОНИМАНИЕ В США	21
<i>Гончарова С. В.</i> ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА	23
<i>Гумерова А. А.</i> К ВОПРОСУ О ПРИЗНАКАХ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА	25
<i>Дрозд М. А.</i> ПРОБЛЕМАТИКА РЕАЛИЗАЦИИ СОМАТИЧЕСКИХ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ	27
<i>Захилько Е. С.</i> СПОСОБЫ ПОВЫШЕНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ.....	28
<i>Койфман М. А.</i> ЭВОЛЮЦИЯ ОТРАСЛЕЙ ПРАВА В ГОСУДАРСТВАХ РЕЛИГИОЗНОЙ ПРАВОВОЙ СЕМЬИ (НА ПРИМЕРЕ ЭВОЛЮЦИИ ОТРАСЛИ УГОЛОВНОГО ПРАВА В ИЗРАИЛЕ, ИРАНЕ И ВАТИКАНЕ)	30
<i>Кухарчик А. А.</i> ОСОБЕННОСТИ АНГЛОСАКСОНСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ	32
<i>Лукашениа Е. А.</i> ГЕОКУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ГОСУДАРСТВА В КОНЦЕПЦИИ МИР-СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА	34
<i>Орловский Р. В.</i> ЭЛЕКТРОННАЯ ПЕТИЦИЯ КАК ЭТАП НОРМОТВОРЧЕСКОГО ПРОЦЕССА: ОПЫТ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН	36
<i>Пархамович В. А.</i> ЭКОЛОГО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.....	38
<i>Романчук Д. Е.</i> ОСОБЕННОСТИ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ.....	39

<i>Семашко Е. А.</i> СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ КАК ОСОБЫЙ ИСТОЧНИК КАНОНИЧЕСКОГО ПРАВА.....	41
<i>Сидоренко К. С.</i> ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ БЕЛАРУСИ И РОССИИ ПРОТИВ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМ ПРЕСТУПНОСТИ В РАМКАХ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА	43
<i>Синькевич Н. А.</i> СИСТЕМА НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	44
<i>Спиридонова В. С.</i> ИНСТИТУТ КОНСТИТУЦИОННОЙ ЖАЛОБЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....	46
<i>Фатхутдинова Э. Ф.</i> РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА	48
<i>Федоренко В. В.</i> КОДИФИКАЦИЯ КАК ВАРИАНТ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ТЕХНИЧЕСКИХ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ	49
<i>Хамитова А. И.</i> ГОСУДАРСТВО: СУЩНОСТЬ И ПРИЗНАКИ.....	51
<i>Червяк А. О.</i> ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ И ЮРИДИЧЕСКИЙ ИДЕАЛИЗМ КАК ДЕВАЛЬВАЦИЯ ПРАВА И ЗАКОННОСТИ	52
<i>Черняк А. Д.</i> СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ РИСКОВ И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ПРАВЕ.....	54
<i>Шушлакова Е. А.</i> ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ В БЮДЖЕТНОМ ПРОЦЕССЕ КАК ОРИЕНТИР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: ОПЫТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	56
ГІСТОРЫЯ ДЗЯРЖАВЫ І ПРАВА БЕЛАРУСІ.....	58
<i>Клімовіч П. А.</i> НЕКАТОРЫЯ ПЫТАННІ КРЫМІНАЛЬНАГА ПРАВА БЕЛАРУСІ Ў ПЕРЫЯД ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА.....	58
<i>Корабава Г. А.</i> ПРАЦЭСУАЛЬНАЕ СТАНОВІШЧА ГРАМАДСКІХ АБВІНАВАЎЦАЎ І АБАРОНЦАЎ У КРЫМІНАЛЬНЫМ ПРАЦЭСЕ БССР (1957–1990 гг.)	60
<i>Кузурава Д. Д.</i> ПРАВОВЫ СТАТУС ЖАНЧЫНЫ Ў СТАТУТАХ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА	61
<i>Малиновский А. А.</i> ВЛИЯНИЕ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО НА ФОРМИРОВАНИЕ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКОЙ РАДЫ	63
<i>Наважэн К. Д.</i> ВІДЫ ПАКАРАННЯЎ ПА ЗАКАНАДАЎСТВУ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА.....	64
<i>Сідарэнка В. В.</i> ПРАВОВАЕ СТАНОВІШЧА ЖАНЧЫН У СТАРАЖЫТНАРУСКАЙ ДЗЯРЖАВЕ Ў ІХ–ХІ стст.	66
<i>Тоскина М. В.</i> ДЕКЛАРАЦИЯ О СУВЕРЕНИТЕТЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И ДЕКЛАРАЦИЯ О СУВЕРЕНИТЕТЕ РСФСР: СХОДСТВА, РАЗЛИЧИЯ, ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ	68
<i>Хиль А. Э.</i> ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ АДВОКАТОВ В СТАТУТАХ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО	70
ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН.....	72
<i>Бурчиц Ю. А.</i> ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИДЕОЛОГИИ АРАБСКОЙ ВЕСНЫ.....	72

<i>Денисенко Н. В.</i> К ПРОБЛЕМЕ БРАЧНОГО ВОЗРАСТА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ	73
<i>Долматова В. И.</i> ИСТОЧНИКИ ПРАВА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ	75
<i>Зинченко М. И.</i> ВЛИЯНИЕ КОНФУЦИАНСТВА И ЛЕГИЗМА НА ПРАВО ДРЕВНЕГО КИТАЯ	77
<i>Иовенко Е. А.</i> ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО «НОВОГО КУРСА» ФР. РУЗВЕЛЬТА	79
<i>Коваль А. В.</i> РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ НА ПУТИ К ПАРЛАМЕНТАРИЗМУ	80
<i>Кулешова А. А.</i> ДЕКЛАРАЦИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ США 1776 г. И ЕЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ	82
<i>Яковлев К. С.</i> «ФОРМУЛА РАДБРУХА» КАК КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОСНОВА НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА	83
КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО, ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО	86
<i>Абушкевич П. А.</i> ПРАВО НА ЖИЗНЬ: РЕАЛИЗАЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ ...	86
<i>Алещенко М. А.</i> ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ОТЧУЖДЕНИЯ ИМУЩЕСТВА ПО МОТИВАМ ОБЩЕСТВЕННОЙ НЕОБХОДИМОСТИ	88
<i>Баженова К. А.</i> ДИСКУССИОННЫЕ АСПЕКТЫ ПОНЯТИЯ «ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ» В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ	89
<i>Бельченко Е. А.</i> СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПРАВИТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ, РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ	91
<i>Василевская Е. В.</i> ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	93
<i>Высоцкая А. П.</i> ЦИФРОВИЗАЦИЯ В ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	94
<i>Гордеюк П. М.</i> ТЕОРИЯ УНИТАРНОЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В США: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	96
<i>Грузнова М. И.</i> КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ЗДОРОВЬЮ В РЕЗУЛЬТАТЕ МЕДИЦИНСКОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА, В СООТВЕТСТВИИ С ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	98
<i>Джалилов К. Ш.</i> СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВЫБОРОВ ПРЕЗИДЕНТА В УЗБЕКИСТАНЕ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	100
<i>Дубровская Р. В.</i> АДВОКАТ В КОНСТИТУЦИОННОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	102
<i>Дятко М. Д.</i> БИОМЕТРИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ	103
<i>Ероховец Д. Е.</i> ОСОБЕННОСТИ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ФРАНЦИИ	105
<i>Збицкий А. Ю.</i> ФОРМИРОВАНИЕ СУДЕЙСКОГО КОРПУСА КАК ГАРАНТИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ	107
<i>Ковальская В. Д.</i> ОРГАНЫ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ	109
<i>Козлова Д. О.</i> НЕКОТОРЫЕ СПОСОБЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ПРОБЕЛОВ КОНСТИТУЦИОННЫМ СУДОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	111
<i>Кокушкин И. Д.</i> УКРЕПЛЕНИЕ ФЕДЕРАЛИЗМА В ЭПОХУ COVID-19	112

<i>Комарова М. Е.</i> КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ЭМБРИОНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	113
<i>Коротченя А. П.</i> ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕКЛАМЫ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ.....	115
<i>Лабоцкая А. А.</i> КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ	117
<i>Ломоносова А. П.</i> НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ И ПОВЕДЕНЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР Ч. 1 СТ. 4 КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	118
<i>Мельникова В. А.</i> КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ.....	120
<i>Олесько С. С.</i> НАПРАВЛЕНИЕ ГРАЖДАН В ЛЕЧЕБНО-ТРУДОВОЙ ПРОФИЛАКТОРИЙ НА ПУТИ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ: ЭФФЕКТИВНАЯ ПРОФИЛАКТИКА ИЛИ НЕКОНСТИТУЦИОННАЯ ПРАКТИКА?	122
<i>Орлова А. А.</i> ОПЫТ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	124
<i>Петрова Л. И.</i> ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В СФЕРЕ ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ И ЛЕЧЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ КОДИФИКАЦИИ	125
<i>Плисова К. А.</i> СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ В ОБЛАСТИ ИНФОРМАЦИОННЫХ И ЦИФРОВЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....	127
<i>Пыжжик В. И.</i> ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ПОСЛЕ 15 МАРТА 2022 г.	129
<i>Солонинко П. П.</i> КОНСТИТУЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВА	130
<i>Тормозова В. А.</i> ПРАВО НА УЧАСТИЕ В ГОЛОСОВАНИИ КАК ВИД ЦИФРОВЫХ ПРАВ В СТРАНАХ БРИКС НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ.....	132
<i>Трепачко Ю. В.</i> НАЦИОНАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СВЕТЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ	134
<i>Хоменко Д. Э.</i> ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ АБОРТОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РЕСПУБЛИКЕ ПЕРУ	136
<i>Шимчук Ю. В.</i> СУДЕБНАЯ ОШИБКА КАК ОСНОВНОЙ АРГУМЕНТ ЗА ОТМЕНУ СМЕРТНОЙ КАЗНИ	138
<i>Штрапов Д. А.</i> ВЫСШИЙ СУДЕБНЫЙ СОВЕТ КАК ГАРАНТ НЕЗАВИСИМОСТИ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ	140
<i>Юневич В. С.</i> ВСЕБЕЛОРУССКОЕ НАРОДНОЕ СОБРАНИЕ И ПРИНЦИП РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ	142
ПРАВО ПРАВ ЧЕЛОВЕКА	144
<i>Вавило К. В.</i> ПРАВО ЧЕЛОВЕКА НА ЗДОРОВЬЕ: ОСОБЕННОСТИ СОДЕРЖАНИЯ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ	144
<i>Гончар Н. А.</i> ЭВТАНАЗИЯ ДЕТЕЙ: ЗА И ПРОТИВ.....	146
<i>Демко П. А.</i> ЗАБОТА О СОХРАНЕНИИ СОБСТВЕННОГО ЗДОРОВЬЯ КАК КОНСТИТУЦИОННАЯ ОБЯЗАННОСТЬ	147

<i>Зубель Д. Ю.</i> ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19 В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ.....	149
<i>Кадьши О. С.</i> ПРАВО НА ИНФОРМАЦИЮ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ЭВОЛЮЦИЯ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ.....	151
<i>Коротцова А. С.</i> РЕЛИГИОЗНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ СВОБОДЫ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ.....	152
<i>Крыльцова Д. А.</i> СТАТУС ЛИЦ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ	154
<i>Лапунова К. С.</i> ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ	156
<i>Лемешева М. О.</i> ПРАВО НА ЮРИДИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ: ОСОБЕННОСТИ КОНСТИТУЦИОННОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН	158
<i>Мелех Е. В.</i> РОЛЬ ООН В ИСКОРЕНЕНИИ ДЕТСКОГО ТРУДА	159
<i>Пашкевич М. С.</i> ИНСТИТУТ ОМБУДСМЕНА ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ	161
<i>Рябцева А. И.</i> К ВОПРОСУ О ПРАВЕ НА СУИЦИД.....	162
<i>Сомова А. Ю.</i> ПРАВО НА МИР.....	164
<i>Хуртина Д. А., Шебулдаева Д. С.</i> ВОЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ И ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН	166
<i>Чуманская А. В.</i> ПРАВОВОЙ СТАТУС ЭМБРИОНА	168
<i>Шкуро А. М.</i> СОВОКУПНОСТЬ МЕР ПО ОХРАНЕ И ЗАЩИТЕ ПРАВА НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ	170
<i>Шумилов Г. Д.</i> ООН И ЕЕ РОЛЬ ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ	172
<i>Эйсмонт Е. А.</i> ДЕЛО РОУ ПРОТИВ УЭЙД: ИСТОРИЯ И ВЛИЯНИЕ НА ДОСТИЖЕНИЕ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА.....	173
АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНОЕ ПРАВО	176
<i>Арустамова Т. Н.</i> НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ОБЛАСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН.....	176
<i>Багдасарова Е. Е., Кармазина А. С.</i> АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ОСКОРБЛЕНИЕ. СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СО СТРАНАМИ ЕВРОПЫ.....	177
<i>Бань А. А.</i> О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЯ ПРИРОДООХРАННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.....	179
<i>Бань М. А.</i> АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС, СВЯЗАННЫЙ С КОНФИСКАЦИЕЙ ИЛИ ОТБУКСИРОВКОЙ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ	181
<i>Бекарев А. В., Седов Д. Т.</i> КРАЙНЯЯ НЕОБХОДИМОСТЬ КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, ИСКЛЮЧАЮЩЕЕ ПРИЗНАНИЕ ДЕЯНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫМ ПРАВОНАРУШЕНИЕМ.....	182

<i>Быстров А. Д.</i> СОЗДАНИЕ АВАРИЙНОЙ ОБСТАНОВКИ: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ, ПРОЦЕСС ДОКАЗЫВАНИЯ, ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА.....	184
<i>Гудович А. Ю., Марачковская В. И.</i> НЕУВАЖЕНИЕ К СУДУ КАК АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВОНАРУШЕНИЕ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ	186
<i>Евтух Л. В.</i> АНАЛИЗ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УПРАВЛЕНИЕ ТРАНСПОРТНЫМ СРЕДСТВОМ В СОСТОЯНИИ АЛКОГОЛЬНОГО ОПЬЯНЕНИЯ	188
<i>Ершова В. Н., Богданович А. С.</i> СТАТУС ПРОКУРОРА В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРОЦЕССЕ.....	189
<i>Кореник Д. А., Ромашко А. В.</i> ПРОФИЛАКТИЧЕСКИЕ МЕРЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ	191
<i>Кравцова Е. С.</i> УСЛОВИЯ И ОСОБЕННОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ.....	193
<i>Лаптёнок А. И.</i> ОСОБЕННОСТИ НАЛОЖЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ВЗЫСКАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ ПРАВА ЗАНИМАТЬСЯ ОПРЕДЕЛЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ, СВЯЗАННОЙ С УПРАВЛЕНИЕМ ТРАНСПОРТНЫМ СРЕДСТВОМ.....	195
<i>Литвинчук Д. Ю.</i> СТИМУЛИРОВАНИЕ ПРАВОМЕРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК СПОСОБ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В СФЕРЕ ОХРАНЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВОД.....	197
<i>Лысенко В. С., Лукаша А. А.</i> ОСОБЕННОСТИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ.....	198
<i>Лысюк А. В.</i> К ВОПРОСУ О ЛЕГАЛИЗАЦИИ САМОГОНОВАРЕНИЯ С ЦЕЛЬЮ ЛИЧНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ	200
<i>Новик Ю. А.</i> ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА БЕЗБИЛЕТНЫЙ ПРОЕЗД.....	202
<i>Снарова В. А.</i> ВЕЙПИНГ КАК ФОРМА ДЕЛИНКВЕНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	204
<i>Фурс Е. А.</i> ПРАВОВАЯ ОХРАНА РЕЖИМА КОММЕРЧЕСКОЙ ТАЙНЫ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ КОММЕРЧЕСКОЙ ТАЙНЫ В СТРАНАХ ЕАЭС.....	205
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА	208
<i>Дмитренко Н. А.</i> КЛАССИЧЕСКИЕ АДМИНИСТРАТИВНЫЕ МЕТОДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ	208
<i>Зощик О. А.</i> ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРАХОВАНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ	209
<i>Колосовская А. А.</i> ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В СФЕРЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ.....	211
<i>Куршук Д. А.</i> К ВОПРОСУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ НАДЗОРЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ.....	212
<i>Максимова К. Д.</i> БОРЬБА С ТАБАКОКУРЕНИЕМ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ	214
<i>Разгонова А. А.</i> ЦИФРОВИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ	216

<i>Рыженкова Ю. Н.</i> ЭВОЛЮЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОБРАЩЕНИЯХ ГРАЖДАН И ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОРГАНЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	217
<i>Сидорович В. В.</i> ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О БИОМЕТРИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТАХ.....	218
<i>Слепенкова В. С.</i> ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ПОЛЕТОВ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ГРАЖДАНСКИХ ВОЗДУШНЫХ СУДОВ	220
<i>Сташис А. О.</i> ОГРАНИЧЕНИЕ ОБОРОТА ОРУЖИЯ ИНОСТРАННЫМИ ГРАЖДДАНАМИ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	222
<i>Темуркаев М. И.</i> ПРОФИЛАКТИЧЕСКИЕ МЕРОПРИЯТИЯ ОРГАНОВ ЮСТИЦИИ В ОТНОШЕНИИ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ.....	223
<i>Щербин Н. А.</i> К ВОПРОСУ О ЦИФРОВИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ.....	224
МЕЖДУНАРОДНОЕ ПУБЛИЧНОЕ И ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО	226
<i>Аджба Д. Д.</i> К ВОПРОСУ О МЕСТЕ БИ- И ПОЛИПАТРИЗМА В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА	226
<i>Александров Д. О.</i> ПЕРСПЕКТИВЫ СОВМЕСТНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГАЗОТРАНСПОРТНОЙ СЕТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПОЛЬЗУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	227
<i>Александрова А. И.</i> ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬЮ В РАМКАХ СНГ.....	229
<i>Бойченко Л. В.</i> К ВОПРОСУ О ПРЕДЕЛАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЮРИСДИКЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ГАЗОПРОВОДА СЕВЕРНЫЙ ПОТОК-1	230
<i>Бушкевич В. Ю.</i> О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ГУМАНИТАРНОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ	231
<i>Винничек С.-В. В.</i> К ВОПРОСУ О ДОСТИЖЕНИИ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ.....	232
<i>Гибай А. Е.</i> МОРСКИЕ ПЕРЕВОЗКИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ – ОПЫТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	234
<i>Захаров К. В.</i> К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕЖИМЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО МОРЯ ..	235
<i>Зубрицкая У. И.</i> МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ПОЗИЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ВОПРОСУ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АРКТИЧЕСКИХ ПРОСТРАНСТВ ..	237
<i>Зыкова В. В.</i> ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В РАМКАХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ	239
<i>Корень В. В.</i> ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА САНКЦИЙ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ.....	240
<i>Кочнев И. Н.</i> МИРОТВОРЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО	242
<i>Лебедев С. А.</i> ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО: ЗАКОН О ЦИФРОВЫХ РЫНКАХ	243
<i>Мацкевич А. Ю.</i> ТАМОЖЕННЫЙ СОЮЗ СТРАН ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА.....	245
<i>Морозов Н. Д.</i> О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В БОРЬБЕ С НЕЗАКОННЫМ ПРОИЗВОДСТВОМ И РАСПРОСТРАНЕНИЕМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ	246
<i>Рылко Е. С.</i> РОЛЬ ООН В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ....	248

<i>Тебенёкова В. Н.</i> ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ЮРИСДИКЦИЯ ГОСУДАРСТВ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ.....	250
<i>Тимощенко В. А.</i> МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В БОРЬБЕ С ЗАХВАТОМ ЗАЛОЖНИКОВ	251
<i>Юмашина Т. В.</i> О ПРОБЛЕМАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СТАТУСА САМОЗАНЯТЫХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	253
<i>Якубова Г. Ф.</i> МЕЖДУНАРОДНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ ИНЦИДЕНТОВ, СВЯЗАННЫХ С НАРУШЕНИЯМИ КОНВЕНЦИИ О БИОЛОГИЧЕСКОМ И ТОКСИННОМ ОРУЖИИ, НА ПРИМЕРЕ США	255
ФИНАНСОВОЕ ПРАВО, НАЛОГОВОЕ ПРАВО	257
<i>Антимоник А. А.</i> ПОНЯТИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЦИФРОВОГО ПОСТОЯННОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА.....	257
<i>Волкова А. С.</i> ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РЕКЛАМНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	258
<i>Дерюжков А. В.</i> ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ИСКЛЮЧЕНИЯ НЕОБОСНОВАННОГО ПРИМЕНЕНИЯ НАЛОГОВЫХ ВЫЧЕТОВ ПРИ ОБЛОЖЕНИИ ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТИ.....	260
<i>Кононов А. М.</i> ДОГОВОР О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ СУБСИДИИ В МЕХАНИЗМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БЮДЖЕТНЫХ ОТНОШЕНИЙ	261
<i>Серов Ю. А.</i> ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НАЛОГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ.....	262
ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ПРАВО, ПРАВО ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ	265
<i>Авдашкова А. О., Галенская Ю. В.</i> АКТУАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ О БАНКРОТСТВЕ	265
<i>Кондрашенко К. С., Шамкуть К. М.</i> ПРОБЛЕМА СИСТЕМАТИЗАЦИИ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ	266
<i>Кононович Х. О.</i> РЕАЛИИ РЫНКА ВЕНЧУРНОГО ИНВЕСТИРОВАНИЯ.....	268
<i>Мокренко К. С.</i> ОСОБЕННОСТИ ПОЛНОМОЧИЙ ВРЕМЕННОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО В РАМКАХ ЗАЩИТНОГО ПЕРИОДА В ДЕЛАХ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ).....	270
<i>Немова А. В.</i> КРИТЕРИИ И ПРИЗНАКИ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА) ГРАЖДАНИНА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ.....	271
<i>Сулименко А. Д.</i> К ВОПРОСУ О ПУБЛИЧНОМ ЗАЯВЛЕНИИ ОДНОГО ИЗ УЧАСТНИКОВ АНТИКОНКУРЕНТНЫХ СОГЛАСОВАННЫХ ДЕЙСТВИЙ	273
<i>Тхарёва М. Г.</i> ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО В СФЕРЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ	274
ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО	277
<i>Баранов Д. А.</i> ГАРАНТИЙНОЕ УДЕРЖАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ.....	277
<i>Буйницкая В. В.</i> ОГРАНИЧЕНИЕ ПРИНЦИПА СВОБОДЫ ЗАВЕЩАНИЯ.....	278
<i>Бурнашева А. А.</i> К ВОПРОСУ О ПОСЛЕДСТВИЯХ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ПАРАЛЛЕЛЬНОГО ИМПОРТА.....	280

<i>Бухов Г. И.</i> ОБ ОСНОВАНИЯХ ПРЕКРАЩЕНИЯ ДОГОВОРА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ БЕЗВОЗМЕЗДНОЙ (СПОНСОРСКОЙ) ПОМОЩИ	282
<i>Глухотаренко А. А.</i> К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ ЭМБРИОНА.....	283
<i>Грабинский В. Ю.</i> ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА СМАРТ-КОНТРАКТОВ	285
<i>Жвирбля К. А.</i> ДОГОВОР ОПТОВОЙ КУПЛИ-ПРОДАЖИ И ДОГОВОР ПОСТАВКИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ	287
<i>Жилицкая Т. А.</i> НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДОВЕРИТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ИМУЩЕСТВОМ ГРАЖДАНИНА, ПРИЗНАННОГО БЕЗВЕСТНО ОТСУТСТВУЮЩИМ.....	288
<i>Жук В. В.</i> СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДЕФИНИЦИИ «КРИПТОВАЛЮТА» В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	290
<i>Канюков Д. Ю.</i> ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКОЙ ДЕЕСПОСОБНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ВОЗРАСТЕ ОТ 14 ДО 18 ЛЕТ	292
<i>Матвеева К. А.</i> ПРОБЛЕМЫ ВЛИЯНИЯ АБСОЛЮТНОГО ИММУНИТЕТА ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ НА ЗАЩИТУ ПРАВ СУБЪЕКТОВ, ВСТУПАЮЩИХ С ОРГАНИЗАЦИЕЙ В ЧАСТНЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ	294
<i>Мацукова Д. Н.</i> КОНВЕНЦИОННАЯ УНИФИКАЦИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ СООБЩЕНИЙ В МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНТРАКТАХ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ	295
<i>Михалкина В. Е.</i> ПРАВОВАЯ ОХРАНА ВРАЧЕБНОЙ ТАЙНЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ	297
<i>Мясоедов Г. Г.</i> О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ДОГОВОРА ФАКТОРИНГА	299
<i>Низовцов И. А.</i> К ВОПРОСУ О ГРАЖДАНСКОЙ ДЕЕСПОСОБНОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ.....	300
<i>Павлова А. П.</i> ОСОБЕННОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА ПОДРЯДА С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ	302
<i>Панасюк Д. А.</i> СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КРИПТОВАЛЮТЫ.....	304
<i>Ползунова М. Ю.</i> НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ САМОВОЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА И САМОВОЛЬНОЙ ПОСТРОЙКИ, ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЙ В СВЯЗИ С ИЗМЕНЕНИЯМИ В СТ. 223 ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА.....	307
<i>Филипцова П. А.</i> ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИСТЕМ ДИСТАНЦИОННОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ В КОРПОРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЯХ.....	309
<i>Чижик И. А.</i> МЕРЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СТОРОН КОРПОРАТИВНОГО СОГЛАШЕНИЯ: ОБЩЕЕ ПРАВИЛО ИЛИ СПЕЦИАЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ?	311
СЕМЕЙНОЕ ПРАВО	313
<i>Аджиева А. В.</i> ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДОГОВОРА СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА	313
<i>Березняцкая Т. С.</i> ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУБЪЕКТНОГО СОСТАВА БРАЧНОГО ДОГОВОРА	314
<i>Кондратенкова К. А.</i> ОБУЧЕНИЕ ДЕТЕЙ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ПРОДЛЕНИЯ СРОКА СУЩЕСТВОВАНИЯ ОБЯЗАННОСТИ РОДИТЕЛЕЙ ПО СОДЕРЖАНИЮ ДЕТЕЙ	316

<i>Лактионова А. Ю.</i> ОСНОВАНИЯ ЛИШЕНИЯ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ	318
<i>Лищенко Е. Я.</i> УСТАНОВЛЕНИЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДЕТЕЙ, РОЖДЕННЫХ В РЕЗУЛЬТАТЕ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА	320
<i>Лынько А. А.</i> ПРОБЛЕМЫ ИЗМЕНЕНИЯ И РАСТОРЖЕНИЯ ДОГОВОРА СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА	321
<i>Панченко К. А.</i> ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДОГОВОРА СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА	323
ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ	325
<i>Альхимович Д. В.</i> ПОНЯТИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА КАК ПРАВОВОЙ КАТЕГОРИИ.....	325
<i>Бабенко Н. А.</i> ОСОБЕННОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ПРАВА НА ИЗОБРЕТЕНИЕ, ОТНОСЯЩЕЕСЯ К ЛЕКАРСТВЕННОМУ СРЕДСТВУ	326
<i>Бойко Е. А.</i> АККАУНТ КАК ВИРТУАЛЬНОЕ ИМУЩЕСТВО: ЗА ИЛИ ПРОТИВ?.....	328
<i>Топорова М. С., Голиков М. С.</i> ЗАЩИТА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ В ЭПОХУ САНКЦИЙ ПРОТИВ РОССИИ	329
<i>Дубовик Н. А.</i> ОТКРЫТАЯ ЛИЦЕНЗИЯ НА МУЗЫКАЛЬНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ	331
<i>Едчик Ж. А.</i> АВТОРСКОЕ ПРАВО В СФЕРЕ DIGITAL-ДИЗАЙН. КЛЮЧЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ	332
<i>Каминская К. Э.</i> ФИЗИЧЕСКИЕ ЛИЦА КАК СУБЪЕКТЫ ПРАВА НА ТОВАРНЫЙ ЗНАК.....	334
<i>Коротченко А. А.</i> ПЕРЕДАЧА ОРГАНИЗАЦИИ ЭФИРНОГО ИЛИ КАБЕЛЬНОГО ВЕЩАНИЯ: ОБЪЕКТ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ.....	336
<i>Кузьменкова К. Д.</i> ВНЕДРЕНИЕ КОНЦЕПТА СУВЕРЕННОЙ ЦИФРОВОЙ ЛИЧНОСТИ В МЕХАНИЗМ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ.....	337
<i>Купрейчик А. А.</i> ОБ ИСПОЛНЕНИИ АВТОРСКОГО ДОГОВОРА ЗАКАЗА.....	340
<i>Логвинович Е. Д.</i> ОСОБЕННОСТИ ЛИЦЕНЗИОННОГО ДОГОВОРА, ЗАКЛЮЧЕННОГО ПОСРЕДСТВОМ СМАРТ-КОНТРАКТА.....	341
<i>Мозоль А. С.</i> ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ В ДОГОВОРЕ ФРАНЧАЙЗИНГА.....	344
<i>Потрубейко Е. В.</i> ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСЧЕРПАНИЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ПРАВА	346
<i>Смыр Д. С.</i> РОЛЬ IP ПРАВ В РАЗРАБОТКЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИ НОВЫХ ПРОДУКТОВ.....	348
<i>Томильчик Е. О.</i> СУБЪЕКТЫ АВТОРСКОГО ПРАВА НА ПРОИЗВЕДЕНИЯ, СОЗДАНЫЕ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ	351
<i>Шевандо А. И.</i> ИЗОБРАЖЕНИЕ ГРАЖДАНИНА КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ.....	353
ГРАЖДАНСКОЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО, ХОЗЯЙСТВЕННО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО	356
<i>Делибозоглова В. В.</i> СОЛИДАРНЫЕ ДОЛЖНИКИ В ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ КАК РЕЗУЛЬТАТ ПРАВОПРЕЕМСТВА: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ	356

<i>Есина М. Д.</i> ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРИЗНАНИЯ СУДЕБНЫМ ИСПОЛНИТЕЛЕМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ИМУЩЕСТВА	357
<i>Жданович А. А.</i> ПРЕДЕЛЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ.....	359
<i>Мирзалиев С. С.</i> ОБЪЕКТЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ СТОИМОСТИ И НАЗНАЧЕНИЯ НЕЗАВИСИМОЙ ОЦЕНКИ В ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ.....	361
<i>Омельянюк К. В.</i> ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛУЧЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В МЕЖДУНАРОДНОМ КОММЕРЧЕСКОМ АРБИТРАЖЕ	363
<i>Рапьян Ю. Х.</i> ПОЛНОМОЧИЯ СУДА ПО ДЕЛАМ ОБ ОБЖАЛОВАНИИ (ОСПАРИВАНИИ) ДЕЙСТВИЙ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ОРГАНОВ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ИСПОЛНЕНИЯ	364
<i>Шапковский А. В.</i> ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ).....	366
ТРУДОВОЕ ПРАВО, ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ	369
<i>Афанасьев А. О.</i> СУБЪЕКТЫ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА В БЕЛАРУСИ И РОССИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ	369
<i>Богданович В. Д.</i> НЕТИПИЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ ТРУДОВОГО ПРАВА	371
<i>Дрозд Д. А.</i> ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА НЕДОПУЩЕНИЯ ДИСКРИМИНАЦИИ В ТРУДОВОЙ СФЕРЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....	373
<i>Дубинчик М. И.</i> СТАТУС САМОЗАНЯТОГО ГРАЖДАНИНА.....	375
<i>Журова Ю. А.</i> ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПОЛОЖЕНИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ О ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ....	376
<i>Куракина В. В.</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРИНЦИПОВ ТРУДОВОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА.....	378
<i>Лебедик Д. В.</i> ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ УВОЛЬНЕНИЯ В СВЯЗИ С ОТСУТСТВИЕМ СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ.....	379
<i>Навицкая И. Д.</i> ОСОБЕННОСТИ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА ПРИ ДИСТАНЦИОННОЙ РАБОТЕ	381
<i>Носырева М. А.</i> ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ КАК ВЕДУЩЕЕ НАПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ ТРУДОВОГО ПРАВА	382
<i>Сацункевич А. И.</i> ПОНЯТИЕ «ДИСТАНЦИОННАЯ РАБОТА» В ТРУДОВОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ ЕАЭС: КЛЮЧЕВЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ	384
<i>Сиваракша В. В.</i> ВОПРОСЫ ДИСКРИМИНАЦИИ ЖЕНЩИН КАК СУБЪЕКТОВ ТРУДОВОГО ПРАВА.....	386
<i>Синькевич А. А.</i> ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВРЕМЕНИ ОТДЫХА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	388
<i>Столбунова С. А.</i> НЕТИПИЧНОЕ ТРУДОВОЕ ОТНОШЕНИЕ: ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ	389
<i>Шатрун В. В.</i> ОСОБЕННОСТИ ТРУДОУСТРОЙСТВА МОЛОДЕЖИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ, ГЕРМАНИИ И ШВЕЦИИ	391

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО	393
<i>Абрамчик А. А.</i> О НЕОБХОДИМОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ЗАПРЕТА ПРОПАГАНДЫ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ ПРЕКУРСОРОВ ИЛИ АНАЛОГОВ	393
<i>Агафонова Т. С.</i> ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ИНСТИТУТА СОУЧАСТИЯ	395
<i>Аземша И. С.</i> ЦИФРОВЫЕ ФИНАНСОВЫЕ АКТИВЫ КАК ПРЕДМЕТЫ ЛЕГАЛИЗАЦИИ (ОТМЫВАНИЯ) ДОХОДОВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ.....	396
<i>Андреев А. В.</i> ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА.....	398
<i>Белогурова Д. В.</i> СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УКЛОНЕНИЕ ОТ ПРОХОЖДЕНИЯ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ СЛУЖБЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	400
<i>Бирюков И. А.</i> УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ОТНОШЕНИЯХ С УЧАСТИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА.....	401
<i>Бородич Е. И.</i> ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИНСТИТУТА НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ.....	403
<i>Бражницкая Ю. А.</i> ПРОБЛЕМЫ СООТВЕТСТВИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ НА ОПРЕДЕЛЕННЫЙ СРОК ЦЕЛЯМ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ	405
<i>Буйко О. Ю.</i> ОТСРОЧКА ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ НЕКОТОРЫМ КАТЕГОРИЯМ ОСУЖДЁННЫХ В СВЯЗИ С УЧАСТИЕМ В БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ...	407
<i>Бурак Н. И.</i> О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ПРОТИВОПРАВНОСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЯ» И «ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ ДЕЯНИЯ»	409
<i>Виноградова Е. С.</i> ОБ ОСНОВАНИЯХ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БОТНЕТА В ПРЕСТУПНЫХ ЦЕЛЯХ	411
<i>Гапанович А. Г.</i> СТАТЬЯ 130 УК РФ: ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИЯ И СПОРНЫЕ МОМЕНТЫ.....	413
<i>Гасанова М.</i> ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН.....	415
<i>Головенчик М. Г.</i> АКТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ СУБЪЕКТА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ	417
<i>Демидович К. В.</i> К ВОПРОСУ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЗАРАЖЕНИЕ ОПАСНЫМ ИНФЕКЦИОННЫМ ЗАБОЛЕВАНИЕМ.....	418
<i>Дурко М. В.</i> СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА САМОВОЛЬНОЕ ОСТАВЛЕНИЕ ЧАСТИ ИЛИ МЕСТА СЛУЖБЫ И ДЕЗЕРТИРСТВА	420
<i>Дутина А. Я.</i> ГЕНОЦИД КАК ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И МЕЖДУНАРОДНЫМ КОНВЕНЦИЯМ.....	422
<i>Жуковец В. К.</i> ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБЛАСТИ ХИРУРГИИ: ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.....	423

<i>Жуковская У. В.</i> ОБМАН КАК ОБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА МОШЕННИЧЕСТВА	425
<i>Жураў М. С.</i> ЗЛАЧЫНСТВЫ СУПРАЦЬ УЛАСНАСЦІ І ПАРАДКУ АЖЫЦЦЯЎЛЕННЯ ЭКАНАМІЧНАЙ ДЗЕЙНАСЦІ: ПЫТАННІ ВЫЗВАЛЕННЯ АД КРЫМІНАЛЬНАЙ АДКАЗНАСЦІ	426
<i>Землянко О. А., Мельникова Ю. И.</i> ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЯНИЙ ПО СТАТЬЕ О ДОБРОВОЛЬНОЙ СДАЧЕ В ПЛЕН.....	428
<i>Зенькович В. Д.</i> НЕСТОРОЖНОЕ СОПРИЧИНЕНИЕ	430
<i>Калесник Н. А., Савельев М. Д.</i> ПРАВОВАЯ ПРИРОДА АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	432
<i>Каменко Е. О.</i> ПРИЗНАКИ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ МЕДИЦИНСКИМИ РАБОТНИКАМИ	434
<i>Клиницкая А. А.</i> ДИСЦИПЛИНАРНАЯ ПРЕЮДИЦИЯ КАК ПРИЗНАК СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 411 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	435
<i>Козорез А. Ю.</i> ВИДЫ НАКАЗАНИЙ, НАЗНАЧАЕМЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ	437
<i>Комлев Я. С., Хлебникова А. В.</i> К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ХИЩЕНИЯ КРИПТОВАЛЮТЫ	439
<i>Королёва М. В.</i> АКТУАЛЬНОСТЬ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ	440
<i>Кошелева А. А.</i> УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ЯНТАРНОЙ ОТРАСЛИ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ.....	442
<i>Кукреш А. Г.</i> КВАЛИФИКАЦИЯ ПОСРЕДНИЧЕСТВА ВО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ	444
<i>Кухарчик В. В.</i> ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ (ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)	446
<i>Леута А. С., Митукевич Д. В.</i> КРИМИНАЛИЗАЦИЯ ЗАВЛАДЕНИЯ МУСОРОМ	448
<i>Ловягина И. С.</i> ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ ПРЕКУРСОРОВ И АНАЛОГОВ	450
<i>Лукомский Н. С.</i> ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ВОИНСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ.....	452
<i>Луцкич И. В.</i> ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ ДОБРОВОЛЬНОГО ОТКАЗА ОТ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПОКУШЕНИЯ НА ПРЕСТУПЛЕНИЕ	455
<i>Макась Д. А.</i> ПРИЧИННАЯ СВЯЗЬ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ.....	457
<i>Молчун Ю. С.</i> ПРИЗНАКИ СПЕЦИАЛЬНОГО СУБЪЕКТА В ПРЕСТУПЛЕНИИ, ПРЕДУСМОТРЕННОМ СТАТЬЕЙ 165 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ.....	459
<i>Нагорная А. Д.</i> К ВОПРОСУ О ПОНИМАНИИ ТЕРМИНА «МАЛОМЕРНОЕ СУДНО» В УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	461
<i>Нагорнов К. И.</i> ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ СОДЕРЖАНИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ	463

<i>Павлович К. С., Гринкевич А. Ю.</i> К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ УЩЕРБЕ, ПРИЧИНЕННОМ В РЕЗУЛЬТАТЕ ГЕНОЦИДА БЕЛОРУССКОГО НАРОДА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	465
<i>Потоцкий А. В.</i> ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ЛЕГКОМЫСЛИЕ ИЛИ НЕВИНОВНОЕ ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА	467
<i>Прудников Т. А.</i> ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ПСИХИЧЕСКОГО РАССТРОЙСТВА ЛИЦА, НАСТУПИВШЕГО ПОСЛЕ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ.....	468
<i>Пыж А. С.</i> ОПРЕДЕЛЕНИЕ РАЗМЕРА УЩЕРБА КАК КВАЛИФИЦИРУЮЩИЙ ПРИЗНАК ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО Ч. 3 СТ. 201 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	470
<i>Самусик А. А.</i> АНАЛИЗ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С САМОУБИЙСТВОМ	472
<i>Самуцкич Д. С.</i> ОСНОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ АКТОВ ОБ АМНИСТИИ И ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ.....	474
<i>Седельник Е. Д.</i> ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ	476
<i>Семенов А. А.</i> К ВОПРОСУ О ПРЕДМЕТЕ ХИЩЕНИЯ ИМУЩЕСТВА ПУТЕМ МОДИФИКАЦИИ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ	478
<i>Сергейчик Д. С.</i> ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА СОУЧАСТИЯ В СОБОРНОМ УЛОЖЕНИИ 1649 ГОДА	479
<i>Солдатов А. А.</i> ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ МОШЕННИЧЕСТВА ПРИ ОКАЗАНИИ ЮРИДИЧЕСКИХ УСЛУГ	481
<i>Фролова А. М.</i> КВАЛИФИКАЦИЯ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПОЛОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПОВЛЕКШИХ ТЯЖКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ	482
<i>Хаткевич М. Е.</i> КРИПТОВАЛЮТЫ КАК ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ	484
<i>Шалегин С. П.</i> ПРЕДЕЛЫ ДЕЙСТВИЯ СТ. 328 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ МОБИЛИЗАЦИОННЫХ МЕРОПРИЯТИЙ	486
<i>Штемпель М. В.</i> ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА УБИЙСТВА МАТЕРЬЮ СВОЕГО РЕБЕНКА ПОД ВЛИЯНИЕМ ПОСЛЕРОДОВОЙ ДЕПРЕССИИ	488
<i>Якоцкевич Е. С.</i> ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ПРАВОТВОРЧЕСТВА.....	490
КРИМИНОЛОГИЯ	492
<i>Горенчук А. А.</i> ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ	492
<i>Демчук В. В.</i> ПЕРСПЕКТИВЫ ЛЕГАЛИЗАЦИИ БЭБИ-БОКСОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....	493
<i>Жогло К. В.</i> СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ЖЕНСКОГО ПОЛА: УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ.....	495
<i>Загорская А. П.</i> КУЛЬТ КОЛУМБАЙНА КАК ФАКТОР, ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЙ СКУЛШУТИНГ	497
<i>Казубович А. С.</i> ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ БОРЬБЫ С ПЕДОФИЛИЕЙ	499

<i>Комликов Н. С.</i> ОСНОВНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ НАРКОТИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ И НАРКОТИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ ..	501
<i>Лиан Син Вэй</i> СОЦИАЛЬНАЯ ОЦЕНКА НАРКОТИЗМА И НАРКОТИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ	502
<i>Остриков В. Р.</i> ПРОБЛЕМА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	504
<i>Паливода Е. В.</i> КРИМИНАЛЬНАЯ (ПРЕСТУПНАЯ) ИЕРАРХИЯ: ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ	505
<i>Рубан А. А.</i> БУЛЛИНГ КАК ФАКТОР ВИКТИМИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ	508
<i>Сертикова П. А.</i> АДДИКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК ФАКТОР ВИКТИМИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ.....	509
<i>Ситник Е. Ю.</i> РАЗГРАНИЧЕНИЕ ВЗЯТКИ И «ОБЫЧНОГО ПОДАРКА».....	511
<i>Байша А. А.</i> ЗАЩИТА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ КАК НОВОМ СУБЪЕКТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	513
<i>Баранов А. А.</i> К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ КАПИТАНА МОРСКОГО И РЕЧНОГО СУДНА КАК ОРГАНА ДОЗНАНИЯ	514
<i>Бобровницкая Э. Б.</i> К ВОПРОСУ О ПОРЯДКЕ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЁННОГО ДЕЙСТВИЯМИ ОРГАНА, ВЕДУЩЕГО УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС	516
<i>Горшкова К. Н.</i> РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА ДОСТУП К ПРАВОСУДИЮ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ	518
<i>Елян Н. Ж.</i> ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОКУРОРА ПО ВЗЫСКАНИЮ В ДОХОД ГОСУДАРСТВА ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ, В ОТНОШЕНИИ КОТОРЫХ НЕ ПРЕДСТАВЛЕНЫ СВЕДЕНИЯ, ПОДТВЕРЖДАЮЩИЕ ЗАКОННОСТЬ ИХ ПОЛУЧЕНИЯ.....	519
<i>Жилук К. М.</i> ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ КАК ФОРМА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ АДВОКАТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ	521
<i>Жойдь А. Д.</i> ОСМОТР В БЕЛАРУСИ И США	523
<i>Жученко А. А., Степанов Д. С.</i> К ВОПРОСУ ОБ ЭЛЕКТРОННОМ УГОЛОВНОМ ДЕЛЕ.....	525
<i>Минец А. Р.</i> СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИНСТИТУТА ОБЖАЛОВАНИЯ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ.....	526
<i>Пиришук А. И.</i> ПРАВО ОБВИНЯЕМОГО ПРЕДСТАВЛЯТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ	528
<i>Стальмаков Е. Н.</i> К АКТУАЛЬНОМУ ВОПРОСУ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	530
<i>Шурыгин А. А.</i> ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ТРАНСФОРМАЦИИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	532
КРИМИНАЛИСТИКА	534
<i>Байтрукевич Е. С., Марченкова Е. А.</i> ТАКТИКА ДОПРОСА В КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЯХ	534

<i>Белов Д. Н.</i> ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЭТАПА РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА В ОТНОШЕНИИ ЛИЧНОГО ИМУЩЕСТВА ГРАЖДАН	535
<i>Блошкина Е. А., Хазикова М. О.</i> КОМПЛЕКСНЫЙ ПОРТРЕТ СЕРИЙНОГО УБИЙЦЫ КАК ОБЪЕКТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	537
<i>Войницкий А. А.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ГРАФИЧЕСКИХ РЕДАКТОРОВ ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ СОДЕРЖАНИЯ УГАСШИХ ЗАПИСЕЙ В ДОКУМЕНТАХ	540
<i>Воробей А. В.</i> ОБНАРУЖЕНИЕ И ВЫЯВЛЕНИЕ СЛЕДОВ РУК: СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ДАЛЬНЕЙШИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ	541
<i>Гизовский Н. И.</i> СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПОРТРЕТНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ.....	543
<i>Замаро Н. С.</i> ОСМОТР, ОБЫСК ИЛИ СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ПРОБЛЕМА ВЫБОРА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИЙ.....	544
<i>Козелецкая Е. В.</i> СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ФОТОТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ.....	546
<i>Кривицкая А. А.</i> НОВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ЗАЩИТЫ ОТ ПОДДЕЛКИ БИОМЕТРИЧЕСКОГО ПАСПОРТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	548
<i>Крюковская А. А.</i> НАСТУПЛЕНИЕ СМЕРТИ ПРИ НЕОКАЗАНИИ ИЛИ НЕНАДЛЕЖАЩЕМ ОКАЗАНИИ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ	549
<i>Кузнецова Е. Н.</i> ЦИФРОВЫЕ СЛЕДЫ В КРИМИНАЛИСТИКЕ	551
<i>Ломако В. А.</i> ГРАФОЛОГИЯ:КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	552
<i>Лузгин И. И., Середа А. Е.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕЙРОННЫХ СЕТЕЙ В КРИМИНАЛИСТИКЕ.....	554
<i>Мешечко Л. А.</i> ЛИНИЯ ПОВЕДЕНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТАКТИКИ	556
<i>Миронюк Е. А.</i> ИНТЕРНЕТ КАК СРЕДСТВО ВЛИЯНИЯ НА ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИКОВ	557
<i>Орочко Е. Д.</i> БРЕНД-СКВОТТИНГ КАК НЕИЗУЧЕННОЕ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЕ	559
<i>Павловская Д. А.</i> НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ ПОРНОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ В ГЛОБАЛЬНОЙ КОМПЬЮТЕРНОЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ	561
<i>Пархомцева А. И.</i> АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОИЗВОДСТВА ДОПРОСА МАЛОЛЕТНИХ, ПОТЕРПЕВШИХ ОТ НАСИЛИЯ	562
<i>Пекарская К. Л.</i> ОСОБЕННОСТИ СОСТАВЛЕНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ВНЕШНОСТИ И ИСПОЛЬЗУЕМОЕ ПРОГРАММНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ	564
<i>Рыбак А. В.</i> ОБ ЭКСПЕРТНЫХ ОШИБКАХ В ОТДЕЛЬНЫХ ВИДАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭКСПЕРТА.....	566
<i>Сотникова Е. А.</i> МЕХАНИЗМ СЛЕДООБРАЗОВАНИЯ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ.....	567
<i>Стариков Е. В.</i> ЭТИКО-ПРАВОВОЙ ПОДХОД К СМЕРТНОЙ КАЗНИ	569

<i>Ходасевич А. В.</i> ВИРТУАЛЬНОЕ ИГРОВОЕ ИМУЩЕСТВО КАК ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПНОГО ПОСЯГАТЕЛЬНОСТИ ПО ДЕЛАМ О ХИЩЕНИЯХ ИМУЩЕСТВА ПУТЕМ МОДИФИКАЦИИ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ	571
<i>Хомутовская Е. Ю.</i> ИЗУЧЕНИЕ ЛИЧНОСТИ ОБВИНЯЕМОГО В ХОДЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ	573
<i>Храмцевич К. В.</i> АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОВЕДЕНИЯ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ	574
<i>Шнейдерова Д. И.</i> ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ УЧАСТИЯ СПЕЦИАЛИСТА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОСМОТРА ПО ДЕЛАМ О ХИЩЕНИЯХ В СФЕРЕ ОБОРОТА КРИПТОВАЛЮТ	575
ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО	578
<i>Бобровская А. Г.</i> КОНТРОЛЬ И НАДЗОР В СФЕРЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ.....	578
<i>Грицевич Н. С.</i> ЮРИДИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ТРЕБОВАНИЙ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ О ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	580
<i>Жогло П. А.</i> НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ЛЕСОВ.....	581
<i>Зайцева И. П.</i> УГЛЕРОДНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	583
<i>Зарецкер Д. Б.</i> ИНСТИТУТ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СТРАХОВАНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	584
<i>Михалкевич И. С.</i> К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ОБ ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ.....	586
<i>Москвина В. И.</i> ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ МОНИТОРИНГА ПОДЗЕМНЫХ ВОД В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ	588
<i>Оразалиев К. У.</i> ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ УПРАВЛЕНИЯ ВОДНЫМИ РЕСУРСАМИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН.....	589
<i>Пашикова А. В.</i> ЮРИДИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ ПРОИЗВОДСТВА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ОРГАНИЧЕСКОЙ ПРОДУКЦИИ И ЕГО ОСОБЕННОСТИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	591
<i>Примакова Н. А.</i> К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ ПОНЯТИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ВРЕДА	592
<i>Хотенко П. Г.</i> ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ЭКОЛОГИЧЕСКОМ АУДИТЕ	593
<i>Шалатон Е. В.</i> РЕФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА ОГРАНИЧЕННЫХ ВЕЩНЫХ ПРАВ НА ЗЕМЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ: VIAM SUPERVADET VADENS	595
<i>Шестовская С. А.</i> ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ В ОБЛАСТИ ОБРАЩЕНИЯ С ОТХОДАМИ АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ	597
ПОЛИТОЛОГИЯ	599
<i>Барсуков Р. А.</i> КИТАЙ КАК НОВЫЙ ЦЕНТР СИЛЫ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ СО СТРАНАМИ АФРИКИ	599
<i>Глушакова Е. А.</i> ПОЛИНАРРАТИВНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ КАК ДЕТЕРМИНАНТА МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТИ В ПОЛИТОЛОГИИ	600

<i>Ивашкина Д. А.</i> ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ.....	602
<i>Кебец В. В.</i> «БЕЛОВЕЖКАЯ СИСТЕМА»: ОСОБЕННОСТИ И МЕСТО В ИСТОРИИ ГЕОПОЛИТИКИ	603
<i>Клочкова А. С.</i> СПЕЦИФИКА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ.....	605
<i>Козловский В. А.</i> ИССЛЕДОВАНИЯ ПОДХОДОВ К ПОНЯТИЮ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА	606
<i>Краско С. Г.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ США СТРАТЕГИИ «SMART POWER» В ОТНОШЕНИИ СССР	608
<i>Марчик А. О.</i> ТЕЛЕСНОСТЬ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	610
<i>Маши́нская Я. Ю.</i> ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ КОМИССИИ И ЛОББИСТСКИХ ГРУПП.....	611
<i>Миканович В. А.</i> ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА КОРПОРАТИВИЗМА: ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	612
<i>Орленко С. С.</i> ТЕХНОЛОГИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ ЛЕВОРАДИКАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ.....	614
<i>Парфёнова В. О.</i> ПРИЁМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ В ХОДЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЙ	616
<i>Ружьин И. С.</i> СПОСОБЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ «ЦВЕТНЫМ РЕВОЛЮЦИЯМ» НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В 2020 г.....	617
<i>Сергеенко А. И.</i> КРИТЕРИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ	619
<i>Соколовский И. П.</i> РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ: ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ.....	621
<i>Фицнер В. Д.</i> МОЛОДЁЖНАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ.....	622
<i>Яворец Е. А.</i> КОНЦЕПТЫ ГЕОЮРИСПРУДЕНЦИИ И НОМОСА В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ КАРЛА ШМИТТА.....	624
ЮРИДИЧЕСКОЕ КЛИНИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.....	626
<i>Бирюкова В. А.</i> ЮРИДИЧЕСКАЯ КЛИНИКА КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА БЕСПЛАТНУЮ ЮРИДИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ	626
<i>Генюш В. В.</i> ОПЫТ СТУДЕНТОВ ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ИПС «ЭТАЛОН» ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИДИЧЕСКОЙ КЛИНИКИ ГРГУ ИМЕНИ ЯНКИ КУПАЛЫ.....	628
<i>Годун А. В., Дементей А. И.</i> CASE-STUDY КАК САМЫЙ ПРОГРЕССИВНЫЙ МЕТОД ОБУЧЕНИЯ ПРАКТИЧЕСКИМ НАВЫКАМ ЮРИСТА	630
<i>Даниленко Д. Д.</i> ОКАЗАНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ НАСЕЛЕНИЮ ЮРИДИЧЕСКИМИ КЛИНИКАМИ В РОССИИ (РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ)	631
<i>Ковалев Я. К.</i> ЮРИДИЧЕСКИЕ КЛИНИКИ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ.....	632
<i>Митькова Д. А.</i> ОБУЧЕНИЕ СТУДЕНТОВ-КОНСУЛЬТАНТОВ ЮРИДИЧЕСКОЙ КЛИНИКИ НАВЫКАМ ОБЩЕНИЯ С ГРАЖДАНАМИ.....	634
<i>Погорелова Ю. А.</i> ИНТЕГРАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ КЛИНИКИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС	636

<i>Соколовская Д. В.</i> ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ: МЕСТО ЮРИДИЧЕСКИХ КЛИНИК В РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА.....	637
<i>Стренькова Я. Л.</i> ЮРИДИЧЕСКИЕ КЛИНИКИ В СИСТЕМЕ ОКАЗАНИЯ БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ	639
<i>Филимонов Д. В.</i> МЕТОДОЛОГИЯ ПРОВЕДЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ КОНСУЛЬТАЦИИ НА ОСНОВЕ ОПЫТА, ПРИОБРЕТЕННОГО СТУДЕНТОМ-КЛИНИЦИСТОМ.....	641
<i>Шкут Ю. В.</i> ПРЕИМУЩЕСТВА И ОСОБЕННОСТИ КОМАНДНОЙ РАБОТЫ ПРИ ПОДГОТОВКЕ УСТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ КОНСУЛЬТАЦИИ.....	642